ЛЕТОПИСЬ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ.

CL

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

1764—1914

II

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ.

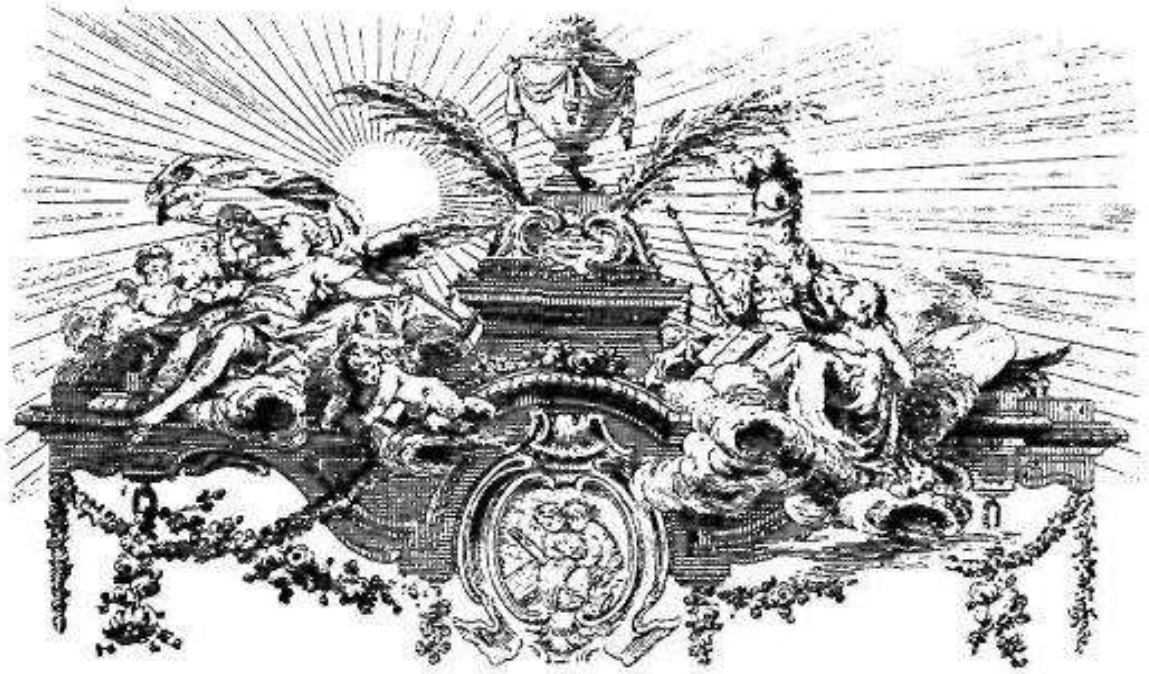
1764—1914.

Согласно постановленію Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, печатать разрѣшается.

Членъ Совѣта,
Почетный Опекунъ

ВРЕМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Императрица Александра Ѳеодоровна.



I.

Принятіе Императоромъ Николаемъ I подъ свое покровительство учрежденій Императрицы Маріи.—Новый порядокъ управленія.—Завѣщаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Императрица Александра Ѳеодоровна—Покровительница учрежденій Императрицы Маріи.—Участіе Императора въ управленіи Смольнымъ.—Учрежденіе Маріинскаго знака.

Черезъ два дня послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 26 октября 1828 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ Императора Николая I Правительствующему Сенату:

«Желая, чтобы всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ Ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми преимуществами и выгодами, дѣйствовать, какъ доселѣ, на пользу государства и человѣчества, Мы признали за благо, для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить слѣдующій порядокъ: 1) Императорскій Воспитательный Домъ, со всѣми принадлежащими къ оному заведеніями, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Училища Ордена св. Екатерины, Павлов-

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

ская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи Любезнѣйшей Родительницы Нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особое Наше покровительство. 2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учрежденій, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою остаются прежніе, безъ всякаго измѣненія. 3) Начальства каждаго изъ сихъ учрежденій представляютъ Намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ долженствовали бы поступить на разсмотрѣніе въ Бозѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей. 4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія Нашихъ по онымъ повелѣній назначается при Насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи. Мы предоставляемъ себѣ дать сему управленію окончательное образованіе, когда Намъ будетъ вполнѣ извѣстна воля въ Бозѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, изъявленная въ оставленномъ Ею духовномъ завѣщаніи» [1].

Въ тотъ же день статсъ-секретаремъ по дѣламъ управленія учрежденіями Императрицы Маріи былъ назначенъ таѣный Совѣтникъ Г. И. Вилламовъ [2].

4 декабря 1828 г. было вскрыто завѣщаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ своемъ завѣщаніи Императрица Марія Ѳеодоровна съ сердечной заботливостью не забыла ни одного заведенія, никого изъ лицъ, находившихся подъ ея вѣдѣніемъ, выражала имъ благодарность за труды, поручала ихъ вниманію и попеченію Своего Державнаго Сына. Императрица давала въ своемъ завѣщаніи точныя указанія относительно оставленныхъ ею капиталовъ и вещей.

«Je lègue à ma chère Communauté,—писала между прочимъ Императрица въ своемъ завѣщаніи,—ma plus belle image; le beau buste en marbre, que j'ai de feu notre cher Empereur Alexandre, qui se trouve dans mon cabinet; les livres qui se trouvent toujours dans les armoires de ma bibliothèque du Palais d'hiver, composés la plupart de dictionnaires; toute ma collection de musique; ma harpe; un clavecin de Pawlowsk, s'entend le

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 357. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 7 (оп. кн.), № 151, лл. 3—4. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 7 (оп. кн.), № 151, л. 2.

meilleur... mes soies, canevas et dessins de broderie sont à partager entre la Communauté, les deux Instituts de S-te Catherine et celui d'Alexandre...» [1].

Начальницѣ Воспитательнаго Общества Ю. Ф. Адлербергъ былъ завѣщанъ Императрицей браслетъ, стоимостью въ 10.000 рублей, съ портретомъ Ея Величества, Е. И. Нелидовой—два браслета: одинъ съ портретомъ, другой съ волосами Императрицы, Ф. И. Клингеру—табакерка съ портретомъ Ея Величества [2].

Императрица просила Императора Николая Павловича сохранить въ институтахъ пансіонерокъ ея имени, продолжать

Медаль въ память кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

выдачу пособій, назначенныхъ ею различнымъ лицамъ, не оставлять ея бѣдныхъ и т. д.

Къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ почившая Государыня обращалась съ особой просьбой—принять подъ свое покровительство Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и другіе институты [3].

Послѣдняя воля Императрицы Маріи Ѳеодоровны была исполнена Императоромъ Николаемъ I въ точности [4].

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 3, л. 3. Р. Ст. 1882 г., т. XXXIII, стр. 87—132; т. XXXIV, стр. 319—388. [2] Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. Оп. 4/838, д. 121, к. 1275, лл. 5—7. [3] Селезневъ, 24—30. [4] Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. Оп. 4/838, д. 121, к. 1275, лл. 5—7. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), №№ 35 и 39; Д. 1829 г., № 60; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 41; Д. 1834 г., № 41; Д. 1832 г., №№ 56 и 63; Д. 1833 г., №№ 37 и 58; Д. 1829 г., № 62; Д. 1828 г., № 7 (оп. кн.), № 164, л. 1. Селезневъ, 29—30. Согласно желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоромъ Николаемъ Павловичемъ были сожжены почти всѣ ея дневники и письма къ ней ея родителей. Пепелъ этихъ писемъ, по ея волѣ, былъ собранъ въ ящикъ и поставленъ подъ мраморную гробницу на ея могилѣ (Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. Оп. 4/838, д. 117, к. 1271, лл. 304—306, 308, 314).

6 декабря 1828 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, которымъ Императоръ Николай I, «согласно съ желаніемъ блаженныя памяти Любезнѣйшей Родительницы» своей, повелѣвалъ: Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ и прочимъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, «состоять впредь подъ покровительствомъ Императрицы Любезнѣйшей Нашей Супруги». Порядокъ управленія этими заведеніями былъ оставленъ тотъ же, какой былъ установленъ Высочайшимъ указомъ 26 октября 1828 года [1].

Императрица Александра Ѳеодоровна удостоила Смольный своимъ посѣщеніемъ первый разъ послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны 15 ноября 1828 г. О пріѣздѣ Ея Величества было заранѣе дано знать въ Смольный. Государыня «въ бѣломъ одѣяніи изволила пройти прямо въ церковь, гдѣ совершонъ былъ молебенъ», затѣмъ Императрица «изволила въ большую залу, гдѣ находились всѣ воспитанницы и всѣ служащіе, и тамъ Высочайше удостоила объявить о принятіи заведеній подъ свое Монаршее покровительство». Съ этого времени, въ Смольномъ стали «молитвенно» праздновать день 15 ноября [2].

Поэтъ Жуковскій стихами привѣтствовалъ принятіе Императрицей Александрой Ѳеодоровной женскихъ институтовъ подъ свое покровительство:

Блескомъ утра озаренный,
Сиѣтоносный, окрыленный,
Ангелъ встрѣтился со мной:
Взоръ его былъ трусно-ясенъ;
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И хорошо сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Сиѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ сиѣтелъ, какъ надежда;
Какъ покорность небу, тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ—

[1] Арх. Инп. Воск. Общ. Д. 1820 г., № 16, л. 4; Д. 1828 г., № 7 [оп. вн.], № 162.
[2] Арх. Инп. Воск. Общ. Д. 1860 г., № 80, лл. 21—22.

Какъ съ оригѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ нѣткой жира—онъ летѣлъ...
Съ чѣмъ летѣлъ? куда?.. я знаю!
Добрый путь! благословляю,
Божій ангелъ, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твое явленье
Будетъ тамъ, какъ провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ осѣтишь...
Съ ними былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землей навѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ;
Ты имъ дивъ за ихъ утрату;
Твой черед—благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть [1].

Императрица Александра Ѳеодоровна—до замужества принцесса Шарлотта—была дочерью Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. Дѣтство принцессы Шарлотты совпало съ чрезвычайно тяжелыми для Пруссіи годами—временемъ разгрома Пруссіи Наполеономъ. Королева Луиза должна была съ дѣтьми почти на два года покинуть Берлинъ и искать убѣжища въ Штеттинѣ, Кенигсбергѣ и, наконецъ, въ Мемелѣ. Королевской семьѣ пришлось испытать не только нравственныя страданія, но и матеріальныя затрудненія, временами терпѣть недостатокъ даже въ самомъ необходимомъ.

Тяжелые годы изгнанія не могли не оставить слѣда на впечатлительныхъ дѣтскихъ душахъ; однако, королева Луиза, женщина высоко-нравственная и религіозная, приложила всѣ старанія къ тому, чтобы лишенія и горести не ожесточили, не озлобили сердца ея дѣтей; наоборотъ, королева-мать развивала въ нихъ покорность Божественной волѣ, смиреніе, состраданіе къ ближнимъ, къ своему народу, на долю котораго выпало много невзгодъ.

[1] Жуковскій, соч., стр. 246—247.

Труды королевы Луизы не пропали даромъ. Старшая дочь королевы, принцесса Шарлотта, на всю жизнь сохранила въ своемъ сердцѣ чувство горячаго сострадания къ людямъ и живую, пламенную вѣру.

Первоначальное образованіе принцесса Шарлотта получила подъ руководствомъ своей матери; потомъ къ молодой принцессѣ были приглашены опытные преподаватели, сумѣвшіе развить въ ней любовь къ наукамъ, особенно исторіи и литературѣ, и изящнымъ искусствамъ [1].

Принцессѣ Шарлоттѣ было шестнадцать лѣтъ, когда, проѣздомъ черезъ Берлинъ, ее увидѣлъ Великій Князь Николай Павловичъ. Стройная, изящная, принцесса Шарлотта соединяла въ себѣ строгія правильныя черты лица отца съ очаровательной привлекательностью королевы Луизы. Кротость и доброта сочетались въ ней съ яснымъ умомъ и твердой волей, а нѣкоторая замкнутость и сдержанность придавали ея облику оттѣнокъ особеннаго достоинства и величавости.

Съ первой встрѣчи принцесса Шарлотта и молодой Великій Князь произвели другъ на друга сильное впечатлѣніе, возбудили взаимную симпатію, вскорѣ перешедшую въ болѣе серьезное чувство.

Бракъ Великаго Князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской былъ заключенъ при особо благопріятныхъ условіяхъ: онъ вполнѣ отвѣчалъ политическимъ намѣреніямъ Императора Александра I и короля Фридриха-Вильгельма III, возбуждалъ сердечное сочувствіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны и былъ освященъ искреннимъ глубокимъ чувствомъ обоихъ молодыхъ супруговъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Императрица Александра Ѳеодоровна признавалась впослѣдствіи, что ее страшило предстоявшее знакомство съ Императрицей-Матерью. Это чувство молодой принцессы разсѣялось, однако, при первой же встрѣчѣ съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной, отнесшейся къ невѣстѣ своего сына съ чисто материнской лаской и нѣжностью. Чув-

[1] Въ Библіотекѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны было цѣнное собраніе изданій по искусству. Библіотека эта нынѣ хранится въ Румянцевскомъ музеѣ. Императрица Александра Ѳеодоровна любила и понимала музыку (Яковлевъ, 123—125, 126—127. Божеряновъ, вып. I, стр. XV—XVII). Великой Княгиней Александра Ѳеодоровна продолжала заниматься самообразованіемъ (см., напр., Яковлевъ, 24—25, 37).

ство любви къ своей младшей невѣсткѣ настолько возросло со-временемъ у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, что свѣтлѣйшая княгиня Ш. К. Ливенъ была права, говоря, впослѣдствіи, Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «Sie sind das Herzblatt der Kaiserin Mutter» [1].

Будучи Великой Княгиней, а потомъ Императрицей, Александра Ѳеодоровна съ искреннимъ уваженіемъ и любовью относилась къ своей Августѣйшей Свекрови, выказывала нѣжную ласку и трогательную заботливость, за что Императрица Марія Ѳеодоровна выражала ей особую признательность и благодарность въ своемъ завѣщаніи [2].

Императрица Александра Ѳеодоровна.

Императрица Александра Ѳеодоровна съ особымъ уваженіемъ относилась къ просвѣтительно - благотворительной дѣятельности вдовствующей Императрицы. Еще будучи Великой Княгиней, Александра Ѳеодоровна посѣщала институты, интересовалась ими. Съ своей стороны Императрица-Мать, зная о предстоявшемъ высокомъ жребіи Великаго Князя Николая Павловича, знакомила Александру Ѳеодоровну со своими учрежденіями и нѣсколько подготовляла къ ея будущей дѣятельности [3].

Принявъ подъ свое покровительство женскіе институты, Императрица Александра Ѳеодоровна стремилась сохранить въ

[1] Шильдеръ, Имп. Николай I, т. I, стр. 88. [2] О сердечныхъ отношеніяхъ между Императрицами Маріей Ѳеодоровной и Александрой Ѳеодоровной свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ихъ переписка, хранящаяся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ. [3] Р. Арх. 1882 г., I, стр. 212.

ныхъ тотъ же порядокъ, который существовалъ при покойной Императрицѣ, подражала ей въ своей дѣятельности [1].

Съ Смольнымъ соединяю Императрицу Александру Ѳеодоровну съ первыхъ же дней ея управленія особое чувство, между прочимъ, и благодаря Ю. Ф. Адлербергъ.

Императрица относилась къ Ю. Ф. Адлербергъ съ благодарнымъ чувствомъ любви, какъ къ одной изъ воспитательницъ своего Августѣйшаго Супруга. Императрица называла ее «liebe Mama», выказывала знаки дочерней почтительности, цѣловала ей руку, подписывалась въ письмахъ: «ihre treue Alexandra», «lieben Sie immer ein wenig Ihre Alexandra», «bleiben Sie mir gut» и т. д. [2].

Императрица часто посѣщала Смольный; присутствовала на экзаменахъ и урокахъ, раздавала награды, внимательно прочитывала подробные доклады Ю. Ф. Адлербергъ, дѣлала свои указанія, интересовалась всѣмъ, что касалось воспитанницъ, требовала особенныхъ отчетовъ о больныхъ воспитанницахъ, сердечно огорчалась ихъ смертью или появленіемъ серьезной болѣзни въ Смольномъ, удостаивала воспитанницъ своими письмами, скучала по Смольному во время своихъ отъѣздовъ изъ Петербурга [3].

Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ начальницамъ Смольнаго о воспитанницахъ служатъ наглядными показателемъ сердечныхъ чувствъ Государыни къ дѣтямъ, ввѣреннымъ ея попеченію.

«Ich möchte so gerne noch heute Abend Nachrichten haben von der armen Operirten und wende mich daher an sie, liebe gute Mutter Adlerberg,—пишетъ Императрица Ю. Ф. Адлербергъ объ одной ихъ больныхъ.—Ich habe in der Seele Gott gedankt dass die Operation so glücklich vollzogen».—«Was macht heute Ihre Kranke, liebe Adlerberg,—спрашиваетъ Императрица на другой день о той же воспитанницѣ.—Hat sie gut geschlafen? Hat sie

[1] «Hier sind die Rapports zurück,—писала, напр., Императрица Александра Ѳеодоровна Ю. Ф. Адлербергъ въ 1828 г.—da Wilhamoff hat mir gesagt die Kaiserin Mutter hätte dies immer» (Муз. Имп. Восп. Общ.). [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ Ю. Ф. Адлербергъ 18 ноября 1830 г., 5 марта 1829 г. и мн. др. [3] Муз. Имп. Восп. Общ. Письма Имп. Александры Ѳеодоровны къ Ю. Ф. Адлербергъ 1825—1838 гг. Письма Имп. Александры Ѳеодоровны къ М. П. Леонтьевой (часть этихъ писемъ издана П. С. Карповымъ въ 1898 году). Бумаги Леонтьевой. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 136, л. 2; Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 90 а; Д. 1831 г., № 11 (оп. кн.); Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), ММ 119, 128; Д. 1829 г., № 63; Д. 1832 г., № 1 (оп. кн.), № 9; и др.

kein Fieber? Ich hoffe, dass sie ausgeruht haben nach der Angst von gestern».

«Hierbei eine Puppe für die arme kleine Dolgoroucky, die meine Kinder ihr schicken von ihren Eigenen,—пишетъ Императрица Ю. Ф. Адлербергъ въ другомъ письмѣ.—Auch das Bilderbuch ist für dieselbe Kranke...».

«Grüssen Sie alle Kinder gross und klein,—писала Императрица Ю. Ф. Адлербергъ изъ-за границы:—ich hoffe, sie werden meiner am I July gedenken».

Маріинскій знакъ за 25 лѣтъ службы.

«Der kleinen Brille aus der blauen Klasse können Sie mal einen Verweis geben in meinem Namen über ihre Art sich zu benehmen die bei ihrem Alter besonders unverzeihlich wird,—пишетъ Государыня Адлербергъ о провинившейся «голубой».—Denjenigen, die gut notirt sind, bitte ich Sie hingegen meine Zufriedenheit zu erkennen zu geben».

«Die kleine Grävenitz thut mir gar zu weh,—писала Императрица объ одной изъ больныхъ воспитанницъ;—es ist schrecklich zu denken, dass man dem armen Geschöpf eine schmerzliche Operation machen soll. Sagen Sie mir ja, liebe Mama Adlerberg, wann man diese Operation unternehmen soll; ich wünsche das arme Mädchen vorher zu besuchen».—«Hier schicke ich Ihnen für die arme Grävenitz ein Kettchen mit einer Art Image, welches ihr soll einigen Muth einflössen, weil sie darauf die Leiden unseres Herrn und Erlösers abgebildet sieht, und im Anrufe zu ihm wird sie die schwere Stunde überstehen! Gott stehe ihr bei»,—писала Императрица передъ самой операціей.

«Je vois avec plaisir qu'on a lieu d'être content des examens de notre classe blanche, et que Mr. Ouvaroff s'est occupé lui-même à interroger nos D-elles»,—писала Императрица начальницѣ Смольнаго М. П. Леонтьевой объ одномъ изъ экзаменовъ.

«Mes compliments à toutes les élèves grandes et petites que je prie de persévérer dans leur application et de se perfectionner moralement et religieusement,—писала Императрица въ письмѣ къ М. П. Леонтьевой. — Ce sera un moyen de contenter mon coeur, de le consoler—car il est bien triste encore» [1].

Семейныя заботы и слабость здоровья не позволяли Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ всецѣло посвятить себя просвѣтительно-благотворительной дѣятельности, что, однако, не мѣшало ей относиться къ вѣренцамъ ея заботамъ заведеніямъ съ нѣжной любовью и внимательностью.

Мраморный вензель за 15 лѣтъ службы.

Императрица Александра Ѳеодоровна глубоко уважала и всецѣло довѣряла Ю. Ф. Адлербергъ [2]; предоставила ей большую самостоятельность, дорожила ея мнѣніемъ, поручала ей даже иногда высшій надзоръ за Училищемъ Ордена Св. Екатерины.

Ю. Ф. Адлербергъ свято хранила завѣты и порядки покойной Императрицы, къ памяти которой относилась съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Она раздѣляла по отношенію къ молодой Государынѣ чувства и мысли своей Державной Покровительницы: полюбила ее со всей искренностью своей прямой души и добраго сердца и служила ей съ беззавѣтной преданностью.

Въ первые годы управленія Императрицы Александры Ѳеодоровны, при Ю. Ф. Адлербергъ, въ Смольномъ не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ.

Несмотря на то, что завѣдываніе Воспитательнымъ Обществомъ *благородныхъ дѣвицъ было возложено на Императрицу* Александру Ѳеодоровну, Императоръ Николай Павловичъ припи-

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Письма Имп. Александры Ѳеодоровны къ начальницамъ Смольнаго за разные годы. [2] На отношеніи Императрицы Александры Ѳеодоровны къ Адлербергъ, какъ къ начальницѣ Смольнаго, несомнѣнно отразилось, между прочимъ, и хорошее мнѣніе о ней Императрицы-Матери, высказанное ею въ завѣщаніи.

малъ очень большое участіе въ управленіи Смольнымъ, часто посѣщалъ его, давалъ указанія по разнымъ вопросамъ, особенно хозяйственнаго характера, имѣлъ непосредственное высшее наблюденіе за финансовой частью и другими частями управленія; лично принималъ доклады по Воспитательному Обществу, требовалъ немедленныхъ донесеній обо всемъ чрезвычайномъ, случавшемся въ Смольномъ [1]. Доклады по учебной части, пріему и выпуску воспитанницъ, награжденіямъ ихъ и классныхъ дамъ вензелями, медалями и денежными суммами, начиная съ сентября 1829 г., представлялись, по повелѣнію Государя, непосредственно Императрицѣ [2].

Въ своей дѣятельности по отношенію къ учрежденіямъ Императрицы Маріи, Императоръ Николай I желалъ сохранить характеръ и порядокъ управленія ими, какой существовалъ при покойной Императрицѣ. На докладахъ Вилламова Императоръ дѣлалъ резолюціи: «Оставить, какъ назначено было Матушкой», «Если бывало прежде», и т. п. [3]. Свои распоряженія по учрежденіямъ Императрицы Маріи Императоръ обычно дѣлалъ послѣ предварительнаго согласія Императрицы Александры Ѳеодоровны [4].

Непосредственное участіе Императора Николая I въ управленіи институтами въ значительной степени объясняется чувствомъ глубокаго уваженія его къ памяти покойной Императрицы. Побуждаемый тѣмъ же чувствомъ и желаніемъ сохранить въ памяти послѣдующихъ поколѣній имя своей Августѣйшей Матери, Императоръ Николай I, 14 декабря 1828 года, утвердилъ особый знакъ отличія — Маріинскій знакъ для лицъ женскаго пола. Въ Высочайшемъ указѣ объ учрежденіи этого знака, между прочимъ, говорилось:

... «Мы всегда обращали вниманіе Наше и на скромные, но столь важные въ порядкѣ общественномъ подвиги христіан-

[1] См., напр., Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.); Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.); Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 54; Д. 1848 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1832 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1851 г., № 73; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 9; и мн. др. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1829 г., № 62; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 79. [3] Арх. Гос. Сов. Матер. для ист. царств. Имп. Николая I. [4] На заглавномъ листѣ доклада 29 іюня 1846 г. Императоръ Николай I написалъ: «Ошибкою моею, не испрошено предварительно согласіе жены на послѣдовавшее назначеніе Г. М. Зимовьева членомъ Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній; винюсь въ томъ, прошу довести Императрицѣ, что я совершенно забылъ о томъ...» (Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I).

ской любви къ бѣднымъ и страждущимъ. Въ числѣ тѣхъ, кои, одушевляясь сею любовію, посвящаютъ всѣ свои силы, способности и все время жизни облегченію участи злополучныхъ или нравственному образованію сиротствующаго юношества, лица женскаго пола донынѣ, на семъ многотрудномъ поприщѣ, не были одобряемы никакимъ торжественнымъ изъявленіемъ общаго уваженія. Довольствуясь вѣрнѣйшею изъ наградъ, благословеніемъ Неба и свидѣтельствомъ совѣсти, онѣ безъ сомнѣнія не ищутъ оныхъ; но Мы желаемъ, для Себя и Отечества, ознаменовать особеннымъ установленіемъ признательность Нашу къ ихъ полезной дѣятельности, желаемъ въ то же время и для вящшаго доказательства сей признательности, чтобы знаки оной соединялись съ священною памятью въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, Коей дѣла и учрежденія пребудутъ навѣки совершеннѣйшимъ образцемъ мудрой благотворительности» [1].

Въ ноябрѣ 1836 г. Императоръ Николай I, по желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны, отмѣнилъ установленное при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [2] пожалованіе лицамъ воспитательскаго персонала оранжеваго банта съ надписью «за труды», а денежную выдачу, которой сопровождалось пожалованіе этого банта, пріурочилъ къ пожалованію Маріинскаго знака [3].

[1] Арх. Ак. Худ. Дѣла презид. 1829 г., № 13. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 55; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), №№ 18, 28. Селезневъ, 31. [2] См. т. I, стр. 590. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 361.

II.

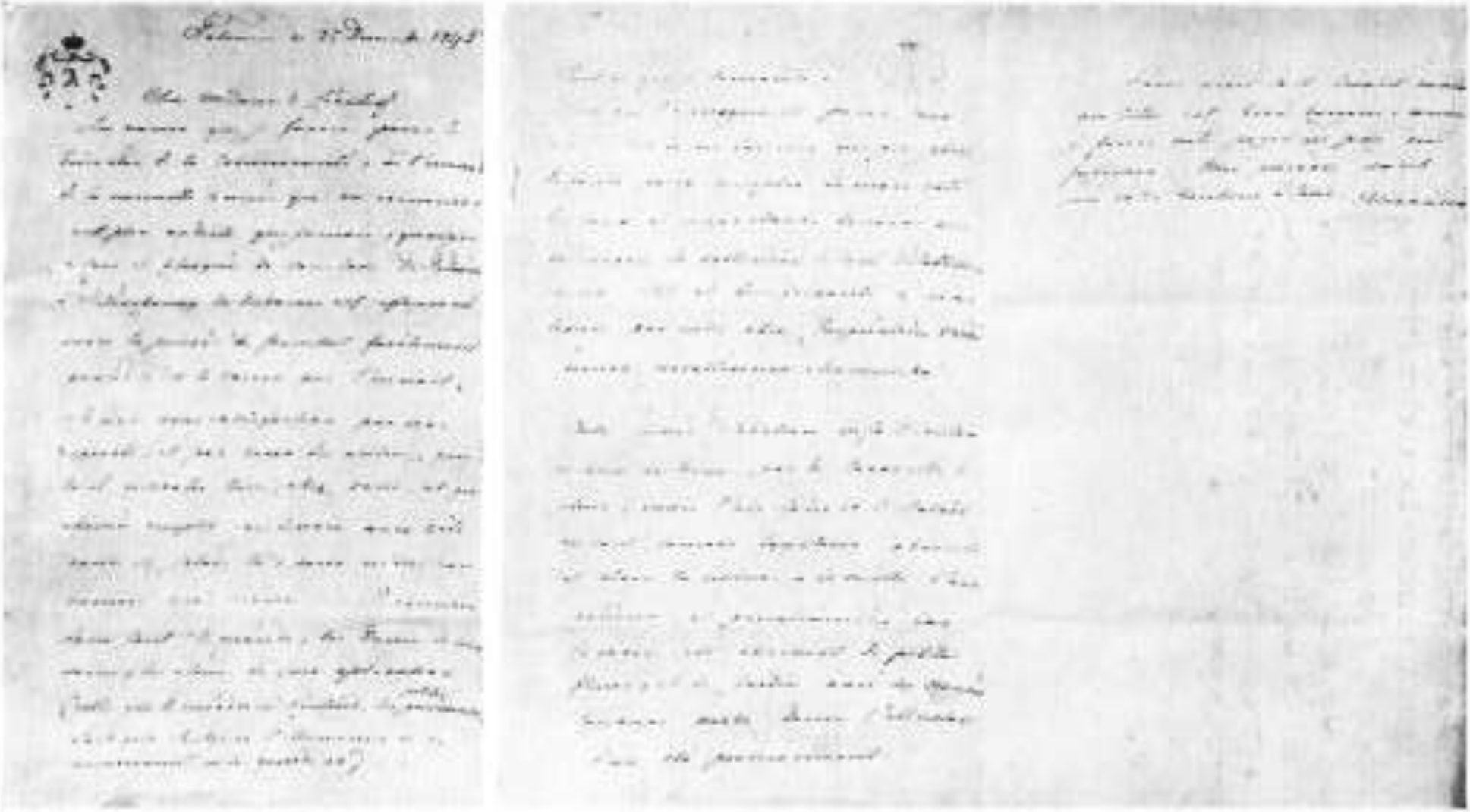
Сотрудники Императрицы Александры Ѳеодоровны. — Цесаревна Мария Александровна.—Ю. Ф. Адлерберг.—М. П. Леонтьева. — Члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Во все время своего управленія, Императрица Александра Ѳеодоровна не оставляла Смольный своимъ милостивымъ вниманіемъ, съ сердечной добротой относилась къ смолянкамъ. Въ первые годы Императрица часто бывала въ Смольномъ, но уже съ 1833 г. слабое здоровье Императрицы стало требовать серьезнаго ухода и заботъ; временами Императрицѣ приходилось даже предпринимать далекія путешествія за границу, въ болѣе благодатный климатъ, проходить курсъ леченія на водахъ.

Но и въ чужихъ далекихъ краяхъ Императрица не забывала Смольный; больная, слабая, она постоянно писала письма начальницамъ Воспитательнаго Общества, внимательно прочитывала доклады и отчеты по Смольному [1].

«Les voeux que je forme pour le bien être de la Communauté à l'occasion de la nouvelle année, qui va commencer,—писала Императрица начальницѣ Смольнаго изъ Палермо,—sont plus ardents, que jamais, quoique je sois si éloignée de vous tous. De Palerme à Petersbourg la distance est effrayante, mais la pensée la franchit facilement, quand c'est le coeur qui l'envoit.

[1] Во время пребыванія Императрицы за границей ей каждыя двѣ недѣли посылались начальницей Смольнаго подробные доклады (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1846 г., № 67).



Письмо Императрицы Александры Ѳеодоровны къ М. П. Леонтьевой.

Je vois avec satisfaction par vos rapports et par ceux des autres, que tout marche bien chez vous et que chacun remplit son devoir avec zèle comme si j'étais là, pour m'en convaincre moi-même. Je remercie donc tout le monde, les Dames de leurs soins, les élèves de leur application (celles qui le méritent s'entend, les petites paresseuses n'ont qu'à s'en tenir à elles si ce remerciment ne les regarde pas).

Tout ce que je demande à Dieu en l'invoquant pour ma santé c'est de me donner un peu plus de forces pour remplir de mon coté les doux et importants devoirs, que m'impose la protection de tant d'établissements utils et bienfaisants à moi légués par notre chère Impératrice Mère, наша незабвенная Матушка.

Notre hiver sicilien se fait sentir de temps en temps par de torrents de pluie, mais l'air doux et le soleil ne sont jamais longtems absents et alors la nature a de suite l'air radieux et printanier, car le gazon est couvert de petites fleurs, et le jardin avec ces orangers toujours verts donne l'illusion d'un été permanent. Pour une soit-disant malade ma lettre est bien longue, aussi je finis vite pour ne pas me fatiguer. Mes prières sont pour Votre bonheur à tous» [1].

Непрестанно заботясь о благѣ состоявшихъ подъ ея покровительствомъ заведеній, Императрица Александра Ѳеодоровна привлекла къ себѣ въ сотрудницы Цесаревну Марію Александровну. Государыня поручала ей посѣщать Смольный и другіе институты, когда по нездоровью не могла лично бывать тамъ. На время своего отсутствія изъ Петербурга Императрица передавала Цесаревнѣ попечительство и наблюденіе надъ Смольнымъ и другими институтами [2].

Съ 1850 г. Цесаревна, по желанію Императрицы, стала принимать постоянное участіе въ управленіи и наблюденіи за институтами.

Въ рескриптѣ на имя Цесаревны Императрица писала:

«При постоянномъ попеченіи о благоустройствѣ находящихся подъ Моимъ покровительствомъ женскихъ учебныхъ заведеній, столь близкихъ Моему сердцу, не имѣя возможности, по состоянію Моего здоровья, лично посѣщать ихъ такъ часто, какъ бы того желала, я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество принять на себя наблюде-

[1] Муз. Имп. Воспит. Общ. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 60, л. 11.

ніе, какъ за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ, такъ и за успѣхами умственнаго образованія дѣвицъ въ Воспитательномъ Обществѣ» [1]. Далѣе въ рескриптѣ перечислялись всѣ институты Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, которые поручались наблюденію Цесаревны.

ЦЕСАРЕВНА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Постепенно участіе Цесаревны въ дѣлахъ управленія институтами возрастало [2]. Хотя Императрица оставила за собой «высшее управленіе», однако фактически, въ послѣдніе годы главноначальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны, управленіе женскими институтами перешло къ Цесаревнѣ, впослѣдствіи Императрицѣ, Маріи Александровнѣ [3].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1850 г., № 56, № 2; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 40; Д. 1845 г., № 89, л. 11. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 16; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 256; Д. 1852 г., № 75. [3] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), л. 62.

Первые годы главноначальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны начальницей Смольнаго продолжала быть Ю. Ф. Адлербергъ. Однако, тридцатилѣтніе труды и заботы, въ качествѣ начальницы Смольнаго, постепенно давали себя знать, годы брали свое. Силы Ю. Ф. Адлербергъ уже были не тѣ, ее утомляли длинные переходы по огромному зданію, она не успѣвала бывать всюду, видѣть все, руководить всѣми.

М. П. ЛЕОНТЬЕВА.

Поэтому, а также желая приготовить себѣ преемницу, Ю. Ф. Адлербергъ обратилась къ Императрицѣ съ просьбой назначить ей помощницу.

Выборъ Императрицы палъ на бывшую смолянку, съ шифромъ окончившую Воспитательное Общество при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ 1809 г.,—Марію Павловну Леонтьеву, рожденную Шипову. Она была лично извѣстна Императору и Императрицѣ, какъ бывшая фрейлина Великой Княгини Екатерины Павловны, принцессы Ольденбургской, а позже какъ гофмейстерина Великой Княжны Маріи Николаевны. М. П. Леонтьева пользовалась расположеніемъ и довѣріемъ Ихъ Величествъ и другихъ Членовъ Царской Семьи [1], равно какъ и покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, записавшей въ своемъ дневникѣ 11 сентября 1827 г.: «J'ai reçu aujourd'hui une bien bonne élève de l'Institut, devenue veuve, Madame de Léontief, née Chipof, qui a été D-elle d'honneur de fen Catherine, c'est une femme bien estimable...» [2]. Въ іюлѣ того же года Императрица Марія

[1] Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма къ М. П. Леонтьевой Екатерины Павловны, королевы Виртембергской, Вел. Кн. Маріи Николаевны и черновики писемъ М. П. Леонтьевой къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Письма эти хранятся у М. В. Калишевичевой. [2] Собств. Е. И. В. Библ. № 633, инв. I, п. 4, к. 13. „Дневн. Имп. Маріи Ѳеодоровны за 1827 г.

Ѳеодоровна писала М. П. Леонтьевой по поводу смерти ея мужа:

«Madame de Léontieff. J'ai eu le plaisir de recevoir Votre lettre et je suis bien touchée des sentiments, que Vous m'y exprimez et dans lesquels je reconnais le coeur d'une ancienne Elève. L'interet, que j'ai pris à Votre perte etait une suite de celui, que je n'ai cessé de Vous porter et que Vous avez si bien su mériter. Je fais des voeux, pour que le Ciel vous accorde des meilleures consolations et je serai charmeé de Vous répéter de vive voix l'expression des sentiments de bienveillance avec lesquels je suis

Votre affectionneé Marie» [1].

Ю. Ф. Адлербергъ тоже хорошо знала свою бывшую питомицу и могла лишь радоваться выбору Императрицы. Еще будучи воспитанницей Смольнаго, М. П. Леонтьева (Шишова) отличалась большими нравственными и умственными достоинствами. Представляя въ 1809 г. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ свои «Observations sur les caractères des demoiselles nobles de la XII sortie l'an 1809», Ю. Ф. Адлербергъ писала:

«Mademoiselle Chipof. Je ne puis parler qu'avec éloge et de son coeur et de son esprit. Sensibilité, humanité, reconnaissance sont la base de l'un, intelligence, sagacité distinguent l'autre. Une facilité étonnante pour concevoir tout ce qu'on lui enseignait, accompagnée d'une mémoire très heureuse, font qu'elle est des plus instruites. Elle consacrait ses moments de loisir à la lecture des bons auteurs, dont elle a tiré beaucoup de fruits. Enfin son grand attachement pour ses supérieures, ses manières honnetes envers tout le monde, l'amitié qu'elle a pour ses compagnes la déférence de tout ceux qui la connaissent. En un mot, c'est une des plus accomplies; elle a appris la musique avec succès et dessine très bien» [2].

Этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ какъ о счастливыхъ дарованіяхъ и привлекательномъ нравственномъ обликѣ М. П. Леонтьевой, такъ и о проницательной наблюдательности и педагогическихъ способностяхъ Ю. Ф. Адлербергъ, сумѣвшей съ исчерпывающей полнотой и точностью охарактеризовать свою семнадцатилѣтнюю питомицу.

[1] Это письмо хранится у М. В. Калашниковой. [2] Мордвинова, 48—49.

М. П. Леонтьева происходила изъ рода костромскихъ дворянъ Шиловыхъ; отецъ ея былъ предводителемъ дворянства Солигалическаго уѣзда; мать, женщина умная, прекрасно образованная и религіозная, развивала и въ своихъ дѣтяхъ съ раннихъ лѣтъ искреннее религіозное чувство и дала имъ очень хорошее первоначальное образованіе. Еще до поступленія въ Смольный ея семилѣтняя дочь свободно владѣла русскимъ и французскимъ языками, обладала нѣкоторыми знаніями по научнымъ предметамъ, занималась музыкой и рисованіемъ [1].

Девять лѣтъ, проведенныя дѣвочкой въ Воспитательномъ Обществѣ, оставили глубокій слѣдъ на ея умственномъ и нравственномъ развитіи. М. П. Леонтьева впитала въ себя настроенія и взгляды, которые царили въ Смольномъ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, благоговѣла передъ ней, видя въ Государынѣ живой примѣръ того, чему учили смолянокъ: любовь къ ближнимъ и заботливость о нихъ, любовь къ труду и порядку, добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, любовь къ наукамъ и искусствамъ, твердость и непоколебимость въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, постоянную и непрестанную дѣятельность на пользу другихъ.

Этими чертами отличалась и вся послѣдующая дѣятельность М. П. Леонтьевой [2].

22 апрѣля 1838 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ Императрицы Александры Ѳеодоровны Совѣту Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ:

«Удовлетворяя изъявленному мнѣ начальницей Общества благородныхъ дѣвицъ желанію, опредѣляю къ ней помощницей генералъ-маіоршу Леонтьеву, съ жалованьемъ по 2.000 рублей въ годъ изъ кассетной суммы, столомъ, квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ» [3].

Одновременно Императрицей была дана подробная инструкція вновь назначенной помощницѣ начальницы [4].

Должность помощницы начальницы Смольнаго М. П. Леонтьевой пришлось исполнять немного болѣе года: въ концѣ сентября 1839 г. умерла Ю. Ф. Адлербергъ. Смерть престарѣлой начальницы Воспитательнаго Общества причинила Смольному глубокое горе, раздѣленное Царской Семьей. Императрица Але-

[1] М. В. Калашникова. Рец. [2] Ср. М. В. Калашникова. Рец. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 9 (оп. зак.), №№ 24 и 28. Муз. Имп. Восп. Общ.

ксандра Ѳеодоровна, въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Совѣту Общества, по случаю смерти Ю. Ф. Адлербергъ, между прочимъ, писала: «Принимая искреннее участіе въ скорби Общества благородныхъ дѣвицъ о кончинѣ достойнѣйшей Начальницы онаго, статсъ-дамы Адлербергъ, я съ признательностью вспоминаю заслуги покойной, которая въ продолженіи болѣе тридцати семи лѣтъ, оправдая выборъ въ Богѣ почивающей Августѣйшей Преобразовательницы Общества, посвящала всѣ заботы и помышленія благу ввѣреннаго ей юношества и воздвигла себѣ памятникъ въ сердцахъ тысячей питомицъ, образованныхъ подъ ея надзоромъ и руководствомъ». Въ томъ же рескриптѣ Ея Величество предписывала, «въ изъявленіе печали о такой чувствительной потерѣ», воспитанницамъ, наставницамъ и прочимъ служащимъ при Обществѣ носить трауръ въ теченіе трехъ дней со дня погребенія, «которое устроить съ надлежащимъ приличіемъ на щетъ суммъ Общества» [1].

М. П. Девитьева.

Во исполненіе воли Ихъ Величествъ, погребеніе Ю. Ф. Адлербергъ было обставлено большой пышностью и торжественностью. Отпѣваніе тѣла состоялось въ большомъ залѣ Общества, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, дипломатическаго корпуса, знатныхъ лицъ, воспитанницъ и служащихъ въ Смольномъ, очень большого числа бывшихъ воспитанницъ Смольнаго.

[1] Арх. Инст. Благ. Общ. Д. 1802 г., № 1, л. 2.

Для несенія орденскихъ знаковъ покойной и исполненія обязанностей по церемоніальной части, по ходатайству Совѣта Общества, были командированы «прилично сану усопшей» придворные чиновники; была командирована и придворная прислуга [1]. Императоръ Николай Павловичъ «проводилъ тѣло до перваго переулка по улицѣ, ведущей къ Таврическому саду» [2].

Непосредственно послѣ смерти Ю. Ф. Адлербергъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 21 сентября 1839 г. М. П. Леонтьева была назначена начальницей Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, «съ жалованіемъ по 6.000 рублей, какое получала ея предмѣстница, и прочими выгодами, съ симъ мѣстомъ сопряженными» [3].

Условія и задачи дѣятельности М. П. Леонтьевой, въ качествѣ начальницы Смольнаго, во многомъ отличались отъ дѣятельности ея предшественницы.

Когда М. П. Леонтьева, послѣ назначенія начальницей Смольнаго, пріѣхала благодарить Императрицу за оказанное милостивое довѣріе, во время Высочайшей аудіенціи вошелъ Императоръ Николай Павловичъ, поздравилъ М. П. Леонтьеву и сказалъ:

«Je ne désire qu'une chose: c'est que vous n'entrepreniez aucun changement à la Communauté. Vous ne sauriez faire mieux que ma Mère; il faut que tout reste comme cela a été de son temps» [4].

Желаніе Государя вполнѣ совпадало съ намѣреніями и настроеніемъ М. П. Леонтьевой. Однако, осуществить ихъ въ полной степени было очень трудно. Императрица Марія Ѳеодоровна, входя во всѣ мелочи жизни Смольнаго, тотчасъ отзывалась на всѣ вновь возникавшіе вопросы, разрѣшала недоумѣнія, немедленно производила измѣненія и реформы во всѣхъ областяхъ, если въ томъ являлась необходимость. Начальницѣ оставалось лишь добросовѣстно докладывать обо всемъ Императрицѣ и въ точности исполнять ея указанія.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1802 г., № 1, лл.: 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13 и т. д. Арх. Гос. Совѣта. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. [2] Никитенко, I, 299. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 11 (оп. кн.), № 91. Муз. Имп. Восп. Общ. Съ 1837 г. Ю. Ф. Адлербергъ получалъ штатнаго жалованья по 4.000 р. въ годъ и 2.000 р. въ годъ прибавочныхъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 58). [4] Статсъ-дама Леонтьева, стр. 25; ср. М. В. Калашниковъ. Рук.

При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, начальница Воспитательнаго Общества получила бо́льшую самостоятельность. Жизнь шла впередъ, назрѣвали новые существенные вопросы, требовавшіе иногда немедленнаго разрѣшенія. Между тѣмъ, начальница уже не могла во всѣхъ случаяхъ непосредственно обращаться къ Императрицѣ и съ спокойнымъ чувствомъ лишь исполнять ея волю.

М. П. *Леонтьевой приходилось постоянно сталкиваться* съ значительными затрудненіями. Зная желаніе Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны сохранить въ Смольномъ все, какъ было при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, М. П. Леонтьева даже малѣйшія нововведенія допускала съ чрезвычайной осторожностью, была вѣрной хранительницей традицій Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она старалась возможно чаще имѣть личные доклады у Императрицы Александры Ѳеодоровны, непосредственно узнавать ея волю и волю Государя. М. П. Леонтьева посылала Императрицѣ еженедѣльные письменные доклады о всѣхъ сторонахъ жизни ввѣреннаго ей заведенія, настолько подробные, что по этимъ докладамъ можно полно и всесторонне представить себѣ картину жизни въ то время Смольнаго [1].

М. П. Леонтьева являлась воплощеніемъ идеальной начальницы, какая была обрисована въ «инструкціи» Императрицы Маріи Ѳеодоровны: «Madame la supérieure a la surveillance générale de l'éducation et de l'entretien des demoiselles, ainsi que du bon ordre et de la propreté de l'intérieur de la Maison... Son activité doit être si grande, qu'on s'attende sans cesse à la voir partout... *Elle doit, pour ainsi dire, devenir la* mère de chacune... Il faut que chaque être de la Maison voie et soit persuadé que la supérieure n'est occupée que de ses devoirs, et qu'en se trouvant à cette place distinguée, elle a fait voeu de consacrer l'employ de toutes ses facultés morales et physiques au bonheur de chaque individu qui s'y trouve» [2].

Сердечная доброта, выдающаяся энергія, трудоспособность и большой административный талантъ помогали М. П. Леонтьевой выполнять трудныя и сложныя обязанности начальницы Смольнаго.

[1] См. черновые доклады М. П. Леонтьевой Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72; Д. 1845 г. № 81; Д. 1846 г. № 67; Д. 1847 г., № 62, и т. д. [2] Лядэ, 89, 91, 95.

Она вставала между 6 и 7 часами, обходила всѣ дортуары, бывала въ столовой, еще до начала уроковъ принимала доклады служащихъ, просматривала списки больныхъ воспитанницъ, отчеты классныхъ дамъ о поведеніи воспитанницъ, призывала провинившихся и дѣлала свои замѣчанія. Каждый день М. П. Леонтьева успѣвала побывать въ классахъ, спальняхъ, лазаретахъ, всюду требуя и поддерживая образцовый порядокъ и чистоту. Она была настолько поглощена заботами о Смольномъ, что даже, уѣзжая лѣтомъ въ двухнедѣльный отпускъ въ свое имѣніе, часто возвращалась раньше срока. Она искренно любила Смольный, его традиціи, чтила память лицъ, служившихъ въ немъ. Ею, между прочимъ, были собраны портреты бывшихъ до нея начальницъ [1].

Насколько Государыня и Императоръ цѣнили дѣятельность М. П. Леонтьевой, можно судить по тѣмъ знакамъ милостиваго вниманія и наградамъ, которыхъ они неоднократно удостаивали ее и ея семью [2]. Императрица считала М. П. Леонтьеву близкимъ человѣкомъ Царской Семьѣ, неоднократно выражала желаніе, чтобы М. П. Леонтьева присутствовала на торжествахъ и семейныхъ празднествахъ во дворцѣ [3]; М. П. Леонтьева вела переписку со многими членами Царской Семьи [4].

Довѣріе Императрицы къ М. П. Леонтьевой выражалось, между прочимъ, въ томъ, что Государыня поручала ей, во время ея поѣздокъ по личнымъ дѣламъ, обозрѣвать институты въ Москвѣ и другихъ городахъ [5].

Высшимъ мѣстнымъ органомъ управленія Воспитательнымъ Обществомъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ попрежнему былъ Совѣтъ.

Первое время послѣ смерти Императрицы Маріи Ѳеодоровны число членовъ Совѣта Воспитательнаго Общества оставалось то же—12, кромѣ начальницы. За время управленія Императрицы Александры Ѳеодоровны разновременно членами Совѣта Воспитательнаго Общества были: Принцъ Петръ Геор-

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 27; Д. 1857 г., № 74. Карабановъ. Р. Ст. 1871 г., т. III. 460. См. также черновики писемъ М. П. Леонтьевой къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, хранящіеся у М. В. Калашниковой. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 53. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [4] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. См. также бумаги М. П. Леонтьевой, хранящіяся у М. В. Калашниковой. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 74, лл. 2, 4.

гіевичъ Ольденбургскій, министры народнаго просвѣщенія: гр. Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, кн. Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ; статсъ-секретарь Андрей Логгиновичъ Гофманъ, директоръ Императорскаго Александровскаго Лицея ген.-лейт. Дмитрій Богдановичъ Бро-

Бюстъ Императора Александра I, пожалованный Воспитательному Обществу по завѣщанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

невскій, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Александръ Михайловичъ Борхъ, оберъ-камергеръ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, сенаторъ Николай Петровичъ Новосильцовъ, дѣйств. тайн. совѣтн. Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, дѣйств. тайн. совѣтн. Александръ Степановичъ Лавинскій, тайн. совѣтн. Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, ген.-лейт. баронъ Борисъ Андреевичъ Фредериксъ, тайн. совѣтн., впослѣдствіи графъ Иванъ Давыдо-

ичъ Деляновъ, тайн. совѣтн. Николай Александровичъ Мухановъ [1].

Попрежнему членами Совѣта Воспитательнаго Общества преимущественно назначались важные государственные сановники, видные дѣятели. Обремененные другими дѣлами, они не могли удѣлять много времени и труда Воспитательному Обществу. Большинство изъ нихъ не имѣло возможности непосредственно входить во всѣ подробности жизни Смольнаго и по необходимости ограничивалось лишь участіемъ въ засѣданіяхъ Совѣта. Вся тяжесть управленія Смольнымъ падала на начальницу и на тѣхъ двухъ членовъ Совѣта, которые завѣдывали учебной и хозяйственной частями. Во время отпусковъ членовъ Совѣта назначались временные имъ замѣстители.

Въ разные годы число членовъ Совѣта Воспитательнаго Общества было различнымъ. Въ 1845 г. повелѣніемъ Императрицы Александры Ѳеодоровны было опредѣлено, чтобы Совѣтъ Воспитательнаго Общества впредь всегда состоялъ только изъ трехъ членовъ: начальницы, члена Совѣта по учебной части и члена Совѣта по хозяйственной части [2].

Дѣятельность Совѣта Воспитательнаго Общества при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на первыхъ порахъ значительно расширилась [3].

Уже въ 1828 г. Императоръ Николай I предоставилъ Совѣту право, не испрашивая Высочайшаго соизволенія, опредѣлять и увольнять служащихъ Смольнаго, за исключеніемъ высшаго служебнаго персонала [4]. Одновременно Совѣтъ Воспитательнаго Общества получилъ право утверждать цѣны, опредѣленныя на торгахъ, на поставку разныхъ припасовъ, утверждать условія отдачи въ аренду оброчныхъ статей, назначать «по существующему узаконенію» постепенныя пятилѣтнія прибавки къ жалованью инспектрисамъ, классныхъ дамамъ и другимъ служащимъ, опредѣлять оклады жалованья учителямъ, въ зависимости отъ числа

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 91; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 22; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 110; Д. 1832 г., № 1 (оп. кн.), № 1; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), №№ 9, 55 и 68; Д. 1839 г., № 45; Д. 1842 г., № 76; Д. 1852 г., № 3 (оп. кн.), №№ 111 и 220; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 56; Д. 1853 г., № 3 (оп. кн.), № 175; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 87; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 28. Сухомлиновъ. Ист. Россійск. Акад., т. VII, стр. 556. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 3. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маген. Учр., XIII, 187—195. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 7 (оп. кн.), № 192, лл. 1—2.

уроковъ, и выдавать имъ и классныя дамскія денежныя награжденія послѣ выпусковъ [1].

Въ слѣдующемъ году Императоръ Николай I предоставилъ Совѣту право рѣшать дѣла объ увольненіи, по прошеніямъ, воспитанницъ до выпуска и лишь потомъ о постановленіяхъ Совѣта доводить до свѣдѣнія Его Величества [2].

Дѣятельность Совѣта Воспитательнаго Общества расширилась также потому, что Императрица Марія Ѳеодоровна по духовному завѣщанію пожаловала капиталъ въ 129.388 р. 66 к. ассигн. на содержаніе въ различныхъ заведеніяхъ пансіонеровъ и пансіонерокъ ея имени, при чемъ какъ выборъ заведеній и опредѣленіе числа пансіонерокъ въ каждомъ изъ нихъ, такъ и самое зачисленіе на эти стипендіи было предоставлено покойной Императрицей «въ знакъ особой Высочайшей довѣренности» Совѣту Воспитательнаго Общества [3].

Непосредственное отношеніе къ Воспитательному Обществу имѣлъ по своей должности бывшій секретарь Императрицы Маріи Ѳеодоровны Г. П. Вилламовъ.

По повелѣнію Императора Николая Павловича, Г. П. Вилламовъ, назначенный 26 октября 1828 г. статсъ-секретаремъ по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи, составилъ особую канцелярію, получившую названіе IV Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ составъ ея вошла канцелярія покойной Императрицы. Въ IV Отдѣленіе поступали всѣ бумаги отъ мѣстныхъ Совѣтовъ и начальствъ для доклада Ихъ Величествамъ; дѣла эти въ IV Отдѣленіи не обсуждались и не рѣшались, а лишь докладывались чрезъ статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи Государю или Государынѣ. Точно также чрезъ IV Отдѣленіе объявлялись мѣстнымъ Совѣтамъ и начальствамъ повелѣнія Ихъ Величествъ [4].

[1] Тамъ же, № 153. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 1 (оп. вн.), № 12 Д. 1829 г., № 62. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 204—212. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., №№ 50, 58, 59, 60, 61, 62, 63; Д. 1833 г., №№ 35, 37, 38; Д. 1829 г., № 66; Д. 1835 г., №№ 43 и 45; Д. 1856 г., № 1 (оп. вн.), № 73; Д. 1858 г., № 1 (оп. вн.); Д. 1849 г., № 7 (оп. вн.), № 64; и др. Стипендіи эти находятся въ всѣхъ, кромѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества, въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ Училищахъ Ордена Св. Екатерины, С.-Петербургскомъ и Московскомъ Александровскихъ институтахъ, Полтавскомъ институтѣ, Харьковскомъ институтѣ, Александринскомъ сиротскомъ женскомъ профессіональномъ училищѣ и обоихъ Императорскихъ коммерческихъ училищахъ. [4] Соловьевъ, 7, 42, 43, 46.

Назначеніе статсъ-секретаремъ по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи Григорія Ивановича Вилламова было очень удачнымъ. Пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ теченіе почти тридцати лѣтъ принимавшій близкое участіе въ управленіи подвѣдомственными ей учрежденіями, опытный въ веденіи дѣлъ канцеляріи, Г. И. Вилламовъ былъ именно тѣмъ человѣкомъ, какого желалъ видѣть на этомъ мѣстѣ Императоръ Николай Павловичъ, стремившійся сохранить въ полной неприкосновенности характеръ и порядокъ въ управленіи заведеніями Императрицы Маріи, установленные его Августѣйшей Матерью.

Кромѣ докладовъ Ихъ Величествамъ и веденія дѣлъ по IV Отдѣленію, Г. И. Вилламовъ, по повелѣнію Государя, производилъ время отъ времени обозрѣніе столичныхъ и другихъ учрежденій. При обозрѣніи заведеній статсъ-секретарь Вилламовъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на подробности быта воспитанницъ, на ихъ внѣшній видъ, настроеніе, умѣнье себя держать; присутствуя на урокахъ, онъ отмѣчалъ достоинства и недостатки преподавателей и системы преподаванія, успѣхи и способности воспитанницъ. О вынесенныхъ впечатлѣніяхъ Г. И. Вилламовъ дѣлалъ подробные доклады Ихъ Величествамъ [1].

Императоръ Николай I былъ доволенъ дѣятельностью Г. И. Вилламова, неоднократно выказывалъ ему свое благоволеніе, удостаивая почетныхъ наградъ и денежныхъ награжденій [2].

Въ 1840 г., въ виду преклоннаго возраста Г. И. Вилламова, а также частыхъ отлучекъ его по должности статсъ-секретаря для осмотра учебныхъ заведеній, находившихся внѣ Петербурга, Государь призналъ желательнымъ учредить должность помощника статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи. На эту должность былъ назначенъ дѣйств. статск. совѣтн. А. Л. Гофманъ, «съ тѣми обязанностями и преимуществами, какія установлены вообще для товарищей министровъ» [3]. Гофманъ служилъ ранѣе въ Государственной Канцеляріи. Занимая должность помощника статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи, А. Л. Гофманъ

[1] Селезневъ, 18. [2] Общ. Арх. Мин. Имп. Дн. Оп. 5/839, д. 160-237, л. 1277. Селезневъ, 46. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1840 г., № 9 (ос. кн.), л. 2.

замѣнялъ Г. И. Вилламова во время его отсутствія и болѣзней [1], а послѣ смерти Г. И. Вилламова, въ 1842 г., былъ назначенъ его преемникомъ [2].

Число женскихъ институтовъ за время царствованія Императора Николая I очень возросло. Не было возможности испрашивать Высочайшія повелѣнія относительно всѣхъ возникавшихъ по каждому заведенію вопросовъ. Явилась поэтому потребность въ созданіи новаго органа управленія, который объединилъ бы всѣ эти учрежденія и облегчилъ бы дѣятельность Государя и Императрицы по завѣдыванію имп. Такимъ органомъ явился учрежденный въ 1845 г. Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній. Ему была присвоена власть совѣщательная, наблюдательная и распорядительная. Предсѣдатель и члены Главнаго Совѣта назначались Государемъ. Въ своей дѣятельности Совѣтъ былъ непосредственно подчиненъ Ихъ Величествамъ. Главный Совѣтъ долженъ былъ предварительно обсуждать всѣ проекты, контракты, доклады и проч., представляемые ранѣе мѣстными Совѣтами на Высочайшее утвержденіе чрезъ IV Отдѣленіе. Постановленія Главнаго Совѣта докладывались Ихъ Величествамъ статсъ-секретаремъ по управленію учрежденій Императрицы Маріи; нѣкоторыя дѣла, какъ, напр., относительно заключенія контрактовъ, отмѣны торговъ и т. п., Главный Совѣтъ рѣшалъ своей властью. Члены Главнаго Совѣта имѣли право посѣщать подчиненныя Совѣту учрежденія, обязаны были присутствовать на экзаменахъ и давать отчеты о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ [3].

Хотя за начальницами институтовъ при учрежденіи Главнаго Совѣта и было сохранено право «восходить непосредственно къ Ея Императорскому Величеству со всеподданнѣйшими донесеніями, какъ срочными, такъ и особыми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это признано будетъ ими необходимымъ для блага и пользы ввѣренныхъ управленію ихъ заведеній» [4], тѣмъ не менѣе случаи непосредственнаго, помимо Главнаго Совѣта, ихъ обращенія къ Императрицѣ, особенно по дѣламъ наиболѣе существеннымъ, сдѣлались очень рѣдкими; вообще съ учрежденіемъ Главнаго Совѣта въ значительной степени уменьшилась доля личнаго участія Ихъ Величествъ въ дѣлѣ управленія

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 6. [2] Селезневъ, 51, 62—63. [3] Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями. Спб. 1845 г. [4] Муз. Имп. Восп. Общ.

женскими институтами. На время отсутствія Ихъ Величествъ изъ столицы, права Главнаго Совѣта еще болѣе расширились [1]. Управленіе учрежденіями Императрицы Маріи постепенно перешло почти всецѣло къ Главному Совѣту [2]. Въ связи съ этимъ, значеніе мѣстныхъ Совѣтовъ отдѣльныхъ институтовъ уменьшилось. Послѣ 1845 г. Совѣту Воспитательнаго Общества приходилось разсматривать и непосредственно рѣшать почти исключительно дѣла второстепеннаго значенія [3].

Великая Княгиня
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

Предсѣдателемъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній при его учрежденіи былъ назначенъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій [4]. Въ 1860 г. послѣдовало преобразованіе главнаго управленія учрежденіями Императрицы Маріи, и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій былъ поставленъ во главѣ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ званіемъ Главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи [5].

Имя Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго тѣсно связано съ исторіей просвѣщенія и благотворительности въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Сынъ Принца Георга Ольденбургскаго и Великой Княгини Екатерины Павловны, Принцъ Петръ Георгіевичъ родился 14 августа 1812 года. Отъ своихъ Августѣйшихъ родителей онъ унаслѣдовалъ лучшія ихъ черты: непреклонность въ исполненіи своего долга, беззавѣтную любовь къ родинѣ, вѣру въ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1850 г., № 36, № 3; Д. 1845 г., № 89, л. 13. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 14; Д. 1850 г., № 36, № 9; Д. 1842 г., № 74; Д. 1849 г., № 24; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 102; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 172; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), л. 186. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1856 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.); Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.); Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1856 г., № 6 (оп. кн.); и др. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 1. [5] Селивановъ, 297—299.

человѣка и его способность совершенствоваться, стремленіе къ образованію и просвѣщенію, заботу о нуждающихся, простоту въ обхожденіи съ людьми и честную, отзывчивую и довѣрчивую душу [1]. Отъ нихъ же и отъ Августѣйшей Бабки своей, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ унаслѣдовалъ любовь къ человѣчеству и стремленіе благотворить.

Первые годы Принца Петра Георгіевича протекли подъ заботливымъ попеченіемъ матери, въ то время королевы Виртембергской, удѣлявшей большое вниманіе воспитанію своихъ сыновей. Несмотря на то, что королева Виртембергская Екатерина Павловна умерла, когда ея младшему сыну исполнилось едва шесть лѣтъ, Принцъ Петръ Георгіевичъ сохранилъ на всю жизнь свѣтлое и нѣжное воспоминаніе о матери, запечатлѣлъ въ душѣ ея чарующій образъ.

Дальнѣйшее воспитаніе и образованіе Принцъ Петръ Георгіевичъ получилъ за границей въ Ольденбургѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дѣда, герцога Петра-Фридриха-Людвига. Императрица Марія Ѳеодоровна съ заботливымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ занятій внука.

Образованіе, полученное Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ, отличалось основательностью и всесторонностью. Молодой Принцъ съ интересомъ занимался русской исторіей и прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ, равно какъ и нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ, испанскимъ, латинскимъ и греческимъ. Принцъ Петръ Георгіевичъ любилъ музыку, обладалъ музыкальными способностями, впослѣдствіи даже самъ писалъ музыкальныя сочиненія [2]; онъ любилъ также заниматься литературой, сочинялъ стихи, переводилъ произведенія Шиллера и другихъ авторовъ на русскій языкъ; поклонникъ Пушкина, Принцъ переводилъ на иностранные языки его произведенія; между прочимъ, имъ была переведена «Пиковая Дама» на французскій языкъ [3]. Стремленіе къ знанію Принцъ сохра-

[1] Щегловитовъ (Журн. Мин. Юст. 1913 г., I, 95); ср. кн. Мещерскій, I, 84. [2] Сводъ. Ко дню LXXV юбилея Имп. Уч. Правовѣдѣнія, стр. 220. Молчановъ. Полвѣка назадъ. Молчановъ. Восп. о Сперанскомъ (Р. Ст. 1881 г., XXXIX, 211—212). Ольденбургскій. Отрывки изъ школьнаго дневника. Статовъ. Воспоминанія (Р. Ст. 1881 г., XXXI). См. также Муз. сочиненія Принца П. Г. Ольденбургскаго, посвящен. воспит. Имп. Восп. Общ. и мн. др. [3] Балл. Шиллера: «Фридолинъ», Спб. 1851 г., «Колоколъ», Спб. 1851 г. «Перчатка», Спб. 1852 г. «Надежда», Спб. 1852 г. Рукописчъ. 16. Щегловитовъ (Журн. Мин. Юст. 1913 г., I, 96).

нилъ на всю жизнь. Уже Почетнымъ Опекуномъ и Членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества, онъ пригласилъ къ себѣ въ 1839 г. преподавателя Училища Правовѣдѣнія Постельса, который прочиталъ ему рядъ лекцій по естественнымъ наукамъ [1].

Принцу Петру Георгіевичу едва исполнилось 18 лѣтъ, когда въ 1830 году онъ былъ вызванъ на службу Россіи Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, памятовавшимъ духовное завѣщаніе своей Августѣйшей Матери Императрицы Маріи, которая въ одномъ изъ его пунктовъ просила заботиться о членахъ Домовъ Голштинскаго и Ольденбургскаго. «Императоръ знаетъ—говорится въ этомъ пунктѣ завѣщанія—насколько они мнѣ дороги».

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій

Принцъ Петръ Георгіевичъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ. Однако, военная служба не увлекала и не удовлетворяла Принца. Его душевныя силы и наклонности нашли себѣ болѣе соотвѣтственное примѣненіе, когда въ 1839 г. онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества, а позже Предсѣдателемъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній.

Стремленія и завѣты Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Державной Основательницы Вѣдомства, въ которомъ онъ послу-

[1] Рубецъ. «Наставн., хранящ. имость нашу», стр. 181.

жилъ свыше сорока лѣтъ, какъ нельзя болѣе отвѣчали душевному настроенію Принца:

«Всѣ мы,—писала Императрица Марія Ѳеодоровна въ своемъ завѣщаніи,—должны быть воодушевляемы одною мыслью: сохранить въ точности и неизмѣнно всѣ правила, начертанныя для сбереженія дарованныхъ заведеніямъ привилегій, употребляя всѣ старанія къ тому, чтобы оберечь дѣтскій возрастъ, развивая въ немъ, насколько возможно, материнскія чувства; умѣть притти на помощь вдовамъ и сиротамъ, облегчить страждущихъ и помнить, что тогда только мы исполняемъ дѣла милосердія, къ которымъ примѣръ даровалъ Божественный Спаситель нашъ. Проникнувшись такими мыслями, мы не встрѣтимъ труда, который былъ бы свыше силъ нашихъ».

Облегчить людямъ страданіе—пишетъ бывшій правовѣдъ, министръ Юстиціи И. Г. Щегловитовъ—таковъ былъ руководящій девизъ высокой души Принца. Творенію добра безъ всякой примѣси обычныхъ людскихъ эгоистическихъ побужденій и была *посвящена его жизнь. Но не однимъ этимъ была она наполнена.* Служеніе добру Принцъ съ удивительной гармоніей соединялъ съ служеніемъ правдѣ. «Правду я говорилъ безъ боязни властителямъ міра—гласитъ имъ самимъ сочиненная эпитафія,—ближняго благо считалъ всюду святѣйшею изъ». Ища правды во всемъ, служа добру, Принцъ всегда памятовалъ, что въ сердцѣ человѣка есть нѣчто высшее, есть Богъ. И дѣйствительно, всѣ поступки Принца, всѣ его помыслы составляютъ постоянное проявленіе глубокаго религіознаго, христіанскаго чувства, которое онъ свято хранилъ въ своей душѣ и ставилъ превыше всего земного, преходящаго» [1].

Просвѣтительно-благотворительная дѣятельность Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго расширялась съ каждымъ годомъ. По его проектамъ и иниціативѣ было открыто въ Россіи множество новыхъ учебныхъ заведеній самаго различнаго характера и назначенія, пріютовъ, больницъ и т. п. Ставъ во главѣ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, Принцъ П. Г. Ольденбургскій принялъ подъ свое попе-

[1] Щегловитовъ (Журн. Мин. Юст. 1913 г., I, 93).

ченіе 104 учрежденія; къ году его смерти ихъ насчитывалось въ Вѣдомствѣ 196 въ столицахъ и 86 въ другихъ городахъ Россіи. Многія заведенія Принцъ создалъ и содержалъ на свой счетъ, истративъ на нихъ болѣе милліона рублей изъ личныхъ средствъ. Кромѣ того, Принцъ дѣлалъ массу добра лично, приходилъ на помощь многимъ нуждающимся, учащимся.

Слова, начертанныя на памятникѣ[1] Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому «Просвѣщенному благотворителю» вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру его дѣятельности и ярко рисуютъ его заслуги передъ Россіей[2].

У Императрицы Александры Ѳеодоровны была мысль создать особыхъ сотрудницъ по управленію женскими учебными заведеніями, учредивъ при Главномъ Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній особыхъ инспектрисъ, которымъ поручать осмотры и ревизіи институтовъ. Эта мысль, однако, не получила осуществленія, можетъ быть, за неимѣніемъ подходящихъ лицъ[3].

Измѣненія въ порядкѣ высшаго управленія учрежденіями, состоящими подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы, учрежденіе IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а затѣмъ и Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, личность его предсѣдателя Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго — не могли не отразиться на жизни и дѣятельности Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Съ одной стороны создались благопріятныя условія для дальнѣйшаго усовершенствованія поста-

[1] Памятникъ поставленъ въ Петербургѣ противъ Маріинской больницы для бѣдныхъ. [2] Муз. Имп. Учил. Правовѣд. Сборн. Біографія Принца П. Г. Ольденбургскаго. Бильеръ, «Левъ XIII и разоруженіе». Панаевъ. Лихачева, III, 39—41. Рунеевичъ. Рѣчь 14 янв. 1912 г. Пам. кн. Имп. Александровскаго Лицея 1886 г. Гепенеръ. Рубецъ. «Наставн., хранящ. юность нашу», 173—187. Сѣверная почта 1867 г., № 129; 1868 г., № 253. Женск. Образ. 1880 г., № 10, стр. 687—692 и IX—XIV; 1881 г., № 5, стр. I—II. Историч. Вѣст. 1889 г., т. XXXVII, № 8, стр. 450. Р. Ст. 1881 г., т. XXXI, стр. 493—493. Голосъ, 1880 г., № 337. Р. Инв. 1868 г., № 31. Тимоѳеевъ. Хоръ воспитанницъ въ день 50-тія службы Е. И. В. Принца Петра Георг. Ольденбургскаго. Шрейеръ. Пятидесятилѣтній юбилей Принца П. Г. Ольденбургскаго. Отчетъ о состояніи дѣтскаго пріюта Е. И. В. Принца П. Г. Ольденбургскаго за 1856 г. (Зап. М. Вн. Д. 1857 г., т. XXV, кн. 8, отд. V, стр. 34—35). Иллюстр. газ. 1870 г., т. XXV, № 3. Всемірн. Иллюстр. 1870 г., № 62. Dr. Walther. Das fünfzigjährige Jubiläum I. K. H. des Pr. Peter Georgiewitsch von Oldenburg. [3] Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I.

новки учебнаго дѣла и хозяйственной части; съ другой — осложнился порядокъ управленія, непосредственное руководство Императрицы сгѣшилось по цѣлому ряду дѣлъ разрѣшеніемъ ихъ въ обычномъ порядкѣ государственнаго управленія.

III.

Члены Совѣта по учебной части.—Инспектора классовъ.—«Положеніе объ учебной части» 1839 года.—«Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній».—Учебныя программы.

Съ вступленіемъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны серьезныхъ перемѣнъ въ постановкѣ учебной части въ немъ на первыхъ порахъ не произошло. Во главѣ учебнаго дѣла оставались тѣ же лица, какія вѣдали имъ и при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и въ своей дѣятельности они попрежнему продолжали руководствоваться началами, которыя были установлены почившей Императрицей.

Въ 1838 г. Членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества по учебной части былъ назначенъ министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ.

Получивъ отличное домашнее образованіе, графъ С. С. Уваровъ 15 лѣтъ началъ службу въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; 24 лѣтъ онъ былъ уже попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа и почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Усердно отдаваясь служебной дѣятельности, графъ Уваровъ находилъ время для учено-литературныхъ работъ, написалъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по вопросамъ классической древности, былъ въ близ-

кихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ, Кирѣевскимъ, Батюшковымъ, Блудовымъ, участвовалъ въ литературномъ обществѣ «Арзамасъ».

Благоговѣйный почитатель личности и дѣятельности Императрицы Маріи Ѳеодоровны [1], графъ С. С. Уваровъ руководилъ учебною частью въ Воспитательномъ Обществѣ въ духѣ заповѣтовъ почившей Императрицы, отступая отъ установленнаго при ней въ учебной дѣятельности порядка лишь постольку, поскольку это вызывалось требованіями времени.

Графъ С. С. Уваровъ.

Въ 1852 г. графъ Уваровъ долженъ былъ по болѣзни покинуть управленіе учебною частью Воспитательнаго Общества, провожаемый сожалѣніями Императрицы Александры Ѳеодоровны, начальницы Воспитательнаго Общества, членовъ Совѣта, педагогическаго персонала и воспитанницъ [2].

Преемниками гр. Уварова по управленію учебною частью Воспитательнаго Общества были министры Народнаго Просвѣщенія князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1852—1854) и Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (1854—1860). Это были люди религіозно настроенные, гуманные, образован-

[1] Ouvaroff. A la Mémoire de l'Impératrice Marie. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), №№ 9 и 35; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 36. Рескриптъ Имп. Александры Ѳеодоровны гр. Уварову 20 Февр. 1852 г. (Сынъ Отеч. 1852 г., № 3). Письмо М. П. Леонтьевой гр. Уварову 30 Янв. 1852 г. (Копія въ Муз. Имп. Воспит. Общ.). Давыдовъ (Учен. Зап. II отд. Ак. Наукъ II кн., вып. I (1856 г.) стр. CXXXII—CXLIII). Плетневъ (тамъ же стр. LIII—CXXV). Отч. Имп. Акад. Наукъ 1852—1865 гг., стр. 165—176. Никитенко. Записки. Кн. Вяземскій. Соч. т. VIII, стр. 490. Depré, p. XLIV. Рождественскій. Историч. обз. Мин. Нар. Просв., стр. 220—226 и др.

ные, имѣвшіе склонность къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Въ 1860 г. Норова смѣнилъ въ Воспитательномъ Обществѣ товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ Николай Александровичъ Мухановъ.

Во время неоднократнаго отсутствія А. С. Норова его обязанности по Воспитательному Обществу разновременно исполняли товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія князь П. А. Вяземскій (извѣстный писатель), члены Совѣта оберъ-церемоніймейстеръ графъ А. М. Борхъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Б. А. Фредериксъ и почетный опекунъ, впослѣдствіи министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. И. Д. Деляновъ [1].

Обязанности инспектора классовъ до конца 1838 года продолжалъ нести К. Ѳ. Германъ. Несмотря на старость, онъ попрежнему дѣятельно исполнялъ свои обязанности. 19 декабря 1838 г. Германъ умеръ, но еще за двѣ недѣли до смерти онъ присутствовалъ на экзаменахъ [2].

Преемникомъ Германа былъ назначенъ Матвѣй Максимовичъ Тимаевъ, бывшій съ 1827 г., въ качествѣ помощника инспектора классовъ Воспитательнаго Общества и Училища Ордена Св. Екатерины, ближайшимъ сотрудникомъ Германа.

Питомецъ Педагогическаго Института, Тимаевъ, по окончаніи курса, былъ командированъ на 3 года въ Англію, Францію, Швейцарію и Германію, гдѣ теоретически и практически изучалъ методы преподаванія и воспитанія Ланкастера, Белля, Песталоцци, Фелленберга и др.

По возвращеніи въ Россію, М. М. Тимаевъ преподавалъ исторію, словесность и педагогику въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, давалъ уроки исторіи Великимъ Княжнамъ Маріи Николаевнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ и Александрѣ Николаевнѣ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), №№ 9 и 28; Д. 1839 г., № 45; Д. 1842 г., № 75; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 36; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 87. Рождественскій, Ист. обз. Мин. Нар. Просв., стр. 227—229, 339—342. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1847 гг.: Д. 1830 г., № 28; Д. 1830 г., № 28; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 29, л. 2; Д. 1838 г., № 10 (оп. кн.), № 34. Никитенко, Записки I, 204, 291—292. Никитенко, Восп. о К. Ѳ. Германѣ (С.-Петерб. Вѣд. 1839 г., № 217). Зап. Дивовой. Рип. Возможностью пользоваться неопечатанными записками воспитанницы выпуска 1836 г. Дивовой авторъ обязанъ Н. Н. Ермолинскому. Въ 1834 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества, по предложенію Ю. Ф. Адлербергъ, исходатайствовалъ пожалованіе Герману 2500 десятинъ земли.

Человѣкъ образованный, благородный, добрый, даже нѣсколько слабохарактерный, отличный преподаватель и талантливый инспекторъ, М. М. Тимаевъ увлекалъ своими уроками [1], пользовался общими симпатіями педагогическаго персонала и воспитанницъ и особеннымъ вниманіемъ со стороны Августѣйшихъ Особъ и ближайшаго своего начальства.

Когда при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи былъ учрежденъ Учебный Комитетъ, М. М. Тимаевъ, считавшійся выдающимся педагогомъ, былъ приглашенъ въ его составъ и являлся дѣятельнымъ его членомъ.

По порученію Комитета, имъ были составлены программы преподаванія всеобщей и русской исторіи въ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ. Для своихъ ученицъ М. М. Тимаевъ написалъ и издалъ «Начертаніе курса изящной словесности» [2] и «Histoire universelle, cours préparatoire à l'usage de la Communauté Impériale des demoiselles». Возлагались на М. М. Тимаева и особыя порученія, какъ, напримѣръ, руководство учебной частью въ Павловскомъ институтѣ въ періодъ ея преобразованія.

Часы досуга М. М. Тимаевъ удѣлялъ поэтическому творчеству. Рѣдко проходилъ выпускъ или какое либо другое въ жизни Смольнаго торжество, котораго М. М. Тимаевъ не ознаменовалъ бы стихотвореніемъ. Для нѣсколькихъ выпусковъ имъ были сочинены прощальныя пѣсни. Его поэтическій талантъ не былъ выдающимся, но всѣ его поэтическія произведенія проникнуты искреннимъ настроеніемъ [3].

Перемѣны въ положеніи учебнаго дѣла въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ первые годы Августѣйшаго покровительства Императрицы Александры Ѳеодоровны заключались лишь въ томъ, что въ 1830 г. были вновь введены отмѣненные при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ особые уроки для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, а въ 1832 г. было

[1] Воспитанницы сравнивали Тимаева съ Демосѳеномъ, Эсхиломъ, Сократомъ, Аристидомъ (Зап. стар. смолянки, I, стр. 4, 5 и др.). [2] Сочиненіе это посвящено Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (Муз. Имп. Восп. Общ. Бум. Ю. Ѳ. Адлербергъ). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 17; Д. 1830 г., № 22; Д. 1832 г., № 3 (оп. кн.), № 77; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 68; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 83. Бумаги Тимаева по Учебн. Ком. (Муз. Имп. Восп. Общ.). Стихотв. Тимаева (тамъ же). Прощ. пѣснь, соч. Тимаева (Лит. Приб. къ Р. Инв. 1831 г., ч. 1). Свенске (Журн. для восп. 1859 г., № 1). Венгловскій, 16. Никитенко. Записки, I, 227, 509. Записки стар. смолянки, I, 4—6, 8—9, 10—11, 14—15, 87, 287 и др. Мордвинова, 71—77. Зап. Давовой. Рки.

прекращено преподаваніе геометріи и «вычисленій въ умѣ» и, взамѣнъ того, увеличено число уроковъ ариѳметики, нѣмецкаго и французскаго языковъ [1].

Въ 1832 г. Императрицей Александрой Ѳеодоровной было утверждено «Положеніе объ учебной части въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ Училищѣ Ордена Св. Екатерины» [2].

Въ этомъ Положеніи точно опредѣлялся порядокъ управленія учебною частью. Высшее завѣдываніе учебнымъ дѣломъ поручалось члену Совѣта по учебной части, который, вмѣстѣ съ начальницей, «имѣетъ въ своемъ наблюденіи все, относящееся къ учебной части» [3]. Всѣ вопросы учебнаго характера разрѣшаются имъ, или, если это признается необходимымъ, передаются на разсмотрѣніе состоящаго при Воспитательномъ Обществѣ Комитета по учебной части или Совѣта Общества. Инспекторъ является «непосредственнымъ распорядителемъ и законодателемъ во всемъ, что касается до учебной части и ближайшимъ начальникомъ всѣхъ лицъ по сей части служащихъ». Онъ «не только смотритель за ходомъ ученія въ классахъ, но онъ долженъ быть двигателемъ всей учебной дѣятельности въ заведеніи, оживляемой и поддерживаемой его способностями и рвеніемъ... Благоразумію, познаніямъ и опытности

Инспекторъ классовъ
Н. М. ГИЛЬЕНЪ.

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 203. Донесеніе Германа за 1831 г. (Мух. Имп. Восп. Общ.). Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 96; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 93. [2] «Положеніе» составлено гр. Уваровымъ (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 331—332). [3] Права и обязанности члена Совѣта по учебной части были подробно опредѣлены въ 1847 г., при изданіи составленныхъ Главн. Совѣтомъ и, по предварительномъ разсмотрѣніи Императоромъ Николаемъ I, утвержденныхъ Императрицею Александрой Ѳеодоровной «Инструкцій начальницамъ женскихъ учебныхъ заведеній и членамъ мѣстныхъ Совѣтовъ по учебной и хозяйственной частямъ» (Инструкціи, изд. 1847 г.).

инспектора предоставляется обнять всѣ подробности его обязанностей».

Для содѣйствія инспектору въ исполненіи обязанностей была учреждена штатная должность его помощника, на которую предлагалось избирать изъ *«среднихъ лѣтъ людей, если возможно, женатыхъ, кончившихъ курсъ ученія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній»*.

Особенное вниманіе инспекторъ долженъ былъ обращать на выборъ учебныхъ руководствъ, пособій и книгъ для чтенія воспитанницъ, а также на избраніе учителей для Общества. Впервые за время существованія Воспитательнаго Общества указывалось, что при выборѣ учебныхъ руководствъ инспекторъ долженъ сообразоваться съ книгами, принятыми въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. При отсутствіи подходящихъ книгъ, инспекторъ долженъ былъ поручать преподавателямъ Общества, за особую плату, составлять учебники и руководства и на средства Общества печатать ихъ или литографировать.

Относительно избранія преподавателей, «инспекторъ обязанъ имѣть свѣдѣнія объ отличныхъ преподавателяхъ въ заведеніяхъ *столицы и таковыхъ имѣть въ виду при открывающихся* вакансіяхъ». Первые мѣсяцы каждый вновь приглашенный преподаватель считался состоящимъ на опытѣ. Въ теченіе этого времени инспекторъ обязанъ былъ выяснить относительно преподавателя: «1) пріобрѣтена ли имъ ясность въ познаніяхъ преподаваемыхъ; 2) строго ли онъ слѣдуетъ предписанной программѣ; 3) выражается ли легко, чисто, ясно и опредѣлительно; 4) не уклоняется ли безъ нужды при преподаваніи отъ главнаго предмета, и 5) имѣетъ ли живость, непринужденность и приличіе въ пріемахъ».

Баллы предписывалось ставить по третямъ; въ концѣ каждой трети созывалась, подъ предсѣдательствомъ инспектора, конференція изъ преподавателей. На обязанности конференціи лежало: «1) разсмотрѣніе программъ; 2) сужденіе о способахъ къ улучшенію преподаванія, 3) сужденіе объ успѣхахъ учащихся, 4) обсуживаніе средствъ поощренія и исправленія, 5) сужденіе о замѣченныхъ недостаткахъ и 6) сужденіе о степени достоинства учащихся». Въ положеніи говорилось, что «члены Конференціи могутъ свободно сообщать свои мнѣнія, но записываются

только тѣ замѣчанія и предположенія, съ коими согласенъ инспекторъ и въ пользѣ которыхъ онъ увѣренъ» [1].

Объемъ дѣятельности существовавшаго при Воспитательномъ Обществѣ Комитета по учебной части Положеніемъ не опредѣлялся, но на дѣлѣ, какъ до изданія Положенія, такъ и послѣ этого, всѣ вопросы, касавшіеся учебной части, разсматривались и разрѣшались въ Комитетѣ и, за немногими исключеніями, представлялись къ утвержденію Императрицы; до Совѣта учебные вопросы восходили очень рѣдко.

Комитетъ по учебной части, между прочимъ, разсматривалъ вопросы о дѣленіи классовъ на отдѣленія, о распредѣленіи преподавателей на штатныхъ и вольнослужащихъ, о зачетѣ учителямъ на выслугу пенсіи службы въ другихъ вѣдомствахъ, объ изданіи учебныхъ руководствъ и т. д. [2].

Членами Комитета были: начальница, члены Совѣта по учебной и хозяйственной частямъ и статсъ-секретарь по дѣламъ учрежденій Императрицы Маріи; докладывалъ дѣла инспекторъ классовъ [3].

Съ начала сороковыхъ годовъ идетъ рядъ послѣдовательныхъ преобразованій учебной части Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и состоящаго при немъ Мѣщанскаго Училища. Преобразованія эти происходили по планамъ, разработаннымъ центральнымъ управленіемъ учрежденій Императрицы Маріи. 16 апрѣля 1842 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переименованіи Мѣщанскаго Училища, въ память совершившейся годовщины бракосочетанія Наслѣдника Престола, Великаго Князя Александра Николаевича, въ С.-Петербургское Александровское Училище [4]. Одновременно нѣсколько мѣнялось и назначеніе заведенія: къ пріему въ него повелѣно допускать только дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ военнаго и граждан-

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 228—233. Положеніе объ учебн. части (Муз. Имп. Восп. Общ.). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 234; Д. 1842 г., № 7, лл. 9—10; Д. 1843 г., № 32, л. 18; Д. 1845 г., № 87, л. 133. Увеличивая, въ виду переполненія классовъ, число классныхъ отдѣленій, Комитетъ по учебной части исходилъ изъ тѣхъ соображеній, что «наука, если мы отъ нея ожидаемъ пользы, какъ бы мы ее ни сокращали, должна остаться наукою, систематичнымъ цѣлымъ. Слѣдовательно, она требуетъ и зрѣлости ума и постояннаго вниманія и даже не дѣтскаго возраста. При нашемъ множествѣ дѣтей все это необходимо перепутано неравенствомъ, и наука не можетъ проникнуть массу разнообразную, разносильную, разновозрастную» (Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 234). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 7, л. 9; Д. 1845 г., № 87, л. 134. [4] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, по оп. Б, № 229.

ского вѣдомствъ, пріобрѣвшихъ дворянство службою, и также *дѣтей духовенства и купцовъ*. Дѣти лицъ низшихъ сословій впредь къ пріему не допускались; для нихъ—говорилось въ Высочайшемъ повелѣніи—имѣются другія заведенія. Въ связи съ измѣненными правилами пріема были нѣсколько расширены учебныя программы заведенія [1].

Въ 1844 г. по Высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Учебный Комитетъ [2], подъ предсѣдательствомъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, для выработки общаго для всѣхъ женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, находившихся подъ покровительствомъ Императрицы, Положенія о воспитательской и учебной частяхъ. Въ своихъ работахъ Комитетъ долженъ былъ имѣть въ виду волю Государя, что «образованіе добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ есть главная цѣль сихъ заведеній» [3].

Комитетъ призналъ необходимымъ раздѣлить всѣ женскія учебныя заведенія, соотвѣтственно ихъ характеру, на три разряда. Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ было отнесено къ первому разряду, Александровское Училище—ко второму. *Разрядомъ опредѣлялся какъ категорія дѣтей, въ зависимости отъ ихъ происхожденія, которыя допускались къ пріему, такъ и программа учебныхъ предметовъ.*

Въ учебный курсъ Воспитательнаго Общества съ 1845 г. должны были входить слѣдующіе предметы: «1) Законъ Божій (пространный катехизисъ, священная исторія, понятіе о литургіи и другихъ службахъ, обязанности христіанки). 2) Россійская словесность (грамматика, общія понятія о словесности, о способностяхъ души, объ языкѣ, правила прозы, понятіе объ изящномъ, понятіе о стихотвореніи, исторія русской литературы). 3) Французская словесность (грамматика, общія понятія о словесности, кратко и въ томъ же видѣ, какъ преподано на русскомъ языкѣ, взглядъ на литературу древнихъ и среднихъ вѣковъ, исторія французской литературы). 4) Нѣмецкая словес-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1852 г., № 3 (оп. вн.); № 235; Д. 1855 г., № 87, л. 133; Д. 1852 г., № 5, лл. 4—5; Д. 1844 г., № 17, лл. 1, 3, 5—6; Д. 1852 г., № 7, л. 5. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 289—293; Д. по оп. 8., № 229. Лядовъ, стр. 43—51. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 95, л. 1. [3] Выс. отмѣтка на журналѣ Комитета 26 іюня 1844 г. (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи).

ность (грамматика, общія понятія о словесности, кратко и въ томъ же видѣ, какъ преподано на русскомъ языкѣ, исторія нѣмецкой литературы). 5) Ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ. 6) Нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики. 7) Географія всеобщая—сокращенно, съ изъятіемъ для нѣкоторыхъ государствъ. 8) Географія Россіи, со статистическими дополненіями. 9) Исторія всеобщая—сокращенно, нѣсколько подробно о существующихъ въ Европѣ государствахъ. 10) Исторія Россіи, сокращенно — древняя и достаточно подробно — съ Іоанна III».

Кромѣ того, въ составъ учебнаго курса входило обученіе рисованію, чистописанію, церковному и «итальянскому» пѣнію, музыкѣ, танцамъ, рукодѣліямъ и веденію хозяйства. На послѣдній предметъ Комитетъ рекомендовалъ обращать особенное вниманіе и находилъ полезнымъ водить дѣвицъ старшаго возраста, поочередно, въ кухню и кладовыя, объяснять имъ свойства и употребленіе жизненныхъ припасовъ и способъ сохранять ихъ, а также устраивать образцовыя кухни, гдѣ бы воспитанницы, подъ руководствомъ опытной хозяйки, сами могли заниматься приготовленіемъ кушаній.

Программа Александровскаго Училища разнилась тѣмъ, что изъ курса учебныхъ предметовъ были исключены естественная исторія, физика, музыка и итальянское пѣніе [1].

Для занятій науками въ старшемъ возрастѣ Воспитательнаго Общества назначалось 28½ часовъ въ недѣлю, а въ Александровскомъ Училищѣ—25½ [2]. Впрочемъ, это число учебныхъ часовъ не было обязательнымъ и могло быть уменьшено ближайшимъ начальствомъ, если того требовала необходимость, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Главнаго Совѣта.

Пользуясь этимъ правомъ, Совѣтъ Воспитательнаго Общества, *по предложенію графа Уварова*, исходатайствовалъ, въ видѣ временной мѣры, нѣкоторыя отступленія для Воспитательнаго Общества отъ нормальной учебной табели. Увеличено было число уроковъ по русскому языку и рисованію, за счетъ уроковъ Закона Божія, чистописанія, географіи и исторіи.

[1] Въ началѣ 1845 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на обученіе музыкѣ также въ заведеніяхъ второго разряда, въ томъ числѣ и въ Александровскомъ Училищѣ. [2] Искусствамъ и рукодѣліямъ воспитанницы должны были обучаться въ свободное отъ классныхъ занятій время.

Число уроковъ по Закону Божію и исторіи было нѣсколько сокращено въ виду того, что учебный курсъ по этимъ предметамъ представлялось возможнымъ пройти и при значительно меньшемъ числѣ уроковъ. Сокращеніе уроковъ чистописанія объяснялось тѣмъ, что воспитанницы достаточно упражняются въ письмѣ и помимо уроковъ чистописанія. Географіи сокращеніе коснулось, вѣроятно, потому, что этому учебному предмету не придавалось въ то время важнаго значенія.

Подобнаго же рода измѣненія были сдѣланы и относительно учебной табели Александровскаго Училища.

Измѣненія эти объяснялись какъ педагогическими соображеніями, такъ отчасти и стремленіемъ при введеніи новой учебной табели не выйти, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, изъ опредѣленнаго бюджета на содержаніе педагогическаго персонала [1].

Число часовъ на занятія пѣніемъ, музыкой, танцами и гимнастикой было опредѣлено Главнымъ Совѣтомъ, согласно проекту Совѣта Общества. Относительно же занятій рукодѣліемъ Главный Совѣтъ не призналъ возможнымъ согласиться съ проектомъ М. П. Леонтьевой, чтобы всѣ воспитанницы были раздѣлены на 8 или 9 группъ, которыя занимались бы рукодѣліемъ поочередно, съ освобожденіемъ на это время отъ всѣхъ другихъ занятій, кромѣ уроковъ Закона Божія и исторіи; очереди должны были смѣняться каждые 5 дней. Главный Совѣтъ призналъ такое предложеніе съ точки зрѣнія педагогической непріемлемымъ, и занятія рукодѣліемъ были установлены хотя и по группамъ, но въ внѣклассное время и безъ сокращенія учебныхъ занятій по научнымъ предметамъ [2].

27 февраля 1852 г. Императрицей Александрой Ѳеодоровной было утверждено составленное лично Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ «Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній» [3]. Въ этомъ наставленіи подробно опредѣлялись тѣ начала, на которыхъ должно быть основано образованіе воспитанницъ.

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 87, лл. 3—7; Д. 1858 г., № 84, лл. 2—5; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 232. Лядовъ, стр. 44—48. На учебную часть тогда отпускалось 25.000 р. сер. (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 87, л. 3). [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 84, лл. 1, 10—11; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 130, л. 203. [3] Предварительно это «Наставленіе» было одобрено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который написалъ на проектѣ Принца: «прекрасно, и душевно благодарю за полезный трудъ» (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1852 г., № 70).

«Воспитаніе дѣвицъ—говорилось въ «Наставленіи»—имѣетъ цѣль двоякую: 1) воспитанница учится сама для себя, какъ будущій членъ общества и 2) она учится для того, чтобы, впослѣдствіи, могла быть наставницею дѣтей своихъ или тѣхъ, которыхъ она призвана будетъ обучать».

Соотвѣтственно этому, въ «Наставленіи» опредѣлялись требованія, какія должны быть предъявляемы къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Образованіе воспитанницъ, въ виду педагогической его цѣли, должно быть «основательное, самосознательное, съ избѣжаніемъ всего излишняго поверхностнаго». При преподаваніи рекомендовалось «примѣняться къ возрасту и понятіямъ дѣвицъ, развивать у воспитанницъ болѣе силы нравственныя и умственныя, чѣмъ обременять одну память излишними подробностями, стараться возбуждать въ воспитанницахъ любовь къ наукамъ такъ, чтобы онѣ, по выходѣ изъ заведеній, могли усовершенствовать себя далѣе и безъ помощи посторонней».

Далѣе въ «Наставленіи» давались указанія относительно характера преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, при чемъ особенное вниманіе удѣлялось русскому языку, «правильное изученіе котораго—по словамъ «Наставленія»—въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще не достаточно развито».

Преподаватель русскаго языка «долженъ стараться, чтобы воспитанницы не только правильно говорили и писали по русски, но чтобы онѣ съ любовію изучали историческое развитіе языка и ознакомились съ лучшими произведеніями словесности» [1].

Состоявшій подъ предсѣдательствомъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго Учебный Комитетъ выработалъ новыя учебныя программы. Онѣ были разсмотрѣны Главнымъ Совѣтомъ, удостоились Высочайшаго одобренія [2] и въ 1853 г. были разосланы по заведеніямъ, первоначально въ видѣ опыта на 3 года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи опытнаго

[1] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 56. Имп. Николай I считалъ необходимымъ возможно лучшее изученіе русскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ (см., напр., Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I).

[2] Императоръ Николай I придавалъ выработкѣ учебныхъ программъ для женскихъ учебныхъ заведеній весьма важное значеніе (Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I).

срока инспектора сообщили свои отзывы о желательныхъ въ нихъ измѣненіяхъ [1].

До 1853 г. преподаваніе въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ другихъ институтахъ велось по программамъ, которыя составлялись преподавателями и разсматривались инспекторомъ [2]. Въ Воспитательномъ Обществѣ, благодаря удачному выбору инспекторовъ и преподавателей, эти программы въ общемъ удовлетворяли своей задачѣ, но въ нѣкоторыхъ другихъ институтахъ многія изъ учебныхъ программъ нельзя было признать удовлетворительными.

Новыя программы были очень обстоятельными и обширными. Въ курсъ русскаго языка входило, напримѣръ, довольно подробное изученіе исторіи западно-европейскихъ литературъ, въ томъ числѣ литературы Италіи, Испаніи, Португаліи и Англіи. Подробно должна была проходиться исторія древней русской литературы, а новая русская литература должна была завершаться изученіемъ произведеній Пушкина, Лермонтова и Гоголя и очеркомъ состоянія современной литературы [3].

По истеченіи опытнаго срока въ Учебный Комитетъ были представлены замѣчанія мѣстныхъ начальствъ. Обстоятельный отзывъ былъ данъ инспекторомъ Воспитательнаго Общества М. М. Тимаевымъ [4], а М. П. Лесютьева въ своемъ отзывѣ высказала, между прочимъ, пожеланіе, чтобы въ интересахъ институтскаго преподаванія учителямъ была обезпечена возможность издавать для воспитанницъ печатныя руководства и даны для этого необходимыя денежныя средства [5].

Императрица Марія Александровна, еще будучи Цесаревной, принимавшая по желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны непосредственное участіе въ управленіи женскими учебными заведеніями и живо интересовавшаяся вопросами учебной реформы, поручила Учебному Комитету при разсмотрѣніи отзывовъ о программахъ предварительно обсудить слѣдующіе вопросы: «а) настоящій составъ предметовъ ученія вполнѣ ли соотвѣтствуетъ требованіямъ науки о воспитаніи и будущему назначенію дѣвицъ и б) распредѣляются ли нынѣ учебные

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), №№ 142 и 200; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 10; Д. 1856 г., № 6 (оп. кн.), № 14; Д. 1858 г., № 70, л. 6. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 81. [3] См. печатн. программы изд. 1853 года. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 44, л. 19. [5] Тамъ же, л. 21.

предметы въ постепенныхъ классахъ заведеній такъ, чтобы между ними сохранялась взаимная связь, облегчающая ихъ изученіе» [1].

Только въ началѣ 1860 г. была закончена работа по пересмотру учебныхъ программъ [2], при чемъ, во исполненіе указаній Императрицы, работа эта была расширена и углублена до пересмотра всей постановки учебнаго дѣла, съ цѣлью установленія общей строго продуманной стройной учебной системы, основанной на началахъ педагогической психологіи и данныхъ педагогическаго опыта.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 70; Д. 1855 г., № 41. [2] Программа по Закону Божію была просмотрѣна Петербургскимъ митрополитомъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1882 г., № 70, д. 9).

IV.

Учебное дѣло въ Смольномъ.—Преподаватели и ихъ уроки.—Библіотека.—Мѣры къ исправному посѣщенію уроковъ преподавателями.—Вопросъ о неучебныхъ дняхъ.—Экзамены.—Спеціальный педагогическій классъ.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ годовыхъ отчетовъ по учебной части М. М. Тимаевъ пишетъ о «духѣ ученія», господствовавшемъ въ его время въ Смольномъ:

«Какъ главная цѣль воспитанія женщины должна быть религіозно-нравственная, то ученіе должно быть устремлено къ этой цѣли, всякое преподаваніе должно быть проникнуто этими двумя началами: религіей и нравственностью. Такъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Александровскомъ Училищѣ дѣлалось всегда и дѣлается нынѣ. Преподаваніе Закона Божія, конечно, наиболѣе способствуетъ къ религіозно-нравственному образованію, но и преподаваніе другихъ наукъ направлено къ той же главной цѣли. Потому развитіе человѣческаго духа совершается въ нашемъ заведеніи гармонически во всѣхъ его проявленіяхъ: религіозномъ, нравственномъ, умственномъ и эстетическомъ. Каждая преподаваемая наука имѣетъ свою задачу: три языка (русскій, французскій и нѣмецкій) и три литературы оныхъ содѣйствуютъ къ разносторонему развитію ума, памяти и вкуса; естественная наука (физика и естественная исторія), разъясняя воззрѣніе на природу, возвышаетъ

душу отъ земного къ небесному; математическія науки, несмотря на тѣсный ихъ кругъ (*ариѳметика и начала геометріи*), образуютъ умъ формально и, при безпрестанныхъ приложеніяхъ къ жизни, практически; наконецъ, политическія науки (географія и исторія), излагая бытъ народовъ, ихъ гражданственность, дѣянія и успѣхи въ образованіи, указуютъ въ большихъ примѣрахъ пути къ достиженію благополучія въ частной жизни, опредѣляя обязанности наши къ ближнему, отечеству и престолу. Такимъ образомъ, знакомя воспитанницъ нашихъ со внѣшнимъ и нравственнымъ міромъ, мы готовимъ ихъ къ жизни къ сознанію отношеній къ Богу, ближнему и самому себѣ»[1].

Взгляды М. М. Тимаева, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовали взглядамъ и стремленіямъ М. П. Леонтьевой, которая даже такое явленіе, какъ затменіе, стремилась использовать въ религіозно-нравственныхъ цѣляхъ: донося Императрицѣ о томъ, что воспитанницы готовятся наблюдать затменіе, ожидавшееся въ іюлѣ 1851 г., М. П. Леонтьева пишетъ, что велѣла приготовить для нихъ закопчёныя стекла и что воспользуется этимъ исключительнымъ случаемъ, чтобы обратить и возвысить души дѣтей къ Вѣчному Существу (l'Etre Eternel)[2].

Постановкѣ преподаванія въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ удѣлялось много вниманія. Съ особенной тщательностью избирались законоучители. До освященія собора всѣхъ учебныхъ заведеній въ Воспитательномъ Обществѣ и Мѣщанскомъ Училищѣ не было отдѣльныхъ законоучителей. Законоучительскія обязанности несли священники, числившіеся въ штатѣ Смольнаго монастыря, они же совершали богослуженія въ *церкви Воспитательнаго Общества. Затрудненій* отъ этого совмѣстительства не было, такъ какъ въ монастырѣ церковная служба отправлялась только въ одной изъ церквей для немногочисленныхъ монахинь. Послѣ освященія въ 1835 г. собора всѣхъ учебныхъ заведеній такое совмѣстительство сдѣлалось для законоучителей очень обременительнымъ, такъ какъ богослуженія въ соборѣ стали совершаться ежедневно, къ храму былъ приписанъ приходъ, духовенство стали отвлекать совершеніемъ духовныхъ требъ. Поэтому въ 1848 г. были установлены *для* Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища

[1] Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1856 г., № 106, лл. 16—20. [2] Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1851 г., № 89, л. 33.

особые отъ духовенства собора законоучители, на которыхъ было возложено и совершеніе богослуженія въ храмахъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища [1].

Среди законоучителей Воспитательнаго Общества выдѣлялись протоіереи о. Іоаннъ Филипповичъ Недешевъ, о. Преображенскій, о. Симеонъ Краснощёковъ и о. Іоаннъ Яхонтовъ.

Человѣкъ глубоко вѣрующій и просвѣщенный, протоіерей Недешевъ заботился не только о томъ, чтобы обогатить умъ воспитанницъ христіанскими познаніями, но еще больше о правильномъ развитіи ихъ религіозныхъ чувствъ. Не ограничиваясь уроками, о. Недешевъ пользовался для своихъ бесѣдъ внѣклассными временемъ воспитанницъ. Воспитанницы очень уважали о. Недешева и скорбѣли, если по болѣзни или недосугу онъ временами рѣже навѣщалъ ихъ. М. П. Леонтьева, сама очень религіозная, высоко цѣнила о. Недешева, какъ законоучителя, съ похвалой отзывалась о немъ при личныхъ докладахъ и въ своихъ письменныхъ донесеніяхъ Императрицѣ. Классныя дамы не ограничивались тѣмъ, что въ свободные отъ дежурствъ дни приходили слушать бесѣды о. Недешева съ воспитанницами, но праздникамъ для этой же цѣли онѣ собирались къ нему на квартиру [2].

Талантливымъ законоучителемъ, пользовавшимся большимъ уваженіемъ, былъ и о. протоіерей Преображенскій, состоявшій законоучителемъ 36 лѣтъ и оставившій Воспитательное Общество только вслѣдствіе болѣзни [3]. Хорошую память оставили послѣ себя протоіереи Краснощёковъ и Яхонтовъ, хотя первый пробылъ законоучителемъ всего около 5 лѣтъ и вслѣдствіе переутомленія долженъ былъ просить перевода въ приходскую церковь [4].

Для воспитанницъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданія приглашались законоучители ихъ вѣроисповѣданій, при чемъ уроженкамъ Финляндіи Законъ Божій преподавали на

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 87, лл. 132, 144, 188—189, 195—202, 207—208; Д. 1818 г., № 72, лл. 4, 5; Д. 1848 г., № 86; Д. 1849 г., № 78; Д. 1816 г., № 20, лл. 90—91. Синодск. Вѣд. 1839 г., № 68. Въ 1844 г., по повелѣнію Государя, «для введенія общаго единства въ направленіи преподаванія Закона Божія» въ учебныхъ заведеніяхъ, наблюденіе за преподаваніемъ его было возложено въ Петербургѣ на одного изъ епископовъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 5; Д. 1844 г., № 65; Д. 1847 г., № 62). [2] Черн. докл. Леонтьевой (Арх. Имп. Восп. Общ. 1844 г., № 72, л. 34); Д. 1853 г., № 1 (оп. вн.), №№ 7 и 61, Прот. Лебедевъ. Протоіерей І. Ф. Недешевъ. Зак. спор. свящ. І, 18—19, 37, 55, 56, 199, 297, 302, 307—308, 338. [3] Арх. Имп Восп. Общ. Д. 1853 г., № 67; Д. 1843 г., № 1 (оп. вн.). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 26; Д. 1816 г., № 20, л. 90; Д. 1815 г. № 87, л. 152.

шведскомъ языкѣ. Изъ законоучителей лютеранскаго вѣроисповѣданія пользовался особымъ уваженіемъ генералъ-суперинтендентъ Рейнботъ [1].

М. П. Леонтьева съ своей стороны обращала особое вниманіе на преподаваніе Закона Божія и русскаго языка. Она любила русскій языкъ, поощряла чтеніе воспитанницами русскихъ авторовъ и не терпѣла, если воспитанницы при отвѣтахъ на урокѣ употребляли не чисто русскія слова и выраженія.

Законоучитель протоіерей НЕДЕШЕВЪ.

Русскую словесность въ Смольномъ, въ числѣ другихъ, преподавали профессоръ А. В. Никитенко, извѣстный педагогъ и дѣтскій писатель М. Б. Чистяковъ и инспекторъ М. М. Тимаевъ.

Профессоръ Никитенко преподавалъ въ Воспитательномъ Обществѣ съ начала 1838 до конца 1843 г. Онъ очень любилъ уроки въ Воспитательномъ Обществѣ и составилъ для воспитанницъ записки по своему предмету. Воспитанницы въ свою очередь настолько любили его живые увлекательные уроки, что «голубыя» чуть не плакали, когда узнали, что Никитенко, преподававшій только у «бѣлыхъ», покидаетъ институтъ и имъ уже не придется у него учиться. Неохотно разставалось съ Никитенко и начальство Воспитательнаго Общества, засвидѣтельствовавшее это даже Императрицѣ [2].

Большіе успѣхи воспитанницы оказывали также у Чистякова и Тимаева [3].

Въ младшихъ классахъ талантливо преподавалъ русскій языкъ Кочемазовъ. «Онъ упражняетъ дѣтей въ грамматическихъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 93, л. 2; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 93; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 59; Д. 1846 г., № 32; Д. 1848 г., № 72, л. 1; Д. 1848 г., № 91; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 67; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 181; Д. 1852 г., № 75. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 12; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 1; Д. 1844 г., № 58, лл. 3—4. Никитенко. Записки, I, 293, 297, 344 и др. Угличанинова, 21. Мордвинова, 88. [3] Черн. докл. Леонтьевой Императрицѣ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 83); Д. 1844 г., № 58. Зап. Дивовой. Ркп.

правилахъ—писала М. П. Леонтьева Императрицѣ про преподаваніе Кочемазова въ младшемъ возрастѣ—безъ заучиванія по книгѣ, но только на примѣрахъ, заставляя ихъ работать головой и давать устные отвѣты на свои вопросы. Такимъ образомъ, онѣ весело и легко усваиваютъ правила грамматики» [1].

Географію въ старшихъ классахъ преподавалъ П. Х. Шаумбургъ, очень образованный преподаватель, съ восторгомъ относившійся къ своей наукѣ [2].

У маленькихъ географію преподавалъ Московскій. Онѣ съ увлеченіемъ чертили на его урокахъ карты. «Хотя онѣ портятъ при этомъ очень много бумаги—пишетъ М. П. Леонтьева въ своемъ донесеніи Императрицѣ,—но не жаль этого расхода, въ виду большой пользы отъ такого наглядного обученія» [3].

Въ другомъ донесеніи Императрицѣ М. П. Леонтьева снова съ одобреніемъ отзывается о методѣ преподаванія Московскаго, а также объ урокахъ у маленькихъ преподавателя исторіи Филиппова:

«...Leurs connaissances dans l'histoire universelle et la géographie ne sont pas grand chose,—писала М. П. Леонтьева Императрицѣ,—mais ce qui leur a été enseigné de ces deux sciences a été tellement mis a leur portée, qu'en citant les dates, les évènements et les noms historiques, elles ajoutent des détails qu'elles racontent avec beaucoup de naïveté et de plaisir, comme l'artifice de Didon pour avoir droit sur une grande étendue du terrain afin d'y construire Carthage; le fil d'Ariane mis entre les mains de Thesée pour trouver l'issue du labyrinthe et d'autres détails qui les amusent et les attachent à l'étude de l'histoire qui leur est ensoignée par M-r Philippoff» [4].

Преподаватель французскаго языка Тютe отлично преподавалъ французскую литературу, увлекательно говорилъ о Ламартинѣ, Расинѣ, Монтэнѣ, Руссо, Вольтерѣ, умѣлъ внушать интересъ и любовь къ изучаемымъ произведеніямъ [5].

Другой преподаватель французскаго языка Риффе удивлялъ воспитанницъ своимъ декламаторскимъ талантомъ. Любитель театра, онъ написалъ для воспитанницъ Смольнаго рядъ пьесъ [6].

[1] Мордвинова, 87. [2] Зап. стар. смол. I, 10, 15, 68. [3] Мордвинова, 87—88. [4] Мордвинова, 87. [5] Зап. Дивовой. Рук. Зап. стар. смол., I, 68—69. [6] Зап. стар. смол., I, 13—15. Пьесы Риффе были изданы въ 1815 г. подъ заглавіемъ: «Théâtre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoi».

Физику преподавалъ по французски бывшій аббатъ Делоше [1]. Послѣ его ухода изъ Воспитательнаго Общества за преподаваніемъ физики въ старшихъ классахъ имѣлъ наблюденіе профессоръ Буссе [2].

Выборъ учительскаго персонала совершался очень тщательно [3]. Первые мѣсяцы, согласно правиламъ, приглашенный преподаватель считался только состоящимъ на опытѣ и, если, по ближайшемъ ознакомленіи съ его преподаваніемъ, признавался не вполнѣ соотвѣтственнымъ, ему предлагали подать прошеніе объ увольненіи по домашнимъ обстоятельствамъ [4].

Преподаватели, удовлетворительно выдержавшіе четырехмѣсячное испытаніе, утверждались въ должности. Начальство Воспитательнаго Общества не останавливалось, впрочемъ, предъ увольненіемъ и штатныхъ преподавателей, если съ теченіемъ времени обнаруживались обстоятельства, препятствующія имъ вполнѣ успѣшно выполнять свои обязанности [5].

Уроки преподавателей, особенно молодыхъ, постоянно посѣщались инспекторомъ. Рѣдкій день М. М. Тимаевъ пропускалъ, не побывавъ на урокѣ хотя бы у одного преподавателя [6].

Довольно часто посѣщалъ уроки графъ Уваровъ. Онъ любилъ принимать непосредственное участіе въ урокѣ, особенно по исторіи, русской, французской и нѣмецкой литературамъ, самъ спрашивалъ воспитанницъ, давалъ указанія, какъ надо декламировать на разныхъ языкахъ стихотворенія, иногда даже руководилъ изученіемъ тѣхъ стихотвореній, какія воспитанницы готовили къ пріѣзду Императрицы. Графъ Уваровъ присутствовалъ нерѣдко на экзаменахъ, просматривалъ сочиненія воспитанницъ. «Il a examiné plusieurs compositions, donné d'excellentes explications et fait d'utiles remarques»—писала М. П. Леонтьева Императрицѣ объ одномъ изъ посѣщеній графа Уварова. О другомъ его посѣщеніи М. П. Леонтьева сообщала Императрицѣ, что, благодаря умѣнью графа Уварова предлагать вопросы въ доступной и интересной формѣ, никто изъ воспитанницъ не

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 84. Зап. стар. смол., I, 32 и 67. Зап. Смирновой, I, 115. [2] Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 42. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 59, лл. 23, 24, 50; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 52, лл. 2—3; Д. 1833 г., № 12, лл. 1—2. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 10 (оп. кн.), № 8. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 42, л. 3. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 84, л. 7. Угличанинова, 52.

смутился, а всѣ отвѣчали болѣе или менѣе хорошо. Экзаменъ, произведенный графомъ Уваровымъ, оказалъ—по словамъ М. П. Леонтьевой—благодѣтельное вліяніе на слабыхъ воспитанницъ, такъ какъ онѣ стали больше увѣрены въ себѣ.

Пріѣзды графа Уварова обычно становились чаще предъ приближеніемъ времени публичныхъ экзаменовъ. При своихъ посѣщеніяхъ въ это время онъ хотѣлъ провѣрить знанія воспитанницъ, пріучить ихъ меньше волноваться, больше вѣрить въ свои знанія [1].

М. П. Леонтьева каждый день присутствовала на урокахъ, постоянно бывала на экзаменахъ; она отмѣчала въ своей записной книжкѣ, со списками воспитанницъ всѣхъ классовъ, имена тѣхъ воспитанницъ, отвѣты которыхъ ее наиболѣе удовлетворили, и упоминала о нихъ въ своихъ докладахъ Государынѣ.

О ходѣ учебнаго дѣла М. П. Леонтьева подробно сообщала Императрицѣ, какъ при устныхъ докладахъ, такъ и въ письменныхъ донесеніяхъ. Она сообщала Императрицѣ не только общія свѣдѣнія о преподавателяхъ и ихъ методахъ преподаванія, но нерѣдко и объ отдѣльныхъ ихъ урокахъ, о болѣзни преподавателей, ихъ уходѣ, замѣнѣ ихъ другими. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ М. П. Леонтьева писала о первомъ урокѣ новой преподавательницы французскаго языка. По мнѣнію М. П. Леонтьевой, отъ этой преподавательницы можно ждать очень многаго: она прекрасно владѣетъ какъ французскимъ, такъ и русскимъ языками и потому при выясненіи воспитанницамъ особенностей французскаго языка можетъ успѣшно пользоваться сопоставленіемъ ихъ съ свойствами русскаго языка. Въ другомъ донесеніи М. П. Леонтьева писала, что, вмѣсто больного преподавателя французскаго языка, урокъ въ голубомъ классѣ давала лучшая воспитанница этого класса. Иногда, какъ видно изъ донесеній М. П. Леонтьевой, преподаваніе урока лучшими воспитанницами, особенно въ бѣломъ классѣ, примѣнялось по педагогическимъ соображеніямъ и въ присутствіи преподавателя.

Больше всего въ донесеніяхъ М. П. Леонтьевой удѣлялось мѣста свѣдѣніямъ объ успѣшности занятій воспитанницъ. М. П. Леонтьева то даетъ общую характеристику хода учеб-

[1] Черн. докл. Леонтьевой Императрицѣ 19 іюня, 23 октября, 6 и 13 ноября, 25 декабря 1844 г. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 18, 37—38, 63, 65—66, 81); 11 и 16 іюня 1845 г. (Д. 1845 г., № 81, лл. 80, 92—93; 2 дек. 1846 г. (Д. 1846 г., № 67, л. 84); 16 сент. и 16 дек. 1847 г. (Д. 1847 г., № 62, лл. 53—54, 110), и т. д.

наго дѣла за истекшую недѣлю, то перечисляетъ при этомъ имена и фамиліи наиболѣе успѣвшихъ, то, наоборотъ, останавливается на тѣхъ воспитанницахъ, которыя успѣваютъ слабѣе другихъ. Съ радостью М. П. Леонтьева говоритъ, какъ преподаватель русской литературы, выйдя изъ класса, пошелъ къ инспектрисѣ и выразилъ удовольствіе по поводу старательныхъ и успѣшныхъ занятій «бѣлыхъ». Въ другой разъ М. П. Леонтьева пишетъ, что занятія науками привлекаютъ не всѣхъ воспитанницъ и что иногда приходится употреблять большія усилія, чтобы привлечь вниманіе дѣтей, особенно младшихъ. «Quelques petites brunes—говорится въ одномъ изъ донесеній М. П. Леонтьевой — ne peuvent concevoir l'utilité (des études), ni en prendre le gôut, à l'âge tendre où elles sont».

М. П. Леонтьева прекрасно знала способности каждой воспитанницы, особенно выпускного класса, и степень успѣховъ, какой каждая можетъ достигнуть при стараніи и добросовѣстной работѣ. Въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ М. П. Леонтьева нерѣдко упоминаетъ о «petites paresseuses», неуспѣхи которыхъ за ту или другую отчетную недѣлю носятъ случайный характеръ и не тревожатъ М. П. Леонтьеву. Но наряду съ ними она постоянно обращаетъ вниманіе Императрицы на дѣйствительно неспособныхъ, плохо одаренныхъ отъ природы. Заботы М. П. Леонтьевой о такихъ дѣтяхъ были постоянными. Отмѣчая ихъ фамиліи Императрицѣ, М. П. Леонтьева не упрекаетъ ихъ, а жалѣетъ, возбуждаетъ къ нимъ состраданіе Государыни. Въ одномъ изъ своихъ донесеній М. П. Леонтьева благодаритъ Императрицу за «вниманіе къ наиболѣе слабымъ» воспитанницамъ бѣлаго класса, которое произвело на нихъ отрадное впечатлѣніе, ободрило, подняло вѣру въ себя. Бывали дѣвочки съ такими плохими способностями, что невозможно было ждать отъ нихъ хотя бы небольшихъ успѣховъ въ наукахъ. Педагогическій опытъ подсказывалъ М. П. Леонтьевой, что безполезно утомлять и заставлять такихъ дѣтей изучать научные предметы; она снисходительно относилась къ ихъ малоуспѣшности въ наукахъ, но становилась къ нимъ требовательнѣе по отношенію къ занятіямъ ручнымъ трудомъ, рукодѣліемъ, искусствами [1]. М. П. Леонтьева не вмѣ-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 52, 57—58, 66; Д. 1845 г., № 81, лл. 23, 84, 92—93; Д. 1846 г., № 67, лл. 18, 21, 63, 67, 75; Д. 1847 г., № 62, лл. 16, 45; Д. 1851 г., № 82, л. 16; и мн. др.

шивалась въ дѣло преподаванія. Но личность ея была столь значительна и ярка, взгляды столь опредѣленны, что безусловно отражались и на духѣ и на системѣ преподаванія.

Признавая пользу ученія, М. П. Леонтьева первой задачей института ставила, однако, воспитаніе и стремилась къ тому, чтобы образованіе велось въ томъ же духѣ, что и воспитаніе, было съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ, преслѣдовало тѣ же цѣли. М. П. Леонтьева считала, напр., что преподаваніе русской литературы и русской исторіи должно способствовать развитію въ воспитанницахъ чувства патріотизма. «Въ старшемъ классѣ непремѣнно учили оду «Богъ» и «Клеветникамъ Россіи», стихотворенія, любимыя начальницей»,—пишетъ одна изъ смолянокъ времени М. П. Леонтьевой [1]. «Занятія въ классахъ велись въ національномъ духѣ вездѣ, гдѣ это было возможно»,—пишетъ другая смолянка [2].

Во имя блага порученныхъ ей дѣтей, М. П. Леонтьева иногда своей властью дѣлала отступленія отъ обычнаго порядка институтской жизни. Въ 1846 г., напр., она доносила 5 августа Императрицѣ, что отложила на недѣлю начало уроковъ въ бѣломъ классѣ, «въ виду хорошей погоды», которой дѣти не могли бы иначе воспользоваться [3].

На пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ и пособій ежегодно полагалось на каждую воспитанницу Общества благородныхъ дѣвицъ по 7 руб.; въ 1856 г. Главный Совѣтъ постановилъ повысить эту сумму до 10 руб. на каждую воспитанницу въ годъ [4]. На каждую воспитанницу полагалась отдѣльная учебная книга почти по каждому предмету; учебныя пособія выдавались обычно на 2—5 воспитанницъ [5].

Учебныхъ книгъ и руководствъ въ Смольномъ было много; значительная часть ихъ были лучшими для того времени [6].

[1] Мордвинова, 139. [2] Статсъ-дама М. П. Леонтьева, 32. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 56. [4] Журн. Учебн. Комит. 12 дек. 1855 г. и 21 окт. 1856 г. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 41, лл. 9, 12—14. [6] Разновременно за періодъ управленія Смольнымъ Императрицы Александры Ѳеодоровны Законъ Божій изучали по слѣдующимъ книгамъ: «Начатки христіанскаго ученія», «Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта», изд. Мин. Нар. Пр., «Чтеніе изъ четырехъ Евангелистовъ и дѣяній Апостольскихъ», изд. Мин. Нар. Пр., «Пространный Катехизисъ», изд. Св. Синода, «Краткое изъясненіе Всенощнаго бдѣнія» прот. Гумилевскаго (Эта книга была введена въ Смольномъ по личному желанію Императрицы), «О богослуженіи Православной церкви Краснопвѣтова (законоучителя Смольнаго). Въ 1831 г., по повелѣнію Государя, для обученія лютеранокъ старшихъ

Въ связи съ введеніемъ устава 1855 г., Учебнымъ Комитетомъ былъ выработанъ «нормальный списокъ учебныхъ руководствъ для женскихъ учебныхъ заведеній I и II разрядовъ», и Главный Совѣтъ предложилъ учебнымъ заведеніямъ пополнить классныя библіотеки на основаніи этого списка [1].

Большинство учебниковъ, перечисленныхъ въ «нормальномъ спискѣ», уже ранѣе были введены въ Смольномъ. Въ представленномъ отъ Воспитательнаго Общества въ Главный Совѣтъ спискѣ книгъ и пособій, пріобрѣтеніе которыхъ было признано желательнымъ, были указаны, главнымъ образомъ, различныя наглядныя пособія, какъ, напр.: «модели сажени, квадратнаго фута и кубическаго», «собраніе геометрическихъ тѣлъ изъ дерева», «избранная коллекція животныхъ», «гербарій», «собраніе минераловъ», «приборъ для электрическаго телеграфа», «этнографическая карта Россіи», «карта промышленности Россіи», «карта климатовъ», «карта естественныхъ про-

классовъ былъ введенъ малый катехизисъ Лютера, изд. проф. Дерптскаго универс. Эверсомъ. Для русскаго языка были приняты книги: «Хрестоматія для дѣтей» и «Полная Хрестоматія» Галахова, «Исторія русской словесности», изд. Мин. Нар. Пр., «Книга для чтенія Пенинскаго», «Курсъ изящной словесности» Тимаева, приноровленный къ программѣ и методу преподаванія въ Смольномъ; для французскаго языка: «Mosaïque littéraire par Perrin», «Книга для переводовъ съ русскаго языка на французскій Топорова», тоже—Студитскаго, «Grammaire de Nouqué», «Livre de lecture, par Riffé» (преподавателя Смольнаго), «Nouvelles leçons de littérature française, par Tricot»; «Rhétorique pour les jeunes personnes, par St Hilaire», «Lectures morales, historiques et autres», «Lecture française, par St. Hilaire»; для нѣмецкаго языка: «Prosaische und Poetische Lesestücke von Masson», «Deutsche Sprachlehre von Uckermann», «Deutsche Grammatik. von Vücker», «Книга для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій», Топорова, такая же—Студитскаго. Ариѳметику въ старшихъ классахъ преподавали по книгѣ Буссе, въ младшихъ классахъ учебной книги по ариѳметикѣ совсѣмъ не было. Физику проходили по литографированнымъ запискамъ Лавоніуса; географію—по «тетради» Тимаева (инспектора Смольнаго), и по книгамъ Ободовскаго; исторію—по книгѣ Устрялова «Начертаніе русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній», и «Histoire universelle (cours préparatoire) à l'usage de la Communauté impériale des demoiselles nobles, par Timaëff», по литографированнымъ запискамъ по древней исторіи преподавателя Смольнаго Анисіева, по «Всеобщей исторіи» Шультина, и др. [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 37; Д. 1846 г., № 14, л. 2; Д. 1841 г., № 45; Д. 1854 г., № 41; л. 14; Д. 1853 г., № 42; Д. 1839 г., № 13, л. 3; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 84; Д. 1833 г., № 23; Д. 1837 г., № 26, лл. 1, 14, 23, 24, 25 и др.; Д. 1831 г., № 61; Д. 1851 г., № 1 (оп. кн.), № 85. Муз. Имп. Восп. Общ.]. Въ видѣ классныхъ пособій, въ Смольномъ употреблялись «карты пяти частей свѣта, наклеенныя на холстъ, на палкахъ», листы «сравнительныхъ высотъ горъ, водопадовъ и зданій», «изображеніе солнечной системы на листѣ» и т. п. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 13, л. 3; Д. 1837 г., № 26, л. 14; и др.). [1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 41; Д. 1855 г., № 70; Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 94. Журн. Учеб. Ком. 12 дек. 1855 г. и 24 окт. 1856 г. (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи).

изведеній», «рельефная карта Европы», «планетарій», «коллекція племенныхъ изображеній», атласы, глобусы и т. д. [1].

Кромѣ книгъ и пособій для класснаго употребленія, въ Смольномъ была большая «главная» библіотека [2].

Кромѣ «главной библіотеки», которая находилась въ завѣдываніи сначала помощника правителя канцеляріи, который за особую плату совмѣщалъ со своей должностью и обязанности библіотекаря, а *впослѣдствіи — помощника инспектора*, въ

[1] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1854 г., № 41, лл. 12—14. Объ учебныхъ книгахъ и пособіяхъ Александровскаго училища см. тамъ же, лл. 15—16. [2] Въ числѣ книгъ главной библіотеки Общества, между прочимъ, были: Повѣсти А. Пушкина, поэмы, его же, «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ» его-же, «Ундина» Жуковскаго. Повѣсти Марлинскаго, «Путешествіе по Сѣверной Америкѣ», Сипьяна, «Словарь древней поэзіи» Остолопова, Сочиненія Муравьева, «Россія» Булгарина, «Записки 1814 и 1815 годовъ» Данилевскаго, Сочиненія Якубова, «Опыты поэзіи» Тимофеева, «Отечественная галлерея великихъ людей», изд. Зобовымъ, «Обязанности домашняго общества», «Исторія государства Польскаго» Бандке, «Поучительныя слова» священника Малова, «Исторія Англіи для дѣтей», «Римская исторія», «Нашествіе на Россію Наполеона» Бутурлина, «Исторія Греціи», «Подарокъ Дѣтямъ на Св. Пасху», «Басни» Измайлова, Сочиненія Козлова, «Похвальное слово Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ» кн. Шахматова, «Музыка, понятная для всѣхъ» Фетиса, «Историческія достопамятности музыки» его-же, «Россія и Баторій» Розена, «Тассо» Кукольника, Сочиненія Ломоносова, Стихотворенія Милонова, Идиллія Панаева, «Сказанія Современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ» перев. Устрялова, «Путешествіе въ полуденную Россію» Измайлова, Сочиненія Хераскова, Сочиненія Княжнина, «Избранный нѣмецкій театръ», перев. Шишкова, «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» его же, «Путешествіе по Сициліи» Норова, «Объясненія къ сочиненіямъ Державина», изд. Львовымъ, «Ермакъ, или покореніе Сибири» Свиньина, «Исторія крестовыхъ походовъ», перев. Бутовскаго, «Путешествіе къ св. мѣстамъ», «Путешествіе къ русскимъ св. мѣстамъ», «Князь Скопинъ-Шуйскій» Сочиненія Бенедиктова, «Дни Богослуженія» Дебольскаго, «Исторія Россійской церкви», Исторія Шульгина, Географія Гроча, «Воспоминанія о Персіи» Корфа, «Исторія Екатерины II» Лефорша, «Дѣтской Карачаинъ» Прево, «О заблужденіяхъ и предразсудкахъ» Сальга, «Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей» Ишимовой, «Ключъ къ исторіи Карамзина» Строева, «Образцовыя сочиненія», собр. Срезневскимъ, «Босферъ» Базили, «Семейные вечера» Ишимовой, «Искуситель» Загоскина, «Разсказы старушки» Ишимовой, «Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи» Погорѣльскаго, «Черная курица», повѣсть, его-же, «Дочь купца Жолобова» Калашникова, «Андрей безымянный» повѣсть, «Черный ящикъ», повѣсть, Повѣсти Кожевника, «Стрѣльцы кн. Масальскаго», «Монастырка», «Собраніе дѣтскихъ повѣстей» А. Ш., «Повѣсти и сказки для дѣтей» Зонтагъ, «Lettres de M-me de Sévigné», «Poésies de Malherbe», «Chefs d'oeuvres de Corneille», Oeuvres complètes de Molière», «Oeuvres complètes de Regnard,» «Dictionnaire éthymologique», «Le génie de l'homme» par Chênedolé, «L'espérance par St. Victor», «Théâtre de M. C. Delavigne», «Oeuvres de Crébillon», «Oeuvres de Collin d'Harleville», «Oeuvres de Ducis», «Hoffmann's Werke», «Gellert's Werke» «Herger's Werke», «Göthe's Werke», «Körner's Geschichte», «Schauspiele Lopez de Wega», «Ausgewählte Muster der deutschen Litteratur», «Мессинская невѣста», перев. Ратчева, «Вильгельмъ Телль», перев. его же, «Гамлетъ», перев. Вронченко, «Манфредъ», перев. его же, «Мизантропъ», перев. Кокошкина, «Освобожденный Іерусалимъ», перев. Мерзлякова, и т. д. Въ 1851 г. Императрица пожаловала Смольному Библію и сочиненія

Смольномъ была особая библіотека для спеціальнаго, или пепиньерскаго класса [1].

У М. П. Леонтьевой была своя библіотека, преимущественно изъ книгъ богословскаго содержанія, какъ, напр. «Слова и рѣчи митрополита Филарета», «Святыя горы и Оптина пустынь», «Катехизисъ Петра могилы», «Жизнь Александра Невскаго» и т. п., но были въ ней и такія книги, какъ «Oeuvres de Molière», «Abrégé de tous les voyages du monde», «Racine», «Histoire de la maison royale de Saint Cyr», «Naturgeschichte der drei Reiche», «Императоръ Александръ I и его сподвижники», «Записки русской путешественницы», «Іоанна д'Аркъ», «Юрій Милославскій» и т. д.

Книги «изъ кабинета Ея Превосходительства г-жи начальницы» выдавались отдѣльнымъ класснымъ дамамъ и воспитанницамъ, иногда сразу цѣлому классу [2]. Воспитанницы читали много и охотно [3].

Смольный пользовался правомъ «выписывать изъ за границы книги и вообще учебныя пособія, безъ платежа пошлинъ» [4].

Главнымъ Совѣтомъ принимались мѣры къ тому, чтобы классное время было использовано наиболѣе продуктивно; съ

на нѣмецкомъ языкѣ Гейденрейха и Миллера: «Руководство для готовящихся къ Св. Причащенію»; эти книги принадлежали Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 60). Кромѣ того, въ институтскую библіотеку Смольнаго выписывались разновременно слѣдующіе журналы и газеты: «Современникъ» Пушкина съ перваго года выхода, «Сѣверная Минерва», изд. Вѣтринскимъ, «Сѣверная пчела», «Педагогическій журналъ», «Христіанское чтеніе», «Дѣтскій журналъ», «Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія», «Сынъ отечества», «Духовная бесѣда», «Журналъ для дѣтей», изд. Чистяковымъ, «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній», «Журналъ Воспитанія», «Русскій педагогическій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества», «Журналъ естественныхъ наукъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русская бесѣда», «Русскій художественный листокъ», «Пчела Академіи», «Звѣздочка», «Воскресное чтеніе», «Творенія Св. Отцевъ», «Journal de St. Petersburg», «Journal des demoiselles», «Universum» и т. д. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1832 г., № 20, лл. 2, 8; Д. 1838 г., № 26, лл. 1, 6, 8; Д. 1834 г., № 28, лл. 5, 8; Д. 1836 г., № 54; Д. 1837 г., № 28, лл. 4, 19, 37; Д. 1839 г. № 13, лл. 1, 3; Д. 1839 г., № 5, л. 9; 1851 г., № 18 (оп. пп.), № 198; Д. 1847 г., № 47; Д. 1876 г., № 68; Д. 1841 г., № 45; Д. 1842 г., № 3 (оп. пп.), № 42; Д. 1843 г., № 32, лл. 1, 11; Д. 1854 г., № 51; Д. 1851 г., № 17; Д. 1834 г., № 28, лл. 11—22; Д. 1851 г., № 66). Библіотека пополнялась новый годъ. Въ 1859 г., между прочимъ, были пріобрѣтены: Сочиненія Лермонтова, «Мертвыя души» Гоголя (1 ч.), сочиненія Пушкина, Даниченкова, Григоровича, Исторія Россіи Соловьева, «Хижина дяди Тома» Бичеръ Стоу и др. (Д. 1859 г., № 5).

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Матер. Учр., XIII, 201. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 51. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 61; Д. 1853 г., № 9 (оп. пп.). [3] См., напр., Зап. Дивовой. Рук. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 1 (оп. пп.), № 30.

этой цѣлью былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ «побужденію преподавателей исправно посѣщать классы».

Въ 1848 г. было сообщено отъ Главнаго Совѣта Воспитательному Обществу повелѣніе Государя «распространить на всѣ заведенія» введенное въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ правило, согласно съ общимъ уставомъ Россійскихъ университетовъ 1835 г.; этимъ правиломъ предписывалось дѣлать вычеты изъ жалованья преподавателей «за пропущенные безъ законныхъ причинъ уроки» [1].

Членъ Совѣта А. С. Норовъ.

Въ 1853 г. Главный Совѣтъ издалъ Высочайше утвержденное постановленіе, въ которомъ были указаны «причины небытности на урокахъ, признанныя законными, порядокъ, который въ сихъ случаяхъ надлежитъ соблюдать, и взысканія за нарушеніе сего порядка». Законными причинами «небытности» на урокахъ признавались: болѣзнь, съ представленіемъ докторскаго свидѣтельства; обязанности службы въ другихъ мѣстахъ, если будетъ представлено предписаніе или свидѣтельство отъ надлежащаго начальства; домашнія обстоятельства, какъ, напр., вступленіе въ бракъ, смерть или крайне опасная болѣзнь членовъ семейства, пожаръ или другое несчастіе въ домѣ; затруд-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1853 г., № 87, л. 112. Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. Раньше инспекторъ долженъ былъ дѣлать преподавателямъ за пропуски или опаздываніе замѣчанія «и, наконецъ, входить съ представленіемъ объ увольненіи» (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1810 г., № 53).

нительное сообщеніе черезъ рѣку. О неявкѣ на урокъ по одной изъ этихъ причинъ преподаватель долженъ былъ представить объясненіе, не позже слѣдующаго дня (исключеніе дѣлалось лишь для «затруднительности переправы черезъ рѣку»). За нарушеніе этихъ правилъ преподаватели подвергались слѣдующимъ взысканіямъ: вычету изъ жалованья, лишенію правъ на награду и на чины. Эти правила были заимствованы Главнымъ Совѣтомъ изъ приказа Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній [1].

Инспекторъ классовъ обязанъ былъ періодически представлять въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества свѣдѣнія о числѣ и причинахъ пропущенныхъ преподавателями уроковъ за извѣстный періодъ времени [2].

Та же цѣль—повысить успѣшность занятій воспитанницъ учебными предметами—побудила Главный Совѣтъ прибѣгнуть къ увеличенію класснаго времени, путемъ сокращенія неучебныхъ дней. Въ 1852 г. Главный Совѣтъ представилъ на утвержденіе Императора Николая I списокъ дней и часовъ, въ которые не должно быть классныхъ занятій. Списокъ этотъ представлялъ копію съ утвержденнаго Государемъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній.

По новому расписанію праздники были установлены въ слѣдующіе дни: Богоявленіе, Сырная недѣля съ четверга, Срѣтеніе Господне, Благовѣщеніе, Вербное Воскресеніе, Страстная недѣля съ четверга и вся Свѣтлая недѣля, Вознесеніе, день Св. Троицы и Духовъ день, Преображеніе, Успеніе Богоматери, Рождество Богородицы, Рождество Христово и недѣля съ 25 декабря по 1 января, восемь царскихъ дней (дни рожденія и тезоименитства Ихъ Величествъ и Наслѣдника Цесаревича, коронація и восшествіе на престолъ), храмовые праздники и воскресные дни.

Препровождая новое расписаніе табельныхъ дней въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества, Главный Совѣтъ разъяснялъ, что онъ «считалъ бы соотвѣтствующимъ съ религіознымъ образованіемъ юношества, чтобы и въ прочіе праздничные дни, какъ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1853 г., № 81; Д. 1848 г., № 1; Д. 1845 г., № 87, лл. 151, 213, 214; Д. 1851 г., № 9 (оп. вн.), № 170. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1848 г., № 1; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 165; Д. 1845 г., № 87, лл. 24, 25, 211, 212; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 12; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 59; и мн. др.

означенные въ общей табели, такъ и особо въ каждомъ заведеніи установленные, воспитанницы присутствовали при Богослуженіи, прерывая на это лишь время учебныя занятія» [1].

Постановленіе Главнаго Совѣта шло совершенно въ разрѣзъ съ взглядами и убѣжденіями М. П. Леонтьевой. Она считала сокращеніе неучебныхъ дней недопустимымъ съ религіозной точки зрѣнія. Тотчасъ по полученіи утвержденнаго Государемъ новаго расписанія неучебныхъ дней, М. П. Леонтьева отправила статсъ-секретарю Гоффману пространное письмо, въ которомъ подробно излагала свои взгляды въ этомъ отношеніи, прося довести ихъ до свѣдѣнія Императрицы. Не получая отвѣта отъ А. Л. Гоффмана, М. П. Леонтьева рѣшила воспользоваться своимъ правомъ—въ особо важныхъ случаяхъ обращаться непосредственно къ Ея Величеству. Она представила Государынѣ письмо, въ которомъ писала:

«La crainte de fatiguer Sa Majesté Impériale m'oblige à n'user que rarement de la permission de me présenter chez Elle. J'ose esperer que je ne serai pas accusée d'importunité, si je *profite aujourd'hui d'une grâce que je mets bien au dessus de* toutes les consolations, que ma position peut m'offrir,—pour exposer à Votre Majesté Impériale ce, que je considère d'une importance majeure pour le maintien de la prospérité des établissements qui m'ont été confiés. Au nombre des moyens, qui doivent assurer cette prospérité, c'est, sans contredit, la stabilité des réglements d'après lesquels nos établissements sont administrés car la perturbation de l'ordre établi amène de grands inconvenients. Tout a été calculé ici pour le plus grand avantage de la nombreuse jeunesse élevée sous les Augustes auspices de Votre Majesté Impériale et pour le succès le mieux assuré de l'éducation morale, ainsi que de l'instruction, que les enfants reçoivent dans ces murs. Changer les dispositions faites pour le temps qu'elles doivent donner à l'étude, à la récréation, aux exercices de piété et au repos ce serait rendre difficile, ou même impossible, de conserver l'harmonie parfaite entre les soins qu'exigent l'âme, le coeur, l'esrit, le physique des elèves, ainsi que le contentement et le bien-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1852 г., № 57, л. 12; Д. 1852 г., № 73; Д. 1852 г., № 1 [оп. вн.], № 147. Арх. Совѣта Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маѳѳ. СПБ. Сир. Инст. 3782-а. Ср. Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русск. журн. 1855-1863 гг. СПБ. 1867, стр. 79.

être, qu'on cherche à leur procurer pour se conformer en tout point aux intentions de Votre Majesté Impériale à leur égard.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА
съ Августѣйшими дѣтьми.

Le temps n'a jamais manqué à nos élèves pour suivre avec succès le cours d'études qui leur est assigné; nous n'avons pas besoin de quelques jours de travail de plus pour atteindre ce but déja rempli; mais il nous est essentiel de conserver dans leurs coeurs l'heureuse habitude de sanctifier par la prière et des lectures édifiantes les fêtes, instituées par l'église. C'est en assistant aux

offices divins, qui chez nous se disent avec beaucoup d'onction et d'une manière bien intelligible, que nos enfants se penètrent d'avantage de sentiment de piété, qu'elles retiennent dans la mémoire presque involontairement des passages de lecture sainte qui leur inspirent l'amour de leurs devoirs, que leurs âmes deviennent plus susceptibles de s'élever vers le bien. Notre tâche d'institutrices en est allegée, au profit du bonheur terrestre des enfants et leur félicité au delá de cette vie. La suppression de quelques journées de fêtes, *inutile sous le rapport des études, serait très nuisible* chez nous sous le rapport moral et réligieux.

Le Conseil Supérieur des établissements d'éducation des demoiselles est une institution bienfaisante, quant aux affaires, qui doivent être reglées conformément aux lois du code civil. Le code moral et religieux a ses attributions particulières. Les supérieures des établissements de l'éducation des demoiselles, dirigées dans leurs fonctions par les instructions et les ordres éclairés de Sa *Majesté Impériale, sont les seuls juges compétants des soins*, que les jeunes filles exigent, et pourraient être consultées sur les dispositions nouvelles, que les circonstances peuvent faire désirer d'adopter».

Императрица Александра Ѳеодоровна согласилась съ доводами М. П. Леонтьевой и повелѣла сохранить въ Смольномъ тѣ же табельные дни, какіе были раньше [1].

Классы въ Смольномъ были трехгодичными, однако экзамены производились во всѣхъ классахъ ежегодно. Инспекторъ классовъ экзаменовалъ въ старшихъ возрастахъ и первомъ отдѣленіи средняго возраста, помощникъ инспектора—въ остальныхъ. Въ старшихъ возрастахъ все пройденное раздѣлялось на отдѣльные билеты [2] «съ краткимъ изложеніемъ вопроса». Преподаватели представляли къ экзаменамъ списки съ баллами воспитанницъ, на экзаменахъ инспекторъ или его помощникъ «повѣряли» эти баллы, и затѣмъ вносили ихъ въ общую таблицу, куда помѣщался и баллъ за поведеніе, представленный инспектрисой каждаго возраста. На основаніи балловъ

[1] Мордвинова, 124-127. [2] Это было нововведеніе гр. Уварова (Никитенко, I, 293).

по поведенію и по успѣхамъ въ учебныхъ предметахъ, выводился общій результатъ успѣшности каждой воспитанницы. Баллы по рисованію и чистописанію при подсчетѣ не принимались во вниманіе.

Родители и родственники воспитанницъ могли получать копіи съ таблицъ объ ихъ успѣхахъ, черезъ начальницу или инспектрисъ; кромѣ того, они имѣли право непосредственно *обращаться* къ инспектору за всевозможными справками объ успѣшности воспитанницъ.

Послѣ каждаго экзамена читался рапортъ о результатахъ его, при чемъ инспекторъ дѣлалъ «поощрительныя и исправительныя замѣчанія» [1].

М. П. Леонтьева всегда присутствовала на годичныхъ экзаменахъ, постоянно ихъ посѣщали Принцъ Ольденбургскій, члены Совѣта по учебной части, статсъ-секретарь, завѣдывавшій IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, епископы, *наблюдавшіе за преподаваніемъ Закона* Божія, или ихъ помощники [2].

Экзамены бывали весной, съ апрѣля по іюнь, при чемъ шли по очереди, сначала въ старшихъ классахъ, потомъ въ среднихъ и заканчивались передъ самыми каникулами у «кофейныхъ». Послѣ сдачи экзаменовъ каждому классу давался недѣльный отдыхъ, а потомъ тотчасъ опять начинались уроки. Наступленіе лѣтнихъ каникулъ не стояло въ связи съ окончаніемъ экзаменовъ [3].

Въ еженедѣльныхъ донесеніяхъ Императрицѣ М. П. Леонтьева давала подробный и безпристрастный отчетъ о ходѣ экзаменовъ. На ряду съ отзывами объ экзаменахъ, которые сошли «отлично», «блестяще» и т. д., встрѣчаются отзывы болѣе умѣренные, *въ которыхъ М. П. Леонтьева писала*, что тотъ или другой экзаменъ «удовлетворилъ» ее, или «что она ждала большаго» отъ этого класса, и т. п. Такъ, напр., донося въ 1844 г. о трехъ экзаменахъ въ бѣломъ благородномъ классѣ — Закона Божія, французскаго языка и русскаго языка, М. П. Леонтьева сообщала

[1] См., напр., годовой отчетъ по учебной части инспектора Тихаева за 1856 г. (Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1856 г., № 106, лл. 14-20). [2] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1844 г., № 72; Д. 1845 г., № 81; Д. 1856 г., № 67; Д. 1857 г., № 62; Д. 1856 г., № 106, лл. 16—26; и мн. др. [3] См., напр., Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 78, 76, 68; Д. 1847 г., № 62, лл. 51, 42, 15 и мн. др.

Императрицѣ, что первый экзаменъ сошелъ прекрасно, второй— очень хорошо, а третій — гораздо хуже, тѣмъ болѣе, что отъ роднаго языка можно требовать большаго; воспитанницы дѣлали ошибки по орѳографіи, хотя часто по разсѣянности и могли сами исправить ихъ [1].

Въ 1846 г. М. П. Леонтьева отмѣтила въ своемъ докладѣ Императрицѣ, что, по ея мнѣнію, знанія воспитанницъ «бѣлаго благороднаго» класса достаточны по всѣмъ предметамъ, кромѣ ариѳметики. «Elles savent assez, sans doute,—писала М. П. Леонтьева,—pour se tirer d'affaire quand il s'agit d'un calcul usuel, mais non pour briller par la solution rapide d'un problème présenté quelquefois d'une manière énigmatique» [2].

Предъявляя серьезныя требованія къ знаніямъ воспитанницъ старшихъ классовъ, М. П. Леонтьева относилась съ большой снисходительностью къ дѣтямъ «кофейнаго» класса. Сообщая Императрицѣ свои впечатлѣнія объ экзаменахъ въ «кофейномъ благородномъ» классѣ, М. П. Леонтьева, между прочимъ, писала: «Ils me donnent beaucoup de satisfaction. Les enfans en apparence ont appris peu de chose, mais elles lisent toutes plus ou moins bien; font joliment l'analyse grammaticale sans avoir appris la grammaire systématiquement, récitent des vers et de la prose à la portée de leur intelligence d'une manière très agréable. L'on peut dire qu'elles sont bien préparées pour commencer un cours méthodique de toutes les sciences qu'on doit leur enseigner dans la classe bleue où elles vont entrer. Cependant nous nous garderons bien de cesser déjà de les traiter en enfans; on procédera à leur instruction future avec les ménagemens que leur âge si tendre exige» [3].

Забота о томъ, чтобы не обременять дѣтскій разумъ маленькихъ «кофейныхъ», ясно видна и въ другомъ докладѣ М. П. Леонтьевой Императрицѣ, гдѣ Леонтьева пишетъ, что надо съ особой осторожностью развивать мышленіе дѣтей, — каждый «лишній» шагъ въ этомъ отношеніи можетъ принести вредъ и запутать ихъ незрѣлыя еще понятія [4].

Въ своихъ отчетахъ объ экзаменахъ М. П. Леонтьева отмѣчала Императрицѣ какъ преподавателей, достигшихъ въ классѣ наи-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 51. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 87. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 81, л. 82. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 46.

лучшихъ результатовъ [1], такъ и воспитанницъ, наиболѣе отличившихся [2]. Бывали случаи, что М. П. Леонтьева прилагала къ своему донесенію работы воспитанницъ, наиболѣе выдѣлившихся своими успѣхами. Такъ, напр., прилагая въ 1844 г. французское экзаменное сочиненіе одной изъ воспитанницъ «бѣлаго» класса, М. П. Леонтьева писала Императрицѣ, что эта дѣвочка поступила въ Смольный безъ всякой подготовки и «d'une petite fille sans éducation elle est devenue une jeune personne qui a du comme il faut» [3]. Слабыхъ воспитанницъ М. П. Леонтьева обычно не называла Императрицѣ по фамиліямъ, но всегда отмѣчала приблизительное число ихъ и степень малоуспѣшности на экзаменахъ. Такъ, напр., давая отчетъ объ экзаменахъ въ кофейномъ классѣ Александровскаго училища въ 1846 г., М. П. Леонтьева писала Императрицѣ, что довольна всѣми дѣтьми, кромѣ одной, которая «ne fera probablement aucun progrès car elle est presque stupide et n'a pu encore apprendre à bien lire le russe» [4].

Быть отмѣченной въ отчетѣ Императрицѣ въ числѣ отличившихся успѣхами на экзаменахъ считалось большой наградой [5].

«Инспекторскіе» экзамены въ «бѣлыхъ» классахъ передъ выпускомъ бывали осенью, за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска, и отличались отъ обычныхъ годичныхъ экзаменовъ лишь бо́льшей торжественностью, вслѣдствіе присутствія на нихъ начальствующихъ лицъ и почетныхъ гостей, и нѣкоторой напряженностью отъ сознанія близкаго выпуска, публичныхъ экзаменовъ и экзамена въ присутствіи Высочайшихъ Особъ.

Въ одномъ и томъ же возрастѣ воспитанницъ на повторительный курсъ не оставляли. По окончаніи трехлѣтняго курса воспитанницы въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій возрастъ, хотя между ними нерѣдко встрѣчались дѣвицы, недостаточно подготовленныя къ дальнѣйшему курсу. Въ старшихъ классахъ такимъ воспитанницамъ становилось еще труднѣе заниматься, онѣ еще болѣе отставали отъ общаго уровня класса.

Для того, чтобы облегчить малоспособнымъ и малоуспѣшнымъ прохожденіе учебнаго курса, воспитанницъ каждаго возраста дѣлили по способностямъ и успѣхамъ на два отдѣленія, при чемъ

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 52, 70, и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 65; Д. 1845 г., № 81, л. 66; Д. 1847 г., № 62, л. 92; и мн. др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 55—56. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 35. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 24.

въ отдѣленіи болѣе слабыхъ учебные предметы были тѣ же, что и въ болѣе сильномъ отдѣленіи, но проходились въ меньшемъ объемѣ [1].

Въ 1845 г., послѣ большихъ колебаній, была сдѣлана попытка раздѣлить воспитанницъ «бѣлаго благороднаго» класса на четыре параллельныя отдѣленія, гдѣ были «въ каждомъ смѣшаны всѣ степени способностей, отъ отличныхъ до самыхъ слабыхъ». Однако, эта мѣра была осуществлена неудачно, на первыхъ же порахъ вызвала много неудобствъ и затрудненій

Видъ на Смольный.

и въ 1856 г. была отмѣнена, «какъ вредная для успѣшности ученія и даже въ нравственномъ отношеніи» [2].

Пепиньерскіе классы въ Смольномъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ продолжали существовать на прежнихъ основаніяхъ.

Въ 1846 г. Учебный Комитетъ призналъ желательнымъ учредить при Александровскомъ училищѣ *особый спеціальный* классъ для тѣхъ изъ лучшихъ воспитанницъ, которыя захотятъ всецѣло посвятить себя педагогической дѣятельности.

Составленіе проекта спеціальнаго педагогическаго класса при С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ было поручено

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 4. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 90, лл. 74—78; Д. 1851 г., № 81, Муз. Имп. Восп. Общ.

инспектору Смольнаго—М. М. Тимаеву [1]. Этотъ проектъ по разсмотрѣніи Главнымъ Совѣтомъ, который внесъ въ него нѣкоторыя измѣненія и дополненія, 23 августа 1847 г. удостоился Высочайшаго утвержденія.

Комплектъ спеціальнаго класса былъ опредѣленъ въ тридцать воспитанницъ, при чемъ 9 изъ нихъ опредѣлялись изъ пепиньерокъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, 6 — изъ пепиньерокъ Александровскаго училища, остальныя 15—изъ окончившихъ полный курсъ наукъ.

Въ спеціальный классъ могли приниматься «только отличныя по способностямъ, прилежанію, благонравію и только въ такомъ случаѣ, если сами или родители ихъ изъявятъ на это желаніе». Учебный курсъ педагогическаго класса положенъ былъ двухгодичный и заключалъ въ себѣ «дополнительно-научные и спеціально-педагогическіе» предметы. Послѣднимъ придавалось особое значеніе, такъ какъ «они должны были давать воспитанницамъ необходимыя основанія къ надлежащему исполненію предстоявшихъ имъ обязанностей наставницъ». Предполагалось знакомить воспитанницъ: «1) съ природою человѣка, или антропологіей, 2) со средствами развитія его тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, или педагогикой, и 3) съ приложеніемъ общихъ началъ отдѣльно къ каждой изъ преподаваемыхъ наукъ, или дидактикой».

На обязательныя занятія въ педагогическомъ классѣ было опредѣлено 36 часовъ въ недѣлю, при чемъ 18 часовъ воспитанницы должны были слушать уроки и лекціи преподавателей по общеобразовательнымъ и педагогическимъ предметамъ, 18 часовъ посвящать самостоятельнымъ занятіямъ и, подъ руководствомъ тѣхъ же учителей, опытамъ въ обученіи воспитанницъ разныхъ возрастовъ всѣмъ преподаваемымъ имъ наукамъ. Кромѣ занятій научными и спеціально-педагогическими предметами, воспитанницы спеціальнаго класса должны были упражняться въ рукодѣліяхъ, танцахъ, музыкѣ, рисованіи. Занятія рисованіемъ признавались, между прочимъ, необходимыми для того, чтобы воспитанницы могли «усовершенствовать себя въ этомъ искусствѣ» и «ознакомиться съ легчайшими пріемами обученія рисованію начинающихъ».

[1] «Соображенія инспектора классовъ при Восп. Общ. благ. дѣв. для учрежденія Спеціальнаго класса при С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ» (Муз. Инп. Восп. Общ.).

Большую трудность представлялъ вопросъ о пріисканіи преподавателей для спеціальнаго класса. Вопросъ этотъ осложнялся еще тѣмъ, что курсъ педагогическаго класса былъ двухгодичнымъ, выпуски же происходили черезъ три года, и, такимъ образомъ, у преподавателей педагогическаго класса цѣлый годъ оставался безъ занятій [1]. Несмотря на это, благодаря энергіи Тимаева, составъ преподавателей спеціальныхъ классовъ былъ очень удачнымъ. Русскую словесность читалъ проф. Никитенко, французскую — Сюзоръ, педагогику и дидактику — Вышнеградскій и т. д.

Воспитательская часть и общій надзоръ надъ спеціальными классами былъ порученъ начальницѣ Смольнаго, ближайшее завѣдываніе—инспектрисѣ Александровскаго училища и состоявшимъ въ ея вѣдѣніи класснымъ дамамъ. Воспитанницы спеціальнаго класса имѣли право, съ разрѣшенія начальницы, уѣзжать на праздники и воскресные дни въ отпускъ къ родителямъ или родственникамъ.

Предполагалось устроить для воспитанницъ спеціальныхъ классовъ особую библіотеку и предоставить въ ихъ распоряженіе всевозможныя руководства, учебныя пособія, карты, таблицы и проч. Временно онѣ должны были пользоваться библіотекой Воспитательнаго Общества. По истеченіи двухъ лѣтъ, долженъ былъ происходить экзаменъ по всѣмъ предметамъ курса спеціальныхъ классовъ и, главнымъ образомъ, по педагогикѣ и дидактикѣ; успѣхи воспитанницъ по этимъ двумъ предметамъ должны свидѣтельствовать о томъ, что оканчивающія педагогическій классъ обладаютъ «знаніемъ и искусствомъ обучать другихъ основательно и отчетливо». Экзамены происходили въ присутствіи Принца Ольденбургскаго, членовъ мѣстнаго Совѣта и почетныхъ гостей, какъ, напр., начальницъ другихъ С.-Петербургскихъ институтовъ, членовъ Главнаго Совѣта и т. п.

Всѣмъ оканчивающимъ спеціальные классы было положено «предоставлять совершенную свободу располагать собою и пол-

[1] Въ связи съ этимъ возникъ вопросъ о вознагражденіи преподавателей спеціальнаго класса и о порядкѣ опредѣленія ихъ на службу: приглашать ли каждый разъ новыхъ преподавателей или имѣть постоянныхъ, какъ платить имъ жалованье и т. п. Главный Совѣтъ постановилъ «имѣть при спеціальныхъ классахъ всѣхъ учителей на постоянной службѣ съ тѣмъ, чтобы имъ назначенъ былъ постоянный годовой окладъ одною третью менѣе противъ того, который слѣдовало бы имъ получать, если бы они занимались преподаваніемъ уроковъ частныхъ».

ное право заниматься воспитаніемъ и преподаваніемъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ казенныхъ заведеніяхъ, безъ полученія особыхъ свидѣтельствъ отъ университета». Кромѣ того, имъ было Высочайше предоставлено право на пенсію и единовременныя денежныя пособія изъ особаго капитала, образованнаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія «въ пользу домашнихъ учителей и учительницъ» [1].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1816 г., № 20, лл. 6—16, 17—20, 28—32, 35—45. Копія съ журн. Гл. Сов. 25 окт. 1850 г. (Муз. Имп. Воспит. Общ.). Докладъ Леонтьевой Императрицѣ 8 апр. 1850 г. (тамъ же). Инструкція, данная М. П. Леонтьевой, инспектрисѣ и классныхъ дамамъ спеціальнаго класса (тамъ же). Бумаги, относящіяся къ переходу, расписанію уроковъ и экзаменовъ въ спеціальномъ классѣ, составленныя Гаевскимъ (тамъ же). Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1851 г., № 36. Лядовъ, 50—52. Захарченко, 12—27. Мордвинова, 88—89.

V.

Искусства въ Смольномъ. — Рукодѣлія и домоводство. — Смерть инспектора классовъ М. М. Тимаева и выборъ ему преемника.

Обученіе воспитанницъ Смольнаго искусствамъ — танцамъ, музыкѣ, пѣнію, рисованію—при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, какъ и раньше, было поставлено образцово.

Танцы были обязательны для всѣхъ, такъ какъ считались одной изъ существенныхъ сторонъ хорошаго воспитанія, а также признавались чрезвычайно полезными, въ качествѣ физическихъ упражненій [1].

Въ концѣ 1854 г. М. П. Леонтьева писала А. Л. Гофману по поводу новаго устава для женскихъ институтовъ, согласно которому предполагалось обучать искусствамъ лишь тѣхъ изъ воспитанницъ, «кои къ искусствамъ имѣютъ природную наклонность и способность», что она считаетъ, «что искусству танцованія, какъ лучшему и полезнѣйшему гимнастическому упражненію должны быть обучаемы всѣ воспитанницы безъ исключенія, ибо движеніе это, кромѣ пользы приносимой здоровью особенно къ ортопедическомъ отношеніи, сообщаетъ дѣвицамъ привычные и благородные пріемы и ловкость» [2].

Смолянки отличались граціей, искусно танцовали классическіе и характерные танцы, а иногда спеціально для нихъ придуманные для постановки по поводу какого либо торжественнаго дня или празднествъ и т. п.

[1] Арх. Инп. Воен. Общ. Д. 1861 г., № 72. [2] Арх. Инп. Воен. Общ. Д. 1816 г., № 20, л. 82.

Преподавательницами танцевъ въ Смольномъ были лица съ громкой артистической извѣстностью, какъ Роза Дидло, бывшая танцовщица-солистка Императорскихъ театровъ Дарья Ришардъ, г-жа Дидье, Огюстъ-Пуаре и др. [1].

«Музыкѣ инструментальной», т. е. игрѣ на роялѣ, обучались воспитанницы съ самаго младшаго класса. Однако, серьезныя занятія музыкой начинались лишь въ старшихъ классахъ, гдѣ вовсе неспособныя къ музыкѣ совсѣмъ отъ нея освобождались; наоборотъ, воспитанницъ, одаренныхъ музыкальными способностями, обучали серьезно, стремясь дать имъ возможность усовершенствоваться и развивать свои дарованія. Кромѣ казенныхъ уроковъ, воспитанницамъ дозволялось, съ разрѣшенія родителей, брать, за особую плату, уроки у частныхъ учителей [2]. Въ старшихъ классахъ обучали игрѣ на арфѣ.

М. П. Леонтьева любила музыку и заботилась о наилучшей ея постановкѣ въ Смольномъ. Она ходатайствовала передъ Главнымъ Совѣтомъ о томъ, чтобы «имѣть при Обществѣ, вмѣсто семи, десять учительницъ музыки, со столомъ классныхъ дамъ, что будетъ больше соотвѣтствовать необходимымъ требованіямъ и пользѣ преподаванія музыки, какъ чрезъ доставленіе средствъ къ пріисканію способнѣйшихъ учительницъ помянутаго искусства, такъ и по причинѣ удобства въ упражненіяхъ дѣвицъ музыкою подъ руководствомъ учительницъ въ заведеніи живущихъ и, слѣдовательно, имѣющихъ возможность чаще наблюдать за ихъ игрою и слѣдить за успѣхами» [3]. Нѣкоторые преподаватели музыки также имѣли квартиру при Обществѣ [4].

Въ качествѣ руководства «систематической методы обученія музыкѣ» въ Смольномъ была принята «Музыкальная антологія», составленная «наблюдателемъ музыкальнаго преподаванія въ московскихъ институтахъ, придворнымъ піанистомъ Рейнгардтомъ» [5].

Высшее руководство и наблюденіе за преподаваніемъ въ Смольномъ музыки было поручено особому инспектору музыки.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 38; Д. 1857 г., № 11; Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 29; Д. 1861 г., № 84, л. 4; и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1840 г., № 5; Д. 1850 г., № 2 (оп. кн.); Д. 1851 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1855 г., № 7 (оп. кн.); Д. 1852 г., № 2 (оп. кн.), лл. 3, 6, 7, 9, 13; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 1 (оп. кн.), № 148; ср. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 29, л. 2; Д. 1857 г., № 97; Д. 1853 г., № 58; и др. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 12 (оп. кн.). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 1 (оп. кн.), № 35.

Эту должность занимали извѣстные піанисты, сначала Гензельтъ [1], а по смерти его—Лешетицкій, котораго Совѣтъ Воспитательнаго Общества рекомендовалъ какъ «превосходнаго по знанію своего дѣла и особому искусству учителя» [2]. Гензельтъ и Лешетицкій не только наблюдали и руководили музыкальнымъ преподаваніемъ въ Смольномъ, но и сами давали уроки наиболѣе способнымъ къ музыкѣ воспитанницамъ [3].

Преподаваніе итальянскаго (свѣтскаго) пѣнія находилось въ рукахъ Кавоса. До 1829 г. онъ самъ обучалъ воспитанницъ пѣнію; съ 1829 г., съ Высочайшаго соизволенія его уроки были переданы Кавосу—сыну, при чемъ Кавосъ—отецъ былъ оставленъ въ качествѣ инспектора и главнаго руководителя [4].

Репертуаръ свѣтскаго пѣнія, какъ хоры, такъ и solo, дуэты, тріо и т. п., былъ, главнымъ образомъ, итальянскій, но многое исполнялось изъ оперъ Глинки, особенно изъ «Жизнь за Царя» [5].

Обученіе «свѣтскому» пѣнію начиналось лишь въ «бѣломъ» классѣ, при чемъ, передъ самымъ переходомъ въ этотъ классъ, производилась проба голосовъ, для избранія тѣхъ изъ воспитанницъ, которыя должны будутъ обучаться свѣтскому пѣнію.

Церковному пѣнію въ Смольномъ удѣлялось большое вниманіе.

Воспитанницы «голубого» класса, на третьемъ году пребыванія въ немъ, начинали изучать церковное пѣніе съ тѣмъ, чтобы при переходѣ въ «бѣлый» классъ онѣ могли пѣть въ церкви Воспитательнаго Общества [6]. Воспитанницы «бѣлаго» класса Александровскаго училища пѣли въ церкви Вдовьяго Дома [7]. Репер-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 35. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), №№ 66 и 107. [3] Мордвинова, 98. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), №№ 61, 94; Д. 1811 г., № 3 лл. 11, 13, 14; и др. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 26, л. 42. Въ Смольномъ имѣлась довольно значительная библіотека нотъ. Въ ней были, напр., «Solfèges de Rossini», «Méthode de Robert», арія и хоры ихъ «Жизнь за Царя», «Вильгельмъ Телль», «Лукреція Бердина» и др. Въ качествѣ руководства для преподаванія церковнаго пѣнія Главнымъ Совѣтомъ были рекомендованы составленныя Львовымъ «Правила обученія воспитанницъ церковному пѣнію». Владѣлецъ лучшаго въ то время въ Петербургѣ музыкальнаго магазина Гольцъ пожертвовалъ въ теченіе пяти лѣтъ Воспитательному Обществу различныхъ нотъ свыше чѣмъ на 2700 р. серебромъ, за что въ 1842 г. ему было Высочайше разрѣшено «употреблять, сверхъ названія коммиссіонера Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, на вывѣскахъ и нотахъ Императорскій Россійскій гербъ», а въ 1844 г. объявлено «Всемилостивѣйшее удовольствіе» [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 26, л. 42; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 74; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 39; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 118; ср. Д. 1844 г., № 48]. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 7. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 57, л. 8.

туаръ церковнаго пѣнія былъ разнообразный; въ большіе праздники пѣніе было особенно торжественнымъ [1].

Высшее наблюденіе за церковнымъ пѣніемъ въ Смольномъ было возложено на директора Придворной Пѣвческой Капеллы Львова [2], ближайшее руководство находилось въ рукахъ преподавателя Ломакина, извѣстнаго спеціалиста въ области церковнаго пѣнія, въ теченіе сорока лѣтъ управлявшаго капеллой гр. Шереметева [3].

Арфа, пожалованная по завѣщанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Смолянки прекрасно исполняли церковныя пѣснопѣнія, ихъ пѣніе производило сильное впечатлѣніе на молящихся [4]. Императрица Александра Ѳеодоровна любила церковное пѣніе воспитанницъ, пріѣзжала въ институтскую церковь къ богослуженію и выражала обычно воспитанницамъ свое удовольствіе. Въ день одного изъ такихъ посѣщеній, именно 12 августа 1856 г., статсъ-секретарь Гофманъ писалъ М. П. Леонтьевой.

«Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, по возвращеніи сего числа изъ Общества благородныхъ дѣвицъ, изволила вспомнить, что Она не выразила особо удовольствія своего тѣмъ воспитанницамъ, кои пѣли во время Богослуженія. Посему, отдавая полную справедливость прекрасному ихъ пѣнію, Государыня Императрица повелѣть мнѣ изволила просить Ваше Превосходительство поблагодарить отъ Имени Ея дѣвицъ, участвовавшихъ въ хорѣ» [5].

Рисованіе было обязательнымъ для всѣхъ воспитанницъ, ему удѣлялось большое вниманіе, но послѣ смерти Императрицы

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 31. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 118; Д. 1859 г., № 56, ср. № 56; Д. 1859 г., № 1 (оп. кн.), № 17. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 30. [4] Мордвинова, 99—100. Зап. стар. смолянки, I, 207 и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 27.

Маріи Ѳеодоровны оно утратило то значеніе, какое имѣло при ней и во времена Императрицы Екатерины, когда успѣхи по рисованію имѣли значеніе наравнѣ съ успѣхами по научнымъ предметамъ. Въ 1836 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества даже «не осмѣлился» испрашивать, послѣ выпуска, учителю рисованія Семечкину «по недовольной важности предмета его ученія» денежнаго награжденія наравнѣ съ другими преподавателями, а высказался за награжденіе его подаркомъ [1].

Пособіями для рисованія служили бюсты изъ гипса Венеры и Аполлона, кисти ихъ рукъ, нога Венеры, модель головы изъ проволоки и проч. [2].

Занятіямъ всевозможными рукодѣліями отводилось въ Смольномъ немало вниманія и времени. Рукодѣліемъ воспитанницы занимались ежедневно, кромѣ праздниковъ, въ свободные отъ уроковъ часы [3]. Смолянки обучались тонкимъ и сложнымъ рукодѣліямъ, какъ, напр., плетенію кружевъ [4]. Въ 1853 г. Императрица Александра Ѳеодоровна изъявила желаніе, чтобы «дѣвицы упражняемы были преимущественно въ шитьѣ и кройкѣ бѣлья и платьевъ» [5].

Каждый годъ смолянки готовили Ихъ Величествамъ къ высокоторжественнымъ днямъ подарки своего рукодѣлія. Императоръ Николай I ежегодно жаловалъ Воспитательному Обществу за подносимыя ему рукодѣлія по 4.000 р. ассигнаціями [6], которые должны были употребляться на расходы по обученію рукодѣліямъ.

Подношенія Государынѣ, согласно ея желанію, изготовлялись практическаго характера, какъ, напр., жакетцы, капоты и т. п. Между прочимъ, смолянками была вышита покрышка для кресла Императрицы въ церкви Александровскаго дворца [7].

Точно также отводилось время для занятій домоводствомъ.

Въ 1851 г. М. П. Леонтьева писала въ своемъ докладѣ Императрицѣ: «La couture, le tricot, la broderie et même l'art de la cuisine ne sont point négligés; nous avons soin cependant que les occupations culinaires de ces demoiselles ne fassent pas de tort

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 80. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 35. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 81, л. 15. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 29, л. 2. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 36. [6] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 30; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 59; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 93; и др. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 35.

à leurs études, on choisit pour cela des matinées libres de leçons ou bien on va à la cuisine les jours de fête après la messe» [1].

Императоръ Николай Павловичъ придавалъ особое значеніе занятіямъ воспитанницъ домоводствомъ [2]. По желанію Государя, въ Смольномъ было введено обученіе воспитанницъ «выкладкѣ на счетахъ», въ виду «пользы, какая можетъ произойти впослѣдствіи для дѣвицъ отъ знанія хозяйственнаго счетоводства» [3].

«Quelques blanches vont tous les matins avec une dame de classe dans ma cuisine, pour voir comment s'apprêtent les différents mets,—писала въ одномъ изъ своихъ донесеній Императрицѣ М. П. Леонтьева о занятіяхъ воспитанницъ домоводствомъ.—Elles se font expliquer ce qu'elles ne comprennent pas du premier abord et me racontent quelquefois très bien à table comment l'on doit s'y prendre pour accomoder un plat, en indiquant la quantité des provisions qui y entrent» [4].

Въ 1850 г. при Смольномъ были заведены образцовыя кухни для практическихъ занятій воспитанницъ [5]. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ «обратить особое вниманіе на образцовыя кухни, учрежденіе коихъ предполагаетъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ самую благодѣтельную цѣль въ дѣлѣ воспитанія дѣвицъ недостаточнаго состоянія» [6]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь изъявилъ желаніе, чтобы воспитанницы, какъ Общества благородныхъ дѣвицъ, такъ и Александровскаго училища «равномѣрно упражнялись въ приготовленіи, какъ скоромной, такъ и постной пищи» [7].

Въ одномъ изъ отчетовъ о занятіяхъ воспитанницъ Смольнаго домоводствомъ, между прочимъ, говорилось, что «со времени учрежденія въ сихъ заведеніяхъ образцовыхъ кухонь—воспитанницы старшихъ классовъ, въ продолженіе года, всѣ поочередно занимались, подъ руководствомъ опытной кухарки, приготовленіемъ кушанья, какъ въ скоромные такъ и въ постные дни, съ запискою въ особо заведенную книгу, какъ способа приготовленія кушанья, такъ и счета деньгамъ на припасы

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 54; ср. Письма кн. Одоевскаго къ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ, стр. 24—29. [2] См., напр., Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 84, л. 24; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 192. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 62. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 45. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 189; Д. 1851 г., № 81, л. 8; Д. 1845 г., № 84, л. 23. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 84, л. 25; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 216.

употребленнымъ; что же касается до успѣховъ дѣвицъ въ хозяйствѣ и въ выкладкѣ на счетахъ, а также въ изготовленіи какъ бѣлья, такъ и одежды, то вообще можно засвидѣтельствовать, что этими предметами всѣ безъ исключенія воспитанницы занимались съ равною охотою и оказываютъ одинаковые успѣхи» [1].

Въ цѣляхъ знакомства воспитанницъ съ хозяйствомъ, въ саду, по мысли М. П. Леонтьевой, былъ устроенъ маленькій огородъ и посажены различные овощи [2].

Въ концѣ февраля 1858 г. въ Смольномъ произошло печальное событіе, глубоко отразившееся на жизни Воспитательнаго Общества и, главнымъ образомъ, на учебной части: умеръ инспекторъ М. М. Тимаевъ.

Инспекторъ музыки Гензельтъ.

Смерть его нашла искренній откликъ въ сердцахъ всѣхъ, кто его зналъ.

28 февраля 1858 г. профессоръ Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вечеромъ получилъ горестную вѣсть: М. М. Тимаевъ, мой старый другъ, благороднѣйшій изъ людей, какихъ я зналъ, внезапно умеръ...» [3].

«Сегодня въ семь часовъ вечера не стало нашего Тимаева, съ которымъ въ душахъ многихъ тысячъ смолянокъ соединяются лучшія воспоминанія о нашей первой молодости и прошлыхъ золотыхъ дняхъ юности—пишетъ въ своемъ дневникѣ одна изъ смолянокъ, въ то время классная дама Смольнаго.—Наши смоляночки въ продолженіе почти сорока лѣтъ слушали его вдохновенныя рѣчи, полныя любви къ прекрасному, къ высокому, благородному, какъ бы и къ чемъ оно ни проявлялось. Всѣ мы любили его уроки, любили его самого и теперь мнѣ такъ жаль этого добраго, почтеннаго человѣка, какъ будто бы что то родное, дорогое оторвалось отъ сердца!.. О, милый Тимаевъ! Пусть душа твоя найдетъ блаженство въ райскихъ обителяхъ! И если Господомъ разрѣшено видѣть оттуда, что̀ совершается здѣсь, на землѣ,—ты увидишь много, много слезъ, искренно проливаемыхъ по тебѣ. Вотъ и теперь молоденькія

[1] Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1859 г., № 4 (оп. вн.), № 95. [2] Черн. докл. Леонтьевой Императрицѣ 21 мая 1851 г. (Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 23). [3] Никитенко, I, 509.

твои послѣднія ученицы, съ которыми ты еще только что началъ занятія, плачутъ по тебѣ, какъ плачемъ и мы, которыя застали тебя еще въ полномъ расцвѣтѣ твоей жизни!» [1].

На похороны М. М. Тимаева собрались его сослуживцы, друзья, множество бывшихъ смолянокъ. Его отпѣвали въ Смольномъ, въ «дѣтской» церкви, какъ въ то время называли церковь Воспитательнаго Общества, гдѣ еще наканунѣ своей смерти Тимаевъ пѣлъ обѣдню вмѣстѣ съ хоромъ воспитанницъ. Священникъ Воспитательнаго Общества, о. Гречулевичъ, говорилъ надгробное слово, «неоднократно останавливаясь отъ душившихъ его слезъ». Многія горько плакали [2].

Членъ Совѣта
С. С. Тимаевъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна раздѣляла общую скорбь въ Смольномъ по случаю смерти Тимаева и приняла участіе въ судьбѣ его семьи [3].

Смерть Тимаева была для М. П. Леонтьевой тяжелымъ ударомъ.

«Мѣсяцъ кончился очень печально,—писала Леонтьева въ своемъ очередномъ докладѣ Императрицѣ,—вчера 27 февраля, внезапно умеръ инспекторъ классовъ Тимаевъ. Съ нимъ я теряю дѣятельнаго сотрудника и опытнаго педагога; человѣка характера честнаго и мягкаго, дѣлавшаго пріятными служебныя съ нимъ отношенія; ревностнаго исполнителя своего долга, всегда умѣвшаго кротко и умно направлять дѣтей» [4].

[1] Зап. отдр. смолянки, I, 414, 415. [2] Тамъ же, стр. 417, 418. [3] Съ соизволенія Ея Величества, вдовѣ Тимаева была назначена пенсія по 1.800 р. серебр. въ годъ и выдано единовременное пособіе въ размѣрѣ 1.980 рублей изъ кассоваго капитала (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 4 (оп. вед.), № 48). [4] Мордвинова, 169.

Дѣйствительно, М. М. Тимаевъ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ дѣятельнымъ и надежнымъ сотрудникомъ М. П. Леонтьевой. Они были люльми одного поколѣнія, были искренно преданы Смольному и дѣлу, которому себя посвятили, хорошо знали другъ друга и отношенія ихъ были основаны на взаимномъ довѣріи и уваженіи.

Помимо горести утраты, М. П. Леонтьеву тотчасъ послѣ смерти М. М. Тимаева сталъ тревожить вопросъ о томъ, кто будетъ замѣстителемъ М. М. Тимаева.

Кандидатовъ, желавшихъ занять должность инспектора классовъ Смольнаго, было много. Уже 1 марта было подано прошеніе о назначеніи на эту должность отъ инспектора классовъ Патріотическаго института, д. ст. сов. П. П. Максимовича, человѣка очень образованнаго и опытнаго педагога [1]; 5 марта — отъ директора Первой гимназіи Игнатовича [2], отъ генералъ-маіора Половцева [3] и многихъ другихъ.

Однако М. П. Леонтьева считала назначеніе новаго инспектора дѣломъ первостепенной важности, требующимъ большой осторожности и осмотрительности.

Членъ Совѣта по учебной части А. С. Норовъ, тотчасъ послѣ смерти «достойнѣйшаго инспектора» Тимаева, условился съ М. П. Леонтьевой «отнюдь не спѣшить замѣщеніемъ вакансіи инспектора классовъ, впредь до пріисканія лица, вполнѣ соотвѣтствующаго столь важной должности, какъ личными достоинствами, такъ и педагогическими способностями, а до того предоставить исправленіе сей должности кол. асс. Печкину, служащему съ 1 марта 1852 г. помощникомъ Инспектора классовъ, по собственному избранію г. Тимаева, который постоянно отзывался о своемъ помощникѣ съ большою похвалою и всегда былъ имъ совершенно доволенъ» [4].

М. П. Леонтьева считала, кромѣ того, неудобнымъ приглашать новаго инспектора передъ самыми экзаменами, особенно горячей порой въ учебной жизни Смольнаго, и Печкинъ былъ назначенъ временно исполняющимъ должность инспектора [5].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 2—3. [2] Игнатовичъ, между прочимъ, писалъ о себѣ Леонтьевой: «я принадлежу не къ числу геніальныхъ педагоговъ и не къ тѣхъ, которые умѣютъ казаться геніальными, но къ числу такихъ труженниковъ, которые, работая за глаза, имѣютъ въ виду одно—честное дѣло, по мѣрѣ силъ, полезное исполненіе долга» (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 5, 6—7). [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, л. 10. [4] Тамъ же, лл. 38—40. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1852 г., № 92; Д. 1854 г., № 91; Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), л. 21.

Однако, А. С. Норовъ вскорѣ измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и выдвинулъ на мѣсто инспектора классовъ Смольнаго кандидатуру Владиміра Николаевича Полевого. Онъ окончилъ въ 1848 г. университетъ, въ 1855 г. получилъ степень магистра юридическихъ наукъ и состоялъ въ данное время старшимъ преподавателемъ русской словесности и юридическихъ предметовъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ [1]. Эту кандидатуру поддержалъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, и 6 мая 1858 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества былъ увѣдомленъ, что Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, «озабочиваясь о замѣщеніи имѣющейся въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ вакансіи инспектора классовъ, Высочайше изволила повелѣть: рекомендуемаго Его Императорскимъ Высочествомъ Принцемъ Ольденбургскимъ и членомъ мѣстнаго Совѣта заведенія, по учебной части, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Норовымъ, титулярнаго совѣтника Полевого допустить временно къ исправленію сей должности для испытанія его *способностей и знанія дѣла, съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ* отъ Совѣта донесено было Ея Величеству» [2].

Полевой былъ назначенъ къ исполненію обязанностей инспектора Смольнаго помимо желанія М. П. Леонтьевой [3]. Однако первое впечатлѣніе М. П. Леонтьевой было въ пользу Полевого; но уже черезъ нѣсколько дней, при ближайшемъ знакомствѣ, еще до поступленія Полевого въ Смольный, Леонтьева «лично удостовѣрилась въ совершенной невозможности оказать ему требуемаго званіемъ инспектора классовъ довѣрія». Такому мнѣнію М. П. Леонтьевой способствовала и молодость Полевого, и неудачно прочитанная имъ пробная лекція, и растерянность, которую онъ обнаружилъ на первыхъ же порахъ [4]. Однако неоднократныя заявленія и представленія М. П. Леонтьевой о непригодности Полевого къ исполненію трудныхъ и сложныхъ обязанностей *инспектора Смольнаго оставались до осени* 1858 *г.* безрезультатными, быть можетъ, потому, что Императрица была больна, и М. П. Леонтьева, не рѣшаясь безпокоить ее личной

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 8, 11 и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, л. 28. [3] М. П. Леонтьева пыталась, но безъ успѣха, по крайней мѣрѣ отсрочить до осени вступленіе Полевого къ исполненіе обязанностей инспектора классовъ Смольнаго. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 38—40.

аудіенціей, посылала свои представленія статсъ-секретарю Гофману, съ просьбой доложить ихъ Государынѣ [1].

Полевой произвелъ невыгодное впечатлѣніе и на весь педагогическій персоналъ Воспитательнаго Общества [2]. Въ неподготовленности Полевого къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей инспектора классовъ скоро убѣдился и Принцъ Ольденбургскій, а М. П. Леонтьева написала въ концѣ августа 1858 г. конфиденціальное письмо А. Л. Гофману, гдѣ категорически заявляла, что «не можетъ согласиться на порученіе г. Полевому сопряженной съ великою отвѣтственностію, значительною трудностію и требующей большой опытности должности инспектора классовъ, а потому въ преимущественной заботѣ и единственномъ попеченіи о пользѣ заведеній» просила «при первой возможности исходатайствовать Всемилостивѣйшее Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны соизволеніе на увольненіе нынѣ же г. Полевого отъ временнаго исправленія инспекторской должности» и о порученіи этой должности, до окончательнаго ея замѣщенія, помощнику инспектора Печкину [3].

Въ началѣ октября 1858 г. Полевой былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей инспектора Смольнаго [4], и М. П. Леонтьева стала энергично искать на должность инспектора подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ кандидата.

Такимъ кандидатомъ, по мнѣнію Леонтьевой, былъ проф. Петербургскаго университета С. С. Куторга. Куторга согласился занять мѣсто инспектора Смольнаго [5]; его кандидатура, выдвинутая М. П. Леонтьевой, была принята Совѣтомъ Воспитательнаго Общества, о ней доложено Императрицѣ и, согласно представленію Главнаго Совѣта, проф. Куторга былъ допущенъ «на четырехъ-мѣсячный опытъ» къ исполненію обязанностей инспектора Смольнаго, «съ сохраненіемъ настоящей его должности» [6].

Однако, Куторга въ должность инспектора классовъ Смольнаго не вступалъ [7]. Уже послѣ состоявшагося Высочайшаго со-

[1] См. напр., тамъ же, лл. 25, 26 и др. [2] Зап. стар. смолянки, I, 429. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 38—40. Еще раньше, 26 іюля 1858 г., М. П. Леонтьева просила въ письмѣ также и Императрицу Марію Александровну объ увольненіи Полевого изъ Смольнаго, какъ человѣка совсѣмъ не подходящаго къ должности инспектора (Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62. [5] Рип. Отд. Имп. Публ. Библ. Письма Леонтьевой къ Куторгѣ. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 43, 50 и др. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 62, л. 55. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 1 (оп. вн.), № 143.

изволенія на допущеніе его къ временному испытанію въ должности инспектора, Куторга прислалъ М. П. Леонтьевой письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Вопросъ объ инспекторствѣ длился въ неопредѣлительности многіе мѣсяцы, въ теченіе которыхъ и мои служебныя занятія, и работы ученыя, и частная жизнь моя устроилась такъ, что мнѣ не остается рѣшительно нисколько времени для занятія должностью столь важной и *многосложной*» [1].

Основной причиной, послужившей для отказа проф. Куторги отъ должности инспектора Смольнаго, было, однако, неопредѣленное и даже нѣсколько обидное для самолюбія проф. Куторги, какъ человѣка съ установившейся ученой репутаціей, положеніе «принимаемаго на опытъ» [2]. М. П. Леонтьева не меньше самого Куторги была обижена той формой, въ которой Главный Совѣтъ провелъ назначеніе Куторги. Она всѣми силами, но безуспѣшно, старалась убѣдить проф. Куторгу взять свой отказъ обратно [3].

Послѣ неудачи съ проф. Куторгой М. П. Леонтьева намѣчала и другихъ кандидатовъ на должность инспектора Смольнаго. Такъ, напр., она считала очень желательнымъ кандидатомъ инспектора Николаевскаго Сиротскаго института М. Б. Чистякова; его назначеніе М. П. Леонтьева считала бы «большимъ счастьемъ для Смольнаго» [4]. Одно время Леонтьева выдвигала кандидатуру помощника инспектора Смольнаго, Печкина, о которомъ давала весьма лестные отзывы [5], или преподавателя Смольнаго — Лаконіуса [6].

Намѣчался кандидатомъ въ инспектора Смольнаго Костомаровъ, «человѣкъ очень ученый» [7], профессоръ Тихомандрицкій—инспекторъ Педагогическаго института [8] и многіе другіе.

Однако, несмотря на всѣ старанія и хлопоты, должность инспектора въ Смольномъ почти годъ оставалась незамѣщенной.

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, лл. 61—62. [2] Тамъ же, лл. 58, 59 и др. [3] Рук. Отд. Имп. Публичн. Библ. Письма Леонтьевой къ Куторгѣ. [4] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. Черновикъ письма Леонтьевой Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ 20 апр. 1858 г. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, л. 40. Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. Черн. писемъ Леонтьевой Имп. Маріи Александровнѣ 26 іюня 1858 г. и Тютчевой 3 авг. 1858 г. [6] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. Черн. письма Леонтьевой Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ 20 апр. 1858 г. [7] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 62, л. 4. [8] Тамъ же, лл. 65—66, 71—72.

Волненія и хлопоты по случаю назначенія новаго инспектора сильно отражались на М. П. Леонтьевой. Въ одномъ изъ писемъ того времени Леонтьева жаловалась на страданія, которыя испытала за послѣдніе мѣсяцы. Она думала, что «не переживетъ ихъ» [1].

Наконецъ, въ февралѣ 1859 г. на должность инспектора классовъ Смольнаго былъ назначенъ, по рекомендаціи профессора Никитенки, инспекторъ Гатчинскаго Сиротскаго института—Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

[1] Муз. Нар. Вост. Общ. Бумаги Леонтьевой. Черн. письма Леонтьевой Гоффману 10 окт. 1858 г.

VI.

Права и обязанности начальницы.—Заботы о религіозномъ воспитаніи въ Смольномъ.—Отношеніе смолянокъ къ Царской Семьѣ.—Патріотическія настроенія въ Смольномъ.

Права и обязанности начальницы Воспитательнаго Общества при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ были очень велики. Начальница принимала самое дѣятельное, всестороннее участіе въ управленіи и жизни Смольнаго. Избранная на свою должность лично Императрицей, облеченная довѣріемъ Государыни, поручившей ей «материнское попеченіе» о дѣтяхъ, близкихъ сердцу Императрицы, начальница являлась какъ бы намѣстницей Императрицы въ Воспитательномъ Обществѣ.

Степень и характеръ вліянія начальницы на общій ходъ дѣлъ въ Смольномъ въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ ея личности. Насколько Ю. Ф. Адлербергъ отличалась пассивнымъ, чуждымъ всякой личной инціативы характеромъ и являлась лишь идеальной исполнительницей воли Императрицы Маріи Ѳеодоровны, настолько М. П. Леонтьева была склонна къ проявленію живой самодѣятельности, твердой власти и непреклонной воли. Различіе характера дѣятельности обѣихъ начальницъ объясняется въ значительной степени также и разностью условій, при какихъ имъ приходилось работать.

Права и обязанности начальницы были подробно изложены въ утвержденной Императрицей Инструкціи 1847 года.

«Начальницѣ предоставлено имѣть власть распорядительную по части нравственнаго и физическаго воспитанія дѣвицъ и наблюдательную по учебной и хозяйственной части. Нравственное воспитаніе дѣвицъ, *составляя прямую и главную обязанность* начальницы, вѣряется ей, какъ матери, и потому она употребляетъ всѣ мѣры къ ихъ нравственному усовершенствованію: наставленія, надзоръ, поощренія, взысканія и, наконецъ, личный примѣръ воспитательницъ. Въ наставленіяхъ своихъ имѣетъ цѣлью: развить въ воспитанницахъ религіозныя чувства и внушить имъ правила нравственности и поведенія. Засимъ излагается значеніе и основаніе религіознаго образованія и существо правилъ нравственности и поведенія, съ указаніемъ на преимущественно служащія украшеніемъ женскаго пола стороны: кротость, скромность, благопристойность и трудолюбіе, которыя одни только въ состояніи удалить всякій ложный блескъ, могущій возбудить неправильныя понятія о будущемъ назначеніи дѣвицы, возродить въ ней мечты тщеславія и гордости и поставить въ опасность искать счастія не въ добродѣтели, а въ удовлетвореніи однихъ только прихотей и суетныхъ желаній... Относительно занятій воспитанницъ начальница слѣдитъ за основательнымъ изученіемъ ими научныхъ предметовъ, за пріученіемъ ихъ къ свободному изъясненію на родномъ и иностранныхъ языкахъ, къ чтенію книгъ, одобренныхъ для сего начальствомъ, къ упражненію въ искусствахъ; обращаетъ вниманіе на рукодѣлія, имѣя въ виду не столько предметы роскоши, сколько потребности, необходимыя въ домашнемъ быту: кройку и шитье бѣлья и платья; но занятія рукодѣліями не должны служить препятствіемъ къ успѣхамъ воспитанницъ въ учебныхъ предметахъ. Въ обязанность начальницы входитъ и пріученіе дѣвицъ къ хозяйственному порядку: порученіемъ воспитанницамъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ предметовъ въ заведеніи; установленіемъ между дѣвицами дежурства для наблюденія за чистотою и опрятностью въ ихъ *спальняхъ, столовыхъ и классахъ*; назначеніемъ дѣвицъ, по очереди, посѣщать кухни и кладовыя заведенія и пріученіемъ ихъ самихъ, на образцовыхъ кухняхъ, приготовлять, по крайней мѣрѣ, самыя необходимыя и употребительнѣйшія, кушанья...

Физическое воспитаніе дѣвицъ, наравнѣ съ нравственнымъ, составляетъ предметъ неусыпныхъ попеченій начальницы.

Обязанность ея въ этомъ отношеніи заключается: въ употребленіи всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для сохраненія здоровья воспитанницъ, и въ попеченіи о больныхъ... Начальницѣ предоставляется власть наблюдательная за ходомъ умственнаго образованія и за содержаніемъ дѣвицъ... Она есть непремѣнный членъ Совѣта; ей предоставляется право избирать классныхъ дамъ, учительницъ, лазаретныхъ надзирательницъ и т. п. [1]. Всѣ эти лица, какъ и вся женская прислуга, состоятъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ начальницы и въ полной отъ нея зависимости... Безъ доклада начальницѣ никто изъ посторонняхъ лицъ не можетъ быть впущенъ въ заведеніе; послѣ же 10 часовъ вечера входъ въ заведеніе вовсе воспрещается. Начальница обращаетъ вниманіе, чтобы классныя дамы не принимали въ своихъ помѣщеніяхъ постороннихъ безъ особыхъ уваженій и разрѣшенія начальницы... Начальница обязана сообщать обнаруженныя ею неисправности въ учебной или хозяйственной частяхъ членамъ Совѣта, завѣдующимъ этими частями, и требовать устраненія недостатковъ. Если же требованія ея не будутъ удовлетворены, дѣлать представленія въ Совѣтъ» [2].

Инструкція 1847 г. вмѣняла въ обязанность начальницамъ институтовъ обѣдать съ воспитанницами за общимъ столомъ. По личному желанію Императрицы, мѣра эта не была распространена на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, «такъ какъ въ заведеніи семъ учрежденъ особый порядокъ, по коему воспитанницы, въ извѣстномъ числѣ, приглашаются къ столу самой начальницы» [3].

Еще раньше, въ 1838 г., при опредѣленіи М. П. Леонтьевой помощницей начальницы Смольнаго, Императрица дала ей подробную инструкцію. Эта инструкція во многомъ послужила М. П. Леонтьевой руководствомъ и въ дальнѣйшей самостоятельной ея дѣятельности въ качествѣ начальницы.

«En assistant souvent au lever des élèves,—говорилось между прочимъ въ этой инструкціи,—à leurs leçons, leurs repas, leurs recréations et leur coucher elle remarquera si l'ordre et les règles

[1] Инспектрисъ для Смольнаго избирала сама Императрица (см., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 26). М. П. Леонтьева имѣла, однако, большое вліяніе на выборъ инспектрисъ; обычно, Императрица назначала тѣхъ, кого желала Леонтьева (см. тамъ-же, лл. 25—26, 21, 19, 20 и др.). [2] Утв. 28 іюня 1847 г. Императрицей Александрой Ѳеодоровной инструкція начальницамъ институтовъ. [3] Муз. Имп. Восп. Общ.

générales pour ces différents moments de la vie journalière des élèves sont exactement observés... En assistant aux récréations elle observera avec soin la conduite des élèves, leur ton et leur manière d'être entre elles, envers leurs Dames, ainsi que les rapports de celles-ci envers leurs élèves. Elle tâchera de faire régner d'un côté la gaité, l'harmonie, l'amitié mutuelle, naturelle entre enfants du même âge, ainsi que la candeur et la confiance envers les Dames, et de l'autre côté la douceur, les soins affectueux et maternels accompagnés d'une sage fermeté contraire à l'emportement, à la dureté, comme à l'indulgence, à la complaisance outrée, à la faiblesse... Elle portera son attention particulière sur l'état de la santé des élèves à l'époque de leur développement phisique et se mettra bien au fait si la marche plus au moins régulière est observée avec toute l'exactitude qu'exige une crise aussi importante... L'extérieur des élèves, leur mise et leur maintien doit également être un objet de la surveillance de l'aide de la supérieure, et toutes les fois qu'elle remarquera quelque défaut à reprendre elle le fera toujours avec calme et douceur, comme une tendre mère, tant envers les élèves qu'envers les Dames de classe...» [1].

Религіозно нравственное воспитаніе дѣтей составляло предметъ особыхъ заботъ М. П. Леонтьевой не только благодаря предписанію инструкціи: Леонтьева была лично человѣкомъ глубоко вѣрующимъ и религіознымъ [2].

М. П. Леонтьева считала, что высшая нравственность почерпается въ евангельскомъ ученіи. Не умомъ, а сердцемъ вникается въ человѣка любовь, милосердіе и братское единеніе, почему развитію сердца,—особенно сердца женщины, на долю которой въ качествѣ дочери, жены и матери выпадаетъ въ жизни много обязанностей, требующихъ любви, снисходительности и даже самопожертвованія,—должны быть посвящены особыя заботы, особое вниманіе. «Чѣмъ добрѣе и благочестивѣе сердце женщины,—писала М. П. Леонтьева статсъ-секретарю Гоффману въ сентябрѣ 1852 г.,—тѣмъ счастливѣе она сама и тѣмъ благодѣтельнѣе для другихъ» [3].

[1] Подлинная инструкція хранится въ музеѣ Имп. Вост. Общ. [2] Въ своемъ архивѣ М. П. Леонтьева выстроила на собственныя средства храмъ (Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 29—30). См. также доклады Леонтьевой Императрицѣ (Арх. Имп. Вост. Общ. Д. 1844 г., № 72; Д. 1855 г., № 81; Д. 1856 г., № 67; и др.). [3] Мордвинова, 133.

Развитіе въ дѣтяхъ съ раннихъ лѣтъ религіозности М. П. Леонтьева считала дѣломъ существенно необходимымъ. Она находила, однако, что развивать въ дѣтяхъ религіозное чувство надо не сухимъ офиціальнымъ преподаваніемъ Закона Божія и заучиваніемъ катехизиса. М. П. Леонтьева ввела особый методъ преподаванія Закона Божія въ младшихъ классахъ. Это не были уроки въ строгомъ смыслѣ слова; законоучитель не былъ только преподавателемъ, спрашивающимъ воспитанницъ заданный урокъ. Онъ являлся для дѣтей живымъ, увлекательнымъ повѣствователемъ, въ простыхъ доступныхъ ихъ пониманію и интереснымъ дѣтскому возрасту разсказахъ, знакомившій ихъ съ главнѣйшими событіями земной жизни Христа, Апостоловъ, Святыхъ. Законоучитель просто и задушевно бесѣдовалъ съ дѣтьми, былъ ихъ другомъ, и незамѣтно подготовлялъ ихъ сердца и души къ воспріятію христіанскихъ истинъ. Достойнымъ сотрудникомъ М. П. Леонтьевой въ этомъ отношеніи былъ священникъ о. Іоаннъ Преображенскій, человѣкъ искренно вѣрующій, преданный своему дѣлу и любящій дѣтей. Его уроки были праздникомъ для маленькихъ «кофейныхъ», онѣ безъ конца были готовы слушать его увлекательныя, проникнутыя истинно-христіанскимъ чувствомъ, повѣствованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Леонтьева заботилась о томъ, чтобы у дѣтей явилась сначала привычка, а затѣмъ душевная потребность посѣщать церковныя службы, съ благоговѣніемъ относиться къ праздникамъ, таинствамъ, церковнымъ обрядамъ. М. П. Леонтьева считала, что сѣмена, посѣянныя въ дѣтскія сердца, даютъ хорошіе плоды, крѣпко вкореняются въ душу, сохраняютъ значеніе на всю жизнь.

Посѣщенію церковныхъ службъ и ежедневнымъ молитвамъ М. П. Леонтьева придавала большое значеніе. «Церковь справедливо можно назвать лучшимъ училищемъ благочестія,— писала М. П. Леонтьева въ 1852 г.:—прочія училища больше образуютъ умъ, церковь преимущественно образуетъ сердце, источникъ нравственной жизни, особенно женщины» [1].

Утреннія и вечернія молитвы совершались въ каждой спальнѣ воспитанницъ. Кромѣ того, была общая для каждаго возраста молитва въ залѣ, при чемъ по окончаніи утренней мо-

[1] Мордвинова, 136.

литвы прочитывалась одна глава изъ Евангелія, а по окончаніи вечерней—глава изъ Дѣяній или Посланій Апостольскихъ. Не ограничиваясь обязательными молитвами, воспитанницы, какъ проснувшись, такъ и ложась спать, молились каждая отдѣльно. Предъ началомъ экзаменовъ, при переходѣ въ другіе классы и дортуары служились молебны [1].

Личный взглядъ М. П. Леонтьевой на значеніе религіознаго воспитанія и образованія характерно выразился въ одномъ

Видъ Смольнаго.

изъ докладовъ ея Императрицѣ, гдѣ М. П. Леонтьева пишетъ, что экзаменъ по русской литературѣ начался послѣ того, какъ были закончены экзамены по Закону Божію, который составляетъ наиболѣе существенную часть изъ воспитанія дѣвицъ (après les examens terminés sur la partie la plus essentielle de l'*instruction de ces demoiselles*) [2].

М. П. Леонтьева заботилась, чтобы воспитанницы съ особымъ благоговѣніемъ приступали къ таинствамъ покаянія и причащенія. Во время говѣнія воспитанницъ не бывало уроковъ. Обычно, «бѣлый благородный» классъ говѣлъ на Страст-

[1] Отчетъ о состояніи Воспит. Общ. за 1848 г. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1849 г., № 45). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г. № 62, л. 83.

ной недѣлѣ къ четвергу; когда же предстоялъ выпускъ—передъ Рождествомъ; «голубой» классъ говѣлъ на первой недѣлѣ великаго поста, а къ года выпуска—къ Пасхѣ; «кофейный» говѣли въ августѣ, къ Успенію Богоматери, передъ началомъ занятій [1].

Въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ М. П. Леонтьева всегда упоминала о классѣ, который начинялъ говѣть. Въ это время она съ особымъ вниманіемъ слѣдила за настроеніемъ воспитанницъ.

«...Ces demoiselles,—писала М. П. Леонтьева въ своемъ докладѣ Императрицѣ 6 марта 1846 г. о «голубомъ» классѣ,—ont très bien rempli leurs devoirs de piété pendant toute la semaine et le jour de la communion surtout. Elles paraissaient si contentes et si pleines de zèle que pas une d'entre elles ne demanda à s'asseoir pendant l'office divin qui dura assez longtems. J'allai assister à leur déjeuner après la messe. Leur bonne mine et leur air satisfait me firent réellement plaisir» [2].

Церковныя службы при М. П. Леонтьевой совершались торжественно; въ церкви царила благоговѣйная тишина, сама М. П. Леонтьева подавала дѣтямъ примѣръ благочестія. Она не пропускала ни одной церковной службы; строгій сосредоточенный образъ ея во время церковныхъ службъ навсегда запечатлѣвался въ сердцахъ воспитанницъ.

Особенно трогательнымъ настроеніемъ отличались въ Смольномъ церковныя службы на первой недѣлѣ Великаго поста и на Страстной. Службы бывали ежедневно. Воспитанницы сами пѣли, сами читали. Къ этимъ обязанностямъ онѣ относились съ чувствомъ, близкимъ религіозному восторгу. Донося объ одной изъ такихъ службъ, М. П. Леонтьева писала Императрицѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на священника и всѣхъ присутствовавшихъ чтеніемъ воспитанницъ; «такъ должны были читать первые христіане»,—добавляетъ Леонтьева [3]. Въ другой разъ М. П. Леонтьева писала Императрицѣ: «...C'est toujours un spectacle attendrissant de voir les jeunes filles profondément pénétrées de pensées réligieuses qui les transportent loin d'un monde où leur âge doit encore fortement les attacher. Puisse cet élan vers un monde éternel être un sûr garant du bon emploi

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 23в, 73 и 116; Д. 1844 г., № 72, лл. 35, 79 и др. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 11. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 10—11.

qu'elles feront un jour de leur vie temporelle lorsqu'elles seront hors de ces murs et qu'elles n'auront d'autres guides qu'elles mêmes» [1].

Въ теченіе Великаго поста послѣ церковныхъ службъ священникъ говорилъ проповѣди, классныя дамы въ свободное отъ церковныхъ службъ время читали съ воспитанницами книги духовнаго содержанія. Въ это же время смолянки посвящали свои досуги добрымъ дѣламъ—онѣ шили разныя вещи для бѣдныхъ, при чемъ матеріалы покупали на свои деньги [2]. Все это создавало въ Смольномъ настроеніе трогательной религіозности, благоговѣйнаго умиленія, съ оттѣнкомъ даже нѣкотораго мистицизма. *Старшія воспитанницы настолько проникались* этимъ настроеніемъ, что добровольно усиливали постъ, отказывались отъ скоромной пищи, старались вести себя примѣрно, считая каждый проступокъ грѣхомъ, вставали молиться по ночамъ [3].

«Каждая воспитанница М. П. Леонтьевой,—пишетъ одна изъ смолянокъ ея времени,—вспомнитъ съ величайшей благодарностью эту женщину, научившую ихъ правильно вѣровать, горячо молиться и находить въ душѣ то чудное умиленіе, которое старыя смолянки умѣли сберечь глубоко въ сердцахъ своихъ; эти чувства хранятъ онѣ и теперь неприкосновенными въ суетѣ и сутолокѣ жизни» [4].

М. П. Леонтьева заботливо относилась къ религіозному воспитанію и находившихся подъ ея вѣдѣніемъ католичекъ и лютеранокъ. Послѣ общей утренней и вечерней молитвъ одна изъ воспитанницъ-католичекъ читала вслухъ въ присутствіи всѣхъ «Отче нашъ» по латыни, а лютеранка—по нѣмецки. М. П. Леонтьева слѣдила, чтобы католички аккуратно посѣщали богослуженія въ католической церкви Смольнаго; лютеранки ѣздили по праздникамъ въ придворныхъ экипажахъ въ церковь Св. Анны. М. П. Леонтьева не препятствовала католичкамъ и лютеранкамъ посѣщать и православныя службы. Нѣкоторыя лютеранки даже пѣли на клиросѣ въ институтской церкви [5].

Воспитанницы другихъ вѣроисповѣданій, какъ, напр., армяно-грегоріанскаго, отпускались, съ соизволенія Импе-

[1] Мордвинова, 84. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 82, л. 16. [3] Мордвинова, 135. [4] Тамъ же, 83—84. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1817 г., № 62, лл. 57, 112; Д. 1810 г., № 22; Д. 1816 г., № 32; Д. 1817 г., № 80; Д. 1819 г., № 31; Д. 1830 г., № 8. Мордвинова, 136—137.

ратрицы, «для исполненія, по ихъ вѣроисповѣданію, обряда пріобщенія Св. Таинъ» на послѣднихъ дняхъ Страстной къ родителямъ или родственникамъ [1].

Уставъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданный въ 1855 г., предписывалъ «внушать (дѣвицамъ) непоколебимую преданность Престолу, благоговѣйную признательность къ Августѣйшимъ ихъ покровителямъ и пламенную любовь къ Отечеству» [2].

Императоръ Николай I среди Августѣйшей семьи.

Въ Смольномъ—эти чувства были сильны сами собой, благодаря непосредственной близости къ Царской Семьѣ. Съ первыхъ дней жизни Смольный видѣлъ милостивое вниманіе и сердечную доброту Императрицы Екатерины II, смѣнившіяся материнскимъ попеченіемъ и заботливостью Императрицы Маріи Ѳеодоровны; память о милостивыхъ сердечныхъ отношеніяхъ обѣихъ Императрицъ была жива въ Смольномъ [3]. Императрица Александра Ѳеодоровна, принявъ подъ свое покровительство Смольный, продолжала дѣло своихъ Августѣй-

[1] См., напр., Арх. Ист. Воен. Общ. Д. 1844 г., № 2 (оп. вн.), № 13. [2] Ладовъ, 56. [3] Мордвинова, 138; Записки старой смолянки, I, 374, 352—353; и др.

шихъ предшественницъ съ тѣми же милостивыми, сердечными чувствами, удостаивала смолянокъ того же заботливаго вниманія и снисходительности, основанныхъ на сердечной любви. Вмѣстѣ съ Императрицей и вся Царская Семья удостаивала Смольный своимъ расположеніемъ.

На милостивыя чувства своихъ Августѣйшихъ покровителей смолянки отвѣчали восторженнымъ обожаніемъ. Онѣ беззавѣтно и благоговѣйно любили Императрицу, Государя, Царскихъ Дѣтей, каждаго члена Царской Семьи, со всѣмъ пыломъ молодыхъ, горячихъ сердецъ, жаждали случая доказать на дѣлѣ свои чувства, въ восторженномъ преклоненіи были готовы на подвигъ, чтобы проявить свою безконечную преданность. Эти чувства, появившись въ дѣтскихъ сердцахъ, съ годами росли и крѣпли, и впослѣдствіи руководили смолянками на жизненномъ пути.

«Ангелъ Государь!—писала въ своемъ дневникѣ четырнадцатилѣтняя смолянка:—я готова положить за тебя голову, если бы могла быть тебѣ нужна моя глупенькая головка!.....

.....Сегодня за всенощной я нѣсколько разъ готова была плакать, молясь за Государя и думая о предстоящихъ ему въ жизни великихъ подвигахъ,—пишетъ та же смолянка черезъ 22 года, наканунѣ коронаціи Императора Александра II.—И за него такъ молилась, что не помнила, гдѣ я и что вокругъ меня. Меня многіе, вѣроятно, сочли за сумасшедшую» [1].

Свои чувства къ Царской Семьѣ воспитанницы выражали даже въ классныхъ сочиненіяхъ [2]. Однажды гр. Уваровъ, заставъ воспитанницъ «бѣлаго» класса въ чрезвычайно восторженномъ настроеніи по поводу близкаго возвращенія Императрицы изъ-за границы, предложилъ имъ написать сочиненіе на тему: «Les sentiments qu'excite en nous le prochain retour de S. M. l'Impératrice» и просилъ инспектора классовъ прислать ему эти работы [3].

Все, что касалось Царской Семьи, находило откликъ въ сердцахъ смолянокъ. Посѣщенія Императрицы и другихъ членовъ Царской Семьи доставляли смолянкамъ такую радость, производили такое сильное впечатлѣніе, что надолго нарушали обычный порядокъ жизни, заставляли жить воспоминаніями. «Après Votre départ, Madame,—писала М. П. Леонтьева въ своемъ докладѣ

[1] Записки старой смолянки. I, 45, 388. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 72, лл. 53—64. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 67, лл. 29—30.

Императрицъ 1 мая 1844 г.,—il restait bien encore quelques leçons à prendre pour achever la journée, mais j'ai libéré les maîtres du soin de les donner, vu que les coeurs étaient encore trop émus de la joie qu'on venait d'éprouver et qu'on aurait éssayé vainement de fixer l'attention des enfans sur autre chose que les idées dont elles étaient préoccupées après l'Auguste visite....» [1].

Если кому нибудь изъ обитательницъ Смольнаго случалось быть во дворцѣ—разспросамъ не было конца [2]. Во время путешествія Императрицы за границу въ 1845 г. М. П. Леонтьева писала ей, что смолянки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ по газетамъ за путешествіемъ Ея Величества [3]. Зная чувства смолянокъ, Императрица сама сообщала имъ извѣстія о себѣ и *своей Августѣйшей семьѣ*. Такъ, напр., пользовавшаяся особымъ довѣріемъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, дочь Ю. Ф. Адлербергъ, графиня Баранова [4], по порученію Государыни, нерѣдко бывала въ Смольномъ во время ея отсутствія и сообщала смолянкамъ свѣдѣнія о томъ, какъ совершилось путешествіе Императрицы за границу, о здоровьѣ Ея Величества и т. п. [5]. Въ 1846 г. графиня Баранова пріѣзжала въ Воспитательное Общество сообщить воспитанницамъ, по порученію Императрицы, о предстоявшей свадьбѣ Великой Княжны Ольги Николаевны [6]. Императрица нерѣдко поручала М. П. Леонтьевой во время ея докладовъ и въ письмахъ передать «бѣлому» классу милостивыя слова одобренія, свое благословеніе, привѣтъ, просила молиться за нее и ея близкихъ [7]. «Les heureuses habitantes de la Communauté,—отвѣчала *М. П.* Леонтьева на одно изъ такихъ писемъ Императрицы,—n'ont d'autres voeux à former que ceux qu'elles adressent au Ciel pour leur Auguste Bienfaitrice sous les auspices de laquelle on jouit ici de tant de bien-être et de bonheur....» [8].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 3. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 39; Д. 1851 г., № 82, л. 60; и др. Мордвинова, 143. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 20. [4] Графиня Баранова наблюдала за воспитаніемъ дочерей Императрицы Александры Ѳеодоровны. По волѣ Императрицы, она была «surintrice honoraire des Instituts, qui se trouvent sous augustes auspices». Къ Смольному гр. Баранова относилась съ большой сердечностью [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 49, 50. Гиргасъ, 34. Яковлевъ, 71]. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 20, 29; и др. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 7. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 59; Д. 1846 г., № 67, № 3; и др. См. также Муз. Имп. Восп. Общ. Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ начальницамъ. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 12—13.

«.....Prier *pour Vous, Madame,*—писала Императрицѣ М. П. Леонтьева въ другой разъ—et tous ceux qui Vous sont chers est non seulement un devoir pour nous, mais un besoin...» [1].

Иногда Императрица Александра Ѳеодоровна удостаивали смолянокъ особой милости—посвящала имъ нѣсколько строкъ въ своихъ письмахъ къ М. П. Леонтьевой или лично писала имъ. Этотъ знакъ сердечнаго отношенія Государыни смолянки цѣнили безграничо. *Каждая изъ старшихъ воспитанницъ, къ которымъ*, обычно, обращалась Императрица, переписывала эти драгоцѣнныя строчки и хранила какъ святыню; нѣкоторыя всю жизнь помнили письма Императрицы наизусть [2].

Радость въ Царской Семьѣ—была радостью для воспитанницъ Смольнаго, горе наполняло печалью ихъ преданныя сердца [3].

«*Madame,*—писали *Императрицѣ воспитанницы* «*бѣлаго*» класса въ 1845 г. по случаю улучшенія состоянія здоровья Ея Величества [4]:—Aujourd'hui nous pouvons nous compter pour les plus heureuses du monde, car un de nos désirs les plus vifs s'est accompli, nos ferventes prières sont enfin exaucées, hier soir nous avons appris de Vos Augustes lignes adressées à Monsieur Hoffman, que Dieu a retabli la santé précieuse de notre très *Auguste Mère, de notre Ange Consolateur.*

Quel bonheur inexprimable pour Vos enfants qui prient avec ferveur pour la conservation des jours de leurs magnanime Bienfaitrice!

La distance qui nous sépare de Votre Majesté Impériale n'affaiblit pas en nous les sentiments de la plus profonde reconnaissance, dont nos coeurs sont pénétrés, nos pensées se dirigent *sans cesse vers les lieux où se trouve maintenant l'objet de notre* amour éternel. Pourtant ce n'est que notre devoir sacré de prier pour notre Souveraine et notre Mère, de constament penser à Elle.

Mais Vous, Madame, admirée de tout le monde, entourée des hommes de toute l'Europe, Vous daignez Vous souvenir avec tant de bonté des enfans qui ont le bonheur d'être élevées sous Vos Augustes auspices. Vous les honorez de votre bénédiction Maternelle.

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 20. [2] Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 43—44. [3] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1816 г., № 67, л. 3; Д. 1845 г., № 72, и др. [4] Письмо писала воспитанница Обручева, имя лучшая въ классѣ (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 14).

La reconnaissance et les sentiments du plus grand attachement remplissent nos coeurs et pour les exprimer nous manquons même de paroles.

Soyez persuadée toute fois, que nous saurons apprécier Vos bontés, et que nous tâcherons de nous en rendre dignes avec le temps.

Quant à présent daignez, Madame, agréer le profond respect, l'attachement inviolable et la reconnaissance que Vous portent, Madame, de Votre Majesté Impériale les très humbles et très obéissantes sujettes, les élèves de la classe blanche de la Communauté des demoiselles nobles» [1].

Тревожное настроеніе въ Царской Семьѣ лѣтомъ 1844 г. по случаю болѣзни Великой Княгини Александры Николаевны, герцогини Гессенской, которую такъ хорошо знали смолянки,—нашло живой откликъ въ Смольномъ: постоянно служили молебны о здоровьѣ больной, съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали вѣстей объ ея положеніи; воспитанницы отказались даже отъ бала 1-го Іюля, въ день рожденія Императрицы—веселье никому не шло на умъ. Смерть Великой Княгини повергла Смольный въ глубокую скорбь. Воспитанницы «бѣлаго» класса въ письмѣ выразили Императрицѣ свою печаль и соболѣзнованіе по поводу незамѣнимой утраты [2]. «Connaissant Votre extrême bonté pour nos enfans et Votre indulgence, Madame,—писала Государынѣ М. П. Леонтьева, посылая письмо воспитанницъ,—je Vous soumets cette lettre telle qu'elle est sortie de leurs mains.....» [3].

Императрица Александра Ѳеодоровна и Императоръ Николай Павловичъ были тронуты сочувствіемъ смолянокъ:

«Dans notre profonde douleur,—писала Государыня въ отвѣтъ М. П. Леонтьевой,—les témoignages d'intérêt sont cependant appréciés par nous, car nos cœurs, tristes jusqu'à la mort, ne sont point endurcis par le malheur, et je vous prie, chère Madame Léontief, d'exprimer à toutes les personnes de la Communauté, à nos enfants surtout, notre reconnaissance pour leurs prières durant la maladie de notre fille bienaimée et maintenant pour le repos de son âme angélique. Elle s'interressait, elle aimait tant les enfants, les jeunes personnes, les élèves de nos maisons d'éducation,

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 15—16; ср. Д. 1846 г., № 67, л. 43.
[2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 15—16, 25, 29 и др.; ср. Р. Ст. 1898 г. X.
[3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 32.

et ce fut à la Communauté qu'elle fit sa dernière visite, tout en promettant de revenir avant son départ. Dieu en a décidé autrement!! Elle n'a pas seulement quitté la Russie, elle a quitté la

Великая Княгиня
Александра Николаевна.

terre pour le Ciel. Que le souvenir de cette dernière aparition parmi elles soit à jamais gravé dans le coeur de nos jeunes personnes et qu'elles tâchent de se perfectionner à son exemple; car quoique mon Adini [1] fut si jeune, si peu éloignée des années de

[1] Такъ звали Вел. Кн. Александру Николаевну въ Царской Семьѣ.

sa belle enfance, je puis le dire, quoique elle fut ma fille, qu'elle était bien avancée sur le chemin de la vertu et de la religion; oui, trop peut-être, puisque Dieu l'a repris auprès de Lui, puisqu'elle est Ange là haut. Oui, je me soumets sans murmurer, mais non sans verser des torrents de larmes sur notre malheur d'avoir perdu un enfant pareil. Adieu, je compte sur Vos prières à tous. Alexandra» [1].

Императрица согласилась на просьбу смолянокъ—разрѣшить имъ поклониться тѣлу усопшей Великой Княгини. Къ 5½ ч. утра были присланы въ Смольный восемь придворныхъ каретъ, и смолянки рано утромъ ѣздили въ Петропавловскую крѣпость, пробывъ у гроба Великой Княгини до того времени, когда стали пускать публику [2].

Въ дни величайшей скорби послѣ кончины Императора Николая Павловича, Императрица Александра Ѳеодоровна не забыла своихъ дѣтей—смолянокъ. *Пораженныя неожиданнымъ* извѣстіемъ о кончинѣ Императора Николая I, глубоко взволнованныя, охваченныя чувствомъ искренняго сострадания къ скорби Императрицы, воспитанницы «бѣлаго» класса въ письмѣ выразили Ея Величеству свои чувства.

«Oui, notre Auguste Mère,—между прочимъ писали смолянки Императрицѣ,—quoique jeunes encore, nous avons senti toutes Vos douleurs poignantes et nous ne pouvons pas trouver de paroles pour exprimer à Votre Majesté Impériale notre profond chagrin. Nous sommes à même de comprendre toute la grandeur de la perte immense que la Russie vient de faire, et c'est en Vous, notre Auguste Protectrice, que nous voyons l'exemple d'une foi toute chrétienne et le modèle édifiant d'une soumission résignée aux décrets de la Providence. La seule chose que nous osons faire maintenant, c'est de Vous supplier de ménager Votre santé, si précieuse pour une immense famille d'enfants, qui sans cesse forment de voeux pour la prospérité de Votre Majesté Impériale» [3].

Императрица отвѣтила смолянкамъ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: Aux élèves de la classe blanche de la Communauté des Demoiselles Nobles. Ce 18 Mars. 1855.

«Mes chères enfants! J'ai voulu vous remercier moi-même pour les sentiments exprimés dans la charmante lettre que vous

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 2 (оп. вн.), № 67. Р. Ст. 1898 г., X, стр. 168. [3] Статсъ-Дамэ М. П. Леонтьева, стр. 43.

m'avez adressée. Ces sentiments m'ont profondément touchée et vous font honneur à vous, ainsi qu'à ceux qui, chargés de votre éducation, ont su faire germer et développer en vous l'un des plus nobles attributs de la vertu—la gratitude. Conservez toujours, mes enfants, au fond de votre coeur un souvenir reconnaissant pour Celui que nous pleurons tous, qui fut votre protecteur et vous aimait comme un tendre père.

Tâchez, en travaillant constamment et avec ardeur à votre perfectionnement moral et intellectuel, de vous rendre dignes des bontés qu'Il a eues pour vous. C'est le plus bel hommage que vous puissiez rendre à sa mémoire vénérée. C'est aussi un moyen de me faire plaisir à moi qui maintenatnt ai si peu de joies sur la terre. Je vous envoie ma bénédiction et vous embrasse tendrement. Alexandra» [1].

По личному желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Смольный было прислано для раздачи воспитанницамъ сто экземпляровъ «повѣствованія о послѣднихъ часахъ жизни Августѣйшаго Ея Супруга, блаженныя и вѣчной Славы достойныя памяти *Государя Императора Николая I-го*» [2].

Смоляники ѣздили поклониться тѣлу Императора Николая I. Настроеніе ихъ живо рисуется въ воспоминаніяхъ бывшей смолянки, въ то время классной дамы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Это—настроеніе дѣтей, потерявшихъ отца.

«.....Лежитъ онъ безпомощенъ и безотвѣтенъ, съ измѣнившимся лицомъ, въ которомъ и слѣда нѣтъ той величавой красоты, которою гордились мы, его подданные—его дѣти.

Не вспыхнутъ больше чудные голубые глаза тѣмъ блескомъ, которымъ многіе ослѣплялись, не проговорятъ сомкнутыя навѣки уста привѣтливой рѣчи, за одно слово которой русскій человѣкъ готовъ былъ итти «въ огонь и въ воду.....». Много плачутъ по тебѣ нашъ батюшка Царь!..... Выстрѣлъ за выстрѣломъ оповѣщаютъ Россію, что въ землю опускаютъ родного!... Господи, упокой душу Его!» [3].

Трауръ по Императорѣ Николаѣ I носили въ Смольномъ почти годъ. *Онъ былъ снятъ въ день перваго посѣщенія Воспита-*

[1] Это письмо было получено въ Смольномъ 19 марта 1855 г., наканунѣ Вербнаго Воскресенія (Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 44). [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., 1 (оп. кн.), № 209. [3] Записки старой смолянки. I, 318, 319.

тельнаго Общества Императрицей Маріей Александровной— *15 декабря 1855 года* [1].

М. П. Леонтьева стремилась развить въ дѣтяхъ любовь къ родинѣ и желаніе служить ей на благо и пользу.

Дѣятельность М. П. Леонтьевой въ этомъ отношеніи была строго продумана и вполнѣ опредѣленна. Она окружала дѣтей людьми, въ преданности которыхъ Россіи она не сомнѣвалась. Съ дѣтскихъ лѣтъ воспитанницъ Смольнаго знакомили съ подвигами первыхъ русскихъ князей, князей—святыхъ, русскихъ подвижниковъ и святыхъ, служившихъ на благо и славу родины; *смолянки читали историческія сочиненія, повѣсти и романы*, героями которыхъ являлись русскіе историческіе дѣятели; на урокахъ русской литературы воспитанницы изучали произведенія, посвященныя славнымъ страницамъ русской исторіи, прославленію русской доблести, проникнутыя духомъ патріотизма.

Патріотическія чувства смолянокъ проявились съ полной силой въ эпоху Крымской войны.

Во все время осады Севастополя настроеніе въ Смольномъ *было настолько напряженнымъ, что мѣшало правильному ходу* занятій. На урокахъ воспитанницы разспрашивали учителей о ходѣ военныхъ дѣйствій, съ жадностью вниманіемъ ловили каждое извѣстіе, каждое слово.

«Падали герои, и намъ разсказывали о ихъ подвигахъ, вспоминаетъ одна изъ бывшихъ смолянокъ,—о страшныхъ лишеніяхъ, которымъ они подвергались, о беззавѣтной храбрости этихъ доблестныхъ сыновъ отечества, о послѣднихъ словахъ ихъ передъ смертью. Истоминъ, Корниловъ, Нахимовъ,—всѣ эти герои были намъ дороги, какъ родные, какъ краса нашего племени. Мы знали наизусть приказъ Корнилова: «О сдачѣ нечего и думать; если вамъ кто нибудь скажетъ моимъ именемъ, что нужно сдаваться, разстрѣляйте того, какъ измѣнника. Если я самъ прикажу вамъ сдаться— разстрѣляйте меня». Говорили намъ и о тѣхъ безвѣстныхъ храбрецахъ, которые безъ красивыхъ словъ и жестовъ, съ простотой античныхъ героевъ полегли на Севастопольскихъ высотахъ за вѣру, Царя и отечество, похоронены въ общихъ братскихъ могилахъ. Служа по нимъ

[1] Статсъ-Дама *М. П. Леонтьева*, 44; ср. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 1 (отд. кн.), №№ 32, 49, 196.

панихиды, мы молились и плакали, стоя рядомъ съ нашей начальницей, по лицу которой текли обильныя слезы..... Выражали мы: наше патріотическое настроеніе и пѣніемъ пѣсенъ въ родѣ «солдатушки, други—дорогіе», неизвѣстно кѣмъ занесенныхъ къ намъ. Пѣли и про Пальмерстона, который «поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ.....». На молебны по случаю побѣдъ мы шли съ трепетною радостью и, несмотря на то, что молебны эти бывали все рѣже и рѣже, мы ни за что не хотѣли вѣрить, что Россію одолѣютъ враги....» [1].

Смоляки не оставались бездѣятельными во время Севастопольской войны. Старшіе классы шили бѣлье для раненыхъ, при чемъ матеріалъ принала на свой счетъ Императрица [2]; всѣ классы съ усердіемъ щипали корпію, которой образовывались цѣлыя груды [3]. Желая участвовать въ общихъ пожертвованіяхъ на военныя нужды, смоляки за все время войны отказывались отъ лакомствъ и балокъ, обычно бывавшихъ въ Царскіе дни, и деньги, полагавшіяся на нихъ, жертвовали, съ согласія Императрицы, на военныя нужды [4].

Послѣ одного изъ такихъ пожертвованій смолянокъ, Императоръ Александръ II повелѣлъ: «жертвовательницамъ объявить Высочайшую Его Императорскаго Величества благодарность, а деньги обратить въ военный капиталъ» [5].

Смоляки были счастливы сознаніемъ, что участвуютъ «въ общемъ для Россіи дѣлѣ» [6].

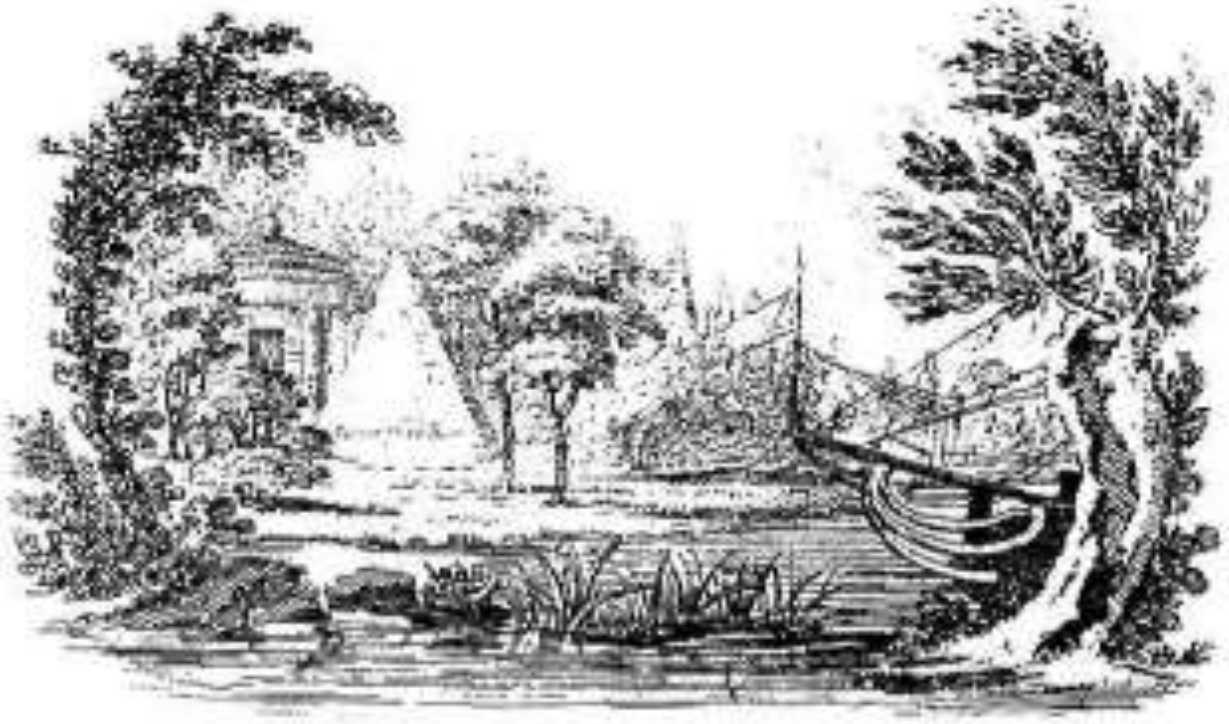
«.....Nous prenons aussi la liberté,—писали воспитанницы бѣлаго класса Императрицы 14 марта 1855 г.,—de mettre à Vos pieds, Madame, nos remercîments sincères pour la permission que Vous nous accordez de travailler pour les blessés et de prendre part à Vos oeuvres de charité pour ceux qui versent leur sang pour la patrie et la sainte foi....» [7].

[1] Мордвинова, 162, 163. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 88. [3] Мордвинова, 162. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 88 лл. 6, 8, 12 и др.; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), №№ 103, 138, 141 и др.; Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), №№ 9, 21, 37, 67, 177, 66 и др. Служащіе Смольнаго собрали между собой 465 р. «въ пользу израненныхъ чиновъ и семействъ ихъ, потерпѣвшихъ имущество въ Севастополѣ» (Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.) № 202). Служанки Смольнаго—питомицы Воспитательныхъ Домовъ—отдѣльно пожертвовали 20 р. «въ пользу войскъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля». Жертвовательницамъ была объявлена Высочайшая благодарность (Д. 1854 г., № 88, лл. 9, 13, 14, 16). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 21. [6] Мордвинова, 163. [7] Списокъ Дамъ М. П. Леонтьева, 53.

Несмотря на то, что въ 1854 г. принимались «сильныя мѣры предосторожности для обороны С.-Петербурга» [1], а въ Смольномъ были временно помѣщены воспитанницы Кронштадтскаго сиротскаго Дома [2], настроеніе въ Смольномъ оставалось бодрымъ и спокойнымъ [3]. Вѣсть о паденіи Севастополя острой болью отозвалась въ сердцѣ каждой обитательницы Смольнаго. Но бодрость духа не пала, не поколебалась вѣра въ Россію и въ Божественную помощь ей и ея Державному Вождю.

«Свершилось!—пишетъ въ своемъ дневникѣ бывшая смолянка, въ то время классная дама Смольнаго.—Севастополь взятъ!..... Напрасно пролито столько крови, напрасно русскіе падаютъ тысячами!..... Счастливцы, покинувшіе землю и не пережившіе посрамленія родной страны!..... Я не въ состояніи ничего дѣлать: все изъ рукъ валится; едва пишу, а голова шумитъ—сердце шлетъ проклятіе!..... Впрочемъ и Бородинская битва была 26 августа, а Москва занята 2 сентября! И царствовали Александръ и Наполеонъ! Господь спасъ Россію..... Господи, надѣюсь на Тебя—Россія не погибнетъ?!..» [4].

[1] Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. цар. Имп. Николая I. Между прочимъ, въ цѣляхъ предосторожности, было приказано собрать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ иностранцахъ, находящихся на службѣ въ разныхъ учрежденіяхъ, и согласно Высочайшему повелѣнію, предписано впредь принимать ихъ на службу «не иначе, какъ по строгомъ разборѣ ихъ документовъ, свидѣтельствъ о благонадежности и свѣдѣній о пребываніи въ Россіи» [Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1854 г., № 1 (оп. хр.), № 123; Д. 1855 г., № 67; Д. 1854 г., № 68]. [2] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1854 г., № 82. [3] Зап. отар. смолянки. I. 323. [4] Тамъ же, стр. 340, 341.



VII.

М. П. Леонтьева, какъ воспитательница.—Отношенія смолянокъ между собою и къ Смольному.—*Заботы о внѣшнемъ воспитаніи.*—*Дѣятельность инспектрисъ и классныхъ дамъ.*—Отпуски воспитанницъ.—Заботы о физическомъ воспитаніи и здоровьѣ воспитанницъ.—Заболѣванія въ Смольномъ.—Лазареты.—*Медицинскій персоналъ.*

Леонтьева горячо любила Смольный. Тамъ протекли *годы ея дѣтства и юности, съ нимъ неразлучно* были связаны воспоминанія о свѣтломъ образѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, благодарную память о которой М. П. Леонтьева сохранила на всю жизнь; въ Смольномъ, наконецъ, М. П. Леонтьева нашла свое призваніе, ему посвятила всѣ свои силы.

Чувство уваженія и любви къ Смольному М. П. Леонтьева хотѣла видѣть и въ дѣтяхъ, воспитывавшихся въ немъ подъ ея руководствомъ и попеченіемъ. Она хотѣла, чтобы Смольный представлялъ изъ себя одну большую дружную семью, чтобы воспоминанія о проведенныхъ въ стѣнахъ Смольнаго годахъ никогда не изглаживались изъ памяти смолянокъ, чтобы Смольный навсегда оставался имъ дорогимъ и роднымъ, чтобы для бывшихъ воспитанницъ Смольнаго имя «смолянка» было равносильно имени «сестра».

Дѣйствительно, смолянки, воспитанныя М. П. Леонтьевой, черезъ много лѣтъ встрѣчались какъ сестры. Несмотря на долгіе годы разлуки, различные жизненные пути, противоположныя условія жизни—при первой же встрѣчѣ смолянки даже различныхъ выпусковъ находили общій интересъ, объединяющее начало, всѣмъ имъ дорогія воспоминанія, центромъ которыхъ былъ—Смольный.

Многія изъ смолянокъ, не удовлетворенныя жизнью, испытавшія ея горести и печали, не разъ вспоминали о годахъ, проведенныхъ въ дружной семьѣ Смольнаго. Счастливы были тѣ, кто могли снова найти въ немъ пріютъ. «Мой милый Смольный!—писала въ своемъ дневникѣ бывшая смолянка, поступившая въ него классной дамой:—Въ твоихъ стѣнахъ прошли мои лучшіе годы, золотые дни, и теперь я, усталая отъ жизни, снова къ тебѣ пришла просить пріюта. Снова подъ твоей защитой мирно и незамѣтно несутся въ вѣчность дни мои за днями...» [1].

«О молодость, молодость! прошла ты,—пишетъ она же нѣсколько лѣтъ спустя:—Жалѣть нечего... Если бы не Смольный,—нечѣмъ было бы и помянуть мою жизнь... О, милый Смольный! Тебѣ я обязана лучшими днями жизни. Всегда спасибо тебѣ! Сколько женщинъ съ искренней благодарностью вспоминаютъ годы, проведенные въ твоихъ непорочныхъ, мирныхъ стѣнахъ!..» [2].

«Aujourd'hui il y a juste trois ans, que j'ai quitté le Couvent,—пишетъ въ 1857 г. бывшая смолянка М. П. Леонтьевой;—maintenant il y a une nouvelle classe d'élèves, qui se prépare à entrer dans le monde; nous autres, nous serons déja une ancienne génération, ce qui me fait bien de la peine, je Vous le dis franchement. Les élèves, sorties en dernier lieu, sont toujours celles, dont on se souvient le plus au Couvent. C'est tout naturelle sans doute, et pourtant—cela me fait de la peine... Quant à nous, aux élèves, il n'y a pas de temps, qui puisse effacer le souvenir des années, passées au Couvent. J'ai rencontré au Caucase quatre élèves de différentes sorties; eh bien, je Vous assure, nous toutes, nous aimons également notre Couvent; il existe entre nous une parenté de coeur, qui nous unies et qui fait disparaître toute différence d'âge...» [3].

[1] Записки старой смолянки. I. 154. [2] Тамъ же. I. 419. [3] Мордвинова. 257.

М. П. Леонтьева придавала большое значеніе внѣшнему воспитанію—умѣнью себя держать, хорошимъ манерамъ, учтивому и вѣжливому обращенію, сдержанности, безукоризненному порядку въ туалетѣ, прическѣ и т. д. Она считала, что ко всему этому необходимо пріучать воспитанницъ съ первыхъ лѣтъ пребыванія въ институтѣ: любовь къ порядку и опрятности, правила вѣжливости и умѣнье держать себя должны были становиться со временемъ глубоко вкоренившейся привычкой, какъ бы второй натурой воспитанницы. Въ этомъ отношеніи М. П. Леонтьева была очень требовательна.

Она лично слѣдила за поведеніемъ и внѣшнимъ видомъ воспитанницъ, неожиданно появлялась всюду, замѣчала малѣйшій непорядокъ, доходя въ этомъ даже до педантизма.

По обычаю Смольнаго, воспитанницы всѣхъ классовъ по очереди обѣдали у начальницы. «Когда для какого нибудь дортуара наступала очередь обѣдать у начальницы, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшая смолянка, — классная дама заранѣе учила своихъ воспитанницъ, войдя въ пріемную, снять пелеринки и держать ихъ, сложенными вчетверо, на лѣвой рукѣ; пока буфетчикъ докладывалъ хозяйкѣ, что кушать подано, гостьи становились въ пары, и при входѣ начальницы дѣлали ей низкій реверансъ, затѣмъ каждая дѣвочка подходила поцаловать руку Маріи Павловны. Въ столовой, гдѣ всѣмъ заранѣе назначались мѣста, чтобы избѣжать суеты, дежурная изъ старшаго класса читала молитву, громко и явственно выговаривая каждое слово и медленно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ; съ послѣднимъ движеніемъ всѣ тихонько садились на свои мѣста, и торжественный обѣдъ начинался. Отъ состоялъ изъ шести блюдъ, большею частью хорошо приготовленныхъ, и, можетъ быть, дѣти, сидѣвшія по концамъ длиннаго стола, кушали ихъ спокойно и съ удовольствіемъ, но классная дама, которой мѣсто было по правую руку отъ начальницы, и воспитанницы, находившіяся напротивъ, постоянно ожидая какого нибудь вопроса, врядъ ли замѣчали, что имъ подаютъ. «Comme monseigneur serait effrayé s'il vous voyait porter la lame du couteau à la bouche au lieu de la fourchette»! скажетъ бывало начальница, или сдѣлаетъ замѣчаніе, что огурцы слѣдуетъ рѣзать вдоль, а не поперекъ, встать съ мѣста, чтобы налить себѣ воды или квасу, не пить ни того, ни другого тотчасъ послѣ супу, чтобы не заболѣли зубы отъ

холоднаго послѣ горячаго, и т. д. Въ промежуткахъ отъ одного кушанья до другого Марія Павловна разспрашивала дѣвицъ объ урокахъ и полученныхъ за день отмѣткахъ. Понятно, съ какимъ безпокойствомъ слѣдила классная дама за движеніями и отвѣтами своихъ питомицъ, которыхъ каждый промахъ свидѣтельствовалъ о томъ, что воспитательница плохо справляется со своей задачей.

Наконецъ, обѣдъ конченъ; вышколенныя гостьи собрали крошки, сложили салфетки и, положивъ ихъ подъ тарелки, ожидаютъ, чтобы хозяйка подала знакъ встать. При первомъ движеніи m-me Леонтьевой всѣ вставали разомъ, слушали молитву и тѣмъ же порядкомъ подходили къ рукѣ начальницы, а затѣмъ возвращались въ свой классъ, неся пирожки, которые полагалось не ѣсть съ супомъ, а отдавать подругамъ, обѣдавшимъ въ большой столовой...» [1].

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

При М. П. Леонтьевой Смольный былъ строгой школой внутренней и внѣшней дисциплины, гдѣ каждый привыкалъ пунктуально исполнять свой долгъ [2].

Каждое появленіе М. П. Леонтьевой внушало безотчетный страхъ. Боялись ея опытнаго, наблюдательнаго взгляда, отъ котораго ничто не ускользало, боялись ея вопросовъ, которые могли сразу раскрыть какой нибудь пробѣлъ или промахъ, боялись ея строгаго голоса и невольно ея избѣгали. Она являлась какъ бы совѣстью каждаго, отъ которой ничто не могло оставаться скрытымъ. Этотъ страхъ мѣшалъ сближенію между М. П. Леонтьевой, ея подчиненными и воспитанницами. Ее уважали, но непосредственной любви къ ней не было. Уже гораздо позднѣе, по выходѣ изъ института, вступивъ въ сознательную жизнь, смолянки начинали понимать заботы о нихъ и самую строгость

[1] Статсъ-Дама М. П. Леонтьева. 7—8. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 39.

М. П. Леонтьевой и проникались къ ней теплымъ, благодарнымъ чувствомъ [1].

М. П. Леонтьева не искала популярности; она смѣло и твердо исполняла свой долгъ, служила дѣлу, которому вѣрила. Ко всѣмъ воспитанницамъ она относилась ровно, съ одинаковой лаской, спокойствіемъ, одинаковой строгой требовательностью. Она не любила прибѣгать къ наказаніямъ, считала необходимымъ вліять на дѣтей путемъ нравственнаго воздѣйствія, всегда передавала, напр., отличившимся одобреніе Императрицы, а провинившимся—ея неудовольствіе. Она искренно любила дѣтей, ввѣренныхъ ея попеченію, и если не проявляла этой любви открыто, то лишь слѣдуя своимъ педагогическимъ принципамъ.

Этой любовью полны донесенія М. П. Леонтьевой Императрицѣ. Она знаетъ каждую воспитанницу; она съ гордостью доноситъ Императрицѣ объ успѣхахъ лучшихъ воспитанницъ, откровенно называетъ «les petites paresseuses», находитъ, однако, всегда возможнымъ замолвить словечко за провинившихся, извинить ихъ дѣтскіе проступки и шалости. Не скрывая отъ Императрицы проступковъ воспитанницъ, М. П. Леонтьева въ то же время говоритъ объ этихъ проступкахъ безъ всякаго раздраженія, видя въ нихъ не злой умыселъ, а дѣтскую шалость, легкомысліе. «Съ прискорбіемъ должна я довести до свѣдѣнія Вашего Величества,—пишетъ М. П. Леонтьева въ декабрѣ 1856 г.,—достойный порицанія легкомысленный поступокъ двухъ бѣлыхъ изъ Общества. Съ намѣреніемъ купить себѣ лакомствъ въ лавкѣ, находящейся по близости отъ воротъ кухоннаго двора, онѣ сдѣлали попытку выйти въ эти ворота, пройдя черезъ садъ, но были остановлены привратникомъ и приведены обратно. Раскаяніе этихъ дѣвицъ очевидно...». «Наши бѣлыя говѣютъ передъ *Рождествомъ, приготовляясь покинуть заведеніе*,—пишетъ М. П. Леонтьева въ слѣдующемъ докладѣ:—раскаяніе двухъ провинившихся дѣвицъ, повидимому, такъ непритворно, что я позволю себѣ не называть ихъ фамилій» [2].

М. П. Леонтьева понимала психологію дѣтскаго возраста. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Императрицѣ, обрисовавъ религіозное настроеніе на Страстной воспитанницъ старшихъ классовъ, только что оттовѣвшихъ и готовящихся встрѣтить

[1] См., напр., у Мордвиновой, письма бывшихъ смолянокъ къ М. П. Леонтьевой, 232—273. [2] Статсъ-Дамы М. П. Леонтьева 39.

Свѣтлый праздникъ съ полнымъ сознаніемъ его величія и чувствомъ исполненнаго христіанскаго долга, М. П. Леонтьева въ то же время писала: «les deux petites classes, composées d'enfants beaucoup plus jeunes, se rejouissent dans leur innocence de l'approche d'une solennité qui amène des plaisires que l'on aime à leur âge...» [1].

Въ другой разъ, донося Императрицѣ о смерти маленькой «кофейной», М. П. Леонтьева писала объ ея подругахъ: «La classe brune noble, à laquelle elle avait appartenue fut affligée de la perte de sa compagne, comme on peut l'être dans un âge, où les impressions ne sauraient être durables. Aussi les joies et les amusements furent bientôt repris, et la gaieté ramenée dans leurs coeurs...» [2].

М. П. Леонтьева всегда слѣдила за настроеніемъ воспитанницъ, хорошо знала его. Ей была понятна радость «голубыхъ», первый разъ надѣвшихъ платье «бѣлаго» класса; имѣстѣ съ дѣтьми она радовалась окончанію карантина и соединенію всѣхъ классовъ [3].

Чисто материнское чувство проявлялось у М. П. Леонтьевой по отношенію къ больнымъ воспитанницамъ, а также въ случаѣ смерти дѣвочки. «Cette pauvre enfant,—писала М. П. Леонтьева Императрицѣ въ одномъ изъ своихъ донесеній,—orpheline de père et de mère, disparue de ce monde après une courte maladie—n'a personne pour la pleurer; les institutrices seules regrettent en elle la perte d'une élève d'un bon caractère et très appliquée à ses études...» [4].

Прямая и искренняя, М. П. Леонтьева не терпѣла лжи и неискренности у другихъ даже въ мелочахъ. Точно также она не допускала ни малѣйшаго жеманства.

Ближайшими сотрудницами начальницы въ дѣлѣ воспитанія являлись инспектрисы. Дѣятельность ихъ при М. П. Леонтьевой сводилась къ тому, что каждая изъ нихъ являлась въ своемъ «возрастѣ» какъ бы помощницей начальницы. Онѣ слѣдили какъ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ дѣтей, такъ и за общимъ порядкомъ, чистотой, одеждой, бѣльемъ, ѣдой и проч. Дѣятельность инспектрисы пепиньерскаго класса была еще

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 15. [2] Тамъ же, л. 17. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72; Д. 1845 г., № 81; и др. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 20.

сложнѣе; ей приходилось, кромѣ того, руководить воспитанницами въ ихъ занятіяхъ съ младшими, читать съ ними и вообще способствовать ихъ умственному развитію [1]. Инспектрисы руководили дѣятельностью классныхъ дамъ, получали отъ нихъ подробные ежедневные отчеты обо всемъ случившемся за день и въ свою очередь подавали начальницѣ отчеты каждая о своемъ возрастѣ.

Видъ Смольнаго.

На основаніи этихъ отчетовъ, а также личныхъ наблюденій, М. П. Леонтьева писала свои еженедѣльныя донесенія Императрицѣ, при чемъ иногда прилагала къ нимъ отчеты инспектрисъ [2].

М. П. Леонтьева отмѣчала въ докладахъ Императрицѣ фамиліи воспитанницъ, которыми инспектриса была недовольна, *но такихъ бывало немного*, и обычно Леонтьева писала Императрицѣ: «Je n'ai de mon côté que des choses favorables à dire sur le compte des enfans et des personnes qui les soignent...» [3].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, лл. 19—20. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 72, лл. 27, 51, 53; и мн. др.; Д. 1845 г., № 81, л. 50; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 72, лл. 13, 27; и др.; Д. 1845 г., *№ 81, л. 50; и мн. др.*

Сама аккуратная до педантизма—М. П. Леонтьева извинялась передъ Императрицей, если по какой либо причинѣ отчетъ опаздывалъ хотя бы на одинъ день [1],—она требовала той же точности и отъ другихъ.

Инспектрисы въ Смольномъ за время управленія Императрицы Александры Ѳеодоровны большею частью были хорошо образованныя, подготовленныя къ педагогическому дѣлу. Таковы, напр., Екатерина Николаевна Обручева, окончившая Воспитательное Общество въ 1845 г. съ первымъ шифромъ [2]; Вѣра Николаевна Скрипицына, оставившая службу въ Смольномъ по случаю поступленія ко Двору наставницей дѣтей Наслѣдника Цесаревича [3]; Елизавета Ивановна Головлева, сдавшая экзамены на званіе домашней учительницы при Московскомъ университетѣ [4]; Анна Демьяновна Слопецкая, которую М. П. Леонтьева рекомендовала, какъ имѣющую «рѣдкія качества и познанія» [5]. Долго служила инспектрисой въ Смольномъ Марія Лукинишна Обручева, отличавшаяся чрезвычайно мягкимъ, любящимъ сердцемъ, большой религіозностью и добротой. Она пользовалась любовью и уваженіемъ дѣтей, ихъ полнымъ довѣріемъ [6], какъ и инспектриса Панчулидзева [7]. Рѣдкой добротой отличалась Екатерина Осиповна Крафтъ; М. П. Леонтьева называла ее въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ «cet ange de bonté» [8]. Дѣйствительно, Е. О. Крафтъ отличалась необыкновенной добротой. «Жить—значитъ дѣлать добро, вотъ весь смыслъ ея жизни,—пишетъ о ней одна изъ смолянокъ.—Она была воплощенной добротой въ своихъ отношеніяхъ и къ воспитанницамъ, и къ служащимъ, и вообще ко всѣмъ людямъ. Со всѣми она была ласкова, привѣтлива; заботилась обо всѣхъ воспитанницахъ, но особеннымъ ея вниманіемъ и расположеніемъ пользовались обездоленныя судьбою, дѣти слабыя здоровьемъ, больныя. Если въ лазаретѣ была опасно больная или умирающая, Е. О. Крафтъ по нѣсколько разъ въ день приходила ее навѣстить. Многочисленныя служебныя обязанности не позволяли ей находиться неотлучно днемъ при такой больной; зато ночи были въ ея

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 18; и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 93. Д. 1838 г., № 1 [оп. кн.], № 85. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 59. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 31, лл. 8, 9. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 1 (оп. кн.), № 57. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 42. [7] Зап. Дивовой Рж. Зап. старой смолянки, I, стр. 19, 23, 24 и мн. др. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 88.

распоряженіи, и Е. О. Крафтъ проводила иногда по цѣлымъ недѣлямъ ночи у постели больной воспитанницы. Она такъ любила дѣтей, что служба инспектрисы не казалась ей тяжелой. Почти каждое воскресенье она приглашала къ себѣ воспитанницъ старшихъ классовъ, гдѣ она состояла инспектрисой, устраивала для нихъ танцы, игры, маленькіе концерты, угощала лакомствами.

Воспитанницы отвѣчали на заботы и ласку Е. О. Крафтъ искренней любовью. Не разъ, вскладчину, онѣ даже устраивали ей цѣнные подарки; но Е. О. Крафтъ всегда отказывалась принимать ихъ для себя, а устраивала лотерею среди служащихъ, вырученныя же деньги раздавала бѣднымъ, сиротамъ и убогимъ. При выпускѣ своего класса, Е. О. Крафтъ получила отъ Императрицы цѣнную брошь, но и эта вещь ушла туда же, куда уходили всѣ цѣнныя вещи Е. О. Крафтъ.

Зато Е. О. Крафтъ съ удовольствіемъ принимала небольшія вещички работы воспитанницъ—воротнички, косыночки и т. п. и непремѣнно надѣвала ихъ. Воспитанницы Е. О. Крафтъ на всю жизнь сохраняли къ ней благоговѣйное, благодарное чувство» [1].

Съ большой похвалой отзывалась М. П. Леонтьева о мягкомъ и добромъ характерѣ инспектрисы Вельцъ: эти качества, по мнѣнію М. П. Леонтьевой, необходимы для той, которой поручено нравственное воспитаніе дѣтей [2].

Инспектриса Наталья Карловна Бельгардъ пользовалась большимъ довѣріемъ М. П. Леонтьевой [3], какъ и инспектриса Александровскаго училища Кассель [4] и помощница ея Аделаида Карловна Сенгъ-Шлеръ, сама смолянка, пользовавшаяся большой любовью воспитанницъ [5].

Предоставляя инспектрисамъ широкую самостоятельность, М. П. Леонтьева, по желанію Императрицы, принимала большое личное участіе въ руководствѣ воспитаніемъ «бѣлаго» класса. Въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ М. П. Леонтьева постоянно указываетъ, что «бѣлый» классъ составляетъ предметъ ея особаго вниманія и заботъ, что она постоянно слѣдитъ за поведеніемъ и манерами воспитанницъ «бѣлаго» класса, дѣлаетъ имъ

[1] Кубаркина. Записки. Рук. [2] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1848 г., № 74; Д. 1846 г., № 74; Д. 1816 г., № 67, л. 63. [3] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 106—107. [4] См., напр., Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1814 г., № 72; Д. 1815 г., № 81; Д. 1816 г., № 67; и др. [5] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1846 г., № 52; Д. 1848 г., № 74.

общія указанія, замѣчанія за столомъ или всѣмъ имѣстѣ, или наединѣ которой нибудь изъ воспитанницъ, «lorsqu'il faut par une longue explication ou par un entretien où l'on soit à l'aise produire un effet durable sur l'esprit et le coeur...» [1]. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ Императрицѣ М. П. Леонтьева писала, что присутствовала на балу, устроенномъ инспектрисой «бѣлаго» класса выпускнымъ воспитанницамъ незадолго до выпуска; на эту вечеринку, съ разрѣшенія М.П. Леонтьевой, были приглашены нѣсколько братьевъ воспитанницъ, лично извѣстныхъ инспектрисѣ. По словамъ М. П. Леонтьевой, это была прелюдія вступленія воспитанницъ въ общество, которая дала возможность ей и другимъ дамамъ посмотрѣть на воспитанницъ въ обществѣ молодыхъ людей и дать имъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ [2].

Императрица
Е. Ѳ. Свѣтлѣйшая.

Большинство инспектрисъ назначалось изъ классныхъ дамъ Воспитательнаго Общества, иногда другихъ институтовъ, рѣдко изъ лицъ, совсѣмъ чужихъ Смольному [3].

Дѣятельность классныхъ дамъ опредѣлялась особыми инструкціями, которыхъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ было дано нѣсколько. Въ основу этихъ инструкцій легли правила и задачи, поставленныя класснымъ дамамъ въ инструкціяхъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны [4].

Обязанности классныхъ дамъ были многосложны и многотрудны. Ихъ непосредственному наблюденію, заботамъ и вниманію поручалось нравственное и физическое воспитаніе дѣвицъ, точное выполненіе порядка дня, наблюденіе за приготовленіемъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 50, 51; и др.; Д. 1846 г., № 67, л. 61; и др.; Д. 1847 г., № 62, л. 42 и др.; и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 106, 107. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 1 (оп. кн.), № 57; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 88; Д. 1853 г., № 93; Д. 1848 г., № 84; Д. 1848 г., № 74; Д. 1841 г., № 39; Д. 1846 г., № 52; Д. 1848 г., № 88; Д. 1851 г., № 42; и др. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1797 г., № 8 (оп. кн.); Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 62, лл. 1—9. Муз. Имп. Восп. Общ. Наставленіе для воспитанія дѣвицъ въ институтахъ. СПБ. 1904. Матеріалы для инструкцій кл. дам. СПБ. 1857 г.

воспитанницами уроковъ, ихъ одежда и проч. При М. П. Леонтьевой обязанности классныхъ дамъ сдѣлались еще болѣе трудными; она требовала отъ классной дамы, чтобы та знала до мелочей характеръ и здоровье каждой воспитанницы своего класса, ея способности, наклонности, достоинства и недостатки; она требовала, чтобы классная дама знала все, что касалось ея класса, вплоть до количества вытопленныхъ печей въ дортуарѣ, чтобы она лично слѣдила за бѣльемъ воспитанницъ, до починки его включительно; классная дама была отвѣтственна за каждую воспитанницу на урокахъ,— незнаніе которой нибудь изъ воспитанницъ урока ставилось въ вину классной дамѣ. Она должна была слѣдить за каждымъ шагомъ воспитанницъ, знать ихъ мысли, предупреждать проступки. Въ дополненіе къ инструкціямъ М. П. Леонтьева, по мѣрѣ возникавшей надобности, давала свои предписанія класснымъ дамамъ. Такъ, напр., въ 1845 г. М. П. Леонтьева писала: «Madame la Supérieure prie les dames Inspectrices d'enjoindre aux dames de classe que chacune d'elles, fut elle de service ou non accompagne au bain les élèves, pour surveiller séparément celles qui lui sont confiées, car il est de toute impossibilité, qu'une seule dame de service puisse avoir l'oeil sur une quarantaine d'élèves» [1].

О характерѣ и трудности дѣятельности классныхъ дамъ въ Смольномъ при М. П. Леонтьевой можно составить себѣ представленіе по дневнику классной дамы того времени: «...Жизнь моя течетъ среди заботъ о воспитаніи дѣтей,—пишетъ она въ 1847 г.,—среди хлопотъ и трудовъ классныхъ дамъ. Одинъ день встаю въ шесть часовъ, молюсь, занимаюсь съ дѣтьми, устану къ вечеру до смерти и, истомленная, въ половинѣ десятаго или въ десять бросаюсь въ постель. На другой день сплю подольше, читаю, иногда что нибудь поработаю, когда поиграю, изрѣдка кто-нибудь зайдетъ ко мнѣ поговорить, въ томъ и день проходитъ... Дѣти отнимаютъ большую часть жизни: почти весь день посвящается имъ; даже въ свободные дни, по вечерамъ, приходится заниматься съ малоуспѣшными...» [2]. «...Начались каникулы,—пишетъ она далѣе,—отдыхъ для многихъ; но для насъ, дамъ, чуть ли не труднѣе класснаго времени. Всѣ занятія лежатъ исключительно на насъ и безпрестанно въ глазахъ дѣти

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 58, л. 2. [2] Зап. старой смолянки, I, 153, 154.

и дѣти; а между тѣмъ, такъ хочется, какъ и всѣмъ, отдохнуть, почитать...» [1].

Горечью звучатъ нѣкоторыя страницы «Записокъ старой смолянки»: «Мы, воспитательницы, ничего не теряемъ, отходя отъ жизни, полной труда и огорченій, въ жизнь несомнѣнно лучшую, если не полнаго блаженства. Господь милосердъ и проститъ невольный ропотъ, вырывающійся иногда изъ наших устъ. Онъ знаетъ, каково классным дамам, особенно въ «бѣломъ» классѣ... Трудный подвигъ, — особливо вначалѣ, когда молодая жизнь бьетъ ключемъ...» [2].

М. П. Леонтьева требовала отъ классных дамъ ровнаго и мягкаго обращенія съ дѣтьми, не позволяла примѣнять строгих наказаній. Она считала, что справедливой требовательностью и лаской, основанными на разумной любви къ дѣтямъ, можно достигнуть всего. Если классная дама жаловалась ей на свой классъ, М. П. Леонтьева ставила въ вину ей же неумѣнье завоевать любовь, довѣріе и уваженіе воспитанницъ. Она давала совѣты неопытнымъ, но никогда не вмѣшивалась въ отношенія между классной дамой и классомъ, и той волей неволей приходилось самой заботиться о поддержаніи своего авторитета. Всѣ непорядки, недостатки, промахи воспитанницъ М. П. Леонтьева ставила на видъ, главнымъ образомъ, классным дамам. Она требовала, чтобы классная дама во всемъ, до послѣдней мелочи, отвѣчала за свой классъ, за каждую воспитанницу.

Отъ классных дамъ М. П. Леонтьева требовала самаго точнаго исполненія правила инструкціи — никогда не терять воспитанницъ изъ виду, неотлучно находиться при нихъ.

Классными дамами назначались обычно изъ окончившихъ Смольный или другіе институты, но бывали и лица съ домашнимъ образованіемъ [3]. При назначеніи классных дамъ М. П. Леонтьева обычно отдавала предпочтеніе русскимъ передъ иностранками.

Утвержденіе въ должности классных дамъ, какъ и увольненіе ихъ сначала зависѣло отъ Императрицы [4], потомъ перешло къ Главному Совѣту, который строго слѣдилъ за соблюденіемъ всѣхъ формальностей и за тѣмъ, чтобы кандидатки въ классныя дамы удовлетворяли всѣмъ установленнымъ требованіямъ [5].

[1] Зап. старой смолянки, I, 405. [2] Тамъ же, 320, 337. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 37. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 7 (оп. зак.), № 163. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 84.

Встрѣчались при М. П. Леонтьевой среди классныхъ дамъ лица мало симпатичныя, не отвѣчавшія взятымъ ими на себя обязанностямъ [1]. Большинство же классныхъ дамъ пользовались большимъ довѣріемъ и любовью дѣтей. О настроеніи и отношеніи классныхъ дамъ къ своимъ обязанностямъ можно составить себѣ представленіе по дневнику одной изъ нихъ: «Чтобы быть хорошей воспитательницей,—пишетъ она,—надобно быть прежде всего *доброй христіанкой. Въ нашу обязанность, кромѣ чисто физи*ческаго труда, входитъ больше трудъ нравственный, отвѣтственный, тяжелый, подчасъ невыносимый, при которомъ нужно вооружиться большимъ христіанскимъ смиреніемъ и кротостью, чтобы не впасть въ уныніе, не получить отвращенія къ труду и не впасть въ зависть и въ озлобленіе. Неблагодарность дѣтей доводитъ иногда до тяжкаго искушенія, и намъ, бѣднымъ грѣшницамъ, въ эти минуты испытаній, очень трудно удержаться на должной высотѣ воспитательницы. А несоотвѣтствіе взглядовъ съ начальствомъ? Благо, когда молитва о прощеніи неблагодарныхъ придетъ на умъ, и когда совершенно искренно сможешь сказать: «благодарю Тебя, Господи, что Ты смиряешь меня, благодарю за все и всегда». Тогда снова примиришься съ обязанностью классной дамы и продолжаешь весело работать. Но безъ помощи свыше, безъ вѣры — навѣрное пропадешь, и въ какую можно впасть злобу...» [2].

«...Не могу не вспомнить добромъ классныхъ дамъ, которыя относились къ намъ справедливо, внушая хорошія и честныя правила,—пишетъ одна изъ бывшихъ смолянокъ въ своихъ запискахъ: — Особенно изъ нихъ была прекрасная личность Радищева, которая обращалась съ нами, какъ мать съ дѣтьми, а потомъ смѣнившая ее Дитмаръ; классная дама Самсонова была очень строгая, но справедливая, мы уважали и боялись ее...» [3]. Другая смолянка пишетъ, что, благодаря М. П. Леонтьевой, составъ классныхъ дамъ образовался изъ «прекрасныхъ личностей, между которыми первое мѣсто занимала Е. И. Шульгина, идеальный типъ умной, образованной, а главное—сердечной воспитательницы, истиннаго друга юношества» [4]. Сохранились восторженные отзывы бывшихъ смолянокъ о классной дамѣ М. Г. Тритгофъ, окончившей Смольный при Императрицѣ Маріи

[1] См., напр., Угличаниновъ, 16—17. [2] Зап. отпр. смолянки, I, 384—386. [3] Угличаниновъ, 18; ср. Записки Дивовой. Рки. Мордвиновъ, 160. [4] Мордвиновъ, 203.

Ѳеодоровнѣ; о А. Д. Сионецкой [1], «строгой, честной и справедливой», столь любившей Смольный, гдѣ и получила образованіе, что она отказалась отъ почетнаго предложенія быть воспитательницей Великихъ Княженъ [2]. Трогательной любовью воспитанницъ и сослуживицъ пользовалась Е. С. Рындина, сама бывшая смолянка [3].

Искренней любовью къ дѣтямъ и сознаніемъ великой отвѣтственности за нихъ проникнуты записки «старой смолянки», Варвары Петровны Быковой, двѣнадцать лѣтъ прослужившей классной дамой въ Воспитательномъ Обществѣ. «Сегодня вновь принятыя дѣти исповѣдываются въ первый разъ,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ.—Многія изъ нихъ были очень растроганы, когда я съ ними говорила, подготовляя ихъ къ исповѣди... Я сама чуть не расплакалась. Онѣ еще такъ малы! Господи, благослови моихъ дѣтей! Пусть въ лицѣ ихъ я хоть одно доброе дѣло совершу въ жизни. Желалось бы сдѣлать изъ нихъ истинныхъ христіанокъ! Но трудъ, кажется, не по моимъ бѣднымъ силамъ... Господь сподобилъ пріобщиться и далъ слезы благодатныя для всѣхъ,—пишетъ она черезъ годъ;—легко стало на душѣ,—улеглась тревога... Дѣти снова, какъ будто, опомнились. Передъ исповѣдью я долго говорила съ ними и имѣла утѣшеніе видѣть, какъ многія изъ нихъ искренно и сердечно плакали, прося у меня прощенія за ослушаніе. Господи, благослови нашихъ дѣтей, нашъ трудъ!.. Пора бы кажется бросить предразсудокъ, что старая дѣвушка должна быть злою. Загляните, господа, въ Смольный и посмотрите, съ какою любовью эти «злыя» существа воспитываютъ ввѣренныхъ имъ дѣтей, какъ ухаживаютъ за ними во время болѣзни и тогда, пожалуй, говорите, что угодно... Дѣтей своихъ я люблю и хлопочу объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, право почти столько же, какъ и Горчаковъ или Меньшиковъ объ успѣхахъ русскаго оружія,—пишетъ она въ другомъ мѣстѣ.—Для меня также важно ихъ чистое произношеніе, умственное развитіе, честный образъ мыслей, какъ для генерала—отвага, удаль, порядокъ, довольство ввѣреннаго ему строя. Славное время! Встаешь и засыпаешь съ одною мыслью о дѣтяхъ. Пусть эти молодыя силы освѣжаютъ добрыми успѣхами въ жизни изнуренный мой духъ! Съ радостью отдаю имъ свою жизнь» [4].

[1] Воспитанницы институтскія. [2] Зап. старой смолянки, I, 336. [3] Тамъ же, 403.
[4] Записки старой смолянки, I, 334, 340, 294, 385.

Чрезвычайно строгая и до крайности требовательная къ инспектрисамъ и классныхъ дамамъ, М. П. Леонтьева въ то же время умѣла цѣнить ихъ тяжелый трудъ. Въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ она постоянно упоминаетъ фамиліи инспектрисъ и классныхъ дамъ, которыя добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, отмѣчаетъ достигнутые ихъ усиліями результаты, испрашиваетъ у Государыни разрѣшить имъ отпуски, выказываетъ заботливое отношеніе къ ихъ здоровью, матеріальному, семейному положенію и т. п. [1].

Императрица Александра Ѳеодоровна, высоко цѣня труды классныхъ дамъ и инспектрисъ, постоянно оказывала имъ знаки своего милостиваго вниманія, удостаивала денежныхъ и почетныхъ наградъ, цѣнныхъ подарковъ, прибавокъ къ жалованью; близко принимая къ сердцу ихъ семейное положеніе, Государыня разрѣшала инспектрисамъ и классныхъ дамамъ воспитывать въ Смольномъ дочерей и родственницъ, держать ихъ при себѣ и т. п.; по окончаніи службы помѣщала бывшихъ воспитательницъ во Вдовій домъ; Императрица охотно разрѣшала классныхъ дамамъ отпуски, въ цѣляхъ поправленія здоровья или просто отдыха, выражала свою благодарность за труды, назначала усиленныя пенсіи и т. п. [2].

При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ Смольномъ продолжалъ существовать строгій интернатъ. Увольненіе воспитанницъ въ отпускъ допускалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, каждый разъ по особому докладу Императрицѣ [3]. Отпуски допускались, главнымъ образомъ, въ случаяхъ необходимости для излеченія какой либо болѣзни или поправленія здоровья воспитанницъ послѣ перенесенныхъ тяжелыхъ болѣзней,

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 81, лл. 38, 39, 78, 83, 90—91, 97 и др.; Д. 1846 г., № 67, лл. 19, 20, 26 и др.; Д. 1847 г., № 62, л. 42 и др.; и т. д.

[2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 81; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 82; Д. 1837 г., № 36, лл. 1, 2; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 3; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), №№ 93, 94; Д. 1850 г., № 6 (оп. кн.), №№ 55, 90, 97, 112; Д. 1857 г., № 1 (оп. кн.), № 34; Д. 1848 г., № 74; Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 906; Д. 1855 г. (оп. кн.), № 48; Д. 1834 г., № 21, лл. 1, 2; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 44; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), №№ 10, 85, 203, 219; Д. 1842 г., № 9 (оп. кн.), № 14; Д. 1832 г., № 8 (оп. кн.); Д. 1845 г., № 81, лл. 10, 48—49; Д. 1846 г., № 67, лл. 21, 39; Д. 1847 г., № 62, л. 42; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 176, лл. 2—3; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 22, лл. 1, 2; Д. 1830 г., № 34, л. 10; Д. 1851 г., № 1 (оп. кн.), № 57; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 58; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), №№ 120, 172; Д. 1851 г., № 1 (оп. кн.), № 98; Д. 1860 г., № 7 (оп. кн.); Д. 1850 г., № 29; и мн. др. Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Императора Николая I.

[3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 50; Д. 1853 г., № 9; Д. 1857 г., № 69; Д. 1857 г., № 57; Д. 1853 г., № 70; Д. 1850 г., № 93; Д. 1850 г., № 38; и др.

или въ случаяхъ болѣзни или смерти родныхъ [1]. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда родители или родственники просили отпустить воспитанницу на лѣто или вообще на продолжительный срокъ для поправленія здоровья, необходимо было представить медицинское свидѣтельство о болѣзни и точно обозначить мѣсто, куда предполагаютъ везти воспитанницу [2]; отпуски для поправленія здоровья разрѣшались иногда на 5—6 мѣсяцевъ, но никогда не болѣе, чѣмъ на одинъ годъ [3].

Воспитанница
М. Л. ОБРУЧЕВА.

Кромѣ отпуска воспитанницъ къ роднымъ для поправленія здоровья, нѣкоторыхъ смолянокъ, наиболѣе слабыхъ здоровьемъ, съ соизволенія Императрицы, посылали по указаніямъ докторовъ на воды въ Старую Руссу, а другія пользовались минеральными водами подъ Петербургомъ, въ имѣніи гр. Безбородко Полюстрово. Смолянки отправлялись въ Старую Руссу вмѣстѣ съ воспитанницами другихъ институтовъ. Обычно смолянокъ ѣздило человѣкъ 16 [4]; въ имѣніе гр. Безбородко воспитанницы ѣздили ежедневно, или черезъ извѣстные промежутки, по указанію врачей [5].

Императрица Александра Ѳеодоровна была противъ увольненія воспитанницъ въ отпускъ на лѣтнія каникулы; она полагала, что «дѣвицы могутъ удобнѣе пользоваться свѣжимъ и чистымъ воздухомъ въ саду заведенія, нежели у родныхъ своихъ, проживающихъ или въ самомъ городѣ или на окру-

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 157; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), №№ 74, 80; Д. 1847 г., № 7; Д. 1851 г., № 47; Д. 1848 г., № 17; Д. 1852 г., № 39; Д. 1845 г., № 32; Д. 1844 г., № 41; Д. 1853 г., № 9; Д. 1851 г., № 50; Д. 1857 г., № 60; Д. 1856 г., № 119, л. 6; и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 64; Д. 1849 г., № 8 (оп. кн.). [3] См. напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 7; Д. 1849 г., № 29; Д. 1846 г., № 8; Д. 1853 г., № 1 (оп. кн.), № 125; и др. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 40; Д. 1843 г., № 81, лл. 72, 73, 78; Д. 1847 г., № 62, лл. 59, 82; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), №№ 59, 62; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 136; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 35; Д. 1843 г., № 37; Д. 1844 г., № 42; Д. 1845 г., № 4; Д. 1846 г., № 9; Д. 1848 г., № 18; Д. 1847 г., № 16; Д. 1843 г., № 12; Д. 1841 г., № 26; и др. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1846 г., № 11; Д. 1847 г., № 62, л. 57; и др.

живущихъ оный дачахъ, большею частью подверженныхъ сырости» [1].

Здоровыхъ воспитанницъ почти совсѣмъ не увольняли въ отпускъ; это допускалось, съ особаго разрѣшенія Императрицы, въ исключительныхъ случаяхъ.

Къ родителямъ или родственникамъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ, воспитанницы отпускались всего на нѣсколько часовъ, ихъ возили въ казенной каретѣ, въ сопровожденіи классной дамы [2]. «Comme la princesse Troubetzkoy n'est pas en état de sortir, — писала Императрица М. П. Леонтьевой въ концѣ 1840 г.,—je permets à ses deux filles de passer le premier (jour) de l'an chez leur mère à condition qu'elles soient rentrées avant 8 heures à la Communauté» [3]. Время отъ времени воспитанницамъ разрѣшалось навѣщать сестеръ, учившихся въ другихъ институтахъ [4]. Лишь пепиньерки, родители которыхъ были въ Петербургѣ, отпускались къ нимъ на праздники и иногда лѣтомъ, во время каникулъ [5].

М. П. Леонтьева вполнѣ раздѣляла взглядъ Императрицы Александры Ѳеодоровны на отпуски. М. П. Леонтьева считала всякое внѣшнее вліяніе на воспитанницъ нежелательнымъ, вреднымъ, а иногда даже опаснымъ. Она считала, что временное пребываніе въ семьѣ должно надолго нарушить душевное спокойствіе воспитанницы при возвращеніи ея къ институтской жизни, къ которой воспитанницѣ снова пришлось бы привыкать. Кромѣ того, являлась опасность занести въ институтъ заразу.

При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ было обращено большое вниманіе на физическое воспитаніе дѣтей. Съ согласія Императрицы, въ Смольномъ была введена гимнастика по особой программѣ, составленной спеціально для женскихъ институтовъ. Въ эту программу входило, между прочимъ: бѣганіе, прыганье черезъ шнуръ, восхожденіе по ступенямъ лѣстницы, различныя движенія головой, руками, ногами, хожденіе по гори-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1813 г., № 1 (оп. вн.), №№ 56, 73. [2] Статсъ-Дама М. П. Леонтьева. 28. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 66; Д. 1856 г., № 119, лл. 1, 2, 4, 8 и др. [3] Муз. Имп. Восп. Общ. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 46, л. 9. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 32.

зонтальному столбу съ тяжестью въ рукахъ (балансированіе), хожденіе по наклонному столбу, стояніе и хожденіе на двухъ горизонтальныхъ ровной и неровной высоты брусьяхъ, качаніе на трапеціи, бѣганіе на «гигантскихъ шагахъ» и т. п. Преподаваніе гимнастики было поручено особой учительницѣ и происходило подъ наблюденіемъ врачей. Зимой занятія гимнастикой происходили въ залѣ, лѣтомъ — въ саду, на воздухѣ [1]. Кромѣ педагогической гимнастики съ 1840 года въ Воспитательномъ Обществѣ, по мысли старшаго врача Общества Корнеліуса, была введена врачебная гимнастика [2]. Для подготовки учительницъ гимнастики, съ соизволенія Императора Николая I, предположено было открыть особые классы гимнастики при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Сиротскихъ институтахъ [3].

Въ заботахъ о здоровьѣ воспитанницъ, Императоръ Николай I утвердилъ предположеніе Главнаго Совѣта о томъ, чтобы дежурный врачъ ежедневно осматривалъ съѣстные продукты, предназначенные для стола воспитанницъ, и представлялъ еженедѣльныя вѣдомости о пищѣ инспектору по медицинской части учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи [4]. Съ той же цѣлью Императоръ Николай Павловичъ предписалъ состоявшему при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи камергеру Вонлярлярскому «еженедѣльно посѣщать здѣшнія заведенія Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ обѣденное и ужинное время и наблюдать за добротою продовольствія и приготовленія» [5].

Заботы о здоровьѣ воспитанницъ всегда составляли предметъ особаго вниманія и М. П. Леонтьевой. М. П. Леонтьева была хорошо знакома съ требованіями гигіены и условіями правильнаго физическаго развитія дѣтей. Она строго слѣдила, чтобы въ дортуарахъ и классахъ царила образцовая чистота, чтобы помѣщенія хорошо провѣтривались и правильно отапливались. Она считала весьма полезнымъ для воспитанницъ движенія на свѣжемъ воздухѣ; лѣтомъ воспитанницы цѣлый день про-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1839 г., № 47; Д. 1845 г., № 84, лл. 16, 17, 18—22; Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.), № 36; Д. 1852 г., № 1 (оп. хр.), № 153; Д. 1852 г., № 75. Программа гимнастическихъ упражненій для дѣвицъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Соб. 1852. [2] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. По оп. Б, № 220. [3] Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Императора Николая I. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1857 г., № 1 (оп. кн.), № 68. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1850 г., № 43, л. 1.

водили въ саду, если только позволяла погода; зимой—въ саду по дорожкамъ клались для прогулокъ воспитанницъ мостки. М. П. Леонтьева придавала большое значеніе купанью; по ея ходатайству на Невѣ были построены двѣ прекрасныя новыя купальни, которыми пользовались не только смолянки, но и воспитанницы Маріинскаго института [1]. М. П. Леонтьева устраивала для воспитанницъ прогулки, поощряла физическій трудъ на воздухѣ,—съ этой цѣлью она позволяла воспитанницамъ устраивать лѣтомъ въ саду свои маленькіе огороды.

О больныхъ воспитанницахъ М. П. Леонтьева проявляла крайнюю заботливость. Она ежедневно посѣщала оба лазарета, слѣдила за ходомъ болѣзни каждой больной. Въ каждомъ донесеніи Императрицѣ М. П. Леонтьева даетъ отчетъ объ «état sanitaire de la maison», перечисляетъ по фамиліямъ больныхъ воспитанницъ, отмѣчаетъ малѣйшее измѣненіе въ состояніи здоровья каждой [2].

Императрица Александра Ѳеодоровна не только внимательно слѣдила за состояніемъ здоровья воспитанницъ, но иногда даже лично давала совѣты, какъ лечить ту или другую воспитанницу.

«... En lisant le rapport des malades,—писала Императрица М. П. Леонтьевой 25 октября 1844 г.,—je vois que la petite Golitzine est plus ou moins souffrantes des humeurs, et je voulais vous demander si on a déja essayé d'un remède qu'on dit si efficace: c'est l'huile de morue. Rien n'agit aussi heureusement sur cette maladie, car il purifie le sang. Répondez, je vous prie, à cette question, chère Madame Léontief, après avoir consulté les médecins de la maison....» [3].

Постоянныя заботы о здоровыхъ и больныхъ воспитанницахъ поглощали все время М. П. Леонтьевой. Эти заботы становились особенно тяжелыми и отвѣтственными въ тревожные годы, когда въ Смольномъ появлялись заразныя болѣзни. Въ такихъ случаяхъ М. П. Леонтьева положительно выбивалась изъ силъ. Она сама принимала участіе въ размѣщеніи больныхъ, въ уходѣ за ними, входила во всѣ мелочи и такъ уставала, что не разъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 44; Д. 1844 г., № 72, л. 27; Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), № 27; Д. 1851 г., № 87; Д. 1840 г., № 50; Д. 1851 г., № 82, л. 32; Д. 1831 г., № 18 (оп. кн.), №№ 123, 144; и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72; Д. 1845 г., № 81; Д. 1846 г., № 67; Д. 1847 г., № 62, и т. д. [3] Муз. Имп. Восп. Общ. Воспитанницу кн. Голицыну стали лечить рыбьимъ жиромъ и она поправилась (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 59, 60, 62).

ей приходилось извиняться передъ Императрицей за краткость своихъ еженедѣльныхъ отчетовъ [1]. М. П. Леонтьева боролась до послѣдней возможности за жизнь каждой воспитанницы, смерть больной была для нея искреннимъ горемъ [2].

Въ тревожные дни серьезныхъ болѣзней въ Смольномъ Императрица Александра Ѳеодоровна выражала ему свое сердечное участіе. «Ma pauvre Communauté me fait tant de peine,—писала Императрица М. П. Леонтьевой въ 1843 г. во время эпидеміи скарлатины:—Et vous, comme je vous plains, chère Madame Léontief. Je veux vous encourager par ces lignes à persévérer et vous remercie des soins de chaque instant que vous prenez à tout arranger pour le mieux. Excepté le malheur, que nous avons eu de perdre une petite, ce que je déplore du fond de l'âme, la rougeole et même la scarlatine paraissent être bénignes.

Je vous prie de me donner plus souvent des nouvelles de l'état sanitaire de la maison. Dites aux demoiselles, tant malades que bien portantes, que je pense à elles et que j'espère que la contagion cessera bientôt et que nous nous verrons avant Pâques, si Dieu donne. Adieu, chère Madame Léontief, portez vous bien et ne vous fatiguez pas trop. Alexandra» [3].

«Madame la Générale de Léontief,—въ другой разъ писала Императрица во время скарлатины въ Смольномъ:—Je suis bien aise que le renouvellement de l'année me fournisse l'occasion de vous exprimer une fois de plus les sentiments de bienveillance et d'attachement que j'éprouve pour les deux établissements qui se trouvent sous votre direction. Puisse la Providence vous conserver encore longtemps les forces nécessaires pour pouvoir toujours remplir, avec le même zèle, la sainte mission que je vous ai confiée et qui aussi difficile qu'elle est grande et belle. Outre ce voeu, je fais encore celui que l'année qui s'ouvre devant nous, soit plus propice à l'état sanitaire de vos élèves que ne le fut celle qui vient de s'écouler. Je désire surtout, que la maladie qui règne actuellement dans l'enceinte de la Communauté, cesse le plus tôt possible, afin que je puisse de nouveau venir vous visiter—jouissance dont j'ai été privée si longtemps. Néanmoins pour vous donner une preuve que je m'occupe constamment de votre bien-être à vous

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 67, л. 71. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 17; и др.; Д. 1844 г., № 72, л. 43; Д. 1847 г., № 62, л. 38; и др. [3] Муз. Имп. Восп. Общ.

toutes, j'ai fait prier M-me de Cassel [1] de se charger intérimairement, pendant la maladie des enfants de M-me de St. Hilaire, des fonctions d'Inspectrice pour vous prêter assistance dans un moment aussi difficile. En appelant sur vos élèves et vous toutes les bénédictions du Ciel, je suis avec les sentiments de constante bienveillance. Votre affectionnée Alexandra» [2].

Въ 1848 г., когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, она появилась и въ Смольномъ. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ и чрезвычайной осторожности въ ѣдѣ, среди воспитанницъ было лишь два случая холеры—изъ нихъ одинъ окончился смертью. Смольный пережилъ тревожное время [3].

«Въ прошлое воскресенье соборные священники ходили съ образами,—пишетъ въ своемъ дневникѣ классная дама Воспитательнаго Общества В. П. Быкова лѣтомъ 1848 г.,—и когда они шли кругомъ Смольнаго, то нашихъ дѣтей вывели на берегъ Невы, чтобы помолиться вмѣстѣ съ другими. Процессія, поровнявшись съ институтомъ, остановилась. Всѣ бросились на колѣни и запѣли: «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи», а старшій священникъ прочелъ молитву. Голосъ его дрожалъ отъ умиленія. Святыя хоругви развѣвались въ воздухѣ. На баркахъ, противъ Смольнаго, мужички, сняв шапки и преклонивъ колѣни, набожно крестились. А надъ молящимися дѣтьми синѣло небо, и, казалось, ангелы глядѣли на землю и молили Всевышняго о ея помилованіи. Какъ трогателенъ былъ этотъ видъ! Какъ глубока была эта общая молитва!..» [4].

Особенно тяжелымъ было время этой эпидеміи для М. П. Леонтьевой. Ея тревогу раздѣляла и Государыня.

«Chère Madame Léontief,—писала Императрица 17 іюня 1848 г., — inquiète pour vous tous dans ce triste temps de choléra je désire avoir plus souvent des nouvelles de la Communauté, de nos chers enfants, et de tous les habitans de ce petit monde bienheureux près de la Néva.—J'espère que nos élèves prouveront par leur sangfroid qu'elles n'ont pas peur et qu'elles ont le sentiment de la force que donnent la religion, la résignation chrétienne aux volontés de notre Père qui est au ciel. Je prie ce Dieu de miséricorde de vous prendre sous sa sainte garde. Alexandra» [5].

[1] Кассель была уже въ это время въ отставкѣ. [2] Муз. Имп. Воспит. Общ. [3] Зап. старой смолянки, I, 177. Мордвинова, 105. [4] Зап. стар. смолянки, I, 180. [5] Муз. Имп. Воспит. Общ.

По желанію Императрицы, въ это тревожное время подробные рапорты о Смольномъ посылались Ея Величеству въ Петергофъ два раза въ недѣлю. Бывали, однако, случаи, что Императрица присылала въ Смольный нарочнаго, чтобы узнать о положеніи больныхъ [1].

Серьезныя болѣзни въ Смольномъ бывали часто, особенно въ годы послѣ новаго пріема. Почти ежегодно бывали смертные случаи среди воспитанницъ. Донося Императрицѣ о минувшемъ 1845 «счастливомъ» годѣ, когда не было ни одного смертнаго случая среди воспитанницъ, М. П. Леонтьева добавляетъ съ тревогой «....Cependant je ne jouis de cette joie qu'avec crainte et tremblement dans l'idée que l'année actuelle prendra peut-être sa revanche sur la précédente...» [2].

Бывало иногда сразу такое большое число больныхъ, что устраивались временные лазареты въ бывшихъ комнатахъ Нелидовой, иногда въ одномъ изъ дортуаровъ [3]. Къ подобнымъ мѣрамъ приходилось прибѣгать и потому, что лазаретъ, хотя и очень удобный и помѣстительный, находился въ зданіи Александровскаго училища и былъ отдѣленъ отъ Воспитательнаго Общества длиннымъ коридоромъ, въ зимнее время очень холоднымъ. Переносить больныхъ воспитанницъ по этому коридору было настолько опасно, что приходилось отводить подъ временный лазаретъ помѣщеніе въ зданіи самого Общества.

Такой порядокъ былъ, однако, сопряженъ съ большими неудобствами и представлялъ опасность распространенія заразы. М. П. Леонтьева находила необходимымъ устройство болѣе удобнаго лазарета для Воспитательнаго Общества и возбудила объ этомъ ходатайство передъ Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Государыня вполнѣ одобрила намѣреніе М. П. Леонтьевой—предоставить прежній лазаретъ въ полное пользованіе Александровскаго училища, для лазарета же Воспитательнаго Общества отвести помѣщеніе въ зданіи Вдовьяго Дома, въ той части его, которая непосредственно примыкаетъ къ зданію Общества. Это помѣщеніе первоначально предназначалось для келій Императрицы Елисаветы Петровны.

[1] Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 37. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 67, л. 1. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 23, 46, 56, 72; Д. 1846 г., № 67, лл. 43, 81, 82; Д. 1847 г., № 62, л. 27; и др.

10 ноября 1851 г. Императоръ Николай Павловичъ изъявилъ свое согласіе на переустройство лазаретовъ Смольнаго [1], въ февралѣ слѣдующаго года были удостоены Высочайшаго Ихъ Величествъ одобренія планы переустройства [2] и тотчасъ приступлено къ работамъ, веденіе которыхъ было поручено архитектору Кавосу. М. П. Леонтьева лично слѣдила за ходомъ работъ; въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ она постоянно упоминаетъ о работахъ по переустройству лазаретовъ; въ одномъ изъ такихъ донесеній она, между прочимъ, пишетъ, что старанія архитектора направлены къ тому, чтобы сохранить типъ построекъ несравненнаго Растрелли. Лишь въ іюнѣ 1854 г. устройство лазаретовъ было окончено и они освящены въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ и воспитанницъ двухъ старшихъ классовъ.

Императрица
Е. П. ОБРУЧЕВА.

Новые лазареты Воспитательнаго Общества возбуждали справедливый восторгъ всѣхъ, кто ихъ видѣлъ. «Все, что современныя требованія гигіены находятъ необходимымъ для помѣщенія больныхъ, было предугадано и осуществлено 50 лѣтъ тому назадъ просвѣщенною начальницей Смольнаго,—пишетъ одна изъ бывшихъ смолянокъ. Масса солнечнаго свѣта и масса чистаго воздуха наполняютъ комнаты и корридоры. Одной стороной лазаретъ всѣми своими окнами выходитъ въ великолѣпный институтскій садъ, прилегающій къ Невѣ, другой стороной, корридорами,—на просторный скверъ. Эти широкіе корридоры съ паркетными полами, съ огромными венеціанскими окнами служатъ мѣстомъ прогулокъ для выздоравливающихъ въ зимнее время; въ лѣтніе же мѣсяцы больные имѣютъ выходъ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1851 г. № 18 (оп. кн.), № 310. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1852 г. № 1 (оп. кн.), № 21.

прямо въ садъ. Комнаты съ паркетными полами, ваннами и всѣми удобствами, общая для выздоравливающихъ столовая, пріемная комната для посѣтителей представляли въ то время большую роскошь; красота этихъ помѣщеній увеличилась еще и художественно расписанными потолками... Всѣ служащія при лазаретахъ надзирательницы и ихъ помощницы имѣли тутъ же удобныя комнаты. Для бѣлья были заведены огромные шкафы со стеклянными рамами; они стояли въ коридорѣ, полномъ свѣта. Необходимые для больныхъ тишина и покой, чистота и образцовый порядокъ царствовали въ этихъ чудесныхъ помѣщеніяхъ...» [1].

Однако и новые лазареты, на которые возлагались большія надежды, не уберегли Смольный отъ частыхъ серьезныхъ болѣзней эпидемическаго характера. Уже въ 1855 г. появилась корь, и число больныхъ такъ было велико, что пришлось обратить одинъ изъ дортуаровъ въ лазаретъ [2].

Частыя болѣзни въ Смольномъ [3] тревожили Императрицу Александру Ѳеодоровну. По ея желанію, весною 1855 г. было предпринято изслѣдованіе причинъ этого печальнаго явленія, а также причинъ увеличившейся смертности. Врачи, произведшіе это разслѣдованіе, пришли къ заключенію, что необходимо улучшить пищу воспитанницъ, предоставить имъ больше времени для прогулокъ и движеній на воздухѣ, въ случаяхъ эпидемическихъ заболѣваній увеличить количество врачей, и т. д.

Императрица повелѣла Совѣту Воспитательнаго Общества принять зависящія отъ него мѣры къ выполненію постановленій врачей, а также «составить табель о пищѣ на основаніи правилъ діэтетики, по совѣту главнаго доктора и съ утвержденія медицинскаго инспектора...». Тогда же Главнымъ Совѣтомъ былъ поднятъ вопросъ о постной пищѣ, о количествѣ часовъ для сна, объ одеждѣ воспитанницъ и проч. Въ результатѣ былъ установленъ новый порядокъ дня, нѣсколько сокращены посты, обращено еще бо́льшее вниманіе на физическое развитіе дѣтей и т. п. Все это вошло въ общій уставъ для женскихъ институтовъ, изданный въ 1855 году [4].

[1] Мордвинова, 111. См. также Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), №№ 97 и 106. [2] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. Зап. старой смоленки, 1, 312. [3] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1842 г., № 71. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 71, лл. 4—6, 9, 10—11, 14, 21, 24—25, 27—28, 30—37, 38 и др.

По ходатайству М. П. Леонтьевой новое распредѣленіе времени, съ соизволенія Императрицы, было отложено до новаго пріема, который долженъ былъ состояться въ 1857 г. [1]. Однако, въ іюлѣ 1857 г., М. П. Леонтьева возбудила ходатайство о томъ, чтобы введеніе новаго распредѣленія дня было отложено до столѣтія Смольнаго, т. е. до 1864 г. [2]. Человѣкъ стараго закала, выросшая и прослужившая двадцать лѣтъ при прежнихъ порядкахъ, М. П. Леонтьева не могла спокойно и увѣренно отказаться отъ всего, что привыкла считать единственно правильнымъ. Это второе ходатайство М. П. Леонтьевой не было удовлетворено.

Мѣры, принятыя къ уменьшенію количества заболѣваній и смертности въ Смольномъ, были вполнѣ удачны: въ шестидесятыхъ годахъ часто не бывало ни одного смертнаго случая въ годъ [3].

Медицинскій надзоръ въ Смольномъ былъ поставленъ очень серьезно. Еще 13 декабря 1828 г. Высочайшимъ указомъ Императора Николая I лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ Рюль былъ назначенъ «инспекторомъ по медицинской части» надъ состоявшими подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны заведеніями [4]. Впослѣдствіи эту должность занималъ лейбъ-медикъ Арндтъ.

Инспекторъ по медицинской части имѣлъ верховный надзоръ за леченіемъ воспитанницъ, за физическимъ ихъ развитіемъ, принималъ отчеты докторовъ, бывалъ на консультаціяхъ въ тяжелыхъ случаяхъ заболѣваній и т. д.

Въ Смольномъ медицинскій персоналъ состоялъ изъ главнаго врача и двухъ младшихъ [5]. Должность старшаго врача долго занималъ докторъ Романусъ, о которомъ сохранилась у смолянокъ память какъ о человѣкѣ сердечномъ и добромъ, хотя и суровомъ на видъ [6].

Заботамъ о лазаретѣ М. П. Леонтьева удѣляла много вниманія. Скорбя душой за больныхъ дѣтей, она старалась окружить ихъ сердечнымъ уходомъ, нѣжной лаской. Съ особой осто-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 71, л. 42. [2] Тамъ же, лл. 43—44. [3] Въ 40-хъ годахъ умирало въ Воспитательномъ Обществѣ въ среднемъ ежегодно около 4-хъ восп., въ Александровскомъ училищѣ—около 3-хъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 65). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 7 (оп. кн.), № 161. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 82. [6] Углечанинова, 12—13.

еще привита; въ случаѣ появленія заболѣваній оспою въ городѣ дѣлались повторныя прививки ея всѣмъ воспитанницамъ [1]. Въ случаяхъ серьезныхъ заболѣваній, приглашались врачи-консультанты, спеціалисты по глазнымъ, ушнымъ и прочимъ болѣзнямъ [2]. Бывали случаи, что воспитанницъ Смольнаго помѣщали въ глазную лечебницу, а также въ ортопедическое заведеніе доктора Доста, гдѣ имѣлось восемь мѣстъ на иждивеніи Его Величества [3].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 32–33. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 2 (оп. вв.), № 61; Д. 1847 г., № 62, л. 94; Д. 1851 г., № 18 (оп. пп.), л. 189.
[3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 7; Д. 1846 г., № 46; и др.

VIII.

Пріемъ въ Воспитательное Общество и Александровское училище.—Правила 1851 года.—Увольненіе воспитанницъ до окончанія курса.—Выпускъ.—Выпускные экзамены.—«Императорскій вечеръ».

Правила пріема въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и Александровское училище до 1851 г. оставались тѣ же, что были при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Совѣтъ Воспитательнаго Общества строго придерживался ихъ при зачисленіи дѣвицъ; особенное вниманіе было обращено на то, чтобы въ Общество не баллотировались дочери, «коихъ родители, не имѣя чиновъ полковника или статскаго совѣтника, и не будучи изъ природныхъ дворянскихъ родовъ, записаны въ первую, вторую или третію части дворянской родословной книги», и чтобы всѣ документы опредѣляемыхъ дѣвицъ были въ полномъ порядкѣ [1]. Точно также, по желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны, строго соблюдалось правило, чтобы новый пріемъ производился «отнюдь не позже, какъ съ 1 августа» [2]. Къ пріему допускались дѣти не старше $10^1/_2$ лѣтъ [3]. Списки дѣвицъ, допущенныхъ и не допущенныхъ Совѣтомъ къ баллотировкѣ, представлялись на утвержденіе Императрицы [4].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 91; лл. 1, 2; ср. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 353—354. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 43, л. 2. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 91, лл. 1, 2. [4] См., напр., тамъ же.

Число желающихъ поступить въ Смольный все возрастало. Въ 1836 г., напр., было подано прошеній къ пріему во всѣ отдѣленія 673 [1].

Въ 1845 г. было издано Высочайше утвержденное правило о томъ, чтобы дѣвицы, зачисленныя въ число воспитанницъ Смольнаго и въ теченіе года не воспользовавшіяся «предоставленнымъ имъ благодѣяніемъ», исключались изъ списковъ воспитанницъ Общества или Александровскаго училища [2].

Въ 1851 г. были изданы новыя правила пріема въ Воспитательное Общество, въ основу которыхъ легли, однако, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, тѣ же правила, что существовали раньше.

Согласно новымъ правиламъ, въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, какъ и прежде, имѣли право поступать «только дочери древнихъ россійскихъ дворянъ, записанныхъ въ шестую часть родословной книги, и дочери лицъ, дослужившихся до чиновъ: полковника, статскаго совѣтника или 5-го класса и выше, какъ въ службѣ состоящихъ, такъ и отставныхъ». Пріемный возрастъ былъ опредѣленъ «не моложе 8-ми и не старше 10-ти лѣтъ отъ роду, считая сіе къ 1 августа того года, когда бываетъ общій пріемъ въ младшій классъ». Вновь принимаемыя «должны быть совершенно здоровы, а также обучены чтенію и письму на россійскомъ и французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ». Въ силѣ оставались правила о недопущеніи одновременно къ пріему двухъ сестеръ, а также возможность возвращенія дѣвицы «по принадлежности», въ случаяхъ обнаруженія послѣ пріема недостаточной подготовки воспитанницы или слишкомъ слабаго здоровья, физическихъ недостатковъ и проч. «Въ число 300 штатныхъ или казенно-коштныхъ воспитанницъ Общества, послѣ имѣющаго быть черезъ каждые три года выпуска 100 таковыхъ дѣвицъ,—говорилось въ правилахъ 1851 г.,—опредѣляются вновь 50 изъ дочерей военныхъ чиновниковъ и 50 изъ дочерей другихъ дворянъ. Изъ сихъ 100 мѣстъ шесть предоставляются исключительно финляндскимъ дворянкамъ, а 10 оставляютъ для чрезвычайныхъ случаевъ. На остальныя за тѣмъ вакансіи, кои не замѣщены

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 2 (оп. вн.), № 116. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г. № 1 (оп. вн.), № 75.

будутъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, поступаютъ дѣвицы по жребію публичнаго баллотированія...».

Своекоштными пансіонерками могли поступать во всякое время и въ различные классы по предварительному экзамену, при чемъ на своекоштныя вакансіи могли зачисляться одновременно и родныя сестры. Въ «бѣлый» классъ принимались только «по особымъ уважительнымъ причинамъ», при чемъ родители, или лица, опредѣляющія дѣвицъ въ этотъ классъ, должны были заранѣе письменно отказаться отъ всякой награды дѣвицѣ при выпускѣ [1].

Новыя правила пріема были введены въ дѣйствіе лишь при пріемѣ въ Смольный въ 1854 г. [2]. Ко времени введенія ихъ въ нихъ уже послѣдовали нѣкоторыя измѣненія.

Въ 1853 г. было отмѣнено «раздѣленіе общаго числа штатныхъ вакансій, назначенныхъ для баллотировки, поровну между дочерьми лицъ, состоящихъ въ военномъ званіи и принадлежащихъ къ гражданскому вѣдомству съ предоставленіемъ сихъ вакансій всѣмъ вообще допускаемымъ къ баллотировкѣ дѣвицамъ безъ различія званія ихъ родителей», а также, по ходатайству М. П. Леонтьевой, было разрѣшено допускать къ пріему на штатныя (безплатныя) вакансіи въ одно и то же заведеніе родныхъ сестеръ. М. П. Леонтьева основывала свое ходатайство на томъ, что правило о недопущеніи родныхъ сестеръ потеряло смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ были учреждены новые женскіе институты не только въ столицахъ, но и губерніяхъ и «повсемѣстно почти предоставлены способы къ образованію женскаго пола». Между тѣмъ, пребываніе сестеръ въ одномъ институтѣ облегчало бы дѣтямъ горесть разлуки съ родной семьей [3].

Въ Александровское училище принимались «дочери пріобрѣтшихъ дворянство службою штабъ и оберъ офицеровъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ» и дочери священниковъ. Возрастъ вновь поступающихъ былъ опредѣленъ отъ $10^1/_2$ до $12^1/_2$ лѣтъ; дѣвицы должны были при поступленіи умѣть читать и писать по русски и на какомъ либо языкѣ—французскомъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 77, л. 7; ср. Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 170. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 77, лл. 16, 17; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 191; Д. 1853 г., № 81, лл. 25—35.

или нѣмецкомъ, и «быть совершенно здоровы» [1]. Учреждённое послѣ войны 1812 г. при Александровскомъ училищѣ военное отдѣленіе было, по Высочайшему повелѣнію, въ 1812 г. упразднено [2].

Правило о родовитомъ дворянскомъ происхожденіи кандидатокъ на поступленіе въ Воспитательное Общество соблюдалось со всею строгостью. Митрополитъ Петербургскій Антоній *ходатайствовалъ о принятіи* въ *Воспитательное Общество* двухъ его внучекъ; ему согласно волѣ Императрицы, предписавшей «держаться закона», было, однако, отказано, въ виду того, что онѣ были записаны не въ шестую, а въ третью часть дворянской родословной книги [3].

Вступительныя испытанія происходили семейнымъ образомъ; обычно М. П. Леонтьева сама экзаменовала дѣвочекъ въ чтеніи и письмѣ [4].

М. П. Леонтьева постоянно докладывала Императрицѣ о ходѣ каждаго новаго пріема и вообще о всѣхъ вновь поступающихъ. Такъ, напр., въ своемъ докладѣ отъ 1 августа 1845 г. М. П. Леонтьева пишетъ, что сегодня въ 2 часа произведенъ пріемъ, привезено 43 дѣвочки, что «...toutes ces petites viennent de souper de bon appetit après avoir déja joué une couple d'heures dans leurs dortoirs et seché les larmes que le chagrin de se séparer de leurs parents leur avoit fait répandre. Elles paraissent se bien porter et ne pas manquer d'intelligence; quant aux agrémens de la figure, il n'y en a pas une de remarquablement jolie...» [5]. При пріемѣ 1851 г., донося о трехъ вновь поступившихъ, М. П. Леонтьева, между прочимъ, писала объ одной изъ нихъ: «Cette dernière, amenée depuis deux jours, ne peut encore se consoler d'être séparée de sa maman, dont le souvenir se présente à sa pensée au milieu même des jeux, au moyen desquels ses petites compagnes cherchent à la distraire de son chagrin» [6].

Въ число штатныхъ воспитанницъ нѣкоторыя, иногда многія, зачислялись безъ баллотировки по Высочайшимъ повелѣ-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 77, л. 8; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 75; Д. 1852 г., № 17, л. 9; Д. 1863 г., № 191; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 191; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 176; Д. 1863 г., № 81, лл. 15—24. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 7, л. 6. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 89. [4] См., напр., Ст.-Дама М. П. Леонтьева, 7. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 98. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 39; ср. Д. 1845 г., № 81, лл. 39, 56, 98, 102, 104—106, 106 и т. д.

віямъ Государя или Государыни [1]; точно также Высочайшими повелѣніями назначались на вакансіи, оставлявшіяся «для чрезвычайныхъ случаевъ» [2]. Во время пріема 1832 г., согласно Высочайшему повелѣнію, были приняты штатными воспитанницами—три въ Общество и шестнадцать въ училище—«изъ числа временно призрѣнныхъ во Вдовьемъ домѣ дѣтей, осиротѣвшихъ отъ холеры» [3].

Чтецъ Совѣта
Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

На финляндскія вакансіи, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено было принимать дочерей финляндскихъ дворянъ внѣ зависимости отъ чиновъ родителей, въ виду особой цѣли учрежденія этихъ вакансій — распространенія въ краѣ русскаго образованія и того, что дворянство въ Финляндіи пріобрѣтается только пожалованіемъ, а не чинами. Въ случаяхъ незаполненія этихъ вакансій финляндскими дворянками, допускалось замѣщеніе ихъ «дочерями состоящихъ въ Финляндіи на службѣ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ изъ недворянъ» [4].

Кромѣ штатныхъ воспитанницъ, въ Смольномъ были пансіонерки Ихъ Величествъ и другихъ членовъ Царской Семьи, а также различныхъ учрежденій, какъ, напр., Горнаго Вѣдомства, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и проч., а также

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 109, и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 142; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 46, и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1832 г., № 1 (оп. кн.), №№ 85 и 86. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 77; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 219; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 22; Д. 1857 г., № 1 (оп. кн.), № 18.

частныхъ лицъ [1]. Число пансіонерокъ не было опредѣленнымъ; пансіонерокъ Высочайшихъ Особъ бывало много [2]; согласно Высочайше утвержденной, напр., 24 іюля 1818 г. вѣдомости было установлено имѣть въ Воспитательномъ Обществѣ 37, а въ Александровскомъ училищѣ 24 пансіонерки Его Величества, на счетъ Кабинета [3]. Пансіонерки опредѣлялись Высочайшими повелѣніями [4], въ различное время, различнаго возраста; въ 1845 г. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ принять, «не въ примѣръ прочимъ», пятилѣтнюю дочь умершаго князя Бего-Мехмедбегова Ширваншидзе, княжну Софію [5].

Число своекоштныхъ воспитанницъ не было ограничено; онѣ зачислялись во всякое время, независимо отъ общаго пріема, съ соизволенія Ихъ Величествъ [6], но должны были подвергнуться экзамену въ объемѣ пройденнаго въ соотвѣтствующемъ классѣ [7].

Въ 1835 г. Ю. Ф. Адлербергъ, съ предварительнаго согласія Совѣта Воспитательнаго Общества, возбудила ходатайство объ облегченіи доступа своекоштнымъ воспитанницамъ въ Смольный. Свое ходатайство она основывала на стремленіи, «облегчивъ бѣднымъ дворянамъ, сколько возможно, способы воспитывать дочерей своихъ на собственный ихъ счетъ, имѣетъ съ тѣмъ увеличить, хотя нѣсколько, самые доходы заведенія». Согласно проекту Ю. Ф. Адлербергъ, предполагалось принимать своекоштными пансіонерками «дочерей всѣхъ вообще дворянъ, какъ древнихъ, такъ и 8 классныхъ». На это Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало [8].

Плата за пансіонерокъ — 350 р. серебромъ въ годъ за благородную и 200 р. за воспитанницу Александровскаго училища—взималась съ частныхъ лицъ по третямъ впередъ. Въ цѣляхъ обезпеченія своевременнаго исправнаго платежа за своекоштную пансіонерку, требовалось поручительство «почетныхъ особъ» или лицъ, «извѣстныхъ въ столицѣ по службѣ или по состоянію» [9], или же представлялось «въ обезпеченіе исправ-

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., №№ 17, 18, 19 (оп. кн.); Д. 1854 г., № 25 (оп. кн.); Д. 1849 г., № 75; Д. 1854 г., № 45; Д. 1819 г., № 56; Д. 1859 г., № 68, л. 11; и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 5 (оп. кн.). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 72, л. 3. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 62; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 24; и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 24. [6] См. напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 166; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 43; и др. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 5. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 51. [9] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 46.

наго платежа» недвижимое имущество и число душъ, которыми владѣли ближайшіе родственники или другія лица, взявшія на себя плату за своекоштную воспитанницу [1].

Плата за нѣкоторыхъ своекоштныхъ воспитанницъ получалась, съ соизволенія Государя, изъ полагавшихся имъ «за службу отцовъ и по другимъ случаямъ» пенсій. Если пенсіи эти превышали плату, остатки помѣщались въ кредитныя установленія до выпуска воспитанницы [2].

Дѣти и родственницы служащихъ въ Смольномъ опредѣлялись въ Воспитательное Общество или Александровское училище экстернами [3], иногда пансіонерками Высочайшихъ Особъ [4].

Нѣкоторыя воспитанницы Общества жили, по Высочайшимъ повелѣніямъ, на особомъ положеніи—имѣли отдѣльныя помѣщенія, гувернантокъ, прислугу, столъ. Но такихъ было немного [5]. При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ помѣщеніяхъ Смольнаго жили, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, лица, не имѣвшія непосредственнаго къ нему отношенія. Отъ Смольнаго они пользовались только помѣщеніемъ. Тамъ продолжала жить Е. И. Нелидова, жило еще нѣсколько лицъ на своемъ содержаніи, или за счетъ Кабинета: племянница Е. И. Нелидовой, Н. И. Нелидова, княжна Терезія Гурійская, г-жи Дункеръ, Брейткопфъ и нѣкоторыя другія [6].

Случаи увольненія воспитанницъ до срока по прошеніямъ родителей бывали не часто. Совѣтъ входилъ въ подробное разсмотрѣніе причинъ, побуждавшихъ родителей просить о возвращеніи воспитанницъ, и представлялъ свое мнѣніе на Высочайшее утвержденіе.

Если причины признавались недостаточно уважительными, прошенія оставались безъ удовлетворенія [7].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 74. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 185; Д. 1853 г., № 81, л. 10. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 2 (оп. кн.), № 108; Д. 1842 г., № 69; Д. 1846 г., № 67, л. 21; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 203. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 12 (оп. кн.), № 40. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 99; Д. 1854 г., № 64; Д. 1851 г., № 82, л. 22, и др.; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5; и др. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 33, л. 1; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 164; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 28; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5. Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. 5/839, л. 61, в. 1276. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 24; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.); Д. 1832 г., № 1 (оп. кн.), № 67; Д. 1831 г., № 62, л. 6; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 124; Д. 1840 г., № 10 (оп. кн.), № 63; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 107; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 19, № 6; и др.

Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ происходили увольненія воспитанницъ начальствомъ Смольнаго за несоотвѣтственное поведеніе или по другимъ причинамъ. Такія увольненія происходили съ Высочайшаго соизволенія. Въ 1839 г. была уволена одна воспитанница средняго благороднаго возраста, при чемъ Ю. Ф. Адлербергъ «съ сердечнымъ сожалѣніемъ» сообщила ея матери, что поведеніе и нравственность ея дочери «ни подъ какимъ видомъ не могли быть терпимы въ заведеніи общественнаго воспитанія, по причинѣ вреднаго вліянія, которое она можетъ имѣть на прочихъ воспитанницъ». Желая смягчить это печальное извѣстіе, Ю. Ф. Адлербергъ въ томъ же письмѣ сообщала матери, что другая дочь ея, «находящаяся въ старшемъ благородномъ возрастѣ, пріобрѣла, какъ хорошимъ поведеніемъ, такъ и прилежаніемъ своимъ всеобщую любовь и одобреніе начальства» [1].

Выпуски происходили черезъ каждые три года и представляли весьма важное событіе въ жизни Смольнаго. Къ выпуску начинали готовиться съ переходомъ воспитанницъ въ «бѣлый» классъ. Съ перваго же года пребыванія воспитанницъ въ «бѣломъ» классѣ, онѣ начинали готовить къ выпуску подарки своего рукодѣлія Императрицѣ и другимъ членамъ Царской Семьи. Эти работы бывали очень большими, сложными и разнообразными [2]. Кромѣ того, воспитанницы приготовляли различныя работы для выставки при выпускѣ: рисунки, вышивки и проч. [3]. Подъ руководствомъ преподавателей воспитанницы начинали разучивать къ выпускнымъ публичнымъ экзаменамъ различные танцы, аріи, хоры и проч.

Программы музыки, пѣнія и танцевъ на выпускныхъ экзаменахъ бывали разнообразны и обширны. Такъ, напр., при выпускѣ 1845 г. воспитанницы исполняли, между прочимъ, на шестнадцати роялях въ 64 руки оперу «Севильскій Цирюльникъ» подъ управленіемъ дирижера; рояли были поставлены полукругомъ; кромѣ того, воспитанницы исполняли сольные номера на роялях, затѣмъ воспитанницы пѣли итальянскія

[1] Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1839 г., № 21, лл. 8, 10; ср. Д. 1844 г., № 2 (оп. вн.), № 7. [2] Къ выпуску 1848 г., напр., благородными воспитанницами былъ вышитъ для дворца коверъ въ 16 арш. длины, сдѣланы кисеи для Императрицы, вышитый гладью по тончайшей кисеѣ, платья для Цесаревны, вышитыя шнуромъ, вышитыя гладью платья для ея дѣтей и т. п. (Устрялова, 37, 50). [3] Ср. В. Чижъ, Воспоминанія. Рук.

аріи и русскіе романсы Варламова въ сопровожденіи хора, а также хоръ изъ оперы «Аскольдова могила»:

Ахъ, подруженки, какъ грустно
Круглый годъ жить взаперти,
Изъ за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля, и т. д.

Изъ танцевъ исполняли: гавотъ, менуэтъ и pas de châles [1].

Въ программу выпуска 1851 г. входили: концертъ на 16 рояляхъ въ 64 руки—отрывки изъ оперы Доницети «Элексиръ любви»; большой квартетъ Черни, исполненный на рояляхъ, финальный дуэтъ изъ второго концерта Гуммеля, финальное соло изъ второго концерта Мошелеса, сольминорный концертъ Мендельсона; хоръ воспитанницъ исполнилъ отрывки изъ оперы «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Мендельсона; нѣсколькими воспитанницами были исполнены сольные номера, какъ, напр., баллада Линда, русскіе романсы Варламова. На томъ же выпускѣ танцовали: «Menuet de la cour», «Gavotte de Vestris», «Contredanse française», «Pas de châles», «Pas de guirlandes», «Final» [2].

Жизнь и настроеніе «бѣлаго» класса существенно отличались отъ другихъ классовъ. Все свободное отъ занятій время воспитанницы посвящали занятіямъ рукодѣльями, танцами, пѣніемъ.

Стать «бѣлой»—было мечтой каждой «голубой» и даже «кофейной».

«Наконецъ мы можемъ воскликнуть: «мы бѣлыя!»—пишетъ въ своемъ дневникѣ одна изъ смолянокъ.—Нашъ классъ облекся въ одежду «бѣлыхъ»! Будучи въ кофейномъ классѣ, я никогда не могла вообразить себя «бѣлою». «Бѣлыя» казались мнѣ совершенно особенными людьми...» [3].

«Бѣлыя» чувствовали себя совсѣмъ «большими». Инспектрисы и классныя дамы обращались съ ними какъ съ взрослыми, постоянно напоминали о приближающемся выпускѣ, о томъ времени, когда онѣ вступятъ въ самостоятельную жизнь. Мысль о близкой «свободѣ», о свиданіи съ близкими, родными, которыхъ нѣкоторыя воспитанницы не видѣли всѣ девять лѣтъ пребыванія въ Смольномъ, вызывала трепетную радость у выпускныхъ. Многія изъ нихъ, задолго до выпуска, устраивали

[1] Угличанинова, 39—40. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. [3] Зап. стар. смолянки, I, 15.

самодѣльные календарики по числу дней, остававшихся до выпуска, и съ удовольствіемъ аккуратно вычеркивали на немъ день за днемъ. Въ то же время мысли о близкой разлукѣ съ подругами, съ которыми сроднились какъ съ сестрами, со всѣми и всѣмъ, къ чему привыкли за долгіе годы, что стало близкимъ и дорогимъ,—заставляли сжиматься отъ боли юныя сердца.

«Послѣдній день изъ Святой недѣли вмѣстѣ съ моими друзьями провела я весело,—пишетъ въ своемъ дневникѣ воспитанница «бѣлаго» класса за годъ до выпуска.—Это друзья моего дѣтства моей юности, а, слѣдовательно, счастливѣйшаго времени моей жизни. Будетъ ли еще такой день,—Богъ знаетъ. Мнѣ среди подругъ было весело и грустно. Грустно, когда подумаю о разлукѣ намъ предстоящей. Она придетъ скоро незамѣтно, и всѣ мы, собравшіяся здѣсь вмѣстѣ какъ сестры, соединенныя дружбою, разсѣемся по всѣмъ странамъ: кто на сѣверъ, кто на югъ, куда кого судьба занесетъ... Можетъ быть, никогда не придется встрѣтиться въ жизни съ тѣми, кого привыкла любить съ раннихъ лѣтъ...» [1].

Фрейлина Княгини
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Время для «бѣлаго» класса летѣло, дѣйствительно, быстро; чѣмъ ближе къ выпуску—тѣмъ быстрѣе. Постоянныя репетиціи танцевъ, музыки, пѣнія, спѣшное заканчиваніе всевозможныхъ работъ, а тамъ—подготовка къ выпускнымъ экзаменамъ заполняли все время. Инспекторскіе экзамены, на которыхъ, кромѣ инспектора, обычно присутствовали начальница, членъ Совѣта по учебной части, министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ, принцъ Ольденбургскій и нѣкоторыя другія почетныя

[1] Зап. стар. смолянки, I, 51—52.

лица, продолжались, обычно, около четырехъ мѣсяцевъ [1] и оканчивались передъ самымъ Рождествомъ [2]; затѣмъ выпускныя готѣли, готовясь навсегда оставить Смольный.

Послѣ Рождественскихъ праздниковъ наступала самая счастливая, полная радостныхъ волненій и неизгладимыхъ впечатлѣній пора для воспитанницъ «бѣлаго» класса. Имъ шили бѣлыя парадныя платья къ выпуску, при чемъ сами воспитанницы вышивали къ нимъ особыя берты [3]. Впереди былъ публичный экзаменъ, но участь каждой выпускной въ смыслѣ награды была уже рѣшена послѣ инспекторскихъ экзаменовъ и представленія Императрицѣ характеристикъ «бѣлыхъ» воспитанницъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна съ особымъ вниманіемъ относилась къ «бѣлому» классу; Государыня пожелала, чтобы характеристики представлялись ей не передъ самымъ выпускомъ, а заблаговременно.

«Lisant les rapports de la semaine avec grande attention, писала Императрица М. П. Леонтьевой 20 сентября 1844 г.,— je regrette de trouver ceux de M-me Scripitzine si courts et si peu détaillés. Dorénavant je désire qu'elle me parle plus longuement de sa classe qui étant celle qui se propose de sortir, m'intéresse particulièrement. Me trouvant éloignée pour longtemps encore de la ville et de la Communauté je tiens à savoir non seulement le nom des plus distinguées de la classe, mais encore un aperçu de leurs penchants, de leurs défauts. Je voudrais connaître les plus faibles d'entr'elles, et s'il n'y aurait pas moyen de les pousser encore vers le bien, en les encourageant, en leur donnant confiance en elles-mêmes. On me donne ordinairement *un aperçu des caractères* à la sortie; mais alors c'est au fond trop tard, et dorénavant *je désire qu'on me les remette quelques mois avant* la sortie. Sur ce, adieu et mes compliments à toutes les élèves. Alexandra» [4].

М. П. Леонтьева отвѣчала Императрицѣ, что передала воспитанницамъ «бѣлаго» класса этотъ новый знакъ заботы и вниманія къ нимъ Государыни, который побудитъ ихъ «вести себя и учиться, какъ можно лучше». Одновременно М. П. Леонтьева доносила, что, согласно волѣ Императрицы, она вмѣстѣ съ инспектрисами и классными дамами, уже работаетъ надъ со-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 91; Д. 1857 г., № 80, лл. 2, 3; и др.
[2] Иногда эти экзамены оканчивались тотчасъ послѣ Рождества. [3] См., напр., Указаніе, 38. [4] Муз. Имп. Восп. Общ.

ставленіемъ характеристикъ выпускныхъ воспитанницъ [1]. Эти характеристики были готовы и посланы Императрицѣ уже 15 ноября 1844 года [2].

Характеристики благородныхъ воспитанницъ представлялись Императрицѣ довольно подробныя, объ однѣхъ воспитанницахъ болѣе длинныя, о другихъ—короткія. Фамиліи воспитанницъ ставились въ списки не по алфавиту, а по степени успѣшности въ наукахъ и хорошаго поведенія.

«A un esprit juste, une conception facile et application soutenue elle réunit de grands moyens pour toutes les espèces d'études,—говорилось, напр., объ одной изъ лучшихъ воспитанницъ выпуска 1842 г.,—ce qui la met au nombre des élèves les plus distinguées. Elle a beaucoup de bonté et de noblesse dans le caractère et un esprit vif et agréable. Elle possède un joli talent pour la musique et le dessin».

«Une nature d'élite,—говорилось о другой.—Elle a le caractère doux, beaucoup de raison, un coeur pieux et capable de sentimens les plus élevés. Heureuse d'obliger ceux qui l'entourent, elle s'oublie elle-même pour penser aux autres. Elle peut autoriser à dire d'elle, que si jamais elle est favorisée des dons de la fortune, sa belle âme ne possedera que pour donner et ne jouira qu'en partageant. Le sort l'appellera-t-il à exercer plus d'une vertu, la religion sera toujours son guide et l'aidera à surmonter les épreuves les plus difficiles de la vie. Elle est une élève distinguée pour les études ce qu'elle doit à une constante application. Elle est très adroite pour les ouvrages de mains et cultive la musique avec plaisir. La bonté, la noblesse et la sûreté de son caractère lui ont gagné l'affection de ses supérieures et l'amitié, l'estime de toutes ses compagnes».

«Elle possède un de ces heureux caractère,—говорилось о воспитанницѣ Полтавцевой, впослѣдствіи матери Скобелева,—qui sont susceptibles des meilleures impressions. Les efforts *qu'elle n'a cessé de faire* avec beaucoup de succès, pour reprimer les défauts naturels à l'enfance ont considerablement formé son jugement. Elle a une âme sensible et reconnaissante, et la faculté de livrer son coeur à tous les sentimens nobles et généreux. Si le présent peut nous garantir l'avenir, on peut dire de cette jeune

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1851 г., № 72, л. 58. [2] Тамъ же, л. 68.

personne qu'elle ne saura faire autrement consister son bonheur que dans l'accomplissement de tous ses devoirs. Ses progrès dans les études la mettent au rang des élèves les plus distinguées. Elle cultive ses talens d'agremens et s'acquitte avec beaucoup d'adresse de tous les ouvrages de main».

«Bonne enfant, douce, soumise et d'un excellent caractère,— говорится объ одной изъ болѣе слабыхъ воспитанницъ.—Ayant peu de moyens intellectuelles, encore moins de mémoire, elle travaille cependant beaucoup et fait ce qu'elle peut pour avancer dans les études».

«Son application a été toujours fort irrégulière, et son caractère n'est pas un des meilleurs,—характеризуется другая воспитанница,—quoique, depuis quelque temps elle se donne la peine de se corriger du défaut qu'elle avait contracté de ne jamais convenir de ses torts».

Встрѣчались и такія характеристики:

«La paresse est le défaut dominant de cette élève qui fait qu'elle est arriérée dans les études. Elle joint à un esprit naturel beaucoup d'espiéglerie dans le caractère et se fait aimer tant par son heureux naturel que par sa complaisance pour ses compagnes».

«Elle donne fort souvent des sujets de mécontentement, son grand penchant pour le mensonge lui fait commettre bien de fautes; elle ne manque pas de moyens, mais son application n'est pas constamment soutenue, beaucoup de presomption et un excès de susceptibilité, mais très généreuse, un assez bon coeurs, son caractère est très difficile à modifier, s'est cependant d'un peu amelioré».

«Ses facultés intellectuelles sont si bornées et son opiniâtreté est si grande, que c'est avec des soins infinis qu'on a pu lui enseigner à lire et à ecrire; c'est en cela que se résume toute son instruction. Manquant d'aptitude et même de volonté pour les ouvrages à aiguille elle n'y est pas adroite. Quelque soit le jour sous lequel on l'envisage, c'est une enfant fort à plaindre» [1].

Характеристики воспитанницъ Мѣщанскаго, впослѣдствіи Александровскаго, училища были значительно короче, какъ, напр.: «Fort bonne enfant, mais toute occupation serieuse lui deplait, il faut donc la forcer de travailler», «Peu de moyens, santé délicate,

[1] Copie du rapport à S. M. Impériale sur le caractère des élèves de la Communauté de la XXV sortie. 1842 (Муз. Имп. Воен. Общ.).

excellent coeur et de l'adresse aux ouvrages», «Très appliquée et le caractère franc, des manière un peu brusques» и т. п. [1].

Публичный экзаменъ, на которомъ присутствовала Императрица и другіе члены Царской Семьи, ожидался «бѣлыми» съ трепетнымъ волненіемъ.

«Мы ждали съ нетерпѣніемъ и ужасомъ его появленія (дня публичнаго экзамена),—пишетъ въ своемъ дневникѣ смолянка, въ то время выпускная воспитанница бѣлаго класса: встрѣтили его съ трепетомъ, познакомились съ радостью, а провожаемъ съ грустью! Въ 11 часовъ утра насъ собрали въ залу, а до сего времени съ ранней поры сколько было суеты!... Туалетъ, чай, повтореніе пройденнаго, разговоры, глупости, страхъ, надежда, нетерпѣніе, мечты,—все, все смѣшалось въ настоящій хаосъ. Въ 12 часовъ начались съѣзжаться придворные, а за ними прибыла Великая Княгиня Елена Павловна съ Великими Княжнами Маріею, Ольгою и Александрою Николаевнами... Болѣзнь не позволила Государынѣ присутствовать на нашемъ экзаменѣ, и этотъ ангелъ Императрица Александра Ѳеодоровна со слезами провожала къ намъ Великихъ Княженъ, вручивъ имъ для передачи письмо къ Бабушкѣ [2], въ которое было вложено письмо къ выпускнымъ воспитанницамъ. Вотъ эти письма:

«Liebes gutes Mütterchen! Ich habe der Freude entsagen müssen die armen Kinder noch einmal zu sehen; damit sie aber noch ein zeichen meiner Theilnahme erhalten, schreib ich hier ein Lebewohl auf, welches Sie ihnen mittheilen werden. Gott führe die jungen Mädchen auf ihrer Lebensbahn. Es ist immer so unaussprechlich rührend solche reine Jugend der verdorbenen Welt zu übergeben. Ich umarme sie herzlich, liebe Бабушка. Alexandra».

«J'avais esperé vous voir avant votre sortie, mes chères enfants, mais ma santé y met obstacle; je dois me ménager, éviter fatigue et émotion. Votre chant tout harmonieux qu'il est m'épuiserait; l'idé de vous voir pour la dernière fois me toucherait. J'ai donc dû y renoncer, ce qui est pour moi une véritable douleur. Mais pour que mes bénédictions maternelles ne vous manquent pas, j'ai du moins voulu vous les envoyer par écrit. Adieu donc, mes chères enfants, je prie Dieu de vous guider dans

[1] Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1839 г., № 9. [2] Ю. Ф. Аллербергъ.

votre nouvelle route. Le germe de toutes les vertus a été placé dans vos coeurs. *C'est à vous maintenant* de le cultiver, de le développer, de prouver par votre conduite que vous n'oublierez pas les principes que vous avez reçus dans votre enfance. Que le souvenir de votre jeunesse à la Communauté vous serve d'égide contre les adversités et les séductions qui vous attendent peut-être dans le monde à vous inconnu. Puissiez-vous être citées dans

Августѣйшая семья Императора Николая I.

les positions différentes dans lesquelles chacune de vous se trouvera, non par votre esprit, non par vos talents, mais par votre modestie, par votre reserve, par vos vertus de femme. Ne cherchez pas à briller, mais à remplir strictement, scrupuleusement vos devoirs, alors vous vous sentirez bénies de Dieu. Adieu, adieu, mes prières vous suivent. Alexandra».

«Закономъ Божіимъ открылся экзаменъ. Какъ я боялась и сколько разъ краснѣла и блѣднѣла въ ожиданіи будущихъ вопросовъ—и наконецъ, пришла моя очередь! Съ молитвою на устахъ и крестнымъ знаменемъ въ сердцѣ вышла я... Боже! Ты помогъ, молитвами святыхъ угодниковъ и ангела моего хранителя! По окончаніи Закона начался завтракъ, а восьме-

рыхъ вызвали для сочиненій; роздали билетики. Мнѣ попалась тема «счастье». «Sur quoi écrivez vous?—спросила меня Великая Княжна Марія Николаевна. «Sur le bonheur, Votre Altesse». «C'est difficile?» «Je ne saurais vous dire encore». «Vous n'y avez donc pas pensé!?» «Je n'ai pas eu le temps de le faire». Вотъ краткій разговоръ съ Великой Княжной. Она, вѣроятно, думала, что у насъ уже заранѣе приготовлены сочиненія. Ваше Высочество, смѣю увѣрить васъ, что я и не думала никогда, не мечтала о «счастіи», оно и досталось мнѣ, должно быть, только на экзаменѣ...

Едва успѣли мы кончить наши «грѣшныя сочиненія», какъ Тимаевъ опять меня вызвалъ на «сцену». Въ этотъ разъ мнѣ не было такъ страшно—мы кончили отвѣчать и снова должны были стать къ доскѣ, въ концѣ залы, читать свои сочиненія. Великой Княгинѣ очень понравился слогъ «нашихъ», она нашла въ немъ легкость, пріятность. Во время завтрака сами Великія Княжны подносили намъ кушанья. «Quel est votre nom?»—спросила Великая Княжна Ольга Николаевна. «Bykoff, Altesse». «Il y en a une douzaine, je crois?» Il y en a deux, Altesse». «Seulement?» «C'est bien assez, je pense!» «Avez-vous bu du vin?»—спросилъ Вилламовъ. «Oui, Monsieur». «Eh bien, les compositions seront parfaitement bien ecrites, cela vous inspirera». «Cela brouillera davantage les idées». Однакожъ почтенный старичекъ сказалъ правду. Сочиненія оказались хороши. Какъ я его люблю за ласку и доброе предсказаніе! Въ половинѣ пятаго все кончилось, въ пять часовъ мы уже обѣдали» [1].

Экзамены продолжались нѣсколько дней, около недѣли.

На публичные экзамены приглашались по особымъ билетамъ члены дипломатическаго корпуса, статсъ-дамы, фрейлины, первые и вторые чины Двора, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты, высшіе военные и морскіе чины, католическій митрополитъ, заслуженные протоіереи, законоучители, инспекторы и прочіе служащіе другихъ учебныхъ заведеній, начальницы институтовъ, чины *IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества* Канцеляріи, знатныя лица и иностранцы, а также родители и родственники выпускныхъ воспитанницъ, иногда нѣсколько вос-

[1] Зап. стар. смолянки, I, 73—78.

питанницъ «голубого» класса, а также воспитанницы нѣкоторыхъ другихъ женскихъ институтовъ. Печатались особыя программы выпускныхъ экзаменовъ, присылались музыканты изъ оркестра Императорскихъ театровъ и проч. Расходы при выпускѣ были настолько велики, что въ 1858 г. послѣдовало повелѣніе Императрицы Александры Ѳеодоровны о соблюденіи возможной экономіи при затратахъ на публичные экзамены [1].

Въ послѣдній день публики, обычно, бывало больше всего, потому что въ этотъ день бывали музыка, пѣніе и танцы. Программу этого дня готовили съ особой тщательностью, послѣдняя репетиція танцевъ и музыки бывала въ присутствіи Великихъ Княженъ и знатныхъ гостей.

«Въ шесть часовъ вечера мы вошли въ залу, уже переполненную публикою,—пишетъ та же воспитанница вечеромъ послѣдняго дня публичнаго экзамена: тѣснота, кажется, была ужасная. Вездѣ стояли: на окнахъ, на печкѣ; лавки и стулья громоздили одно на другое, чтобы только повыше встать. Довольно смѣшно было смотрѣть на разряженныхъ дамъ, взобравшихся выше всѣхъ» [2].

На публичныхъ экзаменахъ выпускныя воспитанницы играли на роялях и арфахъ, исполняли отдѣльныя аріи, романсы, хоровые номера, а также «прощальныя пѣсни», которыя писались для нихъ композиторами: Глинкою, Львовымъ, гр. М. Ю. Вielьгорскимъ и др., на слова Жуковскаго, инспектора классовъ Тимаева и др. [3]. Послѣ музыки бывали танцы, при чемъ исполнялись менуэтъ, гавотъ и другіе старинные танцы, а также спеціально сочиненные преподавателями и преподавательницами танцевъ въ Смольномъ. Торжество заканчивалось исполненіемъ гимна.

Въ вечеръ послѣдняго публичнаго экзамена выпускнымъ воспитанницамъ устраивался ужинъ, на которомъ онѣ присутствовали уже въ своихъ платьяхъ. На этотъ ужинъ приглашалась часть воспитанницъ «голубого» класса, а также воспитан-

[1] Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1842 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1845 г., № 81, лл. 38, 52—53; Д. 1851 г., № 53; Д. 1860 г., № 66; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 28; Д. 1839 г., № 36; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 38; Д. 1860 г., № 66; и др. Муз. Имп. Вос. Общ. Гос. Арх. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I. Зап. стар. смолянки, I, 89. Угличанинова, 39. [2] Зап. стар. смолянки, I, 88. [3] Муз. Имп. Вос. Общ. Записки М. И. Глинки (Рус. Ст. 1870 г., т. II, стр. 448). Лит. Приб. къ Русск. Инвал. 1831 г., № 26.

ницы другихъ институтовъ. *Ужинъ носилъ прощальный характеръ* съ оттѣнкомъ сердечной грусти, какъ со стороны выпускныхъ, такъ и начальства и лицъ преподавательскаго и воспитательскаго персонала Смольнаго. «Принимая васъ въ монастырь, мы отняли у вашихъ родныхъ много, но теперь они еще болѣе отнимаютъ у насъ,—со слезами говорилъ Тимаевъ»,—пишетъ смолянка въ своемъ дневникѣ [1].

Въ нѣкоторые года, когда Императрица Александра Ѳеодоровна не могла присутствовать на выпускныхъ экзаменахъ въ Смольномъ, такіе экзамены устраивались, по желанію Императрицы, во дворцѣ. На этихъ экзаменахъ отвѣчали лишь получающія награды воспитанницы.

«Насъ ввели въ огромную залу, гдѣ было поставлено нѣсколько рядовъ креселъ. Чрезъ нѣкоторое время вышла Государыня Императрица и заняла мѣсто въ серединѣ перваго ряда, позади помѣстились нѣсколько фрейлинъ,—пишетъ воспитанница выпуска 1848 г. объ экзаменѣ во дворцѣ.—Императрица, кажется, внимательно насъ слушала, часто поднимая глаза на отвѣчавшую воспитанницу. Въ рукахъ у нея были вилашки, на которыхъ она вязала бѣлый шелковый шнурокъ. Послѣ экзамена насъ повели въ другую залу, гдѣ были накрыты столы и мы сѣли обѣдать. Хозяйкой была Великая Княгиня Марія Александровна, но входили туда ненадолго *Государь и Государыня. За столомъ прислуживали безшумно* ходившіе арапы въ чалмахъ и сандаліяхъ, что насъ очень занимало, мы ихъ видали только на картинкахъ» [2].

При выпускѣ 1854 г. Императрица не присутствовала на выпускномъ экзаменѣ смолянокъ; Государыня тѣмъ не менѣе живо интересовалась выпускомъ въ Смольномъ, подробно знала о немъ все со словъ Цесаревны Маріи Александровны [3], замѣнявшей на этотъ разъ Императрицу. Это видно изъ письма, которое Государыня прислала 18 февраля 1854 г. М. П. Леонтьевой, гдѣ писала:

«Madame la générale de Leontief! Grâce à votre sollicitude maternelle et aux soins incessant et éclairés de ceux qui ont su

[1] Зап. стар. смолянки, I, 89. [2] Угличанинова, 41, ср. Общ. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. 2/[illegible], д. 4, п. 1282. [3] Цесаревна и въ прежніе годы выпусковъ замѣняла Императрицу, во время ея отсутствія или болѣзни, на экзаменахъ въ Смольномъ (см., напр., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1851 г., № 82, л. 7). Муз. Имп. Восп. Общ.

si bien vous seconder dans l'accomplissement de vos nombreux et importants devoirs, près de trois cents élèves viennent de terminer leur éducation dans les deux établissements qui se trouvent sous votre direction. Les connaissances solides qu'elles y ont acquises et dont elles ont donné la preuve aux examens qui ont eu lieu en présence de ma Belle-Fille bien-aimée, la Grande Duchesse Césarevna, ainsi que leurs talents d'agrément, dont j'ai pu me convaincre moi-même, me font voir combien cette éducation a été soignée dans tous ses details. Je me flatte de l'espoir que son but suprême aura été pleinement atteint et que ces demoiselles, rentrant sous le toit paternel, sauront être des filles soumises et deviendront un jour de bonnes épouses et de tendres mères de famille. Dites leur que j'espère qu'elles sauront toujours profiter des préceptes salutaires qui leur ont été inculqués en les mettant en pratique dans la vie réelle qui les attend au seuil de l'établissement. N'importe la sphère et la condition que la Divine Providence y aura assignée à chacune d'elles, ma bénédiction les suivra partout, tant qu'elles prendront pour guide la vertu, sans laquelle il n'y a pas de véritable bonheur ici-bas. Quant à ceux qui vous ont aidé à former le coeur et l'esprit de ces jeunes personnes, transmettez leur mes sincères remercîments pour la manière consciencieuse dont elles ont su s'acquitter de leur tâche. Remerciez surtout les Inspectrices, Mesdames Welz et St.-Hilaire et remettez leur de ma part les cadeaux qui leur sont destinés. Recevez vous même le souvenir ci-joint comme une marque ostensible de ma satisfaction et croyez aux sentiments de bienvéillance particulière avec lequels je suis, comme toujours, votre affectionnée Alexandra» [1].

Императрица Александра Ѳеодоровна лично раздала награды выпускнымъ смолянкамъ 1854 г. и обѣщала еще разъ пріѣхать ихъ благословить и попрощаться съ ними.

«Въ день выпуска,—писала одна изъ окончившихъ Воспитательное Общество въ 1854 г.,—въ три часа Императрица пріѣхала въ Смольный и поднялась въ пріемную начальницы, куда позвали всѣхъ выпускныхъ, одѣтыхъ уже въ бѣлыя платья. Государыня сидѣла на маленькомъ голубомъ диванчикѣ рядомъ съ начальницей. Дѣвицы обступили ее тѣснымъ кружкомъ. Импе-

[1] Муз. Ист. Вос. Общ.

ратрица Александра Ѳеодоровна приказала одной изъ нихъ прочитать вслухъ Евангеліе отъ Іоанна: «Да не смущается сердце ваше», и сказала: «Dans vos moments de peine, lisez toujours cet Evangile, pensez à moi et priez pour moi». Потомъ благословила всѣхъ своихъ дѣтей, которыя стали на колѣни, пожелала имъ счастья и уѣхала, сопровождаемая до подъѣзда глубоко тронутыми воспитанницами [1].

Другая смолянка выпуска 1854 г. такъ записала въ своемъ дневникѣ это прощаніе съ Императрицей. «25 февраля 1854 г. Выпускъ! Утромъ насъ повели въ церковь, гдѣ намъ раздавали священныя книги. Потомъ мы пошли по дортуарамъ переодѣваться въ бѣлыя платья и ходили прощаться по всѣмъ коридорамъ и, наконецъ, пошли обѣдать. Когда Императрица была у насъ для раздачи наградъ, она сказала, что еще не прощается съ нами, что еще пріѣдетъ въ день выпуска. Но утромъ пріѣхалъ Принцъ и сказалъ, что она не очень здорова. Только что мы сѣли за обѣдъ и принялись за первое кушанье, какъ говорятъ, что пріѣхала Императрица. Мы выскочили изъ за стола и со всѣхъ ногъ пустились бѣжать, сами не зная, гдѣ Государыня. М. П. Леонтьева тоже побѣжала съ нами. Сперва мы побѣжали по нашему коридору, потомъ, говорятъ, что Императрица на среднемъ,—мы туда; наконецъ, узнали, что она у М. П. Леонтьевой. Вбѣгаемъ туда,—Государыня одна сидитъ на диванчикѣ въ залѣ, у дверей гостиной. Мы окружили ее, и мнѣ, къ счастью, пришлось стоять около самаго диванчика, на которомъ она сидѣла. Императрица разспрашивала насъ: были ли мы въ церкви, какія намъ дали книги, приказала ихъ показать и заставила прочитать изъ Евангелія. Во все время она смотрѣла на насъ и плакала. Наконецъ, Государыня сказала, чтобы мы всѣ подходили къ ней и она насъ благословитъ. Каждая по очереди подходила къ ней, становилась на колѣни, цѣловала ея ручку, и она благословляя и клала свою ручку на голову дѣвицѣ: Боже! какъ трогательно было это прощаніе Матери-Царицы съ ея дѣтьми, которыхъ она выпускала въ бурный свѣтъ! Мнѣ было невыразимо грустно. Слезы душили меня, когда я прижала къ губамъ ея ручку и потомъ, когда я почувствовала прикосновеніе этой ручки къ моей, пылавшей

[1] Статсъ-Дама Марія Павловна Леонтьева. стр. 42.

отъ слезъ, головѣ. Потомъ Императрица вошла съ М. П. Леонтьевой въ гостиную. При появленіи Государынин опять въ залъ, мы, условясь прежде, упали всѣ на колѣни и преклонили головы. Она остановилась посреди залы и благословила насъ всѣхъ вмѣстѣ; потомъ закрыла лицо платкомъ и вышла. Мы всѣ бросились за ней съ рыданіями» [1].

Выпускъ 1854 г. былъ послѣднимъ, который Императрица Александра Ѳеодоровна осчастливила своимъ непосредственнымъ участіемъ и заботами.

Передъ выпускомъ въ Смольномъ бывалъ балъ, на которомъ обычно присутствовала вся Царская Фамилія.

«Насталъ и послѣдній, такъ называемый Императорскій вечеръ, на которомъ присутствовали Государь съ Государынней и вся Царская Фамилія, въ томъ числѣ и невѣста Великаго *Князя Константина Николаевича—Александра Іосифовна*,— пишетъ смолянка выпуска 1858 г.—Она была очень хороша. На ней было бѣлое платье и сбоку въ волосахъ одинъ розовый розанъ. Недоставало только нашихъ очаровательныхъ Великихъ Княгинь Ольги Николаевны и Александры Николаевны. На Императрицѣ было бархатное темногранатовое платье съ открытою шеей и короткими рукавами, на головѣ былъ уборъ изъ такого же бархата съ брилліантами, а на шеѣ фермуаръ изъ брилліантовъ съ нитками крупнаго жемчуга, и она, несмотря на свои немолодыя лѣта, поражала стройностью, величіемъ и граціей, а шея и руки у нея были совсѣмъ, какъ у молодой. Музыка, пѣніе и танцы были тѣ же самые, какъ и на публичномъ экзаменѣ, и мы исполняли все это въ тѣхъ же бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, какъ и на томъ, а подъ конецъ вечера была кадриль, въ которой принимали участіе и нѣкоторые члены Царской Фамиліи. Торжество это закончилось ужиномъ. Накрыты были столы въ этой же залѣ, за которые сѣли Государь, Государыня и прочіе члены Царской Фамиліи. Государь въ этотъ вечеръ былъ очень веселъ и со всѣми шутилъ» [2].

[1] Изъ домашнихъ смолянки С. Лаврентьевой. Рук. [2] Углославинова, 51; ср. Зап. стар. смолянки, I, 85–87.

Иногда этотъ вечеръ устраивался во дворцѣ.

«9 февраля мы ѣздили во дворецъ, потому что тамъ былъ назначенъ «Soirée Impériale».—пишетъ въ своемъ дневникѣ воспитанница выпуска 1854 г.—Передъ тѣмъ у насъ было нѣсколько репетицій и даже въ самый тотъ день опять утромъ была репе-

Великая княжна
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА.

тиція. Потомъ началась у насъ суматоха. Пришивали бисетки къ салопамъ, капорамъ и башмакамъ, причесывались, мылись, болтали и хохотали. Въ 5 часовъ мы одѣлись и въ 6-мъ сѣли въ кареты. Намъ, въ нашей компаніи, было очень весело; мы болтали, смѣялись и дѣлали разныя предположенія насчетъ вечера. Наконецъ, мы подъѣхали къ Зимнему дворцу со стороны Невы, къ посольскому подъѣзду. Насъ повелъ камеръ-

лакей по чудной мраморной лѣстницѣ, убранной коврами. Мы вошли въ ту залу, гдѣ золотая и серебряная посуда. Тамъ были всѣ наши и М. П. Леонтьева, дамы и учителя. Въ залѣ были поставлены длинные столы, на нихъ серебряные канделябры и серебряные же чайные сервизы. Съ другой стороны, за малиновыми штофными ширмами была устроена уборная, съ зеркалами, освѣщенная канделябрами. Здѣсь мы оправили свои платья и пошли пить чай. Черезъ нѣсколько времени пришла Императрица. Награды къ этому дню еще не были готовы, и Императрица пожелала видѣть, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кто долженъ ихъ получить. Когда Императрица ушла, мы пошли было гулять и забрались въ помпеевскую галлерею, но насъ позвали становиться въ пары, чтобы итти въ концертную залу.

Когда мы подошли къ ней, она не была еще освѣщена, и вдругъ, въ одно мгновеніе вся освѣтилась, новымъ способомъ скораго зажиганія по ниткамъ, проведеннымъ отъ одной свѣчи къ другой. Мы вошли, встали, какъ должно, и поклонились Царской Фамиліи. Императора еще не было, а были: Императрица, Наслѣдникъ, Наслѣдница, Великая Княгиня Ольга Николаевна, Великіе Князья Николай и Михаилъ; Великія Княгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна не были, потому что больны. Много было придворныхъ; дамы всѣ въ бальныхъ платьяхъ.

Когда всѣ заняли свои мѣста, началась музыка. Сначала играли на 4 роялях воспитанницы: Носовичъ, Сеславина, Леонтьева и Бурнашева. Послѣ нихъ играла solo Жлановичъ очень хорошенькій концертъ Литольфа, съ оркестромъ, и потомъ Заполъская — чудесный и ужасно трудный концертъ Гензельта. Она только хотѣла начать, какъ двери, ведущія во внутреннія комнаты, растворились, и вошелъ Императоръ! Наши всѣ ему поклонились и онъ привѣтливо раскланялся на всѣ стороны, и сѣлъ сзади Императрицы; Заполъская начала играть. Послѣ этого началось пѣніе. Мы, пѣвчія, подвинулись еще ближе къ Царской Фамиліи. Я стояла первая въ линіи и могла всѣхъ чудесно видѣть. Сначала пѣли квартетъ изъ оперы «Moïse», потомъ чудное solo, съ чуднымъ хоромъ изъ оперы «Жизнь за Царя»—пѣснь Вани; затѣмъ дуэтъ изъ оперы «Catarina de Guisa», solo изъ оперы «Нугнапі» и гимнъ «Боже, Царя храни!». Этимъ пѣніе кончилось, но мы еще долго стояли такъ, какъ

нѣли, потому что къ намъ подходили и съ нами бесѣдовали Императрица и Наслѣдница. Потомъ мы ушли въ другую залу и оттуда выбѣгали танцовать, а по окончаніи танца, снова убѣгали. Танцовали кадриль, русскую, болеро съ розовыми тюлевыми шарфами, наконецъ, финалъ съ разными цвѣточными гирляндами. Послѣ этого мы снова пришли въ большую залу, чтобы танцовать уже не на показъ, а по бальному.

Императрица велѣла Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ танцовать съ нами. Танцовали кадриль и очень долго польку, и Великіе Князья все время танцовали. Великая Княгиня Ольга Николаевна повела насъ въ ту комнату, гдѣ былъ накрытъ ужинъ. Съ нами пришла Наслѣдница и Великіе Князья. Мы спѣли «Отче нашъ» и хотѣли уже садиться, когда намъ сказали, что насъ поведутъ осматривать внутреннія комнаты. Мы, конечно, обрадовались. Описать всѣ эти пять комнатъ невозможно, я даже не упомнила ихъ по порядку. Это волшебство, очарованіе! Помню малиновую гостиную Императрицы; стѣны этой комнаты увиты плющемъ, въ ней много чудныхъ картинъ. Помню въ Императорской спальнѣ бюро, въ которомъ подъ стекломъ лежатъ брилліантовыя вещи. Комнаты всѣ чудесно освѣщены, и бриллианты такъ и играли тысячами огней. Помню чудесную комнату съ множествомъ зеркалъ въ золотыхъ рамахъ, мраморный каминъ и мебелью бѣлою атласной, вытканной букетами розовыхъ розъ. Въ этой комнатѣ стояли Императрица, Наслѣдница и М. П. Леонтьева. Здѣсь мы немного остановились, и Императрица все смѣялась надъ нашими удивленіями и восхищеніями. Мнѣ пришлось стоять подлѣ двери, гдѣ стоялъ Наслѣдникъ. Онъ разспрашивалъ меня о томъ, хорошо ли мы все осмотрѣли, что особенно понравилось, не торопили-ли насъ, сказалъ, чтобы мы не торопились.

Великіе Князья Николай и Михаилъ все время шли за нами. Мы были въ кабинетѣ Императрицы, гдѣ было такъ много картинъ, что не только всѣ стѣны, но даже двери увѣшаны большими и маленькими картинами, нарисованными масляными и водяными красками и даже тушью. На письменномъ столѣ лежалъ одинъ томъ сочиненій Жуковскаго и рапортъ о смоленскахъ. Мы прошли въ гостиную Императрицы; чудная комната съ малахитовыми колоннами и мебелью, крытою алымъ бархатомъ, а оттуда въ залъ, гдѣ насъ ждалъ ужинъ. Съ нами

ужинали Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, Принцъ Ольденбургскій съ дочерью и безпрестанно приходили Наслѣдница и Великая Княгиня Ольга Николаевна. За столомъ намъ прислуживали арапы и угощали насъ камергеры и генералъ-адъютанты. Ужинъ былъ, конечно, чудесный. И все на фарфорѣ, серебрѣ, хрусталѣ. На столахъ стояли вазы съ фруктами, виноградомъ и конфектами, которыми насъ постоянно подчивали и упрашивали, чтобы мы брали больше; потомъ намъ каждой дали по очень большой бомбоньеркѣ, полной конфектъ. Послѣ ужина мы простились съ Великими Княгинями и Князьями и пошли одѣваться. Императрицу мы больше не видали. Въ тѣхъ же придворныхъ каретахъ отправились мы въ обратный путь, вспоминая блаженный вечеръ, такъ восхитительно проведенный въ кругу Августѣйшей Семьи. Мы возвратились въ Смольный въ три часа ночи» [1].

[1] Изъ дневника смолянки С. Лаврентьевой. Рец.

IX.

Награды выпускнымъ.—Заботы о бывшихъ воспитанницахъ.

Императрица заранѣе назначала день, когда пріѣдетъ въ Смольный раздавать выпускнымъ награды; эта раздача происходила за нѣсколько дней до выпуска; иногда Императрица раздавала награды во дворцѣ.

По мѣрѣ приближенія дня выпуска чаще сжимались отъ грусти сердца смолянокъ, готовящихся навсегда покинуть Смольный, который всѣмъ имъ давно былъ близкимъ, роднымъ. Эта грусть хотя и смягчалась радостнымъ ожиданіемъ свиданія съ родной семьей, но звучала настойчиво и властно.

«Боже! какъ грустно разставаться!—пишетъ въ своемъ дневникѣ воспитанница бѣлаго класса за нѣсколько дней до выпуска:—Какъ мучительно сказать «прости!» всему, что было... Прости, счастье! Теперь только чувствую, что восемь лѣтъ монастырской жизни составляютъ самую счастливую мою эпоху... Душа потрясена. Близокъ разлуки часъ!—хаосъ въ сердцѣ!—всѣ чувства смѣшались и ни одного изъ нихъ невозможно выбрать: грустно, тяжело, ужасно!—Будущее, что ты несешь?...

Въ послѣдній разъ, подруги жены,
Намъ должно всѣмъ прости сказать,
Пора младенческія думы
На жизнь разсудка промѣнять!...
Оставимъ сей пріютъ родимый,
Пойдемъ за опытомъ во слѣдъ... [1].

Нѣтъ, не могу безъ слезъ писать эти строки!...» [2].

[1] Изъ прощальной пѣсни. [2] Зап. стар. смолянки, I. 88. 87.

Если Императрица пріѣзжала раздавать награды въ Смольный, раздача происходила въ большомъ залѣ. Воспитанницъ заранѣе учили, какъ подходить къ Императрицѣ, брать награду и проч. Надо было черезъ каждые три шага дѣлать по реверансу, который долженъ былъ быть «глубокъ и граціозенъ».

«Въ назначенный день насъ всѣхъ получившихъ награды повели въ залу, гдѣ сидѣла Императрица, и тутъ же были принцъ Ольденбургскій, начальница и инспекторъ,—пишетъ одна изъ смолянокъ о раздачѣ наградъ въ 1848 г.—Получавшія шифры, подойдя, какъ ихъ учили, опускались передъ Государыней на одно колѣно, и она сама пришпиливала къ лѣвому плечу шифръ и цѣловала въ щеку воспитанницу, а та цѣловала ея руку... Получавшія медали, подходя, держали руки одна въ другую, ладонями вверхъ, куда и клала Императрица медаль, взявъ ее съ блюда отъ инспектора, и каждой сказала нѣсколько словъ» [1].

Раздача наградъ во дворцѣ носила болѣе парадный характеръ.

«Много было счастливыхъ минутъ въ моей жизни, но прекраснѣе изъ всѣхъ 1-е марта 1836 г.,—пишетъ другая смолянка въ своемъ дневникѣ о днѣ раздачи наградъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Съ чѣмъ сравнить его? C'est une immortelle dans le joli bouquet de mes souvenirs; elle ne se fanera jamais, elle sera mon génie consolant dans un âge avancé, ce jour sera une couronne toute fraîche parant mes cheveux blancs. Tu ne reviendra plus, jour heureux! Une fois qu'on a goûté un bonheur aussi suprême, il faut mourir. Il ne nous est pas donné d'être deux fois à cette extrémité du bonheur où tous n'arrivent pas. Le Ciel a choisi un petit nombre dans la foule; je suis aussi une des élues. Dieu! Comme j'etais heureuse hier! trop heureuse! Je n'ai pas mérité les grâces, que Tu nous accorde, Seigneur! je benis Ta main qui me comble de biens!.. Въ 11 ч. 20 м. мы были уже во дворцѣ. Насъ встрѣтили М-me Баранова и Василій Андреевичъ Жуковскій. «Вы за своимъ пріѣхали», сказалъ онъ намъ и началъ спрашивать, кто изъ насъ куда отправляется по выпускѣ... Насъ водили по разнымъ комнатамъ, вездѣ роскошь, блескъ, но и пустота также; ни души въ огромныхъ палатахъ, кромѣ сторожевыхъ солдатъ, которые,

[1] Записки, 42.

какъ статуи, неподвижно стоять у дверей... Глаза отдохнули лишь въ комнатахъ п-ше Барановой. Здѣсь видно жилье: все мило и просто. Мы тутъ пробыли до половины перваго дня. Жуковскій приходилъ еще разъ поздравить насъ, но вензеля еще не были приколоты.

«Императрица проситъ къ себѣ», произнесъ, какъ ангелъ съ неба, вошедшій Кавелинъ. Слѣдомъ за нимъ мы прошли множество комнатъ и остановились въ Георгіевскомъ залѣ. «Я въ волшебномъ замкѣ!—говорила я нашимъ;—mon bon génie m'y a transportée!..». Лиліи, розы расцвѣтали подлѣ меня; зеркала до потолка, стѣны изъ мрамора и разрисованы; mais quelle magnificence!.. Насъ поставили въ два ряда: пять первыхъ впереди. Первую потребовала Государыня Бабушку [1], черезъ нѣсколько минутъ она вышла съ портретомъ Императрицы, осыпаннымъ брилліантами.

Еще маленькая разстановка и Великія Княжны вбѣжали съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а за ними Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. «Maman vous prie de venir chez elle», сказала Великая Княжна Марія Николаевна. Дверь отворилась,—и мы очутились въ кабинетѣ Императрицы. «Bonjour, mes enfants», привѣтствовала насъ Государыня. Она сидѣла въ большомъ креслѣ; на ней было бѣлое платье, на плечахъ голубая косынка съ лебяжьимъ пухомъ и чепчикъ на головѣ; по правую руку она пригласила сѣсть Бабушку.

Виламовъ стоялъ со свертокомъ бумагъ въ рукѣ. По лѣвую руку стояли всѣ три Великія Княжны, Наслѣдникъ, Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, послѣдніе двое въ голубыхъ рубашечкахъ съ серебрянымъ позументомъ, волосы обстрижены въ кружокъ, какъ у русскихъ мужиковъ,—прелестные мальчики.

Здѣсь то подъ кровомъ нашей Царицы, окруженныя Царскою Фамиліею, удостоились мы принять вензеля—шифры. Святая минута, благословенная минута, блести вѣчно, блести въ моей памяти! Будь моею яркою звѣздочкой, радостной лучезарной звѣздочкою!.. Нѣтъ,—ничто не затмитъ тебя!

Послѣ весьма краткаго предисловія, прочитаннаго Виламовымъ, вызываютъ имена: М. Н. Сеславина, С. П. Куроѣдова,

[1] Ю. Ф. Адлерберга.

А. П. Быкова, Е. Б. Дивова. Пока имъ прикалывала Императрица вензеля, я спокойно любовалась маленькими Князьями, но когда прозвучало имя Дивовой, я встрепенулась, и возгласъ: «В. П. Быкова» приблизилъ меня, колѣнопреклоненную передъ Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Государыня надѣла мнѣ шифръ—и поцѣловала въ лобъ!!! Что это было?! Не помню, какъ ушла я на свое мѣсто, но, оглянувшись, увидѣла, что Наслѣдникъ и Великія Княжны пристально смотрятъ на каждую изъ насъ. Не знаю, какой я имъ показалась, но на душѣ моей было такъ хорошо!... Невозвратное блаженство!

«Vous allez déjeuner à présent»,—сказала Императрица, когда все кончилось. Мы опять перешли въ Георгіевскую залу, и увидали столъ, накрытый на одиннадцать приборовъ. Бабушка помѣстилась съ нами, а Императрица, Великіе Князья и Великія Княжны размѣстились вокругъ насъ, угощая и бѣгая безпрестанно съ одного мѣста на другое. Великіе Князья, съ дозволенія преисполненной любви къ нимъ Императрицы, сами брали у лакеевъ блюда и разносили кушанья сидѣвшимъ. Я ничего не могла ѣсть: напротивъ меня былъ Наслѣдникъ, сзади, облокотясь на стулъ, Императрица, вездѣ въ глазахъ Великія Княжны; я не могла оторвать глазъ отъ нихъ: Наслѣдникъ—красавецъ!

«A la santé de l' Impératrice», сказала Бабушка, взявъ бокалъ. Мы всѣ встали: «de l'Empereur, de l' Héritier, des grandes Duchesses». «A la santé de Бабушка»! «de l' Impératrice». «A votre santé, mesdames!» сказалъ Наслѣдникъ. Какъ весело!

«Nous vous montrerons à présent tous nos appartements», говорили Великія Княжны. Въ упоеніи блаженствомъ мы и не замѣтили, какъ вошелъ Императоръ. «Здравствуйте, здравствуйте; очень радъ, что вижу васъ въ этихъ мундирахъ, что случается очень рѣдко. Je suis bien fâché de ne pouvoir faire les honneurs, je suis pressé, mais voyez cette figure», сказалъ Императоръ, и, приложивъ личико Великой Княжны Ольги Николаевны къ своему, добавилъ: «Elle me remplacera...»

Въ одной изъ комнатъ мы встрѣтили опять Императора. «Надобно непремѣнно васъ поздравить», сказалъ нашъ Ангелъ. «Кто получилъ первый вензель?» «Сеславина», отвѣчали Великія Княжны. Государь поклонился по-русски: почти до земли, т. е. *спустивъ предъ собою руку и коснувшись ею*

пола. «Второй?» — Куроѣдова.—«Третій»?—и такъ далѣе, и всѣхъ называли Великія Княжны и Онъ имъ низко кланялся.

«Nous irons aussi dans les appartements de Papa», шепнула Великая Княжна Марія Николаевна, по выходѣ отъ Императора. Мы были въ той комнатѣ, гдѣ молится Императрица: видѣли образъ ея Ангела-Хранителя, сопутствующій ей всюду; тутъ же бюстъ покойной прусской королевы Луизы, матери Императрицы. Признательная дочь въ именины и рожденіе умершей плететъ ей гирлянды изъ свѣжихъ цвѣтовъ, и Великія Княжны украшаютъ бюстъ цвѣтами, сообщили намъ Княжны. Мы были, кажется, во всѣхъ комнатахъ Императрицы, видѣли ея брилліанты, множество портретовъ, бюстовъ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ Императрицу дитятею. «Mais cela ne lui ressemble pas, c'est une horreur», говорили Великія Княжны. «C'est toi, Adine», насмѣшливо сказалъ Наслѣдникъ Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. «Je vous demande pardon, monsieur, отвѣчала обиженная Княжна: «Je ressemble à Maman».

Вошедши въ ихъ рекреаціонную залу, Великія Княжны *вбѣжали на деревянную гору; мы за ними скатились одинъ* разъ. «Qui veut, mesdames?» крикнулъ Наслѣдникъ, и мы всѣ, одна за другой, залетали съ горы. «Теперь на ногахъ, стоя, кататься», сказала Великая Княжна Марія Николаевна, позвали Великую Княжну Ольгу Николаевну и всѣхъ насъ, и подъ руки скатывали насъ съ горы: въ серединѣ кто нибудь изъ насъ, а по обѣимъ сторонамъ Великія Княжны Марія и Ольга Николаевны. Я хотѣла попытать счастья вдвоемъ съ Куроѣдовой, послѣдовать ихъ примѣру,—но счастье наказало нашу дерзость: я завертѣлась и упала къ ногамъ Наслѣдника, стоявшаго подлѣ спуска. Всѣ разсмѣялись, а я, хотя больно ногѣ было, улыбнувшись также, вскочила и побѣжала къ лѣстницѣ и наверхъ. Великая Княжна Александра Николаевна принесла намъ подушку. Великая Княжна Ольга Николаевна усадила насъ на подушку шестерыхъ, и я снова преблагополучно очутилась внизу. Великія Княжны, бѣгая и катаясь съ нами, устали до крайности.

Мы направились въ ихъ комнаты. Много видѣли и тамъ хорошаго, но я почти ничего не упомню, безпрестанно бросаясь отъ одного предмета къ другому. Были въ комнатѣ Великаго Князя Константина Николаевича; тамъ корабли всѣхъ видовъ и качествъ, начиная съ простого бумажнаго до

корабля деревяннаго со всѣми снастями, въ нѣсколько футовъ величины. Чтобы входить въ покои Императора, надобно было пройти довольно высокую лѣстницу. Бабушка могла бы устать, и Великія Княжны предупредительно посадили ее въ кресло Императрицы, поднимающееся посредствомъ машины на самый верхъ. Наслѣдникъ всталъ сзади ея. Бабушка казалась восхо-

Смольный монастырь.

дящею на небеса, а Наслѣдникъ былъ какъ бы ея ангеломъ-хранителемъ. Мы бѣжали по лѣстницѣ, и я старалась итти наравнѣ съ «восходящими»; намъ такъ было весело на нихъ смотрѣть!

Мы были тамъ, куда никого не пускаютъ; разсматривали комнаты Императора и въ подробностяхъ его кабинетъ, его письменный столъ, на которомъ хранятся великія дѣла. Въ память этого посѣщенія Великая Княжна Ольга Николаевна подарила мнѣ маленькій портретъ ея отца и всѣмъ намъ дорогого Царя» [1].

[1] Зап. стар. смолянки, I, 92—100.

При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ шиферовъ полагалось на выпускъ 9, золотыхъ медалей тоже 9, серебряныхъ 15; обычно, Императрица разрѣшала прибавить десятый шиферъ и десятую золотую медаль [1]. Еще въ 1829 году Императрица Александра Ѳеодоровна Высочайше повелѣла, «чтобы вензелевое имя блаженныя памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны сохранено было для знаковъ отличія, раздаваемыхъ дѣвицамъ при выпускахъ изъ Общества Благородныхъ Дѣвицъ до выхода послѣдняго класса изъ принятыхъ въ теченіе жизни Ея Императорскаго Величества покойной Императрицы, а послѣ того уже перемѣна воспослѣдуетъ» [2]. Медали выдавались «съ изображеніемъ благополучно царствующаго Государя Императора [3].

При выпускѣ 10—12 воспитанницамъ, отличившимся въ ученіи, но не получившимъ шиферовъ и медалей, выдавались въ награду книги, какъ напр.: «Dictionnaire etymologique, p. Boiste», «Théâtre de Voltaire», «Leçons de littérature, p. Noël», «Oeuvres de Lamartine», «Téâtre de C. Delavigne», «Nouveau dictionnaire de poche, p. Reiff»; сочиненія Державина, Батюшкова, Жуковскаго, Шиллера, Басни Крылова и т. п. [4].

Оканчивающимъ Александровское училище выдавались серебряныя медали разной величины и книги [5].

Каждой изъ выпускныхъ выдавалось Евангеліе [6].

Кромѣ почетныхъ наградъ и книгъ, воспитанницамъ при выпускѣ выдавались денежныя награжденія изъ суммъ, жалуемыхъ для этого Ихъ Величествами, изъ кассеты, изъ капитала Императрицы Маріи Ѳеодоровны, капитала ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, изъ капиталовъ частныхъ лицъ [7]. Денежныя

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 11; Д. 1845 г., № 95, л. 3; Д. 1771 г., № 3, л. 1; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 30; и др. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1829 г., № 62, л. 22; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 107. [3] Тамъ же. На «обратной сторонѣ медали подъ изображеніемъ растущихъ виноградныхъ лозъ была надпись: «посети виноградъ сей»; въ 1844 г. Совѣтъ Общества нашелъ нужнымъ «сдѣлать въ оныхъ медаляхъ нѣкоторыя поправки, а именно: 1) въ словѣ посети, вмѣсто буквы с поставить з, 2) вмѣсто слова за отличность «сдѣлать за отличіе и 3) буде употребительно на медаляхъ прибавить къ портрету Его Императорскаго Величества усы». (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 46, л. 1). [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 95, л. 3; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 11; Д. 1771 г., № 3, л. 1; Д. 1850 г., № 66; и др. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1771 г., № 3, л. 1; Д. 1845 г., № 95, л. 3. [6] См., напр., Угличанинова, стр. 43. [7] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 15, лл. 2, 3, 4, 5, 9—10, 15; Д. 1850 г., № 1 (оп. кн.), № 21; Д. 1816 г., № 20, лл. 93—99; Д. 1842 г., № 73, и др. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр., Имп. Маріи. Уч., XIII, 342. При выпускѣ 1845 года всего было выдано воспитанницамъ въ пособіе 28,873 р. 82 к. асс. (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Уч., XIII, 351—354).

награжденія выдавались лучшимъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницамъ, обычно удостоеннымъ наградъ, въ размѣрѣ отъ 100 до 1000 р. ассигнаціями [1]. Получившимъ шифры назначались, по мѣрѣ освобожденія вакансій за смертью или неявкой прежнихъ стипендіатокъ, пожизненныя пенсіи съ капитала, положеннаго съ этой цѣлью Императрицей Екатериной II и пополненнаго Императрицей Маріей Ѳеодоровной [2]. Нѣкоторымъ изъ оканчивающихъ воспитанницъ, находившихся подъ особымъ покровительствомъ Ихъ Величествъ, жаловались при выпускѣ довольно значительныя суммы и пожизненныя пенсіи изъ Государственнаго Казначейства. Такъ, напр., окончившимъ Воспитательное Общество дочерямъ покойнаго владѣтельнаго князя Гурійскаго было выдано единовременно по 3.000 р. серебромъ и назначена пожизненная пенсія по 1.500 р. серебромъ въ годъ [3]. Въ особо уважительныхъ случаяхъ Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна заботились даже объ обезпеченіи участи родныхъ выпускныхъ воспитанницъ [4].

Въ 1833 г. была Высочайше утверждена новая форма аттестатовъ для оканчивающихъ оба заведенія Смольнаго воспитанницъ [5]. Въ отличіе отъ прежнихъ аттестатовъ, въ новыхъ обозначалось отдѣленіе классовъ, въ которомъ воспитанница находилась [6], не упоминалось о домоводствѣ, а въ аттестатахъ воспитанницъ Мѣщанскаго училища были исключены также привилегіи, «кои болѣе не существуютъ: объ освобожденіи мужей сихъ воспитанницъ отъ крѣпостного состоянія и т. п. [7]». Въ новой формѣ аттестатовъ поведеніе воспитанницъ оцѣнивалось по тремъ разрядамъ и обозначалось: «отличнымъ», «весьма хорошимъ» и «хорошимъ». Успѣхи въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣліи оцѣнивались, кромѣ того, еще и «посредственными». Оцѣнки успѣховъ отдѣльно по различнымъ науч-

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 15, лл. 2, 3, 4, 5; тамъ же Д. 1816 г., № 20, лл. 93—99. [2] Эти пенсіи бывали разныхъ размѣровъ, въ зависимости отъ освободившихся суммъ; обычно, онѣ бывали по 200, 100 р. серебромъ въ годъ. [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 44; Д. 1842 г., № 73; Д. 1857 г., № 1 (оп. кн.), № 19]. [3] Муз. Имп. Воспит. Общ. Булага Аллерберъ. [4] См., напр., Чижъ. Воспоминанія. Ркп. [5] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по упр. Имп. Маріин. Учр., XIII, 216—220. [6] Это имѣло значеніе потому, что по отдѣленіямъ воспитанницы распредѣлялись соотвѣтственно успѣхамъ и способностямъ, и программы учебныхъ курсовъ въ разныхъ отдѣленіяхъ были различны по объему. [7] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1833 г., № 51, л. 2.

нымъ предметамъ и языкамъ не было. Оно было, однако, введено черезъ годъ, по указанію министра народнаго просвѣщенія, для тѣхъ изъ воспитанницъ, «которыя желаютъ поступить въ домашнія учительницы». Въ аттестатахъ упоминалась награда, которой была удостоена воспитанница при выпускѣ [1]. Съ 1845 г. въ аттестатахъ воспитанницъ, «лишившихся наградъ по законнымъ причинамъ», какъ «вольноприходящихъ, поступившихъ въ старшіе классы или выбывшихъ преждевременно», прописывать: «заслужила награду вензелемъ, книгою и проч.» [2]. Воспитанницы спеціальныхъ, пепиньерскихъ, классовъ получали при выпускѣ особыя свидѣтельства [3].

При выпускахъ Императрица обычно выражала *свою «искреннюю»* признательность» начальницѣ, инспектрессамъ, класснымъ дамамъ, инспектору, учителямъ и учительницамъ и жаловала имъ подарки, денежныя награды, ордена и проч. [4].

Послѣдніе дни передъ выпускомъ проходили, полные радостныхъ тревогъ, счастливыхъ волненій и смутной грусти о томъ, что навсегда миновала беззаботная пора дѣтства и юности.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1771 г., № 3, л. 16; Д. 1831 г., № 11 (оп. кн.), № 45; Д. 1833 г., № 34, лл. 2, 3; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 17, лл. 1, 2, 3, 4, 5. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), №№ 11, 12, 13. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 4. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 38, л. 1; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 32; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 42; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 88; Д. 1857 г., № 80; Д. 1836 г., № 6 (оп. кн.), № 121; Д. 1834 г., № 1 (оп. кн.), №№ 50 и 75; Д. 1831 г., № 18 (оп. кн.), № 69; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 78; и др. Зап. стар. смолянки, I, 94. Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 58, прим.

«Mes amies dansent; c'est pour la dernière fois qu'elles dansent ensemble,—пишетъ въ своемъ дневникѣ выпускная смолянка,—demain au palais, jeudi la sortie; adieu, Communauté, je ne vous dis pas au revoir, je n'ose pas le dire» [1]. «Какое это было чудное время!—пишетъ другая смолянка.—Мы пользовались уже совершенной свободой. Безпрестанно пріѣзжали родители и родственники выпускаемыхъ воспитанницъ; приходили модистки съ примѣрками платьевъ и тутъ уже сказалась горечь разницы общественнаго положенія и состоянія» [2].

Зато это время было особенно тяжелымъ для классныхъ дамъ, которымъ было чрезвычайно трудно поддерживать дисциплину и порядокъ среди выпускныхъ [3].

День выпуска назначался обычно въ самомъ концѣ февраля или началѣ марта, при этомъ имѣлось въ виду, чтобы родители и родственники, пріѣхавшіе за воспитанницами изъ провинціи, могли вернуться домой до весенней распутицы [4].

«Наконецъ, наступилъ послѣдній день нашего почти девятилѣтняго пребыванія въ Смольномъ!—пишетъ одна изъ смолянокъ.—Не сумѣю разсказать, что я перечувствовала въ этотъ день. Радость смѣнялась грустью и какой то жалостью ко всѣмъ остающимся за этими стѣнами и даже къ этимъ стѣнамъ, которыя, казалось, безъ насъ должны осиротѣть. Въ послѣдній разъ мы получили приказаніе надѣть наши бѣлыя платья, чтобы въ день выпуска быть всѣмъ одинаково одѣтыми; вручили каждой деньги и Евангеліе и повели въ церковь. Въ послѣдній разъ мы встали на клиросъ и пропѣли молебенъ, послѣ котораго нашъ священникъ, онъ же законоучитель, сказалъ намъ трогательное напутственное слово, и мы, слушая его, всѣ плакали. Наконецъ, началось прощаніе съ начальницей, инспектрисой, учителями, классными дамами. Прощаясь другъ съ другомъ, мы обнимались, крѣпко цѣлуясь, обѣщаясь никогда не забывать другъ друга, и многія горько рыдали. И вотъ, широко распахнулась дверь нашего монастыря, чтобы навсегда за нами затвориться» [1].

Въ одномъ изъ своихъ донесеній М. П. Леонтьева писала Императрицѣ:

«La sortie des élèves de la communauté eut lieu hier dans l'ordre accoutumé. On se rendit au refectoire à 2 heures après

[1] Зап. стар. смолянки, I, 91. [2] Углачанникова, 42. [3] Зап. стар. смолянки», I, 267—268. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1851 г., № 92, л. 5. [5] Углачанникова, 43.

midi pour le diner d'adieu, après lequel nous allames avec les parents à l'église où ces demoiselles rendirent grâce au Tout-puissant de tous les biens répandus sur elles dans cet asyle, en lui demandant en même temps de combler de ses bénédictions leur Auguste et angélique Bienfaitrice. Elles me prièrent touts de mettre aux pieds de Votre Majesté Impériale l'expression de leur vive et profonde reconnaissance pour l'extrême bonté que Vous êutes de leur envoyer des fleurs; chacune d'elles eut un charmant bouquet. Elles se promirent bien de garder à jamais ces fleurs si précieuses pour elles en les séchant et les soignant de leur mieux.

On se rendit en définitive à la grande salle où l'on se sépara non sans verser des larmes et sans promettre de se revoir aujourd'hui à la communauté. Le nombre des jeunes personnes qui nous quittèrent hier monta à 97, les externes y comprises; celui des restantes est de 19, si nous comptons Chichkoff et Tchetchensky dont les mères demandent la grâce de les laisser encore chez nous pour continuer leurs études avec la classe blanche future. Nous gardons aussi 10 demoiselles de la classe sortie dans la pépinière» [1].

Прощаніе съ педагогическимъ и воспитательскимъ персоналомъ носило тоже трогательно-задушевный характеръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, рѣчи законоучителей Смольнаго къ выпускнымъ воспитанницамъ [2], а также рѣчи и письма инспектора классовъ М. М. Тимаева и другихъ. Такъ, напр., Тимаевъ писалъ выпускнымъ воспитанницамъ за нѣсколько дней до выпуска послѣ того, какъ присутствовалъ на репетиціи танцевъ выпускного бала.

«Дѣвицы! Принимая живѣйшее участіе во всемъ, что касается до вашего образованія, я спѣшилъ видѣть успѣхи ваши въ изящныхъ искусствахъ. Ожиданіе мое исполнилось, я провелъ вчера любуясь на ваши игры, среди васъ, нѣсколько веселыхъ часовъ. И радость моя часто смѣнялась задумчивостью: неизвѣстное будущее тревожило меня—и я невольно повторялъ когда то мной писанный стихъ:

Въ послѣдній разъ онѣ играютъ
Въ порывахъ радости златой;
Мгновенья быстро пролетаютъ
Неудержимой чередой;

[1] Черн. докл. М. Н. Леонтьевой Императрицѣ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г. № 81). [2] Муз. Имп. Восп. Общ.

Спѣшите ими насладиться,
Въ удѣлъ вамъ счастіе дано;
Аккордъ еще—все измѣнится
Въ воспоминаніе одно!

Уны! когда душа игрою
Еще отрадною живетъ,
Судьба холодною рукою
Изъ урны жребій вамъ беретъ!

Кому и какой жребій достанется—разгадывать страшно... Простите, что я, въ минуты своихъ и вашихъ восторговъ, перешелъ къ чувствованіямъ, столь мрачнымъ. Другъ вашъ уже видѣлъ жизнь, познакомился съ нею и въ движеніяхъ сердечной заботливости невольно увлекся въ будущность... Да сохранится въ воспоминаніи вашемъ счастливое время дѣтства съ его играми и мечтами! Скажемъ воспоминанію вмѣстѣ съ Жуковскимъ:

Говори о томъ, что было
Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ;
Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
То, чего ужъ въ жизни нѣтъ.

Но другъ вашъ исполненъ искренняго желанія, чтобы жизнь ваша протекала безмятежно, чтобы вездѣ встрѣтило васъ безпристрастіе, оцѣняющее заслугу и достоинство, чтобы искушенія жизни не охладили сердца ваши ко всему истинному, доброму и изящному. Идите смѣло въ путь: умъ и добродѣтель ваши будутъ щитомъ для вашей невинности; вѣра—утѣшеніемъ и подпорой вашей молодости! Такъ мыслитъ и чувствуетъ преданный вамъ душою М. Тимаевъ» [1].

Послѣ выпуска заботы Совѣта объ окончившихъ воспитанницахъ не прекращались. Совѣтъ заранѣе знакомился и обсуждалъ семейныя и матеріальныя условія жизни оканчивающихъ.

Нѣсколько воспитанницъ, какъ окончившихъ Воспитательное Общество, такъ и Александровское училище, оставлялись въ Смольномъ, съ Высочайшаго соизволенія, еще на два—три года «по молодости лѣтъ» [2], другія—вслѣдствіе неподходящихъ условій ихъ семейной жизни, чаще всего неладовъ между роди-

[1] *Зап. стор. смолянки*, I, 83—84. [2] *См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1812 г.*, № 3 (оп. кн.), № 150; Д. 1812 г., № 15, л. 1; и др.

телями [1]; наконецъ, третьи—оставлялись для прохожденія курса пепиньерокъ [2].

Совѣтъ попрежнему велъ денежныя дѣла окончившихъ воспитанницъ до ихъ совершеннолѣтія, защищалъ ихъ матеріальные интересы, принималъ живое участіе въ устройствѣ ихъ дальнѣйшей судьбы не выходя изъ Смольнаго [3].

Императоръ Николай I и Императрица Александра Ѳеодоровна точно также не оставляли своими милостями и заботами бывшихъ воспитанницъ Смольнаго: назначали ихъ фрейлинами къ Высочайшему Двору, удостаивали почетныхъ наградъ, оказывали матеріальную поддержку при вступленіи въ бракъ и въ другихъ случаяхъ, устраивали на мѣста [4].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 73; Д. 1834 г., № 1 (оп. вн.), № 59; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 166; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 55; и др. Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. вн.), № 21. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 79; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 205; Д. 1844 г., № 51; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 26; и др. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), №№ 191, 204 и 229; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 93; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), №№ 10 и 57; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 78; и др. Р. Арх. 1889 г., I, 181. Чижъ. Воспоминанія. Кн. Соколова (Ист. Вѣстн. 1911 г., II, 504—507).

X.

Повседневная жизнь въ Смольномъ.—Посѣщенія Императорской Фамиліи и почетныхъ гостей.—Ежегодныя празднества и развлеченія въ Смольномъ.

Жизнь въ Смольномъ текла годъ за годомъ по разъ заведенному строгому порядку. Событія внѣшняго міра, если и находили откликъ въ Смольномъ, все же не измѣняли строгаго порядка, отражались лишь на настроеніи его многочисленныхъ обитательницъ.

Въ учебное время, дни проходили въ постоянныхъ учебныхъ занятіяхъ, особенно для воспитанницъ старшихъ классовъ; занятія искусствами и рукодѣліемъ являлись для нихъ отдыхомъ. На чтеніе и самостоятельныя занятія времени почти не оставалось; имъ посвящались почти исключительно воскресные и праздничные дни.

Обычное настроеніе среди воспитанницъ было жизнерадостнымъ, веселымъ, непринужденнымъ. «Дѣти собираются въ баню, стало быть остались въ спальнѣ, — пишетъ, напр., однажды одна изъ классныхъ дамъ Смольнаго въ своемъ дневникѣ.—Шумятъ, жужжатъ, какъ пчелы, и разсѣялись группами на всемъ протяженіи огромной залы. Одни пишутъ, другія работаютъ: тамъ, усѣвшись дружной толпой, болтаютъ, ни вѣсть о чемъ и хохочатъ, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ чуд-

ной невозвратимой молодости. Есть между ними и такія, которыя учатся, но подобныхъ «труженицъ», къ счастью, въ моемъ дортуарѣ немного... Я сижу въ своей комнатѣ. Двери отворены настежь, и въ глазахъ весь рой неугомонныхъ пчелъ. Если кто слишкомъ голосъ возвыситъ—уйму; иногда бросаю перо и отправляюсь въ спальню, чтобы взглянуть прямо въ лицо крикуньѣ и испугать своимъ появленіемъ...» [1].

«.... Уже звонили; восемь часовъ, а наши спокойно сидятъ на своихъ мѣстахъ и никто ихъ не тревожитъ, — пишетъ въ своемъ дневникѣ воспитанница «бѣлаго» класса; — однѣ учатся,—твердятъ французскую литературу, натуральную исторію; другія пишутъ, работаютъ, читаютъ, а иныя—считая все это ненадобностью, скучною исторіей, весело разгуливаютъ по классу, болтая о прошломъ и настоящемъ, о классныхъ шалостяхъ, о нашихъ хитростяхъ и смѣются отъ добраго веселаго дѣтскаго сердца. Свѣчи почти уже всѣ догораютъ, я далеко отъ свѣта,—пятой сижу на лавкѣ и тороплюсь записать этотъ листокъ...» [2].

Однообразная будничная жизнь, однако, нерѣдко нарушалась посѣщеніями Императрицы, другихъ членовъ Царской Семьи и различныхъ почетныхъ лицъ, пріемами родныхъ, а также временемъ рождественскихъ, пасхальныхъ, лѣтнихъ каникулъ, празднованіями царскихъ дней, нѣкоторыхъ дней, памятныхъ Смольному, и различными развлеченіями.

Императрица Александра Ѳеодоровна нерѣдко удостаивала Воспитательное Общество своимъ посѣщеніемъ, особенно первые годы своего главноначальствованія [3]. Но и въ болѣе поздніе годы, когда здоровье Императрицы позволяло, она часто бывала въ Смольномъ [4]. Императрица присутствовала на урокахъ воспитанницъ, на ихъ обѣдѣ, обходила дортуары, лазареты, садъ и проч., иногда присутствовала въ церкви на обѣднѣ.

«*Во вторникъ 27 августа Ея Величество осчастливила насъ* своимъ пріѣздомъ,—пишетъ объ одномъ изъ посѣщеній Импе-

[1] Зап. стар. смолянки, I, 252—253. [2] Тамъ же, I, 32. [3] См., напр., Зап. стар. смолянки, I, стр. 1—3, 34 и др. Утличенинова, 29. Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 34. Мордвинова, 146; и др. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 69, лл. 1, 3, 5, 7, 10, 12 и т. д.; ср. Д. 1851 г., № 82, л. 6; Д. 1853 г., № 78; Д. 1845 г., № 81, л. 108; Д. 1847 г., № 62, л. 81; и др. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой.

ратрицы въ 1834 году въ своемъ дневникѣ воспитанница «бѣлаго» класса,—во все время обѣда была въ столовой, изволила пробовать наши кушанья, долго разговаривала... Послѣ стола мы пошли въ садъ, и нашъ классъ первый встрѣтилъ Императрицу. Поговоривъ съ нами на лѣстницѣ, она, по прибытіи въ садъ, заставила «кофейныхъ» играть въ мячики, сама бросала ихъ и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ малютки перегоняли другъ друга, чтобы схватить брошенный ею мячъ. Черезъ четверть

Пріемъ родныхъ.

часа Государыня, обойдя садъ, простилась съ нами и, взойдя на лѣстницу въ то время, какъ мы всѣ на нее смотрѣли и желали счастливаго пути [1], она проговорила: «Je ne vous oublierai nulle part! à Berlin, comme ici, j'aurai toujours l'oeil sur vous». Потомъ, приподнявшись со словами: «Adieu, blanches, bleues et brunes»! она вышла изъ сада» [2].

Императоръ Николай Павловичъ тоже пріѣзжалъ въ Смольный, но рѣже, чѣмъ Государыня, обычно, на балы и по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Съ воспитанницами онъ всегда обходился просто, ласково, нерѣдко шутилъ и смѣшилъ ихъ [3]. Бывали, однако, случаи, когда посѣщеніе Государя носило чисто

[1] Это посѣщеніе было незадолго до отъѣзда Ея Величества за границу. [2] Зап. стар. смолянки. I. 34—35. [3] См., напр., Угличанинова. 29. Зап. стар. смолянки. I, стр. 86, гр. стр. 40—41 и др.

дѣловой характеръ. Такъ, напр., въ началѣ 1853 г. до Государя дошли слухи, что столъ смолянокъ недостаточно удовлетворителенъ. Слухи эти имѣли нѣкоторое основаніе. Столъ воспитанницъ былъ дѣйствительно не всегда хорошъ. Членъ Совѣта по хозяйственной части рѣдко посѣщалъ столовую, кухню и кладовыя, а М. П. Леонтьева, далекая отъ практической жизни, считала всѣхъ безупречно честными, не вѣрила въ возможность злоупотребленій и вообще сравнительно мало вникала въ хозяйственную часть.

«Сего 5 февраля около 12 час. пополудни,—какъ доносила канцелярія Смольнаго IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,—Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ было осчастливлено Высочайшимъ посѣщеніемъ Государя Императора. Его Императорское Величество, прибывъ къ куховному подъѣзду, изволилъ пройти черезъ буфетъ въ столовую залу и, пробывъ въ оной все время обѣда воспитанницъ, пробовалъ кушанія и, наконецъ, въ 35 минутъ 1-го часа вышелъ изъ столовой и, пройдя снова буфетъ и кухню, изволилъ отправиться обратно изъ заведенія» [1]. Иногда Императоръ посѣщалъ Смольный по порученію Ея Величества, во время ея отсутствія [2].

Цесаревна Марія Александровна бывала въ Смольномъ постоянно, особенно съ того времени, какъ Императрица призвала ее къ совмѣстному попеченію и заботамъ о немъ. Иногда Ея Высочество сопровождалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ [3]. Цесаревна была близко знакома съ жизнью Смольнаго; она пріѣзжала совершенно запросто, присутствовала на урокахъ и другихъ занятіяхъ воспитанницъ, на экзаменахъ, хорошо знала воспитанницъ, особенно «бѣлаго» класса, бесѣдовала съ ними, присутствовала на ихъ обѣдахъ, бывала въ лазаретахъ, въ саду, въ церкви, обходила зданіе и т. д. Если въ Смольномъ бывалъ карантинъ изъ-за болѣзни, *Цесаревна пріѣзжала въ садъ* и тамъ бесѣдовала съ воспитанницами [4].

Августѣйшія дочери Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны были съ ранняго дѣт-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 69, л. 11; ср. Угличанинова, 25—26. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, лл. 9—10. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 69, лл. 2, 4, 6, 8, 9, 13, 14 и т. д.; Д. 1846 г., № 67, лл. 9, 19; Д. 1851 г., № 82, л. 53; Д. 1845 г., № 81, лл. 1—3, 6—7, 35; и др. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 1—3.

ства частыми и всегда желанными гостями смолянокъ. Иногда онѣ пріѣзжали въ Смольный съ Императрицей, иногда съ Цесаревной, иногда съ Великой Княгиней Еленой Павловной, иногда съ графиней Барановой; но выходѣ замужъ,—съ августѣйшими супругами [1]. Воспитанницы старшихъ классовъ отвѣчали восторженнымъ восхищеніемъ и обожаніемъ молодыхъ Великихъ Княженъ за нѣжную любовь и сердечную простоту, съ какими Ихъ Императорскія Высочества относились къ Смольному и смолянкамъ. Онѣ хорошо знали многихъ воспитанницъ, особенно «бѣлыхъ», разспрашивали ихъ про жизнь и обычаи института, принимали участіе въ ихъ играхъ и танцахъ.

«Княжны были въ высшей степени обаятельныя особы,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ смолянка того времени,—и, мнѣ кажется, будь онѣ и не царскія дочери, обаяніе ихъ было бы не меньше.

Не мало тогда говорилось объ умѣ и красотѣ Великой Княжны Ольги Николаевны, но кто ея не видалъ, тотъ и понять не можетъ, какое это было совершенство. Оставя уже правильность линій ея лица, напоминавшія черты лица Государя, ея нѣжную бѣлизну съ легкимъ румянцемъ, надо было видѣть выраженіе ея прелестныхъ, нѣсколько грустныхъ голубыхъ глазъ, ея очаровательную улыбку, видѣть эту царственность, соединенную съ простотой. При этомъ она была высока ростомъ и стройна, и походка ея была полна величія и граціи.

Я такъ и вижу ее въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ нашемъ саду, стоящую съ нѣкоторыми старшими воспитанницами въ кругу за веревочкой. Игра эта состояла въ томъ, что одна изъ «бѣлыхъ», стоящая внѣ круга, должна была прикоснуться къ плечу которой нибудь, и онѣ бѣгутъ въ разныя стороны, стараясь занять оставленное мѣсто въ кругу. Когда же участвовала въ этой игрѣ Великая Княжна, то ее всегда выбирали, замѣняя прикосновеніе рукой поцѣлуемъ въ плечо. И вотъ она граціозно скользитъ, спѣша занять оставленное ею мѣсто, и ей это всегда удается, и ее выбираютъ снова и снова. Румянецъ ея усиливается и придаетъ особенный блескъ и безъ того прелестнымъ глазамъ, и, глядя на нее, кажется, и не налюбуешься...

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 8; и мн. др. Устрялова. 28—31. Мордвинова, 138, и др. Зап. стар. смолянки, I, стр. 73—78, и др.

Великая Княжна Александра Николаевна была также хороша; рядомъ съ сестрою красота ея, конечно, терялa, но обаяніе ея было въ граціи, жизнерадостности и веселіи. Она,

Великія Княжны
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА И АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА.

бывало, какъ птичка порхаетъ между нами. Надо сказать, что когда пріѣзжалъ кто изъ Царской Фамиліи, насъ ставили въ залѣ линіями, и, такъ какъ Императрица Александра Ѳеодоровна любила видѣть красивыя лица, въ первые ряды выбирали самыхъ хорошенькихъ, пряча въ середину дурныхъ, хотя бы онѣ были и изъ первыхъ ученицъ. И вотъ Великая Княжна,

какъ будто зная это, летитъ въ эту середину, раздвигая ряды своими прелестными ручками, а тамъ ужъ ихъ ловятъ и цѣлуютъ, а она, сквозь улыбку стараясь сдѣлать серьезное лицо, такъ мило погрозитъ пальчикомъ и скажетъ: «я этого не позволяю», что тѣмъ такъ и захочется не послушаться ее и расцѣловать этотъ прелестный грозящій пальчикъ» [1].

«Какія милыя Великія Княжны!—пишетъ въ своемъ дневникѣ другая смолянка, въ то время воспитанница «бѣлаго» класса.—Онѣ съ нами обходятся такъ ласково, такъ просто, какъ съ равными себѣ. Великая Княжна Марія Николаевна долго разспрашивала нашихъ о всѣхъ обычаяхъ монастырскихъ; узнавала, кто кого «обожаетъ», съ кѣмъ дружны, кого любятъ «кофейныя», «голубыя», и потомъ стала жаловаться на меня моей сестрѣ. «Non,—говорила Великая Княжна,—votre soeur est d'une gaité étonnante: elle ne cesse pas de rire avec Dimidof; dès que je la fixe, elle n'en peut plus. Voyez, je la regarde à présent, elle commence déja à rire» [2].

Великія Княжны чувствовали себя въ Смольномъ, какъ дома; въ свою очередь, онѣ бывали чрезвычайно любезными заботливыми хозяйками, когда смолянкамъ приходилось бывать во дворцѣ, старались доставить имъ возможно больше развлеченій и удовольствій [3].

Насколько Великія Княжны были привязаны къ Смольному, можно судить по тому, какъ грустно было имъ съ нимъ разставаться.

«По выходѣ замужъ за Принца Виртембергскаго,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ смолянокъ,—Великая Княгиня Ольга Николаевна вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжала къ намъ въ Смольный, а, оставляя Россію, желая съ нами проститься, была у насъ вмѣстѣ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной. И вотъ, когда, провожая ее, мы заплакали, какъ хорошо помню я, она, прислонясь къ дверямъ, закрыла одной рукой лицо, и крупныя слезы покатились по ея пальцамъ, Государыня же сдѣлала намъ знакъ, чтобы мы не плакали» [4].

Другіе члены Царской Семьи тоже нерѣдко удостаивали Смольный своими посѣщеніями; главнымъ образомъ, они бывали на балахъ и другихъ торжествахъ [5]. Постоянными посѣтителями

[1] Угличанинова, 29—30. [2] Зап. стар. смолянки, I, 82, ср. 78—79. [3] См., напр., тамъ же, стр. 94—100. [4] Угличанинова, 31. [5] Арх. Имп. Восп. Обед. Д. 1838 г., № 27; Д. 1850 г., № 69. Зап. стар. смолянки, I, 73, 85, 377 и др. Восп. Чижъ. Рип.

Смольнаго были Принцъ Ольденбургскій, графиня Баранова, а также, особенно передъ и во время экзаменовъ—гр. С. С. Уваровъ, А. С. Норовъ, А. В. Головнинъ [1]. Принцъ Ольденбургскій бывалъ въ Смольномъ каждую недѣлю [2].

Съ соизволенія Императрицы, Смольный посѣщали и осматривали многіе знатные иностранные гости, а также лица, близко стоявшія къ дѣлу просвѣщенія въ Россіи. Обычно Императрица Александра Ѳеодоровна охотно давала на это разрѣшеніе и интересовалась вынесенными отъ посѣщенія впечатлѣніями [3].

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 81, лл. 4—5, 6—7, 15, 79; Д. 1847 г., № 62, л. 77; Д. 1846 г., № 67, лл. 29—30; и мн. др. Зап. стар. смолянки, I, стр. 66—67. [2] См., напр., Угличанинова, 31. [3] См., напр., письмо ст.-секр. Гоффмана къ М. П. Леонтьевой 26 іюля 1844 г. (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 2). За годы главноначальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны Смольный посѣтили Персидскій принцъ, принцъ Карлъ Прусскій, принцесса Прусская, принцъ Гессенскій, Шведскій кронпринцъ, принцесса Веймарская, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, принцъ Карлъ-Фридрихъ Саксонскій, виконтъ д'Арленкуръ, баронъ де Лозъ-Валь, баронъ Арнимъ, чрезвычайный турецкій посолъ Фуадъ-Эффенди, чрезвычайный посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Ингерсоллъ, англійскій посолъ лордъ Дунгамъ, камергеръ Сардинскаго Двора графъ Орестисъ да Кастельново, членъ французской палаты депутатовъ Могенъ, королевской прусской службы тайный надворный совѣтникъ Нернестъ, прусскій регирунгсъ-ратъ Гакстенгаузенъ, вице-директоръ французскаго королевскаго банка Вернъ, австрійскіе и прусскіе генералы, медикъ принца Карла Прусскаго докторъ Касперъ, датскій докторъ Бальгъ, американскій докторъ Котманъ, вдова Шторнъ изъ-за границы, профессоръ Липманъ изъ-за границы, американскій уроженецъ Берду, римско-католическіе епископы изъ Царства Польскаго со свитой, профессоръ Варшавской духовной академіи каноникъ Людике, lady Melfort, Sir Charles Napier, Оренбургскій военный губернаторъ генералъ Обручевъ съ супругою, членъ Совѣта Харьковскаго института баронъ Розенъ, управляющій учебной частью на Кавказѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Семеновъ, членъ Совѣта Павловскаго института полковникъ Языковъ, инженеръ Кіевскаго института полковникъ Клеменко, предсѣдатель Совѣта Александринскаго института въ Новой Александріи, членъ Совѣта Московскихъ институтовъ князь Трубецкой, членъ Совѣта Тамбовскаго института Поссе, инспекторъ по медицинской части Московскихъ учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи Эвеніусъ, врачъ Одесскаго института д-ръ Дитерихсъ, инспекторъ классовъ Казанскаго института Цилли, Одесскаго института—Байковъ, Полтавскаго института—Капнистъ, завѣдывающій хозяйственною частью Павловскаго института генералъ Клюпфелю, вновь назначенныя начальницы: Московскаго Елизаветинскаго института Жилинская, баронесса Фитингофъ и Дараганъ, Патріотическаго института Гущина, Бѣлостокскаго института Допельмейеръ, Харьковскаго института Хилинская, помощница начальницы Московскаго сиротскаго института Полевая, предсѣдательница Симбирскаго общества христіанскаго милосердія Валуева, сестры милосердія и многія другія [Муз. Имп. Воспит. Общ. Письма Императрицы Александры Ѳеодоровны къ начальницамъ Смольнаго; бумаги Адлербергъ и Леонтьевой. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1839 г., №№ 35 и 47; Д. 1845 г., № 2; Д. 1840 г., № 53; Д. 1851 г., № 82, л. 36; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 5; Д. 1841 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1841 г., № 60; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 87; Д. 1844 г., № 72, лл. 3—18; Д. 1845 г., № 81, лл. 94—95; Д. 1847 г., № 62, лл. 44 и 57; Д. 1846 г., № 67, л. 57; и др.].

*

Начальствующія лица другихъ учебныхъ заведеній посѣщали Смольный «для ознакомленія съ системой управленія и преподаванія», «въ виду предстоящаго устройства образцовыхъ кухонъ», «по случаю учрежденія новаго института», «въ виду предстоящихъ архитектурныхъ работъ» по новому зданію для того или другого института и т. п. Насколько внимательно осматривали Смольный вновь назначенныя начальницы другихъ институтовъ, можно судить, напр., по г-жѣ Хлинской, новой начальницѣ Харьковскаго института, которая нѣсколько разъ посѣтила Смольный, присутствовала въ классахъ, на урокахъ танцевъ, въ церкви и даже осматривала сады и купальню [1].

Праздниковъ въ Смольномъ было много; нѣкоторые сопровождались своеобразными, изданна сложившимися обычаями.

Въ первый день Новаго Года бывала торжественная литургія и молебенъ въ институтской церкви, наканунѣ—всенощная. М. П. Леонтьева придавала большое значеніе тому, чтобы воспитанницы съ чувствомъ религіознаго благоговѣнія вступали въ новый годъ жизни.

«Tout en se préparant à jouir du plaisir de danser entre elles sans gêne et avec abandon, nos élèves se souviennent qu'elles ont des devoirs sacrés à remplir,—писала М. П. Леонтьева въ своемъ докладѣ Императрицѣ наканунѣ 1852 года.—Elles doivent rendre grâce à Dieu des bienfaits, dont elles ont joui pendant l'année qui vient de s'écouler, et implorer son secours pour mériter les bontés qu'une main auguste leur prodigue. Elles iront ce soir à l'église aux vigiles, ainsi que demain à la messe pour offrir au Ciel leurs prières ferventes et sincères» [2].

Послѣ обѣдни воспитанницы ходили поздравлять начальницу, инспектрисъ, классныхъ дамъ, другъ друга. Днемъ бывалъ пріемъ родственниковъ, а вечеромъ—балъ. Смолянки танцовали другъ съ другомъ, кавалеровъ не приглашали вовсе, и веселились отъ души.

«Съ самаго утра въ этотъ день мы уже нѣсколько волновались, а съ шести часовъ вечера начинали причесываться,—пишетъ одна изъ бывшихъ смолянокъ о такомъ балѣ.—Были между нами особыя мастерицы, замѣнявшія парикмахеровъ [3], и

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 57. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 61. [3] Въ 1851 г. въ Смольномъ была «служанка при чесаніи волосъ» (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 61).

тѣмъ всегда было много работы... Въ этотъ день намъ приносили, *вмѣсто полотняныхъ передниковъ съ лифчиками*, тонкіе коленкоровые; пелеринокъ и рукавчиковъ на балъ не надѣвали, а у нѣкоторыхъ на шеѣ былъ черный узкій бархатецъ. Вотъ и весь нашъ бальный туалетъ.

Въ восемь часовъ вечера классныя дамы вели насъ чинно, по-парно въ ярко-освѣщенную громадную залу, по обѣимъ сторонамъ которой были бѣлыя колонны, а между ними невысокая баллюстрада того же цвѣта, за которой, возвышаясь нѣсколько амфитеатромъ, были прикрѣплены къ полу лавки бѣлаго же цвѣта. На нихъ помѣщались съ одной стороны «голубой», а съ другой — «кофейный» классы, а «бѣлыя» были по серединѣ залы. Онѣ танцовали между собой за кавалера и за даму: кадриль, вальсъ, польку, приглашая на танцы нѣкоторыхъ «голубыхъ» и очень рѣдко «кофейныхъ», которыя были только зрительницами. Въ концѣ зала поставлены были кресла для начальницы съ нѣкоторыми приглашенными ею гостями, большею частію дамами почтеннаго возраста. Тутъ же сидѣли инспектрисы, инспекторъ, а изъ учителей приглашаемъ былъ одинъ Никитенко.

Оркестръ музыкантовъ у насъ былъ свой [1], и въ этотъ вечеръ онъ весь былъ въ сборѣ. Намъ давали оршадъ и что то изъ лакомствъ. Потомъ служащія при дортуарахъ дѣвушки приносили въ корзинахъ бутерброды изъ чернаго хлѣба съ масломъ и кускомъ телятины сверху» [2].

На Крещеніе въ Смольномъ соблюдался своеобразный обычай запеченія въ тѣсто бобовъ.

«Въ этотъ день на каждый классъ запекались въ пироги, вродѣ бемскихъ, по три боба,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ *одна изъ смолянокъ*.—Пироги эти рѣзались на 12 кусковъ на каждое блюдо, и прислуга, разносившая ихъ, не знала, въ которомъ они запечены. На каждомъ изъ этихъ трехъ бобовъ была особенная отмѣтка. Одинъ назывался «царицей», и выигравшая его получала бомбоньерку съ конфетами, на верху которой была прикрѣплена небольшая бронзовая корона; второй бобъ былъ «фрейлина» съ выигрышемъ тоже бомбоньерки

[1] Въ 1854 г. оркестръ въ Смольномъ состоялъ изъ: 1 капельмейстера, 16 музыкантовъ и 5 учениковъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 65; ср. Д. 1855 г., № 1 [оп. кн.], № 284; Д. 1857 г., № 1 [оп. кн.], № 21]. [2] Углечанинова, 32—33.

съ конфетами и съ воткнутой розой вверху ея, а третій, о которомъ я мечтала цѣлыя шесть лѣтъ и будучи въ «бѣломъ» классѣ выиграла, назывался «секретаремъ»: выигрышъ этотъ состоялъ изъ небольшого тисненой кожи портфеля со всѣми письменными принадлежностями.

Раздача этихъ выигрышей была очень торжественна. Присутствовали начальница, инспектрисы, инспекторъ и экономъ, въ рукахъ котораго и были всѣ эти выигрыши. Надо было видѣть, съ какимъ стараніемъ и волненіемъ каждая получившая свой кусокъ пирога растрепывала его на мелкіе кусочки, надѣясь найти который нибудь бобъ; воцарялась даже на нѣсколько секундъ тишина.

Помню, въ какомъ я была восторгѣ, найдя своего боба—секретаря, и не вѣрила даже глазамъ своимъ; мы, выигравшія, всѣ девять человѣкъ, по три изъ каждаго класса, вышли изъ за стола, провожаемыя взглядами подругъ и восклицаніями: «счастливицы!» и подошли къ начальницѣ, которая, взявъ выигрышъ изъ рукъ эконома и передавая его воспитанницѣ, поздравляла ее. Помню, какъ, получивъ свой портфель и прижавъ его къ сердцу, не чувствовала отъ радости ногъ подъ собой, возвращаясь на мѣсто. Когда пришли въ дортуаръ, я стала разсматривать свое сокровище. Онъ запирался хорошенькимъ ключикомъ, въ немъ было нѣсколько отдѣленій съ почтовою бумагою и конвертами, а въ серединѣ были: дюжина стальныхъ перьевъ съ ручкой, перочинный ножикъ, карандашъ, сургучъ и маленькая линейка. Я сейчасъ же переложила туда изъ сшитой мною картонной сумочки письма отца и записки изъ лазарета подруги, и была въ этотъ день такъ счастлива! Это вѣдь была моя первая собственность!» [1].

Послѣдніе три дня масляницы, свободные отъ уроковъ, проходили въ Смольномъ шумно и весело. Непремѣнно бывалъ балъ, но воспитанницы «бѣлаго» класса не столько ждали его, какъ катанья въ придворныхъ экипажахъ вокругъ ледяныхъ горъ на площади возлѣ Зимняго дворца [2]. Немало волненій и тревогъ доставляло смолянкамъ ожиданіе этого катанья; обычно, послѣ катанья, ихъ возили осматривать Эрмитажъ, или Публичную

[1] Уличанинова, 33. [2] Подобное же катанье воспитанницъ въ придворныхъ экипажахъ бывало также на рождественскихъ и пасхальныхъ праздникахъ.

Библіотеку, или во дворецъ, гдѣ ихъ ждало угощеніе [1]. Невольно замирали юныя сердца при мысли, что это огромное удовольствіе можетъ не состояться изъ за слишкомъ большого мороза или дурной погоды [2]. Обычно присылалось для катанья воспитанницъ, въ которомъ участвовали лишь «бѣлыя благородныя». 24 придворныхъ кареты [3], въ каждую помѣщалось по шесть человѣкъ.

«Вставши, первое чувство мое была радость: наконецъ, насталъ день столь ожидаемый, день, въ который мы ѣдемъ кататься вокругъ горъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ воспитанница «бѣлаго» класса.—Наши жаловались, что погода намъ не благопріятствуетъ,—шелъ крупный снѣгъ, и туманное небо предзнаменовало, что свѣтлое солнце не явится сегодня на сумрачномъ его горизонтѣ. Основывались разныя мнѣнія: иныя говорили утвердительно, что поѣдемъ, другія, напротивъ, и, наконецъ, остальныя колебались между сими двумя мнѣніями, къ этой сектѣ принадлежала и я. Въ 2 часа прекратился снѣгъ, послали за каретами; тутъ мы начали скакать отъ радости. Раздѣлили насъ по каретамъ, я была сдѣлана «дамой» [4] (какое преимущество!). Мы очень много веселились, несмотря на погоду: маменька Г—ой бросила ей конфетъ и также г-жа Б—нъ своей дочкѣ; мы много ѣли, но еще больше веселились. Но если бы меня спросили, что я видѣла, я бы отвѣтила: все и ничего. Вывѣски пестрѣли передъ глазами, толпы народа двигались вокругъ качелей, нескладная гармонія балагановъ раздавалась въ театрахъ паяцовъ. Всѣ чувства мои были заняты, и даже вкусъ, котораго органъ держалъ сладкую конфету.—Объѣхавъ качели и горы, мы поѣхали по Невскому проспекту; насъ все занимало до чрезвычайности, мы были очарованы, пока не показались недоступныя стѣны нашего высокаго терема (любезнаго, но скучнаго монастыря!), тутъ всякая желала возвратить нѣсколько прошедшихъ часовъ.—Пріѣхавъ, начались разсказы, и мы, не успѣвъ разсказать всѣхъ подробностей, отправились на балъ» [5].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. вн.), № 15; Д. 1844 г., № 39; Д. 1847 г., № 63, лл. 8—9; Д. 1847 г., № 80; и др. Мордвинова, 82, Углечаминова, 36, Посѣщеніе Имп. Публичн. Библ. питомицами Восп. Общ. Благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1856, С.-Петербург. Вѣд. 1856 г., № 49; и др. [2] Въ 1844 г. Императрица Александра Ѳеодоровна выразила волю, чтобы катанье воспитанницъ отмѣнялось, если морозъ больше 10 градусовъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 39; ср. Д. 1847 г., № 80). [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 80. [4] Классныя дамы были не во всѣхъ каретахъ. Въ нѣкоторыхъ каретахъ одна изъ воспитанницъ назначалась замѣнять классную даму. [5] Динови. Ркп.

«Проѣзжая къ балаганамъ, я любовалась, вглядываясь въ группу пестраго народа,—пишетъ свои впечатлѣнія отъ такой прогулки на Рождествѣ 1833 г. воспитанница «бѣлаго» класса.—Собравшіеся здѣсь были вѣрно счастливы. Всѣ они стремились къ увеселеніямъ и всякій классъ избиралъ свои забавы. Большинство—это добрые мужички, почитавшіе себя здѣсь счастливѣйшими въ свѣтѣ. Затянувъ пѣсню, катились стремительно внизъ по ледяной горѣ, кружились на качеляхъ; иные щелкали орѣхи или грызли пряники, разсказывая другъ другу случившееся съ ними, толкуя о своемъ заработкѣ, и были видимо блаженны... Веселыя пѣсни народа, нескладные звуки какой то музыки, радостные и дѣтскіе крики толпящихся и ѣдущихъ въ экипажахъ зрителей, любовавшихся на кривлянье паяцовъ, фокусниковъ, старика и тому подобное приводили меня въ восхищеніе. Я любовалась ими, и мое сердце радостно билось. Люблю я русскій народъ съ его душой «на распашку»!.. Мы обогнули кругомъ качели разъ пять и по Невскому проспекту мимо Гостинаго Двора вернулись домой» [1].

Задолго до Пасхи воспитанницы старшаго класса, по изданна сложившемуся обычаю, готовили изъ тонкихъ цвѣтныхъ шелковыхъ нитокъ Императрицѣ, Императору и другимъ членамъ Царской Семьи «пасхальные мячики». На изготовленіе ихъ требовалось много труда, терпѣнія и искусства [2].

Во время великаго поста М. П. Леонтьева, поддерживая въ воспитанницахъ настроеніе строгой религіозности, стремилась возбудить въ ихъ сердцахъ чувство благоговѣйнаго умиленія передъ приближающимся Великимъ Праздникомъ. Всѣ службы Страстной недѣли совершались съ торжественнымъ благолѣпіемъ. Для того, чтобы эти службы ярче и глубже запечатлѣвались въ юныхъ сердцахъ, М. П. Леонтьева ввела обычай участія самихъ воспитанницъ въ церковной службѣ и крестныхъ ходахъ. Насколько сильное впечатлѣніе производила на воспитанницъ церковная служба Страстной недѣли, можно судить по слѣдующему отрывку изъ дневника одной изъ смолянокъ: «Сегодня, во время вечерни, подъ тихій напѣвъ: «Благообразный Іосифъ», вынесли изъ алтаря плащаницу. Упавъ на землю, я плакала, какъ будто бы дѣйствительно присутствовала при снятіи со креста и при погре-

[1] Зап. стар. смолянки, I, 20—21. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, лл. 15—16, Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой.

бенія Господа... У насъ, въ дѣтской церкви, шествіе тянется по коридорамъ Смольнаго: впереди пѣвчія—«бѣлыя», за ними духовенство съ хоругвями и плащаницей, а далѣе—дѣти и служащіе въ Смольномъ, всѣ съ зажженными свѣчами... Заунывный напѣвъ, воспоминаніе трогательнаго и вмѣстѣ торжественнаго событія до того взволновали меня, что я насилу могла держать свѣчу въ рукахъ. Голосъ дѣтей дрожалъ отъ волненія. Въ коридорахъ, по которымъ мы проходили, всѣ падали ницъ, какъ будто бы дѣйствительно встрѣчали Господа, несомаго на погребеніе. Чудная служба! Чудный обычай!» [1].

Свѣтлый праздникъ встрѣчали въ Смольномъ съ чувствомъ восторженнаго умиленія, свѣтлой радости. Звонко и радостно звучатъ *молодые голоса, наполняя* храмъ ликующимъ пѣснопѣніемъ: «Христосъ Воскресе»!

Великій весенній праздникъ проходитъ весело и беззаботно. Императрица всегда удостаивала смолянокъ своимъ вниманіемъ на Пасху: присылала имъ пасхальныя яйца.

Воспитанницы «бѣлаго» класса писали Императрицѣ поздравительное письмо, которое М. П. Леонтьева прилагала къ своему докладу наканунѣ Пасхи. Императрица нерѣдко удостаивала Смольный собственноручнымъ отвѣтомъ на выраженныя чувства и поздравленія: «J'ai reçu votre rapport avec vos félicitations à l'occasion des fêtes de Pâques et je vous en remercie de tout mon coeur,—писала, напр., въ апрѣлѣ 1841 г. Императрица М. П. Леонтьевой.—Je vous en félicite de même, ainsi que vos élèves et dames et je vous prie de leur dire que leur bonheur et le vôtre et le bien-être de la Communauté fait l'objet constant de mes voeux les plus sincères» [2].

На Пасхальной недѣлѣ маленькія «кофейныя» забавлялись катаньемъ яицъ въ рекреаціонномъ залѣ, часто бывали пріемы родныхъ, непрерывно устраивались всевозможныя игры, танцы и проч. «*Бѣлый» классъ опять ѣздилъ кататься въ придворныхъ экипажахъ* вокругъ качелей и балагановъ [3].

«Первое, что при переходѣ въ «бѣлый» классъ заставляло радостно биться наши сердца, это предстоящее на Святой катанье,—вспоминаетъ въ своихъ запискахъ одна изъ смолянокъ.—

[1] Зап. стар. смолянки, I, 282—283. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 18; Д. 1847 г., № 80; Д. 1846 г., № 53; Д. 1839 г., № 35; Д. 1853 г., № 1 (оп. вн.), № 35; и др.

Намъ велѣно было къ этому времени связать изъ пуховой шерсти шапочки вродѣ маленькихъ капоровъ. Наступилъ давно желанный день.[1]

Пріѣхали дворцовыя кареты, запряженныя четверней съ форейторами. Мы надѣли наши красныя шапочки и зеленые камлотовые салопы, и въ этомъ одѣяніи казались страшно блѣдными. Въ нашу карету посадили 5 воспитанницъ; шестое мѣсто занимала классная дама, и, такъ какъ ихъ не хватало, то должность ихъ замѣняли воспитанницы старшія годами... Мы тронулись, сопровождаемыя по бокамъ каретъ жандармами верхами» [1].

«La nouvelle classe blanche de la Communauté met à Vos pieds, Madame, l'expression de sa gratitude pour l'envoi des voitures de la cour dans lesquelles ces demoiselles iront faire leur première promenade autour des balançoires, доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ на Пасхѣ 1845 г.—La joie qu'elles en ont est si grande que plusieurs d'entre elles se sont réveillées plutôt que de coutume» [2].

Воспитанницъ нѣсколько разъ обвозили въ каретахъ вокругъ народнаго гулянья; публика съ любопытствомъ любовалась на удивленно-восторженныя лица институтокъ, очарованныхъ невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ и пестрой толпой. Родственники смолянокъ украдкой бросали имъ въ кареты конфеты и другія лакомства, что еще болѣе способствовало царившему между нимп веселью. Разсказамъ и повтореніямъ пережитыхъ впечатлѣній не было конца. Воспитанницы младшихъ классовъ съ жадныэмъ любопытствомъ слушали эти разсказы и мечтали о счастливомъ времени, когда придетъ и ихъ очередь увидѣть всѣ эти сказочно-прекрасныя вещи.

23 апрѣля въ Смольномъ торжественно праздновался день тезоименитства Императрицы Александры Ѳеодоровны. Утромъ бывала литургія, на которой присутствовали всѣ классы, вечеромъ балъ. Какъ всегда, сначала исполнялись характерные танцы, потомъ воспитанницы танцовали между собой бальные танцы. «Elles dansèrent toutes de grand coeur, se réjouissant de se retrouver ensemble pour célébrer une si belle fête,—писала М. П. Леонтьева въ своемъ докладѣ Императрицѣ 23 апрѣля 1847 г.—Les petites

[1] Угличанинова. 35—36. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 31, л. 68.

brunes parées de jolies boucles par les soins des blanches qui la veille montèrent dans leurs dortoirs pour mettre leurs cheveux en papillottes, firent plaisir à voir par les progrès qu'elles ont fait dans la danse. Six d'entre elles exécutèrent une jolie allemande qui leur valut l'approbation générale. Enfin après s'être bien amusées toutes les demoiselles se retirèrent chez elles un peu fatiguées; elles ne reprirent leurs leçons le lendemain que dans l'après diner ayant eu la permission de se lever plus tard que de coutume et de passer dans leurs dortoirs une grande partie de la matinée» [1].

Лѣтнія каникулы начинались въ Смольномъ обычно около 20 іюня и продолжались до начала августа [2]. Эти полтора мѣсяца воспитанницамъ предоставлялась значительная свобода; уроковъ съ учителями не было, занятія состояли лишь въ повтореніи пройденнаго подъ наблюденіемъ классныхъ дамъ, чтеніи съ ними и самостоятельномъ [3].

«Лѣто мы проводили въ нашемъ огромномъ саду, съ широкими симметрически расположенными и усыпанными пескомъ аллеями, обнесенномъ со стороны Невы высокою каменною стѣною, а съ другой стороны зданіями Смольнаго»,—пишетъ въ своихъ запискахъ одна изъ смолянокъ [4].

Въ саду воспитанницы проводили цѣлые дни, если позволяла погода. Садъ былъ живописный, съ пригорками, зелеными лужайками. Вѣтви деревьевъ Смольнаго сада были настолько густы, что почти не пропускали дождя [5]. Отъ жары и духоты въ Смольномъ лѣтомъ не страдали. Въ половинѣ прошлаго столѣтія мѣстность возлѣ Смольнаго была почти не застроена, множество садовъ окружало его, а на другомъ берегу Невы—Охта утопала въ зелени.

Дни лѣтнихъ каникулъ летѣли быстро. Воспитанницы старшихъ классовъ много читали, работали, шили передники, занимались искусствами, огородничествомъ, устраивались разныя игры и развлеченія [6].

«Насъ человѣкъ шесть уговорилось составить «Общество для каникулъ», — пишетъ въ своемъ дневникѣ смолянка «бѣлаго»

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 62, л. 36; ср. Д. 1851 г., № 82, л. 20; и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 86; Д. 1846 г., № 67, л. 59; ср. Д. 1847 г., № 62, л. 71. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 55. [4] Угличанинова, 21—22. [5] См., напр., Зап. старой смолянки, I, 379. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 92; Д. 1847 г., № 62, л. 62; Д. 1844 г., № 72, лл. 9, 27; Д. 1846 г., № 67, л. 51; и мн. др.

класса.—Сказано—сдѣлано. Нашли столъ, написали имена, занимающихъ оный, и стали придумывать дать ему имя, достойное столь почтеннаго собранія. Думали, думали и наименовали это мѣсто «Швейцарія». Положено было въ многоголовомъ совѣтѣ на всѣхъ углахъ этого стола что-нибудь написать. На первомъ опредѣлено начертать слѣдующія строки: «Собраніе чувствительныхъ сердецъ»; на второмъ: «Общество любительницъ природы и всего

Видъ Смольнаго.

изящнаго»; на третьемъ: «Надежный пріютъ всѣхъ нешмущихъ крова»; на четвертомъ еще ничего не было опредѣлено; теперь бы я сказала: «убѣжище всѣхъ ослѣпленныхъ счастіемъ», но, увы!—поздно! Стола ужъ нѣтъ и негдѣ писать!

Мы восхищались тѣмъ, что будетъ. Представляли себѣ то удовольствіе, которое имѣли бы мы, если бы чьи нибудь взоры остановились на сихъ надписяхъ и улыбка осѣнила бы ихъ уста, при чтеніи начертанныхъ строкъ «глубокомысленными юными вѣтренницами»... Мы радовались пріобрѣтенію мѣста за столомъ и мысленно уносились въ будущее, представлявшееся намъ блестящимъ дивными красками въ предполагаемыхъ проказахъ членовъ нашего «общества». На другой день двѣ старшія вос-

питанницы «еще по утру заняли эти мѣста, и намъ осталось— ничего», грустно—добавляетъ авторъ записокъ [1].

Для младшихъ воспитанницъ въ саду Смольнаго были устроены качели, сѣтка для прыганья и т. п.; кромѣ того, имъ давали много садовыхъ игрушекъ: мячики, серсо, веревочки и т. д.

1-го іюля, въ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ Смольномъ обычно бывалъ балъ, къ которому заранѣе готовились и котораго ждали съ волненіемъ. Приготовляли для Императрицы подарокъ своей работы, разучивали танцы къ балу. Въ 1839 г. на балу 1 іюля воспитанницами, между прочимъ, была исполнена «La couventine, nouvelle contredanse, composée par M. Glinka» [2].

Каждый годъ, наканунѣ дня тезоименитства покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 21 іюля въ Смольномъ соборѣ бывала торжественная заупокойная литургія, на которой присутствовали не только воспитанницы обоихъ заведеній Смольнаго, но и другихъ институтовъ. Обѣдню обычно служилъ архіерей съ многочисленнымъ духовенствомъ, публика въ этотъ день въ соборъ не допускалась [3].

«Nous nous rendîmes, samedi dernier, à la cathédrale par le plus beau tems du monde, pour y assister à la messe et aux prières qui y furent dites pour le repos de l'âme de feu l'Impératrice Marie, conformément à la gracieuse permission que Votre Majesté Impériale daigna nous accorder,—доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ объ этой обѣднѣ въ 1851 г.—L'office divin fut célébré par l'archevêque d'Astracan, Eugène, assisté de deux archimandrites, ainsi que de tout le clergé de la cathédrale, de celui de notre maison et de la maison des veuves. Les élèves de l'Institut Marie vinrent joindre leurs prières aux nôtres, pour le bonheur éternel de Celle, qui posa les fondements du bien-être de nos établissements et qui du haut des cieux bénit notre Haute Protectrice actuelle, pour l'interêt maternel et constant qu'Elle daigne porter à la nombreuse jeunesse élévée sous ses augustes auspices. Pendant que nous étions à l'église, un violent orage éclata; mais il

[1] Зап. стар. смолянки, I, стр. 7—8. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 21; Д. 1847 г., № 62, лл. 59, 61; и др. Муз. Имп. Воспит. Общ. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1842 г., № 20; Д. 1842 г., № 3 (оп. вн.), № 17. Д. 1853 г., № 1 (оп. вн.), № 78; Д. 1844 г., № 2 (оп. вн.), № 62; Д. 1845 г., № 60; и др.

fut heureusement de courte durée. Nous rentrâmes chez nous par un tems fort beau, sans pouvoir toutefois déjeuner à l'air, comme nous l'avions espéré. Les préparatifs qui avaient été faits pour cela au jardin furent entièrement dérangés par le vent qui maltraita notre tente et par la pluie qui inonda les tables qui avaient été dressées et déja couvertes. Grâce aux dispositions faites par notre excellent économe, au zèle de ses adjoints et à la bonne volonté de nos serviteurs, les tables furent bien vite transportées dans la chambre du conseil et la chambre de chant, tout fut prêt pour l'arrivée des convives et le retour de nos enfans chez elles. Les demoiselles blanches eurent le plaisir de faire aux élèves de l'Institut Marie les honneurs d'un petit régal, aprés lequel ces dernières nous quittèrent en exprimant leur satisfaction de l'accueil qui leur fut fait» [1].

Во время лѣтнихъ каникулъ воспитанницы «бѣлаго» класса осматривали загородные дворцы, парки, сады. Въ 1854 г., съ разрѣшенія Императрицы Александры Ѳеодоровны, смолянки *ѣздили смотрѣть панораму Палермо, гдѣ жила, во время своего* пребыванія за границей, Государыня [2].

Разъ въ лѣто всѣ воспитанницы Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища ходили на прогулку въ Таврическій садъ, куда въ этотъ день не допускалась публика. Иногда въ тѣ же дни туда приходили воспитанницы и другихъ институтовъ [3].

«Обыкновенно для этой partie de plaisir выбирался хорошій день и съ утра отсылали въ Таврическій дворецъ лакомства для дѣтей. Послѣ ранняго обѣда длинныя вереницы дѣвицъ, младшіе классы впереди, тянулись въ строгомъ порядкѣ подъ присмотромъ классныхъ дамъ вдоль нынѣшней Тверской улицы по направленію къ Таврическому саду. Посреди улицы медленно шелъ швейцаръ съ булавой и въ парадной красной ливреѣ съ гербами; шествіе замыкалось служителями и служанками, необходимыми для услугъ въ саду. Послѣ всѣхъ выходила начальница и вмѣстѣ съ инспектрисой и дежурной пепиньеркой садилась въ карету [4], которая, обогнавъ дѣтей, привозила началь-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 34. [2] См., напр., Зап. стар. смолянки, I. 373—375. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, лл. 25, 26; Д. 1845 г., № 81, лл. 93, 94; Д. 1846 г., № 67, л. 49; Д. 1847 г., № 62, лл. 69, 71. Угличанинова, 22; и др. [4] Слабыхъ воспитанницъ на прогулку въ Таврическій садъ тоже возили въ каретахъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 82).

ницу въ садъ раньше ихъ, гдѣ она и встрѣчала воспитанницъ. На одной изъ лужаекъ ставились стулья для начальства, а дѣвицы гуляли, танцовали на скошенномъ лугу, играли, ни на минуту, однако, не забывая, что, кромѣ наблюдающихъ за ихъ поведеніемъ воспитательницъ, изъ оконъ дворца на нихъ съ

Великая Княгиня
Александра Іосифовна.

строгимъ любопытствомъ смотрятъ живущія тамъ почтенныя отставныя фрейлины, которыхъ можетъ побезпокоить слишкомъ громкій говоръ или смѣхъ. Къ вечернему чаю или ужину всѣ возвращались домой» [1].

1-го августа въ «бѣломъ» классѣ начинались уже уроки, черезъ двѣ недѣли—и въ другихъ классахъ [2]. Однако и въ ав-

[1] Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 29. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 81, л. 96.

густѣ, если погода позволяла, все свободное отъ занятій время и праздники воспитанницы проводили въ саду.

18-го августа въ Смольномъ праздновался день освященія церкви и перехода въ новое зданіе. Въ этотъ день обычно служилъ обѣдню въ институтской церкви архіерей, воспитанницы сами пѣли и читали. Уроковъ въ этотъ день или совсѣмъ не бывало, или они возобновлялись лишь послѣ обѣда [1].

«Le 18 de ce mois, qui est l'anniversaire de la consécration de la chapelle des élèves et de l'inauguration de la maison occupée par la Communauté des demoiselles nobles, nos enfants eurent aprés l'office divin, le plaisir de voir le lancement d'une frégate construite vis-à-vis de nos fenêtres au chantier d'Ochta,—доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ въ августѣ 1851 г.—Cet événement arriva fort à propos pour donner à la journée un air de fête et procurer un spectacle intéressant à nos élèves; elles partagèrent de grand coeur les sentimens d'allégresse qu'exprimèrent par leurs acclamations les habitans de l'autre bord de la rivière, en voyant le succès parfait du lancement de la frégate» [2].

Торжественно праздновалось въ Смольномъ 15 ноября—день принятія Императрицей Александрой Ѳеодоровной Смольнаго подъ свое покровительство. Обѣдню въ этотъ день обычно служилъ въ институтской церкви митрополитъ, или кто нибудь изъ архіереевъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими архимандритами и духовенствомъ Смольнаго [3].

«Le 15 nous eûmes une solennité en commémoration d'un événement dont le souvenir verse dans nos coeurs les sentimens les plus doux de sécurité pour les destinées de nos deux établissemens et de gratitude envers la Providence qui nous donne une Protectrice puissante et chérie dans la personne de Votre Majesté Impériale,—доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ 18 ноября 1846 г.—Je ne parlerai pas de l'attachement que Vos bontés nous inspirent, Madame, ni de la reconnaissance que nous Vous portons, mais je dirai que nous considérons Votre Haute Protection et l'attentions que Vous daignez accorder aux affaires de notre asyle, comme

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1844 г., № 72, л. 37; Д. 1847 г., № 62, л. 75. Дневн. Рап. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 39. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. вн.), № 109; Д. 1845 г., № 2 (оп. вн.), № 106; Д. 1846 г., № 62; Д. 1851 г., № 82, л. 54; Д. 1847 г., № 62, л. 162; и др.

notre plus grand bien. Le Metropolitain a bien voulu cette année encore venir prendre part à notre solennité et par ses exhortations raffermir davantage dans les coeurs des élèves les sentimens qu'elles doivent à leur Auguste Bienfaitrice» [1].

Торжественное богослуженіе совершалось въ Смольномъ 6 декабря, въ день тезоименитства Императора Николая Павловича. Вечеромъ въ этотъ день бывалъ балъ.

«Jeudi dernier, jour de la fête de Sa Majesté l'Empereur, nos enfants ont été bien gaies et bien heureux,—писала въ очередномъ докладѣ Императрицѣ М. П. Леонтьева въ 1851 г.—Après avoir été toutes réunies à l'église au Te Deum pour demander à Dieu sa toute puissante protection pour notre Auguste Souverain, elles ont fait leurs visites de félicitation à leurs institutrices en commençant par moi et se sont rendues ensuite dans leur salle à manger où elles ont eu un bon dîner et du vin pour boire à la santé de nos Augustes Bienfaiteurs. Ce toast a été porté avec des acclamations et suivi de l'hymne nationale, très-joliment chantée par les blanches. On s'est amusé de grand coeur le soir au bal, qui a été embelli par une charmante tyrolienne exécutée par une vingtaine d'élèves de la classe bleue, auxquelles leur maître à danser, Mr. Auguste, l'a enseignée» [2].

Самымъ веселымъ праздникомъ въ году были въ Смольномъ Святки.

«Les fêtes se passent chez nous bien gaiement. Il y a tous les soirs un arbre de Noël dans quelque coin de la maison et souvent on s'amuse dans differens endroits à la fois. C'est ainsi que nous sommes arrivées à la veille du jour de l'an au milieu des réjouissances de nos chères élèves,—писала М. П. Леонтьева Императрицѣ на Рождествѣ 1851 г. [3].

По обычаю каждая классная дама старалась повеселить дѣтей своего дортуара: устраивали елки, разучивали съ воспитанницами небольшія театральныя пьесы, характерные танцы и проч. Воспитанницы одного дортуара приглашали къ себѣ на елку, или танцовальный вечеръ, или спектакль воспитанницъ другихъ дортуаровъ и возрастовъ. Иногда двѣ—три воспитанницы сообща устраивали на свои средства елку.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г. № 67. л. 79. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 82. л. 58; ср. Д. 1843 г. № 81. л. 32; Д. 1847 г., № 62. л. 108; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г. № 82. л. 61.

«Было двѣ елки «одна Вердеревской, Астафьевой и Нахимовой», другая—моя, Шевалдиной и Галкиной,—пишетъ въ своемъ дневникѣ на Святкахъ 1834 г. воспитанница «бѣлаго» класса Дивова:—наша была несравненно богаче, множество сахарныхъ штучекъ, яблоковъ, винограду, пастилы и вообще всего. Мы танцовали» [1].

Елки доставляли особенное удовольствіе маленькимъ «кофейнымъ» [2]; въ «голубомъ» классѣ болѣе процвѣтало устройство

Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

спектаклей [3]; исполнялись, главнымъ образомъ, пьесы изъ сборника преподавателя французскаго языка въ Смольномъ Riffé: «Theatre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoy.»— Въ этомъ сборникѣ были небольшія пьесы нравоучительнаго характера, часто сентиментальныя, какъ, напр., «La fille de la dame de classe», «Le voyage d'Ivan, ou le parrain inconnu», «La reconciliation», «L'indélicatesse vertueuse», «La curieuse» и т. п. Дѣйствующими лицами въ этихъ пьесахъ были почти исключительно женщины; если случались мужскія роли, исполнявшія ихъ воспитанницы одѣвались въ длинные русскіе кафтаны. Мѣстомъ

[1] Дивова, Рук. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 91.
[3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 81, л. 12.

дѣйствія въ этихъ пьесахъ обычно бывалъ рекреціонный залъ, такъ что для исполненія этихъ пьесъ не требовалось почти никакихъ декорацій. Въ 1854 г. смолянки играли драму Расина «Эстеръ» [1].

Воспитанницы старшихъ возрастовъ проводили свободное на Святкахъ время за самостоятельнымъ чтеніемъ [2]. «Бѣлый» классъ готовился къ балу въ первый день Новаго Года.

Одной изъ любимыхъ святочныхъ забавъ смолянокъ было наряжаться. Костюмы были самые неприхотливые, изъ институтскихъ платковъ, передниковъ и т. п. Чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ лучше! Маски задѣвали каждую встрѣчную, старались разсмѣшить, подшутить.

«Шумъ, смѣхъ, говоръ въ коридорахъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ классная дама Смольнаго, тоже смолянка:—то ходятъ маски, а за ними сплошною толпою слѣдуютъ любопытныя. Такъ бывало и въ наше время. Такъ и я когда то выбѣгала посмотрѣть на наряженныхъ и послушать ихъ вздорныхъ рѣчей. Съ какимъ, бывало, любопытствомъ высматриваешь, не идутъ-ли маски, и съ какимъ восторгомъ встрѣчаешь ихъ, слушая ихъ незатѣйливыя остроты!» [3].

На Святкахъ пріемы родственниковъ бывали почти каждый день, а не два раза въ недѣлю, какъ въ обычное время. Иногда родственники допускались съ разрѣшенія начальницы на елки, спектакли и танцовальные вечера воспитанницъ [4].

Особую заботливость въ отношеніи устройства развлеченій для воспитанницъ всегда проявлялъ Принцъ Ольденбургскій. Искренно любя дѣтей, онъ постоянно заботился о томъ, чтобы доставлять маленькимъ затворницамъ возможно больше удовольствій, разнообразить ихъ однообразную жизнь. Высокій цѣнитель и любитель музыки, Принцъ Ольденбургскій постоянно устраивалъ въ Смольномъ концерты, въ которыхъ принимали участіе лучшіе артисты, знаменитости того времени.

«Принцъ Ольденбургскій былъ большой любитель музыки,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ смолянка сороковыхъ годовъ,—и ему мы были обязаны, что слышали всѣхъ выдающихся артистовъ того времени, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ. Такъ, помню, у насъ пѣла Росси, два раза игралъ Листъ, боль-

[1] Мордвинова, 98. [2] См., напр., Дивова, Рец. [3] Зап. стар. смолянки, I, 401. [4] См., напр., Дивова, Рец.

шею частью сочиненія Шопена, играла Клара Викъ, вышедшая замужъ за Шумана, съ которымъ вмѣстѣ и пріѣзжала къ намъ. Слышали очаровательное пѣніе Тамбурини. Особенно запомнилось тріо изъ Лючіи, исполненное имъ съ сыномъ и дочерью, но не могу не остановиться на воспоминаніи объ игрѣ на скрипкѣ Эрнста. Впечатлѣніе этой игры и самая его фигура такъ и врѣзались въ моей памяти. Высокаго роста, очень худой, блѣдный, съ головой и лицомъ, обросшими черными волосами, съ печально-строгими глазами.

Не помню всѣхъ игранныхъ имъ пьесъ, ихъ было много, но хотѣлось слушать его безъ конца, и послѣ каждой изъ нихъ думалось со страхомъ: неужели это послѣдняя. Но вотъ онъ заигралъ свою элегію, и, Боже мой! сколько было тутъ тоски и муки, какъ рыдала его скрипка! Даже наши юныя сердца невольно сжались отъ непонятной намъ печали, и у многихъ были на глазахъ слезы.

Но нѣтъ, онъ не захотѣлъ оставить насъ подъ этимъ впечатлѣніемъ и, окончивъ элегію, не отнимая скрипки отъ плеча, заигралъ Carnaval de Venise, и сразу вся зала наполнилась веселіемъ. Тутъ слышенъ былъ и шумъ, и визгъ, и хохотъ, и мы, съ восторгомъ улыбаясь, поглядывали другъ на друга. Аплодировать намъ не позволялось. Это былъ чарующій и блистательный апоѳеозъ его игры, которымъ онъ и закончилъ»[1].

Смолянки времени Императрицы Александры Ѳеодоровны слышали у себя въ институтѣ пѣніе Віардо, Тамберлика, игру скрипача Вениявскаго, піанистовъ Генсельта и Лешетицкаго и другихъ[2].

Иногда воспитанницамъ Смольнаго устраивались развлеченія научнаго характера, какъ, напр., лекція по французской литературѣ Сюзора[3], лекція по русской литературѣ московскаго профессора Давыдова[4] или «представленія» физико-химическихъ опытовъ, показывавшихся Кальярди[5]; иногда эти развлеченія носили характеръ чистой забавы. Такъ, напр., на масляницѣ 1851 г. Принцъ Ольденбургскій прислалъ въ Смольный искуснаго фокусника[6].

[1] Угличанинова, 31—32; ср. Зап. стар. смолянки, I, 157—158. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1846 г., № 67, л. 53. Никитенко, I, 325—326. [2] Мордвинова, 98. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 62, лл. 8—9. [4] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бум. Лешетицкой. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1856 г., № 115. [6] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1851 г., № 82, л. 9.

Смолянки «бѣлаго благороднаго» класса каждый годъ ѣздили на выпускные публичные экзамены въ другіе институты: Училище ордена Св. Екатерины, Патріотическій, Павловскій, Елизаветинскій, Сиротскій. За смолянками присылались придворные экипажи; эти поѣздки доставляли воспитанницамъ большое удовольствіе и интересъ [1].

Въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ присылалось двадцать билетовъ для воспитанницъ старшаго класса на маскарады въ Зимнемъ Дворцѣ [2]. Смолянки бывали и на другихъ балахъ: такъ, напр., въ 1852 г. 3 воспитанницы шифферскаго класса съ М. П. Леонтьевой и одной изъ инспектрисъ были на юбилейномъ балу въ Морскомъ корпусѣ, по случаю столѣтія со дня его основанія [3].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1816 г., № 67, лл. 5—6; Д. 1817 г., № 62, л. 12; Д. 1837 г., № 16; Д. 1847 г., № 80; Д. 1851 г., № 18; Д. 1859 г., № 35; Д. 1859 г., №№ 29 и 53; и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 5, л. 3; Д. 1839 г., № 35; и др. [3] Зап. стар. смолянки, I, 241.

XI.

Открытіе Александровской колонны.—Окончаніе постройки Смольнаго собора и его освященіе.—Празднованіе двадцатипятилѣтія покровительства Императрицы Александры Ѳеодоровны надъ учрежденіями Вѣдомства Императрицы Маріи.—Участіе смолянокъ въ торжествахъ по случаю коронаціи Императора Александра II.

Во время главноначальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны надъ Смольнымъ, въ Петербургѣ состоялось нѣсколько большихъ торжествъ, въ которыхъ смоляники или принимали непосредственное участіе, или являлись свидѣтельницами.

30 августа 1834 г. состоялось торжественное освященіе на площади Зимняго дворца колонны въ память Императора Александра Благословеннаго. По желанію Императора Николая Павловича, Императрица разрѣшила смолянкамъ присутствовать при этомъ торжествѣ, о чемъ Государыня лично сообщила воспитанницамъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Смольный.

Двѣ воспитанницы «бѣлаго» класса Воспитательнаго Общества, присутствовавшія въ числѣ сорока счастливыхъ избранницъ своихъ подругъ на этомъ торжествѣ, записали въ дневники свои впечатлѣнія.

«Мы, избранныя изъ сверстницъ счастливицы,—пишетъ одна изъ нихъ,—были послѣдніе дни, какъ въ лихорадкѣ; всѣ боялись, чтобы какое нибудь неожиданное препятствіе не помѣшало нашей поѣздкѣ и потому порядочно напугались, когда вечеромъ, наканунѣ 30 августа, разразилась страшная гроза: небо какъ будто горѣло со всѣхъ сторонъ. Съ ужасомъ смотрѣли мы на разразившуюся молнію и думали: не бывать

празднику. Иныя изъ подругъ перепугались до того, что вообразили кончину міра.

Скорбныя мысли бродили и въ моей головѣ, и долго не давали заснуть; но природа взяла свое, и я, наконецъ, крѣпко заснула, проспала всю ночь, а на другой день проснулась весело, увидѣвъ голубое небо, какъ будто затканное серебристыми облаками. Въ пять часовъ утра мы всѣ уже были на ногахъ и

Освященіе Александровской колонны.

шумѣли, какъ рой пчелъ, суетились, пока не пріѣхали за нами кареты и пока не усѣлись мы чинно въ нихъ. Въ девятомъ часу утра мы понеслись въ Зимній дворецъ...

Вскорѣ мы достигли желанной цѣли и весело всходили по ступенямъ дворцовой лѣстницы въ одну изъ приготовленныхъ для насъ комнатъ. Вслѣдъ за нами прибыли екатерининскія институтки и другой половины Смольнаго. Началось между нами знакомство. Мы сошлись болѣе со смолянками, онѣ проще и потому милѣе,—многія даже такъ понравились другъ другу, что обѣщались переписываться.

Но я не участвовала въ этомъ знакомствѣ по своей обычной робости; не рѣшаясь подходить къ кому-нибудь, я только

смотрѣла на всѣхъ и на все меня окружающее. Все было для меня такъ ново, такъ поразительно, начиная съ моего присутствія въ царскихъ чертогахъ, куда была перенесена какъ будто прикосновеніемъ волшебнаго жезла. Я была какъ въ чаду, глядя изъ оконъ великолѣпныхъ покоевъ на множество народу, огибавшаго густыми толпами площадь, черѣвшаго на крышахъ всѣхъ зданій, выглядывавшаго изъ каждаго окна; вездѣ, куда ни посмотри, все головы и головы. Тутъ, вѣрно, взгромоздился весь Петербургъ!..

Парадъ при освященіи Александровской колонны.

Около 11 часовъ утра Государыня осчастливила насъ своимъ присутствіемъ. Удостоивъ насъ нѣсколькими привѣтливыми словами, Ея Величество, въ сопровожденіи Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны, одѣтыхъ въ русскихъ костюмахъ, съ придворными дамами перешла въ комнату, занимаемую институтками, и оставалась тамъ въ ожиданіи начала торжества. На Императрицѣ, сверхъ бѣлаго атласнаго платья, украшеннаго золотомъ, была накинута мантія голубого бархата съ длиннымъ шлейфомъ. У Великихъ Княженъ на бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ, вышитыхъ золотомъ, были такія же розовыя. На головахъ повязки и вуали. Мы столпились у дверей, чтобы поближе любоваться ангеломъ-царицей: она была прекрасна въ русскомъ нарядѣ!..

Передъ нашими окнами, на ступеняхъ балкона, стояли дворцовые гренадеры въ мохнатыхъ шапкахъ и съ предлинными

усами: очень страшные! Между ними, тутъ же, красовались камергеры въ мундирахъ, залитыхъ золотомъ. Насъ очень занимали ихъ ключи, и мы много смѣялись, толкуя шепотомъ и придумывая, для какого употребленія привѣшены эти ключи къ такимъ блестящимъ мундирамъ?» [1].

«...Площадь начала уже приходить въ движеніе, Императрица вышла на балконъ, а мы устроились въ окошкахъ,—пишетъ другая смолянка «бѣлаго» класса въ своемъ дневникѣ. — Раздалось священное пѣніе молебна; всѣ слушали съ благоговѣніемъ слова священника, ничто не прерывало глубокаго безмолвія и совершеннаго порядка войскъ, они молились и молились отъ всего сердца за благословенную Россію, но, когда читали молитву за сохраненіе нашего Монарха и Отца, я не могла удержаться отъ слезъ. Слезы умиленія невольно выкатились изъ моихъ глазъ при трогательномъ зрѣлищѣ, когда все преклонило колѣна, все обращено было только къ Богу, къ Нему одному стремились всѣ сердца, оставя земное, и взоры исполнены были какимъ то радостнымъ сіяніемъ. Послѣ молитвы возгласили вѣчную память; тогда многочисленные удары пушекъ раздались въ воздухѣ, послѣ которыхъ все умолкло. Императоръ явился среди площади, быстро проѣхалъ всѣ полки и остановился передъ монументомъ. Въ это время солнце выглянуло, тучи разбѣжались (не знаю, всѣ ли это примѣтили, но надѣюсь, что чувствительныя сердца тронулись симъ явленіемъ природы)... Золотые орлы, окружавшіе монументъ, поклонились Великому, тогда открылся пьедесталъ, на которомъ было вырѣзано: Александру I-му благодарная Россія. Эта короткая надпись заключаетъ всю силу чувствованія, она безъ всякихъ украшеній вѣрно изображаетъ всю любовь Русскихъ къ ихъ Монархамъ!

Началось торжественное шествіе. Императрица, въ сопровожденіи всего духовенства и окруженная со всѣхъ сторонъ дворцовыми гренадерами, старыми представителями русской славы, обошла монументъ, его освятили и окружили гренадерами. Тогда Монархиня возвратилась опять на балконъ, раздалась со всѣхъ сторонъ полковая музыка, и тысячи штыковъ заблистали въ воздухѣ; мы были, что называется, tous-yeux, tous-oreilles. Les troupes commencèrent à defiler, и мы были въ

[1] Зап. стар. смолянки, I, стр. 35, 36, 38.

восхищенiи! Впереди каждаго полка несли побѣдоносныя знамена, разорванныя непріятелемъ, и каждый полкъ игралъ тотъ маршъ, которымъ онъ сопровождалъ вступленіе въ Парижъ. О патріоты! Придите раздѣлить со мною ваши чувствованія! вы, конечно, были въ сію минуту вмѣстѣ со мною счастливѣйшими на землѣ; вы, конечно, были исполнены огнемъ любви къ отечеству, къ родинѣ, къ Монарху!» [1].

«По окончанiи парада Императоръ взошелъ на балконъ, обнялъ Императрицу, потомъ Великаго Князя Михаила Павловича, а черезъ нѣсколько минутъ вся Царская Семья со всѣмъ Дворомъ вошла въ нашу комнату. Радость наша была невыразима, когда мы увидѣли Государя; его благодарили отъ искренняго сердца. Никогда, кажется, я не была счастливѣе, какъ въ эти минуты!

— Eh bien, êtes vous contentes, mesdemoiselles?—спросилъ насъ Государь.

— Oh, oui, extrêmement, Votre Majesté, nous ne savons comment Vous remercier.

— Etes-vous fatiguées cependant?

— Non, Votre Majesté.

— Voulez-vous que je recommence?...—Сейчасъ велю опять собираться. Да жалко, что распустилъ.

Узнавъ, что мы не обѣдали, а только завтракали, Государь сказалъ:

— Vous n'avez donc rien mangé de solide? Il faut que vous diniez. Чтобъ сейчасъ все было готово! En attendant vous irez visiter l'Ermitage,—съ этими словами Императоръ насъ оставилъ; за нимъ послѣдовалъ весь дворъ.

Только что Царское Семейство, простившись съ нами, изволило выйти изъ комнаты, какъ мы, въ избыткѣ восторга, бросились обнимать одна другую; многія кинулись цѣловать начальницу, прыгали, смѣялись, плакали, точно безумныя!» [2].

«По окончанiи церемоніи мы были въ Эрмитажѣ, видѣли всѣ рѣдкія произведенія наукъ и искусствъ, видѣли картину Брюлова («послѣдній день Помпеи»), который славится въ Россіи, котораго слава гремитъ въ цѣлой Италіи, и имя творца которой наполнятъ всѣ журналы, всѣ «сѣверныя пчелки». Мы

[1] Дивова. Рук. [2] Зап. стар. смолянки, I, 40—41.

видѣли и удивлены были до чрезвычайности такимъ геніемъ. На возвратномъ пути я о многомъ мечтала и, пріѣхавши, бѣгала, какъ сумасшедшая, по нашимъ длиннымъ корридорамъ:

»Прошло все, пропало и прошло наше удовольствіе», думала я; но осталось воспоминаніе, и воспоминаніе самое сладостное!

«Описаніе всего торжества не истлѣетъ въ моемъ глупомъ безпадежномъ «дневникѣ», подумала я, и утѣшилась. Оно перейдетъ въ отдаленное потомство, оно сохранится въ нашихъ лѣтописяхъ, и слава Николая будетъ долго гремѣть подъ мрачнымъ небомъ сѣверной любезной нашей Россіи. Потомки наши будутъ благословлять его память, подобно какъ мы благословляемъ нынѣ благословенную память Александра!» [1].

Въ 1832 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Николая Павловича о достройкѣ Смольнаго Воскресенскаго собора, которая была возложена на особую комиссію, учрежденную при Министерствѣ Финансовъ. Средства на достройку и снабженіе храма ризницею, утварью и вообще всѣмъ необходимымъ—два милліона рублей ассигнаціями—были ассигнованы изъ суммъ Государственнаго Казначейства [2].

Изъ Канцеляріи Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Министерствомъ Финансовъ были затребованы «на разсмотрѣніе планы, смѣты и другія подобныя бумаги, до собора относящіяся» [3]. Канцелярію Смольнаго, однако, приходилось постоянно принимать участіе въ дѣлахъ комиссіи по достройкѣ собора, давать всевозможныя справки, указанія и проч., а «сундукъ съ казною, принадлежащею Комиссіи, до окончанія Собора Воскресенія Христа Спасителя при Смольномъ монастырѣ» былъ помѣщенъ «подъ тотъ самый караулъ, который охраняетъ суммы Общества Благородныхъ Дѣвицъ» [4].

Комиссіей по достройкѣ собора были приняты мѣры къ возможно болѣе художественному выполненію какъ внутренней,

[1] Дашкова. Рки. [2] И. Калайдовичъ. Историческая справка о соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1832 г., № 56, лл. 6, 9, 10, 11. Въ 1853 г. эти документы были снова возвращены изъ Канцеляріи Воспит. Общ. благородныхъ дѣвицъ (тамъ же, л. 33). См. также Общ. Арх. Мин. Дѣл. оп. 345/1084, д. 63, к. 2601. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1832 г., № 56, лл. 17, 21, 24, 30, 35 и мн. др.; Д. 1834 г., № 10, л. 2; Д. 1826 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1826 г., № 2 (оп. кн.); Д. 1826 г., № 8 (оп. кн.); и др.

такъ и наружной отдѣлки храма [1]. Работы происходили подъ наблюденіемъ архитектора Стасова; замыслы графа Растрелли, творца Смольнаго монастыря, старались сохранить въ полной неприкосновенности. Въ 1834 году архитекторъ Стасовъ представилъ министру финансовъ графу Канкрину записку, въ которой, между прочимъ, писалъ, что онъ осматривалъ «колоколовъ, числомъ 8, бывшіе отлитыми во время сооруженія собора въ Смольномъ монастырѣ, какъ видно изъ надписей, въ 1757 году [2], которые съ большою выгодою могутъ быть повѣшены, въ прибавленіе 12-ти отлитыхъ вновь, на опредѣленныхъ для колоколенъ башняхъ при соборѣ, чѣмъ окна обѣихъ болѣе симметріально будутъ заняты, безъ остатка, и произведутъ огромный звонъ, столь много обычаями народа почитаемый за величавую принадлежность большихъ соборовъ» [3]. Художникомъ Венеціановымъ была написана для собора икона «Предстательство Богородицы за воспитанницъ Смольнаго института» [4].

31 мая 1835 года Императоръ Николай Павловичъ Высочайше утвердилъ штатъ и положеніе Смольнаго собора, который былъ названъ «соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній». Согласно этому положенію, протоіерей собора, съ помощью священниковъ, обязанъ былъ преподавать Законъ Божій въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Маріинскомъ Сиротскомъ отдѣленіи для дѣтей личныхъ дворянъ, при соборѣ учрежденномъ. Вся годовая сумма по собору—41.365 рублей ассигнаціями, отпускаемая изъ Государственнаго Казначейства, и наблюденіе за хозяйственной частью собора передавалось въ распоряженіе начальства Вдовьяго Дома [5].

Торжество освященія Смольнаго собора было назначено на 22 іюля 1835 года. По желанію Императора, на тор-

[1] См., напр., о мраморныхъ работахъ для Смольнаго собора Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. оп. 231/396, д. 101, к. 2187; ср. оп. 315/476, д. 764, к. 2137. См. также: «Описаніе Смольнаго собора». Ист.-стат. свѣд. о СПб. епархіи. СПб. 1873 г., вып. III; ср. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1832 г., № 56, лл. 13, 14. [2] Изъ однокъ изъ этихъ колоколовъ, самомъ большомъ, съ трехъ сторонъ, подъ Императорской короной былъ вензель Императрицы Елизаветы Петровны «Е. Р.»; на всѣхъ были надписи: «Литъ сей колоколъ въ Москвѣ 1757 г. генв. 25 д., вѣсомъ... литъ мастеръ Николай Константиновъ сынъ Самсонъ» (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1834 г., № 40, лл. 4, 5, 6). [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1834 г., № 40, лл. 3 и 4. [4] Эскизъ масляными красками къ картинѣ принадлежитъ А. Д. Муратову (Бар. Врангель. Венеціановъ, 21). [5] Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. оп. 81/1331, д. 40, к. 2692, лл. 1, 2, 4—8. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 22.

жествѣ должны были присутствовать воспитанницы и воспитанницы всѣхъ учебныхъ заведеній Петербурга [1]. Послѣ торжества освященія въ Воспитательномъ Обществѣ долженъ былъ состояться парадный обѣдъ для воспитанницъ всѣхъ учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи.

«Предстательство Богородицы за воспитанницъ Смольнаго Института».

Одна изъ смолянокъ «бѣлаго» класса, присутствовавшая на этомъ торжествѣ, записала въ своемъ дневникѣ:

«У насъ большія приготовленія къ завтрашнему дню, разсматриваютъ платья, поправляютъ, пришиваютъ тюль, сейчасъ идемъ въ залу,—будутъ распредѣлять мѣста за столомъ. Уже прибыло 40 поваровъ, 350 лакеевъ...

«22 іюля. Понедѣльникъ. «Вставай, вставай! Ужъ безъ четверти четыре», шепчетъ Саша Сушкова, толкая меня потихоньку. «Нѣтъ, рано, Саша,—разбуди въ половину пятаго». А Саша уже давно, давно не спитъ. Въ три часа подняла ее Ратманова, лучшій у насъ парикмахеръ, причесала, и Саша, какъ куколка, сидитъ на табуретѣ, или, прохаживаясь по дортуару, украдкою любуется на

[1] Для воспитанницъ было назначено 1280 мѣстъ, для воспитанниковъ военныхъ заведеній 2016, гражданскихъ—384. [Общ. Арх. Мин. Имп. Дѣл. оп. 81/131, д. 49, л. 2692, лл. 2—3; ср. Арх. Имп. Вос. Общ. Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 22].

себя въ зеркальце и будитъ спящихъ подругъ, напоминая 22-е іюля.

22-е число! Торжественный, благословенный день!

Къ 8-ми часамъ нашъ утренній туалетъ былъ оконченъ. Всѣ были одѣты просто и мило. Бѣлыя коленкоровыя платья, лифа въ драпри, декольтэ, короткіе рукава, на верху убранные узенькимъ рюшемъ, турнюры, широко заплетенные волосы положены короною—вотъ и вся уборка! Ахъ, забыла сказать о серьгахъ или лучше о бусовыхъ подвѣскахъ.

Въ 10 ч. утра уже всѣ женскія заведенія прибыли въ монастырь, и мы съ гостями отправились въ соборный храмъ. Куда какъ вѣжливы монастырки! Гдѣ бы самимъ быть, какъ *хозяйкамъ, послѣдними—нѣтъ, не надо: мы впереди всѣхъ, а за* нами сзирѣнно слѣдовали прочіе институты. Вѣроятно, насъ недаромъ зовутъ «смоляки-гордяки»; въ церкви—мы же на первомъ мѣстѣ.

Соборъ мало по малу наполнялся. Все пестрѣе и пестрѣе становилась разнообразная толпа придворныхъ. Русскія древнія княжескія одежды дамъ мѣшались съ мундирами гвардейскихъ полковъ; тамъ блестѣли брилліанты на головныхъ уборахъ, здѣсь свѣтлѣлись звѣзды на груди именитыхъ. Великія Княжны Ольга и Марія Николаевны прибыли первыя...

Въ 11 ч. утра явились съ шумомъ военные корпуса. Право, не знаю, отчего происходилъ этотъ шумъ; быть можетъ, только потому, что это были мужчины, которые чѣмъ нибудь должны показать свое превосходство передъ женщинами, а для того и шумѣли!—или такъ надо военнымъ наводить шумомъ страхъ?

Слѣдомъ за кадетами увидали мы, наконецъ, всю Царскую Фамилію [1].

Началась божественная литургія... [2]. Императору угодно было, чтобы «Вѣрую», «Отче нашъ», «Благочестивѣйшаго» и «вѣчную память» пѣли всѣ воспитанницы и воспитанники присутствовавшихъ учебныхъ заведеній... И мы пѣли. Было что то поражающее въ этомъ пѣніи. Я не знаю, отъ сильныхъ ли голосовъ, или отъ прилившихся ко мнѣ чувствъ, или отъ того, что я вся была въ пѣніи, я не помню, гдѣ я была и что со

[1] На торжествѣ присутствовали: Ихъ Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ольга и Марія Николаевны, Принцы: Нидерландскій, Ольденбургскій и Ижорскій. [2] Литургію совершалъ Петербургскій митрополитъ Серафимъ.

мной дѣлалось! Будто бы я не жила эти минуты на землѣ. Помню, что плакала и была радостна [1].

При возглашеніи вѣчной памяти въ Бозѣ почившей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Императоръ отошелъ къ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ. Знамена склонились надъ нимъ и осѣнили священное чело его. Императрица отошла къ намъ, своимъ питомицамъ, своимъ дѣтямъ. Вся церковь преклонила колѣна и произнесла «Незабвенной» вѣчную память... Минута была въ высшей степени торжественная! Кто чувствовалъ сильно, тотъ понялъ ея великую мысль...

Въ первомъ часу все кончилось, и мы въ прежнемъ порядкѣ выходили изъ церкви съ различными чувствованіями. Раньше надежда насъ вела въ соборъ, а теперь самое исполненіе, олицетвореніе этой надежды возвращало домой. По одной сторонѣ отъ насъ была вся Царская Фамилія, съ другой—весь Дворъ, и монастырки шли, не робѣя: онѣ ужъ привыкли къ присутствію Царской Фамиліи...» [2].

Въ восьми залахъ и коридорахъ какъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, такъ и въ прилегающихъ къ нему помѣщеніяхъ Вдовьяго Дома, на протяженіи около полуверсты, были накрыты 22 большіе стола, всего для 2.200 человѣкъ, убранные живыми цвѣтами и растеніями. Всѣ воспитанницы, по волѣ Императора, были размѣщены за обѣдомъ такъ, что «за этою общею трапезою онѣ составляли не разныя заведенія, а какъ бы одно нераздѣльное семейство, и главами онаго соизволили быть Государь Императоръ и Государыня Императрица, коимъ благоугодно было при семъ случаѣ пить за здоровье всего юношества, имѣющаго счастье воспитываться подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ». За десертомъ всѣ воспитанницы получили «по свертку конфектъ, съ означеніемъ на каждомъ дня сего драгоцѣннаго для всѣхъ торжества», кромѣ того, воспитанницамъ было разрѣшено брать на память цвѣты, украшавшіе столы. Во время обѣда Ихъ Величества удостоили своего милостиваго вниманія всѣ столы, и отбыли въ три часа въ Таврическій дворецъ, гдѣ

[1] Императоръ Николай I остался очень доволенъ этимъ пѣніемъ и подарилъ преподавателю пѣнія въ Смольномъ Ляпицкому, заранѣе ѣздившему по кадетскимъ корпусамъ и устраивавшему тамъ спѣвки, фарфоровую табакерку съ золотыми узорами. [2] Зап. стар. смолянки, I, 59, 60, 61, 62, 63.

былъ устроенъ обѣдъ для воспитанниковъ военныхъ учебныхъ заведеній [1].

Въ память окончанія Смольнаго собора была выбита медаль. Съ одной стороны ея изображенъ видъ собора съ ангелами и надписью: «1748—1835, оконченъ въ память Императрицы Маріи Ѳеодоровны», съ другой стороны—изображенъ Спаситель во храмѣ, окруженный дѣтьми и кругомъ надпись: «оставите дѣтей приходити ко мнѣ, тѣхъ бо есть царствіе Божіе» [2].

15 ноября 1853 года исполнилось 25 лѣтъ со дня принятія Императрицей Александрой Ѳеодоровной Смольнаго и другихъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи подъ свое покровительство.

Медаль въ память освященія Смольнаго собора.

Ко дню юбилея Императрицы смоляне готовились давно. «Приготовленія къ торжеству начались у насъ задолго,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ смолянка того времени.—Затѣвалось многое: танцы, пѣніе, живыя картины. А тутъ какъ разъ начались у насъ инспекторскіе экзамены, самые серьезные, постоянно посѣщаемые Принцемъ Ольденбургскимъ. Долбили и по ночамъ, усѣвшись на полу, между кроватями, прикрывая огарочки свѣчи книгами. Случалось, что утромъ экзаменъ, а вечеромъ—танцкласс, къ которому пріѣзжалъ и танцмейстеръ Гольцъ, ставившій наши танцы и группы въ живыхъ картинахъ. Но время было веселое, живое, всѣ какъ встряхнулись, ожили. Послѣдній экзаменъ былъ у насъ 14-го ноября, но 15-го

[1] Описаніе торжества, происходившаго въ Воскресенскомъ всѣхъ учебныхъ заведеній соборѣ 22 іюля 1835 г., стр. 3. Моск. Вѣд. 1835 г., № 70, стр. 3161—3163.
[2] О начатіи и окончаніи Собора всѣхъ учебныхъ заведеній и бывшемъ въ немъ торжествѣ 22 іюля 1835 года, стр. 11.

торжестве не состоялось, потому что Царской Семьи еще не было въ Петербургѣ» [1].

Программа празднества была заранѣе выработана съ особой тщательностью. «Что бы праздникъ соотвѣтствовалъ торжеству событія и имѣлъ успѣхъ,—говорилось въ ней,—онъ долженъ блеснуть новизною, грацією и артистическою обстановкою, и не продолжается слишкомъ долго, что бы не утомить Августѣйшую посѣтительницу». Были обдуманы такія, напр., детали: «костюмы для дѣвицъ, участвующихъ въ живой картинѣ и танцахъ, должны быть легкіе, что бы сценѣ этой, при содѣйствіи музыки и тихаго стройнаго пѣнія, придать волшебную таинственность», «музыка для перваго гимна должна быть торжественная, для танцевъ какую угодно будетъ выбрать госпожѣ учительницѣ танцевъ, а для живой картины хорошо подходитъ хоръ изъ Гугенотовъ Мейербера № 7, въ которомъ въ оркестрѣ участвуетъ арфа», «по окончаніи танцевъ, настаетъ минутная тишина, приготовляющая зрителей къ чему то неожиданному» и т. д. Для «сопровожденія воспитанницъ» въ пѣніи была предоставлена въ распоряженіе преподавателя пѣнія въ Смольномъ Кавоса часть оркестра Императорскихъ театровъ [2].

Въ день юбилея въ Смольномъ соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній была отслужена митрополитомъ Никаноромъ торжественная съ молебномъ обѣдня въ присутствіи Принца Ольденбургскаго, членовъ Главнаго Совѣта, настоящихъ и многихъ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго и другихъ институтовъ [3].

Послѣ богослуженія, въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ состоялся обѣдъ для всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ воспитанницъ, а затѣмъ балъ [4].

Празднованіе смолянками юбилея Императрицы было назначено, съ соизволенія Ея Величества, на 14 декабря 1853 г.

«Въ 5 часовъ мы были уже одѣты,—пишетъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ праздникѣ воспитанница «бѣлаго» класса того времени.—Мы были въ бѣлыхъ платьяхъ, они были очень мило отдѣланы бѣлыми ленточками, съ бѣлымъ кушакомъ и широкими концами сзади. Очень странно было видѣть нашихъ

[1] Дашкевичъ. Рук. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1853 г., № 1 (осн. пп.), лл. 58—61, 27, 29. [3] Тамъ же, лл. 3, 5, 6, 7, 18, 19, 34, 39 и др. Никитенко, I, 427. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1853 г., № 1, л. 19.

въ этихъ бѣлыхъ платьяхъ. Коридоръ былъ чудно освѣщенъ, и наши толпами прохаживались въ бальныхъ костюмахъ. Въ шесть часовъ насъ повели въ большую залу на репетицію. Зала была убрана цвѣтами и великолѣпно освѣщена. Музыка была изъ итальянской оперы, оркестръ Маурера. На задней стѣнѣ залы была натянута темно-зеленая тафта, чтобы живыя картины рѣзче рисовались на ней. Протанцовавъ одинъ разъ нашъ танецъ, мы пошли въ рекреаціонную залу отдыхать.

Изъ оконъ было видно, какъ чудно былъ освѣщенъ подъѣздъ. Вдругъ видимъ мы ѣдутъ одни за другой нѣсколько освѣщенныхъ каретъ. «Ѣдутъ! Ѣдутъ!» закричали наши. И точно, черезъ нѣсколько минутъ Царская Фамилія прошла по коридору въ уборную Императрицы, которая была приготовлена въ рукодѣльной: всѣ дамы одѣвались въ Смольномъ. Насъ очень хотѣлось выбѣжать на коридоръ, но насъ не пускали, хотѣли, чтобы Императрица увидѣла насъ не иначе, какъ въ залѣ. Мы только въ щелочку двери видѣли, какъ прошла Императрица. Послѣ этого насъ повели въ большой залъ ждать ее. Намъ пришлось дожидаться очень долго. Сначала все приходили фрейлины, которыхъ было очень много и всѣ чудесно одѣты. Были также флигель-адъютанты, генералы, камергеры.

Наконецъ, двери отворились и вошли они! Императоръ, Императрица, Наслѣдникъ, Наслѣдница, Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ съ Вел. Кн. Александрой Іосифовной, Вел. Кн. Ольга Николаевна съ супругомъ, Вел. Кн. Марія Николаевна, Вел. Кн. Николай и Михаилъ Николаевичи, Вел. Кн. Елена Павловна, Вел. Кн. Екатерина Михаиловна съ супругомъ, Вел. Кн. Марія Максимиліановна, Принцесса Нассауская, Принцъ Ольденбургскій съ дочерью—такъ что была вся Царская Фамилія! Мы и не ожидали такого счастья!

У Ея Величества былъ приколотъ къ плечу Маріинскій знакъ отличія, поднесенный ей по случаю 25-лѣтняго юбилея ея дѣятельности въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи.

Императрица, войдя въ залу, поклонилась и сѣла въ приготовленное для нея кресло; возлѣ сѣла Вел. Кн. Ольга Николаевна, а съ другой стороны—Наслѣдница; Императоръ сѣлъ сзади Императрицы. Когда всѣ размѣстились, начался танецъ. Онъ начинается тѣмъ, что пѣвчіе стоятъ въ группахъ и поютъ благодарный гимнъ Императрицѣ.

Въ половинѣ гимна пѣвчія I-го soprano, которыя стоятъ посерединѣ, раздвигаются, и вдали, на зеленомъ возвышеніи, установленномъ цвѣтами, на ступенькахъ сидятъ «кофейныя» и держатъ сдѣланный изъ розовыхъ розъ вензель Императрицы, у подножія этого возвышенія стоятъ на колѣняхъ «голубыя». Видъ чудный! Окончивъ гимнъ, начинаютъ танцовать. Самыя большія танцуютъ съ висячими гирляндами изъ разныхъ цвѣтовъ; среднія—съ гирляндами на камышахъ изъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ, а маленькія—съ вѣнками изъ такихъ же розъ. Танецъ очень хорошенькій. Танцуютъ и «голубыя», и кофейныя»: онѣ выбѣгаютъ съ букетами живыхъ цвѣтовъ и бросаютъ къ ногамъ Императрицы. Подъ конецъ, «голубыя» съ «кофейными», держа розовые тюлевые шарфы, становятся въ картинѣ; въ это время пѣвчія поютъ другой благодарственный гимнъ Императрицѣ:

Царица-Мать! О солнце ваше!
Святой восторгъ, какъ нектаръ въ чашѣ,
Кипитъ въ сердцахъ твоихъ дѣтей.
Не блещетъ праздникъ нашъ искусствомъ:
Но юныхъ душъ глубокимъ чувствомъ
Здѣсь освященъ твой юбилей.
Стремясь тебя и пѣть, и славить,
Въ картинахъ мы хотимъ представить
Всѣ добродѣтели твои.
Но слабы дѣтскія картины:
Въ нихъ силенъ образъ лишь единый
Безмѣрной всѣхъ къ тебѣ любви.
Твой каждый шагъ—благословенье;
Твой взоръ—страдальцевъ упованье;
Твоя улыбка—радость имъ.
О, матерь всѣхъ тебѣ подвластныхъ,
Свѣтило нашихъ дней прекрасныхъ,
Благодаримъ! благодаримъ!

Въ этомъ гимнѣ воспитанница Л., наша лучшая пѣвица, поетъ небольшое соло, и послѣ него зеленый занавѣсъ въ глубинѣ залы раздвигается и являются живыя картины. Посреди нихъ бюстъ Императрицы, обставленный цвѣтами« [1].

Кругомъ бюста Ея Величества были расположены «группы дѣвицъ всѣхъ возрастовъ, ясно изображавшіе хотя нѣкоторыя

[1] „Лаврентьева. Реп.

изъ безчисленныхъ добродѣтелей Царственной хранительницы заведенія». Одна изъ группъ, «составленная изъ дѣвицъ бѣлаго класса и трехъ малютокъ, представила материнскую любовь, другая подобная изображала покорность провидѣнію, а ниже двѣ большіе группы изъ десяти воспитанницъ каждая представляли покровительство искусствамъ и наукамъ». Въ этихъ послѣднихъ двухъ группахъ были представлены: «живопись, музыка, архитектура, скульптура, танцы и т. п.», а также «исторія политическая, натуральная и священная, астрономія, географія, физика и т. п. Всѣ предметы съ приличными атрибутами» [1].

«Императрица была очень тронута, даже плакала, особенно когда подъ конецъ гимна, при словѣ «благодаримъ»—всѣ дѣвицы встаютъ на колѣни и потомъ, вставъ съ колѣнъ, поютъ на голосъ «Боже, Царя Храни»!—«Боже, намъ Мать храни!» [2].

Императрица очень благодарила m-me Леонтьеву, поцѣловала ее [3], а намъ послала поцѣлуй ручкой и сказала»: «Mercі, mes enfants!» Послѣ этого пошли поближе разсматривать живыя картины, Императоръ же перешелъ на нашу сторону и, къ моему счастью, остановился противъ меня и довольно долго стоялъ такъ, разговаривая съ m-me Леонтьевой. Боже! какой онъ красавецъ! Наши поздравили его съ побѣдами. Онъ съ улыбкою насъ благодарилъ и сказалъ: «И васъ поздравляю, вѣдь, я думаю и васъ это радуетъ?» И, получивъ отвѣтъ, спросилъ: «нѣтъ ли кого нибудь изъ вашихъ родственниковъ въ дѣйствующей арміи»? Наши отвѣтили, что есть, и онъ сказалъ: «Дай Богъ, чтобы они всѣ благополучно возвратились»...

Императоръ подошелъ къ картинамъ, гдѣ всѣ собрались; Императрица представила ему 4-хъ-лѣтнюю подъ-кофейную Фрейтагъ, дочь знаменитаго умершаго генерала, и Императоръ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 4 (отд. III.), лл. 52—57; ср. Восп. о Таганкѣ, 15—16. [2] «При нѣкіи послѣднихъ словъ «благодаримъ! благодаримъ!»—говорится въ оффиціальномъ описаніи этого праздника,—всѣ пѣшки и гирлянды, до того времени поднятые, опустились къ стопамъ обожаемой Монархини, и вслѣдъ за тѣмъ для выраженія общаго благоговѣнія къ священнымъ Особамъ Августѣйшаго Семейства, дѣти всѣхъ возрастовъ и классовъ постепенно преклонили головы, какъ полевыя зрѣющія нивы (наклоненныя животворящимъ дыханіемъ благодатнаго воздуха), потомъ медленно приподнялись эти юныя дѣвическія головки, и раздались громкіе звуки торжественнаго гимна: «Боже, намъ мать храни!» (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 4 (отд. III.), лл. 52—57. [3] При этомъ Императрица сняла съ своей руки браслетъ и надѣла на руку М. П. Леонтьевой. Чтен. Воспоминанія. Ред.

поцѣловалъ ее въ голову. Они очень долго стояли передъ картинами, и потомъ пошли на свои прежнія мѣста. Императрица сказала, что хочетъ, чтобы мы потанцовали. Заиграли кадриль, мы ее танцовали другъ съ другомъ. Послѣ этой кадрили Императрица приказала Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу танцовать, и они танцовали три кадрили. Оба прелестно танцуютъ, особенно Великій Князь Николай—чудно! Между кадри-

Аллегорическая группа «Науки».

лями намъ раздавали конфеты. Маленькая Фрейтагъ все время сидѣла на скамеечкѣ у ногъ Императрицы, и Наслѣдница забавлялась съ ней: брала ее на колѣни, дразнила конфетами, а потомъ положила обѣ ея ручки на подносъ съ конфетами. *Императоръ уѣхалъ раньше; вмѣстѣ съ нимъ уѣхали Великій* Князь Константинъ съ супругою. Къ концу третьей кадрили почти вся Царская Фамилія ушла. Великая Княгиня Ольга Николаевна отдала намъ на память свой букетъ. Уѣзжая, Императоръ и Императрица сказали, что они пріѣдутъ къ намъ на другой день къ молебну. Только это обѣщаніе услаждало наше горе при ихъ отъѣздѣ. Мы думали о томъ, что опять будемъ имѣть счастье видѣть ихъ на другой день, но всетаки было ужасно грустно!

Послѣ отъѣзда Царской Фамиліи мы переодѣлись въ казенныя платья. Балъ продолжался недолго; почти никто не хотѣлъ танцовать. Такъ кончился этотъ чудный день, который вѣчно будетъ запечатлѣнъ въ сердцахъ смолянокъ!» [1].

На другой день «въ двѣнадцатомъ часу дня,—говорится дальше въ тѣхъ же воспоминаніяхъ,—насъ повели въ церковь. М-ше Леонтьева сказала, чтобы тѣ, кто не поетъ въ церкви,

Аллегорическая группа «Искусства».

пошли встрѣчать Императрицу. Мы побѣжали съ радостью и встали въ коридорѣ, который ведетъ къ подъѣзду м-ше Леонтьевой. Вскорѣ пріѣхалъ Императоръ и остановился съ м-ше Леонтьевой у дверей, ожидая Императрицу. Поздоровавшись съ нами, онъ сказалъ начальницѣ: «А вчера все было прекрасно. Мнѣ очень понравилось». Онъ довольно долго говорилъ съ м-ше Леонтьевой про вчерашній день. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали Императрица, Наслѣдникъ, Наслѣдница, Великая Княгиня Марія Николаевна, Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ. Поздоровавшись съ нами, всѣ пошли въ церковь. Всѣ они стояли весь молебенъ и очень прилежно моли-

[1] Лаврентьева. Ркп.

лись, особенно Императоръ и Великая Княгиня Марія Николаевна. Послѣ молебна пѣли многолѣтіе Царской Фамиліи и вѣчную память Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Послѣ того, какъ всѣ подошли къ кресту, Императоръ подошелъ къ Императрицѣ, поцѣловалъ у нея руку, она поцѣловала его въ лобъ, потомъ онъ поцѣловалъ ее въ щеки и въ губы, поцѣловалъ въ лобъ Наслѣдницу и Вел. Кн. Марію Николаевну, а онѣ поцѣловали его руку. Императрица сѣла въ кресло, и всѣ учители и служащіе подходили къ ея ручкѣ. Императоръ взялъ ее подъ руку, и они вышли изъ церкви. Мы побѣжали за ними. На коридорѣ къ выходу мы остановились. Императрица съ Наслѣдницей пошли къ бѣльевой смотрѣть бѣлье дѣвицъ, а Императоръ съ Наслѣдникомъ—въ кухню смотрѣть кушанья. Когда Императоръ, возвращаясь, проходилъ мимо насъ, мы его благодарили за высокое посѣщеніе, а онъ сказалъ: «А васъ благодарю—за угощеніе». Послѣ этого они всѣ уѣхали при восторженныхъ крикахъ дѣвицъ» [1].

Профессоръ Никитенко записалъ въ дневникѣ свои впечатлѣнія отъ этого праздника: «Великолѣпное торжество въ Смольномъ монастырѣ, все въ честь 25-лѣтія съ тѣхъ поръ, какъ царствующая Императрица Александра Ѳеодоровна приняла подъ свое покровительство женскія учебныя заведенія. Мы вмѣстѣ съ Абрамомъ Сергѣевичемъ (Норовымъ) поѣхали туда въ 7 часовъ. Часъ спустя, прибыла вся Царская Семья. Начались характеристическіе танцы, которые имѣли цѣлью пантомимой выразить Императрицѣ любовь и признательность дѣтей. Потомъ на нарочно устроенной для того эстрадѣ были поставлены живыя картины, съ аллегорическимъ изображеніемъ добродѣтелей Государыни: милосердія, любви къ искусствамъ и наукамъ и т. д. Группы изъ молодыхъ свѣжихъ и красивыхъ монастырокъ были очень изящны и эффектны. Затѣмъ пошли обыкновенные танцы, въ которыхъ участвовали и великіе князья. Государь, почти все время стоя, любовался оживленнымъ зрѣлищемъ» [2].

Въ августѣ 1856 г., во время торжествъ коронаціи въ Москвѣ, и въ Смольномъ праздновали это событіе.

«Въ часъ дня,—пишетъ одна изъ смолянокъ, въ то время классная дама Воспитательнаго Общества,—или около того, былъ

[1] Тамъ же. [2] Никитенко, I, 428.

выкинутъ флагъ на адмиралтействѣ и въ крѣпости—знакъ совершеннаго надъ Государемъ таинства миропомазанія и начала въ Успенскомъ соборѣ молебствія. Вслѣдъ за этимъ мгновенно раздался благовѣстъ во всѣхъ церквахъ нашей сѣверной столицы, и понеслись молитвы русскаго народа ко Всеблагому Богу о вновь дарованномъ Царѣ. И въ нашей «дѣтской» церкви собрались мы тоже для молебна. Онъ не являлся служебнымъ обрядомъ, и служили его не по приказанію, но всѣ мы, по собственному влеченію, сошлись во храмъ и, если усердныя молитвы будутъ услышаны Господомъ, то будетъ прекраснымъ царствованіе Александра Николаевича... Сегодня у насъ въ Смольномъ былъ обѣдъ для дамъ и всѣхъ служащихъ. Мы были веселы, поздравляли начальницу и поздравляли другъ друга. Во время обѣда играла музыка. Когда пили за здоровье Государя и Государыни, «бѣлыя» пѣли «Боже Царя храни!». «Вчера и сегодня вечеромъ освѣтили и намъ Смольный,—пишетъ она на другой день.—Въ саду на всѣхъ деревьяхъ шкалики и объ бесѣдки разукрашены разноцвѣтными фонарями. Въ одной изъ бесѣдокъ игралъ оркестръ военной музыки, и дѣти, всѣ 800 человѣкъ, гуляли въ саду. Картина была восхитительная!» [1].

Смолянки смотрѣли изъ оконъ Семеновскихъ казармъ на торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ послѣ коронаціи въ Петербургъ [2].

Онѣ присутствовали и на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ по случаю коронаціонныхъ торжествъ [3]. Нѣкоторые изъ служащихъ Смольнаго, какъ, напр., инспекторъ классовъ М. М. Тимаевъ, принимали непосредственное участіе въ этихъ торжествахъ [4].

Въ 1858 г., по желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны, 80 смолянокъ «бѣлаго» класса и 30 «спеціальнаго» присутствовали на всенощной наканунѣ освященія Исаакіевскаго собора, а въ день освященія смотрѣли на торжество изъ оконъ дома Лобанова, нынѣ зданія Военнаго Министерства [5].

[1] Зап. стар. смолянки. I, 389, 390, 391. [2] Тамъ же, стр. 391—394. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1857 г., № 74. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1856 г., № 121, лл. 4, 5, 7. [5] Зап. стар. смолянки. I, 432—438. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 80.

XII.

Состояніе финансово-хозяйственной части въ Смольномъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

В о время главноначальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны веденіе финансово-хозяйственной части въ Смольномъ продолжалось на тѣхъ же основаніяхъ, какія были установлены Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Несущественныя измѣненія стояли въ зависимости почти исключительно отъ нѣкоторой перемѣны, послѣ смерти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, порядка управленія Смольнымъ и требованій жизни.

На каждый годъ представлялось къ Высочайшему Государя Императора утвержденію расписаніе доходовъ и расходовъ по Воспитательному Обществу. Расписаніе это составлялось подъ руководствомъ начальницы Смольнаго и члена Совѣта по хозяйственной части, при участіи инспектрисъ, которыя высказывали свои сужденія, главнымъ образомъ, относительно расходовъ на одежду и обувь воспитанницъ и эконома. Расписаніе въ отношеніи «расчисленія и сложности суммъ» провѣрялось въ контрольной экспедиціи IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и затѣмъ повергалось на Высочайшее благовоззрѣніе [1]. Нельзя, однако, сказать, чтобы расписанія доходовъ и расходовъ представлялись вполнѣ свое-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 70; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 58; Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14; Д. 1854 г., № 2 (оп. кн.), № 5; Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.); и др.

временно: на Высочайшее утвержденіе они обычно повергались, когда смѣтный годъ уже начался,—въ январѣ, февралѣ, иногда даже апрѣлѣ [1].

Сумма ежегодныхъ расходовъ по Воспитательному Обществу и Александровскому Училищу исчислялась въ 635—710 тысячъ рублей ассигнаціями, или въ 235—270 тысячъ рублей серебромъ [2].

Главными статьями расхода были: жалованье служебному персоналу, столъ воспитанницъ, ихъ одежда и обувь, отопленіе зданій, ремонтныя работы, пенсіи бывшимъ служащимъ [3]. Въ одни годы смѣта сводилась съ дефицитомъ, и даже значительнымъ [4], въ другіе, сосѣдніе, годы, наоборотъ, съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами [5].

Наблюдалось постоянно и такое явленіе, что смѣтный годъ, исчисленный въ смѣтныхъ предположеніяхъ съ зна-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, л. 1; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25, л. 1; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6, л. 1; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14; и др. На журналѣ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній 28 марта 1849 г. съ представленіемъ смѣты по Воспитательному Обществу на 1849 г. Императоръ Николай I написалъ: «Крайне поздно представляется, тогда какъ должно было рѣшить еще въ прошломъ декабрѣ» [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.)]. [2] 636.505 р. 90¾ к. асс.—въ 1830 г.; 687.955 р. 36 к. асс.—въ 1831 г.; 691.506 р. 91 к. асс.—въ 1833 г.; 692.718 р. 19 к. асс.—въ 1838 г.; 706.040 р. 14 к. асс.—въ 1839 г.; 236.982 р. 21½ к. серебр.—въ 1842 г.; 240.758 р. 29½ к. серебр.—въ 1843 г.; 242.551 р. ¾ к. серебр.—въ 1845 г.; 234.900 р. 15 к. серебр.—въ 1848 г.; 250.421 р. 35 к. серебр.—въ 1849 г.; 263.670 р. 63½ к. серебр.—въ 1859 г. [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 70; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 38; Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, лл. 1—2; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6, лл. 1—2; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 6; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 1; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 8; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 32; Д. 1846 г., № 1 (оп. кн.), № 12; Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.); Д. 1850 г., № 74 (оп. кн.); и др.; ср. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 257 и слѣд.). [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6; Д. 1840 г., № 9 (оп. кн.), № 6; и др. [4] Въ 1830 г. дефицитъ равнялся 8.152 р. 5½ к. асс. [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 70]; въ 1831 г.—68.908 р. 13¾ к. асс. [Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17]; въ 1832 г.—31.038 р. 18¾ к. асс. [Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12]; въ 1833 г.—102.780 р. 70¾ к. асс. [Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25]; въ 1834 г.—78.181 р. 89½ к. асс. [Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6]; въ 1835 г.—82.933 р. асс. [Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 3]; и т. д. [5] Въ 1835 г.—293 р. асс. [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1]; въ 1838 г.—9.573 р. 95 к. асс. [Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 6]; въ 1842 г.—70 р. 94¾ к. серебр. [Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14]; въ 1844 г.—60 р. 9½ к. серебр. [Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 8]. Въ 1845 г. и 1847 г. смѣты были сведены безъ дефицита и остатка [Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 32; Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.)]. Въ 1846 г.—остатокъ—307 р. 85¾ к. серебр. [Д. 1846 г., № 1 (оп. кн.), № 12]; и т. д.

чительнымъ дефицитомъ, заверивался съ остаткомъ, и наоборотъ [1].

Все это зависѣло не только отъ рѣзкаго повышенія расходовъ въ нѣкоторые годы, напримѣръ, по содержанію служебнаго персонала или на постройки, а также вздорожанія цѣнъ на съѣстные припасы, пониженія доходовъ отъ арендныхъ статей, уменьшенія числа пансіонерокъ и т. п., [2]—но объяснялось и тѣмъ обстоятельствомъ, что къ началу нѣкоторыхъ смѣтныхъ годовъ въ Смольномъ оставался на значительную сумму запасъ дровъ, провизіи, матерій [3], что обычно при составленіи смѣты въ расчетъ не принималось [4].

Остатки по исполненію смѣты обычно присоединялись, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ, къ капиталу Воспитательнаго Общества, предназначенному на постепенныя прибавки жалованья служащимъ, а также пенсіонному и запасному капиталамъ Общества [5].

Источниками доходовъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго Училища являлись, главнымъ образомъ, проценты съ принадлежавшихъ Обществу и Училищу капиталовъ [6].

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), №№ 70 и 79; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 38; Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, лл. 1—2; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), №№ 10 и 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6, лл. 1—2; Д. 1835 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 6; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), №№ 1 и 26; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 5; Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 32; Д. 1846 г., № 1 (оп. кн.), № 12; Д. 1848 г., № 9 (оп. кн.); Д. 1850 г., № 16 (оп. кн.); Д. 1851 г., № 61; Д. 1852 г., № 69; Д. 1853 г., № 49; Д. 1854 г., № 86; Д. 1856 г., № 106; и др.; ср. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 247 и слѣд. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6, лл. 1—2; и др. [3] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1. [4] Къ началу 1832 г. припасовъ и матеріаловъ оставалось на 68.975 р. 85¾ к. асс. [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 10; ср. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 26]. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 79; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 10; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 26; Д. 1842 г., № 3 (оп. кн.), № 14; и др. [6] Въ 1856 г. на содержаніе Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища поступало процентовъ съ находившихся въ Сохранныхъ Казныхъ капиталовъ Общества болѣе 130.000 р. серебромъ въ то время, какъ, напр., сумма пособій была около 30.000 р. серебр., доходъ отъ арендныхъ статей не достигалъ 3.200 р. серебр., плата за пансіонерокъ Высочайшихъ Особъ, стипендіатокъ и пансіонныхъ воспитанницъ едва превышала 60.000 р. серебр. въ годъ [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1856 г., № 106]. Подробный счетъ капиталовъ Воспитательнаго Общества, находившихся въ Московской и С.-Петербургской Сохранныхъ Казнахъ, записному капитала, капиталовъ, пожертвованныхъ Высочайшими Особами и частными лицами, см. въ Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1815 г., № 9 (оп. кн.); Д. 1819 г., № 85; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 26; и др.

Кромѣ того, доходами Воспитательнаго Общества и Училища являлись отпускавшіяся по Высочайшимъ повелѣніямъ пособія изъ прибылей Московской и С.-Петербургской Сохранныхъ Казенъ и изъ другихъ источниковъ [1], поступленія за отдававшіяся въ аренду принадлежавшія Обществу строенія, земли, огородныя мѣста, мѣсто для пристани на Невѣ, плата за пансіонерокъ Императорской Фамиліи, присутственныхъ мѣстъ, благотворительныхъ капиталовъ и за своекоштныхъ воспитанницъ [2].

Земель и построекъ, отдававшихся Обществомъ въ аренду, было много. Нѣкоторые арендные участки земли были весьма значительными; такъ, напр., одинъ изъ участковъ, сдаваемыхъ подъ огороды, занималъ 30.770 кв. саженей. Городское управленіе арендовало у Общества береговое мѣсто, общество невскаго пароходства—мѣсто подъ пристань, лѣсопромышленники—участки подъ склады лѣса и т. д. Отдававшіяся Обществомъ въ аренду строенія были разбросаны въ различныхъ мѣстахъ [3]. Доходы отъ арендныхъ статей не были, однако, значительными, такъ какъ арендная плата въ тѣ времена была вообще небольшой; къ тому же, лица завѣдывавшія арендными статьями Воспитательнаго Общества, вслѣдствіе обремененія другими заботами, болѣе существенными для Общества, какъ учебно-воспитательнаго учрежденія, не всегда удѣляли аренднымъ статьямъ достаточно вниманія. Случалось, что съ арендаторами

[1] Высочайшимъ повелѣніемъ 27 октября 1829 г. былъ прекращенъ съ 1 января 1830 г. отпускъ изъ Государственнаго Казначейства на содержаніе Воспитательнаго Общества и Мѣщанскаго Училища 239.054 р. 80 к. асс. изъ года и впредь приказано отпускать эту сумму изъ доходовъ Московской Сохранной Казны [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 90; Д. 1829 г., № 62, л. 21. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр. XIII, 197—199]. Непосредственно послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, нѣкоторые изъ расходовъ, производившихся изъ ея личныхъ средствъ, были, по Высочайшему повелѣнію, отнесены частью на средства Кабинета (уплата жалованья нѣкоторымъ сверхштатнымъ служащимъ, пособіе на воспитаніе дѣтей врача Рейнбота и др.), частью—на средства Государственнаго Казначейства (расходы по содержанію живущихъ, по волѣ покойной Императрицы, при Воспитательномъ Обществѣ бывшей классной дамы Шателькоръ, г-жи Брейтфусъ и др.). [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 62; Д. 1835 г., № 38; ср. Общ. Арх. Мин. Имп. Дѣл. по оп. $\frac{1}{120}$, к. 1277, л. $\frac{16}{20}$, лл. 22—24, 57, 58 и др.]. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 106, лл. 27—31; Д. 1859 г., № 75, лл. 21—25; Д. 1849 г., № 85; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 82; Д. 1849 г., № 93; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 76, л. 3; Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), № 9; Д. 1834 г., № 12 (оп. кн.), № 104; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), №№ 82 и 134; Д. 1845 г., № 29; Д. 1851 г., № 2; Д. 1853 г., № 7; и др. Въ 1816 г. архитекторомъ Кавосомъ были составлены планы земель и строеній, принадлежавшихъ Воспитательному Обществу, при чемъ былъ произведенъ обмѣръ въ натурѣ (Д. 1816 г., № 73).

заключались контракты по цѣнамъ ниже нормальныхъ; весьма часто арендаторы вносили плату неисправно. Были случаи, когда арендныя деньги не уплачивались въ теченіе девяти лѣтъ и Воспитательному Обществу приходилось, наконецъ, прибѣгать къ принудительному, чрезъ С.-Петербургскую управу благочинія, взысканію платы, путемъ продажи возведенныхъ арендаторами на землѣ Общества построекъ [1].

Въ 1845 г. Совѣтомъ Воспитательнаго Общества, согласно Высочайше утвержденному постановленію Главнаго Совѣта

Видъ Смольнаго.

женскихъ учебныхъ заведеній, былъ выработанъ цѣлый рядъ правилъ въ обезпеченіе надлежащей доходности арендныхъ статей Смольнаго. Было постановлено впредь непремѣнно съ полной точностью обозначать въ контрактахъ съ арендаторами «какъ относительно образа пользованія землями и срока платежа оброчныхъ денегъ, такъ и мѣры отвѣтственности контрагентовъ за неисполненіе обязанностей». Арендаторамъ воспрещалось возводить *на землѣ Воспитательнаго Общества постройки* безъ вѣдома начальства Общества; при наступленіи конца арендnаго срока, арендаторы обязывались снести всѣ постройки, подъ угрозой штрафа. Арендную плату было постановлено взыскивать за полгода впередъ. Своевременный платежъ ея

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 59; Д. 1860 г., № 17, Д. 1845 г., № 15 (оп. кн.), № 97; Д. 1869 г., № 117; и мн. др.

обезпечивался залогомъ, въ размѣрѣ полугодовой арендной платы, а цѣлость отдаваемыхъ въ аренду строеній обезпечивалась, кромѣ того, залогомъ въ размѣрѣ третьей части *стоимости строеній*. Въ случаѣ неисполненія арендаторами какого либо изъ арендныхъ условій, они подвергались цѣлому ряду установленныхъ штрафовъ. Опытъ показалъ потомъ, что и эти условія, однако, не вполнѣ обезпечивали интересы Воспитательнаго Общества, да и само начальство Смольнаго, еще при самомъ изданіи новыхъ правилъ, признало необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя льготы въ пользу тѣхъ лицъ, которыя состояли уже арендаторами земель и строеній Общества [1]. На размѣрѣ доходовъ Общества отъ арендныхъ статей неблагопріятно отражалось также и то обстоятельство, что начальству Воспитательнаго Общества приходилось иногда, въ цѣляхъ обезпеченія зданій Общества отъ пожаровъ, а равно по соображеніямъ воспитательнаго и санитарнаго характера, прекращать отдачу въ аренду нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ и строеній [2]. То же приходилось иногда дѣлать и по требованіямъ полиціи [3].

Въ 1855 г. на сокращеніе дохода Смольнаго отъ арендныхъ статей повліяла безвозмездная, по Высочайшему повелѣнію, передача въ пользу городскихъ богадѣленъ смежнаго съ ними участка земли въ 90 саж. длины и 4 саж. ширины, при чемъ пришлось снести нѣсколько принадлежавшихъ Обществу деревянныхъ строеній [4].

Поступленіе пансіонерной платы послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны сильно сократилось. Число пансіонеровъ ея имени, содержавшихся на личныя средства Ея Величества, сократилось [5], наблюдалось періодически и уменьшеніе

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 15 (оп. кн.), № 97; Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 32. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 2 (оп. кн.), № 59; Д. 1830 г., № 3; и др. [3] По требованію полиціи была прекращена сдача въ аренду береговыхъ мѣстъ подъ склады лѣсныхъ матеріаловъ. Отъ этого Воспитательное Общество понесло убытокъ въ 2.500 р. асс. въ годъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 51]. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 76; Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 19; Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 195. Стремленіе начальства городскихъ богадѣленъ обратить въ собственность богадѣленъ сосѣдніе участки земли Общества проявлялось и позже (Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), № 101; Д. 1869 г., № 47; Д. 1872 г., № 97). Начальству Смольнаго приходилось также бороться и съ попытками служащихъ городскихъ богадѣленъ пользоваться для нуждъ богадѣленъ землями Общества (Д. 1831 г., № 25). [5] Было время, когда за пансіонеровъ Императрицы Смольный получалъ по 40.000 р. асс. въ годъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25, лл. 1—2].

своекоштныхъ пансіонерокъ, главнымъ образомъ, въ связи съ войнами, неурожаями и другими обстоятельствами, вредно отражавшимися на матеріальномъ благополучіи дворянскаго сословія [1].

Поступленіе другихъ доходовъ въ кассу Воспитательнаго Общества было также неаккуратнымъ. Даже поступленія изъ Сохранныхъ Казенъ не всегда совершались своевременно, и начальству Воспитательнаго Общества приходилось ходатайствовать передъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы причитающіяся Смольному деньги высылались изъ Сохранныхъ Казенъ своевременно, впередъ за годъ, или, по крайней мѣрѣ, по третямъ года [2]. Особенно много осложненій вызывало постоянное возрастаніе недоимокъ въ пансіонерной и арендной платахъ, затруднявшее сведеніе смѣты заведенія безъ дефицита. Совѣтъ Воспитательнаго Общества принималъ постоянно мѣры къ взысканію недоимокъ [3] и по собственной иниціативѣ и вслѣдствіе особыхъ Высочайше утвержденныхъ постановленій Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Взысканіе недоимокъ было, однако, дѣломъ настолько нелегкимъ, что даже въ 1846 г., который непосредственно слѣдовалъ за годомъ, когда, по Высочайшему повелѣнію, были приняты особо энергичныя мѣры къ взысканію недоимокъ, сумма ихъ въ Смольномъ не только не уменьшилась, но даже возросла до 11.242 р. 37½ к. серебр. противъ 10.982 р. 71½ к. серебр., имѣвшихся къ 1 января 1845 г. [4].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 70; Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, лл. 1—2; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1, лл. 1—2; ср. Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 41. Къ 1833 г. поступленіе пансіонерной платы сократилось противъ 1825 г. на 60.000 р. асс. въ годъ (Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25, лл. 1—2). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 144; Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, лл. 1—2. Отъ полученія изъ Сохранныхъ Казенъ денегъ не сразу за весь годъ впередъ, а по третямъ, Воспитательному Обществу терпѣло возможность отдавать ихъ въ кредитныя установленія и терпѣло около 7.500 р. асс. въ годъ (Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 41). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 8, л. 4; Д. 1817 г., № 1; Д. 1818 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1834 г., № 30, лл. 9—11; Д. 1831 г., № 15, лл. 12—14, 18, 30; Д. 1831 г., № 62. Арх. Совѣтъ Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Учр., XIII, 214. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 32; Д. 1849 г., № 117. За 1845 г. сумма недоимокъ возросла болѣе чѣмъ на 1.000 р. серебр. (Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 79). Насколько трудно было взыскивать недоимки, можно судить по тому, что недоимка за воспитаніе дочерей одного изъ довольно крупныхъ чиновниковъ Министерства Финансовъ, образовавшаяся въ 1814 г. послѣ многолѣтней переписки была покрыта, и то благодаря содѣйствію Министерства, только въ 1861 г. (Д. 1847 г., № 1).

Особой статьей дохода въ Смольномъ была продажа съ аукціона [1] негодныхъ къ употребленію вещей—платья, бѣлья, обуви, книгъ. Въ нѣкоторые годы эта продажа давала свыше полутора тысячъ рублей серебромъ. Вырученныя отъ такой продажи деньги обычно употреблялись, съ разрѣшенія Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, на покрытіе непредусмотрѣнныхъ смѣтою, случайныхъ расходовъ, какъ, напр., покупку инструментовъ для музыкантовъ, устройство тротуара возлѣ зданій Воспитательнаго Общества, покупку деревьевъ для сада, взамѣнъ испорченныхъ бурею, и т. п. [2].

Послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, одни изъ доходовъ Смольнаго медленно возрастали, другіе, наоборотъ, уменьшались, иногда весьма значительно. Между тѣмъ, расходы по содержанію Смольнаго постоянно возрастали, и Совѣтъ Воспитательнаго Общества оказался не въ состояніи выполнять повелѣніе покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны объ ежегодномъ отчисленіи остатковъ по содержанію Смольнаго на приращеніе процентами въ Сохранную Казну [3]. Мало того, являлось нерѣдкое превышеніе расходовъ надъ доходами. Превышенія эти приходилось покрывать изъ образованнаго при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ запаснаго капитала Воспитательнаго Общества [4]. Совѣтомъ Воспитательнаго Общества принимались различныя мѣры въ борьбѣ съ этимъ нежелательнымъ явленіемъ. Это было тѣмъ болѣе необходимымъ, что запасный капиталъ

[1] Старыя платья воспитанницъ Смольнаго обычно пріобрѣтались за умѣренную плату Кронштадтскимъ Сиротскимъ Домомъ и Женскимъ патріотическимъ Обществомъ для своихъ воспитанницъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 77). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 23; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), л. 202; Д. 1848 г., № 19; и др. Въ 1840 г., по ходатайству прот. Недешева, были отчислены на Монетномъ Дворѣ ветхія церковныя облаченія. Золота было вычислено на 25 р. и серебра на 495 р. 55½ к. серебр. Деньги эти были употреблены на пріобрѣтеніе новыхъ церковныхъ облаченій (Д. 1840 г., № 7). [3] По Высочайшему повелѣнію Императрицы Маріи Ѳеодоровны полагалось: *«ежегодно изъ экономическихъ остатковъ Общества благородныхъ дѣвицъ отчислывать въ сохранную казну для приращенія отъ процентовъ: по 1-хъ по 5.000 р. на постепенныя прибавки жалованья чиновникамъ и обоего пола должностнымъ; по 2-хъ по 5.000 р. для умноженія капитала, на пенсіи опредѣленнаго, въ 3-хъ по 1.000 р. на ремонтъ превосх. въ 4-хъ часть суммъ, потребныхъ на истопленіе зимнихъ вещей дѣвицамъ и полной аммуниціи нижнимъ служителямъ; въ 5-хъ сколько возможно для экстраординарныхъ расходовъ при каждомъ выпускѣ дѣвицъ и, наконецъ, въ 6-хъ остальныя за тѣмъ деньги для составленія запаснаго капитала»* (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 41). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), № 17, лл. 1—2; Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 70; Д. 1832 г., № 2 (оп. кн.), № 12; Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 25 л. 2; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6, л. 1; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1, лл. 1—2; Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 32; и др.

постепенно уменьшался. Въ то время, какъ въ 1828 г. онъ доходилъ до 224.872 р. асс., въ 1831 г., послѣ покупки дома для священнослужителей Воспитательнаго Общества, онъ сократился до 174.462 р. асс.; къ началу 1839 г. онъ равнялся лишь 26.928 р. асс., къ 1 января 1851 г.—16.822 р. 71½ к. серебр. [1].

Расходы производились съ особой бережливостью [2], по многимъ статьямъ, по возможности, расходы сокращались. Стали изготовлять изъ болѣе дешеваго матеріала одежду, бѣлье, обувь для воспитанницъ; начали пріобрѣтать болѣе дешевую посуду, уменьшили расходъ на ремонтъ мебели, даже на классныя принадлежности и учебныя пособія, соблюдали особую экономію на дрова. Начальница отказалась отъ полагавшихся ей «семи порныхъ» лошадей и выразила желаніе довольствоваться «четверкою ямскихъ». Одновременно начальство Воспитательнаго Общества начало прилагать особыя старанія къ взысканію недоимокъ, повышенію доходности арендныхъ статей [3].

Всего этого, однако, оказывалось недостаточнымъ для финансоваго благополучія Смольнаго. Уже въ 1839 г. пришлось возбудить вопросъ о продажѣ нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Воспитательному Обществу участковъ земли по берегу рѣки Невы и о повышеніи, въ связи съ возрастающей стоимостью содержанія, пансіонерной платы на 125 р. асс. въ Воспитательномъ Обществѣ и на 100 р. асс. въ годъ въ Мѣщанскомъ Учи-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 51; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 123. Постепенно уменьшались и другіе составлявшіе при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ капиталы Смольнаго: приведенный равнялся въ 1828 г. 15.739 р. асс., къ 1839 г. уменьшился до 7.968 р. асс.; строительный капиталъ, состоявшій въ 1824 г. изъ 45.000 р. асс., въ 1839 г. былъ израсходованъ безъ остатка [Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 51]. [2] Начальство Воспитательнаго Общества вообще нерѣдко находило такихъ лицъ, которыя производили различныя работы и поставляли припасы съ значительной уступкой, а иногда даже безвозмездно. Совѣтъ объявлялъ имъ отъ своего имени благодарность, возбуждалъ ходатайства о награжденіи ихъ орденами и медалями, докладывалъ объ ихъ дѣятельности Императрицѣ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 29; Д. 1854 г., № 2 (оп. кн.), № 122; Д. 1851 г., № 70]. Въ цѣляхъ экономіи, Совѣтъ нерѣдко прибѣгалъ къ изготовленію припасовъ хозяйственнымъ способомъ [Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 104; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 257; Д. 1851 г., № 1 (оп. кн.), № 14; Д. 1856 г., № 6 (оп. кн.), № 21; и мн. др.], организовывалъ пріобрѣтеніе товаровъ непосредственно изъ первыхъ рукъ [Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 191]. Во время недорожанія 1834 г., по случаю неурожая, жупи и крупы, Совѣтъ исходатайствовалъ право получать, по льготной цѣнѣ, выписанныя Правительствомъ изъ-за границы муку и крупу [Д. 1834 г., № 7, лл. 31—32]. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 1; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 51; Д. 1848 г., № 1 (оп. кн.), № 32; и др.

лищѣ и Военномъ Отдѣленіи [1]. Одновременно Совѣтъ Воспитательнаго Общества ходатайствовалъ передъ Императоромъ Николаемъ I объ ассигнованіи дополнительно по 100 р. асс. въ годъ на содержаніе каждой изъ 500 штатныхъ воспитанницъ [2], по примѣру того, какъ соотвѣтственное дополнительное ассигнованіе дѣлалось каждый разъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ при повышеніи пансіонерной платы во время главнопачальствованія Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3].

Независимо отъ сего, начальству Смольнаго неоднократно приходилось возбуждать новыя ходатайства о пособіяхъ на содержаніе Воспитательнаго Общества и Мѣщанскаго Училища [4]. Особенно быстро росли расходы по содержанію служебнаго персонала. Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна продолжали заботы Императрицы Маріи Ѳеодоровны объ улучшеніи положенія служащихъ въ Воспитательномъ Обществѣ и Училищѣ. Преимущественное вниманіе они удѣляли заботамъ о служебномъ и матеріальномъ положеніи учебно-воспитательскаго персонала. Постепенно, по мѣрѣ вздорожанія жизни, повышались оклады жалованья и пенсій, расширялись права на полученіе пенсій, какъ для самихъ служащихъ, такъ и для ихъ семействъ. Независимо отъ этого, въ отдѣльныхъ случаяхъ, на-

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 215 и слѣд. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1834 г., № 30, лл. 4—5. Плата за пансіонеровъ увеличена была съ Высочайшаго соизволенія 2 ноября 1810 г. въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ отъ 503 р. 16²/₉ к. асс. до 600 р. асс. въ годъ и въ Мѣщанскомъ Училищѣ отъ 203 р. 78¹/₉ к. асс. до 500 р. асс.; потомъ (1 мая 1815 г.) въ Обществѣ до 800 р. асс., а въ Училищѣ до 500 р. асс. и наконецъ (3 янв. 1821 г.) въ Обществѣ до 1.100 р. асс., а въ Мѣщанскомъ Училищѣ до 600 р. асс. за каждую пансіонерку [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 14 (оп. кн.), № 51]. [2] 300 — въ Воспитательномъ Обществѣ и по 100 въ Мѣщанскомъ Училищѣ и Военномъ при всѣхъ Отдѣленіяхъ. [3] Въ 1813 г. было Высочайше повелѣно отпускать ежегодно по 68.295 р. асс., въ 1816 г.—сверхъ того по 60.000 р. асс., въ 1821 г.—дополнительно по 60.000 р. асс., всего по 188.295 р. асс. ежегодно. Сумма эта первоначально отпускалась изъ Государственнаго Казначейства, а затѣмъ, въ 1829 г., была отнесена за счетъ доходовъ Сохранныхъ Казенъ (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 14 (оп. кн.), № 51; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 99; Д. 1829 г., № 62, л. 21]. [4] Такъ, напр., въ 1815 г. Императоромъ Николаемъ I Высочайше было повелѣно въ дополненіе къ отпускавшимся ежегодно на содержаніе Смольнаго изъ Московской Сохранной Казны 339.064 р. 80 к. асс. (сумма эта состояла, главнымъ образомъ, изъ процентовъ съ находившихся въ Сохранной Казнѣ капиталовъ Смольнаго, и частью изъ пособія, полагавшагося Смольному, по Высочайшему повелѣнію, изъ доходовъ Сохранной Казны)—отпускать еще 10.935 р. 20 к. асс. въ годъ, а всего—400.000 р. асс. въ годъ, но съ тѣмъ, чтобы начальство Смольнаго впредь не представляло на Высочайшее благоволеніе смѣтъ, въ которыхъ расходы превышали бы *сумму, имѣющуюся у Общества доходовъ* [Арх. *Имп. Воспит. Общ. Д. 1839 г., № 14* (оп. кн.), № 51. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 223—225].

значались пенсіи внѣ правилъ [1]. Преподавателямъ, выслужившимъ пенсію по Министерству Народнаго Просвѣщенія, было предоставлено право получать ее, продолжая состоять на службѣ въ Воспитательномъ Обществѣ [2]. Законоучителямъ Смольнаго и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы, въ 1855 г. было Высочайше дароване право получать по выходѣ въ отставку пенсію за свою учебную службу, хотя бы они и продолжали потомъ состоять при епархіальныхъ церквахъ [3].

Неоднократно повышались нормы поурочной платы. Въ 1843 г. большинство учебныхъ предметовъ въ Воспитательномъ Обществѣ оплачивалось по 75 р. серебр. за годовой полуторачасовой урокъ, педагогика и дидактика по 100 р., рисованіе по 60 р. Кромѣ поурочной платы, одни изъ преподавателей имѣли квартиры въ зданіяхъ Смольнаго, другіе получали квартирныя или разъѣздныя деньги; или же, наконецъ, за преподавателями посылались казенные экипажи [4].

По штату 1858 г. плата исчислялась за годовые часовые уроки, въ зависимости отъ возраста (старшаго, средняго или младшаго), преподавателямъ наукъ—60 р., 50 р. и 40 р. серебр., преподавателямъ рисованія—45 р., 42 р. и 38 р. и преподавателямъ чистописанія (въ среднемъ и младшемъ возрастахъ) 38 р. и 32 р. серебромъ [5].

За 25 лѣтъ службы преподавателямъ выдавался въ награду годовой окладъ жалованья [6]. Денежныя награды выдавались имъ и при выпускахъ воспитанницъ. Было признано справедливымъ повысить и служебныя права лицъ учебнаго персонала, начиная съ классовъ ихъ должностей. Въ 1850 г. должности

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 10 (оп. кн.); № 38. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 69; Д. 1845 г., № 87, лл. 54—56, ср. лл. 69—86; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 86; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 38, л. 2; Д. 1839 г., № 59; Д. 1853 г., № 1 (оп. кн.). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 169. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 1 (оп. кн.), № 267. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 59, лл. 37, 58; Д. 1836 г., № 42 (оп. кн.), № 78; Д. 1845 г., № 87, л. 135; Д. 1818 г., № 82; Д. 1813 г., № 34, лл. 2—3; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 132; Д. 1807 г., № 35, лл. 1—11; Д. 1810 г., № 1, л. 9. Въ послѣдніе годы времени управленія Императрицы Александры Ѳеодоровны съ нѣкоторыхъ преподавателей вычитали изъ жалованья за казенныя квартиры, но эти вычеты были незначительными (см., напр., Д. 1850 г., № 9). Разъѣздныя деньги преподавателямъ выдавались по 8 р. за годовой урокъ (Д. 1838 г., № 73, л. 8). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 73, лл. 6—7. [6] Выс. повел. 1 мая 1837 г. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1813 г., № 34, лл. 2—3. Арх. Совѣт. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Матер. Учр., XIII, 351.

инспектора классовъ Воспитательнаго Общества былъ присвоенъ V классъ [1].

Постепенно увеличивались служебныя преимущества и субъинспектора и преподавателей [2]. Увеличивались служебныя преимущества и оклады и другихъ должностныхъ лицъ [3].

Общее улучшеніе положенія всего служебнаго персонала Смольнаго было произведено дважды—при введеніи штатовъ 1839 г. и штатовъ 1858 г. Потребность увеличенія окладовъ сознавалась давно, но поводомъ къ пересмотру штатовъ Воспитательнаго Общества явился Высочайшій указъ Сенату 25 декабря 1838 г., которымъ повелѣвалось увеличить оклады гражданскихъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ. Совѣтъ Воспитательнаго Общества, указывая, что многіе изъ служащихъ въ Смольномъ доселѣ получаютъ оклады по штатамъ 1796 и 1802 гг., представилъ Государю Императору проектъ новаго штата. Императоръ Николай Павловичъ, утвердивъ 30 декабря 1839 г. проектъ новаго штата, повелѣлъ отпускать дополнительно на содержаніе служебнаго персонала Воспитательнаго Общества и Мѣщанскаго Училища по 20.000 р. серебр. въ годъ, при чемъ, согласно ходатайству Совѣта Общества, сумма, прибавленная на содержаніе преподавателей, поступала въ распоряженіе Совѣта съ тѣмъ, чтобы изъ нея «по представле-

Членъ Совѣта
Графъ Ю. А. Головкинъ.

[1] До этого времени должность инспектора классовъ состояла въ VIII классѣ, и, такимъ образомъ, изъ бы ниже должностей правителя канцеляріи и правителя по хозяйственной части, которыя состояли въ VII классѣ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1817 г., № 4; Д. 1830 г., № 11 (оп. кн.), № 72; ср. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 9; Д. 1829 г., № 1 оп. кн.), № 67). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 9; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 59; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), №№ 67 и 77; Д. 1845 г., № 87, лл. 54—58; Д. 1829 г., № 59, лл. 14—16, 29, 43. [3] Въ 1829 г. былъ, напр., увеличенъ штатный окладъ правителя канцеляріи съ 1.200 р. до 2.000 р. асс. въ годъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 31; Д. 1829 г., № 62).

нiямъ члена Совѣта, управляющаго учебною частью, прибавлять жалованье такимъ достойнымъ учителямъ, которыхъ польза заведенія требуетъ сохранить или вновь пріобрѣсть для онаго» [1].

Поводомъ къ новому пересмотру штата Воспитательнаго Общества послужило слѣдующее обстоятельство. Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній обратилъ вниманіе на неудобство ежегодно утруждать Его Величество представленіемъ на Высочайшее утвержденіе смѣтъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. По мнѣнію Главнаго Совѣта, было бы цѣлесообразно дать нѣсколькимъ учебнымъ заведеніямъ, въ томъ числѣ Воспитательному Обществу съ состоящимъ при немъ Александровскимъ Училищемъ, «постоянныя руководства при производствѣ расходовъ, начертавъ для того полные штаты, объемлющіе не токмо одно жалованье служащихъ, но и всѣ статьи содержанія дѣвицъ и заведенія вообще» [2].

Предположенія Главнаго Совѣта удостоились 27 марта 1847 г. Высочайшаго одобренія. Работа по составленію новаго штата Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища совершалась съ большой тщательностью. Составленный Совѣтомъ Воспитательнаго Общества проектъ былъ разсмотрѣнъ сначала въ контрольной экспедиціи IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, потомъ въ особо учрежденномъ для того комитетѣ при IV Отдѣленіи, и, наконецъ, по разсмотрѣніи въ Главномъ Совѣтѣ, былъ Высочайше утвержденъ 14 января 1850 г. [3] и введенъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта на два года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе опытнаго срока выяснилось, вполнѣ ли онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ заведенія. Опытный срокъ былъ потомъ дважды продленъ. Совѣтъ Воспитательнаго Общества въ данномъ, по истеченіи опытнаго срока, отзывѣ призналъ, что введенный въ видѣ опыта штатъ вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища, при чемъ указывалъ на особое удобство впервые введеннаго въ штатѣ правила «недостатки по однѣмъ статьямъ штата замѣнять сбереженіями по другимъ».

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по Учр. Имп. Маріи, Учр., XIII, 254—258. Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1839 г., № 11, лл. 1—3; Д. 1847 г., № 5; Д. 1849 г., № 1, лл. 1—2, 6—10, 14—15. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 67. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 296—305.

Наконецъ, по новомъ обсужденіи въ Главномъ Совѣтѣ введеннаго въ видѣ опыта временнаго штата, онъ былъ 15 февраля 1858 г. Высочайше утвержденъ въ видѣ постояннаго штата, съ введеніемъ въ дѣйствіе съ 1 января 1858 г.

Согласно штату 1858 г., увеличеніе окладовъ, въ виду особой бережливости, стоявшей, между прочимъ, въ связи съ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ Россіи послѣ Крымской войны, было сдѣлано незначительное и не по многимъ должностямъ. Увеличеніе расходовъ, по сравненію съ смѣтными расписаніями послѣднихъ лѣтъ, простиравшееся до 28.000 р. серебр. въ годъ, касалось, главнымъ образомъ, другихъ статей расходовъ [1].

Новые расходы были покрыты, главнымъ образомъ, за счетъ процентовъ отчисленныхъ еще въ 1854 г., до начала войны, суммъ изъ прибылей Сохранныхъ Казенъ, а недостающую ежегодно на содержаніе Смольнаго по новому штату сумму въ 6.000 р. серебр. было Высочайше повелѣно отпускать дополнительно изъ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, пока не будетъ отчисленъ для этого особый капиталъ изъ прибылей Сохранныхъ Казенъ [2].

По выслугѣ каждаго пятилѣтія всѣ должностныя лица, кромѣ учебнаго персонала, получали, какъ и во время главноначальствованія Императрицы Маріи Ѳеодоровны,—постепенныя прибавки къ жалованью [3]. По выслугѣ ими 25 лѣтъ, въ награду выдавался годовой окладъ жалованья [4]. Тѣмъ лицамъ женскаго

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 11; Д. 1850 г., №№ 18, 54 и 38; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 204; Д. 1820 г., № 16, лл. 22—27; Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 2; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 4; Д. 1844 г., № 67; Д. 1858 г., № 73, лл. 1—7, 23—27. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по Учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 306—308. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 73, л. 14; Д. 1858 г., № 1 (оп. кн.), № 31; Д. 1839 г., № 11. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 12 (оп. кн.), №№ 118, 119; и мн. др. Если кто либо занималъ одновременно двѣ должности, постепенныя прибавки производились по обѣимъ должностямъ. Если кто либо часть пятилѣтія состоялъ на одной должности, а вторую—на другой, размѣръ постепенной прибавки исчислялся пропорціонально времени, проведенному на каждой должности [Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 2]. Лица учебнаго персонала, какъ получавшія не штатные оклады, а поурочное вознагражденіе, правомъ на постепенныя прибавки не пользовались. Лица учебнаго персонала, если они раньше занимали должность, соединенную съ правомъ на постепенныя прибавки, сохраняли, однако, выслуженную ими прибавку и по переходѣ на учебную службу [Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 2]. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 2; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 29; и мн. др. Начиная съ 1849 г., выдача въ награду годового оклада жалованья по прослуженіи 25 лѣтъ тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыя по своей должности не имѣли права на полученіе Маріинскаго знака, производилась, согласно Высочайше утвержденному, 26 апрѣля 1849 г., журналу Главнаго Совѣта, только за особыя отличія (Д. 1849 г., № 98).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

пола, которыя имѣли право на полученіе Маріинскаго знака, выдача годового оклада жалованья пріурочивалась къ награжденію ихъ за двадцатипятилѣтнюю службу Маріинскимъ знакомъ первой степени [1]. Независимо отъ этого, годовой окладъ жалованья выдавался при выходѣ въ отставку, при назначеніи пенсіи [2]. Бывали случаи, когда, по повелѣніямъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, годовой окладъ выдавался должностнымъ лицамъ, въ видѣ награды, неоднократно въ теченіе ихъ службы въ Смольномъ [3]. Выдача денежныхъ наградъ служащимъ по всѣмъ частямъ чаще всего относилась ко времени выпусковъ воспитанницъ [4].

Въ заботахъ объ обезпеченіи матеріальнаго положенія служащихъ, еще въ 1830 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на предоставленіе тѣмъ изъ нихъ, кто не пользуется по штату казеннымъ столомъ, права получать его за плату, въ какую обходится онъ «при экономическомъ заготовленіи на каждую мѣщанскую воспитанницу» [5]. Въ 1834 г., когда, вслѣдствіе неурожая, цѣны на муку чрезвычайно возросли, Совѣтомъ Воспитательнаго Общества было исходатайствовано для «наилучшихъ чиновниковъ» Общества право покупать по «нормальной цѣнѣ» муку изъ казенныхъ магазиновъ [6].

До 1851 г. относительно пенсій въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ Училищѣ продолжали дѣйствовать, почти безъ измѣненій, постановленія, какія были изданы Императрицей Маріей Ѳеодоровной [7]. Источникомъ для платежа пенсій попрежнему шлялись проценты съ собственнаго пенсіоннаго капитала Смольнаго, который, согласно повелѣнію Императрицы Маріи Ѳеодоровны 8 октября 1828 г., долженъ былъ пополняться изъ ежегодныхъ сбереженій по содержанію Смольнаго [8].

Источника этого, однако, оказывалось недостаточно, и приходилось дѣлать ежегодныя доплаты изъ общихъ доходовъ Общества [9].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 2; и мн. др. [2] См., напр., тамъ же, и мн. др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты Императрицы 1832—1847 гг. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 256; и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 54; Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 123. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 7, лл. 30, 31. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 1 (оп. кн.); Д. 1839 г., № 22; Д. 1849 г., № 115; и др. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 27; Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 55. [9] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 45; Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 19. Въ 1834 г., напр., пенсій за службу при Обществѣ надлежало выдать на сумму 28.407 р. 25 к. асс., а доходовъ съ пенсіоннаго капитала имѣлось только 23.748 р. 29 к. асс. [Д. 1834 г., № 12 (оп. кн.), № 28]

Въ 1834 г. Совѣтомъ Общества было возбуждено ходатайство объ ежегодномъ отпускѣ изъ кассетнаго капитала по 5.000 р. асс. на выдачу пенсій, но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало [1].

Несмотря на обременительность для Смольнаго уплаты пенсій, Совѣтъ Воспитательнаго Общества не останавливался даже предъ назначеніемъ пенсій внѣ правилъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это представлялось справедливымъ [2].

Инспектрисамъ, по выходѣ въ отставку, помимо назначенія пенсій, обычно отводились еще квартиры въ зданіяхъ Смольнаго, или выдавались квартирныя деньги. Назначеніе оставившимъ службу инспектрисамъ квартиръ или квартирныхъ денегъ было отмѣнено въ 1845 году [3].

23 іюня 1851 г. Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Высочайше утверждено положеніе Главнаго Совѣта о сравненіи во всѣхъ отношеніяхъ правилъ о пенсіяхъ для служащихъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ постановленіями о пенсіяхъ, дѣйствующими въ учрежденіяхъ Опекунскаго Совѣта. 1 іюля того же года состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи въ Сохранныхъ Казнахъ общаго пенсіоннаго по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи капитала. Пенсіонный капиталъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ былъ тогда же причисленъ къ этому общему для всего Вѣдомства капиталу, и пенсіи за службу въ Смольномъ стали производиться непосредственно изъ С.-Петербургской Сохранной Казны [4].

Большихъ расходовъ требовали строительныя и ремонтныя работы въ Смольномъ. Кромѣ главнаго зданія Воспитательнаго Общества, построеннаго Кваренги, вѣдѣнію Совѣта общества подлежали—значительная часть зданія, построеннаго Растрелли, зданіе, занимаемое Александровскимъ Училищемъ, и

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 12 (оп. кн.), № 28; Д. 1824 г., № 45, лл. 18, 35. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 25; ср. Д. 1816 г., № 20, лл. 72—73. Въ 1829 г. Совѣтомъ Общества была назначена пенсія вдовѣ эконома Титовой за службу ея мужа, умершаго въ 1810 г. Назначеніе пенсіи состоялось послѣ того, какъ умеръ содержавшій ее сынъ, состоявшій сторожемъ въ Обществѣ (Д. 1829 г., № 64). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 58, л. 16. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), л. 207; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 146. Подробнѣе о новомъ порядкѣ назначенія пенсій см. Шкавъ, 297—304.

цѣлый рядъ другихъ строеній. Перестройки, ремонтъ, расширеніе строеній были постояннымн. Помимо текущаго ремонта, Совѣту приходилось дѣлать значительныя единовременныя затраты, напр., на устройство мозаичнаго пола въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія Воспитательнаго Общества, такъ какъ деревянный крашеный полъ скоро портился [1], на капитальный ремонтъ деревяннаго дома, гдѣ жилъ инспекторъ классовъ [2], на расширеніе, путемъ пристройки, столовой въ главномъ зданіи [3], на устройство образцовой кухни [4], устройство въ «дѣтской» церкви и прилегающемъ къ ней коридорѣ отопленія по системѣ генералъ-маіора Амосова [5], устройство въ нижнемъ коридорѣ главнаго зданія и банѣ печей по системѣ архитектора Свіязева [6], на устройство прачечной съ паровой машиной и водопровода [7] и т. п. Въ 1832 г., съ соизволенія Императрицы, была продана оказавшаяся неудовлетворительной устроенная въ 1823 г. паровая кухня при Мѣщанскомъ Училищѣ, и на ея мѣсто устроенъ «англійскій очагъ» [8].

Въ 1846 г., при выжиганіи сажи, произошелъ пожаръ въ дортуарѣ пепиньеръ. Причиной пожара оказалось неудовлетворительное устройство печныхъ трубъ. Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣлъ образовать особую комиссію архитекторовъ, которая бы произвела изслѣдованіе, не имѣется ли подобныхъ недостатковъ и въ другихъ частяхъ зданія. Комиссія архитекторовъ, во избѣжаніе возможности впредь случаевъ такого пожара, признала необходимымъ значительно передѣлать дымовыя трубы, а также замѣнить во всемъ третьемъ этажѣ деревянные своды каменными [9].

Въ 1841 г., съ разрѣшенія Императора Николая Павловича, было отпущено изъ «монашеской суммы» около 3.000 р. серебр. на ремонтъ церкви Воспитательнаго Общества [10].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 72. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1832 г., № 84. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1849 г., № 84. [4] Тамъ же. [5] Первоначально это отопленіе было устроено неудачно. Нагрѣваніе было недостаточнымъ и во время топки шелъ чадъ, вслѣдствіе чего отопленіе пришлось передѣлать (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1840 г., № 7). [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 9 (оп. пн.), № 263; Д. 1855 г., № 73. [7] На это было отпущено 26.502 р. 75 к. серебр. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1842 г., № 42). [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1832 г., № 9. [9] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1846 г., № 6, лл. 1, 3, 8—9, 13. Черн. докл. М. П. Леонтьевой Императрицѣ, окт. 1846 г. (Д. 1843 г., № 84, лл. 84—88). [10] По желанію М. П. Леонтьевой, для церкви были написаны дочерью полковника Буксгевдена два образа—св. Царицы Александры и св. Маріи Магдалины за плату 600 р. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1840 г., № 7).

Въ 1857 г., въ цѣляхъ *улучшенія вентиляціи и освѣщенія* нижняго коридора главнаго зданія, тамъ были пробиты арки и сдѣланы большія стеклянныя двери [1].

Въ 1851 г., по исполненіе Высочайшей воли, по соглашенію Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, начальницы Смольнаго, Почетнаго опекуна, управляющаго Вдовьимъ Домомъ и Статсъ-Секретаря А. Л. Гоффана, были выработаны предположенія о новомъ распредѣленіи построеннаго гр. Растрелли зданія, окружающаго соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній.

Въ средней части зданія, обращенной къ Невѣ, намѣчено было помѣстить *лазаретъ для воспитанницъ* Общества, находившійся до того времени въ Александровскомъ Училищѣ. Помѣщавшихся здѣсь пенсіонерокъ Воспитательнаго Общества предположено временно, впредь до выбытія ихъ, размѣстить въ той части зданія Училища, гдѣ находился *лазаретъ* Общества. Правую, или южную, сторону стараго зданія предполагалось *отвести для призрѣваемыхъ во Вдовьемъ Домѣ, лѣвую, или сѣверную,*—для пенсіонерокъ и чиновницъ Вдовьяго Дома; въ зданіи, гдѣ помѣщалось Маріинское Межевое Училище, устроить помѣщеніе для «предназначеннаго къ учрежденію заведенія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія» [2].

По Высочайшему повелѣнію былъ составленъ подробный планъ размѣщенія *лазарета* Воспитательнаго Общества. Въ нижнемъ этажѣ было предположено помѣстить лазаретную кухню, «коробовыя печи для нагрѣванія коридоровъ», квартиры служащихъ и прислуги; въ среднемъ—самый лазаретъ, съ раздѣленіемъ его на три части, по возрастамъ, и въ верхнемъ—комнаты для запаснаго лазарета, больницу для служанокъ и нѣсколько квартиръ для служащихъ въ лазаретѣ [3]. На приспособленіе помѣщеній для лазарета, по Высочайшему повелѣнію, было отчислено 43.985 р. 74 к. серебр. изъ прибылей С.-Петербургской Сохранной Казны. Къ работамъ приступили весной 1853 г. Работы велись на экономическихъ началахъ, такъ что получился отъ ассигнованной суммы остатокъ, на который удалось построить каменный флигель для прачечной, а также привести въ порядокъ садъ воспитан-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 83, л. 1. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 89, лл. 5—6. [3] Тамъ же, лл. 9—10.

пищъ [1], устроить нѣкоторыя усовершенствованія въ прачечной и завести механическую пилу для распилки дровъ [2].

Расходы на столъ воспитанницъ и лицъ служебнаго персонала постоянно увеличивались. По смѣтѣ на 1834 г. исчислялось на пищу по расчету 40 к. асс. въ день на каждую воспитанницу Общества [3], классную даму, учительницу и т. д.; на столъ инспектрисъ—по 70 к., служанокъ—по 25 к. [4]. Классныхъ дамамъ, учительницамъ, пепиньеркамъ и нѣкоторымъ другимъ выдавалось еще, вмѣсто четвертаго блюда, по 4 р. 28½ к. асс. въ мѣсяцъ и по 51¾ к. на молоко [5]. На столъ начальницы съ 26 ежедневно обѣдающими у нея воспитанницами полагалось 12 р. 78¾ к. асс. въ день [6].

Столъ воспитанницъ по праздникамъ былъ даже изысканный [7], но въ обычные дни пища для воспитанницъ изготовлялась не всегда въ достаточномъ количествѣ и вкусно [8]. Императоръ Николай I обращалъ большое вниманіе на столъ воспитанницъ, дѣлалъ указанія о мѣрахъ къ тому, чтобы въ Смольномъ кормили «не довольно хорошо, а вполнѣ хорошо» [9]. Утромъ полагался чай, въ скоромные дни съ молокомъ, лѣтомъ—парное

[1] На садъ въ Смольномъ, по волѣ Императора Николая Павловича, вообще обращали много вниманія [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 54; Д. 1845 г., № 60; Д. 1848 г., № 6, лл. 3, 4с и др.]. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 89; Д. 1854 г., № 74; Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), №№ 1, 51. М. П. Леонтьевъ, въ своихъ донесеніяхъ Императрицѣ, какъ во время этихъ, такъ и другихъ перестроекъ, неоднократно отмѣчалъ особое умѣніе, стараніе и добросовѣстность архитектора и экономa (см., напр., Д. 1845 г., № 81, лл. 84—85; Д. 1847 г., № 62, л. 69, и др.). Архитекторомъ при Смольномъ въ то время былъ сначала А. В. Кавосъ, потомъ сынъ его, П. А. Кавосъ (о нихъ см. Д. 1831 г., № 41; Д. 1850 г., № 77). Императоръ Николай I всегда самъ лично обращалъ большое вниманіе на постройку не только казенныхъ, но и частныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ [Д. 1835 г., № 11 (оп. кн.), № 57. Ср. Бенуа и Лансере (Ст. годы, 1913 г., VII—IX). Въ случаѣ плохой постройки казенныхъ зданій Императоръ Николай I повелѣвалъ обращать убытки на имущество виновныхъ (Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I). [3] Въ Мѣщанскомъ Училищѣ—по 35 к. асс. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 6. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1851 г., № 39; Д. 1842 г., № 22; Д. 1850 г., № 33; Д. 1854 г., № 66; Д. 1860 г., № 24. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 27. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 18; Д. 1840 г., № 33. [8] См., напр., Лаврентьева. Ркп. Водовозова, 291—292. [9] Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. На одномъ изъ донесеній чиновника особыхъ порученій при IV Отдѣленіи Собств. Е. И. В. Канцеляріи Вонлярлярскаго, которому было поручено наблюденіе за столомъ воспитанницъ учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи, о результатахъ осмотра имъ стола въ нѣсколькихъ заведеніяхъ Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Генералъ-Адъютанту Ростовцеву взять съ собой г. Жирскаго и показать ему, какъ кормятъ надеть; нѣтъ сравненія между обѣдами ихъ и дѣвичьемъ; желалъ бы дойти до того, чтобы дѣвицы получали столь же обильную и вкусную пищу». (Тамъ же).

молоко,—съ бѣлымъ хлѣбомъ; обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, ужинъ—изъ двухъ; въ царскіе дни за обѣдомъ полагалось вино, а вечеромъ, во время баловъ, «воспитанницъ угощали плодами, конфектами, оршадомъ и лимонадомъ» [1].

Для ста воспитанницъ военнаго при Мѣщанскомъ Училищѣ отдѣленія, по Высочайшему повелѣнію, провизія отпускалась изъ Провіантскаго Департамента Военнаго Министерства [2].

Вопросъ о вполнѣ достаточномъ освѣщеніи обширныхъ помѣщеній Смольнаго былъ нелегкимъ. Освѣщали зданіе внутри, главнымъ образомъ, свѣчами, позже лампами. Нижній коридоръ Воспитательнаго Общества до 1849 г. освѣщался висячими фонарями, въ которыхъ горѣло конопляное масло; дортуары Александровскаго Училища до конца 50-хъ годовъ освѣщались масляными почниками. Должностнымъ лицамъ, кому полагалось по штату освѣщеніе, отпускались свѣчи натурою, соотвѣтственно важности занимаемой должности. Въ концѣ 50-хъ годовъ начальницѣ полагалось въ годъ 9 пуд. свѣчей, инспектрисамъ—по 3 пуд. 33 фунт. каждой, класснымъ дамамъ—по 2 пуд. 3 фунт., инспектору классовъ—4 пуд., правителю дѣлъ канцеляріи—4 пуд., капельмейстеру—1 пуд. 25 фунт. и т. д. [3].

Расходы по отопленію были очень значительными. Дровъ требовалось много, цѣны на дрова постоянно возрастали. Воспитательное Общество прибѣгало къ опытамъ отопленія торфомъ, къ устройству такихъ системъ отопленія, которыя являлись бы болѣе выгодными въ смыслѣ экономіи топлива. Опыты эти, однако, по большей части, оказывались неудачными [4].

Веденіе хозяйства въ Смольномъ было попрежнему весьма сложнымъ. Помимо большого числа воспитанницъ въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ Училищѣ и служебнаго персонала обоихъ заведеній, на попеченіи Совѣта въ значительной степени лежали заботы о бывшихъ инспектрисахъ, классныхъ дамахъ и другихъ лицахъ, съ Высочайшаго соизволенія проживавшихъ, до учрежденія при Вдовьемъ Домѣ отдѣленія для дѣвицъ, въ зданіяхъ Смольнаго. Такихъ лицъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 61, лл. 7—9. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1849 г., № 10; Д. 1853 г., № 61. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 73, лл. 12—13; Д. 1839 г., № 74, л. 28; Д. 1860 г., № 38; Д. 1849 г., № 45, л. 16. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 77, лл. 3—4; Д. 1840 г., № 7; Д. 1833 г., № 9 (оп. вн.), № 393; Д. 1855 г., № 75; Д. 1833 г., № 3.

бывало довольно много, они занимали не малую часть помѣщеній Смольнаго [1]. Между тѣмъ, вносимая за нихъ [2] или ими самими плата за ихъ содержаніе не всегда соотвѣтствовала дѣйствительнымъ расходамъ. Кромѣ того, не отличался опредѣленностью и характеръ отношеній этихъ лицъ къ начальству Смольнаго. Хотя они и жили въ зданіяхъ Смольнаго, они въ сущности не были обязаны считаться съ укладомъ жизни пріютившаго ихъ учебно-воспитательнаго заведенія [3].

Смольный монастырь.

Число прислуги въ Смольномъ было очень большимъ. Въ 1831 г. прислуги, съ семействами, числилось свыше 700 человѣкъ [4]. Къ 1 января 1860 г. число мужской и женской прислуги безъ семействъ равнялось 477 человѣкамъ, въ томъ числѣ было 19 музыкантовъ и 47 мастеровыхъ [5]. Особое при-

[1] Въ зданіи Воспитательнаго Общества, съ позволенія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 28 лѣтъ жила, напр., г-жа Дункеръ, занимавшая квартиру въ 11 комнатъ (Арх. Гос. Сов. Матеріалы для исторіи царств. Имп. Николая I. Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой). [2] За квартиру и полное содержаніе камеръ-фрейлины Нелидовой уплачивалось въ 1817 г. изъ Кабинета Его Величества по 172 р. 55 к. серебр. въ годъ [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5]. [3] Арх. Гос. Сов. Мат. для ист. царств. Имп. Николая I. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1831 г., № 12 (оп. кн.); Д. 1831 г., № 13 (оп. кн.); Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 5; Д. 1845 г., № 33; Д. 1849 г., № 101, л. 1; и мн. др. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1831 г., № 6; Д. 1830 г., № 59, лл. 9—13. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 74, л. 2; ср. Д. 1849 г., № 45, л. 6; Д. 1856 г., № 103, л. 3.

вилегированное положеніе среди прислуги попрежнему занимали швейцары. Въ 1835 г., напр., швейцаръ при Мѣщанскомъ Училищѣ, при выходѣ въ отставку, былъ, по ходатайству Совѣта, награжденъ чиномъ 14 класса [1].

Долгое время почти вся прислуга въ Смольномъ была казенная; мужская—изъ состоящихъ на службѣ солдатъ, женская—изъ питомицъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Потомъ составъ мужской прислуги изъ солдатъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ сокращенъ, при чемъ стали присылать изъ полковъ въ Смольный почти исключительно такихъ солдатъ, которые были неспособны къ строевой службѣ или которымъ оставалось немного до выслуги 25-ти-лѣтняго срока военной службы; наконецъ, командированіе въ Смольный казенной прислуги изъ полковъ было вовсе отмѣнено. Замѣна казенной мужской прислуги вольнонаемной, которой приходилось платить гораздо больше, неблагопріятно отразилась на финансовомъ положеніи Воспитательнаго Общества [2]. Нижнимъ чинамъ, прослужившимъ при Смольномъ не менѣе десяти лѣтъ, выдавалось при выходѣ въ отставку единовременно годовое жалованье [3], прослужившимъ 25 лѣтъ назначалась пенсія [4] въ размѣрѣ 28 р. 68 к. серебр. въ годъ, а иногда ихъ помѣщали въ городскія богадѣльни; за 15 лѣтъ службы назначалась половинная пенсія [5]. Во время Крымской войны, семьямъ тѣхъ изъ находившихся на службѣ въ Воспитательномъ Обществѣ безсрочно-отпускныхъ солдатъ, которые были призваны на дѣйствительную службу, были выданы, съ Высочайшаго соизволенія, пособія изъ запаснаго капитала заведенія [6]. Въ случаяхъ нетрезвости и другихъ проступковъ, служители изъ солдатъ подвергались, по распоряженію начальства Смоль-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 14 (оп. кн.), № 17. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1830 г., № 19; Д. 1831 г., № 62. Казенная мужская прислуга обходилась 38.184 р. 87½ к. асс. въ годъ; вольнонаемная должна была обходиться 61.255 р. асс. въ годъ (Д. 1839 г., № 40, л. 27). При своей одеждѣ и столѣ, вольнонаемнымъ швейцарамъ и лакеямъ при начальницѣ полагалось, напр., по штату 1858 г. по 211 р. 39 к. серебр. въ годъ, музыкантамъ—по 74 р. 7 к. и 47 р. 81 к. серебр. въ годъ, повару у начальницы—70 р. 47 к., служителямъ—51 р. 64 к. и т. д. (Д. 1858 г., № 73, дд. 9—10). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 45, л. 32; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 49; и др. [4] На основаніи Высоч. утвержд. 16 іюня 1851 г., положенія Главн. Сов. жен. уч. завед. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1853 г., № 81, л. 13; ср. Д. 1839 г., № 6; Д. 1842 г., № 81. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 88, л. 2.

наго, аресту на находившейся при Смольномъ военной «каруульнѣ» [1]. Неоднократно замѣченные въ проступкахъ, «въ отвращеніе дурного примѣра, могущаго повлечь за собой распространеніе порока и въ другихъ служителяхъ», отсылались военному начальству для службы въ армейскихъ полкахъ и дальнихъ гарнизонахъ [2].

Для дѣтей казенныхъ служителей Воспитательнаго Общества, по мысли Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ 1841 г. были устроены правильныя учебныя занятія. Вести эти занятія обычно поручалось одному изъ діаконовъ и псаломщиковъ собора всѣхъ учебныхъ заведеній [3]. Школа для служительскихъ дѣтей просуществовала до отмѣны въ Смольномъ казенной прислуги изъ солдатъ. При Воспитательномъ Обществѣ существовала и другая школа—для женской прислуги изъ питомицъ Воспитательнаго Дома; онѣ посѣщали эту школу до двадцатилѣтняго возраста. Преподаваніе обычно возлагалось на тѣхъ же лицъ, которыя занимались и въ школѣ служительскихъ дѣтей [4]. Къ прислугѣ изъ питомицъ Воспитательнаго Дома вообще относились съ особой заботливостью. Начальство Воспитательнаго Общества считало, что оно обязано продолжать до нѣкоторой степени тѣ же заботы о питомицахъ, какими онѣ пользовались отъ начальства Воспитательнаго Дома. Во избѣжаніе возможности нежелательнаго вліянія, не позволяли работать въ прачечной одновременно съ вольнонаемными прачками [5]. До 1829 г. на вступленіе каждой изъ нихъ въ бракъ испрашивалось Высочайшее Государя Императора соизволеніе [6]. Заботились о томъ, чтобы питомицы не были слишкомъ обременены работой; ихъ обязанности точно опредѣлялись особо

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1810 г., № 41, лл. 4—8. Иногда провинившихся «отдавали для исправленія» къ одному изъ священниковъ Смольнаго [Д. 1838 г., № 10 (оп. кн.), № 111]. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 10 (оп. кн.), № 111; Д. 1839 г., № 33; Д. 1843 г., № 31; Д. 1850 г., № 64; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), № 2; Д. 1825 г., № 1 (оп. кн.), № 236. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 58; Д. 1845 г., № 87, л. 117; Д. 1858 г., № 63, лл. 2, 8—9. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1841 г., № 57; Д. 1845 г., № 87, л. 117; Д. 1858 г., № 63, лл. 8—9. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Уч., XIII, 286—287. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 1 (оп. кн.), № 14. [6] Арх. Гос. Сов. Матеріалы для ист. царств. Имп. Николая I. Въ февралѣ 1859 г. одна изъ находившихся въ Смольномъ питомицъ Воспитательнаго Общества объѣхала въ деревню съ своимъ прежнимъ воспитателемъ. Императоръ Николай Павловичъ поставилъ на видъ начальству Воспитательнаго Общества, что объ этомъ ему не было немедленно доложено [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 52; Д. 1850 г., № 11 (оп. кн.), № 36].

изданными инструкціями [1]. Прислугѣ изъ питомицъ выдавалось по различнымъ случаямъ пособіе, и при оставленіи службы назначалась пенсія, при чемъ увольняемымъ по болѣзни за 15 лѣтъ службы назначался въ пенсію полный окладъ жалованья [2]. Для женской прислуги изъ питомицъ при Воспитательномъ Обществѣ былъ особый лазаретъ, гдѣ ихъ окружали внимательнымъ уходомъ [3]. При Смольномъ былъ лазаретъ и для мужской прислуги. Въ него присылались для леченія также нижніе служителя С.-Петербургскаго Училища Ордена Св. Екатерины, позже и мужская прислуга Вдовьяго Дома, а во время холерной эпидеміи и служители Маріинскаго Межевого Училища [4].

Кромѣ прислуги, въ вѣдѣніи Совѣта Воспитательнаго Общества находился состоявшій при Смольномъ военный караулъ отъ полковъ гвардіи. Существованіе этого караула, установленнаго по повелѣнію Императрицы Екатерины II, не только свидѣтельствовало объ особо почетномъ положеніи Воспитательнаго Общества, но и вызывалось дѣйствительной необходимостью охраны Смольнаго, мѣстность вокругъ котораго была все еще настолько мало населена, что случаи грабежей вблизи Смольнаго были нерѣдкими [5]. Число постовъ, занимаемыхъ военнымъ карауломъ, впрочемъ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ, постепенно сокращалось [6].

Высшее завѣдываніе хозяйственной частью Смольнаго принадлежало члену Совѣта по хозяйственной части [7], при ближайшемъ и постоянномъ участіи начальницы. Членами Совѣта

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. Въ Муз. Имп. Восп. Общ. сохранились также черновые собственноручные наброски М. П. Леонтьевой, гдѣ она защищаетъ права прислуги изъ питомицъ Воспитательнаго Дома на сонъ, отдыхъ, время для молитвы, для починки своего платья и проч. Повидимому, было чье то желаніе возложить на нихъ новую обязанность—рано утромъ мыть полы въ коридорахъ. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1814 г., № 6; Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 1. [3] См., напр., утвержденную М. П. Леонтьевой въ 1853 г. инструкцію для надзирательницы лазарета женской прислуги [Муз. Имп. Восп. Общ. Инструкціи]. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1829 г., № 9, лл. 3—6; Д. 1830 г., № 54; Д. 1834 г. № 42; Д. 1847 г., № 11, л. 3. Съ 1828 г. по 1834 г. Воспитательнымъ Обществомъ нанималась въ частномъ домѣ вблизи Смольнаго квартира для служительскихъ дѣтей, на случай появленія у нихъ заразительной болѣзни [Д. 1834 г., № 12 (оп. кн.), № 54]. [5] Въ теченіе одного, напр., 1857 г. было нѣсколько случаевъ ограбленія служащихъ въ Смольномъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1856 г., № 94]. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1843 г., № 1 (оп. кн.), № 114; Д. 1853 г., № 80, л. 4; Д. 1856 г., № 94. [7] Права и обязанности члена Совѣта по хозяйственной части подробно опредѣлялись Высочайше утвержденной, 28 іюня 1847 г., Императрицей Александрой Ѳеодоровной инструкціей, выработанной Главнымъ Совѣтомъ женск. учебн. завед.

Воспитательнаго Общества по хозяйственной части разновременно были сенаторъ О. О. Дюгамель, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, оберъ-церемоніймейстеръ Высочайшаго двора графъ А. М. Борхъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Б. А. Фредериксъ [1].

На время отъѣзда члена Совѣта по хозяйственной части изъ С.-Петербурга исполненіе его обязанностей возлагалось или на члена Совѣта по учебной части [2], или на одного изъ членовъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній или Опекунскаго Совѣта, или на статсъ-секретаря А. А. Гоффана [3].

Ближайшіе труды по финансово-хозяйственной части Смольнаго лежали на экономѣ, должность котораго была впослѣдствіи переименована въ должность правителя по хозяйственной части. Должность экономa, при сложности и обширности хозяйства Смольнаго, была отвѣтственной и трудной. Поэтому къ выбору лицъ на нее относились съ особымъ вниманіемъ [4]. Должность эта хорошо оплачивалась [5] и считалась настолько почетной, что давала возможность полученія чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника [6]. Дѣятельность экономa, впослѣдствіи правителя хозяйственной части, а также его ближайшихъ сотрудниковъ, начиная съ помощника правителя, опредѣлялась подробными инструкціями [7].

Веденіе счетоводства и всей переписки по дѣламъ Смольнаго, также храненіе и выдача денегъ лежали на канцеляріи Воспитательнаго Общества. Канцелярія была очень обременена работой, такъ какъ ведя всю письменную часть двухъ заведеній, обладавшихъ большимъ и сложнымъ хозяйствомъ и значительными капиталами, съ постоянными крупными денежными оборотами. Работа канцеляріи увеличивалась, между прочимъ, тѣмъ, что долгое время существовалъ въ Смольномъ обычай выдавать служащимъ ссуды въ счетъ жалованья,—требовалось лишь поручительство трехъ изъ сослуживцевъ. Возможностью получать

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1799 г., № 36. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1813 г., № 1 (оп. кн.), № 17. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1815 г., № 1 (оп. кн.), № 43. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1813 г., № 1 (оп. кн.), № 17. [5] Экономъ Брашнъ получалъ при казенной квартирѣ 2.000 р. асс. по штату и 1.800 р. асс. въ годъ добавочныхъ; пенсію получилъ 3.800 р. асс. въ годъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1810 г., № 1 (оп. кн.), № 68; Д. 1830 г., № 2 (оп. кн.), № 53). Его преемникъ, Аллеръ, при квартирѣ и освѣщеніи, получалъ 3.500 р. асс. въ годъ (Д. 1831 г., № 1 (оп. кн.), №№ 36 и 68). [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 1 (оп. кн.), № 68; Д. 1838 г., № 9 (оп. кн.), № 49. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1797 г., № 8 (оп. кн.).

ссуды и въ значительномъ размѣрѣ [1] пользовались широко, взаимно поручаясь одинъ за другого. Веденіе счетоводства по выдачѣ жалованья и по счету денежныхъ поступленій этимъ очень осложнялось [2].

Высочайше утвержденная въ 1834 году форма одежды членовъ Совѣта.

Постоянныя затрудненія, особенно при раздачѣ жалованья и пенсій, канцелярія испытывала отъ недостатка мелкой размѣнной серебряной монеты. Совѣту Воспитательнаго Общества приходилось неоднократно возбуждать то передъ министромъ финансовъ, то передъ Департаментомъ горныхъ и соляныхъ

[1] Выдача 1.000 р. асс. не были рѣдкими [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1834 г., № 12 (оп. вн.), № 16; Д. 1836 г., № 12 (оп. кн.), № 8]. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1831 г., № 19; Д. 1834 г., № 12 (оп. вн.), № 16; Д. 1835 г., № 12.

дѣлъ вопросъ о періодическомъ доставленіи съ Монетнаго Двора въ Смольный мелкой монеты, въ обмѣнъ на ассигнаціи или серебряные рубли. Въ виду ограниченности чеканки мелкой серебряной монеты, ходатайства Совѣта обыкновенно удовлетворялись не въ полномъ размѣрѣ [1].

Отъ чиновниковъ канцеляріи, какъ и отъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Смольномъ, требовалось строгое соблюденіе правилъ ношенія форменной одежды [2].

Согласно Высочайшему повелѣнію 9 января 1849 г., Совѣтомъ Воспитательнаго Общества въ началѣ каждаго мѣсяца производилась *ревизія денежной наличности* [3].

Денежная отчетность и смѣты ревизовались контрольной экспедиціей IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи [4].

Съ 1 января 1856 г. было введено въ дѣйствіе выработанное Главнымъ Совѣтомъ женскихъ учебныхъ заведеній и Высочайше утвержденное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ положеніе объ отчетности по женскимъ учебнымъ заведеніямъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ этомъ положеніи съ большой подробностью опредѣлялся порядокъ веденія отчетности [5]. Мѣры къ усовершенствованію порядка веденія отчетности вырабатывались и позже [6].

Императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за финансово-хозяйственной частью Смольнаго, требовалъ принятія энергичныхъ мѣръ къ улучшенію финансоваго положенія Воспитательнаго Общества и состоявшаго при немъ

[1] Въ 1839 г., напр., вмѣсто ежемѣсячнаго размѣна, было разрѣшено размѣнять только единовременно 1.000 р. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 12); въ 1849 г.— разрѣшено ежемѣсячно мѣнять не 100 р., но при условіи, чтобы эту сумму Совѣтъ Воспитательнаго Общества непремѣнно доставлялъ серебряными рублями (Д. 1849 г., № 104). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1823 г., № 9 (оп. кн.), № 27; Д. 1834 г., № 11 (оп. кн.), № 37. Въ 1837 г. въ Воспитательное Общество, наравнѣ со всѣми другими учрежденіями гражданскаго вѣдомства, былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ указывалось, что «статскіе гражданскіе чиновники дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу людей, или подражая французскимъ людямъ» и предписывалось «всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ по носили, ибо они принадлежатъ одному военному мундиру» (Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 25). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1849 г., № 17 (оп. кн.), №№ 9, 19, 27, 31, 49, 62, 94, 103 и др. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 1 (оп. кн.), № 70; Д. 1846 г., № 9 (оп. кн.); Д. 1846 г., № 49, лл. 1—4; и мн. др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1855 г., № 1 (оп. кн.), № 38; Д. 1855 г., № 45; Д. 1855 г., № 18, л. 1. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 1 (оп. кн.), № 78; Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.).

Александровскаго Училища [1]. Его Величеству представлялись ежемѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ суммъ по Воспитательному Обществу [2]. Годовой отчетъ по Воспитательному Обществу подносился на Высочайшее благоволеніе членами Совѣта въ особо для того назначенной аудіенціи [3]. Только въ исключительныхъ случаяхъ отчетъ этотъ представлялся Государю черезъ IV Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи [4]. Въ 1844 г. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ, чтобы былъ составленъ общій обзоръ каждаго изъ учрежденій Императрицы Маріи за все время ихъ существованія, при чемъ должно было быть удѣлено большое мѣсто финансовому положенію каждаго заведенія и порядку веденія въ немъ хозяйства [5].

Не ограничиваясь личнымъ участіемъ въ жизни Воспитательнаго Общества, Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна, а также другія Высочайшія Особы содѣйствовали осуществленію Обществомъ его просвѣтительно-благотворительныхъ задачъ также путемъ постоянныхъ денежныхъ пожертвованій. Въ Смольномъ содержалось много пансіонерокъ на средства Высочайшихъ Особъ [6]. Императрица Александра Ѳеодоровна, кромѣ того, жертвовала на содержаніе Воспитательнаго Общества по 6.000 р. асс. въ годъ [7]. По кончинѣ Особъ Императорской Фамиліи, содержавшихъ на свои средства пансіонерокъ въ Смольномъ, нерѣдко отчислялись изъ капиталовъ почившихъ въ пользу Смольнаго суммы, ежегодные проценты съ которыхъ обезпечивали содержаніе навсегда въ Смольномъ пансіонерокъ ихъ имени [8].

Пожертвованія въ пользу Воспитательнаго Общества поступали и отъ частныхъ лицъ. Жертвовали капиталы для содержанія на проценты съ нихъ въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ Училищѣ пансіонерокъ, на выдачу пособій при выпускѣ.

Въ 1838 г. отставной маіоръ Аполл. Аполл. Колокольцевъ пожертвовалъ нѣсколькимъ заведеніямъ, состоявшимъ въ Вѣдом-

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1816 г., № 9 (оп. кн.). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1819 г., № 17 (оп. кн.), №№ 32—38, 74—81; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1837 г., № 35; Д. 1841 г., № 26; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), № 19; и др. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 44, л. 1. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 2 (оп. кн.), № 10. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 1. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. По оп. К, № 88. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1830 г., № 44. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1847 г., № 38.

ствѣ учрежденій Императрицы Маріи, въ томъ числѣ и Мѣщанскому Училищу, капиталъ на выдачу изъ процентовъ пособій бѣднѣйшимъ воспитанницамъ при выпускѣ [1]. Дочь генералъ-маіора Нат. Вас. Разумовская, воспитанница Общества, выпуска 1779 г., завѣщала Обществу 5.000 р. асс. на выдачу пособій при выпускѣ въ годъ ея смерти [2]. Такое же завѣщаніе было сдѣлано вдовой дѣйств. ст. сов. Нат. Вас. Муравьевой [3]. Въ 1856 г. былъ внесенъ въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества капиталъ въ 1.000 р. серебр. въ память вдовы полковника Екат. Вас. Граве, рожденной Кахонской, съ тѣмъ, чтобы проценты съ него выдавались въ пособіе бѣднѣйшимъ изъ выпускныхъ воспитанницъ [4]. Дѣлались пожертвованія на уплату пансіонерной платы за отдѣльныхъ воспитанницъ Общества и Училища [5].

Основанный Императрицей Маріей Ѳеодоровной кассетный капиталъ продолжалъ пополняться, какъ новыми взносами Высочайшихъ Особъ [6], такъ и вслѣдствіе нароставія процентовъ [7]. Въ годы управленія Императрицы Александры Ѳеодоровны кассетный капиталъ находился въ такомъ состояніи, что представлялась полная возможность черпать изъ него на покрытіе самыхъ разнообразныхъ расходовъ по Воспитательному Обществу [8], иногда даже съ нарушеніемъ установленнаго Императрицей Маріей Ѳеодоровной порядка употребленія сего капитала. Изъ процентовъ съ кассетнаго капитала ассигновывались деньги

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 65. Сборн. о капит. I, 156—157. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 4. [3] Тамъ же. [4] Сборн. о капит., I, 142. [5] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1833 г., № 9 (оп. кн.), № 71. [6] Въ 1856 г., янв., пожертвовала 500 р. серебр. королева Нидерландская [Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1856 г., № 6 (оп. кн.), № 120]. [7] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1850 г., № 52; Д. 1833 г., № 13 (оп. кн.); Д. 1834 г., № 17 (оп. кн.); Д. 1839 г., № 17 (оп. кн.), чч. I—II; Д. 1845 г., № 16 (оп. кн.), чч. I—II; Д. 1859 г., № 23 (оп. кн.). Къ 1837 г., янв., кассетный капиталъ равнялся 1.725.633 р. 46 к. асс. Изъ сихъ пожертвованныхъ Императрицей Маріей Ѳеодоровной, съ возросшими процентами, числилось 598.465 р. 32 к., Императрицей Елизаветой Алексѣевной—230.964 р. 10 к., Императрицей Александрой Ѳеодоровной—11.956 р. 71 к.; Великими Княгинями: Александрой Павловной, Еленой Павловной, Маріей Павловной и Анной Павловной по 119.491 р. 62 к., Великой Княгиней Екатериной Павловной—120.385 р. 25 к., Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной—161.778 р. 30 к., Великой Княгиней Еленой Павловной—12.518 р. 7 к., Великими Княжнами: Елизаветой Александровной—79.915 р. 96 к., Маріей Александровной—2.649 р. 31 к. [Д. 1828 г., № 11 (оп. кн.)]. [8] Арх. Имп. Воспит. Общ. Рескрипты 1832—1847 гг., 1847—1853 гг. и 1857—1858 гг.; Д. 1830 г., № 11 (оп. кн.), л. 26; Д. 1833 г., № 1 (оп. кн.), № 14; Д. 1837 г., № 30, л. 7; Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 41; Д. 1853 г., № 9 (оп. кн.), №№ 18 и 117; Д. 1859 г., № 7 (оп. кн.); Д. 1860 г., № 7 (оп. кн.). Арх. Совѣта Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Учр., XIII, 287.

на ремонтныя работы [1]. Въ виду недостаточности пенсіоннаго капитала, многимъ лицамъ производились пенсіи изъ процентовъ кассетнаго капитала [2]. Изъ нихъ же платились пенсіи вић правилъ [3], а также выдавались ежегодныя пособія въ дополненіе къ пенсіямъ [4]. Изъ того же источника платили квартирныя деньги бывшимъ инспектрисамъ Воспитательнаго Общества, взамѣнъ квартиръ, которыми онѣ ранѣе пользовались въ части стараго зданія Смольнаго, обращенной подъ лазаретъ Воспитательнаго Общества [5]. Изъ кассетнаго капитала выдавались пособія при выпускѣ воспитанницамъ: по 10.000 р. асс. каждый разъ воспитанницамъ Общества и по 4.000 р. асс.— воспитанницамъ Училища [6]. Изъ того же капитала выдавались пособія на леченіе лицамъ служебнаго персонала Смольнаго, на воспитаніе ихъ дѣтей, денежныя награжденія служащимъ, годовой окладъ за выслугу 25 лѣтъ, плата учителямъ школы для дѣтей низшихъ служителей и т. п. Изъ процентовъ съ кассетнаго капитала покрывались расходы на похороны должностныхъ лицъ [7], дефициты по содержанію Воспитательнаго Общества [8], выдавались заимообразно суммы самому Воспитательному Обществу [9] и служащимъ въ немъ лицамъ [10], и т. д. Постепенно, впрочемъ, начинаетъ нѣсколько сокращаться область тѣхъ расходовъ, которые покрывались процентами съ кассетнаго капитала, Такъ, напр., въ 1853 г., по ходатайству Совѣта Воспитательнаго Общества, согласно Высочайше утвержденному журналу Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ

[1] Въ 1812 г., напр., было взято сначала 21.302 р. 71 к. серебр., потомъ еще 2.500 р. серебр. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1817 гг.); въ 1856 г. было взято сначала 10.449 р. 21½ к. серебр., потомъ еще 3.899 р. 18½ к. серебр. (Д. 1856 г., № 6); въ 1856 г.—5.399 р. 50 к. серебр. (Д. 1856 г., № 6 (оп. кн.), № 138). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1817 гг. [3] Напр., семьѣ шведскаго, умершаго отъ холеры (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1817 гг.). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1812—1857 гг. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 128. [6] Позже выдавалось на оба заведенія 5.000 р. серебр. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1847 гг.). [7] На погребеніе Ю. Ф. Адлерберга было ассигновано 9.532 р. асс. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1817 гг.). [8] Въ 1810 г., напр., 8.311 р. серебр. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1857 гг.). [9] Въ 1850 г., напр., 7.331 р. серебр. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1847 гг.). [10] Главному врачу Воспитательнаго Общества Рейнботу было, напр., выдано заимообразно 15.000 р. асс. Послѣ его смерти, по повелѣнію Императрицы Александры Ѳеодоровны, этотъ долгъ былъ прощенъ и семьѣ Рейнбота было, кромѣ того, назначено изъ кассетной суммы пенсіи—2.500 р. асс. въ годъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1812—1817 гг.; Д. 1837 г., № 11 (оп. кн.), № 2). Инспектору Герхаву неоднократно выдавались заимообразно по 1.000 р. и 2.000 р. асс. (Арх. Имп. Восп. Общ. Рескрипты 1832—1847 гг.).

заведеній, кассетный капиталъ «былъ освобожденъ отъ производства пенсій» [1].

Назначеніе пенсій по шифрамъ изъ процентовъ съ положеннаго для этого Императрицей Екатериной II капитала производилось на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [2].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1852 г., № 1 (оп. пп.), № 203; Д. 1853 г., № 9 (оп. вв.), № 7. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1776 г., № 2, л. 232. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. 5 чр. XII, 356. По оп. 6. Д. 228.

XIII.

Значеніе Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Задачи и дѣятельность Императрицы Александры Ѳеодоровны по отношенію къ Смольному во многихъ отношеніяхъ отличались отъ задачъ и дѣятельности ея предшественницъ, державныхъ покровительницъ Смольнаго.

Императрица Александра Ѳеодоровна приняла подъ свое покровительство Смольный въ то время когда всѣ части жизни Смольнаго были твердо направлены по опредѣленному пути и вѣрены надежнымъ и опытнымъ, преданнымъ своему дѣлу людямъ. Не требовалось ни созидательной, ни преобразовательной работы, особенно на первыхъ порахъ; потребность нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій обнаруживалась съ годами сама собой, по мѣрѣ измѣненія условій русской жизни и потребностей русскаго общества.

Историческая задача, какую судьба предназначила Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, въ качествѣ верховной покровительницы Смольнаго, какъ нельзя больше соотвѣтствовала природнымъ свойствамъ души и характеру этой Государыни.

Основной чертой характера Императрицы Александры Ѳеодоровны была безконечная, неизсякающая доброта и любовь къ людямъ вообще и въ особенности къ дѣтямъ. Идеальная мать, видѣвшая и находившая счастье въ семьѣ, въ дѣтяхъ, Императрица и въ смолянкахъ прежде всего видѣла дѣтей,

большую семью, вверенную ея заботамъ и попеченію. Радость, печаль или горе не только Смольнаго, но даже отдѣльныхъ его воспитанницъ, не проходили незамѣченными Императрицей. Она чутко отзывалась на все. Высоко ставя значеніе матери въ жизни ребенка, она не стремилась замѣнить воспитанницамъ мать. Она просто видѣла въ воспитанницахъ дѣтей, отдаленныхъ отъ родной семьи и потому лишенныхъ той ласки и участія, въ которыхъ нуждаются всѣ дѣти, и дарила имъ свою ласку, свою любовь и участіе. Искренность, съ какой Императрица это дѣлала, находила прямой путь къ дѣтскимъ сердцамъ. образъ Императрицы навсегда запечатлѣвался въ душѣ смолянокъ, чувства ихъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ сохранялись навсегда.

Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна весьма сочувствовали дѣлу распространенія въ Россіи женскаго образованія. За время царствованія Императора Николая I въ столицахъ и провинціи было открыто много женскихъ институтовъ и училищъ [1]. Можно съ увѣренностью сказать, что на каждый изъ нихъ, при ихъ возникновеніи, Смольный имѣлъ, непосредственно или косвенно, большое вліяніе [2], а также служилъ образцомъ и въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

Инспекторъ Смольнаго Германъ вѣдалъ учебной частью Училища Ордена Св. Екатерины [3], инспектору Тимаеву было поручено, по желанію Императрицы, устройство по новому уставу учебной части Павловскаго института [4]. Въ Смольный пріѣзжали знакомиться съ постановкой учебнаго и воспитательнаго дѣла и хозяйственной частью вновь назначаемыя начальствующія лица другихъ институтовъ. Во многіе, какъ вновь открывавшіеся, такъ и ранѣе существовавшіе институты, назначались начальницами, инспектрисами и классными дамами смолянки или лица, служившія въ Смоль-

[1] См. Селезневъ, прил. стр. 58—70; ср. Обозрѣніе учр. Имп. Маріи съ 1828 по 1853 г. [2] См., напр., въ Арх. Имп. Воспит. Общ. бумаги, относящіяся къ открытію Екатерининскаго института (Д. 1842 г., № 5, лл. 1, 12, 16 и др.; ср. Д. 1840 г., № 33). [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1839 г., № 14 (оп. кн.), № 14. Тимаевъ былъ освобожденъ отъ обязанностей по руководству учебной частью училища Ордена Св. Екатерины, въ виду множества занятій по Воспит. Общ. (тамъ же). [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1851 г., № 18 (оп. кн.), № 14; Д. 1852 г., № 1 (оп. кн.), № 32. Вентцовскій, 16.

номъ [1]. Къ начальству Смольнаго постоянно обращались изъ другихъ институтовъ съ просьбой рекомендовать лицъ служебнаго персонала, главнымъ образомъ, классныхъ дамъ изъ окончившихъ курсъ Смольнаго [2]. Заимствовали изъ Смольнаго учебники, расписаніе кушаній воспитанницъ, и т. д. [3].

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Смольный служилъ образцомъ не только для учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи [4].

Пепиньерскіе классы при Смольномъ пользовались такимъ довѣріемъ, что окончившимъ ихъ безъ труда удавалось находить хорошія мѣста, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Частные женскіе пансіоны охотно приглашали къ себѣ на службу пепиньерокъ Смольнаго. Нерѣдко бывали случаи, что пепиньерки поступали на мѣста, даже не окончивъ полнаго курса пепиньеръ [5].

«По образцу Смольнаго устроились у насъ всѣ прочіе институты,—пишетъ Д. Д. Семеновъ, талантливый педагогъ второй половины прошлаго столѣтія,—всѣ такъ называемые образцовые пансіоны для дѣвицъ, даже пріюты, училища для дѣвицъ духовнаго званія, даже частные женскіе пансіоны—всѣ были не что иное какъ миніатюрный снимокъ съ того же Смольнаго. Оно и понятно: первыя учредительницы, начальницы, воспитательницы, учительницы такихъ заведеній были смолянки; онѣ-то и принесли съ собой въ новыя учебныя заведенія тѣ порядки, тѣ взгляды, съ которыми сроднились, бывши въ институтѣ» [6].

Характеръ воспитанія и обученія, какія давались въ женскихъ институтахъ 30-хъ—40-хъ годовъ, вполнѣ удовлетворялъ

[1] Такъ, напр., классная дама Смольнаго Шарпо была инспектрисой, а затѣмъ начальницей Москов. Александровскаго учил. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 74); воспитанница Смольнаго Е. П. Родзянко была впослѣдствіи начальницей СПБ. учил. орд. Св. Екатерины; смолянка А. П. Быкова была начальницей Иркутскаго института; инспектриса Смольнаго Панчулидзева была назначена въ 1841 г. начальницей Бѣлостокскаго инст. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 15); и т. д. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1813 г., № 1 (оп. кн.), №№ 29 и 55; Д. 1853 г., № 53; Д. 1814 г., № 2 (оп. кн.), № 38; Д. 1842 г., № 5, л. 22; Д. 1845 г., № 53; и мн. др. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1833 г., № 52. Въ 1812 г., по желанію Императрицы, было послано для образца въ Моск. Учил. Упр. Св. Екатерины «платье послѣдняго выпуска воспитанницъ Общ. благ. дѣв.». (Д. 1812 г., № 3 (оп. кн.), № 225; Д. 1840 г., № 53). Въ томъ же году изъ Смольнаго былъ посланъ въ Бѣлостокскій инст. «разсчитанный сверточекъ, заключающій швейцарскую перевязь, стоющую 86 р. 62½ к. асигн.». (Д. 1842 г., № 5, л. 12). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1835 г., № 5, лл. 11, 13; Д. 1834 г., № 7, лл. 2, 17, 19; и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 10 (оп. кн.), № 91; Д. 1840 г., № 29; Д. 1844 г., № 2 (оп. кн.), №№ 33, 43, 63, 73, 86; и мн. др. [6] Памяти К. Д. Ушинскаго, стр. 68.

запросамъ тогдашняго русскаго общества. Августѣйшее покровительство надъ институтами Ихъ Величествъ, а также дѣятельность, въ качествѣ воспитательницъ, многихъ институтокъ, способствовали развитію довѣрія и интереса общества къ институтамъ.

Дѣвушки, получившія образованіе и воспитаніе въ институтахъ, въ частности въ Смольномъ, какъ наиболѣе цѣльномъ и совершенномъ изъ женскихъ институтовъ того времени, не могли оставаться незамѣченными уже потому, что своими взглядами, стремленіями и внѣшнимъ воспитаніемъ существенно отличались отъ своихъ сверстницъ, получившихъ воспитаніе дома или въ частныхъ пансіонахъ.

Проф. Вышнеградскій въ журналѣ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» далъ полную картину воспитанія и образованія, какія давались дѣвушкамъ-дворянкамъ въ семьѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Идеалы такого воспитанія недалеко ушли отъ основныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе дѣвочекъ конца XVIII и *начала XIX вв. Признакомъ хорошаго образованія* и воспитанія дѣвушекъ попрежнему считали умѣнье хорошо говорить по французски, танцовать и играть на фортепіано. Изученіе русскаго языка ариѳметики и исторіи считалось излишнимъ, русской литературы—несущественнымъ, какъ бы роскошью [1]. Гоголь писалъ, что въ пансіонахъ главное вниманіе обращалось на обученіе дѣвицъ французскому разговорному языку, танцамъ и вязанію кошельковъ [2].

Условія воспитанія и образованія дѣвочекъ другихъ сословій были еще менѣе благопріятны [3].

Понятно, что воспитаніе и образованіе въ женскихъ институтахъ цѣнили высоко.

[1] Русскій Педагогическій Вѣстникъ, 1861 г. № 1. [2] Анхичевъ, III, 236. [3] Министерство Народнаго Просвѣщенія до царствованія Императора Александра II совершенно не интересовалось вопросомъ о женскомъ образованіи (см. Рождественскій, Ист. оч. Мин. Нар. Просв.; ср. Извлеч. изъ отчета Мин. Нар. Просв. за 1801 и слѣд. годы). Въ 1833 году состоялось распоряженіе «впредь до усмотрѣнія пріостановиться открытіемъ новыхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ столицахъ и разрѣшать открытіе ихъ въ другихъ городахъ только въ случаяхъ крайней необходимости». Имѣлось цѣлью «предупрежденіе открытія частныхъ пансіоновъ, не достигающихъ своей цѣли». Это постановленіе было отмѣнено только въ 1857 году. Число частныхъ пансіоновъ и школъ по всей Имперіи въ 1853 году едва достигало до 100. (Предст. Министра Нар. Просв. въ 1865 г. въ Государств. Совѣтъ при внесеніи проекта Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ).

Русскіе журналы того времени помѣщали на своихъ страницахъ статьи и замѣтки, въ которыхъ съ большой похвалой отзывались о женскихъ институтахъ, отдавая имъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже предпочтеніе передъ мужскими учебно-воспитательными заведеніями [1].

«Если для выполненія главныхъ условій воспитанія—писали въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—мы не имѣемъ еще достаточно русскихъ учителей, которые бы могли обучать въ совершенствѣ французскому языку, то, благодаря превосходнымъ институтамъ для женскаго пола, въ нихъ образовалось уже достаточно молодыхъ дѣвицъ, кои могутъ замѣнить совершенно вышеописанныхъ мамзелей и мадамъ, вывозящихъ (не говоря ничего другого) изъ Россіи золотыя горы въ чужіе края» [2].

Плетневъ помѣстилъ въ первой книжкѣ Пушкинскаго «Современника» восторженную, полную похвалъ статью, посвященную институтскому образованію и воспитанію.

Гоголь разсчитывалъ имѣть въ своихъ сестрахъ, окончившихъ институтъ, помощницъ по литературнымъ работамъ [3].

Усилившійся интересъ къ женскому воспитанію и образованію несомнѣнно стоялъ въ связи съ измѣненіемъ взглядовъ на положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ [4].

Въ зависимости отъ значенія женщины въ жизни человѣчества вообще и сильнаго вліянія ея на общество, судьба женщины была признана имѣющей всемірно-историческую важность [5].

Новый взглядъ на женщину могъ сложиться лишь съ появленіемъ такихъ женщинъ, которыя были способны осуществлять новые, болѣе высокіе общественные идеалы. И дѣйствительно, по словамъ журналовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка, тогдашнія образованныя женщины въ значительной степени отличались отъ общаго уровня.

[1] Ср. Нахѣзинъ, 50. Никитенко, I, 218—219, 313, 397; II. 193. Лихачевъ, III. 217 и слѣд. Высказывавшіяся иногда нападки на институтское образованіе обуславливались вѣрнѣе тѣмъ, что до конца времени Императрицы Александры Ѳеодоровны не было обычая неуспѣвающихъ воспитанницъ оставлять на дополнительный курсъ въ томъ же классѣ или исключать изъ заведенія. Поэтому среди окончившихъ курсъ иногда встрѣчались совершенно неподготовленныя (Стерлигова. Р. Арх. 1898 г., IV, 380—381). [2] Отеч. Зап., 1839 г., ч. 45, отдѣл. [3] Письмо Гоголя къ Погодину 5 ноября 1839 г. [4] Ср. Щепкина. Изъ ист. женск. личности, стр. 218 и слѣд. [5] Шульгинъ. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра. Отеч. Зап., 1850 г., LXXI. Современникъ, 1850 г., XXVI.

«Каковы бы ни были недостатки воспитанія женщины у насъ,—говорилось въ одной изъ статей того времени,—нерѣдко она служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорою и мысли высокой и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительной ловкостью воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія существуютъ для нея только въ Россіи, и умѣла внести въ суровые нравы вкусъ къ знанію и смягченныя воззрѣнія» [1].

К. П. НЕВЕЛЬСКАЯ
рожд. Елисаветина.

Къ педагогическому дѣлу въ Смольный были привлечены лучшіе и образованнѣйшіе люди того времени. Нѣтъ сомнѣнія, что они прилагали всѣ силы и старанія къ наилучшему осуществленію и проведенію въ жизнь Воспитательнаго Общества педагогическихъ идей, которыя считали наиболѣе вѣрными и совершенными. Смольный являлся зеркаломъ, отражавшимъ эти идеи.

Ко времени Императрицы Александры Ѳеодоровны измѣнился Екатерининскій взглядъ на Смольный, какъ заведеніе, имѣющее цѣлью исправленіе общественныхъ нравовъ, возрожденіе русскаго общества. Взамѣнъ того возросло значеніе Смольнаго, какъ воспитательно-учебнаго заведенія, куда дворяне могли отдавать своихъ дочерей для доставленія имъ возможно лучшаго въ условіяхъ того времени воспитанія и образованія. Къ этому времени необходимость образованія для дѣвочекъ признавалась значительной частью тѣхъ слоевъ русскаго общества, для дѣтей которыхъ былъ предназначенъ Смольный. Было сознательно оцѣнено и значеніе Смольнаго. Въ связи съ этимъ число желавшихъ помѣстить въ Воспитательное Общество своихъ дочерей и родственницъ возростало съ каждымъ новымъ пріемомъ. Въ то же время Смольный являлся незамѣнимымъ убѣжищемъ для дѣтей, условія жизни которыхъ въ семьѣ были совершенно неподходящими. Нельзя забывать, что въ то время,

[1] Современникъ, 1847 г., I.

какъ и теперь, для многихъ дѣтей пора дѣтства не была счастливой и свѣтлой, а взгляды многихъ семей на дѣтей, ихъ права и на обязанности по отношенію къ нимъ родителей нерѣдко далеко уклонялся отъ идеала. Для многихъ дѣтей институтъ не только замѣнялъ семью, но впервые ставилъ ихъ въ условія болѣе нормальной жизни, основанной на началахъ справедливости и любви. Сохранилось не мало свидѣтельствъ бывшихъ смолянокъ о тѣхъ чувствахъ, которыми онѣ жили въ стѣнахъ Смольнаго и какія уносили съ собой. Многія изъ нихъ могли бы повторить, вмѣстѣ съ одной воспитанницей «бѣлаго» класса того времени, которая писала, между прочимъ, въ своемъ сочиненіи: «Adieu, ma tranquille Communauté! Oh! si jamais je l'oublie, que la main de la Providence s'appesantisse sur moi: c'est que je ne serai plus digne de toi, saint souvenir» [1].

Въ числѣ смолянокъ времени Императрицы Александры Ѳеодоровны было немало лицъ, выдѣлившихся и получившихъ заслуженную извѣстность и уваженіе своею дѣятельностью и трудами въ различныхъ областяхъ.

Многія посвящали себя педагогической дѣятельности. О. А. Томилова, урожденная Энгельгардтъ, одна изъ блестящихъ воспитанницъ выпуска 1839 г., была впослѣдствіи воспитательницей Великой Княжны Вѣры Константиновны, а потомъ—начальницей Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ; А. П. Быкова, окончившая Воспитательное Общество съ шифромъ въ 1836 г., служила сначала классной дамой въ Смольномъ, а затѣмъ была много лѣтъ начальницей Иркутскаго института и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и любовью своихъ воспитанницъ. «Она положила гуманное начало въ основу управленія, которое отличалось до нея крайне суровымъ режимомъ, пишетъ о А. П. Быковой группа ея бывшихъ воспитанницъ по Иркутскому институту. Трудность ея задачи въ то время была поистинѣ велика, какъ потому, что родители дѣтей, поступавшихъ въ институтъ, не были солидарны со взглядами А. П. на воспитаніе, такъ и потому, что привлечь въ страшную въ то время Сибирь лицъ, готовыхъ самоотверженно работать по ея программѣ, было почти невозможно» [2]. Девятнадцатилѣтняя дѣятельность А. П. Быковой, въ

[1] Анхачева, III, 109. [2] Рук.

качествѣ начальницы Иркутскаго института, доставила ей почетную извѣстность въ Сибири и была высоко оцѣнена Императрицей Маріей Александровной [1].

Ек. Н. Обручева, выдѣлявшаяся своими способностями и успѣхами еще будучи воспитанницей, окончила Воспитательное Общество съ первымъ шифромъ въ 1845 г. и многіе годы была любимой и авторитетной инспектрисой Смольнаго.

Исключительное по своей силѣ и характеру вліяніе на своихъ бывшихъ воспитанницъ Ек. Н. Обручева сохраняла и по выходѣ ихъ изъ института. До самой смерти, послѣдовавшей 4 года тому назадъ, Ек. Н. Обручева, давно уже находившаяся въ отставкѣ, была центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ проживавшія въ Петербургѣ воспитанницы ея времени.

Было бы затруднительно перечислить имена всѣхъ смолянокъ, посвятившихъ себя педагогической дѣятельности. Многія и многія изъ нихъ служили начальницами, инспектрисами и классными дамами въ петербургскихъ, московскихъ и губернскихъ институтахъ, въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, такъ и другихъ вѣдомствъ [2]. Невозможно перечислить всѣхъ, которыя поступали гувернантками и учительницами въ частные дома.

Нѣкоторыя смолянки времени Императрицы Александры Ѳеодоровны извѣстны своими литературными трудами. В. П. Быкова, окончившая съ шифромъ Воспитательное Общество въ 1836 г. и служившая тамъ болѣе десяти лѣтъ классной дамой, много лѣтъ вела свои записки въ формѣ дневника, начавъ ихъ еще воспитанницей бѣлаго класса. Ея книга «Записки старой смолянки» полна живого интереса и свидѣтельствуетъ о наблюдательномъ развитомъ умѣ, чуткомъ сердцѣ и литературномъ дарованіи автора. Существуетъ много воспоминаній и историческихъ трудовъ о Смольномъ, принадлежащихъ смолянкамъ времени Императрицы Александры Ѳеодоровны, г-жамъ Угличаниновой, Распоповой, Мордвиновой, Лаврентьевой, Гиргасъ, бар. Искуль, Лихачевой и др. Многія изъ смолянокъ писали беллетристическія произведенія и стихи, [3] а также занимались пе-

[1] Зап. стар. Смолянки, I, 122—125 (прим. 5-е) и др. [2] См., напр., Арх. Ин. Восп. Общ. Д. 1828 г., № 15; Д. 1848 г., № 74; Д. 1961, № 4 (on. кн.); и мн. др. [3] См., напр., Сынъ Отеч. и Сѣв. Вѣстн. 1834 г., № 44. Искуль бар. Часы досуга. Разсказы для дѣтей на русск., франц. и нѣмец. яз. Спб. 1860 г.; Библ. для чт. 1857 г., III, лит. лѣт., 18, и мн. др.

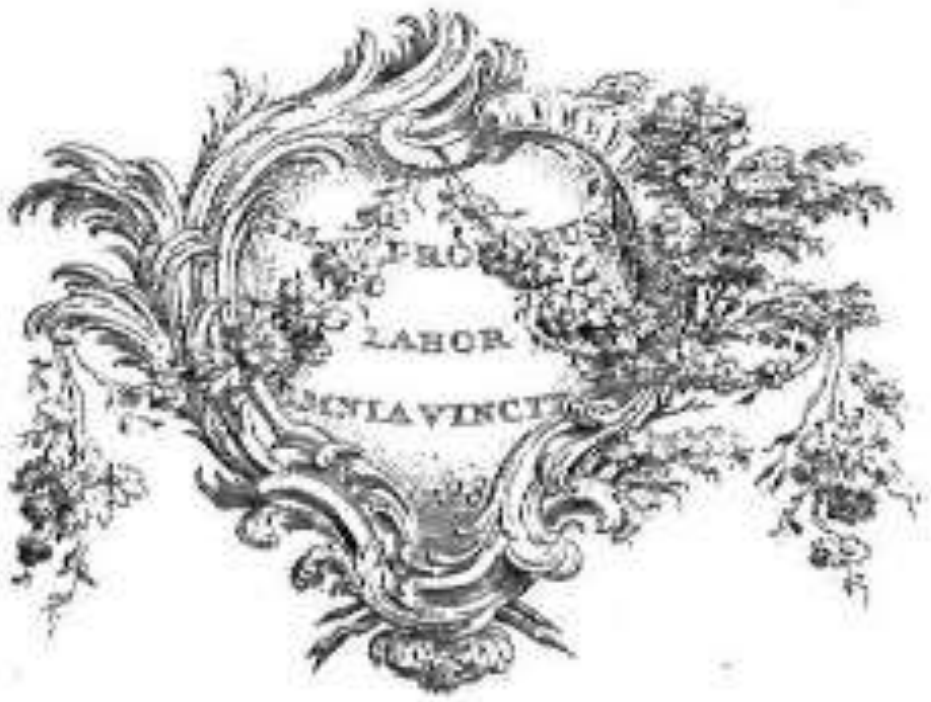
реводами [1]. Одна изъ смолянокъ, Е. Молоховецъ, рожденная Бурманъ, составила обстоятельную, пользующуюся большой извѣстностью книгу по домоводству и кулинарному искусству—«Подарокъ молодымъ хозяйкамъ» [2]. Перу г-жи Молоховецъ принадлежитъ и рядъ статей по вопросамъ религіознаго, историческаго и государственнаго характера.

Большинство смолянокъ, по окончаніи курса, всецѣло посвящали себя заботамъ о семьѣ. Вліяніе женщины въ семьѣ на жизнь отдѣльныхъ лицъ, на жизнь государственную, общественную, религіозную не поддается учету. Нѣтъ лица, въ жизни котораго не играла *бы большого значенія мать, или жена* или сестра, у которыхъ человѣкъ почерпалъ силы и опору для своей дѣятельности, утѣшеніе и поддержку среди неудачъ и несчастій. Но память о дѣятельности въ семьѣ обычно не идетъ далѣе родственнаго круга; сохраняются воспоминанія только о тѣхъ, чья судьба была связана съ особенно крупными въ историческомъ отношеніи людьми. Въ семейныхъ преданіяхъ сохранилось много воспоминаній о самоотверженной и любвеобильной дѣятельности смолянокъ въ семьѣ. Были изъ смолянокъ времени Императрицы Александры Ѳеодоровны матери и жены лицъ, имѣвшихъ историческое значеніе. Таковы, напр., мать Скобелева, рожд. Полтавцева, и жена завоевателя Приамурскаго края адмирала Невельского Ек. И. Невельская, рожд. Ельчанинова; она была не только преданной, любящей женой, но самоотверженно раздѣляла и труды мужа. Послѣдовавъ за нимъ на окраины Сибири, Е. И. Невельская явилась тамъ носительницей христіанства и русской культуры. Она распространяла

Л. П. РОМАНОВИЧЪ
рожд. Северцова, выпуска 1859 г., старѣйшая изъ нынѣ здравствующихъ смолянокъ.

[1] См., напр., Гаврилова. День памяти Имп. Маріи Ѳеодоровны. Перск. рѣчи гр. Уварова, Спб. 1868 г.; и мн. др. [2] Императрица Марія Александровна осталась очень довольна этой поднесенной ей книгой и назвала автора ея «трудолюбивой пчелкой». Въ знакъ милостиваго вниманія, Ея Величество подарила Молоховецъ бронзовую чернильницу, съ изображеніемъ улья пчелъ. (Стар. смолянка. По поводу 50-лѣтія книги «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ». Ред.).

среди инородцевъ христіанскую вѣру, лечила ихъ, учила русскому языку, уходу за дѣтьми, земледѣлію, огородничеству, пряжѣ, тканью, шитью одежды. Ея дѣятельность привлекала симпатіи инородцевъ къ Россіи и русскимъ. Долго потомъ среди инородцевъ Приамурскаго края хранились сказанія о «бѣлой женщинѣ Урусъ, которую послалъ къ нимъ самый добрый и самый большой Богъ, Тотъ, что обитаетъ подъ облаками» [1].



[1] Подвиги русск. морск. офицеровъ. Бошнякъ (Морск. Сборн. 1859 г. № 2) Адмиралъ Невельскій. Vend. 92 и слѣд., 168—168 и слѣд. Углечанниновъ. 23, 46—48, 57—74.

ВРЕМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Императрица Марія Александровна.

Здоровье Императрицы Александры Ѳеодоровны ухудшалось и слабѣло съ каждымъ годомъ; по совѣту докторовъ Ея Величеству пришлось неоднократно предпринимать продолжительное леченіе заграницей. При такихъ условіяхъ дѣятельное участіе Императрицы въ жизни Смольнаго и постоянное руководство имъ становились совершенно невозможными.

Невольное, въ силу обстоятельствъ, отдаленіе въ послѣдніе годы жизни Императрицы Александры Ѳеодоровны отъ Смольнаго тамъ ярко чувствовалось и причиняло большую печаль. Особенно чувствительнымъ было такое положеніе для М. П. Леонтьевой, вся дѣятельность которой въ Смольномъ прошла подъ непосредственнымъ покровительствомъ и руководствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Въ Смольномъ постоянно служили молебны о возстановленіи здоровья *Императрицы Александры Ѳеодоровны* [1], съ вниманіемъ и волненіемъ слѣдили за извѣстіями о состояніи здоровья Августѣйшей больной.

20 октября 1860 г. Петербургъ узналъ горестную вѣсть о кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны [2]. Черезъ два дня Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій писалъ Совѣту Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища:

«Изъ Высочайшаго Манифеста отъ 20-го сего октября Совѣту извѣстно, что Августѣйшей Покровительницы многочисленныхъ нашихъ учрежденій, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны уже не стало.

Но и на смертномъ одрѣ, Она, достойная Преемница незабвенной Императрицы Маріи въ дѣлѣ воспитанія и благотворенія, не забыла своихъ заведеній, 32 года процвѣтавшихъ подъ кроткимъ, мудрымъ Ея покровомъ, и благословила ихъ съ тою материнскою къ нимъ любовію, которая всегда наполняла ангельское Ея сердце.

Мнѣ выпала доля передать заведеніямъ этотъ драгоцѣннѣйшій предсмертный завѣтъ Императрицы. Исполняя священный долгъ сей и призывая начальствующихъ, учащихся и призрѣваемыхъ соединить мольбы ихъ о почившей въ Бозѣ Госу-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 34. [2] О послѣднихъ годахъ жизни Императрицы Александры Ѳеодоровны, ея болѣзни и кончинѣ подробнѣе см. Giftuin, II, 356—396. Яновскій, 187—212. Переписка гр. Л. Толстого съ гр. А. А. Толстой, 144.

дарыв, и твердо увѣрен, что благословеніе Ея будетъ неоцѣненнымъ сокровищемъ для всѣхъ и каждаго, и что воспитывающіеся—прилежаніемъ и доброю нравственностію, а участвующіе въ воспитаніи и призрѣніи—усильнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, почтятъ память переселившейся въ обитель праведныхъ общей нашей Благодѣтельницы» [1].

Въ день погребенія почившей Императрицы, 5 ноября 1860 г., послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ Императора Александра II на имя Императрицы Маріи Александровны:

«Ваше Императорское Величество. Почившая въ Бозѣ Августѣйшая Родительница Наша, во время неоднократныхъ недуговъ Своихъ, постоянно вѣрила попеченію Вашего Императорскаго Величества многочисленныя, одинаково близкія, какъ Вашему, такъ и Ея сердцу, учрежденія Императрицы Маріи.

Нынѣ, проводивъ Тѣло Незабвенной Матери Нашей до послѣдняго жилища, Мы желаемъ, чтобы оплакивающія Ее воспитательныя и благотворительныя заведенія, 32 года процвѣтавшія подъ кроткимъ и мудрымъ Ея попечительствомъ, не оставались долѣе безъ Покровительницы, и для сего поручаемъ ихъ Вашему Величеству со всѣми правами, принадлежавшими Блаженной памяти Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Мы твердо увѣрены, что непосредственное Ваше Покровительство будетъ для означенныхъ учрежденій надежнѣйшимъ залогомъ къ дальнѣйшему ихъ преуспѣянію на пользу Россіи и что въ попеченіи о постоянно возрастающей семьѣ воспитывающихся и призрѣваемыхъ Вы найдете новую пищу для христіанской Вашей дѣятельности и высшую для материнскаго сердца отраду. Любезнѣйшая же Родительница Наша, изъ горней Обители, благословитъ заботы Вашего Величества о заведеніяхъ, кои Она столь много и нѣжно любила.

Александръ» [2].

Вслѣдъ за этимъ, по докладу Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Императоръ Александръ II разрѣшилъ принять на средства Вѣдомства всѣхъ пансіонерокъ и пансіонеровъ по-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 80, л. 3. [2] Собств. Е. И. В. Библ., шк. VI, п. 2, к. 76, № 2630. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 80, л. 19. Сапожниковъ. 303—304.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

чившей Императрицы до окончанія ими курса [1] и учредить въ Воспитательномъ Обществѣ, въ С.-Петербургскомъ Александровскомъ и обоихъ Екатерининскихъ Училищахъ и Патріотическомъ институтѣ на вѣчныя времена по одной вакансіи Имени Императрицы Александры Ѳеодоровны [2].

Императрица Марія Александровна, ранѣе принцесса Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, была дочерью великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго—Людвига II.

Отличительной чертой Двора и семейной жизни великаго герцога Людвига II была простота. Молодая принцесса, рано лишившись матери, воспитывалась въ домѣ отца въ скромной обстановкѣ семейной жизни, вмѣстѣ съ братьями. Принцесса Марія обладала пытливымъ умомъ, любила чтеніе, которому съ дѣтства привыкла удѣлять много времени, отличалась нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ и чуткой душой.

Весь складъ жизни и семейной обстановки Гессенскаго Двора, носившій оттѣнокъ искренности и задушевности, произвелъ на Цесаревича Александра Николаевича, совершавшаго въ 1838—1839 гг. путешествіе по Западной Европѣ съ В. А. Жуковскимъ, чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, особенно по сравненію съ пышностью и роскошью другихъ европейскихъ Дворовъ, которые посѣтилъ Цесаревичъ.

Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна предоставили Цесаревичу свободный выборъ невѣсты, и 14 марта 1839 г. Жуковскій писалъ Государынѣ: «Благослови Богъ выборъ сердца, который долженъ рѣшить судьбу его жизни! Гдѣ мы устраивали по своему, тамъ Провидѣніе готовило свое! Гдѣ мы искали, тамъ не нашлось. Гдѣ не ожидали, тамъ встрѣтилось само собой! У меня сердце теперь такъ полно! Мнѣ кажется, что Богъ сдѣлалъ свое, и всѣ души молятся о будущемъ счастіи нашего ангела... Принимаю это ясное чувство души за предчувствіе, за увѣреніе, что сдѣлалось то, чему быть надлежало... Благослови его Богъ тѣмъ благословеніемъ, которое нѣкогда я далъ отцу его при томъ выборѣ, въ которомъ нашелъ онъ и свое счастье и счастье Россіи» [3].

[1] Во всѣхъ заведеніяхъ это составило въ общемъ сумму до 115.000 р. Послѣ кончины Императрицы Александры Ѳеодоровны обнаружилось, что ежегодно $^{2}/_{3}$ ея личныхъ средствъ тратилось на помощь неимущимъ (Божеряновъ, вып. I, стр. XII).
[2] Селезневъ, 305. [3] Имп. Маріи Александровны, стр. 4.

Чарующая искренность и простота молодой принцессы, съ перваго дня плѣнившія Цесаревича Александра Николаевича, были всю жизнь основными чертами ея характера; уже будучи русской Императрицей, она умѣла сочетать величіе Государыни съ искренней простотой.

Лѣтомъ 1840 г. принцесса Марія Гессенъ-Дармштадтская—Августѣйшая невѣста Цесаревича Александра Николаевича—прибыла въ Россію. Она усердно занялась изученіемъ русскаго языка и догматовъ русской православной церкви. Благодаря природнымъ способностямъ принцессы и ея любви къ научнымъ занятіямъ и чтенію, эти занятія шли настолько успѣшно, что уже черезъ два года Цесаревна прекрасно владѣла русскимъ языкомъ и съ этого времени стала съ увлеченіемъ изучать русскую исторію и читать произведенія русской литературы. Любимыми авторами Государыни были Гончаровъ, гр. Алексѣй Толстой, гр. Левъ Толстой, Данилевскій и др.

Въ апрѣлѣ 1841 г. состоялось торжественное бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ Великой Княжной Маріей Александровной, принявшей незадолго до того православіе.

Въ лицѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны, кроткой и любящей, Цесаревна нашла нѣжную мать, подъ заботливымъ попеченіемъ которой протекли первыя почти двадцать лѣтъ ея замужества. Этотъ счастливый періодъ жизни Императрицы Маріи Александровны былъ, однако, омраченъ тяжелымъ горемъ—потерей первой дочери, Великой Княжны Александры Александровны, умершей въ 1849 г. Эта смерть произвела незгладимое впечатлѣніе на Цесаревну, навсегда положила оттѣнокъ грусти на обликъ Императрицы Маріи Александровны.

Относясь съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ дѣятельности Императрицы Александры Ѳеодоровны, какъ Покровительницы заведеній Императрицы Маріи, Цесаревна помогала Государынѣ въ ея трудахъ и заботахъ о благополучіи и счастьѣ воспитывающихся въ этихъ заведеніяхъ дѣтей. Участіе Цесаревны въ дѣлахъ управленія и наблюденія надъ женскими институтами особенно возросло съ 1850 г., когда руководство дѣятельностью институтовъ было возложено на нее офиціально, Высочайшимъ рескриптомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ которомъ Государыня, между прочимъ, писала: «Не

имѣя возможности, по состоянію Моего здоровья, лично посѣщать ихъ (заведенія) такъ часто, какъ бы того желала, я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество принять на себя наблюденіе, какъ за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ, такъ и за успѣхами умственнаго образованія дѣвицъ въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ Училищѣ...» [1].

Постоянно посѣщая Смольный, присутствуя на урокахъ и экзаменахъ, бесѣдуя съ воспитанницами и лицами воспитательнаго и педагогическаго персонала, бывая въ столовыхъ и лазаретахъ, Цесаревна имѣла возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во всѣхъ подробностяхъ изучить всѣ части и стороны жизни Смольнаго, весь складъ институтскаго образованія и воспитанія. Эти годы имѣли, дѣйствительно, важное значеніе для послѣдующей самостоятельной дѣятельности Императрицы Маріи Александровны, въ качествѣ Августѣйшей Покровительницы Смольнаго и другихъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи.

17 декабря 1860 г. Ихъ Величества впервые посѣтили Смольный послѣ кончины Императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ церкви Воспитательнаго Общества былъ совершенъ молебенъ, послѣ котораго въ большомъ залѣ, куда собрались всѣ служащіе и воспитанницы, Ея Величество объявила о принятіи ею Смольнаго подъ свое Монаршее покровительство [2].

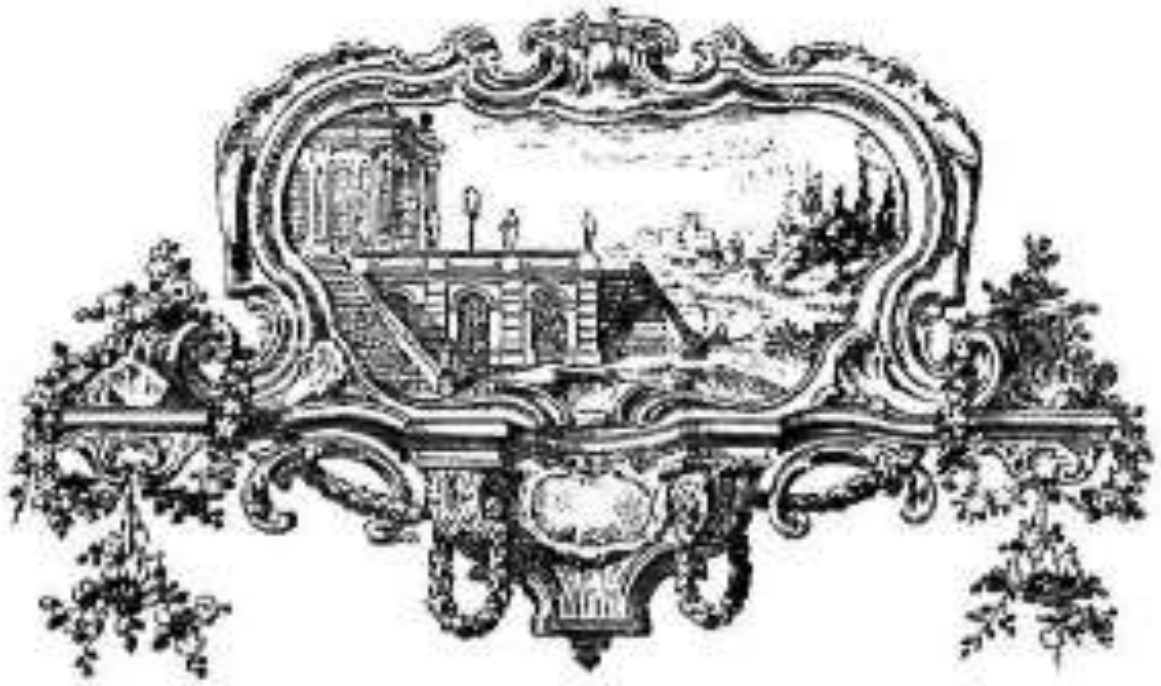
«День этотъ,—писала М. П. Леонтьева Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому,—послѣ скорбной утраты Августѣйшей Покровительницы нашей въ лицѣ блаженныя памяти Императрицы Александры Ѳеодоровны, былъ первымъ днемъ общей радости и утѣшенія, какъ между воспитанницами, такъ и между всѣми служащими при сихъ заведеніяхъ лицами. И на будущее время этотъ достопамятный день будетъ благоговѣйно почитаемъ радостною годовщиною для молитвеннаго празднованія принятія сихъ заведеній Государынею Императрицею

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бум. М. П. Леонтьевой. Селезневъ, 174—175. [2] Этотъ первый торжественный пріѣздъ Императрицы Маріи Александровны происходилъ по тому же церемоніалу, какъ первый пріѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Смольный послѣ принятія его Государыней подъ свое покровительство. Свѣдѣнія о пріѣздѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны были заранѣе затребованы изъ Смольнаго и составлены на основаніи разсказовъ присутствовавшихъ на томъ торжествѣ инспектрисъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 30, лл. 21—22).

Маріею Александровною подъ Монаршее свое покровительство» [1].

Однако, Императрица не изъявила согласія на ежегодное торжественное празднованіе дня 17 декабря въ Смольномъ. Лишь послѣ вторичнаго ходатайства М. П. Леонтьевой, въ которомъ она, между прочимъ, указывала, что въ Смольномъ сложилась традиція праздновать торжественнымъ богослуженіемъ день принятія Смольнаго Императрицей подъ свое покровительство, что такъ праздновались въ Смольномъ 12 ноября [2], а затѣмъ 15 ноября [3], Императрица Марія Александровна «изволила разрѣшить воспитанницамъ присутствовать ежегодно въ дѣтской церкви Общества и Училища на торжественномъ Богослуженіи въ память дня принятія этихъ заведеній подъ Августѣйшее покровительство Ея Величества, съ тѣмъ, чтобы это Богослуженіе совершаемо было въ ближайшій отъ 17-го Декабря воскресный день» [4].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 84, л. 2. [2] День принятія Смольнаго Имп. Маріей Ѳеодоровной подъ свое покровительство. [3] День принятія Смольнаго Императрицей Александрой Ѳеодоровной подъ свое покровительство. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 84, лл. 4—5.



II.

Вопросъ о реформѣ женскихъ институтовъ.—К. Д. Ушинскій.—Его взгляды на задачи женскаго образованія.—Проектъ учебной реформы Смольнаго.

Императрица Марія Александровна всегда, даже еще до прибытія въ Россію, очень интересовалась вопросами воспитанія и обученія. Знакомство съ современными новыми идеями и стремленіями педагогики, новыя потребности русскаго общества, а также личныя наблюденія надъ жизнью женскихъ институтовъ привели Императрицу къ мысли о необходимости коренной реформы институтовъ.

Въ 1855 г. для женскихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи былъ изданъ новый уставъ, въ которомъ нашли себѣ отраженіе взгляды Императрицы Маріи Александровны на воспитаніе и образованіе. Изданіе устава было только первымъ шагомъ по пути реформы; за нимъ послѣдовали другіе.

Русская семья того времени, хотя и не могла считаться идеальной въ отношеніи воспитанія и образованія дѣтей, все-таки была признана до извѣстныхъ предѣловъ необходимой сотрудницей школы. Девятилѣтнее полное разобщеніе дѣтей съ

семьей и въ педагогическомъ мірѣ, и среди русскаго общества стало казаться мѣрою излишней и тяжелой. Нѣкоторые изъ родителей воспитанницъ Смольнаго въ письмахъ къ начальницѣ и при личныхъ бесѣдахъ съ нею несочувственно относились къ девятилѣтнему безвыѣздному пребыванію дочерей въ Смольномъ. Высказывались ими, хотя и несравненно рѣже, пожеланія о повышеніи уровня образованія въ Смольномъ [1].

Мысли о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ институтскомъ образованіи раздѣлялись даже такой убѣжденной хранительницей традицій, какъ М. П. Леонтьева.

Въ 1858 г. М. П. Леонтьева составила памятную записку для доклада Императрицѣ-Матери. Въ этой запискѣ она, между прочимъ, указывала, что родители охотнѣе отдаютъ въ институтъ своихъ дочерей сразу во второй возрастъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ пробыли въ институтѣ шесть лѣтъ, а не девять. Поэтому М. П. Леонтьева предлагала увеличить возрастъ вновь принимаемыхъ воспитанницъ съ 8—10 лѣтъ до $10^1/_2$—$12^1/_2$ лѣтъ и дѣлать пріемы и выпуски не черезъ три, а черезъ два года, при чемъ принимать въ Воспитательное Общество не по сто, а по восьмидесяти казенныхъ воспитанницъ съ той цѣлью, чтобы нѣсколько уменьшилась численность каждаго класса, такъ какъ при большомъ числѣ воспитанницъ въ классахъ чрезвычайно трудно обучать, а еще труднѣе воспитывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Леонтьева полагала необходимымъ учредить приготовительный классъ, куда принимали бы тѣхъ изъ зачисленныхъ на казенныя вакансіи воспитанницъ, которыя по своему слишкомъ юному возрасту или недостаточной подготовкѣ не могли, безъ ущерба для общаго уровня учебнаго дѣла, быть приняты въ коффейный классъ. Для того, чтобы дѣти усерднѣе занимались, М. П. Леонтьева считала полезнымъ ввести оставленіе малоуспѣшныхъ воспитанницъ въ томъ же классѣ: боязнь потерять два года будетъ побуждать добросовѣстно учиться [2].

Проектъ М. П. Леонтьевой дальнѣйшаго движенія не получилъ, можетъ быть потому, что послѣ смерти Императора Николая Павловича Императрица Александра Ѳеодоровна почти не

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. Копія съ памятн. записки для представленія Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. 12 окт. 1858 г.

принимала участія въ дѣлахъ управленія институтами, предоставивъ эти дѣла вѣдѣнію молодой Императрицы.

Сознаная, какъ необходимость, такъ серьезность и сложность предстоявшей реформы женскаго образованія и воспитанія въ институтахъ, Императрица Марія Александровна искала человѣка, способнаго разработать съ надлежащей полнотой и сообразно требованіямъ современныхъ педагогическихъ идей и условіямъ русской жизни проектъ учебной реформы старѣйшаго изъ институтовъ — Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ съ состоявшимъ при немъ С.-Петербургскимъ Александровскимъ Училищемъ и провести новыя начала въ жизнь.

Такимъ человѣкомъ явился К. Д. Ушинскій, лично извѣстный Императрицѣ Маріи Александровнѣ, какъ талантливый педагогъ, приглашенный, по ея указанію, инспекторомъ Смольнаго.

Имя Константина Дмитріевича Ушинскаго занимаетъ исключительное мѣсто среди русскихъ педагоговъ. «Если Н. И. Пирогову *принадлежитъ починъ въ дѣлѣ нашего семейнаго и* общественнаго воспитанія, — пишетъ В. Острогорскій, — то К. Д. Ушинскій, которому до сихъ поръ еще не явилось у насъ ни одного достойнаго преемника, по всей справедливости, — пока единственный философъ-педагогъ теоретикъ, внесшій своими многочисленными сочиненіями яркій свѣтъ въ наши темныя воспитательныя дебри» [1].

«Ушинскій, обладая обширною и разносторонней научною подготовкою, — говоритъ М. Л. Песковскій, — ставящей его на одномъ уровнѣ съ знаменитѣйшими изъ западно-европейскихъ педагоговъ, остался совершенно самобытнымъ, т. е. типично русскимъ педагогомъ въ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на учебно-воспитательное дѣло вообще и школьное дѣло въ частности. Ушинскій — это яркій русскій самородокъ, давшій намъ здоровыя основы воспитанія и обученія» [2].

«К. Д. Ушинскій въ вопросахъ общепедагогическихъ и въ вопросахъ національнаго воспитанія, — говорится въ одномъ изъ трудовъ, посвященныхъ оцѣнкѣ его дѣятельности, — пришелъ къ такимъ твердымъ и обоснованнымъ убѣжденіямъ, что до сихъ поръ, по истинѣ, остается нашимъ учителемъ» [3].

[1] В. Острогорскій и Д. Семеновъ. Русскіе педагогическ. дѣятели, 31. [2] Памяти К. Д. Ушинскаго, 19. [3] Волконскій, 7.

Дѣтство и юность К. Д. Ушинскаго протекли при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Родители его были людьми образованными; дѣтскіе годы въ семьѣ, подъ нѣжнымъ попеченіемъ матери, оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ Ушинскаго; въ этомъ слѣдуетъ искать начало вѣры Ушинскаго въ благотворность вліянія на ребенка нормальной родной семьи, которое онъ впослѣдствіи положилъ въ основу своихъ взглядовъ на воспитаніе.

Годы ученія въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи имѣли большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Ушинскаго.

Въ то время директоромъ тамъ былъ старый профессоръ И. Ѳ. Тимковскій, съ любовью и преданностью относившійся къ наукѣ и отличавшійся глубокой религіозностью. Такія же убѣжденія онъ сумѣлъ внушить и своимъ ученикамъ.

Пребываніе въ Московскомъ университетѣ въ періодъ его наиболѣе блестящей дѣятельности имѣло для Ушинскаго еще бо́льшее значеніе и развило въ немъ благородно-идеальное философское настроеніе, которымъ отличалась вся послѣдующая дѣятельность Ушинскаго.

Черезъ два года по окончаніи университета, К. Д. Ушинскій былъ приглашенъ читать лекціи по юридическимъ наукамъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, въ 1855 г. былъ назначенъ преподавателемъ словесности, а затѣмъ и инспекторомъ Гатчинскаго Сиротскаго института.

Во время своего инспекторства въ Гатчинскомъ Сиротскомъ институтѣ Ушинскій основательно изучилъ педагогическія системы и педагогическую литературу и имѣлъ возможность практически примѣнять и на опытѣ провѣрять постепенно сложившіяся у него собственныя педагогическія воззрѣнія.

Необыкновенно энергичная дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ качествѣ инспектора Гатчинскаго института, а также его литературные труды по вопросамъ воспитанія и образованія, въ короткій періодъ создали К. Д. Ушинскому громкое имя и извѣстность. Труды и дѣятельность К. Д. Ушинскаго знала и цѣнила Императрица Марія Александровна, раздѣлявшая его основныя педагогическія воззрѣнія [1].

К. Д. Ушинскій имѣлъ совершенно опредѣленный, твердый и ясный взглядъ на задачи и потребности образованія и вос-

[1] Ушинскій. Собр. неизд. соч., 123—168.

питанія русскихъ женщинъ. «Женщина черезчуръ видный членъ общества, писалъ Ушинскій,—она многими невидимыми нитями, въ качествѣ матери, дочери, жены, воспитательницы, просто гражданки, дѣйствуетъ на всѣ стороны жизни... Воспитаніе женщины, кромѣ индивидуальнаго и семейнаго значенія, имѣетъ еще огромное значеніе въ народной жизни, черезъ женщину только успѣхи науки и цивилизаціи могутъ войти въ народную жизнь. Дѣйствительно, характеръ человѣка болѣе всего формируется въ первые годы его жизни, и то, что ложится въ характеръ въ эти первые годы,—ложится прочно, становится второю природою человѣка; но такъ какъ дитя въ эти первые годы свои находится подъ исключительнымъ вліяніемъ матери, то и въ самый характеръ его можетъ проникнуть только то, что проникло уже прежде въ характеръ матери. Все, что усваивается человѣкомъ впослѣдствіи, никогда уже не имѣетъ той глубины, какою отличается все, усвоенное въ дѣтскіе годы. Такимъ образомъ, женщина является необходимымъ посредствующимъ членомъ между наукою, искусствомъ и поэзіей съ одной стороны,—нравами, привычками и характеромъ народа съ другой. Изъ этой мысли вытекаетъ уже сама собою необходимость полнаго, всесторонняго образованія женщины уже, такъ сказать, не для одного семейнаго обихода, но имѣя въ виду высокую цѣль—провести въ жизнь народа результаты науки, искусства и поэзіи» [1].

К. Д. Ушинскій.

«Я желалъ бы отъ всей души,—пишетъ Ушинскій,—чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ школъ для дѣтей, не могущихъ по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой

[1] *Ушинскій. Собр. педаг. соч., II, 215, 216.*

заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ крайней необходимости» [1].

При такихъ взглядахъ вполнѣ естественно, что К. Д. Ушинскій съ радостью согласился на сдѣланное ему предложеніе занять мѣсто инспектора въ Смольномъ.

К. Д. Ушинскій зналъ о намѣреніяхъ молодой Государыни произвести существенныя преобразованія въ Смольномъ, и мысль о возможности на дѣлѣ осуществить свои взгляды на женское образованіе и воспитаніе, дать имъ новое, здоровое и идейное направленіе, поставить на новый путь—не могла не плѣнять идеалистически настроеннаго педагога, какимъ былъ К. Д. Ушинскій.

Приглашеніе К. Д. Ушинскаго на должность инспектора классовъ Смольнаго состоялось съ соизволенія обѣихъ Императрицъ и встрѣтило полное сочувствіе мѣстнаго начальства Смольнаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, докладъ, представленный Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 31 декабря 1858 г. членами Совѣта Воспитательнаго Общества—М. П. Леонтьевой, барономъ Б. А. Фредериксомъ и И. Д. Деляновымъ. Въ этомъ докладѣ, испрашивая соизволенія Ея Величества на опредѣленіе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго, члены Совѣта писали:

«Имѣя въ виду, что надворный совѣтникъ Ушинскій пріобрѣлъ уже въ современной литературѣ почетную извѣстность своими статьями, вполнѣ обнаруживающими въ немъ рѣдкія педагогическія достоинства, а потому принесетъ самую существенную пользу Воспитательному Обществу и Александровскому Училищу, Совѣтъ означенныхъ заведеній считаетъ долгомъ присовокупить, что съ своей стороны, при многосторонней образованности г. Ушинскаго и совершенномъ знакомствѣ его съ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, равно какъ и съ литературой сихъ языковъ, рѣшительно не находитъ никакого къ предоставленію ему должности инспектора классовъ препятствія въ обстоятельствѣ, которое впрочемъ — по свой-

[1] Ушинскій. Руководство къ преподаванію по «Родному Слову»; ср. В. Острогорскій (В. Восп. 1891 г. I. 76—93); Каптеревъ (Образ. 1893 г., № 1).

ственной достойнымъ людямъ скромности—объявилъ г. Ушинскій самъ и которое заключается именно въ томъ, что онъ не имѣетъ лишь навыка совершенно бѣгло объясняться на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; не заключая въ себѣ никакой необходимости, обстоятельство это тѣмъ болѣе не можетъ служить препятствіемъ, что и покойный г. Тимаевъ не имѣлъ помянутаго навыка говорить на иностранныхъ языкахъ» [1].

Ушинскій былъ опредѣленъ инспекторомъ Смольнаго въ самомъ началѣ 1859 г., но дѣла по Гатчинскому Сиротскому институту задержали его, и онъ приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей лишь 10 февраля [2].

Нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ приглашеніи К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища ему была указана необходимость существенныхъ преобразованій въ обоихъ заведеніяхъ и предложено немедленно приступить къ разработкѣ предстоящихъ реформъ.

Императрица Марія Александровна съ первыхъ дней дѣятельности К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ съ интересомъ слѣдила за его преобразовательной работой. Уже 30 марта 1859 г. М. П. Леонтьева писала въ своемъ докладѣ Ея Величеству:

«Je crois devoir porter à la connaissance de Votre Majesté que l'inspecteur des classes travaille aux programmes des cours qui devront être suivis dans toutes les 7 classes, dont l'institution est projetée pour l'annee prochaine après que la sortie des deux classes blanches actuelles aura eu lieu» [3].

Съ предварительнаго разрѣшенія Императрицы Маріи Александровны К. Д. Ушинскій 2 апрѣля въ присутствіи Ея Величества произнесъ передъ экзаменомъ въ спеціальномъ классѣ рѣчь о задачахъ воспитанія и образованія женщинъ [4].

Свою дѣятельность въ Смольномъ К. Д. Ушинскій началъ съ выясненія настоящаго положенія учебнаго дѣла въ обоихъ заведеніяхъ. М. П. Леонтьева, зорко слѣдившая за первыми шагами дѣятельности новаго инспектора, была, повидимому, вполнѣ довольна имъ.

[1] Мордвинова, 181—182. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 1 [оп. вн.], № 144; Д. 1858 г. № 24. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. 1268, св. 739, ср. Мордвинова, 183—185. [3] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [4] Тамъ же.

Въ своемъ донесеніи Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 2 марта 1859 г. она пишетъ: «Grâce à l'intérêt bienveillant et à la sollicitude que Votre Majesté Impériale daigne porter à nos deux établissements, nous avons, depuis le 10 du mois qui vient de s'écouler, un Inspecteur des classes qui paraît réunir toutes les qualités que cet emploi exige... Je ne puis ne pas réitérer à Votre Majesté Impériale l'humble expression de ma profonde reconnaissance d'avoir daigné nous accorder un Inspecteur des classes qui m'inspire autant de confiance par son savoir, que par la réputation, dont il jouit sous tous les rapports»[1].

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій съ своей стороны оказывалъ также содѣйствіе работѣ К. Д. Ушинскаго.

К. Д. Ушинскій съ увлеченіемъ и энергіей принялся за разработку проекта преобразованій въ Смольномъ. Надо было обладать исключительнымъ педагогическимъ талантомъ Ушинскаго, чтобы успѣть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выяснить положеніе учебной части въ Смольномъ и создать новый, вполнѣ законченный, продуманный во всѣхъ подробностяхъ, стройный проектъ постановки учебнаго дѣла на новыхъ началахъ, который легъ впослѣдствіи въ основу всего женскаго образованія въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи.

16 мая 1859 г. К. Д. Ушинскій представилъ въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества «Проэктъ нѣкоторыхъ преобразованій въ распредѣленіи классовъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго Училища»[2].

«При настоящемъ распредѣленіи учебнаго курса,—писалъ К. Д. Ушинскій въ своемъ докладѣ, 16 мая 1859 г.,—Общество благородныхъ дѣвицъ состоитъ изъ трехъ, а Александровское Училище изъ двухъ трехгодичныхъ классовъ, такъ что курсъ ученія въ первомъ заведеніи назначается девятилѣтній, а во второмъ шестилѣтній. Кромѣ того, при этихъ заведеніяхъ устроенъ еще двухгодичный спеціальный классъ для дѣвицъ, изъявившихъ желаніе основательно приготовиться къ исполненію обязанностей домашнихъ наставницъ.

Существенные недостатки такого раздѣленія учебнаго курса заключаются въ слѣдующемъ:

I. Нѣтъ никакого достаточнаго основанія предполагать, чтобы воспитанницамъ Александровскаго Училища достаточно

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 77, л. 5. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 72, л. 1.

было меньшее число лѣтъ для окончанія полнаго курса наукъ, или, чтобы дѣвицы, поступающія въ Училище, могли быть лучше приготовлены дома, чѣмъ дѣвицы, поступающія въ Общество. Въ число домашнихъ наставницъ поступаютъ преимущественно воспитанницы Училища, а потому возможная обширность и основательность познаній составляетъ для нихъ насущную потребность.

II. Курсъ ученія въ Обществѣ слишкомъ длиненъ; при болѣе педагогическомъ раздѣленіи курсовъ, принимая въ заведеніи дѣвицъ не ранѣе десятилѣтняго возраста, совершенно достаточно будетъ семи, и даже шестилѣтняго курса, чтобы дать болѣе способнымъ воспитанницамъ основательное образованіе, удовлетворяющее по обширности своей современнымъ требованіямъ. Тѣ же изъ дѣвицъ, способности которыхъ развиваются медленнѣе, оставаясь въ одномъ или двухъ классахъ по два года, сами продлятъ свой курсъ ученія.

III. Всякому извѣстно, что, каковы бы ни были усилія воспитателей и преподавателей, результаты воспитанія и ученія непремѣнно будутъ разнообразиться, смотря по способностямъ и наклонностямъ воспитываемыхъ, и послѣ годовыхъ занятій необходимо должны оказаться между воспитанницами такія, съ которыми и полезно и необходимо идти далѣе, и такія, съ которыми точно также необходимо утвердиться прежде въ пройденномъ. Но при трехгодичныхъ классахъ воспитанницы каждаго класса по необходимости всѣ переходятъ въ высшій классъ, несмотря на то, готовы ли онѣ къ переходу или нѣтъ, потому что оставить дѣвицу въ прежнемъ классѣ на три года невозможно. Этотъ недостатокъ самъ собой исчезнетъ при годичныхъ классахъ.

IV. Въ ежегодныхъ переводахъ по экзамену изъ класса въ классъ каждое заведеніе имѣетъ самое дѣйствительное средство возбужденія къ занятіямъ; но при трехгодичныхъ классахъ экзамены дѣлаются только одною формальностью.

Вотъ на какихъ основаніяхъ полезно бы было: во первыхъ уравнять курсы ученія въ обоихъ заведеніяхъ; а во вторыхъ, вмѣсто трехъ и двухъ трехгодичныхъ классовъ, ввести въ оба заведенія семь годичныхъ съ тѣмъ, чтобы переводы изъ класса въ классъ совершались по экзамену.

Но годичные классы и переводы по экзаменахъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, и особенно въ женскихъ, имѣютъ свои

существенныя неудобства, которыхъ нельзя выпустить изъ виду и которыя слѣдуетъ по возможности предотвратить.

Въ нашихъ гимназіяхъ, гдѣ курсъ ученія давно уже состоитъ изъ семи годичныхъ классовъ, мы можемъ видѣть, какая незначительная часть учениковъ оканчиваютъ полный гимназическій курсъ ровно черезъ семь лѣтъ (едва ли $^1/_4$ часть изъ числа вступившихъ одновременно въ первый классъ гимназіи), въ чемъ легко убѣдиться изъ отчетовъ Министерства Просвѣщенія.

Нѣкоторые оканчиваютъ гимназическій курсъ ученія въ девять, десять и даже въ одиннадцать лѣтъ, а многіе, не менѣе можетъ быть половины, не оканчиваютъ и вовсе курса, выходя изъ низшихъ и среднихъ классовъ гимназіи. Конечно, слишкомъ большіе размѣры этого неблагопріятнаго явленія зависятъ, во первыхъ, отъ того, что самое преподаваніе въ гимназіяхъ не воспользовалось еще всѣми педагогическими улучшеніями, а во вторыхъ—отъ недостаточности надзора внѣ заведенія за воспитанниками гимназій; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при самомъ бдительномъ надзорѣ внѣ классовъ и при введеніи всѣхъ улучшенныхъ способовъ преподаванія въ каждомъ большомъ заведеніи окажется необходимо значительное число дѣвицъ, которыя не будутъ въ состояніи пройти основательно не только въ восемь, но даже въ десять и въ одиннадцать лѣтъ всего курса наукъ, принятаго въ заведеніи. Кромѣ того, необходимо должно приготовиться и къ тому, что дѣвица, не выдержавшая экзамена для перехода въ высшій классъ въ первый годъ, можетъ не выдержать его и во второй и даже третій, если экзамены будутъ справедливы. Конечно, такихъ явленій при хорошемъ устройствѣ педагогической части будетъ немного, но все же они необходимо будутъ. Это зависитъ, во первыхъ, отъ природной неспособности, при которой дѣвица, несмотря на все свое стараніе, не въ состояніи слѣдить за полнымъ курсомъ наукъ, а во вторыхъ, и отъ того, что никакое обширное заведеніе не можетъ сосредоточить своихъ усилій на нѣсколькихъ слабѣйшихъ ученицахъ. Только въ семейномъ воспитаніи можно строго примѣняться къ индивидуальнымъ способностямъ каждаго.

Вопросъ, что̀ дѣлать съ воспитанницами, которыя въ продолженіе двухъ и трехъ лѣтъ не въ состояніи выдержать экзамена въ высшій классъ или которыя, оставаясь въ однихъ и тѣхъ же классахъ по два и по три года, достигнутъ восемнад-

пятнадцатилѣтняго или семнадцатилѣтняго возраста задолго еще до окончанія курса,—такъ важенъ, что его должно разрѣшить прежде, чѣмъ будетъ сдѣлано введеніе годичныхъ классовъ. Мѣра, принятая въ этомъ отношеніи нѣкоторыми мужскими учебными заведеніями, по которой воспитанники, пробывшіе два года въ одномъ и томъ же классѣ и не перешедшіе въ высшій, удаляются изъ заведенія, едва ли полезна въ какомъ либо не техническомъ учебномъ заведеніи и рѣшительно не приложима въ женскомъ.

Родители, поручая воспитаніе своихъ дочерей заведенію, не вправѣ, конечно, требовать отъ него, чтобы оно усвоило имъ всѣ предметы, означенные въ программѣ во всей ихъ обширности; но они совершенно вправѣ требовать, чтобы заведеніе сообщило дочерямъ ихъ столько развитія и столько знаній, сколько онѣ принять могутъ по своимъ способностямъ до восемнадцатилѣтняго или девятнадцатилѣтняго возраста. Слѣдовательно, заведеніе не имѣетъ права возвратить дѣвицу родителямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она оказывается неспособною слѣдить съ успѣхомъ за полнымъ курсомъ ученія и не можетъ переходить изъ класса въ классъ. Кромѣ того, воспитанницы зрѣютъ гораздо быстрѣе воспитанниковъ, и дѣвица, оставшись два года, напримѣръ, въ первомъ классѣ, два года во второмъ и два года въ третьемъ, будетъ находиться въ одномъ классѣ съ подругами, далеко меньшими ея по возрасту, и достигнетъ совершеннолѣтія, начавъ изучать много наукъ и не кончивъ порядочно ни одной.

Отсюда проистекаетъ необходимость разнообразить по возможности курсъ ученія, сообразно съ различными способностями воспитанницъ и, не задерживая безполезно тѣхъ, способности которыхъ требуютъ себѣ пищи, давать и слабѣйшимъ изъ воспитанницъ хотя ограниченныя и немногочисленныя свѣдѣнія, но за то прочныя, основательныя и, по возможности, оконченныя. Конечно, никакое общественное заведеніе не можетъ вполнѣ примѣняться къ способностямъ каждой воспитанницы (это возможно только для семейнаго воспитанія), но чѣмъ далѣе въ этомъ отношеніи пойдетъ заведеніе, чѣмъ болѣе приблизится оно къ семейному воспитанію, тѣмъ ближе оно достигнетъ своей цѣли.

Въ настоящее время примѣненіе курсовъ къ способностямъ воспитанницъ достигается нѣсколько тѣмъ, что каждый классъ

раздѣляется на два отдѣленія, и во вторыя отдѣленія поступаютъ слабѣйшія изъ воспитанницъ. Курсъ вторыхъ отдѣленій по числу предметовъ одинаковъ съ курсомъ первыхъ, но за то стѣсняется объемъ каждаго изъ предметовъ. Существованіе вторыхъ отдѣленій даетъ, конечно, возможность быстрѣе и полнѣе проходить курсъ наукъ въ первыхъ отдѣленіяхъ; но съ другой стороны такое учрежденіе имѣетъ свои неудобства. Во первыхъ, классы первыхъ отдѣленій переполнены воспитанни-

Видъ Смольнаго.

щами, тогда какъ классы вторыхъ отдѣленій могли бы заключать въ себѣ гораздо болѣе; во вторыхъ, дѣвица, поступившая во второе отдѣленіе, все же не останавливается въ курсѣ ученія для того, чтобы утвердиться въ пройденномъ, но безостановочно идетъ далѣе или, лучше сказать, теряетъ возможность слѣдить за наукою, тогда какъ, оставшись на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ и утвердившись на извѣстной ступени знанія, она, можетъ быть, стала бы въ числѣ лучшихъ ученицъ и удержалась потомъ въ этомъ положеніи въ продолженіе всего курса; въ третьихъ, такъ какъ и во вторыхъ отдѣленіяхъ число предметовъ остается

то же, то преподаваніе необходимо теряетъ въ своей основательности.

Что касается до нравственнаго вліянія отдѣльныхъ классовъ для слабыхъ воспитанницъ, то нельзя скрыть, что это вліяніе неблагопріятно. Но, къ сожалѣнію, это такое зло всякаго рода общественныхъ заведеній, которое должно по возможности ослабить различнаго рода воспитательными мѣрами, но котораго вполнѣ уничтожить невозможно. Помѣстить ли дѣвицу въ отдѣленіе слабыхъ воспитанницъ, оставить ли ее на другой годъ въ томъ же классѣ или, наконецъ, переводя ее изъ класса въ классъ, несмотря на недостаточность ея свѣдѣній, ставить ей постоянно дурныя отмѣтки—все это одинаково неблагопріятно дѣйствуетъ на нравственность воспитанницы, слишкомъ сильно и продолжительно оскорбляя ея самолюбіе и отнимая у нея увѣренность въ ея собственныхъ силахъ. Но оставленіе на второй годъ въ томъ же классѣ уже потому лучше, что оно не убиваетъ надежды къ исправленію, а, напротивъ, подаетъ къ тому лучшее *средство*.

Однако же должно ожидать, что и при сей послѣдней мѣрѣ окажутся воспитанницы, которыя вообще не будутъ въ состояніи слѣдить за полнымъ курсомъ ученія, хотя останутся въ одномъ или двухъ классахъ на два года. Для такихъ воспитанницъ весьма полезно было бы вообще ограничить курсъ ученія и, сосредоточивъ усилія ихъ слабыхъ способностей на небольшомъ числѣ предметовъ, дать имъ возможность пріобрѣсть хотя небольшое, но прочное и сколько нибудь законченное образованіе. Такъ, напримѣръ, нѣтъ никакого основанія учить двумъ иностраннымъ языкамъ дѣвицу, которая по своимъ способностямъ и съ однимъ едва можетъ совладать. Не лучше ли будетъ для нея знать основательно одинъ языкъ, чѣмъ плохо два? Точно также не лучше ли будетъ для дѣвицы вмѣсто того, чтобы безполезно пробѣгать полный курсъ исторіи, получить основательныя познанія въ географіи въ связи съ главнѣйшими историческими фактами по каждому государству?

Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства и сохраняя увѣренность, что всякое учебное заведеніе должно хвалиться не только обширностью познаній и блестящимъ развитіемъ способнѣйшихъ изъ своихъ воспитанницъ, но еще болѣе тѣмъ, что оно сдѣлало изъ самыхъ слабыхъ и наименѣе

одаренныхъ природою, я полагаю полезнымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ учебномъ курсѣ обоихъ заведеній:

1. Уравнять курсъ ученія въ обоихъ заведеніяхъ и въ каждомъ изъ нихъ устроить по семи годичныхъ классовъ, удержавъ теперешнее раздѣленіе по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: первому и второму классамъ удержать названіе кофейныхъ, третьему и четвертому названіе голубыхъ, пятому и шестому бѣлыхъ, седьмому присвоить названіе высшаго класса. Каждый классъ, за исключеніемъ седьмого и спеціальнаго, долженъ состоять изъ 2-хъ параллельныхъ, равныхъ отдѣленій. Седьмой же классъ никогда не будетъ многочисленъ, а потому его и не слѣдуетъ раздѣлять на параллели.

2. Для обоихъ заведеній устроить одинъ спеціальный, педагогическій классъ, съ тѣмъ, чтобы лучшія изъ воспитанницъ седьмого класса, по собственному желанію, могли оставаться въ немъ на годъ или даже и на два, въ качествѣ пепиньерокъ, упражняющихся въ практическихъ занятіяхъ по обученію и воспитанію.

3. Въ оба заведенія не слѣдуетъ принимать воспитанницъ ранѣе десяти лѣтъ, требуя отъ поступающихъ небольшихъ свѣдѣній по программѣ, заранѣе объявленной. Но для тѣхъ изъ дѣвицъ, которыя по сиротству своему или по какимъ нибудь другимъ уважительнымъ причинамъ не могли пріобрѣсти этихъ свѣдѣній, можно бы учредить при первомъ, т. е. младшемъ, классѣ заведеній особый приготовительный классъ, въ которомъ подъ руководствомъ одной постоянной наставницы должны заниматься съ малолѣтними воспитанницами дѣвицы спеціальнаго класса.

4. Позже двѣнадцатилѣтняго возраста въ первый младшій классъ не должно принимать. Имѣющія же болѣе двѣнадцати лѣтъ должны поступать въ соотвѣтствующіе ихъ возрасту классы не иначе, какъ выдержавъ удовлетворительно экзаменъ по предметамъ, пройденнымъ въ низшихъ классахъ. Послѣ четырнадцати лѣтъ пріемъ уже не можетъ быть дозволенъ; потому что въ немногіе годы, остающіеся для воспитанія послѣ четырнадцати лѣтъ, заведеніе едва ли можетъ дать дѣвицѣ свое направленіе.

5. Переводы изъ класса въ классъ должны совершаться ежегодно по экзамену, который въ обоихъ заведеніяхъ, исключая

спеціальнаго и выпускныхъ классовъ, долженъ происходить въ теченіе шести недѣль послѣ Рождества, а экзамены спеціальнаго класса и выпускныхъ—въ теченіе шести недѣль передъ *Рождествомъ. Пріемъ также долженъ по возможности* совершаться одновременно въ теченіе августа мѣсяца.

6. Число балловъ, достаточное для перевода въ высшій классъ, должно быть опредѣлено заранѣе; но необходимо должно допустить исключенія изъ общихъ правилъ, которыя по уважительнымъ причинамъ могутъ быть сдѣланы въ общей конференціи, состоящей изъ инспектора классовъ, его помощника, инспектрисы, преподавателей и классныхъ дамъ того класса, къ которому воспитанница принадлежитъ, и съ утвержденія г-жи начальницы заведенія. Правила подобнаго рода конференцій должны быть заранѣе опредѣлены.

7. Долѣе двухъ лѣтъ дѣвица въ одномъ и томъ же классѣ остаться не можетъ и должна быть переведена въ высшій классъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ быть ограниченъ курсъ *ея ученія* такъ, *чтобы у нея было время для занятія тѣми* предметами, которые ей оставлены. Для такихъ дѣвицъ необходимо, кромѣ общихъ занятій въ классахъ, учредить еще особыя приватныя занятія подъ руководствомъ воспитанницъ спеціальнаго класса, классныхъ дамъ или даже и наставниковъ, если число дѣвицъ, отставшихъ по тѣмъ или другимъ предметамъ, окажется значительнымъ. Такіе приватные курсы необходимо будутъ измѣняться ежегодно, смотря по надобности. Для нихъ слѣдуетъ опредѣлить небольшую сумму, сообразно съ которою могутъ быть они учреждаемы.

8. При переходѣ изъ голубого класса въ бѣлый, т. е. изъ 4-го въ 5-й, слѣдуетъ на общей конференціи опредѣлить: какія изъ дѣвицъ не могутъ уже съ успѣхомъ продолжать нормальнаго курса, и для нихъ при пятомъ классѣ учредить особый *третій параллель, въ которомъ онѣ могутъ остаться годъ и два*, смотря по возрастамъ и успѣхамъ, и изъ него непосредственно готовиться къ выпуску. Курсъ наукъ въ этомъ классѣ долженъ быть приспособленъ къ способностямъ, знанію и развитію дѣвицъ, и потому по возможности разнообразенъ. Кромѣ того, каждыя пять или шесть дѣвицъ могутъ быть поручаемы для приготовительныхъ занятій одной изъ занимающихся педагогическою практикою воспитанницъ спеціальнаго класса.

9. При переходѣ изъ пятаго класса въ шестой воспитанницы, смотря по желанію ихъ родителей, по возрасту, способностямъ и успѣхамъ, могутъ быть раздѣляемы на двѣ параллели: къ первую параллель могли-бъ поступать тѣ дѣвицы, родители которыхъ изъявятъ на то желаніе и которыя будутъ признаны способными къ дальнѣйшему продолженію курса, во второй же тѣ, которыя должны уже готовиться къ выпуску. Но и здѣсь дѣвица можетъ, вмѣсто одного года, остаться на два, если изъявитъ желаніе получить лучшій аттестатъ. Курсъ наукъ во 2-мъ отдѣленіи VI-го класса долженъ нѣсколько отличаться отъ курса наукъ въ 1-мъ отдѣленіи того же класса. Въ немъ не будутъ помѣщены нѣкоторые изъ предметовъ, преподаваніе которыхъ, начинаясь въ 1-мъ отдѣленіи VI класса, будетъ продолжаться въ VII-мъ классѣ.

10. Такимъ образомъ, выпуски будутъ по возможности разнообразны, и это разнообразіе будетъ именно выражаться въ аттестатахъ дѣвицъ, которые должны быть точны, вѣрны и подробны; такъ что если дѣвица, окончивъ курсъ въ одномъ изъ заведеній, пожелаетъ занять мѣсто домашней наставницы, то аттестатъ ея могъ бы служить вѣрнымъ выраженіемъ ея знаній.

11. Весьма полезно было бы для поощренія и слабѣйшихъ по способностямъ дѣвицъ къ пріобрѣтенію доступныхъ для нихъ познаній давать при выпускѣ какія нибудь награды и тѣмъ изъ нихъ, которыя окажутся лучшими и прилежнѣйшими, хотя и будутъ выпущены изъ пятаго и шестаго классовъ.

12. Дѣвицамъ, окончившимъ курсъ спеціальнаго класса, полезно бы было дозволить оставаться, по ихъ желанію, еще на годъ въ заведеніи для пріобрѣтенія большаго практическаго навыка въ воспитаніи и преподаваніи. Такимъ дѣвицамъ можно бы было назначить немногія лекціи для слушанія, но главнымъ ихъ занятіемъ было бы: чтеніе полезныхъ учебныхъ сочиненій по назначенію наставницъ, съ обязанностью давать письменный отчетъ въ прочитанномъ, занятія съ слабыми воспитанницами на приватныхъ урокахъ, занятія съ воспитанницами третьяго отдѣленія пятаго класса. Труды такихъ воспитанницъ спеціальнаго класса, будучи полезны для нихъ самихъ, принесли-бъ большую пользу и заведенію; а потому справедливо бы было назначить за такія занятія небольшое денежное вознагражденіе, которое могло-бы служить поддержкою на первое обзаведеніе

дѣвицы при поступленіи ея на мѣсто домашней наставницы. Это тѣмъ болѣе возможно, что труды практикующихъ дѣвицъ спеціальнаго класса позволили бы уменьшить число учительскихъ уроковъ и сдѣлать нѣкоторое сбереженіе въ жалованіи.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ раздѣленія классовъ послѣдуетъ необходимое и связанное съ нимъ измѣненіе въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, а потому и въ самыхъ программахъ. Когда же то или другое дѣленіе на классы будетъ принято, тогда я буду покорнѣйше просить о позволеніи представить проектъ общаго распредѣленія предметовъ по всѣмъ классамъ и проектъ программъ преподаванія по всѣмъ предметамъ для каждаго класса въ обоихъ заведеніяхъ» [1].

22 мая 1859 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества разсматривалъ проектъ К. Д. Ушинскаго и постановилъ представить этотъ проектъ въ Главный Совѣтъ, «съ присовокупленіемъ, что мѣстный Совѣтъ Общества и Училища, съ своей стороны, признаетъ означенный проектъ заслуживающимъ во всѣхъ отношеніяхъ полнаго одобренія и ходатайствуетъ объ утвержденіи онаго съ тѣмъ, чтобы разрѣшено было дополнить его нѣкоторыми подробностями, которыя окажутся необходимыми при самомъ приведеніи онаго въ исполненіе» [2].

Кромѣ того, М. П. Леонтьева представила статсъ-секретарю Гофману свои соображенія о томъ, что ввести новое положеніе по учебной части всего удобнѣе при выпускѣ и пріемѣ 1860 г., и просила «объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго разрѣшенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны на приступленіе нынѣ же къ составленію программъ преподаванія, расчетовъ денежныхъ и предположеній, касающихся измѣненій пріемовъ и выпусковъ, дабы въ неотлагательномъ времени мѣстный Совѣтъ могъ представить все сіе на разсмотрѣніе Главнаго Совѣта» [3].

Черезъ нѣсколько дней М. П. Леонтьева снова обратилась къ статсъ-секретарю Гофману съ просьбой «объ исходатайствованіи Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны повелѣнія на то, чтобы Главный Совѣтъ ускорилъ разсмотрѣніемъ вышесказаннаго

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72, лл. 3—10. Арх. Совѣт. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Учр. XIII, 309—316. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72, л. 11; Д. 1859 г., № [illegible] оп., кн.), л. 49. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72, л. 17.

проекта, на тотъ конецъ, чтобы можно было благовременно приступить къ занятіямъ, сопряженнымъ съ предположенными въ томъ проектѣ измѣненіями, для введенія въ ввѣренныхъ мнѣ заведеніяхъ новаго порядка съ имѣющимъ быть въ 1860 г. новымъ общимъ пріемомъ» [1]. Одновременно Совѣтъ Воспитательнаго Общества и самъ непосредственно ходатайствовалъ объ ускореніи разрѣшенія вопроса о реформѣ [2].

Однако, Главный Совѣтъ не такъ быстро приступилъ къ разсмотрѣнію проекта К. Д. Ушинскаго, какъ желалъ онъ самъ и Совѣтъ Воспитательнаго Общества. Лишь въ концѣ сентября проектъ учебной реформы въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ Училищѣ былъ представленъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Ея Величество «изволила отозваться, что, пріемля живѣйшее участіе въ благосостояніи сихъ заведеній, Она охотно изволитъ согласиться на предлагаемыя перемѣны, коль скоро ей доказано будетъ, что оныя соотвѣтствуютъ истинному благу сихъ учрежденій и что отъ оныхъ ожидается существенная польза» [3].

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ея Величество продиктовала своему секретарю Шторху слѣдующіе вопросы, отвѣты на которые должно было дать начальство Смольнаго [4].

1. Y aura- t -il à la Communauté, après la sortie de l'année prochaine, une réception d'élèves au mois d'août, et, en ce cas, à combien de demoiselles se montera cette réception?

2. Quel sera approximativement à l'époque de leur sortie, l'âge des élèves, qui actuellement se trouvent à la classe dite bleue et de combien de demoiselles se composera alors cette sortie?

3. Comment égalisera-t-on, ou plutôt, comment échelonnera-t-on les enfans, qui présentement font partie d'une même classe, ayant par conséquent à peu près le même âge, et qui plus tard devront quitter la Communauté à des sorties différentes?

4. Combien d'années devra durer l'état transitoire, jusqu'à ce que le nouvel ordre des choses soit entièrement établi à la Communauté?

5. Les trois inspectrices actuelles suffiront elles ou bien faudra-t-il augmenter leur nombre, ainsi que celui des maîtres? [5].

[1] Тамъ же, л. 18. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г. № 78, лл. 3—4. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г. № 72, л. 19. [4] Тамъ же, лл. 19—21. [5] Тамъ же, л. 20.

Отвѣты на вопросы, предложенные по желанію Императрицы Александры Ѳеодоровны, давали К. Д. Ушинскій и М. И. Леонтьева, каждый отдѣльно, при чемъ ими были высказаны соображенія, какъ о преимуществахъ новаго учебнаго курса, такъ и о порядкѣ осуществленія реформы [1].

К. Д. Ушинскій и его сотрудники въ Смольномъ [2].

«Польза отъ раздѣленія учебнаго курса Института на семь годичныхъ классовъ,—писалъ К. Д. Ушинскій,—заключается во 1-хъ въ томъ, что при семи годичныхъ классахъ курсъ ученія можетъ гораздо болѣе нынѣшняго быть согласованъ, какъ съ различными способностями воспитанницъ, такъ и съ различнымъ ихъ возрастомъ; во 2-хъ при годичныхъ классахъ воспитанница, по-

[1] Тамъ же, лл. 22—27. [2] Первый рядъ (слѣва): Бѣляевъ, Налетовъ, Головинъ, Гречулевичъ, Массонъ, Ушинскій; второй рядъ: Демини, Гуо, Буссе, Семеновъ, неизв., Яковлевъ, Семенскій, Дестунисъ, Бѣлоконовъ; третій рядъ: Сюзоръ, Аллесъ, Модзалевскій, Лидовъ, Раевскій, Пугачевскій, Миллеръ; четвертый рядъ: неизв., Антоновъ, неизв., Шишкинъ, Тимаевъ.

чему либо отставшая отъ своихъ подругъ, оставаясь на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ утвердиться въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ она слаба, но при трехгодичныхъ классахъ это невозможно; въ 3-хъ воспитанницы, слабыя въ наукахъ по способностямъ или по нерадѣнію, не будутъ задерживать въ ученіи болѣе прилежныхъ или способныхъ, какъ это замѣчается въ настоящее время; въ 4-хъ, въ переводахъ изъ класса въ классъ по экзаменамъ, а не по возрасту, какъ нынѣ, институтъ пріобрѣлъ бы сильное средство для возбужденія прилежанія въ воспитанницахъ. 5. Въ третьемъ параллельномъ при V-мъ классѣ самыя слабыя изъ дѣвицъ по способностямъ могли бы получить хотя небольшое, но оконченное образованіе, сообразно съ ихъ средствами, тогда какъ въ настоящее время, переходя изъ класса въ классъ вмѣстѣ съ другими, онѣ, наконецъ, теряютъ совершенно возможность слѣдить за курсомъ, который для нихъ слишкомъ многосложенъ. 6. Пріемы дѣвицъ, назначаемые ежегодно и по экзамену, могутъ быть гораздо болѣе нынѣшнихъ согласованы съ потребностями учебной части. Въ настоящее время нерѣдко въ институтъ поступаютъ дѣвицы, которыя по лѣтамъ и познаніямъ своимъ не могутъ быть уже въ кофейномъ классѣ, но не могутъ быть и въ голубомъ и, напримѣръ, поступая въ теченіе курса въ голубой классъ, черезъ три или четыре мѣсяца переходятъ въ бѣлый, не будучи совершенно къ тому подготовлены.

I. Если изъ дѣвицъ, приготовляющихся нынѣ къ выпуску, никто не изъявитъ желанія остаться еще на годъ въ седьмомъ, т. е. предполагаемомъ послѣднемъ, высшемъ классѣ, то седьмого класса въ будущемъ году не будетъ, а слѣдовательно не будетъ и выпуска въ 1861 году; но черезъ два года начнутся ежегодные выпуски и на третій годъ новый порядокъ окончательно установится.

II. Дѣвицы нынѣшняго голубого класса могутъ быть размѣщены по тремъ классамъ, что совершенно необходимо по разнообразію ихъ познаній и способностей. Лучшія изъ дѣвицъ голубого класса могли бы поступить въ V-й классъ и черезъ годъ перейти въ VII-й; а слѣдовательно и могли бы быть выпущены черезъ два года, если родители ихъ не изъявятъ желанія оставить ихъ еще на годъ въ институтѣ въ седьмомъ или въ спеціальномъ классѣ. Вѣроятно, многіе изъ родителей будутъ оста-

вять своихъ дочерей еще на одинъ лишній годъ въ заведеніи, но оставить еще на три года рѣдко кто рѣшится. Средніи по познаніямъ изъ воспитанницъ нынѣшняго голубого класса могли бы поступить въ V-й классъ и были бы вынущены чрезъ три года. Самыя слабыя изъ воспитанницъ, если имъ не болѣе 14-ти лѣтъ, могли бы поступить въ IV-й классъ и были бы вынущены черезъ четыре года. Тѣ изъ воспитанницъ нынѣшняго голубого класса, которымъ болѣе 15-ти лѣтъ и способности которыхъ не позволяютъ надѣяться, чтобъ онѣ могли съ успѣхомъ слѣдовать за преподаваніемъ полнаго институтскаго курса, могли бы быть помѣщены въ особое отдѣленіе при V-мъ классѣ, гдѣ курсъ ученія будетъ соображенъ съ ихъ способностями, и вынущены оттуда *черезъ годъ или два, смотря по успѣхамъ и возрасту.*

III. Воспитанницы нынѣшняго младшаго бофейнаго класса, весьма различались какъ по познаніямъ и способностямъ, такъ и возрасту, могли бы быть размѣщены въ IV-мъ, III и II классахъ. Все это распредѣленіе могло бы быть сдѣлано послѣ наступающихъ экзаменовъ и на общемъ совѣщаніи лицъ воспитательной и учебной части.

IV. Первый младшій классъ, состоящій изъ двухъ параллельныхъ и приготовительнаго, могъ бы къ будущемъ же 1860 году быть открытъ для пріема. Считая въ каждомъ изъ двухъ параллельныхъ перваго класса около 35-ти дѣвицъ, наступающій пріемъ будетъ въ 65 дѣвицъ. Кромѣ того, по экзамену можетъ поступить въ высшіе классы, т. е. во II, III и IV-й такое число дѣвицъ, на какое институтъ откроетъ вакансіи. Но такъ какъ такой пріемъ могъ бы быть открываемъ ежегодно, то родители имѣютъ съ тѣмъ получили бы удобство опредѣлять своихъ дочерей, сообразно ихъ возрасту и познаніямъ.

V. По числу дѣвицъ въ Обществѣ, каждый классъ, кромѣ высшаго VII-го, долженъ бы быть раздѣленъ на 2 параллельные класса и кромѣ этого при V-мъ классѣ могъ бы быть открытъ третій параллельный самыхъ слабыхъ, съ тѣмъ, чтобы и онѣ, не теряя даромъ времени, пріобрѣтали такія познанія, какія отъ нихъ возможны.

VI. При переходномъ экзаменѣ изъ пятаго класса въ VI-й дѣвицы могли бы быть раздѣлены на двѣ категоріи. Тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ наилучшія способности и какъ по возрасту своему, такъ и по желанію родителей могутъ еще остаться на

два года въ заведеніи, могли бы поступить въ первый параллельный VI классъ съ тѣмъ, чтобы перейти потомъ въ VII, а другія во второй параллель съ тѣмъ, чтобы готовиться къ выпуску въ томъ же году.

VII. При ежегодныхъ выпускахъ дѣвицы могли бы быть выпускаемы *а.*, изъ VII, *б.*, втораго параллельнаго при VI классѣ и *в.*, особеннаго параллельнаго при V классѣ, точно такъ же какъ и въ настоящее время дѣвицы выпускаются изъ разныхъ отдѣленій бѣлаго класса съ самыми разнообразными познаніями и съ большими разнообразіями въ лѣтахъ.

VIII. Прибавка суммы, отпускаемой на жалованье учителямъ, если и потребуется, то весьма незначительная, а именно, для преподавателей или преподавательницъ приготовительнаго класса, третьяго параллельнаго при V-мъ классѣ и на увеличеніе числа уроковъ въ VII классѣ, гдѣ были бы лучшія изъ воспитанницъ и которымъ потому возможно бы было дать и болѣе полное образованіе. Вся эта прибавка по приблизительному разсчету не можетъ превышать 5 или 6 т. р. въ годъ.

IX. Что касается до преобразованій въ Александровскомъ училищѣ, то они вполнѣ могли бы быть сообразованы съ тѣми, которыя изложены выше для Общества съ тою только разницею, что по меньшему числу воспитанницъ училища въ каждомъ классѣ не потребуется болѣе одной параллели. Но чтобы и въ Александровскомъ училищѣ можно было сообразовать курсъ ученія съ различными способностями дѣвицъ, слѣдовало бы и тамъ образовать, по крайней мѣрѣ, одинъ параллельный при VI классѣ, подобный тому какой предполагается образовать въ Обществѣ при V-мъ. Такимъ образомъ, въ Александровскомъ училищѣ, вмѣсто нынѣшнихъ 8-ми отдѣленій, было бы 8 классовъ и прибавка суммы жалованья учителямъ не потребуется.

X. Спеціальный классъ могъ бы остаться одинъ для обоихъ заведеній, съ тѣмъ чтобы дѣвицы были въ немъ не болѣе одного года, посвящая другой годъ, если изъявятъ на то желаніе, исключительно на практическія занятія преподаваніемъ или въ особенномъ для того сформированномъ практическомъ классѣ или по различнымъ классамъ заведенія, занимаясь какъ приготовленіемъ дѣвицъ къ урокамъ подъ руководствомъ опытныхъ классныхъ дамъ, такъ и преподаваніемъ въ приготовительномъ

классѣ для дѣвицъ, которыя по какому нибудь случаю вступить въ заведеніе не имѣли достаточныхъ для того познаній.

XI. Пятый, шестой и седьмой классы можно бы было считать старшими и выходящимъ изъ нихъ дѣвицамъ (по окончаніи учебнаго года) слѣдовало бы выдавать аттестаты съ правами домашнихъ наставницъ, но съ подробнымъ означеніемъ, изъ какого класса дѣвица вышла, какіе предметы и съ какимъ успѣхомъ проходила. Въ аттестатахъ дѣвицъ спеціальнаго класса слѣдовало бы означать, занимались ли онѣ въ заведеніи педагогическою практикою или нѣтъ. О значеніи аттестатовъ каждаго рода публика могла бы быть увѣдомлена заранѣе съ тѣмъ, чтобы каждый, видя аттестатъ, зналъ, чего онъ можетъ ожидать отъ избираемой имъ наставницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ небогатыя дѣвицы и самыя слабыя по способностямъ и познаніямъ получили бы возможность быть домашними наставницами при дѣтяхъ малаго возраста. При такомъ разнообразіи выпусковъ и аттестатовъ на Институтъ не могло бы падать обвиненіе въ томъ, что дѣвицы, окончившія въ немъ курсъ, имѣютъ часто крайне недостаточныя познанія, потому что публика привыкла бы дѣлать различіе между тѣми, которыя выпущены изъ VII, и тѣми, которыя выпущены изъ VI-го или V классовъ» [1].

Со своей стороны М. П. Леонтьева дала слѣдующіе отвѣты на сообщенные Шторхомъ вопросы Императрицы:

Pour l'intelligence des réponses que j'ai l'honneur de soumettre à Votre Majesté Impériale aux questions qu'Elle a daigné me faire adresser, je dois préalablement exposer l'ordre dans lequel les 7 classes que l'on propose d'organiser doivent être placées. Les classes brune, bleue et blanche, en gardant leurs dénominations, garderaient aussi leurs costumes et leur focal; mais chacune d'elles serait partagée en deux catégories, désignées l'une par un chiffre moindre, l'autre par un chiffre plus élevé. Ainsi, la classe brune formerait la 1-re et la 2-de classes; la classe bleue la 3-ème et la 4-ème; la classe blanche la 5-ème et la 6-ème. La classe dite 7-ème, dont le cours d'études serait le cours supérieur et définitif, serait composée d'élèves qui porteraient des robes grises; elles seraient logées au dortoir des d-elles de la pépinière et auraient leurs chambres d'études dans l'une des plus grandes

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г. № 72, лл. 22—24.

divisions de la classe brune qui pourrait être partagée en deux chambres par un mur.

1. Il y aurait une réception au mois d'août de 35 enfans aux frais de la couronne et d'une 30-zaine de pensionnaires; elles formeraient les deux divisions parallèles de la plus jeune classe qui serait nommée 1-re classe.

2. Parmi les élèves de la classe bleue, qui est très nombreuse, il se trouve qui d'après leur âge et leur degré d'instruction pourraient être transférées à la 6-me classe. Après avoir fait un cours de 7-ème classe elles sortiraient à l'âge de 17 ans, car la plupart de ces d-elles avancées dans les études ont à présent leurs 15 ans accomplis. Leur nombre peut monter à 60.

3. Les élèves de la classe bleue, qui est composée de plus de 160 élevès diffèrent non-seulement de degré d'instruction, mais encore d'âge, au point que quelques-unes d'entre elles ont, comme je viens de dire, 15 ans accomplis, tandis que d'autres non pas atteint leurs 13 ans. Cette classe pourrait être partagée en trois classes. Les élèves les plus avancées entreraient dans la 6-ème classe; celles dont les progrès sont moin bons composeraient la 5-ème classe; les moins avancées dans les études entreraient dans la 4-ème classe.

4. L'état transitaire finirait au bout de deux ans, époque à laquelle toutes les nouvelles dispositions seraient définitivement établies, quoique déja dès l'année 1860 elles auraient pris en grande partie le pli voulu.

5. Outre les trois inspectrices qui garderaient leurs postes auprès des classes brune, bleue et blanche, nous avons une 4-ème inspectrice qui est celle des demoiselles de la pépinière. C'est elle qui serait aussi inspectrice de la 7-ème classe. Quant aux maîtres, leur nombre serait augmenté de ceux qui donneraient des leçons dans la 7-ème classe. L'excédant de dépense que cela exigerait, ne serait pas considérable» [1].

«... J'ose supplier Votre Majesté Impérial,—одновременно писала М. П. Леонтьева Ея Величеству,—de me permettre de Lui exposer en premier lieu le stimulant que nous obtiendrons pour faire avancer dans les études les élèves qui seraient disposées à les négliger, par l'institution du passage annuel des élèves d'une classe inférieure à une classe supérieure. La plus grande part de

[1] Арх. Инп. Воен. Общ. Д. 1859 г. № 72, лл. 25—26.

nos soucis sous le ropport de l'instruction de nos élèves serait écarté par le souvenir toujours présent de l'issue de l'année, qui déciderait si elles mériteraient ou non d'être transferées à une classe supérieure. Je pense que le caractère de ces demoiselles gagnerait à s'observer par leur propre impulsion et non pas une impulsion d'autrui, qui excite plus souvent la contrariété et le murmure qu'elle ne produit d'effet salutaire.

Il ne parait incontestable que la necessité où seraient placées les élèves de veiller sur elles mêmes et de ne point se relâcher, leur serait doublement utile sous le rapport de l'instruction et sous le rapport moral.

Le second avantage du nouvel arrangement de classes des élèves serait d'éviter une agglomération d'enfans dans la classe bleue, où la plupart des parens préferent de placer leurs enfans, *afin de ne pas s'en séparer pour un grand nombre d'années*, ce qui arriverait si les enfans etaient placées dans la classe brune.

En ajoutant à cette considération le préjudice pécuniaire qui en résulte pour la maison par le nombre imcomplet des pensionnaires, on ne peut s'empécher de faire des voeux pour un ordre de choses qui établirait une répartition égale d'élèves de toutes les classes et qui amènerait l'absence de la gène que la presse occasionne dans les localitées occupées par la classe bleue...» [1].

Императрица Марія Александровна принимала дѣятельное участіе въ предстоявшей въ Смольномъ реформѣ. Соображенія и отвѣты К. Д. Ушинскаго и М. П. Леонтьевой были доложены ей прежде, чѣмъ были отосланы Вдовствующей Императрицѣ въ *Ниццу, гдѣ находилась* Ея Величество [2].

28 февраля 1860 г. проектъ реформы Ушинскаго былъ Высочайше утвержденъ Императрицей Маріей Александровной, согласно съ мнѣніемъ Главнаго Совѣта къ введенію, въ видѣ опыта, на полный семилѣтній курсъ [3].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г. № 72. л. 27. [2] Тамъ же, л. 19. [3] Тамъ же, л. 30 и слѣд. Д. 1860 г., № 75. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи Д. *№ 1910, св. 502; ср. Д. № 2163, св. 519.*

III.

Осуществленіе въ Смольномъ учебной реформы. — Новая учебная программа.—Новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ.—Взглядъ Ушинскаго на характеръ преподаванія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ.—Преобразованіе спеціальнаго класса. — Новые преподаватели.—Обезпеченіе преподавательскаго персонала.—Учебныя книги и библіотеки.

ока проектъ К. Д. Ушинскаго разсматривался Совѣтами и представлялся Ихъ Величествамъ, Ушинскій усердно трудился надъ выработкой учебныхъ программъ, соотвѣтствующихъ новому распредѣленію учебнаго курса, составлялъ новыя расписанія учебныхъ часовъ, разрабатывалъ вопросъ о распредѣленіи, на новыхъ началахъ, воспитанницъ по классамъ, приглашалъ новыхъ преподавателей [1], даже составлялъ учебныя книги соотвѣтственно новымъ программамъ. Такъ, напр., 11 декабря 1859 г. М. П. Леонтьева доносила Императрицѣ Маріи Александровнѣ: «Mr. Ouchinsky achève un ouvrage pour servir de lecture aux enfans et à leur développement intellectuel» [2].

Послѣ обычнаго выпуска въ мартѣ 1860 г. воспитанницы голубого и коффейнаго классовъ были вновь распредѣлены уже по годовымъ классамъ, и 12 апрѣля 1860 г. К. Д. Ушинскій доносилъ Совѣту Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища, что «сего 1860 г. 12 апрѣля, послѣ торжественнаго молебствія въ церкви Общества, начато было преподаваніе

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 72, лл. 33—43. Памяти К. Д. Ушинскаго, 85.
[2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой.

во всѣхъ вновь устроенныхъ годовыхъ классахъ обоихъ заведеній» [1].

Въ связи съ учебной реформой были измѣнены и условія пріема въ Воспитательное Общество [2].

Помимо новаго распредѣленія по годамъ учебнаго курса въ Смольномъ, К. Д. Ушинскій обратилъ серьезное вниманіе на самый способъ преподаванія, начала, положенныя въ основу обученія въ Смольномъ. Ставя новыя задачи женскому образованію, онъ счелъ необходимымъ значительно усовершенствовать общую постановку учебнаго дѣла, существенно измѣнивъ и согласовавъ ее съ требованіями времени.

Въ «Объяснительной запискѣ къ проектамъ программъ учебнаго курса въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскомъ Александровскомъ Училищѣ» К. Д. Ушинскій подробно изложилъ свои взгляды и принципы, положенные имъ въ основу новыхъ программъ учебнаго курса въ Смольномъ.

Прежде всего К. Д. Ушинскій остановился на вопросѣ о продолжительности урока. Онъ нашелъ, что полуторачасовые уроки утомительны для дѣтей. «Извѣстно педагогическое наблюденіе, писалъ Ушинскій,—что чѣмъ моложе возрастъ учащихся, тѣмъ менѣе способны они выносить продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же предметомъ, и тѣмъ вреднѣе для нихъ и въ умственномъ, и въ физическомъ отношеніи продолжительное сидѣніе въ классѣ. Всякая постоянная и однообразная дѣятельность, какъ умственная, такъ и физическая, утомляетъ дитя именно своимъ постоянствомъ и однообразіемъ». Поэтому К. Д. Ушинскій полагалъ въ основу учебнаго времени новый педагогическій принципъ: достигать успѣшности занятій воспитанницъ «не увеличеніемъ продолжительности каждаго урока, но учащеніемъ самыхъ уроковъ» [3].

Число уроковъ въ каждомъ классѣ возрастало, такимъ образомъ, въ зависимости отъ сокращенія продолжительности каждаго урока. Сверхъ сего К. Д. Ушинскій считалъ необходимымъ еще

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72, лл. 44, 45 и сл. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 76; ср. Гувернантка, 1862 г., № 2; Современникъ, 1862 г., № 1.
[3] По мысли Ушинскаго въ началѣ 1861 г., съ соизволенія Императрицы Маріи Александровны, продолжительность уроковъ въ Воспитательномъ Обществѣ была сокращена до 1¼ часа (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 76, л. 56).

нѣкоторое увеличеніе числа учебныхъ часовъ, такъ какъ учебный курсъ въ Воспитательномъ Обществѣ надлежало теперь проходить не въ девять, а въ семь лѣтъ. К. Д. Ушинскій полагалъ, что, въ виду повышенія пріемнаго возраста, это увеличеніе не можетъ быть въ тягость даже младшимъ воспитанницамъ [1].

Распредѣленіе по классамъ учебныхъ предметовъ было обосновано К. Д. Ушинскимъ на принципѣ строгой педагогической постепенности.

Слишкомъ большое количество разнообразныхъ учебныхъ предметовъ въ младшихъ классахъ К. Д. Ушинскій считалъ безусловно вреднымъ.

Основнымъ предметомъ обученія К. Д. Ушинскій ставилъ родной языкъ, на которомъ должны преподаваться всѣ учебные предметы. Въ младшихъ классахъ должно быть наглядное обученіе, сопровождаемое умственными и словесными упражненіями. Необходимо пріучать ребенка «правильно глядѣть на самые простые окружающіе его предметы, правильно думать, правильно выражаться, сознательно читать и давать себѣ отчетъ въ прочитанномъ: словомъ, чтобы его приготовили къ ученію. Но дитя обыкновенно садятъ за книгу, еще не выучивъ его внимательно читать и ясно понимать читаемое; начинаютъ учить грамматикѣ, когда оно еще и говоритъ очень не складно; требуютъ орѳографіи, когда оно еще путается въ словахъ и не можетъ правильно связать двухъ мыслей. Изученію языка должно предшествовать упражненіе въ языкѣ, состоящее въ непосредственной зависимости отъ упражненій въ мышленіи. Должно сначала пріучить дѣтей отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя уже есть въ ихъ головахъ, правильно думать и выражаться о тѣхъ предметахъ, съ которыми они болѣе или менѣе знакомы... Такого рода упражненія всего удобнѣе соединить съ преподаваніемъ русскаго языка... Самое преподаваніе русскаго языка вначалѣ именно и должно состоять въ томъ, чтобы пріучить дитя правильно думать о доступныхъ ему предметахъ и, сколько возможно, правильно выражаться о нихъ словесно и письменно».

К. Д. Ушинскій полагалъ, что курсъ младшихъ классовъ долженъ быть какъ бы приготовительнымъ курсомъ къ дальнѣйшему

[1] Въ младшихъ классахъ Ушинскій назначалъ 23½ учебныхъ часовъ въ недѣлю, въ среднихъ—26, въ старшихъ—30.

обученію. «Я убѣжденъ,—писалъ К. Д. Ушинскій,—что этотъ приготовительный курсъ, если удастся его установить, придастъ ученію ту сознательность и самостоятельность со стороны учащихся, которой именно теперь недостаетъ и которая одна можетъ служить ручательствомъ, что ученіе будетъ для нихъ, дѣйствительно, въ то же время самымъ могущественнымъ двигателемъ духовнаго и нравственнаго развитія».

Въ преподаваніи иностранныхъ языковъ Ушинскій полагалъ необходимымъ соблюдать послѣдовательность, въ младшихъ классахъ допускалъ обученіе только одному иностранному языку,—французскому. «Преподаваніе и одного иностраннаго языка дѣтямъ 10-ти—11-ти лѣтъ, когда они еще плохо владѣютъ своимъ отечественнымъ, не совсѣмъ сообразно съ требованіями правильнаго органическаго развитія; но преподаваніе двухъ иностранныхъ языковъ разомъ есть такая очевидная педагогическая ошибка, что можно только удивляться, какъ она держится до сихъ поръ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на противорѣчащіе примѣры педагогической теоріи и практики».

Приступить къ изученію второго иностраннаго языка, нѣмецкаго, К. Д. Ушинскій считалъ возможнымъ лишь на третій годъ обученія. Воспитанницы «должны сначала окрѣпнуть въ одномъ (иностранномъ языкѣ), достигнуть въ немъ той точки, когда языкъ дѣлается собственностью нашей природы, переходитъ черезъ привычку въ безсознательную область души и остается за нами навсегда. Но такой ступени въ знаніи французскаго языка я полагаю возможнымъ достичь въ заведеніяхъ, гдѣ изученіе языка не ограничивается однимъ классомъ, не долѣе, какъ въ два года, при значительномъ числѣ уроковъ. Частые, если возможно, ежедневные уроки, при изученіи иностраннаго языка, необходимы. Здѣсь все дѣло въ навыкѣ, а слѣдовательно въ безпрестанномъ повтореніи».

Переходной ступенью при изученіи роднаго языка отъ младшихъ классовъ къ старшимъ должны, по мнѣнію К. Д. Ушинскаго, служить переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій. Они являются подготовительной работой къ самостоятельнымъ сочиненіямъ и изложеніямъ въ старшихъ классахъ на родномъ языкѣ.

«При самостоятельныхъ сочиненіяхъ,—писалъ К. Д. Ушинскій,—которыя тоже, конечно, необходимы, изучающій часто бе-

ретъ готовую фразу, давно уже сложившуюся въ его головѣ, или употребляетъ выраженія, гдѣ нибудь случайно имъ подхваченныя и не совершенно сознанныя; наталкиваясь же на мысль, которую выразить трудно, легко отъ нея уклоняется. При переводахъ же, которые могутъ быть дѣлаемы изустно и письменно въ самомъ классѣ, учащіеся борются съ мыслью избраннаго автора, и въ этой плодотворной борьбѣ крѣпнутъ ихъ собственныя силы. Здѣсь не только надобно понять вполнѣ и до глубины проводимую мысль, не только уловить всѣ ея оттѣнки, но и найти въ родномъ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе. Умъ, разсудокъ, воображеніе, память и даръ слова упражняются въ одно и то же время». Статьи для переводовъ К. Д. Ушинскій рекомендовалъ преимущественно историческаго и географическаго содержанія.

Одна изъ башенъ Смольнаго.

К. Д. Ушинскій находилъ необходимымъ расширить программы курса географіи и исторіи. «География въ женскомъ воспитаніи должна быть однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ обученія,—говорится въ запискѣ К. Д. Ушинскаго,—ибо въ ней соединяются именно тѣ результаты всѣхъ наукъ, которыя необходимо знать образованной женщинѣ, не имѣющей надобности изучать подробно и спеціально всѣ эти науки». Преподаваніе географіи К. Д. Ушинскій считалъ желательнымъ соединять съ изученіемъ исторіи.

Учебнымъ программамъ старшихъ классовъ К. Д. Ушинскій удѣляетъ особое вниманіе въ своей запискѣ. Каждый курсъ имѣетъ строгую законченность и надлежащую полноту. Изученіе русской литературы идетъ вмѣстѣ съ всеобщей литературой, ко-

торая преподается тоже на русскомъ языкѣ. Изученіе французской и нѣмецкой литературъ на этихъ языкахъ должно быть совершенно оставлено, какъ слишкомъ сложное и недоступное воспитанницамъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ бы слѣдовало. Большое вниманіе должно быть обращено на чтеніе русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Для того, чтобы воспитанницы старшихъ классовъ не забывали практически иностранныхъ языковъ, К. Д. Ушинскій считалъ полезнымъ заставлять ихъ повторять по французски и по нѣмецки уже ранѣе пройденные по русски предметы.

Изученіе естественныхъ наукъ и физики К. Д. Ушинскій полагалъ начать съ человѣка, переходить къ животному, потомъ къ растеніямъ и, наконецъ, къ міру неорганическому. Кромѣ того, К. Д. Ушинскій считалъ желательнымъ ввести особый, небольшой курсъ гигіены. «Сбереженіе здоровья не только своего собственнаго, но и цѣлой семьи, находится весьма часто въ рукахъ матери и хозяйки,—писалъ К. Д. Ушинскій,—и незнаніе самыхъ главныхъ гигіеническихъ правилъ ведетъ иногда къ весьма гибельнымъ послѣдствіямъ».

Ариѳметику Ушинскій считалъ необходимымъ преподавать по возможности наглядно, соединяя съ рисованіемъ. «Если въ женскихъ заведеніяхъ,—писалъ онъ,—изученіе ариѳметики весьма часто идетъ вяло и скучно, и какой нибудь десятокъ ариѳметическихъ правилъ, такъ трудно начертывается въ умахъ ученицъ, то причина этого заключается въ отвлеченности изложеній этихъ правилъ. Если же въ ариѳметикѣ дитя перейдетъ отъ наглядnаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи и системѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда легко и безъ скуки» [1].

Несмотря на тщательную разработку учебныхъ программъ и всего проекта реформы, невозможно было предусмотрѣть всѣхъ затрудненій и случайностей, которыя возникали во время проведенія самой реформы въ жизнь. Первые года существованія новаго порядка недоумѣній возникало много. К. Д. Ушинскому постоянно приходилось составлять «пояснительныя записки» и входить съ новыми представленіями въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества относительно распредѣленія уроковъ, размѣщенія

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г. № 72. лл. 68—97; ср. Чернышевъ (Педаг. Сборн. 1912 г., I).

воспитанницъ по классамъ, пріемовъ и выпусковъ, финансовыхъ расчетовъ и т. п.[1].

Измѣненіе общаго порядка учебнаго курса Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища потребовало преобразованія и спеціальнаго класса.

До реформы 1860 г. учебный курсъ Александровскаго училища былъ гораздо сокращеннѣе курса Воспитательнаго Общества и цѣль спеціальнаго класса была двоякая: пополнить знанія воспитанницъ спеціальнаго класса по предметамъ общеобразовательнаго курса, а затѣмъ уже предоставить имъ возможность теоретически и практически подготовиться къ педагогической дѣятельности.

Съ введеніемъ новыхъ учебныхъ курсовъ въ обоихъ заведеніяхъ по проекту К. Д. Ушинскаго, было признано, что тѣ научныя свѣдѣнія и знанія, какія пріобрѣтались воспитанницами при прохожденіи учебнаго курса въ общихъ классахъ, вполнѣ достаточны для первоначальной наставницы. Поэтому главной задачей спеціальнаго педагогическаго класса К. Д. Ушинскій считалъ педагогическую практику и подготовку воспитанницъ къ дальнѣйшей дѣятельности, пріученіе ихъ къ самостоятельному чтенію и труду, ознакомленіе ихъ съ педагогическими системами и различными методами преподаванія и т. д.

Прежній двухгодичный курсъ спеціальнаго класса былъ замѣненъ, по проекту К. Д. Ушинскаго, двумя одногодичными, съ ежегоднымъ пріемомъ въ младшій изъ нихъ по 16 воспитанницъ изъ числа окончившихъ общій курсъ.

Въ первый годъ воспитанницы спеціальнаго класса должны были пройти теоретическій курсъ педагогики и дидактики, при двухъ недѣльныхъ урокахъ; изучить по небольшому отдѣлу изъ каждой преподаваемой имъ науки, только болѣе подробно и отчетливо, чѣмъ это дѣлалось въ общихъ классахъ обоихъ заведеній съ тою цѣлью, чтобы этимъ усилить и поддержать въ воспитанницахъ научное направленіе и заохотить ихъ къ дальнѣйшему самостоятельному занятію науками, при чемъ число уроковъ для этого оставлялось то же; повторить самостоятельно основныя начала пройденныхъ въ общихъ классахъ предметовъ съ тою цѣлью, чтобы сознательнымъ повтореніемъ началъ

[1] Тамъ же, лл. 100, 102, 109, 110—112; Д. 1860 г., № 76, л. 44; Д. 1859 № 78 л. 45.

каждой науки приготовить себя къ преподаванію проходимыхъ предметовъ, при чемъ повтореніе это должно производиться подъ руководствомъ преподавателей педагогическаго класса, которое должно состоять только въ указаніи пособій для этого, періодической провѣркѣ и въ сообщеніи лучшихъ пріемовъ преподаванія повторенныхъ отдѣловъ по каждой наукѣ». Воспитанницы младшаго педагогическаго класса должны были въ свободное время присутствовать на урокахъ въ трехъ младшихъ классахъ обоихъ заведеній и помогать класснымъ дамамъ въ исполненіи ихъ обязанностей. При переходѣ въ старшій педагогическій классъ былъ установленъ экзаменъ «по теоретическому курсу педагогики, по предметамъ лекцій наставниковъ и по всѣмъ предметамъ учебнаго курса обоихъ заведеній въ сокращенномъ видѣ».

Воспитанницы старшаго педагогическаго класса обязаны были «въ свободное время слушать лекціи младшаго класса, для которыхъ преподаватели, по совѣщаніи съ инспекторомъ классовъ, могли ежегодно выбирать новые отдѣлы науки; самостоятельно прочитывать два или три иностранныхъ педагогическихъ сочиненія; заниматься чтеніемъ доступныхъ ихъ пониманію цѣлыхъ сочиненій или частей послѣднихъ по разнымъ наукамъ подъ такимъ же руководствомъ и наблюденіемъ преподавателей; присутствовать по составленному инспекторомъ классовъ расписанію при преподаваніи предметовъ въ низшихъ и среднихъ классахъ обоихъ заведеній, при чемъ преподаватели для пріученія педагогичекъ къ практикѣ должны поручать имъ то или другое занятіе въ классѣ: заниматься съ воспитанницами трехъ младшихъ классовъ въ отсутствіе учителей, въ случаѣ поступленія какой либо воспитанницы въ средині учебнаго года и помогать воспитанницамъ во время приготовленія уроковъ».

Въ цѣляхъ доставленія воспитанницамъ старшаго педагогическаго класса правильной и самостоятельной педагогической практики, было предположено устраивать при младшемъ классѣ обоихъ заведеній особыя отдѣленія для наиболѣе слабыхъ воспитанницъ, нуждающихся въ особой дополнительной подготовкѣ; занятія въ этихъ отдѣленіяхъ должны были вестись по всѣмъ предметамъ исключительно воспитанницами старшаго педагогическаго класса подъ наблюденіемъ инспектора классовъ и преподавателей обоихъ младшихъ классовъ. Точно также

было положено поручать дополнительныя занятія съ отстающими по отдѣльныхъ предметамъ воспитанницами всѣхъ классовъ — педагогичкамъ старшаго спеціальнаго класса.

По окончаніи двухлѣтняго курса спеціальнаго педагогическаго класса, воспитанницы подвергались особому испытанію. Онѣ должны были «словесно отвѣтить на педагогическіе вопросы, предлагаемые присутствующими при экзаменѣ; представить письменное разсужденіе на педагогическую тему, избранную изъ значительнаго числа темъ, представленныхъ преподавателемъ педагогики или заданныхъ присутствующими на экзаменѣ; изложить избранный присутствующими на экзаменѣ предметъ особенному небольшому классу, составленному изъ малолѣтнихъ воспитанницъ обоихъ заведеній» [1].

Императрица Марія Александровна проявила особое вниманіе къ преобразованію спеціальнаго класса. Весною 1859 г. Императрица присутствовала на экзаменахъ спеціальнаго класса, при чемъ М. П. Леонтьева заранѣе представила Ея Величеству составленную К. Д. Ушинскимъ записку объ учебномъ курсѣ спеціальнаго класса и характерѣ преподаванія каждаго изъ учебныхъ предметовъ.

«Les programmes auxquels Mr. Ouchinsky travaille donneront à l'avenir, je l'espère,—писала, между прочимъ, М. П. Леонтьева въ черновикѣ своего доклада по этому поводу Императрицѣ,— à chaque objet l'étendue la plus convenable et viseront à un but d'utilité parfaitement conforme à la carrière de nos futures institutrices» [2].

Истинный, убѣжденный педагогъ, К. Д. Ушинскій сознавалъ, что безъ надлежащихъ сотрудниковъ-учителей вся намѣченная имъ реформа останется мертвой буквой. Начать новое дѣло съ прежними педагогами, за малыми исключеніями, людьми, чуждыми новому направленію педагогической науки и самому К. Д. Ушинскому [3], было немыслимо, равносильно обреченію всего дѣла на полный неуспѣхъ. Къ тому же, вслѣдствіе новаго распредѣленія учебнаго курса по годовымъ классамъ и открытія

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 76. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи Д. № 2891, св. 329; ср. Ладовъ, 77-78. Захарченко, 38-41. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [3] Ср. Водовозова, 258 и слѣд.

параллельныхъ въ каждомъ классѣ отдѣленій—К. Д. Ушинскій не допускалъ въ одной классной комнатѣ болѣе 30 воспитанницъ,—открылось много свободныхъ уроковъ.

При выборѣ сотрудниковъ-учителей для Смольнаго К. Д. Ушинскій обнаружилъ исключительный талантъ находить именно такихъ людей, которые были ему необходимы для успѣшнаго осуществленія задуманнаго имъ громаднаго и сложнаго дѣла. К. Д. Ушинскій умѣлъ подмѣчать въ людяхъ «педагогическое чутье», какъ онъ самъ выражался, которое считалъ необходимымъ качествомъ каждаго преподавателя. Большинство учителей, приглашенныхъ К. Д. Ушинскимъ въ 1860 г. въ Смольный, были людьми совсѣмъ молодыми, едва успѣвшими проявить себя на педагогическомъ поприщѣ. Впослѣдствіи почти всѣ они заслужили громкую и славную педагогическую извѣстность и тѣмъ доказали необыкновенную проницательность К. Д. Ушинскаго, уже въ то время отмѣтившаго ихъ.

К. Д. Ушинскій обладалъ способностью увлекать своей вѣрой, привлекать къ педагогической дѣятельности даже лицъ, не имѣвшихъ къ ней непосредственнаго отношенія. Такъ, напр., онъ убѣдилъ молодого офицера М. И. Семевскаго, впослѣдствіи извѣстнаго историка, издателя «Русской Старины», взять на себя преподаваніе русской исторіи въ Смольномъ.

Преподаваніе русской литературы и языка К. Д. Ушинскій поручилъ О. Ѳ. Миллеру, оставленному при университетѣ молодому много обѣщавшему ученому, и В. И. Водовозову, начавшему свою педагогическую дѣятельность въ первой гражданской гимназіи. Для уроковъ географіи К. Д. Ушинскій пригласилъ двухъ преподавателей Николаевскаго Сиротскаго института В. И. Лядова и А. П. Павловскаго, уже зарекомендовавшихъ себя составленіемъ прекрасной книги «Природа и люди».

Для физики К. Д. Ушинскій пригласилъ своего бывшаго сослуживца по Гатчинскому Сиротскому институту талантливаго педагога Я. П. Пугачевскаго.

Геометрію Ушинскій поручилъ инженеру барону К. Д. Косинскому, съ преподаваніемъ котораго онъ познакомился въ Таврической безплатной школѣ.

Кромѣ этихъ лицъ, К. Д. Ушинскимъ были приглашены преподавателями Смольнаго: профессоръ Дестунисъ, преподаватель первой гимназіи и Маріинскаго училища Д. Д. Семеновъ, молодой

священникъ Головинъ, только что окончившій университетъ филологъ, впослѣдствіи извѣстный педагогъ Л. Н. Модзалевскій, ботаникъ Раевскій, математикъ Буссе, преподаватели французскаго языка Демени, нѣмецкаго—Массонъ [1] и Рагоцкій и др. Всѣ они оказались талантливыми преподавателями и горячими послѣдователями педагогическихъ воззрѣній К. Д. Ушинскаго [2].

К. Д. Ушинскій находился въ особо счастливыхъ условіяхъ: ему не приходилось подготовлять себѣ сотрудниковъ. Они были созданы направленіемъ времени, проникнуты завѣтами Пирогова, дѣятельность котораго подготовила путь и для дѣятельности самого Ушинскаго [3].

Въ короткое время вокругъ К. Д. Ушинскаго собрался тѣсный кружокъ педагоговъ. «Всѣхъ привлекали высокія умственныя и нравственныя качества даровитаго, энергичнаго руководителя, державшагося, однако, на дружеской ногѣ. Здѣсь все дѣлалось сообща, подвергалось дружному, одушевленному обсужденію. На весь Петербургъ славились педагогическіе четверги Ушинскаго. Въ маленькій флигелекъ Смольнаго монастыря, находившагося въ то время довольно далеко за городскою чертою, въ небольшую уютную квартиру Ушинскаго еженедѣльно

[1] Благодушный старикъ съ густыми сѣдыми волосами и длинной серебристой бородой (воспитанницы звали его «Erlkönig») Массонъ сумѣлъ заинтересовать нѣмецкимъ языкомъ даже тѣхъ, кто ранѣе не любилъ этого учебнаго предмета. Иногда Массонъ оживлялъ свои уроки шутками. «Однажды—вспоминаетъ одна изъ его бывшихъ ученицъ—онъ, объясняя то мѣсто стихотворенія «Der Sänger», гдѣ говорилось, какъ, слушая пѣвца, рыцари одушевлялись, а красавицы опускали глаза, задалъ намъ вопросъ: кто такія красавицы, есть ли такія между нами, и самъ же отвѣтилъ: да это всѣ тѣ, кто хорошо знаютъ урокъ» (Кладо. Ркп.). [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., №№ 47, 50, 54, 105; Д. 1861 г., №№ 51 и 61; Д. 1862 г., № 13; Д. 1870 г., № 83; и др. Изъ далекаго прошлаго. Ркп. Кладо. Далекое прошлое. Ркп. Габерцетель. Ркп. Памяти К. Д. Ушинскаго, 93—98. Очеркъ научной дѣят. проф. О. Ѳ. Миллера. В. Тимощукъ. М. Н. Семевскій, 72—80. Л. Модзалевскій. Изд. педагогической автобіографіи (Очеркъ ист. восп. и обученія, II, 580—596—602). Л. Модзалевскій. Къ біографіи К. Д. Ушинскаго. (Оттискъ изъ газеты «Кавказъ» 1881 г., №№ 259, 278, 281). Д. Семеновъ. Вліяніе школы и среды на разв. природн. таланта, стр. 1—17. Водовозова, 397—398 и др. Барсовъ, 360. Біограф. указ. мат. по ист. рус. школы, вып. I, № 31, стр. 9—10; вып. II, № 64, стр. 23; вып. II, № 68 стр. 24—25; вып. III, № 120, стр. 40—41; вып. III, № 125, стр. 41—42; вып. III, № 128, стр. 42—43; вып. III, № 138, стр. 44—45; вып. III, № 160, стр. 49—50; вып. IV, № 187, стр. 66; вып. IV, № 190, стр. 68; и др. Титова (Р. Ст. 1887 г., № 2, 471—494). Острогорскій и Семеновъ. Р. пед. дѣятели. Семевскій (В. Евр. 1887 г., №№ 11—12). Песковскій, Ушинскій, Глинскій, О. Ѳ. Миллеръ, Семеновъ (В. Восп. 1899 г., № 1). Гуревичъ (Р. Шк. 1902 г., № 4). Семевскій (Р. Ст. 1886 г., VI). Люстрицкій. Очеркъ пед. дѣят. Ушинскаго. Старчевскій (Народн. Шк. 1885 г., I); и др. [3] Ср. Острогорскій. Пироговъ и его пед. зав.

собирались не только друзья его и помощники-сослуживцы по институту, но и всѣ, кто живо интересовался педагогическими вопросами... Тутъ можно было узнать все, что есть новаго и выдающагося въ педагогической области, по части взглядовъ, методовъ и системъ преподаванія» [1].

Лучшіе педагоги того времени считали счастьемъ служить и работать подъ руководствомъ К. Д. Ушинскаго. Къ нему сами или наиболѣе талантливые преподаватели [2], увлеченные его идеями, стремленіями и начинаніями. Члены *дружной педагогической* семьи К. Д. Ушинскаго на всю жизнь сохранили теплую, благодарную память о времени совмѣстной работы въ Смольномъ съ великимъ русскимъ педагогомъ—Ушинскимъ. «Мы думали обновить Россію только упорнымъ трудомъ и свѣтомъ образованія»,—говорилъ впослѣдствіи Д. Семеновъ о *настроеніи* педагогическаго кружка К. Д. Ушинскаго [3].

О. А. ЖИЛЛЕРЪ.

Ушинскій обратилъ вниманіе на неудовлетворительность матеріальнаго и правового положенія преподавателей Смольнаго и сдѣлалъ объ этомъ докладъ Совѣту.

«Готовящееся преобразованіе Общества и Училища—писалъ Ушинскій въ своей «Запискѣ», — тогда только можетъ достигнуть *ожидаемыхъ результатовъ*, *когда составъ преподавателей* въ обоихъ заведеніяхъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать высокому назначенію сихъ заведеній въ дѣлѣ женскаго образованія. Но достоинство преподавателей необходимо условливается тѣми средствами къ жизни, тою обезпеченностью будущности, которыя предоставляетъ имъ заведеніе за ихъ добросовѣстные труды. Требованія женскихъ заведеній велики. Они должны искать не только вполнѣ образованныхъ людей, знающихъ свой предметъ, но и людей строго нравственныхъ, осторожныхъ, *осмотрительныхъ въ своихъ словахъ и манерахъ* и, кромѣ всего

[1] Песковскій. К. Д. Ушинскій, стр. 42; ср. Медзалевскій. Къ біогр. К. Д. Ушинскаго, 8—12. [2] См., напр., Памяти К. Д. Ушинскаго, стр. 24 и слѣд. [3] Тимощукъ. Семеновскій, прил., стр. 44; ср. Волковичъ, 140—150 и др.

этого, хорошихъ педагоговъ, которые могли бы примѣниться къ способу женскаго пониманія и соображать свое преподаваніе съ цѣлью женскаго воспитанія. Женскія заведенія, дающія окончательное образованіе дѣвицамъ, не могутъ быть даже поставлены наравнѣ съ гимназіями. Молодые люди, оставляющіе гимназію, еще юноши, которымъ предстоитъ много учиться. Дѣвицы, оканчивающія курсъ, непосредственно, прямо переходятъ въ жизнь и часто весьма скоро дѣлаются женами и матерями семействъ. Если прибавить еще къ этому особую впечатлительность женской природы и необходимость развить въ женщинѣ прежде всего добрую нравственность, религіозное чувство, правильный и вмѣстѣ возвышенный взглядъ на жизнь, отъ чего зависитъ счастіе многихъ семействъ, судьба, нравственность и религіозность цѣлыхъ поколѣній, то нельзя не согласиться, что при выборѣ преподавателей въ женскія учебныя заведенія должно быть гораздо осмотрительнѣе и строже, чѣмъ при выборѣ ихъ въ заведенія мужскія... Я убѣжденъ, что всякій, кто *имѣлъ случай наблюдать надъ заведеніями обоего рода или* преподавать въ высшихъ классахъ женскихъ и мужскихъ заведеній, тотъ согласится, что дѣвица въ 15 или 16 лѣтъ въ развитіи своемъ далеко обгоняетъ мальчика тѣхъ же лѣтъ и что если отъ преподавателя женскихъ учебныхъ заведеній требуется менѣе фактическихъ свѣдѣній, то тѣмъ болѣе требуется отъ него высокаго умственнаго развитія, умѣнья излагать предметъ, самостоятельности въ мысляхъ и осмотрительности въ сужденіяхъ и словахъ: въ шестнадцатилѣтнихъ слушательницахъ преподаватель имѣетъ гораздо болѣе строгихъ и развитыхъ критиковъ, чѣмъ въ шестнадцатилѣтнихъ слушателяхъ».

Изложивъ свой взглядъ на необходимыя для преподавателей женскихъ учебныхъ заведеній качества, К. Д. Ушинскій писалъ въ то же время, что «строгость выбора и крайняя осмотрительность возможны только тогда, когда условія службы въ женскихъ заведеніяхъ представляютъ для преподавателей какія-нибудь особыя выгоды».

Въ виду этого, К. Д. Ушинскій считалъ необходимымъ улучшить положеніе преподавателей, хотя нѣсколько увеличить имъ плату за годовой урокъ, главнымъ же образомъ сравнять ихъ относительно полученія пенсій съ прочими служащими въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи.

«Во первыхъ, каждому изъ этихъ чиновниковъ — писалъ Ушинскій, — черезъ каждыя пять лѣтъ прибавляется 1/6 часть жалованья; во вторыхъ, гдѣ бы ни служилъ прежде такой чиновникъ, вся прежняя его служба засчитывается ему на пенсію по прослуженіи изъ десяти лѣтъ въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, и, въ третьихъ, выдается пенсія каждому чиновнику сихъ учрежденій по послѣднему получаемому имъ окладу.

Ни однимъ изъ этихъ преимуществъ не пользуются преподаватели того же Вѣдомства, хотя, безъ сомнѣнія, они-то и главные дѣятели учебныхъ заведеній, отъ трудовъ которыхъ зависитъ весь успѣхъ и все достиженіе цѣли сихъ учрежденій» [1].

Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища отнесся сочувственно къ проекту К. Д. Ушинскаго объ увеличеніи вознагражденія преподавателямъ [2]. На жалованье преподавателямъ отпускалось 25.560 р. въ годъ, по исчисленію Ушинскаго, требовалось 32.305 р. [3]. Главный Совѣтъ, въ виду предварительнаго одобренія этого проекта Императрицей Александрой Ѳеодоровной, не встрѣтилъ препятствій къ его утвержденію, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы добавочная сумма въ 6.745 р. покрывалась изъ доходовъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища [4].

К. Д. Ушинскій полагалъ необходимымъ поднять авторитетъ преподавателей. Онъ считалъ неправильнымъ съ педагогической и практической точекъ зрѣнія, что преподаватели не имѣли возможности совмѣстно съ воспитательскимъ персоналомъ обсуждать успѣхи воспитанницъ, принимать участіе въ присужденіи наградъ и т. п. К. Д. Ушинскій завелъ въ Смольномъ педагогическія конференціи, на которыхъ обсуждались вопросы учебнаго и отчасти воспитательнаго характера каждаго класса. Это нововведеніе тотчасъ же дало благіе результаты. Авторитетъ преподавателей выросъ не только въ глазахъ лицъ начальствующихъ, но и воспитанницъ. Привлеченіе же преподавателей къ обсужденію вопроса о наградахъ, кромѣ того, въ значительной степени устранило существовавшую раньше въ этомъ дѣлѣ односторонность.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 72, лл. 90—97. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), № 61. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 76, л. 57. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 78, лл. 9—10.

Стремясь обосновать учебную часть Смольнаго на прочныхъ началахъ, возбудить въ воспитанницахъ живой интересъ къ наукѣ, знанію, саморазвитію, К. Д. Ушинскій считалъ необходимымъ пріучить воспитанницъ къ серьезному чтенію.

«Я полагаю,—писалъ К. Д. Ушинскій въ своей «Запискѣ» о новыхъ учебныхъ программахъ, — что одна изъ важнѣйшихъ задачъ женскаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы еще въ заведеніи пріучить дѣвицъ къ полезному плодовитому чтенію, внушить имъ любовь къ нему, образовать въ нихъ вкусъ къ изящному въ литературѣ, и такимъ образомъ положить прочное основаніе къ дальнѣйшему ихъ самообразованію. Познакомившись съ лучшими писателями еще въ заведеніи, дѣвица, оставивши заведеніе, не оставитъ книгъ и, полюбивъ творенія Шиллера, Шекспира, Гете, Гердера, Пушкина, — сама броситъ романъ Дюма или Сю, если онъ случайно попадется ей въ руки. Если же въ учебномъ заведеніи не дано правильнаго направленія уму, изящному вкусу и чувству, если дѣвица отъ учебника прямо перейдетъ къ роману, тогда не мудрено, что благія сѣмена науки скоро заглохнутъ... Воспитательное вліяніе науки тогда только окажется дѣйствительнымъ, когда оно подѣйствуетъ не на одинъ умъ, но на душу и чувство, выражаясь черезъ посредство лучшихъ писателей всѣхъ народовъ» [1].

Придавая книгѣ исключительно важное значеніе въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей, К. Д. Ушинскій заботился объ удачномъ подборѣ какъ книгъ для самостоятельнаго чтенія воспитанницъ — классныхъ библіотекъ, такъ и объ учебныхъ книгахъ.

Къ концу 1859 г. К. Д. Ушинскимъ было закончено составленіе книги «Дѣтскій міръ».

«При составленіи этой книги,—писалъ К. Д. Ушинскій Совѣту Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища 11 января 1860 г., — я руководствовался лучшими нѣмецкими и англійскими книгами для дѣтскаго чтенія и руководствами для наглядnаго обученія. Составленная мною книга для чтенія назначается, преимущественно, для классовъ русскаго языка; но статьи и подъ статьями вопросы, умственныя, словесныя и письменныя упражненія я старался расположить такъ, чтобы

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72. л. 72.

преподаватель, руководствуясь совѣтами, здѣсь же изложенными, могъ легко, при чтеніи и послѣ чтенія, пользоваться всѣми выгодами наглядnаго обученія и постепенно упражнять и развивать душевныя способности дѣтей, пріучая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ правильному и точному словесному и письменному выраженію мыслей (въ чемъ, конечно, и должны состоять первые уроки русскаго языка). Такая сложная и обширная задача, конечно, не могла быть мною рѣшена вполнѣ; но надѣюсь, что «книга для чтенія» можетъ и въ настоящемъ своемъ видѣ принести весьма значительную пользу первоначальному обученію, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы не имѣемъ ни одной книги для первоначальнаго чтенія, которая хотя сколько нибудь была бы примѣнена къ постепенному умственному развитію и постепенно вводила дѣтей въ серьезный интересъ науки».

К. Д. Ушинскій указывалъ Совѣту, что онъ составлялъ свою книгу «въ особенности имѣя въ виду ввѣренную его надзору учебную часть Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго Училища» и просилъ выдать ему на изданіе книги заимообразно тысячу рублей серебромъ [1].

Книга «Дѣтскій міръ» была выпущена въ началѣ 1861 г. и сразу получила такое распространеніе, что въ первый же годъ потребовалось еще два ея изданія.

Энергично содѣйствовалъ К. Д. Ушинскій составленію и выходу въ свѣтъ учебныхъ пособій и руководствъ преподавателей Смольнаго и другихъ авторовъ [2].

Вѣроятно, подъ вліяніемъ дѣятельности К. Д. Ушинскаго, Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній въ февралѣ 1860 г. выработалъ условія конкурса на составленіе «учебныхъ руководствъ, на первый разъ, по слѣдующимъ предметамъ: Русскому языку и Словесности, Всеобщей и Русской Географіи, Всеобщей Исторіи и Педагогикѣ» для женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи I и II разрядовъ [3].

Точно также вліяніе К. Д. Ушинскаго сказалось на представленныхъ въ январѣ 1862 г. Учебнымъ Комитетомъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 76, лл. 9—14. [2] Ушинскому обязана, напр., своимъ появленіемъ составленная протоіереемъ Грегулевичемъ книга «Изложеніе Евангельской Исторіи» (Письмо о. Грегулевича Ушинскому 21 іюня 1861 г. (Муз. Имп. Воспит. Общ.). [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 72, л. 27.

Канцеляріи Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому «соображеніяхъ». Въ нихъ указывалось, что «раціональное устройство и постоянное пополненіе библіотекъ является однимъ ихъ существенныхъ условій для успѣшнаго образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній», въ виду чего Комитетъ полагалъ, что «въ каждомъ учебномъ заведеніи должно устроить двѣ особыя библіотеки: одну—собственно для наставниковъ и наставницъ, а другую—для воспитанницъ, съ тѣмъ, чтобы первая содержала произведенія, необходимыя для дополненія и продолженія образованія самихъ преподавателей, а послѣднія—книги, кои съ пользою для развитія умственнаго и нравственнаго, по указанію наставниковъ, могутъ быть читаемы воспитанницами» [1].

Одновременно съ введеніемъ въ Смольномъ въ дѣйствіе новыхъ программъ, К. Д. Ушинскій обратился въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища съ ходатайствомъ объ единовременномъ ассигнованіи 2.700 р. серебромъ «на первоначальное обзаведеніе учебными пособіями по обоимъ заведеніямъ и спеціальнаго класса» [2].

«Если это предположеніе о временной издержкѣ на первоначальное обзаведеніе удостоится утвержденія,—писалъ К. Д. Ушинскій, — то и полагаю, что отпускаемой нынѣ суммы на учебныя пособія (3.355 р. 71 к.) будетъ достаточно для ежегодной поддержки по кабинетамъ, библіотекамъ и на покрытіе постоянныхъ расходовъ по учебнымъ матеріаламъ» [3].

Въ 1861 г., по ходатайству К. Д. Ушинскаго, былъ значительно пополненъ физическій кабинетъ, кромѣ того многіе старые приборы были исправлены или замѣнены новыми. Тогда же были пріобрѣтены модели сердца, уха, глаза и т. п. [4].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 72, л. 7. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 76, л. 46. Изъ этихъ денегъ: на заведеніе физическаго кабинета въ Училищѣ 800 р., на коллекціи и картины по естественнымъ наукамъ—300 р., на классныя библіотеки—приблизительно по 75—80 р. на отдѣленіе (тамъ же, л. 60). Вопросъ о пріобрѣтеніи на большую сумму книгъ для внѣклассоваго чтенія воспитанницъ былъ поднятъ еще ранѣе (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 5 (оп. кн.), л. 66). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 76, л. 60. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 72.

IV.

Результаты дѣятельности Ушинскаго. — Стремленія Ушинскаго къ реформѣ воспитанія въ Смольномъ.—Уходъ К. Д. Ушинскаго изъ Смольнаго.

Результаты горячей, энергичной работы К. Д. Ушинскаго при сотрудничествѣ молодыхъ талантливыхъ педагоговъ не замедлили сказаться.

«Въ Смольномъ въ это время происходила какая-то усиленная лихорадочная, напряженная умственная дѣятельность,—пишетъ Д. Д. Семеновъ, одинъ изъ сотрудниковъ К. Д. Ушинскаго по Смольному. — Смольный, точно сказочный русскій богатырь, послѣ долгой столѣтней спячки, воспрянулъ духомъ и хотѣлъ наверстать потерянное время. Всѣ, и учителя и ученицы, казалось, спѣшили отличиться другъ передъ другомъ. Дѣвицы, и большія и маленькія, стали учиться отлично; съ какимъ то захватывающимъ все существо вниманіемъ слѣдили онѣ за каждымъ урокомъ своихъ преподавателей, какъ бы боясь проронить *хоть одно слово. А съ какою неподдѣльною охотою* отвѣчали онѣ на каждый вопросъ преподавателя, какой восторгъ написанъ былъ на ихъ свѣжихъ личикахъ, съ какой изумительной аккуратностью приготовляли онѣ заданные уроки и письменныя работы!.. Такъ обаятельно подѣйствовало на воспріимчивыя души воспитанницъ живое слово послѣ мертвящаго, скучнаго, схоластическаго преподаванія. И та же институтка, которая лишь годъ тому назадъ заботилась только о своей

наружности, думала о танцахъ, мечтала о выѣздахъ и побѣдахъ, въ тишинѣ ночи вздыхала и предавалась несбыточнымъ иллюзіямъ, — теперь полюбила и чтеніе, и науку, и трудъ» [1].

Какъ педагогъ, К. Д. Ушинскій считалъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго преподаванія—довѣріе учащихся къ учащимъ, простыя, основанныя на взаимномъ уваженіи отношенія. Между воспитанницами и учителями установились совсѣмъ новыя, простыя и дружественныя отношенія; воспитанницамъ было разрѣшено непосредственно обращаться въ классѣ къ учителямъ *за разъясненіемъ непонятыхъ объясненій, возникшихъ* вопросовъ и т. п. [2]. Эти новыя отношенія имѣли большое вліяніе на ходъ учебнаго дѣла въ Смольномъ.

«Появленіе инспектора и новыхъ учителей, — пишетъ одна изъ смолянокъ того времени, — ихъ преподаваніе, а также ихъ обращеніе съ ученицами, не начальническое, а дружеское, произвело на воспитанницъ, не избалованныхъ вниманіемъ взрослыхъ, такое впечатлѣніе, какъ будто въ темномъ и душномъ помѣщеніи вдругъ отворили наглухо запертыя окна и впустили туда широкую струю свѣта и воздуха; заключенныя запевелились и заговорили не по правиламъ, а какъ кому вздумалось, и радовались своей свободѣ. Но когда онѣ увидали, что инспекторъ, обращаясь къ ихъ уму и совѣсти и всячески старался возбудить въ нихъ самолюбіе, строго преслѣдуетъ лѣнь и небрежность, то поняли, что за свѣтъ и воздухъ надо пожертвовать покоемъ. Тогда способныя и дѣятельныя ученицы съ радостью принялись читать и работать, а слабыя и лѣнивыя, продолжая кое-какъ схватывать слова и фразы изъ каждаго урока, старались по возможности скрыться отъ глазъ инспектора, чтобы неумѣнье ихъ справиться съ дѣломъ не было видно» [3].

Успѣшному ходу учебнаго дѣла очень способствовали установленныя, согласно проекту К. Д. Ушинскаго, особыя занятія съ малоуспѣвающими воспитанницами [4].

Въ своихъ донесеніяхъ обѣимъ Императрицамъ М. П. Леонтьева не разъ отмѣчаетъ преимущества введеннаго въ Смольномъ К. Д. Ушинскимъ новаго порядка учебнаго дѣла, до-

[1] Памяти К. Д. Ушинскаго, стр. 100. [2] Мордвинова, 197. [3] Статсъ-дама М. П. Леонтьева, 49. [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 76, лл. 34—40.

ствa приглашенныхъ имъ учителей, повысившійся интересъ воспитанницъ къ новому живому и яркому преподаванію.

«Votre Majesté Impériale jouirait d'entendre la manière intéressante, dont la géographie est maintenant enseignée chez nous par M-rs Liadow et Sémenow,—доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 7 мая 1860 г. — Ce n'est plus une nomenclature sèche de villes, d'états ou de rivières, c'est un exposé animé de tout ce que les différentes régions du globe offrent de remarquable sous le rapport de leur situation physique, des productions de la nature et des institutions humaines. Les leçons d'histoire naturelle, de littérature russe, de littérature allemande ont acquis aussi plus d'intérêt par l'impulsion que M-r Ouchinsky leur a donnée, en engageant les professeurs à mettre à côté de la science ce qui en constitue l'attrait et l'utilité réelle» [1].

«Dans le cour du mois qui vient de s'écouler les études sont allées d'une manière satisfaisante,—доносила М. П. Леонтьева Императрицѣ Маріи Александровнѣ 1 іюня 1860 г. — Mais si je me plais à donner ce témoignage à mes élèves auprès de Votre Majesté Impériale, je dois dire aussi que le nouvel arrangement des classes contribue à stimuler leur application, de même que l'habileté des maîtres, choisis par notre excellent Inspecteur des classes, excite leur attention et leur fait aimer les objets qu'on leur enseigne. La géographie et l'histoire naturelle ont acquis à leurs yeux un intérêt inconnu auparavant. L'on peut dire que toutes les lecons, grâce aux soins de M-r Ouchinsky, offrent de l'attrait et promettent de bons résultats» [2].

«L'inspecteur des classes, — писала Ея Величеству М. П. Леонтьева 1 ноября 1861 г., — est très assidu à ses devoirs. L'on peut dire que l'enseignement, dont la direction lui est confiée, va très bien» [3].

Очень заинтересовали воспитанницъ уроки Я. П. Пугачевскаго.

«Онъ завоевалъ наши сердца своимъ добрымъ отношеніемъ къ намъ и манерой преподаванія, чрезвычайно вразумительной,— пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ смолянокъ того времени.—У него не было плохихъ ученицъ. Явился онъ къ намъ на первый урокъ ботаники въ физическій кабинетъ, въ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 88, л. 15. [2] Тамъ же, л. 14. [3] Тамъ же, л. 49.

сопровожденіи служителя [1], несшаго цѣлую корзину съ цвѣтами и травами изъ Гатчины, откуда Я. П. пріѣхалъ на урокъ, и это сразу внесло живую струю въ наши отношенія. Стали разглядывать, отличать мхи отъ травъ, узнали, что есть и еще простѣйшія растенія, о разумной связи всего живого на землѣ, и хоть еще ни Богъ вѣсть что узнали, но почувствовали, что такъ легче и понятнѣе учиться» [2].

Уроковъ Я. П. Пугачевскаго ждали съ нетерпѣніемъ, какъ праздника. Не успѣвая всего показать на урокахъ, Пугачевскій пріѣзжалъ въ Смольный по вечерамъ, въ свободное отъ уроковъ время, и показывалъ воспитанницамъ опыты въ физическомъ кабинетѣ, при чемъ воспитанницы сами помогали ему. Точно также, подъ руководствомъ Пугачевскаго, воспитанницы собирали весной и осенью травы, листья и цвѣты въ институтскомъ саду и потомъ разсматривали ихъ подъ микроскопомъ [3].

«В. И. Лядовъ тоже привлекалъ насъ чрезвычайно своимъ преподаваніемъ, — пишетъ одна изъ смолянокъ, — оставивъ въ сторонѣ заучиваніе названій рѣкъ и городовъ, онъ краснорѣчиво рисовалъ намъ образъ жизни различныхъ народовъ, климатическія условія странъ, устройство земной поверхности, картины природы, передавалъ народныя и религіозныя сказанія, давалъ чертить карты. До него не было ничего подобнаго.

Новая заря всюду занялась! Началось разумное, интересное преподаваніе, полное жизни.

Разбудили нашу душу. Новое направленіе учебнаго дѣла особенно отразилось на родной словесности и литературѣ. Уроки Льва Николаевича Модзалевскаго, молодого талантливаго преподавателя, волновали всѣхъ. Идеалы 60-хъ годовъ увлекали молодыя головы; въ классахъ приходилось сравнительно немногое читать, но помимо класса шло усердное чтеніе, обыкновенно вслухъ, цѣлымъ обществомъ, о прочитанномъ спорили, восхищались» [4].

Иногда Л. Н. Модзалевскій пріѣзжалъ въ Смольный по вечерамъ и читалъ воспитанницамъ старшихъ классовъ произведенія русскихъ писателей. Обычно такія чтенія происходили

[1] Служитель при физическомъ кабинетѣ при Пугачевскомъ, Антипъ, такъ хорошо зналъ физику, что менѣе успѣвающія воспитанницы иногда просили его подсказывать объ устройствѣ электрической машины и проч. (Изъ разсказовъ смолянокъ).
[2] Габерцеттель. Рук. [3] Мордвинова, 198. [4] Габерцеттель. Рук.

въ квартирѣ начальницы: «Марія Павловна отдавала въ распоряженіе наше свою гостиную и мы, сидя на креслахъ и диванахъ, слушали въ выразительномъ чтеніи молодого преподавателя пьесы Островскаго, сцены изъ «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря» и т. д.» [1].

Уроки по исторіи М. И. Семевскаго были «праздникомъ для ученицъ» и возбуждали въ нихъ живѣйшій интересъ къ изученію русской исторіи. Семевскій не только талантливо излагалъ свой предметъ, но возбуждалъ въ ученицахъ желаніе работать самостоятельно, знакомиться съ сочиненіями по русской исторіи, постоянно провѣрялъ, устно и письменно, насколько онѣ усвоили прочитанное; подъ его руководствомъ онѣ познакомились съ сочиненіями Костомарова, Соловьева и другихъ историковъ [2].

Сохранившіеся [3] отъ времени Ушинскаго литографированные курсы, а также записи воспитанницъ за преподавателями свидѣтельствуютъ какъ о научной и педагогической цѣнности преподаванія, такъ и объ умѣньѣ воспитанницъ разобраться въ сообщаемомъ имъ матеріалѣ, выдѣлить изъ него самое существенное, изложить хорошимъ правильнымъ языкомъ.

«Такимъ образомъ,—пишетъ біографъ К. Д. Ушинскаго В. Острогорскій,—благодаря энергіи и таланту одного человѣка, въ какіе нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою, полною жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого интереса. *Всюду въ Петербургѣ заговорили о Смольномъ и его необыкновенныхъ учителяхъ*; чиновники разныхъ вѣдомствъ, многіе, просто интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, нарочно пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно въ младшихъ классахъ... Сами ученицы, и большія и маленькія, смотрѣвшія на ученье прежде, какъ на противный трудъ, привязались и къ наукѣ, и къ учителямъ, и особенно къ гуманному своему инспектору, въ которомъ не чаяли души *и онѣ сами и ихъ благодарные родители*» [4].

«Все это происходило,—пишетъ о новомъ устройствѣ учебнаго дѣла въ Смольномъ одна изъ смолянокъ того времени,—

[1] Мордвинова, 198. [2] Тимощукъ, 94. [3] Въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества, а также у Е. Я. Дуво и др. [4] В. Острогорскій. Русскіе педагогическіе дѣятели. 49; ср. Водовозова, 399—400.

въ бытность Константина Дмитріевича нашимъ инспекторомъ, руководителемъ преподаванія нашего, освѣщалось его взоромъ, въ которомъ мы читали его мысли. Онѣ казались намъ выше всего на свѣтѣ. Впечатлѣніе отъ его дѣятельности было обаятельное. Я не обожала его по институтски и находила всегда такое обожаніе глупымъ, но считаю себя счастливою, что знала Константина Дмитріевича, и ни за что не уступила бы этого счастья: не знаю, что бы могло въ такомъ случаѣ заполнить эту пустоту въ моей жизни» [1].

К. Д. УШИНСКІЙ.

Самъ К. Д. Ушинскій читалъ педагогику и дидактику и въ Воспитательномъ Обществѣ и въ Александровскомъ Училищѣ.

«Вообще талантливый преподаватель и блестящій ораторъ,—пишетъ объ Ушинскомъ Песковскій,—онъ вкладывалъ всю свою душу въ преподаваніе своего предмета, чтобы уяснить своимъ ученицамъ, готовящимся вступить въ жизнь, великое назначеніе женщины, какъ матери, жены, разумнаго активнаго члена общества и всей государственной семьи.

Бывшія ученицы К. Д. Ушинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ теперь въ томъ же Смольномъ институтѣ дочерей и даже внучекъ, съ юношескимъ восторгомъ и слезами благодарности вспоминаютъ объ этихъ прекрасныхъ урокахъ своего учителя. Онѣ удостовѣряютъ, что великіе завѣты учителя освѣщаютъ имъ жизненный путь, поддерживаютъ ихъ, руководятъ ими до преклонныхъ лѣтъ» [2].

«Самъ Ушинскій читалъ лекціи въ спеціальныхъ классахъ обѣихъ половинъ до того увлекательно,—вспоминаетъ Д. Семеновъ,—что приводилъ въ восторгъ своихъ взрослыхъ слушательницъ, которыя его просто боготворили» [3].

[1] Габерцетель. Восп. Рки. [2] Памяти К. Д. Ушинскаго, 35. [3] Тамъ же. стр. 101.

Исключительный педагогическій талантъ К. Д. Ушинскаго всюду находилъ себѣ примѣненіе. По мысли К. Д. Ушинскаго, при Смольномъ, въ концѣ 1860 г., была открыта воскресная школа для служанокъ, въ которой занимались обученіемъ ихъ Закону Божію, чтенію, письму, элементарной ариѳметикѣ и т. д. воспитанницы старшихъ классовъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго Училища. Это новое, живое, необычное дѣло заинтересовало воспитанницъ и онѣ съ увлеченіемъ предались ему.

«Les élèves ont en outre consacré ce jour là et les deux jours suivans,—доноситъ М. П. Леонтьева Ея Величеству 31 декабря 1860 г. о томъ, какъ проводятъ воспитанницы Рождественскія каникулы, — une heure de l'après midi à donner des leçon de lecture, de réligion et d'écriture aux servantes de la maison. Le soin d'instruire les servantes est la besogne des élèves de la seconde classe et de quelques unes de la troisième classe. La première leçon a été donnée par ces demoiselles un dimanche, le 11 de ce mois, avec la cooperation de l'Inspecteur des classe Mr. Ouchinsky et du prêtre Basile Gretchoulevitch, qui a inauguré l'ouverture de cette école nouvellement instituée par un Te Deum: les jeunes institutrices et les servantes, leurs écolières, y ont assisté; les unes et les autres montrent beaucoup de bonne volonté» [1].

Личность и дѣятельность К. Д. Ушинскаго имѣли благотворное вліяніе и въ воспитательномъ отношеніи: стали исчезать многіе предразсудки среди воспитанницъ, между прочимъ, начало ослабѣвать традиціонное пренебрежительное отношеніе къ воспитанницамъ Александровскаго Училища, «мѣщанкамъ», какъ называли ихъ смолянки, началось, наоборотъ, нѣкоторое сближеніе между воспитанницами обоихъ учебныхъ заведеній [2].

К. Д. Ушинскій былъ удовлетворенъ успѣхами учебной работы воспитанницъ, но чѣмъ ближе онъ узнавалъ жизнь Смольнаго, чѣмъ больше знакомился со своими ученицами, чѣмъ глубже пріобрѣталъ ихъ довѣріе,—тѣмъ яснѣе представлялись взору его, какъ педагога, всѣ стороны быта Смольнаго, почти такого же строгаго интерната, какимъ онъ былъ при Императрицахъ Екатеринѣ II и Маріи Ѳеодоровнѣ.

Но то, что всего десять—пятнадцать лѣтъ назадъ казалось нормальнымъ и необходимымъ, вдругъ потеряло силу подъ влія-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 88, л. 34. [2] По воспом. бывш. воспитан.

ніемъ новыхъ воззрѣній, возникшихъ и развившихся въ русской жизни въ связи съ великими реформами первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра II.

Новое направленіе проникло и въ русскую школу, и не только мужскую, но и женскую. Императрица Марія Александровна выказала полное сочувствіе новому направленію, новымъ началамъ, полагавшимся отнынѣ въ основу женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, учрежденіемъ перваго открытаго правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи—Маріинскаго училища для приходящихъ дѣвицъ, нынѣ женской гимназіи Императрицы Маріи Александровны.

Естественно, что К. Д. Ушинскій, выдающійся педагогъ того времени, убѣжденный сторонникъ новыхъ, гуманныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія и образованія, принимавшій дѣятельное участіе въ созданіи новой, открытой женской школы въ Россіи,—не могъ равнодушно смотрѣть на тѣ стороны жизни Смольнаго, которыя шли въ разрѣзъ съ этими идеями, и тѣмъ ярче бросались въ глаза послѣ произведенной К. Д. Ушинскимъ реформы учебнаго дѣла.

Убѣжденный сторонникъ необходимости участія семьи въ дѣлѣ воспитанія, К. Д. Ушинскій считалъ необходимымъ открыть родной семьѣ возможность вліять на дѣтей, помѣщенныхъ въ закрытыя учебныя заведенія. К. Д. Ушинскимъ былъ представленъ докладъ о необходимости отпускать воспитанницъ домой на лѣтнія каникулы. Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе Императрицы Маріи Александровны, и отпуски были разрѣшены не только въ Смольномъ, но и во всѣхъ женскихъ институтахъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Съ установленіемъ отпусковъ для воспитанницъ на каникулы, вліяніе семьи на институтское воспитаніе возросло въ значительной степени, но К. Д. Ушинскій шелъ еще дальше. Онъ возсталъ, напр., противъ существовавшаго въ Смольномъ обычая, въ силу котораго классныя дамы предварительно прочитывали письма воспитанницъ къ родителямъ и родителей къ нимъ. К. Д. Ушинскій указывалъ на непедагогичность такого пріема, неизбѣжно влекущаго за собой развитіе у дѣтей неискренности, скрытности, притворства. Во всемъ складѣ жизни Смольнаго Ушинскій намѣчалъ новые пути, новые педагогическіе пріемы, новое направленіе и настроеніе, основанныя на

довѣріи къ дѣтямъ, вѣрѣ въ добрые задатки дѣтской души, ея инстинктивное стремленіе къ добру и истинѣ [1].

Высокое довѣріе, какимъ пользовался К. Д. Ушинскій у Ихъ Величествъ, и сочувствіе Императрицы Маріи Александровны новымъ педагогическимъ идеямъ, въ связи съ личными свойствами К. Д. Ушинскаго, вѣроятно, дали бы ему возможность осуществить въ полной мѣрѣ всѣ задуманныя имъ преобразованія въ Смольномъ. Многія изъ нихъ были осуществлены въ Смольномъ и послѣ ухода Ушинскаго изъ Смольнаго.

Однако, дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ въ области воспитанія не только не встрѣтила сочувствія М. П. Леонтьевой и содѣйствія съ ея стороны, но нашла въ ея лицѣ убѣжденнаго противника.

Смолянка времени Императрицы Маріи Ѳеодоровны, выросшая и воспитанная въ условіяхъ строжайшаго интерната, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ управлявшая Смольнымъ на тѣхъ же началахъ, М. П. Леонтьева не могла отказаться отъ всего, чему вѣрила всю жизнь и служила. Не препятствуя К. Д. Ушинскому въ его учебныхъ реформахъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже содѣйствуя ему при этомъ, М. П. Леонтьева въ попыткахъ К. Д. Ушинскаго къ преобразованіямъ въ области воспитанія увидѣла нарушеніе своихъ правъ, вторженіе въ область, принадлежавшую исключительно ей, и, какъ натура сильная и властная, не могла уступить своихъ правъ.

Если противъ отпусковъ воспитанницъ на каникулы М. П. Леонтьева высказывалась и выступала по убѣжденію, вѣря во вредъ ихъ для воспитанія, во многихъ другихъ случаяхъ она возставала главнымъ образомъ потому, что не допускала возможности вмѣшательства инспектора классовъ въ область воспитанія.

Это настроеніе М. П. Леонтьевой ясно выразилось въ памятной запискѣ, составленной ею передъ однимъ изъ личныхъ докладовъ Императрицѣ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, говорилось:

«Parler de mes inquiétudes au sujet du peu de tems qu'on laisse aux élèves soit pour la préparation des leçons, soit pour cultiver les arts d'agrément, pour s'occuper d'ouvrages de main

[1] Ср. Грузскія, 16—25. Фролковъ, 22—32. Памяти К. Д. Ушинскаго, 67—150. В. Острогорскій и Семеновъ, 46—50. Рехневскій (В. Евр. 1871 г., № 2, стр. 883—902).

et de la cuisine; soit pour faire du mouvement... En générale, lorsque les hommes se mêlent trop de l'éducation des jeunes filles, il résulte beaucoup d'inconvenieus, qui compromettent le bien-être et les véritables avantages de ces dernières...» [1].

Отказаться отъ того исключительнаго вліянія въ Смольномъ, какое принадлежало ей, М. П. Леонтьева не могла. За это вліяніе она начала борьбу съ Ушинскимъ. Но К. Д. Ушинскій, идеалистъ-философъ, если и замѣчалъ несочувственное отношеніе М. П. Леонтьевой къ его дѣятельности въ области воспитанія, смотрѣлъ на это, какъ на идейное разногласіе во взглядахъ и педагогическихъ убѣжденіяхъ, которое постепенно сгладится.

Зная характеръ и взгляды М. П. Леонтьевой, можно почти съ полной несомнѣнностью предполагать, что рано или поздно К. Д. Ушинскій былъ бы поставленъ въ необходимость или подчиниться ей и не вмѣшиваться въ область воспитанія, ограничивъ свою дѣятельность въ Смольномъ исключительно учебной частью, или оставить Смольный.

Совершенно неожиданно въ то время, какъ борьба М. П. Леонтьевой противъ Ушинскаго еще почти не проявлялась, произошло событіе, слѣдствіемъ котораго явился неожиданный уходъ Ушинскаго изъ Смольнаго. Среди служащихъ въ Смольномъ оказались лица, враждебно настроенныя по отношенію къ К. Д. Ушинскому. Надѣясь угодить М. П. Леонтьевой, они начали борьбу и противъ приглашенныхъ имъ молодыхъ преподавателей, и непосредственно противъ него самого [2].

Дѣло кончилось тѣмъ, что на Ушинскаго былъ сдѣланъ доносъ, въ которомъ его обвиняли въ невѣріи и политической неблагонадежности. Для доноса не было никакихъ основаній. Ушинскій былъ истинный христіанинъ и человѣкъ въ смыслѣ политической благонамѣренности безупречный [3]. Доносъ былъ сообщенъ К. Д. Ушинскому, и онъ безъ труда доказалъ всю его несостоятельность и лживость. Но самый фактъ доноса произвелъ на К. Д. Ушинскаго потрясающее впечатлѣніе. Педагогъ-идеалистъ, онъ счелъ для себя невозможнымъ оставаться на службѣ

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой; ср. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 78, л. 24. [2] Габерцеттель. Рук. Казак. Рук. Л. Модзалевскій. Къ біогр. Ушинскаго, 8. [3] См., напр., Матер. для біогр. Ушинскаго, 43, 136—136, 157—158. Чернышевъ (Р. Шк. 19, II, 6).

и работать въ заведеніи, среди служащихъ котораго нашлись люди, способные на такой поступокъ. Единеніе всѣхъ и взаимное довѣріе были въ глазахъ К. Д. Ушинскаго необходимымъ условіемъ совмѣстной педагогической работы. К. Д. Ушинскій подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ должности инспектора Смольнаго.

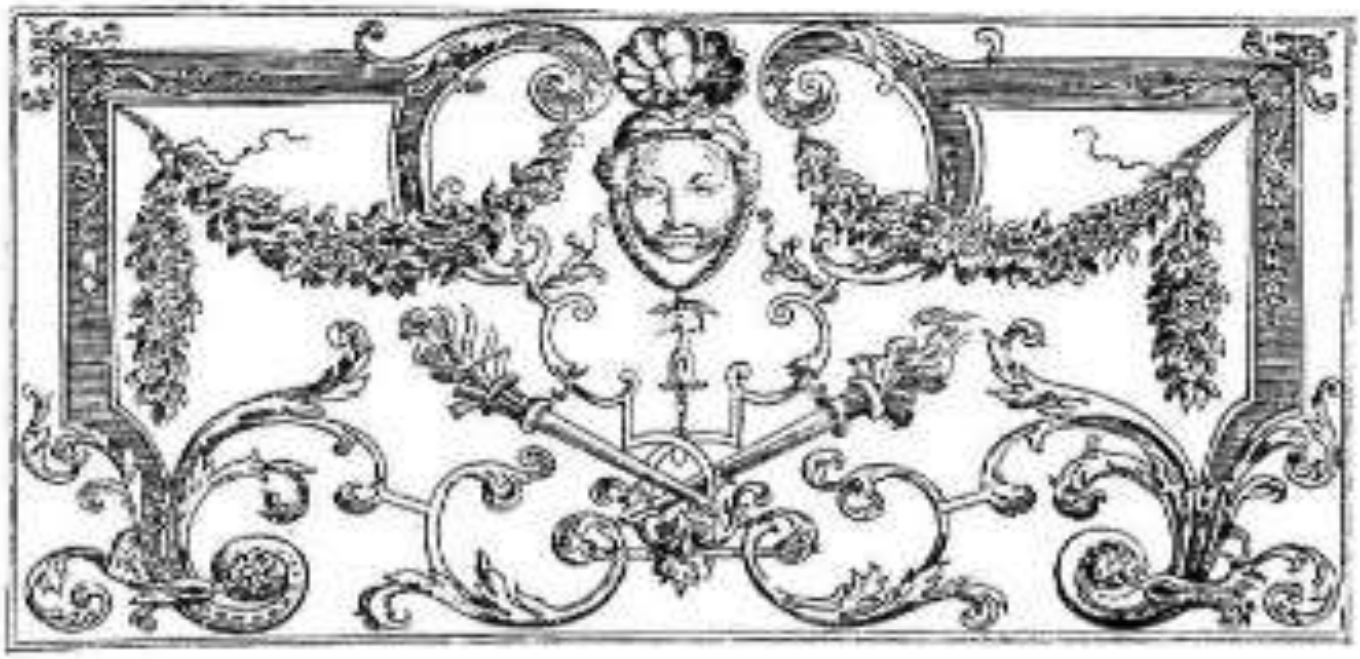
Довѣріе и уваженіе, какимъ пользовался К. Д. Ушинскій со стороны Императрицы Маріи Александровны [1], сказались въ полной мѣрѣ. Ея Величество взяла К. Д. Ушинскаго подъ свое покровительство и выразила желаніе о причисленіи его къ IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ сохраненіемъ полностью содержанія, какое К. Д. Ушинскій получалъ въ Смольномъ [2]. Здѣсь на К. Д. Ушинскаго былъ возложенъ рядъ работъ педагогическаго характера. Такъ, напр., ему была дана продолжительная командировка для ознакомленія съ положеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ за границей [3], было предложено написать антропологію, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи учебныхъ программъ для женскихъ институтовъ и гимназій [4] и т. д. [5].

М. П. Леонтьева не имѣла никакого отношенія къ доносу на Ушинскаго. Весь складъ души и убѣжденія М. П. Леонтьевой устраняютъ возможность какихъ либо подозрѣній въ этомъ. Прямая и правдивая она могла бы итти противъ К. Д. Ушинскаго только открыто. Кромѣ того, не раздѣляя многихъ педагогическихъ воззрѣній К. Д. Ушинскаго, М. П. Леонтьева нисколько не сомнѣвалась въ его религіозной и политической благонамѣренности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то высокое мнѣніе, которое она сохранила о К. Д. Ушинскомъ, и то уваженіе, съ какимъ М. П. Леонтьева и впослѣдствіи отзывалась о немъ.

[1] Ср. письма К. Д. Ушинскаго о воспитаніи Наслѣдника русскаго Престола (Ушинскій, Собр. неизд. соч., 125—168). [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 24. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. № 4631, св. 771; Д. № 7247, св. 812. [3] Обстоятельный отчетъ о командировкѣ хранится въ Архивѣ Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Императрицы Маріи (по оп. Б. № 149). Напечатанъ въ Собр. пед. соч. Ушинскаго, II, 217—304. Краткій отчетъ о командировкѣ см. тамъ же, Д. № 4631, св. 771. [4] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. по оп. Б. № 150. [5] Списокъ книгъ, статей и переводовъ Ушинскаго, а также статей объ Ушинскомъ см. Собр. пед. соч. Ушинскаго, II, 319—370.

Въ связи съ уходомъ Ушинскаго ушли изъ Смольнаго почти всѣ приглашенные имъ туда преподаватели. Но и разставшись съ Смольнымъ, К. Д. Ушинскій и его сотрудники сохранили живой интересъ къ оставленному ими учебному заведенію [1].

[1] См., напр., письма Ушинскаго къ Модзалевскому (Музей Имп. Вост. Общ.), письмо Ушинскаго къ М. И. Семевскому 24 авг. 1862 г. (Тимощукъ, Прил., 30), письмо Модзалевскаго къ Семевскому 7 февр. 1863 г. (тамъ же, 38), Тимощукъ, 94; и др.



V.

Учебное дѣло въ Смольномъ послѣ К. Д. Ушинскаго.—Инспекторъ классовъ К. А. Тимофеевъ.—Отдѣленіе Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Пепиньерскій классъ при Воспитательномъ Обществѣ.—Учебные табели и планы 1874 года.

Въ маѣ 1862 г. инспекторомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища былъ назначенъ Константинъ Акимовичъ Тимофеевъ [1].

По окончаніи въ 1847 г. С.-Петербургскаго университета, Тимофеевъ состоялъ преподавателемъ русской словесности въ Театральномъ училищѣ, потомъ—въ Строительномъ училищѣ, затѣмъ—въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда и перешелъ въ Смольный.

К. А. Тимофеевъ отлично зналъ иностранные языки, при чемъ питалъ особую любовь къ англійскому языку и англійской литературѣ. Онъ переводилъ произведенія англійской художественной литературы, а также критическія и историко-литературныя изслѣдованія о нихъ [2]. К. А. Тимофееву принад-

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 4631, св. 771. [2] См., напр., Гервинусъ. Шекспиръ, перев. К. Тимофеева. СПБ. 1875.

лежали и оригинальные труды въ области изученія литературы [1]. Обладая поэтическимъ дарованіемъ, онъ писалъ стихи, изъ которыхъ многіе имѣютъ непосредственное отношеніе къ Сэмьюэлу [2].

Какъ педагогъ, К. А. Тимофеевъ интересовался новыми теченіями педагогической науки, особенно на Западѣ. Въ цѣляхъ ознакомленія съ постановкой женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній въ западно-европейскихъ государствахъ, Тимофеевъ испросилъ лѣтомъ 1865 г. у Совѣта Воспитательнаго Общества отпускъ за границу. Совѣтъ разрѣшилъ ему эту поѣздку, давъ отпускъ на все время лѣтнихъ каникулъ и еще на двадцать восемь дней, и выдалъ пособіе на поѣздку въ размѣрѣ 400 р. [3]. Членъ Совѣта по учебной части, гр. Д. А. Толстой, далъ Тимофееву особую инструкцію, въ которой, между прочимъ, говорилось:

«Посѣщая женскія учебныя заведенія, обращайте особенное вниманіе на то, какой изъ учебныхъ предметовъ избирается тамъ, какъ преимущественное средство для развитія въ дѣтяхъ мыслительной способности и служитъ нѣкоторою замѣной тому, что въ мужскихъ заведеніяхъ, особенно въ Англіи, издавна достигается посредствомъ изученія классическихъ языковъ. Обратите также вниманіе на учебники, употребляемые въ англійскихъ школахъ, такъ какъ эти книги почти вовсе не извѣстны въ нашей педагогической практикѣ. Постарайтесь пріобрѣсти по экземпляру руководствъ, какія будутъ указаны вамъ опытнѣйшими преподавателями въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя вамъ придется посѣтить. Узнайте на мѣстѣ и на самомъ дѣлѣ тѣ практическіе пріемы, которыми англійскіе преподаватели облегчаютъ своимъ ученикамъ и ученицамъ пользованіе означенными учебными книгами» [4].

К. А. Тимофеевъ первоначально предполагалъ изучить постановку учебнаго дѣла, главнымъ образомъ, Англіи; однако, изъ представленныхъ имъ отчетовъ о заграничной поѣздкѣ видно, что онъ подробно и основательно осматривалъ учебно-воспитательныя заведенія не только Англіи, но и Франціи [5]. Въ 1867 г. Тимофеевъ снова ѣздилъ за границу [6] для ознакомленія

[1] К. Тимофеевъ. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. СПБ. 1869. Его же. Критико-эстетическіе очерки. [2] Муз. Имп. Воспит. Общ. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1862 г., № 48. [4] Тамъ же. [5] Тамъ же. [6] Совѣтъ снова выдалъ ему пособіе на поѣздку въ размѣрѣ 400 р. (Тамъ же).

съ учебными заведеніями Швейцаріи. Въ эту поѣздку онъ посѣтилъ Екатерининскій институтъ въ Штуттгардтѣ [1], а въ слѣдующемъ, 1868, году, по желанію королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, присутствовалъ вмѣстѣ съ членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества, почетнымъ опекуномъ В. П. Титовымъ, на празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея этого института [2].

К. А. Тимофеевъ прослужилъ инспекторомъ Смольнаго 19 лѣтъ. Ему пришлось проводить въ жизнь новый учебный порядокъ, осуществлять реформу, произведенную К. Д. Ушинскимъ. Онъ съ успѣхомъ справился съ этой трудной задачей, вдумчиво и усердно трудился надъ возможно болѣе удачнымъ осуществленіемъ новой педагогической системы. Не будучи ни сотрудникомъ, ни ученикомъ К. Д. Ушинскаго [3], Тимофеевъ, однако, раздѣлялъ его педагогическія воззрѣнія даже по тѣмъ вопросамъ, которые многимъ представлялись тогда особенно спорными.

Инспекторъ классовъ К. А. Тимофеевъ.

«Изъ разсмотрѣнія учебныхъ плановъ Итона и Оксфорда,—писалъ, напр., К. А. Тимофеевъ въ отчетѣ объ одной изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ — и вынесъ одно общее убѣжденіе, котораго не слѣдуетъ забывать въ особенности намъ, русскимъ педагогамъ. Англичане строго держатся древней пословицы: non multa, sed multum (не многое, но много). Они изучаютъ мало наукъ, но изучаютъ ихъ основательно. Число лекцій въ недѣлю и въ Итонѣ, и въ Оксфордѣ поразительно мало въ сравненіи съ нашими учебными таблицами: 12, много 14 лекцій въ недѣлю, но зато много времени дано на самостоятельныя занятія учениковъ, занятія, состоящія въ чтеніи, въ приготовленіи уроковъ подъ руководствомъ тьюторовъ. Разумъ ученика только тогда и крѣпнетъ, когда онъ имѣетъ достаточно

[1] Основанный Августѣйшей дочерью Императрицы Маріи Ѳеодоровны Екатериной Павловной, королевой Вюртембергской. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1862 г., № 48 [3] Муз. Имп. Воспит. Общ. Письмо К. Д. Ушинскаго къ Л. Н. Модзалевскому 14 авг. 1862 г.

времени углубиться въ свое дѣло: иначе наука будетъ только мелькать передъ его глазами» [1].

Убѣжденный поклонникъ Англіи, Тимофеевъ ходатайствовалъ о введеніи *въ учебный курсъ спеціальнаго класса* въ Смольномъ обязательнаго изученія англійскаго языка; однако, согласно Высочайше утвержденному журналу Главнаго Совѣта, преподаваніе англійскаго языка было разрѣшено только для желающихъ и за счетъ ихъ родныхъ [2].

Начать свою дѣятельность въ Смольномъ К. А. Тимофееву пришлось съ приглашенія новыхъ преподавателей на мѣста ушедшихъ вслѣдъ за К. Д. Ушинскимъ—Л. Н. Модзалевскаго, О. Ѳ. Миллера, М. И. Семевскаго, Д. Д. Семенова, В. И. Водовозова и др. [3]. Замѣнить такихъ выдающихся преподавателей было трудно. Положеніе еще болѣе осложнялось вслѣдствіе того, что уходъ ихъ ставился въ связь съ уходомъ К. Д. Ушинскаго и ожидавшейся, какъ предполагали, вслѣдъ за тѣмъ коренной ломки произведенной при Ушинскомъ учебной реформы. Пригласить вполнѣ соотвѣтственныхъ преподавателей К. А. Тимофееву удалось поэтому не сразу [4].

Постепенно, однако, наладилось правильное теченіе учебнаго дѣла. К. А. Тимофеевъ усердно заботился, чтобы учебное дѣло въ Смольномъ стояло на возможно высокомъ уровнѣ. Онъ старался привлекать въ Смольный лучшихъ преподавателей [5] и по мѣрѣ выхода въ свѣтъ новыхъ, болѣе совершенныхъ въ педагогическомъ отношеніи учебныхъ руководствъ и пособій, способствовалъ введенію ихъ въ Смольномъ [6].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1852 г., № 48. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1863 г., № 71; ср. Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1861 г., №№ 51 и 61; Д. 1862 г., № 13; Д. 1869 г., №№ 47 и 50. [4] Въ 1867 г., за неимѣніемъ подходящаго кандидата, Тимофееву пришлось самому взять уроки педагогики (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1867 г., № 68). [5] При приглашеніи новыхъ преподавателей К. А. Тимофееву приходилось очень считаться съ мнѣніемъ М. П. Леонтьевой (Ср. В. Острогорскій. Изъ пост. моего учит., 250—255). [6] Такъ, напр., въ 1866 г. были введены въ старшихъ классахъ литографированныя «Записки христіанской церкви» прот. Гречулевича, «Исторія Русской церкви», изд. Духовной Академіи, «Новая» и «Средняя» Исторія Шульгина, учебники по Географіи Смирнова, Якимова, Кузнецова и т. д. (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1867 г., № 48, л. 9). Въ 1869 г.—Географія Бѣлоха, географическій атласъ Ильина, французская грамматика Марго, русская грамматика Говорова, грамматическія задачи Томсе, грамматическія задачи Буренина и Малинина. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности К. Тимофеева и т. д. (Д. 1870 г., № 83, л. 3).

Число классныхъ руководствъ значительно возрастало съ каждымъ годомъ и [1] вообще библіотека Воспитательнаго Общества постепенно разросталась [2].

Кромѣ денегъ, полагавшихся изъ общихъ суммъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи на ежегодное пополненіе классныхъ библіотекъ, въ Смольномъ постоянно тратились на книги значительныя суммы изъ собственныхъ средствъ Воспитательнаго Общества [3].

Библіотека Общества постоянно обогащалась серьезными и цѣнными книгами на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, а съ 1872 г. и англійскомъ языкахъ [4].

Попрежнему въ библіотеку Общества выписывались русскіе и иностранные журналы [5].

Точно также постоянно пополнялись и пріобрѣтались вновь коллекціи наглядныхъ пособій для изученія физики и естественныхъ наукъ. Въ 1870 г., напр., преподаватель естествовѣдѣнія Пугачевскій представилъ докладную записку, въ которой указывалъ, что «при изложеніи минералогіи въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ чувствуется большой недостатокъ въ хорошихъ экземплярахъ минераловъ, свойственныхъ по преимуществу Россіи и безпрестанно упоминаемыхъ въ русской географіи

[1] Такъ, напр., въ 1865 г. учебныхъ книгъ числилось 2.978 экземпляровъ, къ 1 января 1867 г. ихъ значилось уже 3.621 экз. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 48, л. 9; ср. Д. 1870 г., № 83, л. 3; Д. 1868 г., № 37, л. 21; и др.). [2] Къ 1 января 1867 г. всего числилось 5.135 томовъ, изъ нихъ: по Богословію 318, Русской словесности 472, Французской 361, Нѣмецкой 616, Исторіи 396, Географіи 298, Естественной исторіи 79, Педагогикѣ 125, Книгъ разнаго содержанія 314, Журналовъ 1.102. Кромѣ того, въ библіотекѣ пепиньерокъ числилось 1.055 томъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 48; Д. 1870 г., № 83; Д. 1868 г., № 37; и др.). [3] Такъ, напр., въ 1866 г. на «собственныя средства заведенія» были пріобрѣтены: «Исторія цивилизаціи въ Европѣ» Гизо, «Исторія цивилизаціи во Франціи» его же, Исторія Шлоссера, «Родное Слово» Ушинскаго, «Опытъ историческаго обозрѣнія исторіи и философіи» Стасюлевича, Записки Дмитріева, Письма Карамзина къ Дмитріеву, «Біографія Карамзина» Погодина и т. д. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 48, л. 9). Въ 1867 г. на эти же средства пріобрѣтены: «Смерть Іоанна Грознаго» А. Толстого, «Біографія Жуковскаго» Пятковскаго, «О Московскомъ Государствѣ» Ключевскаго, Сочиненія гр. Л. Толстого, «Les nouvelles» d'Octave Feuillet, Les oeuvres de M-me la comtesse de Ségur и т. д. (Д. 1868 г., № 37, л. 22). Въ 1874 г. были пріобрѣтены: «Земля» Реклю, «Домашній бытъ русскихъ царей» Забѣлина, Русская исторія Костомарова и т. д. (Д. 1874 г., № 84). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1872 г., № 93. [5] Между прочимъ, «Русскій Вѣстникъ», «Странникъ», «Вѣстникъ Европы», «Современникъ», «Отечественныя записки», «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», «Христіанское чтеніе», «Сѣверная пчела», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Journal de St. Pétersbourg», «Русскій Архивъ», «Galerie contemporaine artistique et littéraire», «Revue des deux Mondes», «Ueber Land und Meer», «La Femme et la Famille» и т. д. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 40, л. 2; Д. 1867 г., № 48; Д. 1870 г., № 83; и др.).

въ числѣ главнѣйшихъ источниковъ богатствъ нашего отечества». «Г. Министръ Финансовъ,—писалъ далѣе Пугачевскій,—въ видахъ распространенія свѣдѣній о минеральномъ богатствѣ Россіи, не разъ уже разрѣшалъ Горному Институту безвозмездное снабженіе минеральными коллекціями тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя обращались къ г. министру съ просьбою объ этомъ». Въ виду этого, Пугачевскій просилъ инспектора классовъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ Совѣтомъ о возбужденіи подобной просьбы передъ министромъ финансовъ [1].

Нѣкоторыя коллекціи и наглядныя пособія, которыхъ не имѣлось въ Обществѣ, брались временно изъ другихъ учрежденій, напр., изъ «педагогическаго музеума» военно-учебныхъ заведеній [2]. До 1866 г. физическимъ кабинетомъ Воспитательнаго Общества пользовались и воспитанницы Александровскаго училища [3].

Императрица Марія Александровна обращала особое вниманіе на изученіе воспитанницами естественныхъ наукъ. По ея желанію воспитанницамъ Смольнаго не разъ показывалъ свой микроскопъ, «увеличивающій предметы въ милліонъ разъ», физико-оптикъ Двора Его Императорскаго Величества Тицнеръ. Объ одномъ изъ такихъ сеансовъ М. П. Леонтьева доносила въ 1874 г., что «Тицнеръ 17 сего февраля показывалъ опыты воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ помощію микроскопа, освѣщаемаго Друмондовымъ свѣтомъ, нѣкоторыя тѣла искусственныя и естественныя изъ всѣхъ трехъ царствъ природы и объяснялъ устройство и способъ освѣщенія самаго микроскопа; все показанное и объясненное г. Тицнеромъ было вполнѣ занимательно и произвело на воспитанницъ впечатлѣніе самое удовлетворительное» [4].

Въ 1865 г. произошло важное событіе въ жизни Смольнаго—отдѣленіе Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, причемъ въ Александровское училище были назначены отдѣльная отъ Воспитательнаго

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 58. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. 1856 г., № 116. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 72. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 116.

Общества начальница и особый инспекторъ классовъ. Александровское училище осталось однако въ вѣдѣніи общаго съ Воспитательнымъ Обществомъ Совѣта.

Императрица признала желательнымъ отдѣленіе Александровскаго училища въ самостоятельное заведеніе на томъ основаніи, что начальницѣ и инспектору классовъ Воспитательнаго Общества, при прежнемъ порядкѣ, приходилось руководить воспитательнымъ и учебнымъ дѣломъ одновременно въ двухъ заведеніяхъ съ очень большимъ числомъ воспитанницъ. Это было слишкомъ обременительно для начальницы и инспектора и не могло не отражаться на ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла.

14 августа 1865 г. Императоръ Александръ II утвердилъ новое положеніе объ Александровскомъ училищѣ [1]. Первой начальницей Александровскаго училища была назначена Д. А. Львова [2], первымъ инспекторомъ—В. И. Лядовъ [3].

Одновременно съ отдѣленіемъ Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ для училища была устроена отдѣльная церковь.

До этого времени воспитанницы Александровскаго училища посѣщали церковь Воспитательнаго Общества. Размѣры церкви Общества не позволяли всѣмъ воспитанницамъ обоихъ заведеній одновременно присутствовать при богослуженіи, и воспитанницы ходили въ церковь по очереди, каждый разъ половина всего числа воспитанницъ Общества и одна треть—воспитанницъ Училища.

По ходатайству Совѣта, Ихъ Величества соизволили на устройство отдѣльной церкви при Александровскомъ училищѣ.

Первоначально предполагалось устроить церковь для Александровскаго училища въ самомъ зданіи училища, но это оказалось неосуществимымъ по условіямъ помѣщенія. Потомъ было предположено отдать училищу церковь Вдовьяго дома, а для Вдовьяго дома устроить церковь въ сѣверо-западной башнѣ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1867 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе—устроить для Александровскаго училища домовый храмъ въ сѣверо-западной башнѣ зданія бывшаго монастыря, соединенной съ училищемъ теплымъ коридоромъ. Въ верхнемъ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1860 г., № 102, лл. 35—69; Д. 1865 г., № 44, лл. 1—3. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 74. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1865 г., № 44 л. 6.

этажѣ или куполѣ этой башни находилась устроенная еще при Императрицѣ Екатеринѣ II церковь во имя св. св. Захарія и Елизаветы, въ нижнемъ—лютеранская молельня, которая была перенесена въ юго-западную башню, а въ помѣщеніи ея устроенъ храмъ во имя св. Александра Невскаго. Средства на отдѣлку храма были пожертвованы княземъ Н. Б. Юсуповымъ, пожелавшимъ ознаменовать этимъ двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны [1].

Начальница Александровскаго училища Д. А. Львова.

Въ связи съ отдѣленіемъ отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Александровскаго училища произошли нѣкоторыя перемѣны въ организаціи занятій пепиньерокъ Воспитательнаго Общества, до этого времени посѣщавшихъ уроки и практическія занятія въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ при Александровскомъ училищѣ.

Въ декабрѣ 1865 г. инспекторъ классовъ Общества К. А. Тимофеевъ представилъ въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища особую записку, въ которой указывалъ, что «занятія пепиньерокъ въ томъ видѣ, въ какомъ они происходятъ теперь, вполнѣ замѣнили бы имъ курсъ перваго года педагогическаго класса, если бы къ этимъ занятіямъ присоединить еще два урока педагогики, два урока французскаго языка и два урока нѣмецкаго языка» и что «подъ руководствомъ преподавателя педагогики пепиньерки могли бы съ большимъ успѣхомъ давать пробные практическіе уроки въ младшихъ классахъ Общества». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тимофеевъ обращалъ вниманіе Совѣта на неудобство продолженія для пепиньерокъ Общества занятій въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ Александровскаго училища, такъ какъ классъ этотъ послѣ раздѣленія заведеній подчиненъ другой начальницѣ и другому инспектору классовъ. Пепиньеркамъ Общества прихо-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1865 г., № 44, лл. 15—16, 29—35, 38. Ист.-ст. свѣд. о СПб. епарх. VI, 306—312.

дится, по словамъ К. А. Тимофеева, тратить «до 90 часовъ» въ годъ на переходы изъ Общества въ училище и обратно; кромѣ того, пепиньерки Общества «не могутъ чувствовать себя, какъ дома» въ чужомъ заведеніи и, наконецъ, «справедливость требуетъ, чтобы онѣ приносили пользу своему заведенію, а не постороннему».

По этимъ соображеніямъ, К. А. Тимофеевъ предлагалъ нѣсколько увеличить курсъ пепиньерскаго класса при Воспитательномъ Обществѣ и устроить въ немъ правильныя практическія занятія съ тѣмъ, чтобы оканчивающія общій курсъ Воспитательнаго Общества имѣли возможность въ своемъ учебномъ заведеніи получить теоретическую и практическую подготовку для педагогической дѣятельности и не имѣли надобности поступать въ спеціальный классъ при Александровскомъ училищѣ [1].

3 февраля 1866 г. Императрица Марія Александровна утвердила проектъ преобразованія пепиньерскаго класса при Воспитательномъ Обществѣ и новое положеніе было тотчасъ введено [2]. Преобразованному пепиньерскому классу не было, однако, дано тѣхъ особыхъ преимуществъ, какими пользовались окончившія спеціальный классъ при Александровскомъ училищѣ, который давалъ исключительную по тому времени подготовку къ педагогической дѣятельности. Такими преимуществами были предоставленіе безъ особаго экзамена права на званіе домашней наставницы и соединенное съ этимъ право на полученіе пенсій и пособій за педагогическую дѣятельность въ частныхъ домахъ.

Весной 1866 г. К. А. Тимофеевъ возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы окончившимъ въ этомъ году пепиньерскій классъ при Обществѣ выдавать такіе же дипломы, какіе получаютъ оканчивающія спеціальный классъ при Александровскомъ училищѣ [3]. Императрица соизволила на удовлетвореніе этого ходатайства, но въ то же время Совѣту Воспитательнаго Общества было указано, что «такая милость допущена Ея Величествомъ въ томъ вниманіи, что эти дѣвицы пробыли полтора года въ упомянутомъ спеціальномъ педагогическомъ классѣ и занимались потомъ практическимъ преподаваніемъ въ низшихъ классахъ Общества» и что «Ея Величеству благоугодно было по-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 45, лл. 5—7; Д. 1886 г., № 55. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 45, л. 9. [3] Тамъ же, лл. 10—11.

велѣть, чтобы впредь пепиньеркамъ Общества, кои будутъ приготовляться къ педагогическимъ занятіямъ въ классахъ сего послѣдняго, упомянутыхъ дипломовъ выдаваемо не было, ибо оныхъ не получаютъ ни пепиньерки Екатерининскихъ училищъ, ни другихъ институтовъ, въ коихъ нѣтъ особо устроенныхъ педагогическихъ классовъ» [1].

Точно также было отклонено ходатайство даже о томъ, чтобы окончившимъ пепиньерскій классъ при Обществѣ «была сдѣлана засвидѣтельствованная по формѣ надпись на оборотѣ аттестатовъ о томъ, что вышепоименованныя воспитанницы дѣйствительно провели два года въ качествѣ пепиньеръ, въ теоретическихъ и практическихъ занятіяхъ педагогикою, русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками» [2]. Опасались, какъ бы такая надпись не вводила въ заблужденіе, что пепиньерскій классъ Воспитательнаго Общества даетъ точно такую же подготовку, какъ и спеціальный классъ при Александровскомъ училищѣ, а не нѣсколько менѣе серьезную, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Въ 1874 г. было произведено общее во всѣхъ институтахъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи измѣненіе учебныхъ табели и плановъ.

Императрица Марія Александровна неоднократно обращала вниманіе на то, что продолжительность ежедневныхъ классныхъ занятій и объемъ учебнаго курса являются слишкомъ обременительными, а нерѣдко и непосильными для воспитанницъ институтовъ. Вопросъ этотъ, по волѣ Императрицы, былъ, наконецъ, подробно разсмотрѣнъ въ Учебномъ Комитетѣ, состоящемъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а потомъ въ Главномъ Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Общее число уроковъ въ семи классахъ общаго курса, несмотря на увеличеніе числа уроковъ по «наиболѣе образовательнымъ» предметамъ, было сокращено съ 205 до 172 въ недѣлю, при чемъ въ VII классѣ было положено 22 урока въ недѣлю, въ VI—23, въ V—25 и въ IV—26 часовъ. Ежедневное число уроковъ было ограничено четырьмя, пятые уроки были по одному разу въ недѣлю въ V, III и II классахъ и по два

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 45, л. 16. [2] Тамъ же, л. 32.

раза въ недѣлю въ IV и I классахъ. Длительность уроковъ была опредѣлена въ часъ, вмѣсто часа съ четвертью, какъ ранѣе, перерывы между уроками — въ 10 минутъ. При составленіи росписанія уроковъ въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи предлагалось «неуклонно и постоянно имѣть въ виду гигіеническія и педагогическія условія, но отнюдь не личныя удобства учителей, располагая уроки такимъ образомъ, чтобы въ утренніе часы, до завтрака, были назначаемы исключительно научные предметы», и сосредоточивая въ «послѣполуденное время» занятія по искусствамъ и рукодѣлію, какъ требующія отъ воспитанницъ меньшаго напряженія. Пѣніемъ, танцами, гимнастикой и музыкой воспитанницы должны были заниматься въ свободное отъ классныхъ занятій время [1]. Уменьшеніемъ времени классныхъ занятій предполагалось увеличить количество времени для самостоятельныхъ занятій и отдыха воспитанницъ [2].

Въ соотвѣтствіи съ новыми учебными табелями одновременно были изданы для женскихъ институтовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и новые учебные планы, съ объяснительными къ нимъ записками, въ которыхъ давались подробныя указанія объ объемѣ учебнаго курса по каждому предмету, его цѣляхъ и методахъ преподаванія.

Исходя изъ соображеній, что цѣлью преподаванія Закона Божія въ женскихъ институтахъ должно быть ознакомленіе воспитанницъ съ догматическою и историческою стороною ихъ религіи и особенно развитіе нравственно-религіознаго чувства, Учебный Комитетъ, основываясь на утвержденной Св. Синодомъ для мужскихъ гимназій программѣ Закона Божія, сдѣлалъ въ ней лишь небольшія измѣненія въ распредѣленіи и содержаніи учебнаго курса.

Преподавателямъ русскаго языка ставилось задачей «научить своихъ ученицъ читать и правильно писать, т. е. 1) довести ихъ до того, чтобы онѣ въ состояніи были не только передать содержаніе прочитаннаго произведенія, но дать отчетъ въ его построеніи, указать логическую связь, какъ между отдѣльными частями цѣлаго произведенія, такъ и мыслями, составляю-

[1] На практикѣ это скоро повело къ тому, что у воспитанницъ оставалось очень мало времени для приготовленія уроковъ (Восп. бывш. воспитанницъ). [2] Выс. утв. $^{9}/_{14}$ мая 1874 г. пол. Оп. Сов.; Выс. утв. $^{3}/_{14}$ мая 1874 г. норм. учебн. таб.; Цирк. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго 13 мая 1874 г., № 3806.

щими содержаніе каждой части, и, наконецъ, оцѣнить произведеніе со стороны нравственной и эстетической; 2) развить способность выражать свои мысли словесно и письменно, правильно не только въ грамматическомъ, но и въ логическомъ отношеніи». Эти цѣли должны были достигаться постепенными упражненіями, которыя завершались сжатымъ обзоромъ исторіи русской литературы.

Иностранные языки воспитанницы въ теченіе семи лѣтъ должны были изучить настолько хорошо, чтобы быть въ состояніи «не только свободно читать ихъ литературныя произведенія, но и выражаться довольно правильно на этихъ языкахъ изустно и письменно». Преподавателю рекомендовалось «умѣть заставить своихъ ученицъ возможно ранѣе начать говорить на изучаемомъ ими языкѣ». Послѣдніе два года должны быть посвящаемы, главнымъ образомъ, чтенію литературныхъ произведеній или значительныхъ отрывковъ. Ссылаясь на примѣръ германскихъ высшихъ женскихъ школъ, Учебный Комитетъ предлагалъ совершенно исключить на урокахъ иностранныхъ языковъ преподаваніе исторіи литературы «на томъ основаніи, что изученіе ея можетъ принести пользу только въ томъ случаѣ, когда оно соединяется съ подробнымъ анализомъ произведеній, а не ограничивается только коротенькими біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и перечисленіемъ литературныхъ произведеній. Сообщать такого рода свѣдѣнія — значитъ терять время, которое будетъ употреблено гораздо съ большею пользою въ томъ случаѣ, если преподаватель иностраннаго языка прочтетъ и разберетъ съ своими ученицами хотя немного литературныхъ произведеній, но за то такихъ, которыя бы могли, какъ выражено въ программѣ, служить образцами чистой литературной рѣчи, а также способствовать логическому, эстетическому и нравственному образованію ученицъ».

При преподаваніи исторіи рекомендовалось стремиться къ достиженію двухъ цѣлей: «1) ознакомить учащихся съ наиболѣе важными историческими событіями и 2) посредствомъ изложенія историческаго матеріала пріучить воспитанницъ къ связному и послѣдовательному разсказу. Преслѣдовать другія цѣли, напримѣръ: добиваться того, чтобы воспитанницы, изучая историческіе факты, въ самомъ началѣ, въ состояніи были видѣть ихъ внутреннюю связь между собою или судить о вліяніи тѣхъ

или другихъ явленій на историческую судьбу народовъ, сдѣлалось возможно. Такое преподаваніе исторіи можетъ имѣть мѣсто только въ высшемъ учебномъ заведеніи... Въ женскомъ учебномъ заведеніи преподаватель исторіи долженъ имѣть въ виду не столько образовательное вліяніе этого предмета, сколько воспитательное, которое, главнымъ образомъ, заключается въ пробужденіи и укрѣпленіи въ учащихся чувства любви къ своему отечеству».

Башня въ саду Воспитательнаго Общества.

На урокахъ географіи преподаватель обязанъ «познакомить учениць со всѣмъ, что есть наиболѣе замѣчательнаго на земной поверхности въ жизни природы и людей... Главное вниманіе должно быть обращено на географію отечественнаго государства и Западной Европы, какъ ближайшей нашей сосѣдки и какъ мѣста, гдѣ, благодаря счастливымъ *физическимъ особенностямъ* природы, человѣкъ сумѣлъ достигнуть наиболѣе высокой степени развитія во всѣхъ отношеніяхъ».

«Въ преподаваніи естествовѣдѣнія должно преслѣдовать три цѣли: реальную, формальную и воспитательную. Первая изъ этихъ цѣлей должна имѣть въ виду обогащеніе ученицъ познаніями о важнѣйшихъ предметахъ и явленіяхъ видимаго міра; вторая — развитіе вниманія и наблюдательности, которая, будучи упражняема вначалѣ надъ разсматриваніемъ внѣшняго міра, потомъ, съ большею легкостью, можетъ быть перенесена на міръ внутренній, болѣе трудный для наблюденія, и, наконецъ, *третья цѣль — воспитательная, должна способствовать* эстетическому и религіозному развитію ученицъ». Естествовѣ-

дѣніе должно содѣйствовать пробужденію чувства эстетическаго, заключающагося «въ пониманіи той гармонической связи, какая существуетъ между различными предметами и явленіями природы, какъ высшаго образца изящнаго», и развитію чувства религіознаго, «обнаруживающагося въ благоговѣйномъ удивленіи къ высочайшей премудрости и благости».

Изученіе естествовѣдѣнія раздѣлялось на два курса: приготовительный и систематическій. «Исходной точкою приготовительнаго курса должно быть само дитя, или человѣкъ, т. е. наглядное его описаніе, какъ это первый началъ дѣлать безсмертный Песталоцци и какъ это дѣлаютъ теперь съ большимъ умѣніемъ и успѣхомъ во всей Германіи, въ такъ называемыхъ курсахъ наглядnаго обученія». Отъ человѣка предлагалось переходить къ животнымъ, потомъ растеніямъ и, наконецъ, ископаемымъ. Завершеніемъ приготовительнаго курса являлось ознакомленіе воспитанницъ «съ тѣми физическими явленіями, которыя имѣютъ вліяніе, какъ на жизнь растеній, такъ и на жизнь животныхъ, какъ, напр., свѣтъ, теплота, воздухъ и т. п.».

Въ дѣлѣ преподаванія математики требовалось «не ограничиваться только практическими цѣлями, а пользоваться этимъ предметомъ, какъ однимъ изъ средствъ, служащимъ для того, чтобы 1) научить воспитанницъ строго логическому мышленію и 2) развить очень важную способность отвлеченія и обобщенія». Изъ математическихъ наукъ въ учебный курсъ институтовъ включались только ариѳметика и геометрія.

Учебный Комитетъ полагалъ «не ограничивать знанія рисованія усвоеніемъ только одной внѣшней стороны, которая выражается въ умѣніи копировать съ оригиналовъ, а стараться развить въ воспитанницахъ способность воспроизводить на бумагѣ предметы видимаго міра, а также понимать взаимное отношеніе тѣхъ разнообразныхъ формъ, въ которыхъ эти предметы представляются глазу наблюдателя. Единственнымъ средствомъ для достиженія такой цѣли, какъ это выражено въ программѣ, составленной Академіею Художествъ, служитъ рисованіе съ натуры, которое должно начинаться геометрическими фигурами и тѣлами и оканчиваться гипсовою головою. Что же касается до копированія съ оригиналовъ, то оно, по мнѣнію Академіи, не должно быть допускаемо, какъ вредное, особенно для начинающихъ». Въ цѣляхъ лучшей постановки рисованія, кисти-

тутамъ рекомендовалось: «1) Устройство особеннаго класса, приспособленнаго для рисованія съ натуры, т. е. такого, который бы имѣлъ правильное освѣщеніе, падающее на рисуемый предметъ съ одной стороны; 2) устройство лавокъ амфитеатромъ, такъ, чтобы одна рисующая не мѣшала другой видѣть модель и чтобы модель находилась передъ рисующею, и 3) полное по возможности собраніе моделей».

Что касается до чистописанія, то Комитетъ считалъ «не лишнимъ обратить вниманіе преподавателей этого искусства на то, чтобы они, главнымъ образомъ, старались научить воспитанницъ писать скоро, четко и возможно красиво. Для этого недостаточно занимать воспитанницъ только списываніемъ прописей, а полезно упражнять ихъ въ скорописи на классныхъ доскахъ и въ тетрадяхъ, пользуясь при этомъ общеизвѣстною американскою методою. Дѣлу преподавателя чистописанія должны помогать и всѣ прочіе преподаватели, не имѣющіе права снисходительно относиться къ небрежному письму воспитанницъ на томъ только основаніи, что они не учителя чистописанія. Пусть воспитанница знаетъ, что она должна стараться хорошо писать не только на урокахъ чистописанія, но и на другихъ, будетъ ли это урокъ русскаго языка, ариѳметики, или какого бы то ни было предмета».

Объяснительная записка по педагогикѣ по своему характеру отличалась отъ прочихъ. Сначала указывалось, что педагогика, какъ «это признано всѣми въ Европѣ и въ Америкѣ, по самой сущности свѣдѣній, составляющихъ ея содержаніе, и по многостороннимъ практическимъ примѣненіямъ ихъ, есть необходимый предметъ въ организаціи общеобразовательныхъ курсовъ».

Далѣе говорилось, что составляющія содержаніе педагогики знанія «вносятъ въ умъ новый свѣтъ, котораго не даетъ непосредственно ни одна наука въ отдѣльности, который представляетъ возможность видѣть новыя стороны уже знакомыхъ предметовъ, извлекаетъ изъ нихъ жизненный сокъ, открываетъ ихъ духовный смыслъ и указываетъ, какъ руководствоваться имъ для достиженія высшихъ нравственныхъ цѣлей нашего существованія. Она указываетъ, что нужно заботиться о здоровьѣ тѣла не для того, чтобы образовать атлета, но чтобы сдѣлать организмъ крѣпкимъ орудіемъ для удовлетворенія нравственнымъ потребностямъ; что нужно учиться языку не для

того, чтобы блескомъ рѣчи производить впечатлѣніе въ свѣтскомъ обществѣ, или въ аудиторіи, а чтобы черезъ нее убѣдительно внушать людямъ идеи законности, справедливости и святости побужденій; что естествовѣдѣніе имѣетъ цѣлью не то, чтобы указать, какъ добыть краску, составить лекарство, сдѣлать машину, прорыть каналъ и т. д., но чтобы указать человѣку въ каждомъ органическомъ созданіи проявленіе высшихъ божественныхъ законовъ и внушить благоговѣніе къ нимъ; въ исторіи она указываетъ, какъ среди волненія событій, среди хаоса страстей кровавой и ожесточенной борьбы сословій, племенъ и народовъ, Провидѣніе въ душахъ избранниковъ своихъ хранитъ сѣмена святыхъ законовъ человѣколюбія и неподкупной, ничѣмъ несокрушимой справедливости, которыя рано или поздно должны войти въ общее сознаніе и утвердить царство мира и любви. Въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ педагогика указываетъ, что такіе художники, какъ Рафаэль, Микель-Анжело, Леопардо-да-Винчи, Мурильо, Брюловъ, Ивановъ, Моцартъ, Бетховенъ, Гайдинъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Пушкинъ и др., тогда только достигали величія, когда одушевлялись высокими идеями религіи и нравственности.

Такимъ образомъ педагогика идетъ объ руку съ религіей и становится ея служительницей.

Конечно, въ учебномъ курсѣ институтовъ нѣтъ возможности глубоко входить въ разсмотрѣніе педагогическихъ вопросовъ, но уже важно то, что вниманіе юношества будетъ обращено на эти вопросы, что ему будетъ указано великое значеніе ихъ, что мысли его во всѣхъ учебныхъ предметахъ будутъ обращены на духовную, нравственную сторону ихъ и на примѣненіе ихъ въ частной и общественной жизни»[1].

Новые учебные табели и планы были введены въ дѣйствіе съ осени 1875 года[2].

[1] Выс. пов. 5/14 мая 1874 г. Церк. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго 13 мая 1874 г., № 3806. [2] Тамъ же.

VI.

Искусство въ Смольномъ.—Пріемъ воспитанницъ.—Экзамены.—Выпускъ воспитанницъ.

Постановка обученія воспитанницъ искусствамъ при Императрицѣ Маріи Александровнѣ продолжала стоять въ Смольномъ на прежней высотѣ. Объ этомъ очень заботились какъ сама Императрица, такъ и Императоръ Александръ II [1].

Въ числѣ преподавателей музыки въ Смольномъ долгое время состоялъ знаменитый тогда профессоръ А. Г. Лешетицкій [2], ученица его и Рубинштейна Клавдія Петровна Ровнева [3], Афонасьевъ [4], О. Н. Обручева [5] и др.

Кромѣ игры на роялѣ, воспитанницъ обучали теоріи музыки; преподаваніе этого предмета находилось въ рукахъ А. И. Рубца [6]; онъ же обучалъ пѣнію.

Учителями пѣнія въ Воспитательномъ Обществѣ, кромѣ того, состояли: Ломакинъ, Рожновъ, Франческо, Каталани, Корси и г-жа Фабри, при чемъ послѣдніе трое обучали исключительно *итальянскому пѣнію* [7], *и др.*

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 11. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 48. Лешетицкій получалъ за 5 годовыхъ часовъ 900 р. въ годъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1872 г., № 28 (оп. вн.)]. [3] Ровнева. Записки. Ркп. [4] Афонасьевъ получалъ за 10 годовыхъ уроковъ 650 р. въ годъ, прочіе преподаватели музыки—по 400 р. въ годъ за десять годовыхъ часовъ [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1872 г., № 28 (оп. вн.)]. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 58. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 93. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 7; Д. 1866 г., № 38; Д. 1874 г., № 99; Д. 1864 г., № 22, л. 6.

Въ 1864 г. Императрица Марія Александровна, оставшись довольной успѣхами въ пѣніи воспитанницъ Павловскаго института, гдѣ преподавалъ «иностранецъ Вассъ» по методѣ Галенъ-Парп-Шеве, повелѣла «поручить Вассу обученіе пѣнію и теоріи музыки по означенной методѣ въ нѣкоторыхъ другихъ здѣшнихъ институтахъ» [1]. Однако, въ Воспитательномъ Обществѣ эта система не была введена, въ виду того, что, какъ писала М. П. Леонтьева, «для воспитанницъ Общества, которыя имѣютъ четыре урока пѣнія—два церковнаго и два свѣтскаго—въ недѣлю, умноженіе уроковъ пѣнія было бы стѣснительно и даже невозможно по недостатку времени. Результаты преподаваемыхъ уроковъ превосходнымъ учителемъ пѣнія г. Ломакинымъ и отличною учительницею того-же искусства г. Фабри не могутъ не быть признаны вполнѣ удовлетворительными, какъ по исполненію, такъ и въ отношеніи къ знанію теоріи музыки; сей послѣдней способствуютъ и учительницы, преподающія игру на фортепіано почти всѣмъ воспитанницамъ Общества» [2].

Нѣкоторыя воспитанницы брали, за особую плату, частные уроки музыки и пѣнія у особыхъ учителей [3]; число желающихъ брать частные уроки музыки бывало значительнымъ; такъ, напр., въ 1871 г. у частныхъ учителей занималось 135 воспитанницъ [4].

Долгое время въ Воспитательномъ Обществѣ не было помѣщеній, приспособленныхъ для занятій воспитанницъ музыкой. Занятія эти происходили одновременно въ общихъ залахъ, дортуарахъ, классахъ и пр., причемъ естественно воспитанницы мѣшали одна другой. При Императрицѣ Маріи Александровнѣ было признано безусловно необходимымъ, чтобы каждая воспитанница имѣла возможность заниматься отдѣльно, въ особой комнатѣ. Начиная съ 1875 г., въ Воспитательномъ Обществѣ стали съ этою цѣлью устраивать небольшія музыкальныя комнаты (селюли) [5]. Въ томъ же году была возстановлена упраздненная въ 1866 г. должность музыкальной классной дамы, на обязанности которой лежало слѣдить за уроками музыки, музыкальными инструментами и нотами [6].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 7; Д. 1866 г., № 38; Д. 1875 г., № 99; Д. 1864 г., № 22, л. 6. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 22, л. 6. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1866 г., № 13 (оп. кн.); Д. 1871 г., № 11 (оп. кн.); Д. 1875 г., № 2 (оп. кн.), и мн. др. Разрѣшалось на тѣхъ же основаніяхъ брать уроки англійскаго языка (см., напр., тамъ же). [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1871 г., № 28 (оп. кн.). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 85. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 85; Д. 1880 г., № 71, л. 1.

Выдающимся преподавателемъ танцевъ въ Воспитательномъ Обществѣ былъ артистъ Императорскихъ театровъ Гольцъ. Онъ получалъ по 25 р. серебромъ за каждый трехчасовой урокъ и пріѣзжалъ на уроки отъ одного до четырехъ разъ въ мѣсяцъ, всего въ годъ выходило около 30 уроковъ [1].

Когда въ 1879 г. Гольцъ по болѣзни долженъ былъ оставить уроки въ Смольномъ, его замѣнилъ артистъ Императорскихъ театровъ Т. А. Стуколкинъ [2].

Августѣйшая семья Императора Александра II.

Въ соотвѣтствіи съ желаніемъ Императрицы Маріи Александровны особенное вниманіе обращалось на изученіе воспитанницами менуэта и другихъ классическихъ танцевъ.

Завѣдываніе рисованіемъ въ Воспитательномъ Обществѣ точно также находилось въ рукахъ опытныхъ и талантливыхъ людей, какъ, напр., художника І. Б. Венига [3].

Въ постановкѣ занятій рукодѣліями при Императрицѣ Маріи Александровнѣ произошла нѣкоторая перемѣна. Импера-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 66. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1879 г., № 125. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1869 г., № 23.

трица полагала, что главное вниманіе въ этомъ отношеніи должно быть обращено на обученіе воспитанницъ кройкѣ и шитью, знаніе которыхъ можетъ принести имъ впослѣдствіи существенную пользу [1]. Однако, обученіе воспитанницъ изящнымъ рукодѣліямъ шло параллельно съ изученіемъ шитья бѣлья и платьевъ; смолянки отличались попрежнему большимъ искусствомъ въ различныхъ тонкихъ рукодѣліяхъ и выполняли сложныя и большія художественныя работы. По издавна сложившемуся обычаю воспитанницы Общества подносили свои работы Ихъ Величествамъ и другимъ Членамъ Царской Семьи по различнымъ торжественнымъ случаямъ.

Вообще на практическую сторону образованія въ Смольномъ и другихъ институтахъ при Императрицѣ Маріи Александровнѣ обращалось большое вниманіе. Таково было желаніе Императрицы, этотъ же взглядъ раздѣлялъ и Императоръ Александръ II. Между прочимъ, удѣлялось время занятіямъ воспитанницъ на образцовыхъ кухняхъ, практическому изученію ими веденія хозяйства, выкладокъ на счетахъ, шитья бѣлья и одежды [2].

Послѣ реформы К. Д. Ушинскаго, когда трехгодичные классы были замѣнены одногодичными и девятилѣтній курсъ замѣненъ семилѣтнимъ, пріемы въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ стали производиться каждый годъ.

Въ особомъ прибавленіи къ № 262 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1861 годъ было напечатано объявленіе «Объ измѣненіи условій пріема своекоштныхъ пансіонерокъ въ Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, заведеніе, общеизвѣстное подъ названіемъ Дворянской половины Смольнаго монастыря».

«Заведеніе это въ настоящее время преобразовано,—говорилось въ объявленіи. Бывшіе девятилѣтніе учебные курсы, съ производившимися чрезъ каждые три года выпусками до 150 дѣвицъ въ февралѣ и равночисленными пріемами въ августѣ замѣнены курсами семилѣтними, съ ежегодными выпусками въ декабрѣ и пріемами въ январѣ.

[1] Императрица Марія Александровна (Р. Стар. 1881 г., кн. V, стр. 11). [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1855 г., № 84.

Вмѣсто прежнихъ трехъ классовъ—младшаго или кофейнаго, средняго или голубого и высшаго или бѣлаго,—въ которыхъ воспитанницы находились по три года, учреждены семь годовыхъ классовъ, изъ коихъ каждый подраздѣляется на два отдѣленія, заключающихъ въ себѣ по 30 воспитанницъ, что составляетъ—въ 14 отдѣленіяхъ—всего 420 дѣвицъ; изъ нихъ 210 на казенномъ содержаніи и 210 пансіонерокъ.

Прежде, по званію родителей,—допускались къ пріему: на казенное содержаніе—дочери лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника и статскаго совѣтника; а своекоштными пансіонерками,—кромѣ вышесказанныхъ дѣвицъ, имѣющихъ исключительное право поступленія на казенное содержаніе,—дочери потомственныхъ, хотя и независимо отъ чина, но только тѣхъ дворянъ, кои вписаны въ пятую или шестую части дворянской родословной книги.

Нынѣ же—въ отмѣну сего правила, оставленнаго въ своей силѣ лишь для поступающихъ на казенное содержаніе,—разрѣшено принимать своекоштными пансіонерками дочерей всѣхъ потомственныхъ дворянъ, безъ различія въ какую бы часть дворянской родословной книги они записаны ни были; а сверхъ того дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже штабсъ-капитана и штабсъ-ротмистра гвардіи [1], маіора арміи и надворнаго совѣтника».

Въ томъ же объявленіи указывалось, что «замѣщеніе открывающихся казенныхъ вакансій производится по жребію публичныхъ баллотировокъ, возвѣщаемыхъ особыми въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ объявленіями», въ установленные сроки, и что «дѣвицы, поступающія въ седьмой, т. е. младшій классъ заведенія, должны знать главныя молитвы, умѣть читать и писать по-русски и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, французскомъ или нѣмецкомъ, а также писать и выговаривать числа. Дѣвицы, имѣющія бо́льшія противу сего требованія познанія, будутъ—соотвѣтственно онымъ, а также по возрасту своему—опредѣлены прямо въ шестой, пятый или четвертый классъ».

Въ Воспитательное Общество ежегодно должно было приниматься, послѣ преобразованія, по 60 воспитанницъ въ млад-

[1] Также капитана генер. штаба, корпуса топографовъ, полевой артиллеріи, полевыхъ инженеровъ, саперовъ, піонеръ и прочихъ съ сими послѣдними одинакія преимущества имѣющихъ.

ший классъ, изъ нихъ 30 на казенное содержаніе и 30—своекоштными [1].

Изъ числа казенныхъ вакансій двѣ предоставлялись дочеримъ финляндскихъ дворянъ, три оставлялись «для чрезвычайныхъ случаевъ» [2]. При опредѣленіи на казенныя вакансіи, принималось въ соображеніе семейное положеніе представленной кандидатки. Такъ, напр., въ 1867—1868 гг. имѣющія въ живыхъ обоихъ родителей допускались къ баллотировкѣ въ Воспитательное Общество только съ особаго Высочайшаго соизволенія Его Величества [3].

Своекоштныя или, какъ тогда онѣ именовались, пансіонерныя вакансіи заполнялись, главнымъ образомъ, стипендіатками Ихъ Величествъ и членовъ Императорской Фамиліи, воспитанницами, содержавшимися на проценты съ благотворительныхъ капиталовъ, пансіонерками различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; своекоштныхъ воспитанницъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. содержавшихся за счетъ родителей, бывало сравнительно мало. Несмотря на то, что, въ связи съ сокращеніемъ срока пребыванія воспитанницъ въ заведеніи на два года, была понижена плата за своекоштныхъ пансіонерокъ съ 350 р. до 300 р. серебр. въ годъ [4], значительная часть своекоштныхъ вакансій оставалась незамѣщенной. Такъ, напр., къ іюню 1861 г. незамѣщенныхъ своекоштныхъ вакансій въ Воспитательномъ Обществѣ было 116 [5].

Такое явленіе—неполный комплектъ—не могло быть желательнымъ и въ сентябрѣ 1865 г. М. П. Леонтьева представила въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества «мнѣніе, касательно измѣненія числа штатныхъ воспитанницъ и пансіонерокъ сего заведенія».

Въ представленной запискѣ М. П. Леонтьева указывала, что до реформы 1860 г. «двѣ трети общаго числа воспитанницъ было штатныхъ, безплатныхъ, и одна треть пансіонерокъ», что послѣ реформы «число безплатныхъ (казенныхъ) вакансій въ Воспитательномъ Обществѣ уменьшено противъ прежняго на 90 мѣстъ, что, безъ сомнѣнія, составляетъ значительный въ общественномъ смыслѣ ущербъ».

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 78, лл. 3—4, 6, 8. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 78, лл. 11—12. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 60. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 85. Музыкѣ обучали за особую плату (тамъ же). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 76.

Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, М. П. Леонтьева предлагала, «оставляя общій комплектъ воспитанницъ Общества въ настоящемъ его видѣ, то есть 420 дѣвицъ, принимать на будущее время по 40 дѣвицъ на казенный счетъ и по 20 пансіонерокъ ежегодно, что и приведетъ къ прежнему порядку, т. е. двѣ трети безплатныхъ воспитанницъ и одна треть пансіонерокъ» [1].

Совѣтъ Воспитательнаго Общества отнесся весьма сочувственно къ предложенію начальницы. «Имѣя въ виду, что начавшееся съ 1860 г. по случаю введенія годовыхъ учебныхъ курсовъ дѣленіе воспитанницъ Общества на равное число 210 безплатныхъ и 210 пансіонерокъ на самомъ дѣлѣ не осуществилось, ибо въ числѣ пансіонерокъ постоянно былъ недостатокъ отъ 90 до 100 дѣвицъ, и принимая въ соображеніе, что зданіе Воспитательнаго Общества представляетъ весьма удобное помѣщеніе для полнаго комплекта 420 воспитанницъ, соотвѣтственно коему содержится личный составъ воспитательницъ, учительницъ, преподавателей и прочихъ служащихъ лицъ и прислуги, а также опредѣляются суммы по всѣмъ статьямъ, кромѣ пищи и одежды», Совѣтъ ходатайствовалъ предъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ о введеніи новаго порядка [2].

2 іюля 1866 г. Императоръ Александръ II утвердилъ журналъ Главнаго Совѣта объ увеличеніи комплекта казенныхъ воспитанницъ Общества на 70 человѣкъ [3].

По издавна сложившемуся обычаю, дѣти служащихъ и преподавателей Воспитательнаго Общества допускались къ посѣщенію классовъ въ качествѣ экстернъ. Обычно дочери служащихъ обучались безплатно и зачислялись сверхъ комплекта [4].

Въ связи съ произведенной реформой трехгодичныхъ классовъ въ годовые, въ 1861 г., по желанію Императрицы, въ Воспитательномъ Обществѣ были отмѣнены публичные экзамены [5].

Императрица Александра Ѳеодоровна еще въ 1859 г. высказала одной изъ инспектрисъ Смольнаго опасеніе, что съ введеніемъ годовыхъ классовъ выпуски и особенно подготовка къ нимъ будутъ очень утомительны.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 60. [2] Тамъ же. [3] Тамъ же. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 78, лл. 11—12; Д. 1860 г., № 63, лл. 34—35; и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 102, л. 4.

Дѣйствительно, при новомъ порядкѣ было крайне трудно подготовить воспитанницъ къ публичному экзамену. Въ прежнее время, при трехгодичныхъ классахъ, прохожденіе учебнаго курса обычно заканчивалось къ третьему году пребыванія воспитанницъ въ старшемъ классѣ, послѣдній годъ шелъ, главнымъ образомъ, на повтореніе, на подготовку къ публичнымъ экзаменамъ по научнымъ предметамъ, а также на разучиваніе музыкальныхъ пьесъ, вокальныхъ номеровъ и танцевъ.

Съ введеніемъ одногодичныхъ классовъ, когда для каждаго класса была установлена особая опредѣленная программа по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, при чемъ учебныя программы въ старшемъ классѣ стали особенно серьезными и совсѣмъ не представляли изъ себя повторенія пройденнаго ранѣе, а, наоборотъ, являлись завершеніемъ всего семигодичнаго учебнаго курса,—у воспитанницъ не могло оставаться времени на подготовку къ публичнымъ экзаменамъ, которые носили, главнымъ образомъ, показной характеръ.

Къ тому же причины, дѣлавшія публичные экзамены во времена Императрицъ Екатерины II, Маріи Ѳеодоровны и даже Александры Ѳеодоровны желательными, а первоначально отчасти, быть можетъ, и необходимыми, потеряли ко времени Императрицы Маріи Александровны значеніе. За сто лѣтъ своего существованія и дѣятельности Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ заслужило почетную извѣстность и уваженіе, не требовалось дальнѣйшихъ публичныхъ доказательствъ достоинства воспитанія и образованія, даваемыхъ воспитанницамъ Смольнаго, тѣмъ болѣе, что русское общество къ этому времени настолько выросло, что не могло уже основывать своего сужденія о женскихъ институтахъ на столь случайномъ и непрочномъ основаніи, какимъ являлись впечатлѣнія публичныхъ экзаменовъ. Взамѣнъ отмѣненныхъ теперь публичныхъ экзаменовъ особое вниманіе было обращено на обычные переводные и выпускные экзамены.

Экзамены производились въ каждомъ классѣ передъ переходомъ въ слѣдующій классъ. На первыхъ порахъ послѣ введенія реформы К. Д. Ушинскаго возникали большія затрудненія при распредѣленіи воспитанницъ послѣ экзаменовъ по классамъ, *переводѣ ихъ изъ одного класса въ другой, оставленіи на второй* годъ и т. п. Съ годами новый порядокъ установился прочно

и опредѣленно. Правильному распредѣленію воспитанницъ по классамъ много способствовала возможность оставленія той или другой воспитанницы въ томъ же классѣ, на повторительный курсъ. Помимо возможности, какую получала воспитанница, оставленная на второй годъ, основательнѣе и успѣшнѣе пройти оказавшійся для нея труднымъ курсъ того или другого класса, эта мѣра дѣйствовала на самолюбіе воспитанницъ: оставленныя старались зарекомендовать себя лучшими успѣхами, болѣе слабыя по успѣхамъ, особенно тѣ, которымъ грозило оставленіе на второй годъ изъ за лѣни, стремились возмѣстить передъ экзаменами потерянное время, чтобы не отстать отъ подругъ.

Въ первые годы послѣ реформы К. Д. Ушинскаго число оставляемыхъ на второй годъ было большимъ, но и потомъ оно бывало довольно значительнымъ. Такъ, напр., въ 1878 г. было оставлено въ разныхъ классахъ Общества 35 воспитанницъ [1].

Въ 1866 г. Императоръ Александръ II Высочайше утвердилъ «Правила для награжденія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи при выпускахъ и переводахъ изъ класса въ классъ».

Согласно этимъ правиламъ, награды должны были назначаться въ зависимости отъ балловъ за поведеніе и успѣхи въ наукахъ. Высшимъ балломъ было опредѣлено 12. «Результатъ успѣховъ каждой дѣвицы,—говорилось въ правилахъ,—долженъ быть извлекаемъ изъ сложности всѣхъ полученныхъ по каждому предмету балловъ, какъ во время учебнаго курса, такъ и на экзаменахъ». Для награжденія воспитанницы при переходѣ изъ класса въ классъ принимались въ расчетъ баллы за учебный годъ и на экзаменахъ. Наиболѣе отличившіяся въ теченіе года и на экзаменахъ воспитанницы, «имѣющія 12 балловъ въ поведеніи и получившія, въ общемъ выводѣ, не менѣе 11 балловъ по успѣхамъ въ наукахъ, награждаются книгами съ надлежащею надписью».

При выпускѣ награды распредѣляются въ зависимости отъ суммы балловъ по научнымъ предметамъ за послѣдніе два года. Для полученія шифра требовалось, при полномъ баллѣ за поведеніе, не менѣе $11^1/_2$ въ среднемъ выводѣ, для полученія золотой медали—не менѣе 11, серебряной медали не менѣе $10^1/_2$, книги—не менѣе 10 балловъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1879 г., № 101.

Число наградъ при выпускѣ опредѣлялось въ зависимости отъ числа воспитанницъ выпускного класса; на каждыя 15 воспитанницъ полагалось по одному шифру и по одной золотой медали, на каждыя десять воспитанницъ—по одной серебряной медали. Остальныя воспитанницы, отличавшіяся успѣхами, награждались книгами съ надписями; книгами могла быть награждена одна треть общаго числа выпускныхъ воспитанницъ.

Вопросъ о присужденіи наградъ, какъ выпускнымъ, такъ и переходящимъ изъ класса въ классъ воспитанницамъ, долженъ былъ обсуждаться особой конференціей, «состоящей, подъ предсѣдательствомъ члена мѣстнаго Совѣта по учебной части, изъ инспектора классовъ, инспектрисъ и тѣхъ классныхъ дамъ и преподавателей, кои участвовали въ воспитаніи дѣвицъ или преподаваніи имъ наукъ». Мнѣніе конференціи представлялось въ мѣстный Совѣтъ, а затѣмъ Главноуправляющему IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для доклада Императрицѣ.

Книги для наградъ выбирались тщательно, преимущественно изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныхъ сочиненій по исторіи, исторіи литературы, по искусствамъ и т. д. Въ 1857 г. при выпускѣ воспитанницамъ были выданы, напр., Сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Исторія Государства Россійскаго Карамзина, Басни Крылова, Путешествія Норова, Schiller's Werke, L'Italie pittoresque и т. д. [1].

Иногда Императрица присылала въ Смольный книги для раздачи воспитанницамъ старшихъ классовъ и не въ видѣ награжденій при переходѣ изъ класса въ классъ. Такъ, напр., въ 1857 г. Императрица Марія Александровна пожаловала съ этой цѣлью семьдесятъ экземпляровъ «перевода на русскій языкъ» сочиненія Г-жи Бюхнеръ «О призваніи женщины и ея воспитаніи» [2]. Случалось, что и другіе Члены Царской Семьи жаловали выпускнымъ смолянкамъ книги «на память» [3].

Получавшія шифръ имѣли право на пенсію изъ процентовъ съ особаго капитала, пожалованнаго Воспитательному Обществу Императрицей Екатериной II. Осуществить это право было однако нелегко, такъ какъ пенсіи могли назначаться лишь по мѣрѣ освобожденія суммъ за смертью или продолжительной неяв-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 80. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 1 (оп. кн.), № 29. [3] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Лесютьевой.

кою кого либо изъ получавшихъ пенсію за шифръ. Иногда пенсія за шифръ назначалась въ очень маломъ размѣрѣ. Такъ, напр., въ 1866 г. одной изъ окончившихъ съ шифромъ пенсія была опредѣлена всего въ 40 рублей въ годъ [1]. Нѣкоторымъ изъ оканчивающихъ воспитанницъ [2] выдавались при выпускѣ и единовременныя денежныя пособія.

Къ выпуску воспитанницы готовили изящныя работы своего рукодѣлія для поднесенія Высочайшимъ Особамъ и нѣкоторымъ высшимъ должностнымъ лицамъ [3].

Если Императрица Марія Александровна бывала во время выпуска въ Петербургѣ, обычно она пріѣзжала въ Смольный и сама раздавала выпускнымъ воспитанницамъ награды [4]. Если Государыня была въ отъѣздѣ, или по какимъ либо причинамъ не могла сама произвести раздачу наградъ, она поручала это сдѣлать кому нибудь изъ Великихъ Княгинь [5].

Покидая Смольный, выпускныя воспитанницы письменно выражали Ихъ Величествамъ свою благодарность и чувства.

«Августѣйшая Монархиня!—писали, напр., Ея Величеству воспитанницы выпуска 1866 г.,—оставляя нашъ мирный, священный кровъ, гдѣ мы росли, охраняемыя Твоей материнской заботливостью и попеченіемъ, гдѣ на насъ такъ просто изливались милости нашего Августѣйшаго Монарха и Отца, мы прибѣгаемъ къ Тебѣ, какъ дѣти къ матери, и благодаримъ Тебя за вновь оказанную намъ милость и любовь. Сегодня мы имѣли счастье получить Твое благословеніе, переданное намъ Самимъ Августѣйшимъ Монархомъ. Мы вѣруемъ, что оно будетъ нашимъ всегдашнимъ покровомъ и защитой. Мы сохранимъ свято этотъ безцѣнный залогъ Твоего Монаршаго къ намъ благоволенія. Гдѣ бы ни были мы и какая бы участь ни ожидала насъ, ничто не измѣнитъ святого чувства нашей безпредѣльной къ Тебѣ любви и преданности. Благоволи, Всемилостивѣйшая Государыня, принять отъ насъ этотъ искренній порывъ благодарныхъ сердецъ. Прости этотъ несвязный, но глубоко прочувствованный лепетъ нашей души. Мы не въ силахъ выра-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1866 г., № 61; ср. Д. 1865 г., № 58. [2] См., напр., Муз. Имп. Воспит. Общ. [3] Какія именно работы и кому подносили различные выпуски—см. Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. [4] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. Статсъ-Дама М. П. Леонтьева, 36. Мордвинова, 208—209. [5] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой.

зить чувство благодарности, которымъ переполнено сердце наше. Позволь надѣяться, что Ты не отринешь нашей мольбы и примешь повергаемыя къ стопамъ Твоимъ наши вѣрноподданническія чувства. Воспитанницы I-го класса Общества благородныхъ дѣвицъ» [1].

«Всемилостивѣйшій Монархъ!—писалъ тотъ же выпускъ Государю.—Нынѣшній незабвенный день не повторится для насъ; мы знаемъ это, знаемъ и то, что, оставляя нашъ институтъ, мы лишаемся навсегда счастья видѣть Вашу Августѣйшую Особу между нами; но мы знаемъ тоже, что одно воспоминаніе объ этихъ счастливыхъ минутахъ будетъ нашимъ вѣрнымъ оберегателемъ отъ всего, что могло бы когда нибудь заставить насъ забыть нашъ долгъ; мы будемъ стараться сдѣлаться хотя нѣсколько достойными Вашихъ милостей. Мы плачемъ о прошедшемъ, но мы счастливы, унося съ собой неизмѣнное чувство драгоцѣннаго залога Вашего отеческаго покровительства; какъ дѣти, беззаботныя и спокойныя подъ защитой своего отца, мы хотѣли бы всегда оставаться подъ Вашимъ непосредственнымъ охраненіемъ, и, какъ дѣти своего отца, мы просимъ Васъ—не взыщите съ насъ за эти нескладныя рѣчи. Господь видитъ наши души, въ нихъ нѣтъ другого чувства, кромѣ любви, глубокой благодарности и сердечной привязанности къ Вамъ и Августѣйшей Царицѣ нашей за все то, чѣмъ мы пользовались въ монастырѣ, во время нашего воспитанія подъ Ея покровомъ.

Благоволите принять это слабое выраженіе нашей преданности и покорности къ Августѣйшей Особѣ Вашей.

Вашего Императорскаго Величества покорныя и преданныя вѣрноподданныя воспитанницы перваго класса Общества Благородныхъ Дѣвицъ» [1].

[1] Муз. Имп. Восп. Общ.

VII.

Вопросъ объ отпускѣ воспитанницъ на каникулы.—Характеръ воспитанія въ Смольномъ.—Отношенія Смолянокъ къ Царской Семьѣ.

При Императрицѣ Маріи Александровнѣ общій характеръ и складъ воспитанія въ Смольномъ значительно измѣнились.

Императрица Марія Александровна, убѣжденная послѣдовательница новыхъ педагогическихъ идей середины XIX вѣка, сочувственно отнеслась къ мнѣнію К. Д. Ушинскаго о нежелательности отстраненія семьи отъ участія въ дѣлѣ воспитанія. Императрица пожелала провести въ жизнь эту идею, открыть замкнутые до того времени женскіе институты вліянію родной семьи. Первымъ шагомъ на этомъ пути было введеніе отпусковъ воспитанницъ къ роднымъ на время каникулъ.

Признавая исключительное значеніе такого нововведенія, которое должно было коренным образомъ измѣнить общее направленіе воспитанія въ женскихъ институтахъ, Императрица при осуществленіи этой мѣры проявила особую осторожность и предусмотрительность.

Вопросъ объ отпускахъ еще въ 1860 г. обсуждался въ Главномъ Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ было

предложено начальницамъ институтовъ высказать свое мнѣніе о предполагаемыхъ отпускахъ. По этому поводу М. П. Леонтьева писала 23 января 1861 г. Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

«Обдумывая со всѣхъ сторонъ этотъ предметъ и принимая въ соображеніе всѣ главныя начала, на которыхъ положено основаніе закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, а также имѣя въ виду долгимъ временемъ введенный порядокъ воспитанія дѣвицъ въ сихъ заведеніяхъ, я рѣшительно останавливаюсь на томъ убѣжденіи, что домашніе отпуски воспитанницъ могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно требуетъ этого здоровье дѣвицы, которой представляется возможность провести свободное отъ учебныхъ занятій время внѣ столицы на деревенскомъ воздухѣ; и что таковые отпуски тѣмъ болѣе должны быть соразмѣряемы съ дѣйствительною необходимостью для воспитанницы Общества и училища, такъ какъ заведенія сіи по мѣстоположенію своему у берега Невы и въ кругу садовъ имѣютъ большое предъ прочими внутри города заведеніями преимущество» [1].

Изъ двадцати семи начальницъ, представлявшихъ свои мнѣнія по вопросу о временныхъ отпускахъ воспитанницъ, только три, въ томъ числѣ М. П. Леонтьева и начальница С.-Петербургскаго училища Ордена Св. Екатерины Е. В. Родзянко [2], высказались противъ отпусковъ. Остальныя начальницы выразили пожеланія о введеніи отпусковъ, основывая свое мнѣніе на томъ, что вліяніе родной семьи и знакомство съ средой и обстановкой, въ какихъ воспитанницамъ впослѣдствіи придется жить, будетъ для нихъ весьма полезно; кромѣ того, связь дѣтей съ семьей будетъ развивать въ нихъ сердечную привязанность къ близкимъ, благотворно дѣйствовать на ихъ чувства; указывалось и на то обстоятельство, что отпуски будутъ полезны и для укрѣпленія здоровья воспитанницъ [3].

По желанію Императрицы, Главный Совѣтъ разсмотрѣлъ представленныя мнѣнія начальницъ и къ маю 1861 г. имъ были составлены основныя правила о временныхъ отпускахъ воспитанницъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 1. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 81, л. 1. [3] Семевскій, 326—327; ср. Письма восп. Казначиковой (Муз. Имп. Восп. Общ.).

21 мая 1862 г. Принцъ П. Г. Ольденбургскій «конфиденціально» сообщилъ Совѣту Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища, что Ихъ Величества Высочайше повелѣть соизволили:

«1. Отпуски изъ закрытыхъ заведеній дозволять всѣмъ воспитанницамъ только на лѣтнія каникулы, за исключеніемъ тѣхъ дѣвицъ, которыя оканчиваютъ курсъ ученія. Эти послѣднія дѣвицы остальной одинъ годъ пребыванія своего въ заведеніи должны безвыходно тамъ находиться и пополнять въ вакаціонное и праздничное время научное свое образованіе чтеніемъ русскихъ и иностранныхъ писателей, подъ руководствомъ начальства; изъятіе въ этомъ отношеніи можетъ быть допущено только для слабыхъ здоровьемъ дѣвицъ, по удостовѣренію о о томъ институтскаго врача.

2. Увольнять дѣвицъ въ дома: родителей, семейныхъ родныхъ братьевъ и сестеръ, а сиротъ и въ семейства опекуновъ; въ семейства же другихъ родныхъ или постороннихъ лицъ только воспитанницъ младшаго возраста, по усмотрѣнію начальницы и съ письменнаго согласія ближайшихъ родныхъ и опекуновъ, имѣющихъ на то право.

3. Обязывать родителей, родственниковъ и опекуновъ: имѣть для дѣвицъ во время отпуска свою одежду и бѣлье; являться за дѣтьми самимъ; въ случаѣ же невозможности, прислать кого либо изъ родственниковъ или другихъ благонадежныхъ лицъ и снабжать послѣднихъ письменною довѣренностью, для предъявленія начальницѣ; взятыхъ дѣвицъ въ отпускъ не выводить далѣе родственнаго круга, въ особенности же не брать на публичныя гулянья и танцовальные вечера съ платою за входъ; возвращать дѣвицъ въ заведеніе лично или съ довѣренными, извѣстными начальству лицами, и притомъ въ опредѣленный для того срокъ, а если бы встрѣтились какія либо къ тому препятствія, то тотчасъ увѣдомлять о томъ начальницу.

4. Къ лицамъ, не выполняющимъ этихъ условій, воспитанницъ впредь не отпускать.

5. Если бы достовѣрно было обнаружено, что воспитанница въ продолженіи отпуска измѣнилась къ худшему въ нравственномъ отношеніи и если бы, сверхъ того, она стала производить на своихъ сверстницъ вредное вліяніе, то таковую воспитанницу, смотря по обстоятельствамъ, или лишать впредь права на

отпускъ, или вовсе удалять изъ заведенія; ибо лица, бравшія въ отпускъ дѣвицу, по справедливости должны отвѣтствовать за нравственную ея порчу.

6. Условія, заключающіяся впредь другихъ: 3, 4 и 5 пунктахъ, объявлять, съ подпискою въ выполненіи оныхъ, всѣмъ лицамъ, берущимъ дѣтей въ отпускъ.

7. Отпуски считать мѣрою поощренія, или наградою для дѣвицъ за успѣхъ въ наукахъ и хорошее поведеніе.

8. Всю отвѣтственность за послѣдствія отпусковъ возложить на начальницъ заведеній, отъ которыхъ будетъ зависѣть согласиться на увольненіе дѣвицы или отказать ей въ отпускѣ; причемъ начальницамъ предоставляется, въ сомнительныхъ случаяхъ, совѣтываться съ прочими членами мѣстныхъ совѣтовъ.

9. Мѣру сію разрѣшить лишь въ видѣ опыта, на два года, съ тѣмъ, чтобы начальницы сообщали ежегодно Главноуправляющему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи свои о послѣдствіяхъ ея замѣчанія, кои и должны быть приняты въ вниманіе при окончательныхъ по оной соображеніяхъ.

10. О настоящемъ дозволеніи отпусковъ, впредь до времени, нигдѣ оффиціально не публиковать ни отъ Главнаго Управленія Вѣдомствомъ Императрицы Маріи, ни отъ мѣстныхъ Совѣтовъ, дабы чрезъ то не вызывать родителей брать дѣтей къ себѣ изъ заведеній» [1].

Въ первый годъ введенія лѣтнихъ отпусковъ изъ Воспитательнаго Общества было отпущено на каникулы 80 воспитанницъ, при чемъ опредѣленнаго времени для отпуска не было установлено. Воспитанницы увольнялись съ конца мая, въ продолженіе всего іюня и даже іюля; послѣдняя была отпущена 24 іюля. Продолжительность отпуска была тоже неопредѣленной; въ большинствѣ случаевъ воспитанницы были въ отпуску около двухъ мѣсяцевъ. Возвращеніе изъ отпусковъ точно также не было пріурочено къ опредѣленному дню; такъ, къ 10 сентября еще не всѣ отпущенныя были налицо, несмотря на то, что занятія начались въ обычное время, въ серединѣ августа [2].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, лл. 2—4. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. № 2411, св. 318. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 14, ср. л. 6.

Во исполненіе правилъ 1862 г., М. П. Леонтьева, черезъ годъ по введеніи отпусковъ, представила Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому свое мнѣніе и мнѣнія инспектрисъ о результатахъ перваго опытнаго года [1], а въ февралѣ 1864 г.—о результатахъ второго опытнаго года. Результаты обоихъ годовъ оказались благопріятными. Такъ, въ февралѣ 1864 г. М. П. Леонтьева писала Принцу:

«Нынѣ, по прошествіи второго (1863) опытнаго года, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высочества, что я по сему предмету подробныя собирала свѣдѣнія за 1863 годъ отъ всѣхъ инспектрисъ, а чрезъ посредство сихъ послѣднихъ и отъ всѣхъ классныхъ дамъ [2] ввѣренныхъ мнѣ заведеній. Общій выводъ изъ полученныхъ замѣчаній рѣшительно сосредоточивается въ томъ убѣжденіи, что домашніе отпуски для воспитанницъ не только не вредны, но и благотворны. Какъ никогда не бываетъ никакого правила безъ исключенія, такъ и въ настоящемъ случаѣ; но эти весьма рѣдкія исключенія въ виду общей пользы никакого не имѣютъ значенія» [3].

Мнѣнія начальницъ другихъ институтовъ, въ весьма значительномъ большинствѣ, были такого же характера [4]. Въ виду этого, Главный Совѣтъ постановилъ представить на Высочайшее утвержденіе уже въ видѣ постоянныхъ временныя правила 1862 г. объ отпускахъ, сдѣлавъ въ нихъ предварительно нѣкоторыя вызванныя опытомъ дополненія и измѣненія [5].

17 мая 1864 г. Государь Высочайше утвердилъ правила объ отпускахъ воспитанницъ изъ институтовъ [6]. Правила эти были тотчасъ опубликованы и введены въ дѣйствіе [7].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 18, ср. л. 33. [2] Инспектриса М. Л. Обручева доносила М. П. Леонтьевой 25 января 1864 г.: «Основываясь на отзывахъ классныхъ дамъ и по моему собственному наблюденію за тѣми воспитанницами, числомъ 48, которыя были уволены въ прошедшемъ году въ домашній отпускъ на каникулы, я нахожу, что пребываніе ихъ въ родительскомъ домѣ принесло имъ пользу во всѣхъ отношеніяхъ и имѣло благотворное дѣйствіе не только на ихъ здоровье, но и на ихъ нравственность и умственное развитіе. Мы замѣтили съ большимъ удовольствіемъ, что очень многія стали, по возвращеніи своемъ, внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ и благоразумнѣе въ своихъ поступкахъ» (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 29). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 33. [4] Селезневъ, 338. [5] Было, между прочимъ, запрещено родителямъ и другимъ лицамъ, бравшимъ дѣвицъ на каникулы, передавать ихъ не только своимъ знакомымъ, но даже родственникамъ; предоставлено начальницамъ право сокращать той или другой воспитанницѣ время отпуска «по извѣстнымъ начальницѣ причинамъ» и т. п. (Селезневъ, 239). [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 34; Д. 1870 г., № 57. [7] Журн. Главн. Сов. 9 мая 1864 г.

Первые годы по введеніи отпусковъ на лѣтнія каникулы общаго отпуска всѣхъ воспитанницъ не было. Отпускались лишь тѣ воспитанницы, родители, родственники или опекуны которыхъ подавали о томъ прошенія [1].

Въ 1870 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе дополнительныхъ правилъ объ отпускахъ воспитанницъ. Согласно этимъ правиламъ, было положено:

«1) Увольнять воспитанницъ, за исключеніемъ старшаго класса, въ дома родителей, родственниковъ и опекуновъ, живущихъ въ томъ же городѣ, гдѣ находится институтъ, или въ ближайшихъ къ нему окрестностяхъ, на праздники св. Пасхи и Рождества, срокомъ отъ одного до трехъ дней, по усмотрѣнію начальницъ; 2) отпуски дозволять, въ видѣ награды, лишь для тѣхъ воспитанницъ, которыя, по среднему выводу за послѣдніе шесть мѣсяцевъ, имѣли высшіе баллы въ поведеніи и, по крайней мѣрѣ, хорошіе за успѣхи въ наукахъ; 3) отпуски на св. Пасху разрѣшать не ранѣе, какъ съ перваго дня праздника, по окончаніи литургіи въ институтской церкви, а на Рождество не ранѣе, какъ въ сочельникъ праздника, послѣ богослуженія, и ограничивать оные, въ предѣлахъ вышеустановленнаго трехдневнаго срока, въ первомъ случаѣ недѣлею Пасхи, а въ послѣднемъ временемъ съ 24 декабря по 2 января; и 4) во всемъ прочемъ, при увольненіи воспитанницъ въ отпуски на упомянутые праздники, руководствоваться Высочайше утвержденными 17 мая 1864 г. правилами для отпусковъ на лѣтнія каникулы» [2].

На первыхъ порахъ послѣ введенія отпусковъ, какъ на лѣтнія каникулы, такъ и на праздники, приходилось встрѣчаться съ значительными затрудненіями. Было, напр., очень много недоразумѣній изъ за невозвращенія къ сроку въ институтъ воспитанницъ родителями и другими лицами, бравшими ихъ въ отпускъ [3]. Приходилось даже прибѣгать въ этомъ отношеніи къ строгимъ мѣрамъ. Такъ, напр., въ сентябрѣ 1876 г. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій объявилъ Совѣту Воспитательнаго Общества, что Государыня «Высочайше изволила повелѣть: тѣхъ дѣвицъ, которыя въ нынѣшнемъ году изъ кани-

[1] Была заведена особая книга для записи отпусковъ воспитанницъ; эти записи велись съ 1865 г. по 1870 г. [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 7 (оп. кн.); ср. Д. 1865 г., № 2; Д. 1867 г., № 3; и др.]. [2] Селивановъ, 487; ср. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 7 (оп. кн.). [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 5, л. 14.

кулярнаго отпуска въ срокъ не явились, не объяснивъ своевременно начальству заведенія о причинѣ просрочки, въ будущемъ декабрѣ на праздники Рождества Христова или вовсе не отпускать, или увольнять съ ограниченіями, смотря по степени ихъ вины» [1].

Но и эти мѣры мало помогали, и начальницѣ Воспитательнаго Общества приходилось объявлять для свѣдѣнія родителей, родственниковъ и опекуновъ воспитанницъ:

«Не взирая на выставленныя объявленія о послѣдовавшихъ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы повелѣніяхъ, чтобы воспитанницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, увольняемыя на трехдневные праздники Рождества Христова, являлись изъ отпуска въ срокъ, нѣкоторыя воспитанницы опоздали своимъ возвращеніемъ, а потому Г-жа Начальница объявляетъ, что такія воспитанницы, къ сожалѣнію, на праздники Св. Пасхи уволены быть не могутъ» [2].

Нѣкоторая перемѣна строя институтскаго воспитанія не нарушила однако его важнѣйшихъ основъ и принциповъ. Попрежнему въ Смольномъ на первомъ мѣстѣ стояли заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи, о развитіи въ дѣтяхъ любви и преданности къ Престолу и отечеству, о подготовкѣ дѣвицъ къ дальнѣйшей дѣятельности, въ качествѣ женъ, матерей и воспитательницъ. Не послѣднее мѣсто занимали заботы и о внѣшнемъ воспитаніи.

Согласно волѣ и указаніямъ Императрицы Маріи Александровны, воспитаніе въ Смольномъ получило вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе практическій характеръ. Государыня не разъ обращала вниманіе лицъ, стоявшихъ во главѣ воспитательнаго дѣла, что необходимо въ институтѣ знакомить воспитанницъ съ условіями, въ какихъ имъ придется впослѣдствіи жить и работать, развивать въ нихъ здоровый, правильный взглядъ на жизнь, который предохранялъ бы ихъ отъ горькихъ разочарованій и не позволялъ создавать несбыточныхъ иллюзій и мечтаній.

[1] Тамъ же, л. 44. [2] Тамъ же, л. 57.

Религіозность смолянокъ развивалась съ первыхъ же лѣтъ пребыванія въ институтѣ. Вѣрная своимъ принципамъ, М. П. Леонтьева прилагала *особыя заботы о развитіи религіознаго* чувства дѣтей, полагая, что въ вѣрѣ человѣкъ долженъ искать и находить опору и утѣшеніе. Постоянныя посѣщенія институтскаго храма, торжественность богослуженія въ немъ, личное участіе въ церковной службѣ воспитанницъ старшихъ классовъ оставляли неизгладимыя впечатлѣнія на всю жизнь.

Сама прекрасно знавшая церковныя службы, М. П. Леонтьева очень заботилась, чтобы и воспитанницы знали ихъ возможно лучше и относились вполнѣ сознательно ко всему, что совершается въ храмѣ. М. П. Леонтьева часто бесѣдовала съ воспитанницами послѣ богослуженій, заставляла переводить на русскій или французскій языкъ слова молитвъ и объяснять ихъ смыслъ, указывала, какъ надо молиться.

При законоучителѣ о. Василіи Гречулевичѣ, человѣкѣ религіозномъ иногда даже до фанатизма, религіозность воспитанницъ старшихъ классовъ доходила до того, что онѣ вставали ночью читать акаѳисты. О. Гречулевичъ исповѣдывалъ иногда по часу, со всей строгостью; онъ внушалъ воспитанницамъ, что Великій Праздникъ Пасхи христіане должны встрѣчать съ чистой душой, свободной отъ грѣха, и говорилъ, чтобы тѣ, кого мучитъ совѣсть, приходили снова исповѣдываться. Своими проповѣдями въ церкви и особенно бесѣдами внѣ ея онъ такъ сильно вліялъ на воспитанницъ, что нѣкоторыя, въ теченіе поста, по три-четыре раза приходили къ нему исповѣдываться.

О развитіи патріотическихъ чувствъ воспитанницъ не приходилось много заботиться. Эти чувства развивались и росли съ годами сами собой, благодаря милостивому вниманію и участію, какихъ удостаивали Ихъ Величества и вся Царская Семья воспитанницъ Смольнаго.

Смолянки близко знали всѣхъ членовъ Царской Семьи, съ первыхъ дней пребыванія въ институтѣ начинали любить ихъ; все, что касалось Царской Семьи, было близко и дорого каждой воспитанницѣ. Съ годами эти чувства росли и крѣпли.

Долголѣтнимъ опытомъ М. П. Леонтьева убѣдилась, что патріотическія чувства и настроенія *дѣтей глубже и прочнѣе* всего укрѣпляются подъ живымъ впечатлѣніемъ. Каждое посѣ-

щеніе Ихъ Величествъ, каждая ласка, малѣйшее вниманіе, каждое слово Государя и Государыни наполняли восторгомъ и благодарнымъ умиленіемъ юныя сердца, запоминались на всю жизнь.

М. П. Леонтьева не стѣсняла воспитанницъ выражать свои чувства Ихъ Величествамъ. Дѣтская наивность многихъ писемъ смолянокъ даже старшаго класса къ Государю и Государынѣ объясняется тѣмъ, что воспитанницы писали эти письма самостоятельно; въ сохранившихся черновикахъ этихъ писемъ рѣдко встрѣчаются поправки, да и тѣ, большею частью, стилистическія [1].

Съ особенной силой и яркостью эти чувства проявлялись въ моменты, когда горе или несчастье поражало Царскую Семью. Смоляпки переживали ихъ, какъ свои личныя несчастья и горести.

Передъ отъѣздомъ въ Ниццу къ больному Наслѣднику Цесаревичу, Государь пріѣхалъ въ Смольный проститься съ воспитанницами. Его Величество сообщилъ воспитанницамъ, что получены тревожныя вѣсти о состояніи здоровья Августѣйшаго больного, и просилъ дѣтей молиться за Цесаревича чтобы Господь возстановилъ его силы и вернулъ здоровье.

Смоляпки усердно молились [2]. Тягостное настроеніе царило въ Смольномъ весной 1865 г. 12 апрѣля пришло извѣстіе о кончинѣ Цесаревича. Горе стало общимъ.

Въ письмѣ Государю воспитанницы перваго класса писали:

«Ваше Императорское Величество!

Осмѣливаемся повергнуть къ стопамъ Вашимъ эти строки, какъ выраженіе нашей глубокой преданности и благодарности за тѣ посѣщенія, которыми Ваше Императорское Величество удостаивали насъ въ минувшую зиму. Память о нихъ запечатлѣлась у насъ навсегда въ сердцѣ, въ особенности, когда, получивъ горестное извѣстіе изъ Ниццы, Ваше Императорское Величество вспомнили о многочисленныхъ дѣтяхъ, воспитывающихся подъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, удостоили раздѣлить съ ними скорбь свою и осчастливить ихъ своимъ прощальнымъ посѣщеніемъ.

[1] См. Муз. Имп. Восп. Общ. [2] 10 апрѣля воспитанницы старшаго класса Воспитательнаго Общества ѣздили двомъ въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ служили молебенъ о благополучномъ путешествіи Государя и выздоровленіи Наслѣдника Цесаревича (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 79).

щеніе Ихъ Величествъ, каждая ласка, малѣйшее вниманіе, каждое слово Государя и Государыни наполнили восторгомъ и благодарнымъ умиленіемъ юныя сердца, запомнившись на всю жизнь.

М. П. Леонтьева не стѣсняла воспитанницъ выражать свои чувства Ихъ Величествамъ. Дѣтская наивность многихъ писемъ смолянокъ даже старшаго класса къ Государю и Государынѣ объясняется тѣмъ, что воспитанницы писали эти письма самостоятельно; въ сохранившихся черновикахъ этихъ писемъ рѣдко встрѣчаются поправки, да и тѣ, большею частью, стилистическія [1].

Съ особенной силой и яркостью эти чувства проявлялись въ моменты, когда горе или несчастье поражало Царскую Семью. Смоляпки переживали ихъ, какъ свои личныя несчастья и горести.

Передъ отъѣздомъ въ Ниццу къ больному Наслѣднику Цесаревичу, Государь пріѣхалъ въ Смольный проститься съ воспитанницами. Его Величество сообщилъ воспитанницамъ, что получены тревожныя вѣсти о состояніи здоровья Августѣйшаго больного, и просилъ дѣтей молиться за Цесаревича чтобы Господь возстановилъ его силы и вернулъ здоровье.

Смоляпки усердно молились [2]. Тягостное настроеніе царило въ Смольномъ весной 1865 г. 12 апрѣля пришло извѣстіе о кончинѣ Цесаревича. Горе стало общимъ.

Въ письмѣ Государю воспитанницы перваго класса писали:

«Ваше Императорское Величество!

Осмѣливаемся повергнуть къ стопамъ Вашимъ эти строки, какъ выраженіе нашей глубокой преданности и благодарности за тѣ посѣщенія, которыми Ваше Императорское Величество удостаивали насъ въ минувшую зиму. Память о нихъ запечатлѣлась у насъ навсегда въ сердцѣ, въ особенности, когда, получивъ горестное извѣстіе изъ Ниццы, Ваше Императорское Величество вспомнили о многочисленныхъ дѣтяхъ, воспитывающихся подъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, удостоили раздѣлить съ ними скорбь свою и осчастливить ихъ своимъ прощальнымъ посѣщеніемъ.

[1] См. Муз. Имп. Восп. Общ. [2] 10 апрѣля воспитанницы старшаго класса Воспитательнаго Общества ѣздили двомъ въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ служили молебенъ о благополучномъ путешествіи Государя и выздоровленіи Наслѣдника Цесаревича (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 79).

Переживаемыя впечатлѣнія глубоко западали въ юныя души. Черезъ годъ послѣ кончины Цесаревича еще звучитъ скорбь о невозвратимой утратѣ въ письмѣ выпускныхъ смолянокъ къ Ея Величеству.

«Дозволь, Всемилостивѣйшая Государыня, — писали, между прочимъ, воспитанницы, — возложить на гробъ въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго Сына Твоего этотъ вѣнокъ, напутствуемый нашими теплыми молитвами къ Богу, да приметъ Онъ его въ сонмъ Ангеловъ Своихъ и да ниспошлетъ Онъ вѣнецъ благости и щедротъ Своихъ Тому, Кто такъ неусыпно заботился о нашемъ счастьи» [1].

Впечатлѣніе, произведенное въ Смольномъ покушеніемъ на Государя Каракозовымъ, нашло яркое отраженіе въ письмѣ воспитанницъ I класса къ Императрицѣ, написанномъ черезъ день послѣ покушенія:

«Madame!

«Penetrées de reconnaissance envers l'Etre suprême de la *conservation des jours précieux* de notre Auguste Monarque, nous éprouvons le besoin de déposer aux pieds de Votre Majesté Impériale l'expression des sentiments qui nous animent pour nos bien-aimés Souverains.

Aucune parole ne saurait rendre la joie que nous avons ressentie lundi à la vue de Sa Majesté l'Empereur, qui a daigné paraître parmi nous dans un moment où nos coeurs étaient saisis d'angoisse et de tristesse [2]; ces deux pénibles sentiments ont tout de suite alors fait place au sentiment de bonheur que nous a fait éprouver l'air serein et gracieux de Sa Majesté. Notre premier mouvement après Son départ était de nous rendre à l'église pour y adresser des actions de grâces à Dieu pour le bienfait qui a été accordé à notre patrie de conserver les jours de son bienveillant Souverain et pour demander pour Lui comme pour Votre Majesté Impériale une longue suite d'années de bonheur et de prospérité...» [3].

Патріотическія чувства воспитанницъ Смольнаго выражались и въ отзывчивости ихъ къ несчастьямъ и бѣдствіямъ, постигавшимъ Россію, въ желаніи притти на помощь пострадавшимъ.

[1] Ст.-Дама М. П. Леонтьева, 68. [2] Государь былъ въ Смольномъ вечеромъ 4 апрѣля, черезъ нѣсколько часовъ послѣ покушенія. [3] Муз. Имп. Выст. Общ.

Такъ, напр., въ 1865 г. воспитанницы старшихъ классовъ Смольнаго послали 65 паръ чулокъ своей работы въ пользу погорѣльцевъ города Симбирска [1]. Во время недорода, постигшаго въ 1868 г. многія губерніи, воспитанницы Смольнаго отказались отъ обычнаго бала въ день рожденія Императрицы—27 іюля, и деньги, полагавшіяся на устройство этого праздника, пожертвовали въ пользу голодающихъ.

За этотъ поступокъ воспитанницъ, «проявляющій ихъ состраданіе къ ближнимъ и подающій надежду, что возбужденное въ нихъ воспитаніемъ человѣколюбіе будетъ всегда руководящимъ ихъ чувствомъ», имъ была объявлена благодарность Цесаревны Маріи Ѳеодоровны, принимавшей дѣятельное участіе въ организаціи помощи голодающимъ [2].

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 29

VIII.

Заботы въ Смольномъ о физическомъ воспитаніи.—Дѣятельность М. П. Леонтьевой.—Ея юбилей.—Смерть М. П. Леонтьевой.—О. А. Тонилова.—Воспитательскій персоналъ.

При Императрицѣ Маріи Александровнѣ заботы о физическомъ воспитаніи воспитанницъ получили самое широкое развитіе.

Въ Смольномъ, за время ея управленія, былъ введенъ рядъ мѣръ для укрѣпленія здоровья воспитанницъ, а также предупрежденія возможности серьезныхъ заболѣваній. Было обращено серьезное вниманіе на то, чтобы воспитанницы часть дня проводили на открытомъ воздухѣ, по возможности въ саду, въ движеніи и играхъ. Съ этою цѣлью были даже устроены въ 1865 г. крытыя галлереи, гдѣ воспитанницы могли играть и гулять въ ненастную погоду [1]. Въ цѣляхъ укрѣпленія здоровья воспитанницы лѣтомъ купались въ Невѣ, въ особо устроенныхъ купальняхъ, при которыхъ имѣлись теплыя комнаты [2].

Въ 1857 г. докторъ Клевезаль, командированный лифляндскимъ губернаторомъ за границу для изученія тамъ гимнастики, представилъ, по возвращеніи, въ Главный Совѣтъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 77. [2] Организація купанья для воспитанницъ была сопряжена съ большими затрудненіями; такъ, напр., приходилось постоянно ходатайствовать объ удаленіи барокъ съ дровами, причаливавшихъ близъ купаленъ, и т. п. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 51; Д. 1875 г., № 68; и др.).

женскихъ учебныхъ заведеній проектъ врачебной гимнастики для институтовъ. Проектъ этотъ былъ составленъ по новѣйшимъ даннымъ, признаннымъ въ то время медицинской наукой, и былъ тщательно разработанъ, примѣнительно къ условіямъ женскихъ институтовъ. Въ основу новой системы гимнастическихъ упражненій было положено, что «всѣ вообще воспитанницы каждаго заведенія должны быть предварительно осмотрѣны и, по сходству тѣлосложенія и недуговъ», распредѣлены въ отдѣльныя группы; каждой группѣ должны быть назначаемы соотвѣтственныя гимнастическія упражненія, занятія гимнастикой должны происходить, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ недѣлю по получасу, подъ наблюденіемъ «выученныхъ гимнастокъ».

Въ октябрѣ 1868 г. Ихъ Величества утвердили постановленіе Главнаго Совѣта о введеніи въ женскихъ институтахъ врачебной гимнастики по проекту доктора Клевезаля и ему самому было поручено наблюденіе за преподаваніемъ врачебной гимнастики. Послѣ смерти д-ра Клевезаля на эту должность былъ назначенъ д-ръ Дьяковскій [1].

Занятія врачебной гимнастикой на первыхъ порахъ послѣ ея введенія казались настолько необычными, что среди маленькихъ вначалѣ даже существовалъ на нее взглядъ какъ на одинъ изъ видовъ наказанія.

Занятія педагогической гимнастикой шли своимъ порядкомъ; преподаваніе ея было признано «необходимой принадлежностью общаго воспитанія» [2]. Гимнастическія упражненія сопровождались музыкой [3].

Большія волненія возбуждало каждый разъ въ начальствующемъ персоналѣ Воспитательнаго Общества появленіе въ Петербургѣ холеры. Заранѣе обсуждались и принимались различныя мѣры къ тому, чтобы болѣзнь не была занесена и не распространилась въ Смольномъ. Въ 1865 г., напр., докторъ Нейманъ представилъ въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища подробную докладную записку, въ которой, между прочимъ, писалъ: «По случаю приближающейся къ нашей столицѣ эпидемической

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. № 2344 а, св. 516; Д. № 1808, св. 501. Селезневъ, 468—471. [2] Селезневъ, 471. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 95.

болѣзни холеры, я считаю не излишнимъ обратить особое вниманіе мѣстнаго начальства къ нѣкоторымъ общимъ профилактическимъ, гигіеническимъ и діэтетическимъ правиламъ для устраненія причинъ, могущихъ способствовать къ развитію этой болѣзни».

Указавъ на мѣры, какія необходимо соблюдать относительно жилищъ, пищи, одежды и проч., д-ръ Нимань писалъ, что «неустрашимое расположеніе духа много способствуетъ къ предохраненію отъ болѣзней при соблюденіи вышеупомянутыхъ правилъ, между тѣмъ, какъ уныніе и страхъ располагаютъ тѣло наше къ воспріимчивости всякаго рода болѣзней, напаче страхъ отнимаетъ у насъ аппетитъ и дѣйствуетъ непосредственно на пищеварительные органы» [1].

Въ 1866 г., во время холерной эпидеміи въ Петербургѣ, Императрица, по указанію врачей, разрѣшила отмѣнить въ Воспитательномъ Обществѣ постную пищу на все время Успеваго поста, кромѣ среды и пятницы [2].

Въ 1871 г. «Государыня Императрица, въ виду появившейся въ С.-Петербургѣ холеры, изволила указать, что г-жи начальницы, инспектрисы и классныя дамы должны обращать главное вниманіе на предохраненіе воспитанницъ отъ простуды, съ тѣмъ, чтобы, при малѣйшемъ разстройствѣ пищеварительныхъ органовъ, дѣвицы были немедленно отправляемы въ лазаретъ, для полученія своевременной медицинской помощи. Относительно стола, Ея Императорское Величество благоволила отозваться: во 1-хъ, что нѣтъ крайней необходимости отмѣнять постную, въ положенные дни, пищу для всѣхъ вообще воспитанницъ, ибо свѣжую рыбу и грибной бульонъ (но отнюдь не самые грибы) можно давать безъ всякаго опасенія; во 2-хъ, что подобная отмѣна постнаго кушанья должна допускаться лишь для тѣхъ дѣвицъ, которыя не въ силахъ переносить этого кушанья, или которымъ оно, на основаніи удостовѣренія врачей, вредно по состоянію ихъ здоровья» [3].

Воспитанницамъ при пріемѣ производился медицинскій осмотръ, свѣдѣнія о состояніи здоровья каждой вновь принятой записывались очень подробно.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 71, л. 2. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1883 г., № 71, л. 1. [3] Тамъ же, л. 4.

За состояніемъ здоровья каждой воспитанницы тщательно слѣдили въ теченіе всего учебнаго курса [1]. Скорбные листы о всякой болѣзни воспитанницы хранились до ея выпуска изъ института [2].

Императрица Марія Александровна всегда выказывала глубокій интересъ къ вопросамъ нравственнаго и физическаго воспитанія дѣвицъ. Постановка воспитанія въ Смольномъ соотвѣтствовала взглядамъ Ея Величества. Государыня была близко знакома со всѣми сторонами институтской жизни, какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по донесеніямъ должностныхъ лицъ.

Однако Императрица Марія Александровна значительно измѣнила по сравненію съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной характеръ личнаго участія въ управленіи и руководствѣ жизнью Смольнаго. Она не требовала постоянныхъ подробныхъ отчетовъ отъ М. П. Леонтьевой о каждомъ днѣ жизни института, отмѣнила еженедѣльныя донесенія, полагая, что правильно организованная жизнь учебно-воспитательнаго заведенія должна итти спокойно и ровно по твердо намѣченному пути. Еженедѣльные отчеты, въ концѣ концовъ, поневолѣ въ большинствѣ случаевъ сводились къ подтвержденію того, что въ Смольномъ все благополучно и каждый болѣе или менѣе добросовѣстно или прилежно выполняетъ свой долгъ. Между тѣмъ, на подобные отчеты тратилось немало времени и силъ, какъ самой начальницей, такъ и инспектрисами и классными дамами. Императрица Марія Александровна установила новый порядокъ: отчеты представлялись Ея Величеству періодически, но за значительный промежутокъ времени. При нормальномъ, благополучномъ теченіи институтской жизни начальница всецѣло руководитъ ввѣреннымъ ея заботамъ заведеніемъ. Зато о всемъ необычномъ, случайномъ, тревожномъ, опасномъ—она обязана немедленно доносить Ея Величеству и ждать указаній Императрицы. Чаще всего такими случаями, требовавшими экстренныхъ донесеній Ея Величеству, бывали заболѣванія воспитанницъ той или другой серьезной или опасной болѣзнью, смерть больной и т. п. [3]. При Императрицѣ Маріи Александровнѣ было

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 10 (оп. кн.); Д. 1866 г., № 8 (оп. кн.); и др. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 51; Д. 1875 г., № 56; и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 102, л. 62; Д. 1860 г., № 88; ср. Д. 1845 г., № 89, лл. 62 и 63; и др.

дано нѣсколько новыхъ инструкцій для руководства воспитательскаго и административнаго персонала [1]; въ то же время дѣйствовали нѣкоторыя инструкціи, утвержденныя при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [2].

Начальницей Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ до 1874 г. была Марія Павловна Леонтьева.

Съ прежней твердостью и самостоятельностью продолжала она направлять жизнь Смольнаго. Особенное вниманіе она обращала на воспитательскую часть. Здѣсь ничто не ускользало отъ ея взора. Все, что имѣло отношеніе къ воспитанницамъ, для нея было важно. Она полагала, что въ дѣлѣ воспитанія ничто нельзя считать маловажнымъ.

Намѣчая пути институтскаго воспитанія, М. П. Леонтьева всегда имѣла въ виду подготовить воспитанницъ къ ихъ будущей дѣятельности. Этимъ опредѣлялась ея особенная заботливость объ усвоеніи воспитанницами иностранныхъ языковъ, музыки, объ усвоеніи ими тѣхъ знаній и привычекъ, которыя могутъ быть полезными въ ихъ дальнѣйшей самостоятельной жизни и дѣятельности. Между прочимъ, М. П. Леонтьева придавала большое значеніе въ воспитательномъ отношеніи очереднымъ обѣдамъ у нея воспитанницъ. М. П. Леонтьева во время этихъ обѣдовъ учила воспитанницъ, какъ надо исполнять за столомъ обязанности хозяйки, какъ разливать супъ, готовить салатъ, поддерживать разговоръ и т. п. [3].

М. П. Леонтьева могла быть довольна поведеніемъ воспитанницъ Смольнаго. Случаевъ нарушенія установленнаго порядка почти не было, а какіе и были, не носили серьезнаго характера.

Часто нарушался воспитанницами запретъ пить собственный чай. Изъ столовой непосредственно послѣ казеннаго чая забирались въ комнату классной горничной и тамъ заваривали собственный чай. По окончаніи чаепитія чай обычно тщательно выбирался изъ чайника, потомъ высушивался и снова шелъ въ употребленіе еще нѣсколько разъ. Случалось, что не успѣютъ налить чай въ чашки, какъ уже раздается звонокъ въ классъ. Тогда чайники немедленно ставились подъ кранъ холодной воды,

[1] Напр. инспектрисѣ пепиньеръ, муз. дамѣ и др. (Муз. Имп. Восп. Общ.). [2] Напр., инструкція для классныхъ дамъ, данная въ 1835 г. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1817 г., № 57, л. 2). [3] Изъ воспоминаній бывш. воспитанницъ.

и охлажденный такимъ способомъ чай поспѣшно выпивался. Пили собственный чай и послѣ 8 часовъ вечера, когда расходились по дортуарамъ. Въ это время чай можно было пить съ бо́льшимъ комфортомъ и не торопясь. Время послѣ 8 часовъ вечера считалось самымъ пріятнымъ въ институтской жизни. Воспитанницамъ послѣ вечерней молитвы предоставлялась нѣкоторая свобода. Воспитанницы старшихъ классовъ очень любили, замѣнивъ форменныя платья длинными пудермантелями и надѣвъ на голову бѣлые чепчики, гулять передъ сномъ по коридору.

Какъ пережитокъ старины продолжалъ существовать обычай «обожанія». Обожали учителей, классныхъ дамъ, родственниковъ подругъ, а также воспитанницъ старшихъ классовъ, преимущественно выпускныхъ.

«Во время прогулокъ по коридорамъ обожаемыя гордо выступали среди обожательницъ, которыя выражали избытокъ своихъ чувствъ поцѣлуями въ плечо—вспоминаетъ одна изъ бывшихъ воспитанницъ;—предметами обожанія выбирались хорошенькія или выдающіяся чѣмъ-нибудь, напр., лучшія пѣвицы и піанистки. Помню я, какъ хорошенькая А., имѣвшая массу обожательницъ, не захотѣла какъ-то прогуливаться по коридорамъ, имѣя на рукахъ важную и спѣшную работу. Она вязала красный шерстяной шарфъ для сторожа, дежурившаго у дверей сада. Онъ постоянно страдалъ горломъ, а послѣднее время совсѣмъ потерялъ голосъ, и сердобольная А. вздумала помочь ему своимъ краснымъ шарфомъ. Напрасно подруги вызывали ее нѣсколько разъ въ коридоръ, прося сжалиться надъ обожательницами, въ трепетномъ ожиданіи стоявшими у дверей дортуара. Она только посмѣивалась и продолжала работать, уютно примостившись на краю постели подъ самой лампой, которая разливала вокругъ тусклый полусвѣтъ.

Наконецъ бѣдныя обожательницы рѣшились на послѣднее средство. Онѣ достали листокъ почтовой бумаги съ хорошенькой картинкой и сообща написали слѣдующее: «Чудная, божественная M-lle A! (Эта фраза стояла между восклицательными знаками, служившими символомъ обожанія; точка съ запятою, наоборотъ, обозначали презрѣніе). Ради Бога выйдите къ намъ хотя на минутку, чтобы мы могли взглянуть на ваши дивные глаза, вашъ чудный носикъ, вашу очаровательную улыбку.

Если вы не выйдете къ намъ, мы не будемъ спать всю ночь. А одна персона сдѣлала сегодня ради васъ 100 поклоновъ, другая же съѣла, ради васъ, кожу отъ апельсина». Затѣмъ слѣдовалъ еще рядъ нѣжнѣйшихъ эпитетовъ, а остальная часть страницы была заполнена восклицательными знаками. Но даже и такое трогательное письмо не имѣло успѣха, и обожательницамъ пришлось, наконецъ, разойтись, такъ какъ дежурныя классныя дамы пошли по дортуарамъ, приглашая воспитанницъ ложиться спать» [1].

Учебная реформа, произведенная въ Смольномъ К. Д. Ушинскимъ, отдѣленіе Александровскаго училища, установленіе отпусковъ застали М. П. Леонтьеву уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Всѣ эти нововведенія, значительно измѣнившія складъ жизни Воспитательнаго Общества, не соотвѣтствовали убѣжденіямъ и взглядамъ М. П. Леонтьевой.

Педагогическій опытъ и любовь къ дѣлу и дѣтямъ помогали М. П. Леонтьевой руководить жизнью Воспитательнаго Общества и на новыхъ началахъ, но усиленные труды и волненія, пережитыя при проведеніи въ жизнь новыхъ порядковъ, требовали отъ нея большой затраты нравственныхъ и физическихъ силъ.

Въ апрѣлѣ 1863 г. исполнилось двадцать пять лѣтъ дѣятельности М. П. Леонтьевой въ Смольномъ. День юбилея былъ отпразднованъ въ Смольномъ торжественно и сердечно.

Императрица пожаловала М. П. Леонтьевой золотой браслетъ съ брилліантовымъ вензелемъ Ея Величества при особомъ рескриптѣ.

«Лучшею наградою за четверть вѣковые труды—говорилось, между прочимъ, въ рескриптѣ—вамъ, конечно, служитъ, вмѣстѣ съ чувствомъ свято исполненнаго долга, нелицемѣрная благодарность, питаемая къ вамъ нѣсколькими поколѣніями матерей, которыя, памятуя ваши о нихъ заботы, съ полною вѣрою отдаютъ вамъ дочерей своихъ. Тѣмъ не менѣе, Я не могу и съ своей стороны не выразить вамъ въ сей день душевной признательности за столь долговременные и полезные труды. Препровождаемый браслетъ съ Моимъ вензе-

[1] Изъ далекаго прошлаго. Рец.

лемъ да послужитъ вамъ видимымъ знакомъ того благоволенія, съ коимъ пребываю къ вамъ непзмѣнно благосклонной Марія» [1].

Инспектрисы и классныя дамы поднесли М. П. Леонтьевой икону св. Маріи Египетской, преподаватели—альбомъ съ видами Смольнаго, воспитанницы — большой коверъ своей работы. Утромъ въ «дѣтской церкви» была отслужена литургія съ молебномъ, вечеромъ былъ балъ, при чемъ воспитанницы исполнили заранѣе разученный къ этому дню балетъ [2].

На юбилей М. П. Леонтьевой отозвались многія изъ ея бывшихъ питомицъ, воспитанницъ прежнихъ выпусковъ, бывшіе преподаватели, ея друзья и знакомые. Въ числѣ присутствовавшихъ находился и бывшій преподаватель Смольнаго, профессоръ А. В. Никитенко, записавшій въ своемъ дневникѣ 22 апрѣля 1863 г.: «По утру ѣздилъ въ Смольный монастырь поздравить Леонтьеву съ ея 25-лѣтней службой. Она была тронута этой вѣжливостью и просила меня на вечеръ. Вечеръ былъ очень оживленъ. Тутъ встрѣтилъ я многихъ изъ моихъ смольныхъ слушательницъ, отъ которыхъ наслушался множество любезностей и воспоминаній. Вѣдь то была, въ самомъ дѣлѣ, моя лирическая эпоха, и промелькнуло много пріятныхъ дней въ кругу этихъ развитыхъ, милыхъ, неиспорченныхъ женскихъ существъ. Я воротился домой во второмъ часу» [3].

Въ день юбилея М. П. Леонтьевой было выражено столько сердечнаго расположенія и уваженія со стороны какъ служащихъ, такъ и воспитанницъ Смольнаго, что М. П. Леонтьева оставила ранѣе бывшее у нея намѣреніе тотчасъ послѣ исполненія 25 лѣтъ службы уйти изъ Смольнаго.

Однако, годы брали свое; сложная и трудная должность начальницы Воспитательнаго Общества съ каждымъ годомъ становилась ей тяжелѣе. По ходатайству М. П. Леонтьевой Императрица назначила ей въ январѣ 1873 г. помощницу. На эту должность была опредѣлена смолянка выпуска 1839 г. Ольга Александровна Томилова, рожденная Энгельгардтъ. М. П. Леонтьева помнила О. А. Томилову еще воспитанницей, и сама указала на нее Императрицѣ, какъ на лицо, вполнѣ подходящее къ должности начальницы Воспитательнаго Общества. Сама

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1838 г., № 27. [2] Ст.-дамы М. П. Леонтьева, 58—59. [3] Никитенко, II, 125.

смолянка, О. А. Томилова была горячо привязана къ Смольному, любила его традиціи, завѣты, въ которыхъ выросла, и М. П. Леонтьева считала ее желанной своей преемницей.

Императрица Марія Александровна лично знала и уважала О. А. Томилову, какъ воспитательницу Великой Княжны Вѣры Константиновны; вмѣстѣ съ тѣмъ, Томилова пользовалась расположеніемъ Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы Виртембергской. Государыня одобрила выборъ М. П. Леонтьевой, и 20 января 1873 г. О. А. Томилова была утверждена въ должности помощницы начальницы. Главное руководство жизнью Смольнаго попрежнему оставалось въ рукахъ М. П. Леонтьевой, но О. А. Томилова постепенно знакомилась съ управленіемъ Смольнымъ и принимала все больше и больше участія во всѣхъ сторонахъ его жизни.

О. А. ТОМИЛОВА.

Весной 1873 г. исполнилось 35 лѣтъ службы М. П. Леонтьевой. Празднованіе дня тридцатипятилѣтняго юбилея М. П. Леонтьевой носило семейный характеръ. Всѣ служащіе и воспитанницы откликнулись на это торжество. М. П. Леонтьевой былъ поднесенъ адресъ отъ педагогическаго персонала; пепиньерки Общества просили разрѣшенія М. П. Леонтьевой повѣсить въ библіотекѣ Общества ея портретъ, написанный къ этому случаю преподавателемъ рисованія Шульцемъ: «Въ этой комнатѣ,—сказала въ своей рѣчи одна изъ воспитанницъ пепиньерскаго класса,—устроенной нѣкогда вашими заботами, мы, пепиньерки Общества, довершаемъ свое образованіе, слушая

уроки педагогики, французскаго и нѣмецкаго языка и готовясь, такимъ *образомъ*, къ *званію воспитательницъ и наставницъ*. Портретъ вашъ постоянно будетъ напоминать намъ о тѣхъ высокихъ обязанностяхъ воспитательницы, исполненію которыхъ вы научаете насъ ежедневно своимъ благотворнымъ примѣромъ».

Воспитанницы всѣхъ классовъ поднесли юбиляршѣ свои работы; на торжествѣ днемъ присутствовалъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, были пропѣты привѣтственные хоры, произнесены рѣчи, стихи и проч. Одна изъ воспитанницъ VII класса прочитала стихотвореніе, написанное къ этому дню инспекторомъ классовъ К. А. Тимоѳеевымъ:

«На праздникахъ блестящихъ, юбилейныхъ,
Чего и ждать отъ насъ, отъ маленькихъ кофейныхъ?
Мы не учились пѣть; нашъ почеркъ слабъ и кривъ;
Мы въ танцахъ не сильны; не ладимъ съ карандашами;
Куда намъ говорить французскими стихами,
Когда на-силу мы спрягаемъ Subjonctif
Простою басенкой, по-русски, въ этотъ часъ
Позвольте намъ потѣшить васъ,
И не судите слишкомъ строго:
«На югѣ Африки, въ степи, среди песковъ,
«Недавно камушковъ нашли блестящихъ много:
«Играли ими дѣти пастуховъ.
«Одинъ изъ камушковъ, который былъ крупнѣе,
«И глянцовитѣе, и вѣсомъ тяжелѣе,
«Купецъ проѣзжій взялъ знакомымъ на-показъ.
«Онъ въ Лондонъ свезъ его и отдалъ ювелиру,—
«И что-жъ открылося, на удивленье міру?
«Что этотъ камушекъ былъ—дорогой алмазъ».
У всѣхъ дѣтей въ сердцахъ есть также по алмазу:
То—свойства добрыя; ихъ надо лишь открыть,
Воздѣлать, воспитать; но опытному глазу,
И опытной рукѣ на это надо быть...
Вы много, много лѣтъ заботливой рукою,
Какъ зоркій ювелиръ, въ простыхъ сердцахъ дѣтей
Навыкли вызывать лучи драгихъ камней,—
И Небо тронется всеобщею мольбою,
Чтобъ не одинъ еще блистающій алмазъ
Открытъ и огранент былъ вами среди насъ!».

Въ заключеніе воспитанницы старшихъ классовъ исполнили хоромъ положенные на музыку Гендельтомъ стихи инспектора

классовъ Тимофеева, сочиненные къ этому же случаю, въ честь М. П. Леонтьевой [1].

Семейный праздникъ въ день тридцатипятилѣтія службы М. П. Леонтьевой оказался прощальнымъ привѣтомъ Смольнаго своей престарѣлой начальницѣ. Силы ея стали быстро слабѣть, и въ маѣ 1874 г. М. П. Леонтьева скончалась. Передъ смертью она ничѣмъ не болѣла и даже въ день смерти принимала доклады и рапорты и ѣздила кататься, при чемъ купила въ фруктовомъ магазинѣ апельсиновъ для воспитанницъ голубого класса, гдѣ наканунѣ она осталась особенно довольна экзаменомъ.

Смерть М. П. Леонтьевой произвела на всѣхъ въ Смольномъ потрясающее впечатлѣніе. «Для всѣхъ это былъ неожиданный ударъ,—пишетъ одна изъ инспектрисъ того времени, Е. Н. Обручева.—Хотя много говорили о близости ея конца, но никто не хотѣлъ вѣрить, что не стало той, которую мы только что видѣли среди насъ, которая въ тотъ день еще принимала всѣхъ съ рапортами и докладами, подписывала бумаги и билеты воспитанницамъ, уѣзжавшимъ въ отпускъ» [2]. Трудно было представить себѣ Смольный безъ М. П. Леонтьевой, которая въ теченіе тридцати шести лѣтъ составляла съ нимъ одно цѣлое.

О впечатлѣніи, произведенномъ смертью М. П. Леонтьевой на воспитанницъ, можно судить по разсказу одной изъ нихъ, маленькой «кофейной».

«Я сидѣла на своей лавкѣ,—пишетъ она,—и молила Бога о томъ, чтобы получше сдать нѣмецкій экзаменъ; наконецъ, меня вызвали, и я, слава Богу, отвѣтила на 9. Минутъ нѣсколько спустя пришла Екатерина Николаевна, наша инспектриса, и сказала, обращаясь ко всему классу: «La supérieure n'existe plus». Мы сначала не поняли, что это значитъ; я подошла къ своей классной дамѣ и спросила ее, она повторила намъ слова Екатерины Николаевны и прибавила: «Madame la supérieure est morte». Тогда только мы поняли и многія заплакали. Экзаменъ продолжался недолго. Учительница нѣмецкаго языка также была очень разстроена, потому что любила покойницу, и экзаменовала очень скоро. Наконецъ, кончился экзаменъ. Черезъ

[1] Семейный праздникъ въ Имп. Воспит. Общ. благородн. дѣвицъ въ день XXXV-лѣтія службы г-жи начальницы, статсъ-дамы М. П. Леонтьевой, 22 апр. 1873 г. СПб. 1873. [2] Ст.-дама М. П. Леонтьева, 70.

четверть часа вошла вторично Екатерина Николаевна, велѣла стать парами и пойти прощаться съ начальницей. Многія боялись, но все таки всѣ пошли.

Печальная картина представилась намъ: сторы были спущены, было довольно темно, на столѣ лежала наша незабвенная покойница, и надъ нею горѣли три свѣчи. Она была очень блѣдна, но лицо ея было спокойно. Мы съ благоговѣніемъ подошли къ ней и поцѣловали ей ручку. Когда всѣ простились, мы пошли опять въ классъ и все старались разузнать получше, отчего умерла г-жа начальница. Цѣлый день въ Смольномъ было очень скучно, никто не бѣгалъ, не игралъ, не было слышно нигдѣ музыки». Маленькая корреспондентка подробно описываетъ, какъ гробъ съ умершей стоялъ въ залѣ, окруженный высокими растеніями, «какъ въ саду», какъ у гроба дежурили днемъ «по шести придворныхъ служителей, по двѣ классныя дамы и восьми воспитанницъ, которыя стояли по получасу, не шевелясь», какъ воспитанницамъ въ знакъ траура, прикололи къ пелеринкамъ черные банты и т. д. Выразивъ свое сожалѣніе о томъ, что въ день похоронъ имъ, маленькимъ, только съ балкона удалось посмотрѣть на похоронную процессію, тогда какъ старшихъ возили въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ состоялось погребеніе, дѣвочка заканчиваетъ свой разсказъ словами: «Когда у насъ была начальницей Марія Павловна Леонтьева, житье въ Смольномъ для насъ было хорошее» [1].

Черезъ пять дней послѣ кончины М. П. Леонтьевой, статсъ-секретарь Шторхъ сообщилъ Совѣту Воспитательнаго Общества: «Государыня Императрица Высочайше повелѣть соизволила: объявить Совѣту Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ искреннее Ея Величества соболѣзнованіе по случаю понесенной имъ утраты въ лицѣ достойной начальницы сего заведенія статсъ-дамы Маріи Павловны Леонтьевой, исполнявшей въ теченіе 36 лѣтъ и до послѣдняго дня своей продолжительной жизни, съ примѣрнымъ усердіемъ и рѣдкою добросовѣстностью, многотрудныя свои обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ея Императорское Величество, желая почтить ея память, благоволила всемилостивѣйше повелѣть: чтобы расходы по погребенію ея тѣла были приняты на счетъ суммъ вѣдомства» [2].

[1] Ст.-дама М. П. Леонтьева, 70—71 (прим.). [2] Мордвинова, 251.

Профессоръ Никитенко записалъ 22 мая 1874 г. въ своемъ дневникѣ: «Похороны начальницы Смольнаго монастыря Маріи Павловны Леонтьевой. Обѣдня и отпѣваніе происходили въ церкви заведенія. Собраніе было чрезвычайно многолюдное и состояло большею частью изъ дѣвицъ и дамъ всѣхъ выпусковъ, которыми начальствовала покойная. Служилъ митрополитъ Исидоръ съ двумя архіереями и множествомъ священниковъ. Все было величественно и торжественно. Присутствовавшіе, особенно питомицы заведенія, оказали много сочувствія и любви къ усопшей, которая, дѣйствительно, и заслуживала этого своею добротой и заботливостью о дѣтяхъ. Вообще она была женщина умная и благородныхъ свойствъ, хотя и отличалась нѣкоторою странностью манеръ и, можетъ быть, излишнимъ пристрастіемъ къ формамъ. Но придворническаго въ ней ничего не было. Со мною во все время моей службы въ заведеніи она была чрезвычайно дружелюбна, внимательна и ласкова. Она любила литературу и умѣла цѣнить умственныя достоинства. Ей было 85 лѣтъ. Она умерла тихо и спокойно, какъ бы погрузившись незамѣтно въ вѣчный сонъ. За нѣсколько часовъ до смерти она, несмотря на слабость силъ, принимала еще участіе въ дѣлахъ заведенія» [1].

М. П. Леонтьева погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, сооруженномъ ея родной теткой игуменьей Ѳеофаніей. На бѣломъ мраморномъ крестѣ надъ могилой М. П. Леонтьевой вырѣзаны слова: «Иже сотворитъ и научитъ сей великій наречется въ царствіи небесномъ».

Въ сентябрѣ 1874 г. О. А. Томилова была назначена исправляющей должность начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а 12 апрѣля 1875 г. утверждена въ этой должности [2].

Ольга Александровна Томилова происходила изъ старинной дворянской семьи и была уроженкой Ярославской губерніи. Воспитаніе и образованіе она получила въ Смольномъ и окончила Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ въ 1839 г., восемнадцати лѣтъ, при чемъ была награждена шифромъ.

По выходѣ изъ института, она вскорѣ была взята Императрицей Александрой Ѳеодоровной ко Двору и состояла фрей-

[1] Никитенко, II, 512—513. О погребеніи М. П. Леонтьевой и ея некрологи см. въ Муз. Имп. Восп. Общ. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 68.

линой при Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, а затѣмъ вышла замужъ за богатаго помѣщика, Романа Алексѣевича Томилова. Овдовѣвъ, О. А. Томилова снова вернулась ко Двору и была назначена воспитательницей Великой Княжны Вѣры Константиновны, воспитывавшейся въ Штутгардтѣ, при Дворѣ Королевы Виртембергской, Великой Княгини Ольги Николаевны. Августѣйшая питомица и ея наставница на всю жизнь сохранили другъ другу сердечныя искреннія чувства. Бывая впослѣдствіи въ Петербургѣ, Великая Княгиня Вѣра Константиновна непремѣнно навѣщала О. А. Томилову, и встрѣчи ихъ носили сердечный характеръ.

Предложеніе занять мѣсто помощницы начальницы Смольнаго съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи занять должность начальницы Воспитательнаго Общества, О. А. Томилова приняла не безъ колебанія. Она обратила вниманіе Императрицы Маріи Александровны, что страдаетъ болѣзнью глазъ и боится, что этотъ недугъ помѣшаетъ ей исполнять сложныя обязанности начальницы такъ, какъ она бы хотѣла и какъ считаетъ необходимымъ; на это Государыня милостиво отвѣтила ей: «Мнѣ не нужно вашихъ глазъ, мнѣ нужны ваше доброе сердце, вашъ свѣтлый умъ. Пока вы будете въ Смольномъ, я буду покойна за него» [1].

Съ первыхъ же дней дѣятельности О. А. Томиловой въ Смольномъ, Императрица выказала ей полное довѣріе. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что при назначеніи О. А. Томиловой помощницей начальницы ей не было дано особой инструкціи, хотя М. П. Леонтьева и представляла на разсмотрѣніе Ея Величества инструкцію, полученную ею самой отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны при назначеніи на ту же должность въ 1838 г. [2].

Императрица Марія Александровна въ личной аудіенціи 19 января 1873 г. дала О. А. Томиловой свои указанія, которыя легли въ основу всей ея послѣдующей дѣятельности [3].

Прекрасно образованная, много видѣвшая и изучившая во время своихъ неоднократныхъ и продолжительныхъ пребываній за границей, имѣвшая опредѣленные, глубоко продуманные взгляды на женское образованіе и воспитаніе, на права и обязанности женщины, О. А. Томилова отвѣчала всѣмъ требо-

[1] Сообщено Л. А. Кубаркиной. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 68. [3] Тамъ же.

ваніямъ, какія Государыня предъявляла начальницѣ Смольнаго, и съ успѣхомъ выполнила возложенную на нее задачу.

Въ числѣ инспектрисъ Смольнаго времени Императрицы Маріи Александровны выдающееся мѣсто занимаютъ Марія Лукинишна Обручева и въ особенности дочь ея—Екатерина Николаевна Обручева. Обѣ онѣ въ теченіе многихъ лѣтъ служили въ Смольномъ, сначала являясь сотрудницами М. П. Леонтьевой, потомъ О. А. Томиловой, пользовались ихъ полнымъ довѣріемъ и были хорошо извѣстны Императрицѣ. При назначеніи О. А. Томиловой на должность начальницы Смольнаго, Императрица Марія Александровна возразила Томиловой на опасенія, что болѣзнь глазъ затруднитъ ей службу въ качествѣ начальницы:

«Въ Смольномъ двѣ такія прекрасныя инспектрисы—M-me и M-lle Обручевы. Если чего сами не увидите, онѣ вамъ помогутъ. Вы можете вполнѣ на нихъ положиться» [1].

Екатерина Николаевна Обручева пользовалась большимъ вліяніемъ на воспитанницъ и всеобщимъ уваженіемъ. Ея характеръ и дѣятельность прекрасно обрисованы въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ ея памяти:

«Какъ бывшая воспитанница Смольнаго института, знавшая его во всѣхъ деталяхъ, искренно его любившая, Екатерина Николаевна Обручева, съ отличавшимъ ее умомъ, энергіей и добросовѣстностью была рѣдкой, выдающейся дѣятельницей въ Смольномъ институтѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ глубокое къ ней уваженіе и любовь ея бывшихъ сослуживицъ и сослуживцевъ, такъ и горячая признательность и преданность ей ея воспитанницъ. Въ началѣ своей службы [2] Екатерина Николаевна была классной дамой, позже инспектрисой пепиньеръ и затѣмъ инспектрисой младшихъ и старшихъ классовъ, и всегда неустанно и ревностно трудилась надъ воспитаніемъ ввѣренныхъ ей дѣтей. Не одно поколѣніе русскихъ женщинъ прошло черезъ ея руки и вышло изъ Смольнаго, унося въ своихъ сердцахъ высоконравственный обликъ дорогой, глубокоуважаемой Екатерины Николаевны. Она была для нихъ

[1] Сообщ. Л. Кубаркинъ. О М. Л. Обручевой см. также въ Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. М. Л. и Е. Н. Обручевы неоднократно удостаивались почетныхъ наградъ и денежныхъ пособій (см., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1876 г., № 106; Д. 1883 г., № 93; и др.). [2] Е. Н. Обручева прослужила въ Смольномъ 33 года.

мѣриломъ ихъ собственной душевной жизни, живымъ примѣромъ исполненія долга. Онѣ, особенно тѣ, которыя были пепиньерками и потому еще ближе къ ней стояли, всецѣло отдавались ея вліянію и до гробовой доски вспоминали, а живущія и будутъ еще вспоминать ея неусыпныя заботы о развитіи ихъ ума и сердца. Будучи сама всесторонне образованной, прекрасно владѣя иностранными языками, Екатерина Николаевна не упускала случая дѣлиться своими знаніями. Съ какой сердечностью и теплотой она откликалась на горе, на печаль. Сколькія изъ смолянокъ и донынѣ помнятъ ея чисто материнскую заботливость, съ которою она устраивала по выходѣ изъ института одинокихъ сиротъ на мѣста въ казенныя заведенія и частные дома. Ея сердце и двери были всегда для всѣхъ открытыми съ какой бы нуждой къ ней ни приходили» [1].

По сравненію съ яркой и сильной личностью Екатерины Николаевны Обручевой меньшее впечатлѣніе производятъ образы другихъ инспектрисъ ея времени, въ томъ числѣ ея матери, религіозной, безконечно доброй М. Л. Обручевой, сердечной, отзывчивой Елизаветы Дмитріевны Кусовниковой, съ особой мягкостью и трогательностью заботившейся о слабыхъ, болѣзненныхъ и больныхъ, заботливой, внимательной, дѣятельной Софіи Михайловны Норовой [2].

Среди классныхъ дамъ было много такихъ, которыя оставили по себѣ у воспитанницъ хорошія воспоминанія. Большинство классныхъ дамъ много помогали воспитанницамъ при приготовленіи уроковъ. Были классныя дамы, какъ, напр., Екатерина Николаевна Обручева, которыя не щадили силъ и времени, чтобы заниматься съ воспитанницами, отставшими по тѣмъ или другимъ предметамъ. Одна воспитанница поступила съ плохимъ знаніемъ французскаго языка. Е. Н. Обручева ежедневно вставала раньше по утрямъ, чтобы заниматься съ этой воспитанницей. Въ результатѣ эта воспитанница окончила курсъ съ шифромъ. С. М. Норова, пока была классной дамой, записывала за преподавателями на урокахъ, приходя для этого въ классъ даже въ не дежурные дни, потомъ составляла записки для воспитанницъ. Любимой классной дамой

[1] Нов. Вр. 27 апр. 1911 г., № 12615, ср. Габерцетель. Ркп. Кладо. Ркп. Костомарова. Ркп., и др. [2] Кладо. Ркп. Габерцетель. Ркп. Изъ далекаго прошл. Ркп., и др. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1873 г., № 68; Д. 1880 г., 104; и др.

была баронесса Марія Александровна Боде. Отлично образованная, блестяще владѣвшая иностранными языками [1], одаренная литературнымъ талантомъ, сердечная, она особенно привлекала къ себѣ воспитанницъ тѣмъ, что одинаково внимательно и задушевно относилась ко всѣмъ воспитанницамъ, какъ хорошо, такъ и плохо учившимся, благонравнымъ и шалуньямъ. Воспитанницы называли ее своей «собственной», а не казенной классной дамой. Въ одномъ классѣ съ баронессой Боде была Елизавета Ивановна Шульгина. Смолянка по воспитанію, нѣсколько суровая на видъ, она была воплощенной добротой и справедливостью. Баронесса Боде недолго пробыла въ Смольномъ, она, съ соизволенія Императрицы, была назначена начальницей Полоцкаго женскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Ея преемницей была г-жа Кронманъ, очень молодая классная дама, обходившаяся съ воспитанницами какъ съ подругами, удивлявшая ихъ непривычной простотой отношеній. Очень начитанная, она давала воспитанницамъ, даже по окончаніи ими курса, цѣнныя указанія относительно чтенія французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ.

Хорошіе отзывы сохранились о классныхъ дамахъ Е. В. Качаловой, М. Ю. Хвостиковой, А. В. Антроповой, М. П. Бурнатевой, М. М. Травиной, К. Э. Фильрозе, М. А. Максимовичъ. Восторженно отзывались о Балкашиной, умной, сердечной классной дамѣ, пользовавшейся полной откровенностью воспитанницъ [2]. Впослѣдствіи она была главной надзирательницей Александровской женской гимназіи въ Петербургѣ.

[1] Изъ классныхъ дамъ не всѣ хорошо владѣли иностранными языками (Восп. бывшихъ воспитанницъ). [2] Изъ далекаго прошл. Рки. Кладо. Рки. Габерцатель. Рки. Некрашевичъ-Покладъ. Рки. и др. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1857 г., № 37; Д. 1860 г., № 104; Д. 1869 г., № 32; Д. 1879 г., № 127; и др.

IX.

Посѣщенія Высочайшихъ Особъ.—Праздникъ въ честь Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.—Развлеченія смолянокъ.—Столѣтіе Воспитательнаго Общества.—Празднованіе въ Смольномъ двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ. Пятидесятилѣтіе государственной дѣятельности Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.—Русско-Турецкая война.

Императоръ Александръ II удостаивалъ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ частыми посѣщеніями. Государь постоянно бывалъ въ Смольномъ запросто, въ различные часы дня, иногда вечеромъ [1]. Въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества хранятся подробныя описанія посѣщеній Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ [2]. Эти описанія составлялись пепиньерками на французскомъ языкѣ.

Чаще всего Государь пріѣзжалъ вечеромъ; онъ любилъ присутствовать на урокахъ танцевъ. Потомъ проходилъ въ столовую, садился за столъ съ воспитанницами перваго класса и пилъ съ ними чай, при чемъ Государю подавали чай въ такой же кружкѣ, какъ и воспитанницамъ, и ихъ же хлѣбъ. Императоръ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1879 г., № 107, л. 23; Д. 1873 г., № 65. Муз. Имп. Воспит. Общ. Descriptions des visites de Leurs Majestés et de Leurs Altesses Impériales en 1865—1874. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора Кам.-фурьерск. журналы 1860—1879 гг. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. По оп. Б. Д. № 307. [2] Descriptions des visites de Leurs Majestés et de Leurs Altesses Impériales en 1865, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73 и 74. Ср. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора. Кам.-фурьерск. журн. за тѣ же годы.

часто присутствовалъ на вечерней молитвѣ. Если это случалось постомъ, Государь, наравнѣ съ воспитанницами, дѣлалъ троекратные земные поклоны при чтеніи молитвы: «Господи, Владыко живота моего». Воспитанницы считали большимъ счастьемъ, когда Государь приходилъ на вечернюю молитву. Обычно, онъ удостанвалъ этой милости лишь послѣдній классъ.

Государь милостиво бесѣдовалъ съ воспитанницами, разспрашивалъ ихъ про занятія, успѣхи; воспитанницы спрашивали Императора про Императрицу, справлялись о здоровьѣ Ея Величества и просили передать ей ихъ вѣрноподданническія чувства. Воспитанницы откровенно бесѣдовали съ Императоромъ Александромъ II обо всемъ: объ урокахъ, добрыхъ и строгихъ учителяхъ, о мелочахъ институтской жизни.

Часто Государь пріѣзжалъ во время обѣда, подсаживался то къ одному столу, то къ другому, чтобы никого не обидѣть. Воспитанницы, провожая Государя, пѣли гимнъ, и Государь пѣлъ съ ними вмѣстѣ [1]. О простомъ и сердечномъ характерѣ посѣщеній Его Величества можно составить себѣ представленіе, напр., изъ слѣдующаго донесенія одной изъ инспектрисъ:

«Le 12 (juillet) nous avons eu le bonheur de voir Sa Majesté l'Empereur,—писала, въ своемъ еженедѣльномъ отчетѣ 30 іюля 1872 г., инспектриса Е. Н. Обручева;—avec Son incomparable bonté ayant accordé aux élèves, comme d'ordinaire, la gracieuse permission, de L'entourer, Sa Majesté a daigné se promener au jardin au milieu des enfants et les voir courir aux pas de géant. Malgré la joie causée par cette Auguste visite, nos élèves ne pouvaient s'empêcher de ressentir une profonde tristesse en apprenant que le bonheur de voir Sa Majesté ne se renouvellerait pas de longtemps et formaient dans leurs coeurs les voeux les plus sincères pour que le voyage de Sa Majesté s'effectuât de la manière la plus heureuse» [2].

Съ 1865 г. Государь обычно пріѣзжалъ въ Смольный съ своей Августѣйшей дочерью, Великой Княжной Маріей Александровной. Великая Княжна часто бывала въ Воспитательномъ Обществѣ и пользовалась особенной любовью воспитанницъ.

[1] Воспитанницы первѣло въ классѣ или въ саду пѣли по желанію Государя его любимыя молитвы. Особенно любилъ онъ «Нынѣ силы небесныя» и «Да исправится»... (Изъ дневника прошлаго. Рук.). [2] Арх. Соботд. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Марии. По оп. Б. № 174/18.

Государя всегда сопровождала большая собака Милордъ. Воспитанницы любили царскую собаку, ласкали и угощали ее, въ особенности, когда Государь пріѣзжалъ во время обѣда или ужина. Однажды воспитанницы попросили разрѣшенія Императора дать Милорду молока. Государь позволилъ, но какъ воспитанницы ни уговаривали собаку, Милордъ ни за что не хотѣлъ пить. Тогда Великая Княжна сказала воспитанницамъ:

— Оставьте его, тогда онъ самъ будетъ пить!

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

И дѣйствительно, какъ только на него перестали обращать вниманіе, Милордъ выпилъ все налитое ему молоко.

Иногда Государь проходилъ черезъ Воспитательное Общество въ Александровскій институтъ или Вдовій домъ. Смолянки всегда просили Его Величество вернуться еще къ нимъ. Императоръ обѣщалъ и оставлялъ въ залогъ смолянкамъ Милорда [1], а потомъ, дѣйствительно, приходилъ къ нимъ на нѣкоторое время. Иногда Государь бралъ съ собой въ Смольный маленькихъ Великихъ Князей; это бывало чаще всего на праздникахъ,

[1] Однажды воспитанницы за время отсутствія Императора Александра II рѣшили на память настричь себѣ шерсти Милорда и подстригли его такъ усердно, что это замѣтилъ Государь (Восп. бывш. воспитан.).

когда въ Смольномъ давались спектакли воспитанницъ, балы и проч.

Императрица Марія Александровна особенно часто бывала въ Смольномъ въ первые годы своего покровительства надъ нимъ. Государыня пріѣзжала обычно во время занятій, бывала на урокахъ, любила присутствовать на экзаменахъ, во время уроковъ и экзаменовъ сама предлагала воспитанницамъ вопросы по различнымъ научнымъ предметамъ. Она интересовалась успѣхами воспитанницъ, особенно въ старшемъ классѣ, и хорошо знала воспитанницъ послѣдняго класса. Во время одного изъ своихъ посѣщеній, милостиво бесѣдуя съ выпускными, Государыня сказала одной изъ воспитанницъ: «Сегодня я не хочу говорить съ тобой: ты плохо учишься». Оказалось, что, дѣйствительно, эта воспитанница была помѣчена въ послѣднемъ отчетѣ малоуспѣвающей не по неспособности, но вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ дѣлу.

Часто Императрица бывала въ Смольномъ съ Государемъ, оставалась подолгу, посѣщала лазареты, столовыя, кухни.

Смерть Цесаревича Николая Александровича глубоко потрясла Императрицу; послѣ этого печальнаго событія Государыня начала вести замкнутый образъ жизни, и посѣщенія ею Смольнаго стали рѣдкими. Тѣмъ не менѣе, Ея Величество удостаивала время отъ времени Воспитательное Общество своимъ пріѣздомъ, и каждое ея посѣщеніе запечатлѣвалось въ сердцахъ искренно любившихъ ее дѣтей.

«Если бы я слѣдовала движенію своего сердца,—писала Императрицѣ М. П. Леонтьева о впечатлѣніи, произведенномъ посѣщеніемъ Ея Величества Смольнаго 31 марта 1867 г.,—я пріѣхала бы разсказать Вашему Величеству о томъ умиленіи и счастьѣ, съ которымъ воспитанницы вспоминаютъ Васъ, горячо молившуюся въ ихъ храмѣ» [1].

Смолянки были всегда такъ счастливы видѣть Ихъ Величества, что радость сіяла на ихъ лицахъ. Во время одного изъ посѣщеній, глядя на радостныя лица дѣтей, Государь сказалъ съ улыбкой Императрицѣ: «Онѣ совсѣмъ не рады насъ видѣть» [2].

Были случаи, когда Императрица, не имѣя возможности, по состоянію своего здоровья, лично посѣтить Смольный,

[1] Мордвинова, 243—244. [2] Муз. Имп. Вост. Общ. «Descriptions des visites...».

выражала пожеланіе, чтобы воспитанницъ привозили къ ней. Однажды Императрица принимала воспитанницъ даже совсѣмъ больныхъ, въ постели [1].

Королева Виртембергская Ольга Николаевна, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, непремѣнно пріѣзжала въ Смольный, съ которымъ у нея было связано столько воспоминаній дѣтства и юности [2]. Великая Княгиня Александра Іосифовна посѣщала Смольный со своими Августѣйшими дѣтьми; посѣщала Смольный также Августѣйшая Семья Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и другіе Члены Царской Семьи [3].

Въ началѣ сентября 1866 г. Государь посѣтилъ Воспитательное Общество съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и объявилъ смолянкамъ о предстоящей свадьбѣ Его Императорскаго Высочества. 17 сентября, по желанію Ихъ Величествъ, часть воспитанницъ старшихъ классовъ Смольнаго у подъѣзда Зимняго Дворца смотрѣли на торжественный въѣздъ въ столицу Высоконареченной Невѣсты Наслѣдника Цесаревича Принцессы Дагмары Датской [4].

Первый разъ Государыня Цесаревна посѣтила Смольный 28 ноября того же года, гдѣ по этому случаю состоялся торжественный праздникъ.

На торжество прибыли Ихъ Величества, Высоконовобрачные и всѣ Члены Царской Семьи. Въ залѣ была устроена декорація, изображавшая замокъ Бернсдорфъ, окруженный гирляндами цвѣтовъ; вокругъ размѣстились группы воспитанницъ. На первомъ планѣ гирляндой расположились шесть маленькихъ «кофейныхъ», и каждая изъ нихъ была одѣта цвѣткомъ, начальная буква котораго отвѣчала одной изъ буквъ, составляющихъ имя «Dagmar». Воспитанницы старшаго класса пропѣли датскій гимнъ «Kong Christian», затѣмъ послѣдовалъ танецъ съ шалями и цвѣтами, датскій хоръ «Dannevirke», послѣ котораго одна изъ кофейнаго класса подносла Цесаревнѣ букетъ и сказала французскіе привѣтственные стихи, сочиненные къ

[1] Восп. бывш. воспитан. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1873 г., № 65. Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites...». [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 65. Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites...». [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 79, л. 9. Мордвинова, 157. Иллюстр. опис., 6—10. Часть воспитанницъ пепиньерскаго класса смотрѣла на въѣздъ Августѣйшей Невѣсты изъ квартиры ген. Костомарова, одна изъ дочерей котораго была въ то время пепиньеркой (Сообщ. А. К. Костомаровой).

этому случаю преподавателемъ Смольнаго Сюзоромъ. Одна *изъ воспитанницъ старшаго класса пропѣла датскую пѣсню* «Gnitte» съ хоромъ, затѣмъ воспитанницы танцовали русскую, а въ заключеніе былъ исполненъ русскій національный гимнъ [1].

Съ этого времени Цесаревна Марія Ѳеодоровна постоянно удостаивала Смольный своими посѣщеніями.

Торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты Принцессы Дагмары Датской.

Бывали въ Смольномъ и Высокіе иностранные Гости. Такъ, въ 1868 г. Воспитательное Общество посѣтили Королева Датская съ Принцессой Тирой [2], въ 1876 г.—Донъ Педро, Императоръ Бразильскій [3].

30 августа 1866 г. Смольный посѣтило Американское посольство, прибывшее въ Россію для поздравленія Императора Александра II съ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности во время покушенія 4 апрѣля 1866 г.

[1] Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. Кам.-фурьерск. журн. 1866 г. Муз. Имп. Восп. Общ. *Descriptions des visites...*». Мордвинова, 157. Ст.-Дама М. П. Леонтьева, 67. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. См. также «Descriptions des visites...». [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 63.

Передъ пріѣздомъ американцевъ Императоръ Александръ II предупредилъ *смолянокъ: «Я пришлю къ вамъ американцевъ, примите ихъ хорошо»*.

Американскіе гости были приглашены на балъ въ день тезоименитства Его Величества. Въ честь ихъ воспитанницы пропѣли гимнъ: «Hail Columbia, happy land», затѣмъ была исполнена русская и поднесена гостямъ подушка работы воспитанницъ, на которой былъ вышитъ шелками гербъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Во время ужина, инспекторъ классовъ К. А. Тимоѳеевъ произнесъ по англійски тостъ въ честь далекихъ гостей, на что одинъ изъ американцевъ отвѣтилъ благодарственной рѣчью. Уѣзжая, американцы пригласили всѣхъ посѣтить ихъ на «Міантономо», и на другой день пепиньерки ѣздили осматривать американскій броненосецъ [1].

Нерѣдко посѣщали Смольный начальницы и инспектора классовъ другихъ институтовъ съ цѣлью ознакомленія съ постановкой учебной, воспитательной и хозяйственной частей въ Воспитательномъ Обществѣ [2]. Въ 1861 г. на экзаменахъ въ Смольномъ присутствовалъ «начальникъ С.-Петербургскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ» Н. А. Вышеградскій, съ цѣлью ознакомленія на практикѣ съ методами преподаванія для примѣненія ихъ въ этихъ училищахъ [3].

Однообразіе повседневной институтской жизни нарушалось пріѣздами родныхъ; эти пріѣзды, по желанію Императрицы Маріи Александровны, были поставлены на новыхъ началахъ, въ духѣ времени и произведенной въ Смольномъ реформы. Были уничтожены въ большомъ залѣ рѣшетки, отдѣлявшія посѣтителей отъ воспитанницъ [4]. Одновременно былъ отмѣненъ прежній строгій церемоніалъ пріема, когда воспитанницы выходили въ залъ по четыре въ рядъ и сначала дѣлали всѣ вмѣстѣ церемонный реверансъ присутствовавшимъ въ залѣ, потомъ половина воспитанницъ дѣлала реверансъ сидѣвшимъ справа, а половина одновременно — сидѣвшимъ слѣва. Родственники тоже должны были отвѣчать поклонами. Теперь родители и родственники получили возмож-

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites». Ст.-Дама М. П. Лвовъ-ева, 66—67. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 10. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1845 г., № 89, л. 68. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. № 2386, св. 522. [4] Рѣшетки были сняты во дню празднованія столѣтняго юбилея Воспитательнаго Общества и потомъ поставлены не были.

ность свободно бесѣдовать и видѣться съ дѣтьми. Отъ уничтоженія балюстрадъ и старыхъ скамеекъ очень выигралъ прекрасный институтскій залъ.

Традиціоннымъ удовольствіемъ было для воспитанницъ Смольнаго катанье въ придворныхъ экипажахъ на масляницѣ вокругъ ледяныхъ горъ и на Пасхѣ вокругъ качелей [1]. Обычно, такое катанье заканчивалось посѣщеніемъ Эрмитажа, гдѣ смолянки имѣли счастье видѣть Членовъ Царской Семьи, удостаивавшихъ воспитанницъ милостивымъ гостепріимнымъ вниманіемъ. Императоръ Александръ II неоднократно самъ показывалъ и объяснялъ смолянкамъ картины Эрмитажа. Иногда катанье заканчивалось осмотромъ Публичной Библіотеки [2].

Ихъ Величества немало заботились о развлеченіяхъ и удовольствіяхъ смолянокъ. Съ ихъ разрѣшенія, воспитанницы осматривали дворцы, посѣщали выставки картинъ въ Академіи Художествъ [3], въ 1861 г. осматривали цвѣточную выставку [4], въ 1870 г.—Всероссійскую Промышленную выставку [5]. Въ 1873 г., по ходатайству М. П. Леонтьевой, смолянки осматривали на святкахъ «виды главнѣйшихъ Святыхъ мѣстъ Іерусалима, писанные съ натуры масленными красками художникомъ Грановскимъ» [6]. По мысли О. А. Тоянловой, вмѣсто бала 22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы, воспитанницамъ устраивалось катанье на пароходахъ по Невѣ, при чемъ осматривались Императорскіе фарфоровый или стеклянный заводы, или чугуно-литейный заводъ [7].

Въ день рожденія Императрицы Маріи Александровны, 27 іюля, въ Смольномъ бывалъ балъ. Къ этому же дню пріурочивалась перемѣна цвѣта платьевъ при переходѣ въ старшій классъ.

«Le 27 nous avons eu un bal qui a commencé par un peu de chant et de musique,—писала въ своемъ еженедѣльномъ отчетѣ инспектриса Е. Н. Обручева 30 іюля 1872 г.;—les élèves de la première classe ayant eu, à l'occasion de ce jour solennel, la joie d'étrenner leurs robes grises, ce changement de

[1] См., напр., «Изъ восп. инст. Елерской» (Нов. Вр. 11 апр. 1901 г., приложеніе). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., №№ 80 и 93. Муз. Имп. Восп. Общ. Descriptions des visites...». Ст.-Дама М. П. Леонтьева, 65. Некрашевичъ-Покладъ. Ркп. [3] Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites...». [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 77. [5] Тамъ же, см. также Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites...». [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 79, л. 16. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 65. Некрашевичъ-Покладъ. Ркп.

costume a été pour nos jeunes personnes un motif de plus pour être gaies et heureuses et pour danser avec plaisir, en mettant aussi en train les petites, celles surtout qui n'auraient pas su se tirer d'affaire à elles toutes seules» [1].

«Depuis le 27 juillet, jour anniversaire de naissance de Sa Majesté l'Impératrice,—писала въ своемъ недѣльномъ отчетѣ въ томъ же году инспектриса Е. Шульгина,—les enfans transférées

Торжество бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровичъ и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

dans les classes supérieures ont mis les robes qui marquent leur transmutation; c'est une époque qui est toujours attendue avec une vive impatience.

Dès la veille les robes apportées dans les dortoirs sont mises sur leurs tabourets près de leurs lits; elles ne dorment que d'un oeil, et le lendemain à peine reveillées, les voila revêtues de leurs nouveaux costumes, se félicitant mutuellement et recevant avec une joie, qui fait plaisir à voir, les félicitations de tous ceux qui les rencontrent soit au corridor, soit en classe.

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по упр. Имп. Матѳ. По оп. Е. № 174/18.

Le bal qui se donne toujours ce jour là est ordinairement fort animé, car les élèves des classes supérieures qui font les honneurs du bal, prennent sous leur protection leurs plus jeunes compagnes et tâchent de les amuser de leur mieux; en les observant sans qu'elles s'en doutent, on est souvent à même de saisir quelques détails fort divertissants de la soirée, et la manière dont elles envisagent leur nouvelle promotion est vraiment quelques fois fort originale. Les petites à leur tour reconnaissent la supériorité de leurs ainées et rivalisent entre elles pour leur exprimer toute leur admiration et leur reconnaissance pour la protection accordée» [1].

Медаль въ память бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Разъ въ лѣто устраивалась прогулка на пароходѣ на Елагинъ островъ, при чемъ Императрица разрѣшала эту прогулку въ такой день, когда тамъ не бывало много публики [2]. Съ разрѣшенія Императрицы, осматривали иногда Ботаническій садъ [3]. Въ разные года смолянки осматривали, по иниціативѣ Я. Пугачевскаго, зоологическій и минеральный музеи при Академіи наукъ, музей Горнаго института и т. п. [4]. Устраивались и традиціонныя прогулки въ Таврическій садъ и дворецъ.

«Je crois devoir ajouter mon rapport concernant un plaisir qui a été procuré aux élèves en compensation d'une promenade à la Tauride, qui n'a pu avoir lieu cette année, à cause que ce palais est maintenant occupé par l'établissement d'Alexandre [5],— писала М. П. Леонтьева 31 іюля 1872 г. въ своемъ очередномъ докладѣ Императрицѣ.—Je veux parler d'une excursion faite par nos élèves à la campagne Gromow, sur une invitation de m-me Gromow, qui leur a offert un bon diner et leur a distribué de jolies bombonnières après quelque temps passé à se promener avant leur depart» [6].

[1] Тамъ же. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 62. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 60. [4] См., напр., тамъ же. [5] Воспитанницы Александровскаго училища жили въ Таврическомъ дворцѣ по случаю ремонта зданія училища. [6] Арх. Собств. Е. И. Вел. Канц. по учр. Имп. Маріи. По оп. Б. № 174/18.

Въ 1872 г., по желанію Ея Величества, смолянки смотрѣли съ балкона Николаевской залы Зимняго Дворца «церемонію на Невѣ въ день празднованія 200-лѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго [1]. Въ 1873 г. смолянки смотрѣли изъ окна Публичной Библіотеки открытіе памятника Императрицѣ Екатеринѣ II [2].

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій предоставлялъ воспитанницамъ старшихъ классовъ Смольнаго возможность любоваться изъ оконъ его дворца майскими въ Высочайшемъ

Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ.

присутствіи парадами [3]. Кромѣ того, Его Высочествомъ устраивались въ своемъ дворцѣ балы, на которые приглашались воспитанницы старшаго класса Воспитательнаго Общества, воспитанники Лицея, Училища Правовѣдѣнія, Пажескаго Корпуса [4].

Иногда смолянки старшихъ классовъ давали концерты у Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Такой концертъ состоялся, напр., 25 мая 1870 г. на дачѣ Его Высочества на Каменномъ островѣ [5].

Согласно желанію въ Бозѣ почивающей Императрицы Александры Ѳеодоровны, воспитанницы женскихъ институтовъ праздновали каждый годъ день рожденія почившей Импера-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1858 г., № 79, л. 11. [2] Тамъ же, л. 15. [3] См., напр., тамъ же, л. 18. [4] См., напр., тамъ же, л. 20. [5] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой.

тицы—1-е іюля. Этотъ день смолянки выпускного класса обычно проводили въ кругу Царской Семьи—въ Петергофѣ или Царскомъ Селѣ. Онѣ приглашались къ царскому столу, послѣ обѣда ихъ катали въ придворныхъ экипажахъ по парку, а затѣмъ бывалъ балъ, при чемъ въ танцахъ нерѣдко принимали участіе члены Царской Семьи. На прощаніе воспитанницамъ дарились букеты живыхъ цвѣтовъ [1].

Обычному празднованію дня 1-го іюля мѣшалъ лишь карантинъ, если въ Смольномъ бывала въ это время какая нибудь

Императоръ Александръ II въ Царскомъ Селѣ.

заразная болѣзнь. Въ такихъ случаяхъ воспитанницамъ устраивалось, по желанію Императрицы Маріи Александровны, какое-либо другое развлеченіе, вмѣсто поѣздки въ Петергофъ. Такъ, напр., однажды ихъ возили кататься на пароходѣ вокругъ острововъ, а затѣмъ онѣ танцовали на дачѣ у супруги флигель-адъютанта Колокольцова, бывшей воспитанницы Смольнаго, рожденной Сеславиной [2].

При Императрицѣ Маріи Александровнѣ образъ жизни смолянокъ не носилъ такого замкнутаго, какъ прежде, характера. Вслѣдствіе этого, рѣже стали устраиваться для нихъ концерты въ самомъ Смольномъ, вмѣсто которыхъ Государыня разрѣшала воспитанницамъ старшаго класса бывать иногда въ театрахъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 74. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Лосиньевой. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 74.

и на публичныхъ концертахъ, чаще всего, на репетиціяхъ [1]. Тѣмъ не менѣе, въ Смольномъ постоянно происходили ученическіе концерты, участницами которыхъ были исключительно воспитанницы [2].

По распоряженію Ихъ Величествъ, смолянкамъ присылались ложи въ Итальянскую оперу и русскую драму [3]. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій часто присылалъ смолянкамъ ложу во французскій театръ [4]. При О. А. Томиловой смолянки получили возможность еще чаще бывать въ Императорскихъ театрахъ, благодаря личному знакомству Томиловой съ министромъ Императорскаго Двора гр. Адлербергъ, нерѣдко предоставлявшимъ въ ея распоряженіе свою ложу [5].

Торжественно было отпраздновано 5 мая 1864 г.—столѣтіе со дня основанія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Празднованіе началось торжественной литургіей въ Смольномъ соборѣ, гдѣ присутствовали Государь Императоръ Александръ II, Императрица Марія Александровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Великіе Князья: Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Константиновичъ, Николай Николаевичъ Старшій, Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій Николай Максимиліановичъ, Великая Княжна Елена Павловна, Княжна Евгенія Максимиліановна, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій [6], чины Двора, члены Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и смолянки прежнихъ выпусковъ; между прочимъ, присутствовала одна смолянка выпуска 1794 г. [7].

Нѣкоторыя изъ смолянокъ прежнихъ выпусковъ пріѣхали въ Смольный еще наканунѣ и тамъ ночевали: «Какъ весело мнѣ было,—пишетъ одна изъ бывшихъ воспитанницъ своей подругѣ,

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 46. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1866 г., № 56, лл. 1, 2. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Леонтьевой. [4] Ст.-Дама М. П. Леонтьева, 60. [5] Изъ записокъ Л. А. Кубаркиной. [6] Общ. Арх. Мин. Имп. Дв. Кам.-фурьерск. журн. 1864 г. [7] Арх. Совѣта Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 4377, св. 674.

не присутствовавшей на юбилеѣ,—ложиться на казенную постель (я спала на бывшей твоей постели), надѣвать толстый пудермантель, мыться подъ краномъ, пить чай «изъ барабана» и цѣлый вечеръ гулять по корридору въ пепиньерскомъ платьѣ для сбереженія своего, которое должно было мнѣ служить на другой день для торжества» [1].

Совѣтъ Воспитательнаго Общества принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы на юбилеѣ присутствовало возможно больше быв-

БИЛЕТЪ для ВХОДА
5 МАЯ 1864 ГОДА
ПО ВТОРНИКЪ ВЪ 10 ЧАСОВЪ УТРА,
въ Воскресенскій Соборъ Всѣхъ Учебныхъ Завед., на торжественное Архіерейское служеніе Божественной Литургіи и Благодарственнаго молебствія, въ день
СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ
двухъ первыхъ въ Россіи, по основанію, женскихъ учебныхъ заведеній: Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго Училища, общеизвѣстныхъ подъ именемъ
СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ.
Билетъ сей принадлежитъ Его Превосходительству Александру Григорьевичу Троицкому
безъ передачи.

Пригласительный билетъ на празднованіе столѣтія Смольнаго.

шихъ воспитанницъ. По ходатайству Совѣта, съ соизволенія Ея Величества, было отпущено 1.500 р. въ распоряженіе Совѣта на пособія тѣмъ изъ бывшихъ воспитанницъ, а также прислуги, кто «по совершенной бѣдности» лишенъ возможности быть на празднованіи столѣтія [2].

Число бывшихъ воспитанницъ, изъявившихъ «съ ощутительною радостію желаніе быть на столѣтнемъ праздникѣ Смольнаго монастыря», уже къ 18 апрѣля 1864 г. достигло 900 человѣкъ [3].

[1] Изъ письма М. Кельдерманъ, рожд. Половцовой, къ Е. Я. Дувэ, рожд. Михайловской. Сообщ. Е. Я. Дувэ. [2] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 4377, св. 674. [3] Тамъ же. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 66.

Профессоръ Никитенко, присутствовавшій на этомъ торжествѣ, подробно описалъ въ своемъ дневникѣ день 5 мая 1864 г.:

«Обѣдню служилъ митрополитъ; пѣли придворные пѣвчіе. Какъ хороша эта церковь. Немного подобныхъ ей по величію, простотѣ и легкости архитектуры. Къ молебну пріѣхали Государь, Государыня и все Императорское Семейство. Крытая полотняная галерея соединяла на этотъ разъ соборъ съ самымъ зданіемъ Смольнаго монастыря: черезъ нее то и проходили всѣ приглашенные въ безконечные монастырскіе корридоры, которые привели ихъ въ парадную залу. Въ верхнемъ корридорѣ по обѣимъ сторонамъ въ два ряда стояли воспитанницы, какъ бы образуя живую изгородь изъ свѣжихъ молодыхъ и оживленныхъ лицъ; это было очень эффектно. Въ залѣ противъ входа, осѣненная густою зеленью — статуя Екатерины II, а на всемъ пространствѣ залы накрыты столы для завтрака. Мѣста за всѣми столами заняли женщины, кромѣ одного, назначеннаго для приглашенныхъ и сановниковъ. Минутъ черезъ двадцать явился Государь, ведя подъ руку Императрицу, а за ними слѣдовали Великіе Князья и чины двора. Заиграла музыка. Государь раскланялся съ обычной своей привѣтливостью, потомъ сѣлъ за столъ, чему послѣдовали и всѣ другіе. Явились бокалы съ шампанскимъ: провозгласили первый тостъ за Государя и прелестные женскіе голоса запѣли «Боже Царя храни!». Всѣ встали—минута была торжественная. Подняли второй бокалъ—въ память Екатерины; тѣ же голоса запѣли какой то гимнъ съ припѣвомъ извѣстнаго польскаго: «Славься симъ Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать». Это было трогательно почти до слезъ. Но вотъ пѣніе кончилось, опять всѣ усѣлись. Завтракъ былъ обильный: вина хорошія и щедро отпущенныя. Все это изъ дворца. Служили придворные лакеи» [1].

Непосредственно послѣ прибытія изъ собора въ институтъ Ихъ Величества въ пріемномъ залѣ «принимать изволили находящихся въ семъ заведеніи на службѣ наставницъ и наставниковъ и нѣкоторыхъ изъ дамъ, получившихъ образованіе въ семъ заведеніи» [2].

[1] Никитенко, II, 177—179; ср. Арх. Имп. Воен. Общ. Д. 1863 г., № 66; Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 4377, св. 674. [2] Общ. Арх. Мин. Имп. Двора Кам.-фурьерск. журн. за 1864 г.

Предъ началомъ завтрака Принцъ Ольденбургскій прочиталъ Высочайшую грамоту, пожалованную Государемъ Смольному по случаю столѣтія со дня основанія:

«Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ.

Сегодня совершилось столѣтіе съ того дня, въ который повелѣніемъ Императрицы Екатерины II, при бывшемъ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, учреждено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, сей первый разсадникъ женскаго общественнаго воспитанія въ любезной Нашей Россіи. Заведеніе, устроенное по указанію Екатерины и плану сподвижника Ея Бецкаго, перешло подъ непосредственное попечительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Нашей незабвенной Бабки, которая нѣжнѣйшимъ, истинно материнскимъ многолѣтнимъ попеченіемъ Своимъ довела его до того цвѣтущаго состоянія, которое сдѣлало его образцовымъ, послужившимъ примѣромъ для многихъ другихъ женскихъ воспитательныхъ заведеній. Августѣйшая Наша Родительница, Императрица Александра Ѳеодоровна, неусыпно заботилась о пользѣ сего учрежденія, и по личному Ея указанію бывшее мѣщанское отдѣленіе преобразовано въ Александровское училище. Любезнѣйшая Супруга Наша, Императрица Марія Александровна, признала за благо учредить, вмѣсто 9-ти лѣтнихъ курсовъ, 7-ми лѣтніе и установить ежегодные пріемы и выпуски, на необходимость которыхъ указали опытъ и современное состояніе общественнаго воспитанія.

И такъ, въ сей торжественный день Намъ отрадно объявить, что заведеніе сіе, облагодѣтельствованное Нашими Предшественниками, сдѣлалось вполнѣ достойнымъ высокаго своего назначенія: воспитывать добрыхъ женъ и матерей семействъ. До 7.000 дѣвицъ, воспитанныхъ на незыблемыхъ началахъ истинно христіанскаго и нравственнаго образованія, перенесли плоды онаго въ отдаленнѣйшія области Нашей Имперіи, и сдѣлавшись матерьми или наставницами передавали въ потомство правила благочестія, преданности къ Престолу и Отечеству и любви къ благому просвѣщенію, которыя имъ были внушены.

Уповая на Бога, Мы твердо увѣрены, что при добросовѣстномъ и неусыпномъ стараніи Начальницы, Членовъ Совѣта и всѣхъ Наставницъ и Наставниковъ, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ навсегда пойдетъ по той стезѣ,

которою оно шло въ продолженіи минувшаго столѣтія, и что непоколебимыя правила добра послужатъ ему залогомъ будущаго преуспѣянія.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ, 5-го Мая 1864 г.».

Ко дню столѣтія Смольнаго была съ Высочайшаго соизволенія выбита медаль, по рисунку Дютака. На одной сторонѣ ея была изображена Екатерина II, окруженная дѣтьми и кругомъ надпись: «посѣти винограда сей, егоже насади десница твоя»; на другой—медальонъ съ изображеніемъ Импера-

Медаль въ память столѣтія Смольнаго.

тора Александра II и Августѣйшихъ покровительницъ Смольнаго [1]. Эти медали были на торжествѣ поднесены Ихъ Величествамъ, Членамъ Царской Фамиліи и нѣкоторымъ другимъ приглашеннымъ.

Ихъ Величества и Члены Царской Семьи обходили столы бывшихъ воспитанницъ и удостаивали многихъ милостивой бесѣдой, послѣ чего начался разъѣздъ.

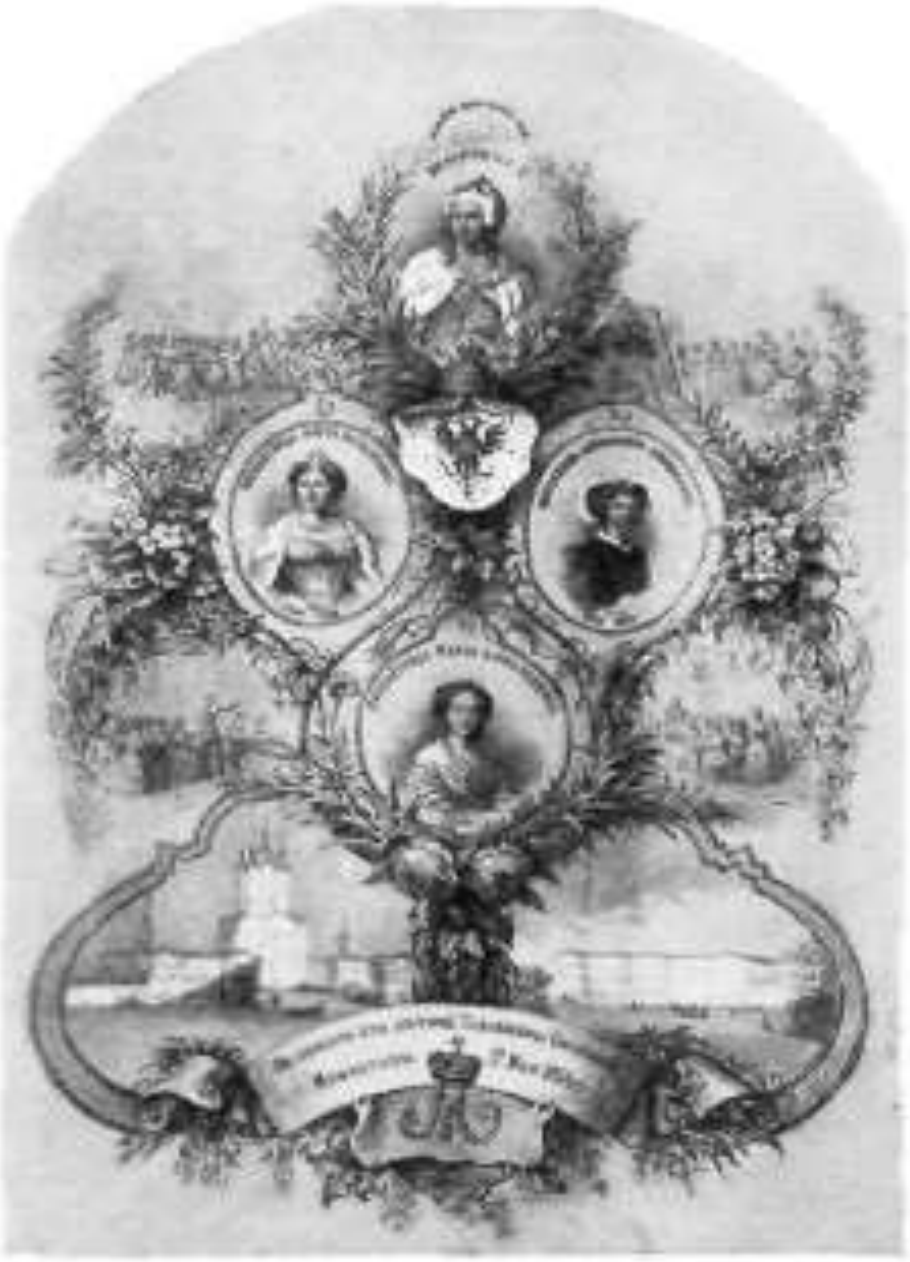
Однако, огромные залы и безконечные коридоры Смольнаго въ этотъ день еще долго были полны оживленными пестрыми толпами бывшихъ воспитанницъ. Ихъ собралось до тысячи. Многія увидѣлись другъ съ другомъ послѣ долгихъ лѣтъ, съ трудомъ узнавали одна другую, но воспоминанія о проведенныхъ въ стѣнахъ Смольнаго годахъ дѣтства и юности воскресали быстро, полныя очарованія нѣжной грусти о давно минувшемъ.

«По отъѣздѣ Царской Фамиліи, выпущенныя наполнили всѣ корридоры, — пишетъ одна изъ бывшихъ смолянокъ,—и тутъ пошла такая толкотня, что просто и разсказать невоз-

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 4377, св. 674.

можно. Каждая искала свой выпускъ и повсюду раздавались поцѣлуи и самыя оглушительныя восклицанія» [1].

На другой день былъ балъ для воспитанницъ, на которомъ присутствовали должностныя лица и воспитанники военныхъ учебныхъ заведеній по приглашенію начальницы. Бывшія воспитанницы на этотъ балъ не были приглашены. Во время бала была зажжена иллюминація, «не такая какъ въ казенные балы по *царскимъ днямъ*, а какой то презамысловатый щитъ предъ главнымъ подъѣздомъ, съ разными изображеніями» [2]. На щитѣ была помѣщена та сторона медали по случаю столѣтія Смольнаго, на которой было изображеніе Императрицы Екатерины II [3].



Литографія, изданная ко дню юбилея Смольнаго.

Ко дню юбилея помощникъ инспектора классовъ Смольнаго В. И. Лядовъ составилъ краткій историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго [4].

Бывшая смолянка Распопова составила ко дню юбилея «Хронику Смольнаго монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II» [5].

[1] Изъ письма М. Кельдерманъ къ Е. Н. Дуве. [2] Изъ того же письма. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 3477, св. 674. [4] За свой трудъ Лядовъ былъ Высочайше пожалованъ брилліантовымъ съ рубиномъ перстнемъ изъ Кабинета и денежнымъ пособіемъ (тамъ же). [5] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. № 3477, св. 674.

Воспитанница Императорскаго Воспитательнаго Общества де Роберти написала ко дню юбилея стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ:

Стихотвореніе это было представлено черезъ одного изъ родственниковъ де Роберти Императору Александру II. Его Величество пожаловалъ воспитанницѣ де Роберти брилліантовый кулонъ [1].

Служащіе въ Смольномъ были удостоены почетныхъ и денежныхъ наградъ [2], М. П. Леонтьева пожалована въ статсъ-дамы [3].

Въ апрѣлѣ 1866 г. въ Смольномъ торжественно праздновалось 25-лѣтіе бракосочетанія Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны.

Въ Музеѣ Смольнаго сохранилось описаніе этого торжества, составленное дежурной пепиньеркой:

«Когда въ день бала всѣ приготовленія были закончены, пепиньерки получили позволеніе къ 8 часовъ вечера собраться, въ ожиданіи Ихъ Величествъ, на парадной лѣстницѣ. Какъ только разнеслась вѣсть, что Ихъ Величества ѣдутъ, онѣ поспѣшили внизъ, навстрѣчу Высокимъ Гостямъ. Принцъ Ольденбургскій, гр. Д. А. Толстой и баронъ Б. А. Фредериксъ встрѣтили Ихъ въ вестибюлѣ; начальница оставалась съ воспитанницами.

Когда пепиньерки привѣтствовали Ихъ Величества съ пріѣздомъ, Императоръ сказалъ: «Вотъ, я вамъ троихъ привезъ», представляя воспитанницамъ Великихъ Князей Александра Александровича, Владиміра Александровича и Алексѣя Александровича. Великая Княжна Марія Александровна привѣтствовала воспитанницъ, какъ старыхъ знакомыхъ.

Шествіе направилось прямо въ рекреаціонную залу бѣлыхъ, гдѣ воспитанницами III-го класса была представлена нѣмецкая пьеса: «Die entflohene Negerin».

Содержаніемъ комедіи была печальная судьба негровъ въ Америкѣ, окончившаяся освобожденіемъ главной героини. Мать этого негритянскаго семейства сказала по этому случаю своимъ дѣтямъ, что ихъ страна можетъ надѣяться на освобожденіе бѣдныхъ рабовъ, по примѣру далекой страны, въ которой могущественный и великодушный Монархъ далъ свободу милліонамъ людей. На вопросъ дѣтей, какъ зовутъ этого Государя, мать

[1] Сообщ. М. Ватсонъ, розид. де Роберти. [2] Тамъ же. [3] Ст.-дама М. П. Леонтьева. 58, прим.

отвѣчала имъ: «Александръ II». При этихъ словахъ пѣвчія, незамѣтно одна за другой собравшіяся позади актеровъ, запѣли гимнъ.

Ихъ Величества и Ихъ Высочества, съ обычной снисходительностью, показывали видъ, что интересуются пьесой, и даже Императоръ и Великіе Князья соблаговолили неоднократно аплодировать юнымъ актрисамъ.

По окончаніи пьесы, нѣсколько ученицъ I класса, заранѣе назначенныхъ начальницей, имѣли счастье приготовить чай для Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ. Во время этого антракта Ихъ Величества соблаговолили благосклонно бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ приглашенныхъ начальницею на этотъ праздникъ, какъ то: кн. Суворовыми, его супругою и дочерью, съ г-жею Баратынскою, г-жей Демидовой, г-жей Кассель, гр. Толстымъ, *который въ послѣдній разъ являлся въ должности члена* Совѣта.

За симъ слѣдовали живыя картины. Прежде всего: «Ревекка и Елеазаръ» [1].

Послѣ представленія начались танцы въ большомъ залѣ, разукрашенномъ къ этому дню цвѣтами и гирляндами, посреди которыхъ возвышался вензель Ихъ Величествъ и римская цифра «XXV».

Во время бала въ танцахъ принимали участіе Великіе Князья. Только Великая Княжна Марія Александровна стѣснялась танцовать въ столь многолюдномъ обществѣ и ни за что не рѣшалась, несмотря на убѣжденія Ихъ Величествъ. Тогда М. П. Леонтьева подвела къ Ея Высочеству воспитанницу выпускного класса и сказала:

«Нѣтъ, Ваше Высочество, вы непремѣнно должны танцовать; позвольте вамъ представить и кавалера». Великая Княжна тотчасъ послушалась и танцовала весь вечеръ [2].

Задолго начали готовиться въ Смольномъ къ празднованію двадцатипятилѣтія службы въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. «Descriptions des visites...». [2] Ст.-дама М. П. Леонтьева, 66.

Многолѣтняя служба Его Высочества ознаменовалась не только многими важными и существенными преобразованіями и мѣропріятіями во всѣхъ областяхъ институтской жизни, но отличалась, кромѣ того, исключительной сердечностью и безмѣрной заботливостью и добротой.

Императорское Воспитательное Общество, гдѣ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій началъ свою дѣятельность въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи, въ качествѣ Члена Совѣта, всегда пользовалось особымъ вниманіемъ и расположеніемъ Его Высочества.

Изъ альбома, поднесеннаго Императрицѣ Маріи Александровнѣ Смольянами.

Смолянки времени Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго съ благодарнымъ чувствомъ уносили въ сердцахъ воспоминанія объ отзывчивой добротѣ и непринужденной простотѣ, съ какими Его Высочество неизмѣнно относился къ нимъ. Принцъ заботился о нихъ, какъ отецъ, умѣлъ понимать дѣтскія души, никогда не держалъ себя съ воспитанницами какъ начальникъ, и даже маленькія кофейныя относились къ нему съ дѣтской довѣрчивостью, считали своимъ и ничуть не боялись.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій постоянно заботился о доставленіи воспитанницамъ разныхъ развлеченій и удовольствій. По его мысли устраивались въ Смольномъ концерты, лекціи, балы; смолянкамъ посвящены многія произве-

денія Принца; смоляики нерѣдко бывали на вечерахъ у Принца. Его Высочество не забывалъ смоляпокъ и во время отсутствія изъ Петербурга. Такъ, напр., въ 1873 г., во время поѣздки на югъ Россіи, Принцъ прислалъ изъ Одессы въ Воспитательное Общество два пуда винограду [1].

На всѣ заботы и сердечную доброту Принца смоляпки отвѣчали горячей благодарной любовью. Все, что касалось Принца и его семьи, было имъ близко и дорого, всѣ событія личной жизни Его Высочества находили живой откликъ въ ихъ сердцахъ [2].

Зная, съ какимъ благоговѣніемъ Принцъ чтитъ память своей матери, Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, пепиньерки Воспитательнаго Общества перевели книгу объ институтѣ въ Штутгардтѣ, посвященную памяти Королевы, и поднесли Принцу при слѣдующемъ письмѣ:

«Monseigneur,

Le travail que nous osons soumettre aujourd'hui à Votre Altesse Impériale, contient tant de belles pages sur la vie et la généreuse activité de Votre Auguste Mère, qu'en les reproduisant dans notre langue maternelle nous avons été heureuses, Monseigneur, de saisir l'occasion de Vous exprimer notre vive gratitude pour la bienveillante protection que Vous daignez nous accorder.

Veuillez donc, Monseigneur, voir d'un oeil indulgent ce faible tribut de notre reconnaissance et agréer l'expression du profond respect, avec lequel nous avons l'honneur d'être, Monseigneur, de Votre Altesse Impériale les très humbles et très dévouées élèves de la pépinière de la Communauté Impériale des demoiselles nobles» [3].

Понятно, что къ юбилею Его Высочества въ Смольномъ готовились съ особой заботливостью и усердіемъ:

Еще 4 сентября 1864 г. М. П. Леонтьева писала Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

«Monseigneur.

Le 30 de ce mois, les deux établissemens qui me sont confiés, auront à célébrer l'avantage de jouir pendant un quart de

[1] Муз. Имп. Воспит. Общ. Бумаги Леонтьевой. [2] См., напр., письмо пепиньерокъ Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому по случаю бракосочетанія Принца Александра Петровича (Библ. Двора Принца А. П. Ольденбургскаго). [3] Письмо отъ 8 окт. 1868 г., внизу слѣдуютъ подписи воспитанницъ (Библ. Двора Принца Александра Петровича Ольденбургскаго). Муз. Имп. Воспит. Общ.

siècle des soins et de la protection de Votre Altesse Impériale. Mes élèves préparent pour ce jour là une petite fête à laquelle je viens Vous prier par avance, Monseigneur, de nous accorder la grâce d'assister et de vouloir bien Vous rendre à la Communauté à 8 heures du soir. Munies de la promesse de Votre Altesse Impériale de nous honorer de Votre présence un jour aussi précieux pour nous, ce sera un encouragement pour nos élèves, qui sont animées du désir de Vous exprimer, quoique bien faiblement, leurs sentiments d'attachement et de reconnaissance.

Принцъ ПЕТРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ.

Veuillez, Monseigneur, agréer l'assurance de mon profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être de Votre Altesse Impériale la très-devouée Marie Léontiew» [1].

30 сентября приходилось подъ праздникъ Покрова Божіей Матери, поэтому торжество въ Смольномъ, по случаю юбилея Принца, было назначено на 29 сентября. По постановленію Совѣта Воспитательнаго Общества на это празднованіе были приглашены бывшіе члены Совѣта, чины Двора Принца, служащіе Смольнаго, съ женами и взрослыми дочерьми и другія лица [2].

Ко дню юбилея Принца залъ Воспитательнаго Общества былъ убранъ цвѣтами, воспитанницы поднесли Его Высоче-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1839 г., № 45, л. 10. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 72.

ству подарки своего рукодѣлія, а затѣмъ состоялся ученическій концертъ. Между прочимъ, воспитанницы исполнили весьма сложный характерный танецъ, поставленный Гольцемъ. Для этого танца были доставлены изъ Императорскаго театра «ручные фонари и фонари гирляндовые» изъ балета «Индійская роза» [1].

На другой день былъ совершенъ торжественный молебенъ въ церкви Воспитательнаго Общества, а 2 октября смольянки присутствовали на балу во дворцѣ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго [2]. На этомъ балу каждая воспитанница получила отъ Принца бомбоньерку съ конфектами и стихотвореніе сочиненія Его Высочества: «Воспоминаніе о 30 сентября 1864 г.» [3].

Черезъ пять лѣтъ Смольный участвовалъ въ празднованіи тридцатилѣтія службы Его Высочества въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, причемъ инспекторомъ классовъ К. А. Тимоѳеевымъ было написано къ этому случаю слѣдующее стихотвореніе:

«Много добра въ тридцать лѣтъ совершилъ онъ на общую пользу:
Рѣзвую юность любя, наставляя благосклоннымъ примѣромъ...
Каждый сказать могъ о немъ: «Вотъ вѣрный слуга Государю!»

Если учитель, чиновникъ, недугомъ жестокимъ томимый,
Тяжко стоналъ на одрѣ, при плачѣ жены и домашнихъ,
Мысль утѣшала его, что Принцъ сиротъ не оставитъ.

Боже! пошли утѣшенье и бодрую, свѣтлую старость,
Къ общему благу, тому, кто, помня завѣтъ своихъ предковъ,
Самъ неустанно трудился, чтобъ ближнему легче жилося» [4].

Въ 1880 г., по случаю 50-лѣтія службы Принца Петра Георгіевича, Смольный, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими институтами, принималъ участіе въ юбилейномъ концертѣ въ честь Его Императорскаго Высочества. Празднество происходило во дворцѣ Принца. Программа концерта была со-

[1] Тамъ же. [2] Характерной чертой для дѣятельности Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго является то, что послѣ каждаго бала, устроеннаго во дворцѣ Принца, его контора отсылала въ учрежденія для бѣдныхъ точно такую же сумму, какая была затрачена на вечеръ (Щегловитовъ. Журн. Мин. Юст. 1913. I. 114). [3] Ст.-дама М. П. Леонтьева, 60. [4] Тамъ же, 60—61.

ставлена почти исключительно изъ произведеній Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго [1].

Къ этому юбилею воспитанницы Смольнаго поднесли Принцу художественные шарфы своего рукодѣлія [2].

Послѣдніе годы царствованія Императора Александра II были отмѣчены войной южныхъ славянъ противъ Турціи и русско-турецкою войной за освобожденіе славянъ. Это тяжелое, полное волненій время не прошло незамѣтнымъ для Смольнаго. Какъ воспитанницы, такъ и весь служебный персоналъ Императорскаго Воспитательнаго Общества не только горячо переживали всѣ тревоги и волненія, раздѣляли общую скорбь и радовались успѣхамъ русскаго оружія, принимали близко къ сердцу каждое извѣстіе, приходившее съ театра военныхъ дѣйствій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли живое участіе въ организаціи помощи какъ раненымъ русскимъ воинамъ, такъ и славянамъ, жертвовали деньгами и личнымъ трудомъ.

Въ іюлѣ 1876 г. Императрица Марія Александровна соизволила разрѣшить «нѣкоторое количество бѣлья, предназначеннаго С.-Петербургскими институтами къ выключкѣ, употребить на корпію», Ея Величество выразила при этомъ надежду, «что въ изготовленіи корпіи примутъ участіе и три княжны Черногорскія и тѣмъ принесутъ посильную пользу своимъ соотечественницамъ» [3].

Въ Смольномъ закипѣла работа. Все свободное время воспитанницы проводили въ изготовленіи корпіи. Кромѣ того, онѣ вмѣстѣ съ классными дамами шили бѣлье для раненыхъ. Въ декабрѣ 1877 г. было отправлено шестнадцать дюжинъ ру-

[1] PROGRAMME. Hymne-Cantate composée par M. Henselt, paroles de M. Timotéeff, chantée par les élèves de tous les Instituts. Compositions de Son Altesse Impériale le Prince d'Oldenbourg: 1. Polonaise—exécutée par les élèves de la Communauté. 2. Marche triomphale—exécutée par les élèves de l'Institut Nicolas. 3. Jugendträume—chanté à l'unisson. 4. Fantaisie—chanté par les élèves de l'Institut St. Catherine. 5. Polonaise solennelle—exécutée par les élèves de l'Inst. Patriotique et Elisabeth 6. Marche solennelle—exécutée par les élèves de l'Inst. Alexandre. 7. Ballade chantée à l'unisson. 8. Grande Marche composée pour le Jubilé sur un motif de S. A. I. le Prince d'Oldenbourg par M. Kühner—exécutée par les élèves de l'Inst. Paul. 9. Nachtim Walde 10. Méditation—exécuté par M. Henselt. 11. Gebet—chantée à l'unisson. 12. Hymne. (Библіотека Дворца Его Императорскаго Высочества, Принца А. П. Ольденбургскаго).

[2] Шрейеръ, 147. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1876 г., № 101, л. 1.

бахъ работы смолянокъ, за что Ея Величество повелѣла «благодарить всѣхъ участвовавшихъ въ изготовленіи означеннаго бѣлья» [1]; въ апрѣлѣ 1878 г.—еще двѣнадцать дюжинъ [2].

Государыня Цесаревна Марія Ѳедоровна.

Въ октябрѣ 1876 г. «воспитанницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, движимыя состраданіемъ къ бѣдственному положенію Славянъ Балканскаго полуострова, просили позволенія перешить старыя свои камлотовыя

[1] Тамъ же, л. 56. [2] Тамъ же, л. 63.

платья для бѣдныхъ дѣтей черногорскихъ». Было признано возможнымъ «употребить для предположенной воспитанницами цѣли сто камлотовыхъ платьевъ изъ числа исключенныхъ въ негодныя, съ присоединеніемъ къ сему еще 50 камлотовыхъ клоковъ, 167 наволочекъ на подушки и 28 байковыхъ одѣялъ» [1].

Въ апрѣлѣ 1877 г. отъ Воспитательнаго Общества, по предложенію Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, было пожертвовано на военныя нужды шесть тюковъ бѣлья вѣсомъ около 30 пудовъ [2].

Нѣсколько раньше воспитанницы собрали между собой 232 р. 15 коп. «въ пользу несчастныхъ жителей Сербіи и Герцеговины», за что Ея Величество повелѣла «передать воспитанницамъ, что поступокъ ихъ доставилъ большое Государынѣ Императрицѣ удовольствіе и Ея Величество искренно ихъ благодаритъ за доброе дѣло [3].

Смолянки сердцемъ и мыслями переживали ужасы войны. Воспитанницы просили не устраивать для нихъ баловъ, полагавшихся въ царскіе дни, а деньги, предназначенныя на эти развлеченія, «употреблять въ пользу раненыхъ». Императрица Марія Александровна и Цесаревна Марія Ѳеодоровна поощряли такое настроеніе воспитанницъ, выражая имъ благодарность и одобреніе [4].

12 января 1878 г. секретарь Цесаревны сообщилъ О. А. Томиловой, что Ея Высочество, «глубоко тронутая извѣщеніемъ, что воспитанницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, отказавшись отъ обычной елки на праздникахъ Рождества Христова, пожертвовали ассигнованныя на этотъ предметъ деньги на пріобрѣтеніе теплыхъ вещей въ пользу раненыхъ воиновъ, изволила повелѣть увѣдомить о полученіи этихъ вещей въ складѣ Ея Императорскаго Высочества и просить передать воспитанницамъ сердечную Ея Высочества *благодарность за такое выраженіе сочувствія* ихъ къ страданіямъ храбрыхъ воиновъ, столь доблестно и самоотверженно дѣйствующихъ на поляхъ брани» [5].

[1] Тамъ же, лл. 17 20.; ср. лл. 31, 33. [2] Тамъ же, л. 29. [3] Тамъ же, л. 14. [4] См., напр., тамъ же, л. 38. [5] Тамъ же, л. 61. Жертвовали даже служащіе Воспитательнаго Общества, за что имъ была объявлена благодарность Императрицы (тамъ же, лл. 42 и 55).

Насколько глубоко чувствовали въ Смольномъ тяжесть потерь и страданій, причиняемыхъ войной, настолько же радостно была встрѣчена тамъ вѣсть о мирѣ, покрывшемъ новой славой Россію и прекратившемъ тяжелыя испытанія ея сыновъ.

X.

Часты Совѣта Воспитательнаго Общества.—Хозяйственная дѣятельность Совѣта.—Заботы о служащихъ.

Первые годы управленія Императрицы Маріи Александровны часто смѣнялись въ Совѣтѣ Воспитательнаго Общества члены Совѣта по учебной части.

После ухода А. С. Норова, былъ въ 1860 г. назначенъ членомъ Совѣта по учебной части тайный совѣтникъ Н. А. Мухановъ, а въ 1862 г., на его мѣсто—князь А. В. Мещерскій, который состоялъ членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества до начала 1864 г. и долженъ былъ оставить эту должность по болѣзни [1]. На его долю выпала отвѣтственная задача—содѣйствіе осуществленію въ Смольномъ реформы учебной части.

Его преемникомъ былъ назначенъ графъ Д. А. Толстой, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода, Министръ Народнаго Просвѣщенія и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ пробылъ въ Совѣтѣ Воспитательнаго Общества менѣе двухъ лѣтъ, и въ 1866 г. на его мѣсто былъ назначенъ дѣйств. тайн. сов. В. П. Титовъ, современникъ Пушкина, участникъ его кружка, самъ причастный къ русской литературѣ [2].

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1862 г., № 75. [2] См., напр., «Уединенный домикъ на Васильевскомъ», разсказъ А. С. Пушкина по запискѣ В. П. Титова. Спб. 1913. Новооткрытая повѣсть Пушкина, зап. Титовымъ. Съ прим. Щеголева и Сологуба. Объ искусствѣ и художествахъ, размышленія отшельника, любителя изящнаго. Перев. съ нѣмецк. Титова.

Членомъ Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества по хозяйственной части былъ до 1869 г. баронъ Б. А. Фредериксъ; временно его замѣщалъ почетный опекунъ Н. П. Свѣчинъ. Послѣ смерти барона Фредерикса, въ 1869 г. былъ назначенъ на его мѣсто егермейстеръ Высочайшаго Двора В. Я. Скарятинъ. Его замѣнилъ почетный опекунъ сенаторъ А. Г. Еврешковъ.

До 1865 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища состоялъ изъ трехъ членовъ — начальницы Смольнаго, члена Совѣта по учебной части и члена Совѣта по хозяйственной части. Въ 1865 г., съ отдѣленіемъ Александровскаго училища, по Высочайшему повелѣнію 1 ноября, къ постоянному присутствованію въ Совѣтѣ была назначена, въ качествѣ члена его, вновь назначенная начальница Александровскаго училища—Д. А. Львова. Оба заведенія—и Воспитательное Общество, и Александровское училище остались въ вѣдѣніи одного Совѣта, но, съ преобразованіемъ Александровскаго училища въ самостоятельное учрежденіе, дѣятельность Совѣта стала болѣе сложной. При прежнемъ порядкѣ Совѣтъ, обычно, обсуждалъ мѣры и вопросы касательно обоихъ заведеній вмѣстѣ и распространялъ на нихъ одновременно свои постановленія. При новомъ порядкѣ, каждое заведеніе самостоятельно вносило въ Совѣтъ свои запросы и ходатайства, и Совѣту приходилось обсуждать и разрѣшать ихъ по каждому заведенію отдѣльно.

Наибольшее вниманіе Совѣтъ удѣлялъ хозяйственной части, особенно во время начальствованія О. А. Томиловой, направившей свою дѣятельность исключительно на заботы о воспитаніи, образованіи, постановкѣ преподаванія искусствъ и рукодѣлій.

Постоянно страдая болѣзнью глазъ и отличаясь крайне плохимъ зрѣніемъ, О. А. Томилова не считала возможнымъ брать на себя какую либо отвѣтственность относительно веденія хозяйства въ Смольномъ и обращалась въ этомъ отношеніи къ содѣйствію Совѣта даже въ такихъ случаяхъ, которые ранѣе всегда разрѣшались единоличною властью начальницы.

Особенно много заботъ доставляло Совѣту завѣдываніе землями, принадлежавшими Воспитательному Обществу, и веденіе дѣлъ объ отдачѣ ихъ въ аренду. Отношенія между Обществомъ и арендаторами его земель и строеній при заключеніи аренд-

ныхъ договоровъ обычно не опредѣлялись съ надлежащей ясностью и точностью, и нерѣдко это являлось потомъ причиною значительныхъ осложненій. Кромѣ того, Совѣту постоянно приходилось разбирать недоразумѣнія, возникавшія между отдѣльными арендаторами земель и строеній Общества, а также между арендаторами и лицами, которымъ тѣ перепродавали дома, построенные на землѣ, принадлежавшей Воспитательному Обществу [1].

Членъ Совѣта
А. Г. ЕВРЕИНОВЪ.

Совѣтъ, занятый преимущественно хозяйственными заботами о воспитанницахъ, служебномъ персоналѣ, зданіяхъ, обслуживающихъ непосредственно Воспитательное Общество, не могъ удѣлять достаточно вниманія арендным статьямъ, и потому онѣ приносили Обществу мало дохода. Такъ, напр., за мѣсто, отданное на берегу Невы подъ устройство военно-сухопутнаго госпиталя, получалось въ годъ по 85 р. [2]. Между тѣмъ, Воспитательному Обществу приходилось платить оцѣночный сборъ съ недвижимаго имущества въ пользу города [3]. Въ виду этого, Совѣтъ полагалъ выгоднымъ продавать земли, принадлежавшія Обществу. За время управленія Императрицы Маріи Александровны было распродано «за ненадобностью», «на покрытіе передержекъ», на «расходы по постройкамъ» очень много земель, принадлежавшихъ Смольному [4]. Кромѣ того, земли Смольнаго отдавались и безвозмездно. Такъ, городскимъ

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1869 г., № 39, л. 7. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 69. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 89. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1854 г., № 76; Д. 1878 г., № 113; Д. 1872 г., № 104.

богадѣльнямъ былъ сначала въ 1855 г. уступленъ участокъ земли въ 360 кв. саж., а черезъ нѣсколько лѣтъ также безвозмездно былъ переданъ «въ вѣчное и нестъемлемое пользованіе» богадѣленъ большой участокъ, съ двумя домами, каменной прачешной, каменной лавкой, огородянымъ мѣстомъ, тремя садами, лугомъ [1]. Въ 1875 г. Совѣтъ Воспитательнаго Общества передалъ въ безвозмездное пользованіе строителямъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ Батманову и Губонину небольшую часть Аддербергскаго сквера подъ рельсовый путь, лишь съ оговоркой, что Совѣтъ оставляетъ за собой право, въ случаѣ надобности, потребовать этотъ участокъ обратно [2].

Въ 1864 г. происходило переименованіе нѣкоторыхъ улицъ и площадей Петербурга. Императору Александру II благоугодно было мѣстностямъ, непосредственно прилегающимъ къ Смольному, *дать названія, напоминающія о прошлой жизни Смольнаго*: присвоить улицамъ и площадямъ имена Августѣйшихъ Покровительницъ Смольнаго, Императрицъ Екатерины II, Маріи Ѳеодоровны, Александры Ѳеодоровны и фамиліи начальницъ Смольнаго—княжны А. С. Долгоруковой, С. И. де Лафонъ, Е. А. Пальменбахъ, М. П. Леонтьевой. Высочайше повелѣно было наименовать:

«Часть Воскресенской набережной, отъ Таврическаго дворца до площади противъ собора всѣхъ учебныхъ заведеній,—Екатерининскою улицею. Площадь эту—Маріинскою. Слѣдующую отъ нея къ собору между зданіями Вдовьяго Дома улицу—Александровскою. Скверъ противъ вновь построеннаго дома сего заведенія близъ Охтенскаго проспекта—Аддербергскимъ. Монастырскій переулокъ противъ этого зданія—Леонтьевскою улицею. Идущій отъ этой улицы переулокъ подлѣ зданія Вдовьяго дома къ площади—Долгоруковскимъ. Тульскій переулокъ между старымъ зданіемъ заведенія и городскими богадѣльнями—Пальменбахскимъ. Орловскую улицу и площадь отъ Охтенскаго проспекта къ площади противъ собора—Лафонскими» [3].

Въ 1873 г. было предписано всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи имѣть подробные

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1854 г., № 76; Д. 1869 г., № 47; Д. 1872 г., № 97; и др. [2] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1875 г., № 82. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1847 г., № 57, ч. 3.

планы и въ порядкѣ хранить ихъ. Совѣтъ Воспитательнаго Общества поручилъ составленіе «съ натуры» плановъ обоихъ находившихся въ его вѣдѣніи заведеній—одному изъ студентовъ института инженеровъ путей сообщенія за 600 р. Работа эта, однако, завершена не была [1].

Число лицъ, проживавшихъ въ зданіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, было весьма значительнымъ. Такъ, напр., къ 1 ноября 1870 г., по рапорту полиціймейстера Общества, всѣхъ живущихъ, вмѣстѣ съ воспитанницами, числилось 1114 человѣкъ [2].

Кромѣ воспитанницъ и служащихъ, въ Смольномъ проживало нѣсколько лицъ, въ то время непосредственнаго отношенія къ Воспитательному Обществу не имѣвшихъ. Таковы, напр., бывшая классная дама Радищева, г-жа Лагранжъ, г-жа Романусъ, бывшая помощница учительницы рукодѣлія Маркова, прослужившая въ Воспитательномъ Обществѣ 43 года, бывшая учительница музыки Романова и др. Всѣ онѣ пользовались, по Высочайшему повелѣнію, отдѣльными небольшими помѣщеніями въ зданіи, «окружающемъ соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній» [3]. Однако, при Императрицѣ Маріи Александровнѣ случаи поселенія вновь въ Смольномъ лицъ, не состоящихъ въ немъ на службѣ, сдѣлались весьма рѣдкими [4].

Всѣ лица, жившія на сдававшихся въ аренду земляхъ Воспитательнаго Общества, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также находились въ вѣдѣніи Совѣта.

Въ 1865 г. Опекунскимъ Совѣтомъ былъ возбужденъ вопросъ о пользованіи Обществомъ частью бывшихъ монастырскихъ строеній. Опекунскій Совѣтъ указывалъ, что часть главнаго зданія, согласно Высочайшему повелѣнію 12 августа 1808 г., была предоставлена Воспитательному Обществу, при переходѣ его въ новое зданіе, во временное пользованіе, подъ квартиры лицамъ, проживавшимъ въ Смольномъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Опекунскій Совѣтъ полагалъ, что, въ виду сократившагося числа живущихъ при немъ частныхъ лицъ, Воспитательное Общество не нуждается больше въ этомъ зданіи и можетъ вернуть его Вдовьему Дому.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 70. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 35, лл. 11 и 14. [3] Тамъ же; Д. 1866 г., № 59, л. 7. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 43, л. 12.

М. П. Леонтьева энергично возстала противъ возврата части стараго зданія Вдовьему Дому. Въ подробномъ донесеніи Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому она указала, что, согласно Высочайшему повелѣнію Императора Николая Павловича отъ 13 ноября 1851 г., въ этой части стараго зданія *устроены новые лазареты для Воспитательнаго Общества и* одновременно произведено новое размѣщеніе Вдовьяго Дома.

Членъ Совѣта
Графъ Д. А. Толстой.

«По новому размѣщенію и устройству Вдовьяго Дома, — писала, между прочимъ, М. П. Леонтьева, — Высочайшею волею въ 1851 г. утвержденному, прежнія распоряженія, послѣдовавшія за 43 года, до того, отмѣнены были, и Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ имѣетъ законное право содержать въ своемъ управленіи и считать своею принадлежностью ту часть зданія, которая предоставлена сему заведенію Высочайшею волею Блаженныя памяти Государя Императора Николая I. ....Ваше Императорское Высочество, конечно, признаете правильнымъ желаніе ввѣреннаго мнѣ заведенія сохранить памятникъ заботливости покойнаго Императора о благѣ воспитанницъ» [1].

Ходатайство М. П. Леонтьевой совмѣстно съ Совѣтомъ Императорскаго Воспитательнаго Общества было уважено, и часть зданія Растрелли, гдѣ помѣщались лазареты, оставлена за Воспитательнымъ Обществомъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г. № 39, лл. 5—6.

Совѣту Императорскаго Воспитательнаго Общества приходилось обсуждать вопросъ о всевозможныхъ передѣлкахъ, ремонтахъ, перестройкахъ зданій и т. п. Такія работы производились ежегодно [1].

Обычно всѣ перестройки и ремонтныя работы пріурочивались ко времени лѣтнихъ каникулъ, такъ какъ ремонтъ было удобнѣе производить въ отсутствіе воспитанницъ. «Nous attendons le retour des 261 élèves qui ont eu la permission d'aller passer les vacances dans leurs familles,—писала, напр., М. П. Леонтьева въ одномъ изъ своихъ донесеній Ея Величеству.—En l'absence d'une si grande partie de notre jeune population, on a eu plus de facilité pour exécuter différents travaux de reconstruction et d'arrangement dans l'intérieur de la maison. Les dortoirs et les classes ont été rafraîchis, la grande salle est remise à neuf, la salle a manger a été enjolivée par une manière d'en peindre les murs à la mode d'aujourd'hui; enfin le buffet et la cuisine subissent des réformes dont on ne saurait contester l'utilité. Tous ces travaux et d'autres encore, nous les devons à l'activité de Mr. Evreïnow, actuellement membre du Conseil pour la partie économique» [2].

Въ связи съ учебной реформой К. Д. Ушинскаго потребовалась значительная перестройка зданія Александровскаго училища, *произведенная въ 1865 году.*

«Размѣщеніе воспитанницъ Александровскаго училища,—писалъ Совѣтъ,—съ давняго времени требуетъ болѣе простора, какъ въ классномъ, такъ и въ спальномъ отношеніи. Нынѣ же, съ умноженіемъ числа параллелей въ училищѣ, неминуемо требуется больше особыхъ аудиторій и дортуаровъ, чѣмъ было прежде, до преобразованія трехлѣтнихъ учебныхъ курсовъ въ годовые. Между тѣмъ, въ бель-этажѣ изъ 29 оконъ циркульнаго фасада училища, находящагося противъ улицы и сквера, собственно воспитанницамъ принадлежатъ четыре окна; остальныя 25 оконъ заняты частью хозяйственнымъ управленіемъ и

[1] Такъ, въ 1871—1872—1873 гг. были вновь передѣланы полы въ банахъ, устроены новые умывальники и передѣланы уборныя (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1872 г., № 81, л. 1; Д. 1873 г. № 72). Въ 1867 г. пришлось заново передѣлать всѣ оконныя рамы, изъ которыхъ самой очень дуло; ремонтъ обошелся въ 5.661 р. 15 к. (Д. 1866 г., № 55). Въ 1871 г. прежніе деревянные баки, находившіеся подъ крышей Александровскаго училища для снабженія Смольнаго водой, были замѣнены новыми желѣзными; въ томъ же году, по мысли члена Совѣта А. Г. Евреинова, была устроена новая механическая прачешная (Д. 1871 г., № 57). [2] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, по оп. Б., № 174/18.

канцеляріей Совѣта, большею же частью — квартирами служащихъ при заведеніи чиновниковъ».

Канцелярія и квартиры служащихъ были, по постановленію Совѣта, перенесены изъ бель-этажа въ нижніе этажи; лучшую же часть зданія предоставили подъ классы и дортуары.

Одновременно Совѣтъ обратилъ вниманіе на «существенное неудобство, заключающееся въ томъ, что главный въ училище подъѣздъ находится подъ воротами, гдѣ сквозной вѣтеръ неотвратимъ, не говоря уже о томъ, что эти ворота занимаютъ значительное пространство и, будучи на всемъ протяженіи своемъ во всю глубину зданія постоянно открыты, холодятъ полъ тѣхъ комнатъ бель-этажа, которыя надъ ними находятся». Такія же ворота имѣлись и на обоихъ концахъ полуциркульнаго зданія. Совѣтъ постановилъ двое боковыхъ воротъ совершенно задѣлать, среднія же ворота—обратить въ теплый и свѣтлый подъѣздъ [1].

Особыми заботами Совѣта пользовались сады, гдѣ постоянно приходилось вновь подсаживать деревья и кустарники [2].

Въ 1868 г., по ходатайству Совѣта, съ Высочайшаго соизволенія Его Величества, была обновлена домовая, «дѣтская» церковь Императорскаго Воспитательнаго Общества. Былъ воздвигнутъ новый иконостасъ въ древнемъ византійскомъ стилѣ, вновь написаны нѣкоторыя иконы, расписанъ куполъ, привѣшены новыя люстры и проч. Всѣ работы велись по проекту и подъ руководствомъ архитектора академика Макарова. Иконы писали академики художники Горбуновъ и Лавровъ, Колчинъ и Шутовъ.

Перестройка была закончена къ 15 декабря 1868 г., и въ этотъ день состоялось освященіе обновленнаго храма. Чинъ освященія совершалъ кіевскій митрополитъ Арсеній. Во время обѣдни прибыли митрополиты петербургскій Исидоръ и московскій Иннокентій, которые приняли участіе въ молебнѣ. Чинъ освященія и литургію пѣли воспитанницы на два хора, подъ управленіемъ Ломакина [3].

Съ 1862 г. при церкви Императорскаго Воспитательнаго Общества была учреждена должность старосты. Первымъ старо-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 58, лл. 3—5. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1865 г., № 58. [3] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1868 г., № 34, лл. 4—5; Д. 1870 г., № 17 (оп. кн.); Мордвинова, 236—237. Въ 1878 г. прежній иконостасъ былъ пожертвованъ для одной изъ бѣдныхъ церквей Прибалтійскаго края (Д. 1874 г., № 60).

стой при «дѣтской» церкви былъ купецъ П. М. Алексѣевскій, но онъ пробылъ всего одинъ годъ, и на его мѣсто былъ избранъ казначей Канцеляріи Смольнаго Е. Гепнеманъ [1].

По мысли Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, съ соизволенія Ихъ Величествъ, въ 1870 г. было устроено

Наслѣдникъ Цесаревичъ
АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

въ зданіи Александровскаго училища телеграфное отдѣленіе. Оно должно было обслуживать прежде всего Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и Александровское училище, поэтому помѣщеніе для него было отведено безплатно [2].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1862 г., № 51; Д. 1836 г., № 108. [2] Телеграфистомъ былъ назначенъ чиновникъ, женатый на бывшей воспитанницѣ Александровскаго училища, тоже телеграфисткѣ. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 37).

Въ 1876 г. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій командировалъ въ Воспитательное Общество инспектора по медицинской части съ врачемъ спеціалистомъ по глазнымъ болѣзнямъ для выясненія условій искусственнаго освѣщенія классовъ. При осмотрѣ классовъ выяснилось: «1, что распредѣленіе свѣта въ обществѣ и училищѣ неравномѣрно; кромѣ висящихъ лампъ употребляются и стѣнныя, дающія свѣтъ съ боку, отчасти за рукою; абажуры плоскіе, сѣрые и матовые, тогда какъ имъ надлежитъ быть конусообразными и свѣтлосиними; во всѣхъ классахъ висятъ одна или нѣсколько двойныхъ лампъ, коимъ находиться не должно; 2, размѣщеніе столовъ, относительно повѣшенныхъ у нихъ лампъ, въ нѣкоторыхъ классахъ тоже не равномѣрно. Дабы улучшить освѣщеніе, необходимо отмѣнить стѣнныя лампы, дѣлать ихъ висящими и распредѣлить ихъ по мѣрѣ надобности, для равномѣрнаго освѣщенія классовъ».

Вскорѣ Совѣтъ доносилъ Его Высочеству, что «во всѣхъ классахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ помѣщеніяхъ плоскія горѣлки замѣнены круглыми и всѣ стѣнныя лампы замѣнены висящими. По нынѣшнему распредѣленію сихъ лампъ освѣщеніе оказывается равномѣрнымъ и совершенно удовлетворительнымъ» [1].

Въ 1867 г., съ соизволенія Государя, было отпущено Императорскому Воспитательному Обществу 3.500 р. на ремонтъ и пріобрѣтеніе новыхъ музыкальныхъ инструментовъ для воспитанницъ [2].

Требовались расходы и на содержаніе музыкантовъ, игравшихъ во время танцевъ воспитанницъ [3]. Это были остатки ранѣе существовавшаго въ Смольномъ собственнаго оркестра.

При приготовленіи къ торжеству празднованія въ 1864 году столѣтія Императорскаго Воспитательнаго Общества обнаружилось крайнее неудобство отъ того, что въ большомъ залѣ Смольнаго не имѣлось портретовъ Августѣйшихъ Покровительницъ Воспитательнаго Общества. Ко дню торжества портреты эти, съ Высочайшаго соизволенія, были временно взяты изъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1879 г., № 87, л. 8. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 41. [3] Въ октябрѣ 1870 г. при Обществѣ числилось четверо музыкантовъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 35).

Московскаго Воспитательнаго Дома и Патріотическаго института и послѣ юбилея возвращены [1].

При перестройкѣ въ 1866 г. большого зала Совѣтъ Воспитательнаго Общества, признавая желательнымъ поставить въ его залѣ портреты Августѣйшихъ Покровительницъ Смольнаго, обратился съ просьбой къ министру Двора гр. Адлербергъ объ исходатайствованіи соизволенія Его Величества «на уступку для Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, буде возможно, какихъ либо изъ имѣющихся въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Эрмитажѣ портретовъ по крайней мѣрѣ въ Бозѣ *почивающихъ* Императрицъ *Екатерины II и Маріи* Ѳеодоровны во весь ростъ; или если нельзя изъ Эрмитажа, то изъ загородныхъ дворцовъ» [2].

По докладу гр. В. Ѳ. Адлерберга, Государь Императоръ пожаловалъ Императорскому Воспитательному Обществу «имѣвшіеся на лицо» портреты Императрицъ Екатерины II и Маріи Александровны. Академику Горбунову была заказана Совѣтомъ копія съ портрета Императрицы Маріи Ѳеодоровны, находившагося въ Англійскомъ дворцѣ въ Петергофѣ, и одновременно академику Лаврову—копія съ портрета Императрицы Александры Ѳеодоровны, находившагося въ ротондѣ Зимняго Дворца [3].

Въ 1873 г. Ихъ Величества, по ходатайству Совѣта Общества, соизволили на постановку въ залѣ собранія Императорскаго Воспитательнаго Общества, между портретами Императрицъ Екатерины II и Маріи Александровны, портрета Императора Александра II. 30 августа 1873 г. «портретъ Обожаемаго упомянутымъ заведеніемъ Монарха постановленъ на указанномъ мѣстѣ и открытъ по совершеніи молебствія о долгоденствіи Его Величества при гимнѣ Боже! царя храни» [4].

Веденіе хозяйственной части въ Смольномъ было дѣломъ настолько сложнымъ и труднымъ, что въ 1871 г. потребовалось «отдѣлить управленіе хозяйственною частію Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ отъ управленія тою же частію С.-Петербургскаго Александровскаго училища, опредѣливъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1866 г., № 49, л. 1. [2] Тамъ же. [3] Тамъ же, лл. 4—5, 8, 9, 11. На пріобрѣтеніе портретовъ и рамъ Императрица повелѣла отпустить изъ кассоваго капитала 1.500 рублей. На всѣ четыре портрета были заказаны золотыя рамы, по 75 р. каждая. (*Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1866 г., № 49, л. 7*). [4] *Арх. Имп.* Восп. Общ. Д. 1873 г., № 91, лл. 3 и 4.

для завѣдыванія оною въ семъ послѣднемъ особаго Смотрителя, съ производствомъ ему положенныхъ по штату восьмисотъ рублей жалованья и семисотъ рублей содержанія, при казенной квартирѣ» [1].

Мѣстность близъ Смольнаго заселялась главнымъ образомъ въ сторону города, расширялся и городъ; такимъ образомъ, въ

Государыня Великая Княгиня
Марія Ѳеодоровна.

царствованіе Императора Александра II Смольный не могъ уже считаться расположеннымъ за предѣлами города. Поэтому въ 1862 г. «изъ вѣдомства» Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища была изъята, какъ излишняя, особая нижнеслужительская команда, несшая до того времени караульную службу при Смольномъ [2].

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1871 г., № 73, л. 1. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 72, лл. 6—7.

Въ 1863 г. Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества возбудилъ ходатайство о дарованіи аптекарю Общества надворному совѣтнику П. Гольцману привилегіи на открытіе вольной аптеки по ближайшему сосѣдству со Смольнымъ. Совѣтъ находилъ, что содержаніе собственной аптеки въ Смольномъ, не представляя большихъ выгодъ, требуетъ особаго помѣщенія, служащихъ и сопряжено съ неудобствами. Доходъ отъ продажи лекарствъ изъ аптеки Общества въ городскія богадѣльни и Вдовій Домъ [1] съ избыткомъ будетъ покрытъ скидкой въ 40%, которую Гольцманъ даетъ обязательство дѣлать Обществу и училищу. Ходатайствуя, чтобы открытіе вольной аптеки возлѣ Смольнаго было разрѣшено именно Гольцману, Совѣтъ Воспитательнаго Общества указывалъ также на «двѣнадцатимѣсячное служеніе его въ Севастополѣ, во время бомбардированія сей крѣпости непріятелемъ, и крайне бѣдное его положеніе при большомъ семействѣ изъ девяти человѣкъ дѣтей» [2]. Ходатайство Совѣта было уважено и открытіе на указанныхъ имъ условіяхъ вольной аптеки близъ Смольнаго монастыря Гольцману было разрѣшено [3].

Постепенно распространялся обычай писать стальными перьями, но еще въ 1861 г. въ Смольномъ больше писали гусиными перьями. Письмоводитель Канцеляріи даже получалъ особое вознагражденіе за чинку перьевъ [4].

М. П. Леонтьева внимательно слѣдила за постояннымъ пополненіемъ бѣлья и платьевъ воспитанницъ. Такъ, въ 1870 г. ею было внесено на обсужденіе жѣстнаго Совѣта ходатайство предъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ о дозволеніи, «согласно давно укоренившемуся порядку, строить» воспитанницамъ Общества по два камлотовыхъ платья ежегодно, а не по одному, какъ было указано нормальной табелью. Свое ходатайство М. П. Леонтьева основывала на томъ, что плата за пансіонерокъ въ Обществѣ выше чѣмъ въ другихъ институтахъ, и что нормальная табель «дозволяетъ многіе предметы одежды, вовсе не употребляемые въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ» и, такимъ образомъ, не потребуется лишнихъ противъ нормы расходовъ. Ходатайство М. П. Леонтьевой было удовлетворено [5].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1864 г., № 78. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 72, лл. 6—7. [3] Тамъ же, л. 10. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1861 г., № 30. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 51.

Въ 1866 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе прекратить, въ цѣляхъ сокращенія перевода русскихъ денегъ за границу, *правительственные заказы за границей* [1]. *По отношенію* къ Смольному, это запрещеніе коснулось прежде всего заказовъ камлота и другихъ матеріаловъ для платьевъ и бѣлья воспитанницъ.

Немало заботъ проявлялъ Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества о служителяхъ и служанкахъ Смольнаго, особенно о бывшихъ питомицахъ Воспитательныхъ Домовъ. Совѣтъ поручалъ діаконамъ за особую плату обученіе грамотѣ и письму питомицъ служанокъ Смольнаго [2]. Престарѣлыхъ служанокъ, питомицъ Воспитательныхъ Домовъ, помѣщали въ богадѣльни [3]. До изданія нормальнаго штата 1866 г. при Воспитательномъ Обществѣ былъ особый лазаретъ для пользованія служанокъ изъ питомицъ Воспитательныхъ Домовъ. Съ 1866 г. лазаретъ этотъ былъ упраздненъ, и больныхъ стали помѣщать въ Маріинскую больницу. Однако, вслѣдствіе отдаленности Смольнаго, такой порядокъ оказался неудобнымъ, и въ 1870 г. М. П. Леонтьева возбудила ходатайство передъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ о возстановленіи служительскаго лазарета, указывая, что «благодѣтельное намѣреніе» Его Высочества въ этомъ отношеніи «совершенно соотвѣтствуетъ распоряженію Блаженныя памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая при учрежденіи лазарета для нижней прислуги, между прочимъ, выразилась: *«Человѣколюбіе требуетъ, чтобы за порядочныя ихъ* услуги онѣ, по крайней мѣрѣ, призрѣны были въ болѣзняхъ» [4].

Съ 1870 г. было разрѣшено снова лѣчить ихъ въ Смольномъ, отнеся расходы по возстановленію служительскаго лазарета за счетъ ежегодныхъ остатковъ по Обществу [5].

Во время Императрицы Маріи Александровны Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества попрежнему пользовался предоставленнымъ ему по волѣ въ Бозѣ Почивающей

[1] Цирк. по Вѣд. Учр. Имп. Маріи 1866 г., № 6128. [2] Такъ, въ 1868 г. діаконъ Богдановъ за занятія съ питомицами получалъ 125 р. 72 к. въ годъ, а *діаконъ Никольскій—150 р.* (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 44). [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1863 г., № 68. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 69. [5] Тамъ же.

Императрицы Маріи Ѳеодоровны правомъ замѣщенія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ вакансій Ея имени [1].

Въ постоянныхъ заботахъ объ обезпеченіи служебнаго персонала Смольнаго Совѣту Воспитательнаго Общества приходилось встрѣчаться съ серьезными при достиженіи этой цѣли затрудненіями. Такъ, по штату 1866 г. отпускалось на вознагражденіе преподавателей въ Смольномъ по 75 р. за годовой часъ, вмѣсто прежнихъ 90 р. [2]. Но уменьшить плату уже состоявшимъ на службѣ преподавателямъ Совѣтъ считалъ неудобнымъ. Получалась ежегодная передержка, и Совѣту приходилось постоянно напоминать инспектору классовъ, чтобы онъ по возможности соблюдалъ экономію при приглашеніи новыхъ преподавателей, назначая имъ первоначальное жалованье даже ниже установленной нормы съ тѣмъ, чтобы остатки отъ экономіи шли на плату сверхъ установленной нормы уроковъ заслуженныхъ преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ экономіи Совѣтъ рекомендовалъ инспектору приглашать въ младшіе классы не преподавателей, а учительницъ [3].

Великая Княгиня
Марія Александровна.

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 58, л. 8. [2] Расписаніе окладовъ по Воспитательному Обществу см. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1865 г., № 13 (оп. кн.); Д. 1868 г., № 9 (оп. кн.); и др. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 58.

Вслѣдствіе такихъ ограниченій, инспектору классовъ приходилось испытывать постоянныя затрудненія при приглашеніи хорошихъ преподавателей, и, несмотря на неоднократныя настойчивыя указанія Совѣта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашать отдѣльныхъ преподавателей на окладъ не только не ниже нормы, а даже выше ея, напр., по 102 р. годовой часъ [1].

Несмотря на финансовыя затрудненія, Совѣтъ не считалъ возможнымъ лишать служащихъ денежныхъ пособій. Такъ, въ 1860 г. было выдано Ушинскому 700 р., «въ уваженіе отлично усердной службы и особыхъ трудовъ, разстроившихъ его здоровье» [2]. Подобныя награды и пособія выдавались служащимъ и въ послѣдующіе годы [3].

Съ 1870 г., съ разрѣшенія Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, суммы, поступавшія въ кассу Смольнаго, вносились со времени полученія до израсходованія на проценты въ Государственный Банкъ, «съ тѣмъ, чтобы доходы, имѣющіе выручаться такимъ способомъ, употреблялись на пособія служащимъ и на собственныя надобности заведеній» [4].

До 1866 г. многіе служащіе въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ пользовались безплатно казенными квартирами [5]. По нормальному штату 1866 г. безплатныя казенныя помѣщенія были сохранены лишь за начальницей, инспектрисами, классными дамами и нѣкоторыми другими служащими женскаго пола. За всѣми остальными служащими, безвозмездно пользовавшимися казенными помѣщеніями, было сохранено право пользоваться казенной квартирой, но за особую плату по льготной расцѣнкѣ [6]. Новый порядокъ тяжело отразился на матеріальномъ благополучіи служащихъ Общества и вскорѣ въ IV Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи стали поступать ходатайства отдѣльныхъ служащихъ Смольнаго о сложеніи съ нихъ платы за квартиры [7].

Первое время эти ходатайства отклонялись на томъ основаніи, что «пользованіе казенными квартирами даже за устано-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1867 г., № 58. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1860 г., № 7 (оп. кн.). [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1874 г., № 87. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1870 г., № 87, л. 1. [5] Въ томъ числѣ—инспекторъ, священники, діаконъ, доктора, бухгалтеръ, казначей, правитель канцеляріи, причетникъ, музыкальныя дамы (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 38, лл. 13—17; Д. 1868 г., № 42, л. 16). [6] Тамъ же. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 38, лл. 19, 22, 25—26, 33 и т. д.

кленную плату есть уже сама по себѣ льгота, и при томъ не безусловная, а пріобрѣтаемая продолжительною службою» [1]. Но уже съ 1 августа 1871 г. инспектора классовъ обоихъ заведеній «не въ примѣръ прочимъ» были освобождены, по ходатайству Совѣта Смольнаго, отъ квартирной платы, во вниманіе къ тому, что «они долѣе другихъ состоятъ на службѣ въ заведеніяхъ», въ особенности же въ виду «важности отправляемыхъ ими обязанностей и извѣстной Главному Управленію полезной ихъ дѣятельности» [2]. Въ 1876 г. «во вниманіе къ долговременной, усердной службѣ и къ недостаточному состоянію» были «лично» освобождены, по ходатайству Совѣта Общества, отъ квартирной платы казначей Геннеманъ и бухгалтеръ Яцкенъ [3]. Въ томъ же году, по ходатайству мѣстнаго Совѣта, были «лично» освобождены отъ квартирной платы «во вниманіе къ крайне ограниченнымъ окладамъ содержанія» законоучители Общества и училища, діаконъ и причетникъ Общества, а секретарь Совѣта Общества Бутовскій «во вниманіе къ долговременной службѣ» освобожденъ отъ платы за отопленіе занимаемой имъ казенной квартиры [4].

Въ отступленіе отъ требованій штата 1866 г. въ Смольномъ были сохранены за небольшую плату квартиры, ранѣе безплатно отведенныя лицамъ, которыя прежде имѣли то или другое отношеніе къ Воспитательному Обществу. Въ зданіяхъ Смольнаго, преимущественно въ комнатахъ нижняго и верхняго этажа стараго зданія, гдѣ былъ запасный лазаретъ, отводились помѣщенія бывшимъ инспектрисамъ и класснымъ дамамъ Смольнаго. Эти помѣщенія имѣли внутреннее сообщеніе съ новымъ зданіемъ института, а также выходъ въ дѣтскій садъ, гдѣ постоянно играли воспитанницы. Поэтому, какъ заявляла начальница Общества въ 1877 г. Главному Управленію, ихъ нельзя было предоставить какимъ либо другимъ лицамъ, не имѣвшимъ непосредственнаго отношенія къ институту. Кромѣ того, бывшія инспектрисы и классныя дамы, поселявшіяся по выходѣ въ отставку въ Смольномъ, были полезны, по словамъ начальницы, заведенію тѣмъ, что, «живя въ домѣ, онѣ пользуются всякимъ свободнымъ часомъ и, когда нужно дѣтямъ помочь, занимаются ими въ свободное отъ классовъ время» [5].

[1] См., напр., тамъ же, л. 25. [2] Тамъ же, л. 26. [3] Тамъ же, л. 33. [4] Тамъ же, л. 37. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 38, л. 42.

По нормальному штату 1866 г. было отмѣнено предоставленное ранѣе служащимъ право безплатнаго пользованія казенными экипажами. Однимъ служащимъ взамѣнъ этого были даны «экипажныя деньги» [1]. Съ другихъ была установлена особая плата, въ случаѣ, если пожелаютъ пользоваться казеннымъ экипажемъ [2].

При Императрицѣ Маріи Александровнѣ пенсіи служащимъ въ Смольномъ производились на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [3].

Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Попрежнему нѣкоторымъ изъ бывшихъ инспектрисъ, съ Высочайшаго соизволенія, назначались, въ изъятіе изъ правилъ, помимо пенсій изъ суммъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи добавочныя пенсіи, въ размѣрѣ 1.500 р. въ годъ, изъ Государственнаго Казначейства [4].

Въ заботахъ о служащихъ, Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества не останавливался иногда предъ ходатайствами о назначеніи пенсій внѣ правилъ. Такъ, въ 1864 г. Совѣтъ Общества возбудилъ предъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ ходатайство о «назначеніи часовому мастеру

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1836 г., № 21. [2] Съ этого времени названнымъ экипажемъ, главнымъ образомъ, пользовались учительницы музыки, при чемъ съ 1 января по 1 декабря 1867 г. съ каждой изъ нихъ пришлось по 99 р. (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1868 г., № 42, л. 19). [3] Подробнѣе о порядкѣ производства пенсій см. Шванъ, стр. 335 и слѣд. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1848 г., № 74; Д. 1853 г., № 93.

Христіану Гедда въ пожизненную пенсію производимаго ему жалованья по 228 р. 57 к. серебр. въ годъ», при чемъ указывалось, что Гедда, отецъ его и дѣдъ, «трое по очереди, въ продолженіи 100 лѣтъ служили Смольному» [1]. Ходатайство было удовлетворено.

Кассетный капиталъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ попрежнему былъ значитель-

Залъ во дворцѣ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

нымъ. Въ 1869 г. онъ, напр., равнялся 367.383 р., а годовые проценты съ него—20.102 р. 42 к. [2]. Проценты съ этого капитала расходовались, какъ и ранѣе, съ соизволенія Императрицы. Изъ нихъ выдавались пособія бѣднѣйшимъ воспитанницамъ при вы-

[1] Дѣдъ Христіана Гедда «слесарнаго и кузнечнаго дѣлъ мастеръ» служилъ съ 1751 г. еще при «Конторѣ строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря», отецъ—слесарнаго же дѣла мастеръ былъ принятъ по распоряженію И. И. Бецкого въ Контору строенія «для поставленія надъ церковью Общества благородныхъ дѣвицъ (нынѣ церковь Вдовьяго Дома) вывезенныхъ изъ Швеціи у часоваго мастера Петра Нордштейна боевыхъ часовъ, а также для присмотру, ежедневнаго заведенія, чищенія и смазыванія оныхъ, съ производимымъ ему жалованьемъ по 150 р. въ годъ». Христіанъ Гедда состоялъ часовымъ мастеромъ въ Смольномъ съ 1822 г. (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1864 г., № 82). [2] Муз. Имп. Воспит. Общ.

пускѣ, воспитанницамъ спеціальнаго класса на экипировку, пособія служащимъ [1], пособія на воспитаніе дѣтей служащихъ, квартирныя деньги, годовой окладъ при назначеніи Маріинскаго знака; изъ этихъ же суммъ выдавались награды служащимъ по особымъ случаямъ, какъ, напр., по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника; изъ процентовъ съ кассетнаго капитала выдавались иногда добавочныя суммы на строительныя и ремонтныя работы и т. д. [2].

[1] Въ 1859 г., между прочимъ, изъ процентовъ съ кассетнаго капитала было выдано Ушинскому 450 р. «на подъемъ и обзаведеніе по случаю переѣзда его изъ Гатчины» [Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 4 (оп. кн.), № 6]. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1859 г., № 7 (оп. кн.); Д. 1860 г., № 7 (оп. кн.); Д. 1861 г., № 4 (оп. кн.); Д. 1866 г., № 20 (оп. кн.); Д. 1867 г., № 37 (оп. кн.); Д. 1870 г., № 21 (оп. кн.); и мн. др.

XI.

Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи Александровны и Смольнаго ея времени.

Императрица Марія Александровна скончалась 22 мая 1880 г. Пребываніе за границей, въ тепломъ климатѣ, оказало лишь временное улучшеніе въ состояніи здоровья Августѣйшей больной; съ возвращеніемъ ея въ Россію, болѣзнь стала снова усиливаться, силы Государыни падали съ каждымъ днемъ.

Кончина Императрицы Маріи Александровны не была неожиданной и, тѣмъ не менѣе, произвела глубокое впечатлѣніе на русскій народъ. За сорокъ лѣтъ неустанной дѣятельности Императрицы Маріи Александровны имя ея стало не только хорошо знакомо, но и близко каждому. Государыня отличалась необыкновенной сердечностью и простотой, какъ въ личной жизни, такъ и въ отношеніяхъ съ людьми. Память о себѣ она запечатлѣла любовью къ людямъ, въ особенности къ дѣтямъ, горячимъ состраданіемъ къ человѣческому горю.

Въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о кончинѣ Императрицы Маріи Александровны, между прочимъ, говорилось: «Неустанная, материнская заботливость въ Бозѣ почившей Императрицы о благѣ многочисленныхъ юныхъ питомцевъ въ непосредственномъ Ея вѣдѣніи состоявшихъ воспитательныхъ учрежденій; Ея сердобольное участіе къ жертвамъ минувшей войны и ихъ семействамъ, неограниченное предѣлами отечества, но простиравшееся и на далекихъ единовѣрцевъ,—мы твердо уповаемъ,—*навсегда запечатлѣются въ благодарной памяти Ею благодѣтельствованныхъ* и достойно оцѣнятся всеблагимъ праведнымъ Судіею въ другомъ лучшемъ мірѣ» [1].

Некрологи, посвященные памяти почившей Императрицы, проникнуты трогательнымъ чувствомъ и отличаются непритворной сердечностью.

«Много слезъ осушила царственная рука почившей Государыни,—писалъ «Голосъ»,—и всѣ эти слезы вновь прольются нынѣ съ молитвою объ упокоеніи души въ Бозѣ почившей» [2].

«Да хранится вѣчно благодарная память о Той,—говорилось въ другой статьѣ, посвященной памяти почившей Государыни—которая при жизни, въ своемъ высокомъ положеніи, не знала для себя лучшей радости, какъ осушать слезы больныхъ и сирыхъ, поддерживать своимъ поощреніемъ трудящихся и показывать всѣмъ намъ высокій и достойный подражанія примѣръ любви къ дѣтямъ и теплой заботливости о ихъ воспитаніи» [3].

Въ черногорской газетѣ «Гласъ Черногорца» была помѣщена прочувственная статья, посвященная памяти почившей русской Государыни. Статья заканчивалась слѣдующими строками:

«Облеченная въ трауръ и печаль Черногорія, весь народъ нашъ съ своимъ разстроганнымъ державнымъ княземъ во главѣ, сегодня проливаетъ слезы надъ гробомъ Царицы; заочно смиренно цѣлуетъ Ея охладѣвшую руку, послужившую столькимъ добрымъ дѣламъ, посылаетъ на Ея могилу свѣжій вѣнокъ и горсть черногорской земли; и вмѣсто послѣдняго прощанія изъ стѣсненной до боли груди возноситъ свой вздохъ: «Тихо покойся въ вѣчномъ мірѣ, добрая душа—великая Царица. Добрыя дѣла твои уготовали для Тебя мѣсто въ раю; а между нами оставили вѣчную память!» [4].

[1] Р. Ст. 1881 г., кн. V, стр. 23. [2] Голосъ, 23 мая 1880 г., № 142. [3] «Женск. образ.» 1880 г., №№ IV—V. [4] «Вѣстн. народн. помощи», 1880 г., № 24.

Имя Императрицы Маріи Александровны занимаетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія и благотворительности. Почившая Государыня обладала рѣдкой способностью съ проникновенной чуткостью оцѣнивать историческія задачи русской жизни и согласовала свою дѣятельность съ условіями и потребностями своего времени. Такова была дѣятельность Императрицы Маріи Александровны по организаціи Краснаго Креста, такова дѣятельность ея въ отношеніи женскаго воспитанія и образованія.

Великія преобразованія Императора Александра II встрѣчали живой откликъ и горячее сочувствіе въ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Исключительное по своей стремительности въ первые годы царствованія Императора Александра II теченіе русской жизни по пути преобразованія вызвало неотложную потребность соотвѣтственныхъ измѣненій и въ области воспитанія и образованія. Привѣтствуя обновленіе русской жизни, Императрица признала необходимымъ возсоздать и усовершенствовать русскую женскую школу, находившуюся подъ ея попеченіемъ. Слѣдствіемъ такого взгляда Императрицы явилось преобразованіе Смольнаго, родоначальника всѣхъ другихъ женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній въ Россіи.

Произведенное по волѣ Императрицы Маріи Александровны и планамъ Ушинскаго преобразованіе учебной части въ Смольномъ являлось вполнѣ своевременнымъ. Сто лѣтъ своей жизни Смольный неизмѣнно служилъ живымъ образцомъ для другихъ женскихъ учебныхъ заведеній Россіи. Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, обновленное, въ отношеніи постановки учебнаго дѣла, съ возрожденными силами вступило на указанный ему Державной Преобразовательницей путь и съ полнымъ правомъ сохранило за собой почетное мѣсто среди женскихъ учебныхъ заведеній. Императрица Марія Александровна, подобно Императрицѣ Екатеринѣ II, поставила Смольному задачей готовить своихъ питомицъ не только къ дѣятельности въ семьѣ, но къ возможно широкому и разностороннему вліянію чрезъ семью на самыя разнообразныя стороны русской жизни.

За время Императрицы Маріи Александровны изъ стѣнъ Смольнаго вышелъ рядъ дѣятельницъ на поприще педагогіи, науки, искусства и благотворительности. Въ области педагоги-

ческой дѣятельности выдѣлились С. М. Норова, Левицкая, рожд. Полевая, Л. М. Воскобойникова, рожд. Рындина, Л. А. Кубаркина, О. К. Костомарова, Ю. Л. Нольде, М. В. Бѣляева, баронесса Ю. П. Гейкингъ, рожд. Шумлянская, А. К. Онгирская, рожд. Гранъ, М. М. Булгакъ, рожд. Бартенева, А. Н. Гриппен-

Государыня Царевна МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА съ Августѣйшей сестрой Принцессой АЛЕКСАНДРОЙ Валійской.

бергъ, рожд. Шустова, Н. И. Тыркова, рожд. Иванова, Е. Иванова, рожд. Гескетъ, О. А. Бабкина, Л. Де Бойэ, рожд. Эйлерсъ, Л. Ф. Андреянова, рожд. Смитъ, Н. А. Панкратова, В. И. Лихошерстова, рожд. Хижевская, и др. Большинство изъ нихъ стояли въ главѣ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, открывали собственныя учебныя заведенія, составляли учебныя книги.

Къ числу дѣятельницъ на литературномъ поприщѣ принадлежатъ, напр., З. Е. Мордвинова, М. В. Ватсонъ, рожд. де Роберти, М. Н. Кладо, В. Г. Вильмсъ и др. [1]. Въ области искусства выдвинулись Н. А. Иредкая, С. А. Малоземова, М. Э. Зволянская, А. М. Воронова, рожд. Рындина, В. А. Ермолаева и мн. др. Иныя, какъ, напр., А. Шатова, М. Васильева, рожд. Шатова, А. П. Попова, рожд. Ефимова, избрали для себя врачебную дѣятельность. Нѣкоторыя посвятили себя служенію Богу, какъ, напр., игумена Новодѣвичьяго монастыря Антонія, въ мірѣ З. А. Рейнботъ, игумена Покровскаго монастыря въ Кіевѣ Мелитина, въ мірѣ М. Филиппова, игумена Лѣсинскаго монастыря Екатерина, въ мірѣ Е. Б. Ефимовская. Многія смолянки выдѣлились на поприщѣ благотворительныхъ заботъ о дѣтяхъ, о больныхъ, бѣдныхъ, несчастныхъ. Таковы вице-предсѣдательница Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества фрейлина Государынь Императрицъ В. В. Бельгардъ, М. В. Бельгардъ, настоятельница Елизаветинской Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста Е. И. Ключарева, А. К. Де Ливронъ, М. Р. Лермонтова, М. А. Карпова, рожд. Яновичъ, начальница Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста въ Бѣлостокѣ С. Г. Постовская, рожд. Игельстромъ, и мн. др.

Начавъ съ Смольнаго, Императрица Марія Александровна повелѣла произвести соотвѣтствующія преобразованія и въ другихъ институтахъ. Эти преобразованія, оказавшіяся весьма благотворными [2], потребовали меньшей затраты силъ, потому что имѣлся законченный живой образецъ—Смольный, откуда по каждому вопросу можно было безъ труда получить самыя точныя указанія. Начальницы и инспектора различныхъ институтовъ постоянно пріѣзжали «учиться» въ Смольный. Этой своей дѣятельностью Смольный благодарно отплатилъ Императрицѣ за довѣріе и честь, какія оказала ему Государыня, избравъ его, прежде всѣхъ другихъ институтовъ, носителемъ и выразителемъ ея просвѣщенныхъ педагогическихъ воззрѣній.

Въ стремленіи дать русской дѣвушкѣ самый широкій доступъ въ школу Императрица Марія Александровна еще въ

[1] См. кн. Н. Голицынъ. Поповичевъ. [2] Белобашова, 42—67, 76—79. Щепкина, 282—283. Подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Императрицы Маріи Александровны въ русскомъ обществѣ и печати сильно возросъ интересъ къ женскимъ институтамъ, отразившійся даже въ художественной литературѣ (См., напр., Р. Пед. Въсти. 1861, VII, 12—22).

послѣдніе годы жизни Императрицы Александры Ѳеодоровны, уже почти не принимавшей тогда непосредственнаго участія въ управленіи учрежденіями Вѣдомства Императрицы Маріи, основала первыя въ Россіи правительственныя открытыя учебныя заведенія—женскія гимназіи. Учебныя программы для этихъ заведеній и вообще постановка учебнаго дѣла въ нихъ были во многомъ заимствованы изъ Смольнаго [1]. Открытіе женскихъ гимназій пошло настолько быстро, что уже въ 1861 году, при обсужденіи проектовъ устава и штата ихъ, Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній имѣлъ полное право сказать, что «училища для приходящихъ дѣвицъ» — какъ первоначально назывались женскія гимназіи — «быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ воззрѣнію Правительства на этотъ способъ образованія женскаго пола и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ впредь, до того времени, когда они окончательно разовьются и, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе».

По примѣру и образцу женскихъ гимназій Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи были, въ свою очередь, учреждены женскія гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Министерство Народнаго Просвѣщенія ранѣе удѣляло мало вниманія заботамъ о женскомъ образованіи. Правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія совершенно не было; частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній тоже было немного. Въ 1833 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе «впредь до усмотрѣнія пріостановиться открытіемъ новыхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ столицахъ и разрѣшать открытіе ихъ въ другихъ городахъ только въ случаяхъ крайней надобности». Имѣлось въ виду «предупрежденіе открытія частныхъ пансіоновъ, не достигающихъ своей цѣли». Къ 1853 г. число женскихъ пансіоновъ и школъ во всей Имперіи едва доходило до ста.

Только послѣ открытія женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи Министерство Народнаго Просвѣщенія стало дѣятельнѣе относиться къ распространенію женскаго образованія

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1845 г. № 89. Двадцатипятилѣтіе СПБ. женск. гимн. Вѣд. учр. Императрицы Маріи.

въ Россіи и приступило къ составленію проекта устройства женскихъ гимназій. При разработкѣ проекта были сдѣланы существенныя заимствованія изъ уставовъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, сиротскихъ институтовъ, женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи и нѣсколькихъ заграничныхъ учебныхъ заведеній [1].

Группа воспитанницъ Смольнаго.

Проектъ положенія о женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ препровожденъ Главноуправляющему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому для разсмотрѣнія служащими въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи лицами, «спеціально знакомыми съ дѣломъ женскаго воспитанія». Замѣчанія Учебнаго Комитета Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи были приняты

[1] Къ проекту были, между прочимъ, приложены свѣдѣнія о женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, списокъ употребляющихся въ нихъ учебныхъ руководствъ и пособій, а также нормальныя учебныя таблицы Вѣдомства и т. д.

Министерствомъ во вниманіе при окончательной разработкѣ проекта [1].

Одновременно начинается открытіе женскихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, частью по желанію самого духовенства, частью по иниціативѣ начальниковъ губерній [2]. Первоначально эти учебныя заведенія не имѣли правильной организаціи и представлялись чрезвычайно разнообразными по своимъ программамъ и постановкѣ учебнаго дѣла [3]. Нѣкоторыя болѣе походили на пріюты для призрѣнія сиротъ, чѣмъ на учебныя заведенія. Женскія училища духовнаго вѣдомства получили правильную организацію среднихъ учебныхъ заведеній лишь въ 1868 году, когда былъ Высочайше утвержденъ уставъ ихъ, при составленіи котораго, какъ и при выработкѣ учебныхъ табелей и программъ, была принята во вниманіе постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ Смольномъ. Самая мысль о преобразованіи женскихъ духовно-учебныхъ заведеній возникла у гр. Д. А. Толстого подъ вліяніемъ близкаго его знакомства съ совершеннымъ въ Смольномъ, по волѣ Императрицы Маріи Александровны, преобразованіями учебной части [4].

Въ 1873 году министерствомъ народнаго просвѣщенія Пруссіи было впервые издано положеніе «о высшихъ женскихъ школахъ» (Höhere Töchterschulen). Въ объяснительной запискѣ къ положенію прямо указывалось, что при составленіи его было обращено особое вниманіе на новую организацію учебныхъ курсовъ въ русскихъ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ, которые во многихъ отношеніяхъ могутъ служить образцами пра-

[1] Предст. Мин. Нар. Просв. въ 1865 г. при внесен. въ Госуд. Сов. проекта Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Ср. Арх. Совѣтъ Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи Д. 1921, св. 502; Д. 2529, св. 518. Рождественскій. Ист. обзоръ, 371—373, 463—468, 566—570. Сборн. пост. по Мин. Нар. Просв. тт. III—VII. Малиновскій (Р. Шк. 1914. Сент.-Окт., 154—159). [2] Арх. Св. Син. №№ 1969, 133, 569, 1113, 2029, 1352, 1328, 1063, 328, 1939, 97, 421, 2112, 144, 638, 1857, 1556 и др. Арх. Канц. Об.-Пр. Св. Син. Д. 1868 г. № 156. [3] Арх. Св. Син. №№ 1968, 1556, 282а/788; Арх. Канц. Об.-Пр. Св. Син. Д. 1868 г. № 187. [4] Арх. Канц. Об.-Пр. Св. Син. Д. 1868 г., № 187. Арх. Св. Син. Д. 282а/788; Д. Учеби. Ком. 1868 г. № 38. Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1859 г., № 72. Изъ Смольнаго были приглашены начальницы для нѣсколькихъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1867 г., № 37. Арх. Канц. Об.-Пр. Св. Син. Д. 1867 г., № 74 и др.). Царскосельское училище дѣвицъ духовнаго званія было, повидимому, поручено, по волѣ Императрицы Маріи Александровны, высшему наблюденію М. П. Лебедевой (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1858 г., № 27).

вильно организованныхъ общеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторое вліяніе русскихъ женскихъ институтовъ и гимназій сказалось и на нѣсколько позднѣе изданномъ первомъ уставѣ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній во Франціи.

ВРЕМЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государыня Императрица
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

I.

Принятіе Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Цесаревной Маріей Ѳеодоровной Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ подъ Свое покровительство.—О. А. Томилова.—М. П. Новосильцова.—*Свѣтлѣйшая княжна Е. А. Лихачъ.*—*Члены Совѣта.*

Черезъ семь дней послѣ кончины Императрицы Маріи Александровны, 29 мая 1880 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ Императора Александра II на имя Цесаревны Маріи Ѳеодоровны:

«Ваше Императорское Высочество. Съ кончиною въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Маріи Александровны, воспитательныя и благотворительныя заведенія вѣдомства Императрицы Маріи, пользовавшіяся въ теченіе безъ малаго 20 лѣтъ любвеобильнымъ и мудрымъ Ея попечительствомъ, лишились Августѣйшей своей Благодѣтельницы и Покровительницы.

Нынѣ, проводивъ тѣло Незабвенной Супруги Нашей до послѣдняго жилища, Мы исполняемъ сердечный долгъ въ отношеніи всѣхъ учрежденій Императрицы Маріи, ввѣряя ихъ Вашему Высочеству со всѣми правами, принадлежавшими Блаженной памяти Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Мы питаемъ твердую увѣренность, что непосредственное Ваше покровительство послужитъ для означенныхъ учрежденій залогомъ преуспѣянія и дальнѣйшаго развитія на пользу дорогаго Отечества,

и что къ осуществленію высокихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ задачъ ввѣряемаго Вамъ нынѣ вѣдомства Вы отнесетесь съ тою же полнотою истинно христіанскаго материнскаго чувства, какая постоянно проявлялась въ Царственной дѣятельности Незабвенной усопшей Императрицы. Переселившаяся же въ вѣчность Любезнѣйшая Супруга Наша да поможетъ Вамъ на семъ священномъ поприщѣ чистыми Своими молитвами передъ престоломъ Всевышняго, низводя щедрыя благословенія Отца любви и милосердія на близкія материнскому сердцу Ея учрежденія Вѣдомства Императрицы Маріи».

Цесаревна Марія Ѳеодоровна была вполнѣ подготовлена къ той просвѣтительно-благотворительной дѣятельности, къ какой она была призвана волей Императора Александра II.

Дочь короля Даніи Христіана IX, просвѣщеннаго и гуманнаго монарха, сумѣвшаго обезпечить своей странѣ возможность мирнаго процвѣтанія, принцесса Софія-Августа-Дагмара съ дѣтства привыкла видѣть въ монархѣ отца народа. Король Христіанъ IX, придававшій весьма важное значеніе просвѣщенію народа, съ большой заботливостью относился и къ образованію своихъ августѣйшихъ дѣтей. Семейная жизнь короля Христіана IX отличалась величайшей простотой, сердечностью, отсутствіемъ строгаго этикета.

Августѣйшіе родители принцессы, окружая своихъ дѣтей ласковой заботливостью, въ то же время пріучали ихъ не относиться равнодушно къ людскому горю, но приходить на помощь каждому.

Съ прибытіемъ въ Россію для молодой Цесаревны открылось широкое поле благотворительной дѣятельности. Слѣдуя примѣру русскихъ Императрицъ, Цесаревна, съ первыхъ же лѣтъ пребыванія въ Россіи, принимала живое участіе въ различныхъ отрасляхъ благотворительности. Первыми шагами Ея Императорскаго Высочества въ этомъ направленіи была организація помощи потерпѣвшимъ отъ недорода, а также энергичная плодотворная дѣятельность во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., по устройству помощи раненымъ, ихъ семействамъ и семействамъ убитыхъ воиновъ.

Кромѣ того, Цесаревна съ первыхъ же лѣтъ стала знакомиться съ учебными заведеніями Вѣдомства Императрицы Маріи, во главѣ которыхъ, по сложившейся традиціи, Ей какъ буду-

щей Императрицѣ, предстояло стать. Это знакомство Цесаревны естественно началось со Смольнаго, какъ заведенія, занимающаго первое по времени своего учрежденія и по своему положенію мѣсто среди женскихъ институтовъ Вѣдомства.

Въ первый же годъ по прибытіи Цесаревны въ Россію отношенія ея къ Смольному стали сердечно-милостивыми и близкими. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Данію лѣтомъ 1867 г. Цесаревна *пріѣзжала въ Смольный проститься и смолянки обѣщали* Ея Императорскому Высочеству молиться, чтобы путешествіе морем было благополучнымъ. 6/18 іюня фрейлина Цесаревны гр. Комаровская, по порученію Ея Высочества, сообщила М. П. Леонтьевой, что Великая Княгиня благополучно прибыла въ Копенгагенъ; погода была все время отличная, море спокойное, Ея Высочество просила благодарить воспитанницъ за сердечныя чувства и пожеланія.

М. П. Леонтьева просила гр. Комаровскую передать Великой Княгинѣ почтительнѣйшую благодарность смолянокъ за милостивое извѣстіе о путешествіи и доложить, что молитвы смолянокъ объ обратномъ пути Ея Высочества къ Россію будутъ еще усерднѣе и такъ же горячи, какъ желаніе снова увидѣть Великую Княгиню [1].

По случаю перваго посѣщенія Цесаревны Маріи Ѳеодоровны Смольнаго послѣ принятія Ея Высочествомъ Августѣйшаго покровительства надъ нимъ и прочими учрежденіями Вѣдомства Императрицы Маріи, одной изъ воспитанницъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, Вѣрой Богдановской, было написано стихотвореніе, заканчивавшееся слѣдующими словами.

»Ликуй же, Смольный, веселись,
Ликуй, счастливый нашъ пріютъ,
Марію Ѳеодоровну Вторую
Съ восторгомъ мы встрѣчаемъ тутъ!« [2].

Въ то время, когда Цесаревна Марія Ѳеодоровна приняла подъ Августѣйшее свое покровительство учрежденія Вѣдомства Императрицы Маріи, начальницей Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ была О. А. Томилова. Она пользовалась полнымъ довѣріемъ въ Бозѣ почивающей Импе-

[1] Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги М. П. Леонтьевой. [2] Изъ разск. бывш. смолянокъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III.

ратрицы Маріи Александровны, не разъ выражавшей ей Высочайшее одобреніе и удовлетвореніе ея дѣятельностью [1].

О томъ, насколько Императрица Марія Александровна и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна цѣнили дѣятельность О. А. Томиловой въ качествѣ начальницы Смольнаго, свидѣтельствуютъ многочисленные рескрипты, подарки и прочіе знаки милостиваго вниманія, какими удостаивали ее обѣ Императрицы [2].

Такъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ 1879 г. Императрицы Маріи Александровны на имя О. А. Томиловой говорилось: «Призвавъ васъ въ 1873 году на должность помощницы начальницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а затѣмъ назначивъ начальницею сего обширнаго заведенія, Государь Императоръ и Я заранѣе были увѣрены, что вы вполнѣ оправдаете Наши ожиданья. Слѣдя постоянно за успѣхами дѣвицъ ввѣреннаго вамъ заведенія и ихъ нравственностію, Мы съ особеннымъ удовольствіемъ видимъ ваши неутомимые труды и неустанную заботливость о ввѣренныхъ попеченію вашему дѣтяхъ. Вполнѣ успѣшный выпускъ дѣвицъ сего года вновь утвердилъ Насъ въ этомъ убѣжденіи. Жалуя вамъ препровожденный подарокъ, какъ видимый знакъ Нашего къ вамъ благоволенія, прошу васъ передать нашу благодарность, какъ Гг. членамъ Совѣта заведенія, такъ и всѣмъ лицамъ, вмѣстѣ съ вами трудившимся въ дѣлѣ воспитанія и образованія воспитанницъ выпускного класса.

Оставаясь въ надеждѣ, что сіи послѣднія на предстоящихъ путяхъ жизни сохранятъ заботливо внушенныя имъ въ стѣнахъ института добрыя начала, пребываю къ вамъ благосклонною и искренно доброжелательною

Маріей» [3].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1873 г., № 68, л. 37. [2] При назначеніи О. А. Томиловой новою должностью начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества ей былъ предоставленъ придворный экипажъ; съ 1883 г., кажется экипажа, было опредѣлено на разъѣзды по 1.800 р. въ годъ изъ суммъ вѣдомства (Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1873 г., № 68, л. 21). Въ 1874 г. О. А. Томилова по случаю бракосочетанія Великой Княжны Веры Константиновны была пожалована въ число дамъ меньшаго креста ордена св. Екатерины (тамъ же, л. 11; о наградахъ О. А. Томиловой подробнѣе см. въ томъ же дѣлѣ). О. А. Томилова получала въ качествѣ начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества: по штату—3.800 р., постепенную прибавку—745 р. 55 к., на разъѣзды—1.800 р., личную прибавку, данную при прекращеніи особаго стола начальницы для 15 воспитанницъ и 1 пепиньерки—800 р., всего—7.145 р. 55 к. (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. 16880, св. 1809). [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873, № 68, л. 37.

О. А. Томилова руководила Смольнымъ со свойственной ей сердечностью и большой опытностью въ педагогическомъ дѣлѣ. Вся дѣятельность О. А. Томиловой въ Смольномъ запечатлѣна любовью къ дѣтямъ и гуманной снисходительностью къ подчиненнымъ. Она въ высшей степени обладала той «intelligence du coeur»—выраженіе самой О. А. Томиловой,—которую стремилась привить своимъ юнымъ питомицамъ, внушая имъ снисходительность къ людямъ, необходимость состраданія, умѣнье прислушиваться къ голосу сердца, рисуя имъ высокіе нравственные идеалы и указывая пути къ ихъ достиженію [1].

О. А. Томилова, обладая большимъ педагогическимъ тактомъ, являлась прекрасной воспитательницей. Этому способствовали, какъ личныя высоко-нравственныя качества О. А. Томиловой, такъ и тѣ идеалы, которые она ставила образованію и воспитанію женщины, ея любовь къ дѣтямъ и гуманное отношеніе къ людямъ. Она была строга, но строгость ея не тяготила, признаваемая всѣми справедливой.

Отъ воспитанницъ О. А. Томилова требовала многаго. Она не допускала ничего лишняго въ костюмѣ, никакихъ вычурныхъ причесокъ, большихъ серегъ, бархотокъ, ленточекъ. «Une jolie tenue et la propreté—voilà la meilleure pârure d'une jeune fille»,—говорила она, постоянно внушая воспитанницамъ, особенно старшимъ, какъ необходимы образованной и воспитанной дѣвушкѣ хорошія манеры, скромность, отсутствіе всякой рѣзкости въ движеніяхъ, въ тонѣ, въ выраженіяхъ.

Требовательная къ внѣшней выдержкѣ, О. А. Томилова была еще болѣе требовательной къ нравственной сторонѣ воспитанія.

Постоянно бесѣдуя съ воспитанницами, О. А. Томилова умѣла просто и задушевно подходить къ нимъ, понимала ихъ настроенія, волненія, горести и радости. Благодаря довѣрію и сердечной близости, какія сами собой установились у нея со старшими воспитанницами, О. А. Томилова имѣла полную возможность руководить ими, направлять и наставлять. Не было вопроса, котораго бы О. А. Томилова не коснулась такъ или иначе въ своихъ бесѣдахъ съ воспитанницами. Она нашла возможнымъ касаться даже взаимоотношеній воспитанницъ и класс-

[1] Л. Кубаркина. Ркп.

ныхъ дамъ, безъ всякой предвзятости, съ присущей ей простотой и справедливостью.

Она постоянно внушала воспитанницамъ, что онѣ должны уважать, любить и беречь своихъ классныхъ дамъ. «Много доброты, терпѣнія, снисходительности и заботъ видите вы постоянно отъ вашихъ классныхъ дамъ,—говорила она.—И вы должны отвѣчать имъ тѣмъ же. Случается, что ваши дамы бываютъ не въ духѣ, раздражительны отъ усталости, болѣзни. Можетъ быть, какое нибудь семейное горе гнететъ ихъ; онѣ не дѣлятся съ вами своимъ горемъ, молчатъ. Побеспокойте ихъ; какъ вамъ самимъ стало бы мучительно стыдно за наши дѣтскія выходки, шалости, уколы, если бы вы вдругъ узнали, что́ у той или другой изъ нихъ на душѣ! Классныя дамы отдаютъ намъ всѣ свои силы. Иная кажется вамъ сухой, безсердечной; подумайте, почему она могла стать такой? Радость и счастье смягчаютъ, ласкаютъ душу, горе и несчастье сушатъ сердце. Не забывайте, что много горя, людской несправедливости и злобы должна была она испытать прежде, чѣмъ стала такой».

О. А. Томилова учила воспитанницъ высокимъ принципамъ жизни.

«Будьте со всѣми добры,—говорила она,—доброта все побѣждаетъ, она сильнѣе всего на свѣтѣ. Повинуясь разуму, вы часто будете считать себя въ правѣ поступить съ людьми жестоко; повинуясь сердцу, вы никогда не сдѣлаете этого. Il faut avoir l'intelligence du coeur. Старайтесь развивать въ себѣ чувство самоуваженія; кто уважаетъ себя, тотъ не сдѣлаетъ безчестнаго поступка, не будетъ ни передъ кѣмъ заискивать, льстить. Кто себя уважаетъ, будетъ стараться не подвергать себя упрекамъ и замѣчаніямъ. Надо развивать въ себѣ эстетическое чувство, надо цѣнить и искать красоту въ жизни, въ природѣ, въ человѣческой душѣ. Сколькихъ радостей лишенъ человѣкъ, который проходитъ мимо прекраснаго, не замѣчая его!»

Съ большимъ тактомъ и твердымъ убѣжденіемъ руководила О. А. Томилова религіознымъ воспитаніемъ дѣтей; много способствовалъ успѣху въ этомъ отношеніи личный примѣръ О. А. Томиловой, глубоко вѣрующей и религіозной.

Внушая воспитанницамъ высокіе нравственные идеалы, О. А. Томилова въ то же время не допускала иллюзій, готовила воспитанницъ къ настоящей жизни, какая ждала ихъ за стѣнами Смольнаго.

Много цѣнныхъ практическихъ совѣтовъ давала она выпускнымъ пепиньеркамъ относительно того, какъ держать себя въ чужомъ домѣ въ качествѣ воспитательницы, какъ относиться къ людямъ, къ дѣтямъ, къ прислугѣ, какъ обращаться съ деньгами, заботилась, чтобы у выпускныхъ было все необходимое.

Между прочимъ, О. А. Томилова была противъ того, чтобы воспитанницы прямо со школьной скамьи поступали въ классныя дамы.

«Вы не знаете жизни,—говорила она,— поживите, приглядитесь къ ней, къ людямъ, и тогда выбирайте то, къ чему лежитъ душа: нельзя пройти мимо жизни» [1].

Болѣзнь глазъ, постепенно возраставшая, сильно мѣшала дѣятельности О. А. Томиловой. Наконецъ, зрѣніе О. А. Томиловой настолько ухудшилось, что весной 1886 г. она просила Императрицу объ увольненіи отъ должности начальницы Смольнаго.

Государыня Императрица была огорчена необходимостью ухода О. А. Томиловой. Чувства Ея Величества выразились въ пожалованномъ по этому случаю Высочайшемъ рескриптѣ:

«Ольга Александровна. Постигшая васъ болѣзнь лишаетъ васъ возможности продолжать служебныя занятія и вы обратились ко Мнѣ съ просьбою объ увольненіи васъ отъ настоящей должности; съ глубокимъ и сердечнымъ сожалѣніемъ Я принуждена согласиться на эту просьбу.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ вы были призваны въ Бозѣ почивающей Государынею Императрицею Маріею Александровною къ управленію однимъ изъ обширнѣйшихъ разсадниковъ женскаго образованія въ Россіи, сперва въ должности помощницы начальницы, а вслѣдъ затѣмъ и начальницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Ваши высокія качества и блестящія способности нашли себѣ достойное примѣненіе на педагогическомъ поприщѣ; положивъ въ основу воспитанія великія начала религіи и нравственности, вы постоянно заботились и объ умственномъ развитіи вашихъ питомицъ; служа примѣромъ неуклоннаго исполненія долга, вы вносили въ ваши отношенія къ дѣтямъ столько сердечнаго и теплаго къ нимъ участія, что воспитанное вами молодое поколѣніе, Я не сомнѣваюсь, сохранитъ навсегда глубокую благодарность за ваши заботы о немъ.

[1] *А. Кубарина.* Рец.

Моя незабвенная Предшественница высоко цѣнила вашу дѣятельность; когда въ 1875 г. свѣтлѣйшій Князь Черногоріи выразилъ желаніе дать своимъ дочерямъ образованіе въ Россіи, Императрица Марія Александровна, не колеблясь, вручила ихъ вашему попеченію; въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, вы вполнѣ оправдали Ея ожиданіе.

Со времени Моего вступленія въ завѣдываніе учрежденіями Императрицы Маріи, Я всегда, съ особенною отрадою и истиннымъ утѣшеніемъ, взирала на ввѣренное вамъ заведеніе, сохранившее, подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ, принадлежащее ему и по праву старшинства первенствующее мѣсто между прочими женскими учебными заведеніями въ Россіи.

Нынѣ разставаясь съ вами, Я спѣшу выразить вамъ Мою сердечную признательность за ваши неутомимые труды и душевное соболѣзнованіе по поводу постигшей васъ болѣзни и прошу васъ принять въ память о постоянной Моей къ вамъ благосклонности прилагаемый подарокъ

Маріи [1].

Съ грустью разставался Смольный съ О. А. Томиловой. Ее провожали съ искренней печалью [2]. Когда весь Смольный собрался въ большомъ залѣ, чтобы послѣдній разъ привѣтствовать О. А. Томилову, всѣ чувствовали глубоко и горько предстоявшую разлуку.

Воспитанницы хоромъ исполнили «Привѣтъ нашей дорогой Ольгѣ Александровнѣ».

Приди сюда, приди, родная,
Хранитель-ангелъ, другъ и мать!
Тебѣ—дѣтей любовь святая!
Тебѣ—Господня благодать!
Приди, спасующій насъ, геній!
Мы ждемъ тебя! Вотъ кликъ моленій:
Дѣтей благослови,
Дѣтей благослови!

[1] Арх. Имп. Вост. Общ. Д. 1873 г., № 68, лл. 128—129. [2] О. А. Томилова пользовалась сердечнымъ расположеніемъ своихъ сослуживцевъ по Смольному. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, посвященныя ей стихотворенія секретаря Совѣта Л. А. Бутковскаго. (Муз. Имп. Вост. Общ.).

Но чѣмъ воздать Тебѣ, родная,
За ласку нѣжную Твою?
Пусть общій гимнъ, не умолкая,
Летитъ съ молитвой теплой къ алтарю:
Да будутъ дни твои счастливы,
Какъ Смольный счастливъ былъ Тобой!
За всѣ заботы, попеченья
Благодаримъ! Благодаримъ!
Вотъ кликъ моленій:
Дѣтей благослови,
Дѣтей благослови! [1]

Членъ Совѣта почетный опекунъ баронъ К. Н. Корфъ отъ лица Совѣта въ прощальной рѣчи выразилъ О. А. Томиловой чувства, которыя въ тѣ минуты переживали всѣ. «Позвольте мнѣ,—между прочимъ, сказалъ въ своей рѣчи баронъ Корфъ,—стать въ ряды тѣхъ, которые въ настоящую минуту чувствуютъ потребность прежде всего съ вами порадоваться Высочайшему признанію вашей благотворной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, влеченіе вамъ выразить сожалѣніе, что насталъ часъ разлуки, и весьма васъ благодарить за отношеніе ваше, всегда христіанское, всегда откровенное, прямое, а потому и правдивое, и тѣмъ не менѣе исполненное теплаго чувства къ добру и къ правдѣ, отношеніе ко всякому дѣлу, которое намъ пришлось съ вами обсуждать и рѣшать: дайте мнѣ благодарить васъ за добрыя и всегда преисполненныя любви указанія и объясненія ваши о причинахъ существующаго порядка и послѣдствіяхъ отъ обсуждаемой съ вами мѣры.

Наконецъ, дайте мнѣ выразить здѣсь громко предъ всѣми сослуживцами вашими, что вы во всякомъ изъ нихъ всегда видѣли только лучшія намѣренія и никогда не допускали предположенія о какомъ бы то ни было худомъ побужденіи или небрежномъ отношеніи къ дѣлу. Вы оцѣнивали дѣятельность каждаго изъ своихъ сослуживцевъ по себѣ и никогда не сомнѣвались, что путемъ простого и прямого разумнаго объясненія всякое отступленіе отъ порядка должно и можетъ исправиться.

Послѣдствія всякій разъ оправдывали ваши предположенія, и всякій изъ сослуживцевъ, какъ и всякая изъ воспитанницъ

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1873 г., № 68, л. 131.

вашихъ, никогда не отходили отъ васъ иначе, какъ возвышенными въ чувствѣ правды и справедливости къ дѣлу, и въ чувствѣ уваженія къ вашимъ требованіямъ и вамъ, и въ чувствахъ возвышеннаго вами въ нихъ самопознанія.

Немощь тѣлесную, которую Богу угодно было ниспослать на васъ въ послѣдніе годы, Онъ милостиво замѣнилъ въ васъ яснымъ внутреннимъ огнемъ души вашей и научилъ насъ уважать въ васъ всегда бодраго душею и преданнаго исполнителя того дѣла, которое Онъ на васъ возложилъ» [1].

Н. П. НОВОСИЛЬЦОВА.

Покинувъ Смольный, О. А. Томилова сохранила съ нимъ живую связь. Съ сердечной лаской и расположеніемъ относилась она къ своимъ бывшимъ сослуживцамъ, принимала близко къ сердцу ихъ интересы, хлопотала за нихъ и за бывшихъ воспитанницъ. Инспектрисы, классныя дамы, преподаватели, преподавательницы, бывшія воспитанницы постоянно навѣщали О. А. Томилову, всегда находя въ ней нравственную поддержку и теплое участіе [2].

Одновременно съ увольненіемъ отъ должности О. А. Томиловой, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна Высочайшимъ рескриптомъ опредѣлила на должность начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества вдову полковника Марію Петровну Новосильцову [3].

[1] Тамъ же, л. 132. Императоръ Александръ III, «въ видѣ особой Монаршей милости», соизволилъ на назначеніе «кавалерственной дамѣ О. А. Томиловой, при оставленіи службы, установленной пенсіи въ размѣрѣ 2.000 р. въ годъ». (Тамъ же, л. 130). [2] Кубаркина. Ркп. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 68, л. 127; Д. 1886 г., № 87; ср. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Новосильцовой.

Марія Петровна Новосильцова была дочерью полковника Кавалергардскаго полка Петра Артемьевича Кожина. Она получила домашнее образованіе и семнадцати лѣтъ вышла замужъ за Н. И. Новосильцова, служившаго сначала въ кирасирскомъ Ея Величества, а затѣмъ лейбъ-гусарскомъ полку. Въ 1870 г. М. П. Новосильцова овдовѣла и поселилась въ своемъ имѣніи Псковской губерніи. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. М. П. Новосильцова поступила сестрой милосердія въ Свято-Троицкую общину, съ которой отправилась на войну, и сопровождала поѣзда съ ранеными изъ г. Ясс въ разные города *Россіи* [1].

Своей самоотверженной неутомимой, исполненной сердечною заботливостью о раненыхъ и больныхъ дѣятельностью во время турецкой кампаніи 1877—78 гг. М. П. Новосильцова была лично извѣстна Цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Когда въ 1886 г. въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, за уходомъ О. А. Томиловой, освободилась должность начальницы, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна избрала на эту должность М. П. Новосильцову [2].

Должность начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества М. П. Новосильцова занимала по 1894 г. При ней жизнь Смольнаго протекала безъ существенныхъ перемѣнъ: М. П. Новосильцова не стремилась къ какимъ либо преобразованіямъ и нововведеніямъ; наоборотъ, высоко цѣнил и уважая заведеніе, во главѣ котораго она стала по желанію Государыни Императрицы, М. П. Новосильцова желала управлять имъ въ духѣ его традицій. Отсутствіе педагогическаго опыта во многомъ затрудняло работу М. П. Новосильцовой; она выполняла ее, однако, съ чрезвычайной добросовѣстностью и большой энергіей.

М. П. Новосильцова любила воспитанницъ, относилась къ нимъ съ добротой, но ей не всегда удавалось найти путь къ

[1] Сообщ. Н. И. Новосильцовымъ. [2] При назначеніи начальницей Императорскаго Воспитательнаго Общества М. П. Новосильцовой было опредѣлено жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: по штату—3.800 р., на разъѣзды—1.800 р., личной прибавки—800 р., всего—6.400 р. (Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 16880, св. 1809). Въ 1887 г. Совѣтъ Общества ходатайствовалъ о сохраненіи за начальницею Воспитательнаго Общества права одѣвать выѣзднаго лакея въ придворную ливрею. Это право было отмѣнено въ 1882 г. Въ ходатайствѣ Совѣту было отказано (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1886 г., № 87, лл. 14—15).

дѣтскому сердцу. Поэтому между М. П. Новосильцовой и воспитанницами не было той задушевной искренности и откровенности, какими въ высшей степени отличались отношенія О. А. Томиловой.

Особую заботливость и ласку М. П. Новосильцова проявляла по отношенію къ больнымъ воспитанницамъ. Она ежедневно посѣщала лазаретъ и очень много сдѣлала для улучшенія ухода за больными.

М. П. Новосильцова сама ухаживала за тяжко-больными воспитанницами, дежурила ночи у ихъ постели, всѣми силами старалась облегчить страданія, присылала больнымъ въ лазаретъ кушанья съ своего стола [1]. М. П. Новосильцова присутствовала при кончинѣ воспитанницъ, до послѣдней минуты облегчая страданія умирающихъ [2]. Опытъ ухода за больными пригодился М. П. Новосильцовой въ Смольномъ. Прекрасно зная всѣ стороны лазаретной жизни, она входила во всѣ мелочи, вникала въ всѣ подробности, была очень требовательна къ служебному персоналу въ лазаретѣ. Въ хозяйственныхъ дѣлахъ и финансовыхъ вопросахъ М. П. Новосильцова принимала мало участія; ее тяготила отвѣтственность начальницы по этимъ вопросамъ, необходимость подписывать счета и контракты [3].

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна неоднократно выражала М. П. Новосильцовой знаки своего удовольствія по поводу ея дѣятельности въ качествѣ начальницы Смольнаго. Такъ, въ 1889 г. М. П. Новосильцова была удостоена цѣннаго подарка при Высочайшемъ рескриптѣ Ея Величества [4]; такимъ же знакомъ милостиваго вниманія Ея Величества М. П. Новосильцова была награждена и въ 1892 г. Въ 1894 г. М. П. Новосильцова была принята въ число дамъ меньшаго креста ордена Св. Екатерины [5].

Въ концѣ 1894 г. М. П. Новосильцова по болѣзни оставила Смольный. При уходѣ М. П. Новосильцовой изъ Смольнаго, Ея Величество изволила выразить пожеланіе, чтобы въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ имѣлся портретъ Новосильцовой. Согласно волѣ Ея Величества, М. П. Новосильцова въ 1895 г.

[1] Изъ *разсказовъ бывш. воспитанницъ*. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1890 г., № 34. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1886 г., № 87. Муз. Имп. Восп. Общ. Бумаги Новосильцовой. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1886 г., № 87. [5] Тамъ же.

прислала въ Смольный свою фотографическую карточку, а въ 1902 г.—портретъ, написанный художникомъ Заболотскимъ [1].

Свѣтлѣйшая Княжна
Е. А. Ливенъ.

Вслѣдъ за уходомъ М. П. Новосильцовой, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна избрала на должность начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества начальницу Московскаго Елизаветинскаго института, свѣтлѣйшую княжну Елену Александровну Ливенъ, правнучку свѣтлѣйшей княгини Шарлоты Карловны Ливенъ, воспитательницы дѣтей Императора Павла I.

Княжна Е. А. Ливенъ родилась на югѣ, но съ одиннадцати лѣтъ жила въ Москвѣ. Домъ князя А. К. Ливенъ пользовался въ Москвѣ большимъ уваженіемъ, отличался гостепріимствомъ и радушіемъ; въ немъ свято соблюдались семейныя традиціи, сохранялись обычаи и порядки старинныхъ барскихъ домовъ; онъ всегда былъ полонъ бездомными, сиротами, людьми, нуждающимися въ пріютѣ, которые иногда подолгу жили, пользуясь добротой хозяевъ [2].

[1] Тамъ же. [2] Въ Москвѣ говорили, что въ домѣ кн. А. К. Ливенъ скоро будутъ прибѣгать полки для ночлега, а то ужъ некуда класть спать.

Князь А. К. Ливенъ былъ рыцарски преданъ Императору Николаю I [1] и его Царственному Сыну Императору Александру II; такое же отношеніе къ Государю и ко всей Царской Семьѣ онъ хотѣлъ видѣть и сумѣлъ воспитать въ дѣтяхъ.

«М. А. Малиновскій въ самомъ началѣ моей студенческой жизни рекомендовалъ меня въ качествѣ учителя въ домъ князя А. К. Ливенъ, въ то время сенатора въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Сената,—писалъ въ своихъ запискахъ министръ народнаго просвѣщенія И. П. Боголѣповъ.—Въ этой семьѣ я встрѣтилъ такіе великіе образцы благородства и нравственной силы, что надолго былъ застрахованъ отъ всякаго дурного вліянія» [2].

Воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей руководила княгиня Е. Н. Ливенъ [3], прекрасно образованная, начитанная, жизнерадостная, глубоко религіозная, съ рѣдко гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ [4]. Дѣти учились дома и получили серьезное образованіе; въ числѣ преподавателей, занимавшихся съ ними, были такіе, какъ профессоръ Герье.

Смерть княгини Е. Н. Ливенъ нарушила теченіе жизни въ домѣ князя А. К. Ливенъ. Послѣ смерти матери на княжну Елену Александровну легли заботы о воспитаніи и образованіи младшихъ сестеръ, заботы по домашнему хозяйству, имѣнію и проч. Послѣ завершенія образованія сестеръ княжна Е. А. Ливенъ въ теченіе 9 лѣтъ занималась въ московской пересыльной тюрьмѣ. Она не только читала заключеннымъ книги соотвѣтственнаго содержанія, но каждую зиму устраивала школу и вела въ ней правильныя занятія.

Въ 1880 г. княжна Е. А. Ливенъ была назначена начальницей Малолѣтняго Отдѣленія Московскаго Сиротскаго Института Императора Николая I. Въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи принимались тогда не только сироты дѣвочки, но и мальчики, преимущественно дѣти офицеровъ. Княжна считала, что Малолѣтнее Отдѣленіе должно замѣнить имъ родной домъ, дать ласку, которой они не могли имѣть въ семьѣ. Получалась дружная, крѣпкая семья, связь между членами которой не прекращалась всю жизнь.

[1] Кн. А. К. Ливенъ съ 1825 г. былъ флигель-адъютантомъ Императора Николая I. [2] Боголѣповъ (Р. Арх. 1906 г., кн. I, 371). [3] Рожд. Нажратьева, дочь флигель-адъютанта при Императорѣ Александрѣ I. [4] Княгиня Е. Н. Ливенъ очень много помогала бѣднымъ, отказывая для этого себѣ во всемъ. Бывали случаи, когда, за неимѣніемъ въ данное время денегъ, княгиня отдавала бѣднымъ вещи изъ столоваго серебра.

Исполненіе затѣмъ обязанностей начальницы Московскаго Елизаветинскаго института явилось для княжны Е. А. Ливенъ переходной ступенью къ занятію должности начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Княжна Е. А. Ливенъ пришла въ Смольный съ опредѣленными взглядами на задачи и характеръ воспитанія и образованія, какія должно давать женское учебное заведеніе. Эти взгляды вытекаютъ изъ общихъ воззрѣній на призваніе женщины. Назначеніе женщины—семья и дѣти, свои и чужія. Женщинѣ не слѣдуетъ стремиться къ равноправію, этимъ она лишь умаляетъ себя и свое значеніе. Если у женщины въ надлежащей степени развиты сердце и умъ, если она въ полной мѣрѣ обладаетъ чуткой совѣстью, умѣетъ отличить подлинную правду отъ мнимой, добро отъ зла—ей открыто широкое поле неограниченнаго благотворнаго, облагораживающаго вліянія на все человѣчество черезъ мужей, братьевъ и сыновей. Такой взглядъ на назначеніе женщины совпадаетъ съ воззрѣніями въ этомъ отношеніи К. Д. Ушинскаго, который ставилъ необходимость особенно тщательнаго воспитанія и всесторонняго образованія женщины въ прямую связь съ тѣмъ величайшимъ вліяніемъ, какое она можетъ и должна имѣть на человѣчество черезъ семью. Въ то же время взглядъ княжны Е. А. Ливенъ вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ историческимъ задачамъ, какія ставились Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ при самомъ его основаніи Императрицей Екатериной II, желавшей, чтобы смолянки явились носительницами высокихъ нравственныхъ и культурныхъ началъ и ихъ распространительницами въ семьѣ и, чрезъ семью, въ обществѣ.

Членами Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества во время Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовательно были слѣдующіе почетные опекуны: по учебной части—дѣйств. тайн. сов. В. П. Титовъ, генералъ-адъютантъ графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ и дѣйств. тайн. сов. А. С. Ермоловъ, состоящій въ этой должности и нынѣ; членами Совѣта по хозяйственной части—оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго двора баронъ К. Н. Корфъ, штальмейстеръ Высочайшаго Двора баронъ М. Н. Корфъ, генералъ-адъютантъ К. У. Араповъ, генералъ отъ кавалеріи С. В. Оливъ и гофмейстеръ Высочайшаго Двора С. А. Де-Каррьеръ.

В. П. Титовъ часто хворалъ, и въ 1887 г. на время его отъѣзда обязанности члена Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества по учебной части были временно поручены тайн. сов. В. И. Лядову [1]. В. П. Титовъ къ исполненію своихъ обязанностей не вернулся; въ 1889 г. В. И. Лядовъ былъ освобожденъ, согласно его ходатайству, отъ обязанностей члена Совѣта Смольнаго, причемъ «Его Величеству благоугодно было соизволить *на объявленіе тайному* совѣтнику Лядову, *вниманіе* къ отличному исполненію имъ означенныхъ обязанностей, Монаршаго благоволенія» [2]. Одновременно членомъ Совѣта Общества по учебной части былъ назначенъ графъ Николай Алексѣевичъ Пратасовъ-Бахметевъ, неоставившій своихъ обязанностей въ Смольномъ и послѣ своего назначенія Главноуправляющимъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи [3].

В. И. ЛЯДОВЪ.

Отношенія графа Н. А. Пратасова-Бахметева къ Смольному носили сердечный характеръ. Здѣсь началась дѣятельность графа въ Вѣдомствѣ, которому онъ посвятилъ всю свою остальную жизнь.

Хорошо и разносторонне образованный [4] графъ Пратасовъ-Бахметевъ интересовался постановкой учебнаго дѣла въ Импе-

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 17361, св. 1816. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1889 г., № 81, л. 1. [3] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 18506, св. 1818. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1889 г., № 81. [4] Графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ окончилъ курсъ въ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія *Генеральнаго штаба*), *слушалъ лекціи* извѣстнаго *богослова и историка церкви* преосвященнаго Макарія, посѣщалъ лекціи Медико-хирургической академіи, въ теченіе трехъ семестровъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ.

раторскомъ Воспитательномъ Обществѣ, сочувственно относился ко всему, что могло улучшить постановку преподаванія, часто посѣщалъ уроки и экзамены.

Искренно любя дѣтей и отличаясь чрезвычайной добротой, онъ относился къ воспитанницамъ съ отеческой сердечностью и снисходительностью. Когда графъ пріѣзжалъ въ Смольный, его карманы всегда были полны лакомствами, которыя онъ самъ раздавалъ дѣтямъ; часто присылалъ графъ смолянкамъ сладости и фрукты. Постоянно заботился графъ о доставленіи воспитанницамъ развлеченій и удовольствій, всегда присутствовалъ на ученическихъ концертахъ и балахъ. За содержаніе въ Смольномъ недостаточныхъ воспитанницъ гр. Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ нерѣдко платилъ изъ своихъ средствъ, но воспитанницы этого не знали и были увѣрены, что приняты на казенныя вакансіи.

Обремененный сложными служебными обязанностями, графъ находилъ отдыхъ лишь въ тѣ часы, какіе проводилъ въ кругу дѣтей. Графъ подолгу бесѣдовалъ съ воспитанницами, разсказывалъ имъ много интереснаго изъ своей жизни, путешествій, наблюденій; иногда что-нибудь изъ области исторіи или литературы. Графъ умѣлъ говорить съ дѣтьми и разсказывать простымъ, понятнымъ для нихъ языкомъ [1].

Смолянки съ признательностью относились къ графу за его участіе и доброту къ нимъ и неоднократно выражали ему свои чувства по различнымъ поводамъ, какъ, напр., по случаю юбилея графа, во время его болѣзни и т. п.

Точно также графъ пользовался большимъ уваженіемъ и сердечнымъ расположеніемъ служебнаго персонала Смольнаго. Въ 1899 г., по случаю исполнившагося десятилѣтія дѣятельности графа въ качествѣ члена Совѣта Смольнаго, Совѣтъ поднесъ ему адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Десять выпусковъ воспитанницъ въ расцвѣтѣ молодости, твердыя въ научныхъ занятіяхъ, вернулись въ родныя семьи исполненныя чувства благодарности вашимъ неустаннымъ заботамъ о ихъ образовательномъ благѣ.

Неизмѣнная привѣтливость и доступность ваша отрадно смягчали учебные труды вашихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

[1] Ср. Захарченко, Памяти графа Н. А. Пратасова-Бахметева. Спб. 1908.

Нынѣ среда всѣхъ дѣятелей воспитательнаго, учебнаго, хозяйственнаго и административнаго строя названныхъ заведеній, въ единеніи съ воспитанницами, приноситъ Вашему Сіятельству почтительное поздравленіе и выраженіе искреннихъ пожеланій вамъ на многіе годы въ полномъ здравіи продолжать вашу плодотворную дѣятельность на пользу Смольныхъ учебныхъ заведеній» [1].

Въ 1902 г. по случаю пятидесятилѣтія службы графа Пратасова-Бахметева въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ состоялся торжественный концертъ, глубоко растрогавшій графа [2].

Въ 1906 г. графъ Пратасовъ-Бахметевъ, по болѣзни, оставилъ Смольный, и членомъ Совѣта по учебной части былъ назначенъ почетный опекунъ дѣйств. тайн. совѣтн. Александръ Сергѣевичъ Ермоловъ, уже въ теченіе года по волѣ Государыни Императрицы замѣнявшій въ Смольномъ хворавшаго графа.

Окончившій въ 1871 г. съ золотой медалью Императорскій Александровскій Лицей, — учебное заведеніе, родственное по историческимъ задачамъ и традиціямъ Смольному, любитель русской старины и исторіи [3], А. С. Ермоловъ, руководя постановкой учебнаго дѣла въ Смольномъ, стремился сочетать завѣты историческаго прошлаго Императорскаго Воспитательнаго Общества съ просвѣтительными задачами настоящаго. При непосредственномъ участіи А. С. Ермолова было осуществлено преобразованіе учебной части общаго курса, совершено преобразованіе педагогическихъ классовъ въ спеціальные классы для изученія французскаго языка. Въ заботахъ о расширеніи научнаго кругозора воспитанницъ, а также о пополненіи ихъ знаній о Россіи и ея прошломъ, А. С. Ермоловымъ были устраиваемы чтенія, преимущественно для старшихъ классовъ. Таковы были, напр., чтенія по исторіи искусства П. П. Фридолина [4]. Съ тою же цѣлью, подъ непосредственнымъ руководствомъ А. С. Ермолова, были организованы экскурсіи старшихъ воспитанницъ въ Пулковскую обсерваторію, въ Пушкинскій музей при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и т. п.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1889 г., № 81, л. 15. [2] Дневн. 1902 г., 11—2. [3] См. его изслѣдованія: Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1771—1861. Біогр. очеркъ. Спб. 1912. Родъ Ермоловыхъ. М. 1913. А. П. Ермоловъ въ Персіи (Р. Ст. 1907) и др. [4] Они легли въ основу книги П. П. Фридолина: Краткая исторія Европейскаго искусства.

Съ 1884 г. по 1895 г. Членомъ Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества по хозяйственной части состоялъ оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора, почетный опекунъ баронъ Константинъ Николаевичъ Корфъ [1]. Человѣкъ большого опыта въ дѣлѣ веденія хозяйства, онъ внесъ много усовершенствованій въ хозяйственную часть Смольнаго. Послѣ его смерти въ 1895 г. былъ назначенъ его братъ, шталмейстеръ Высочайшаго Двора, баронъ Михаилъ Николаевичъ Корфъ [2]. Отличаясь слабымъ здоровьемъ, баронъ М. Н. Корфъ почти безпрерывно лечился за границей, и обязанности его по Воспитательному Обществу исполнялъ въ его отсутствіе или графъ Пратасовъ - Бахметевъ, или почетный опекунъ П. Х. Шванебахъ [3].

Членъ Совѣта
Графъ В. А. ПРАТАСОВЪ-БАХМЕТЕВЪ.

Преемникомъ барона М. Н. Корфа былъ почетный опекунъ генералъ - адъютантъ Константинъ Устиновичъ Араповъ. Членомъ Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ онъ состоялъ недолго: съ мая 1898 г. по январь 1902 г., но за это время успѣлъ много сдѣлать для Воспитательнаго Общества. Памятникомъ его дѣятельности является, между прочимъ, обновленіе храма Воспитательнаго Общества и рядъ крупныхъ перестроекъ зданій Общества [4].

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 12515, св. 1659. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 65. [2] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. 20867. [3] Тамъ же. [4] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи. Д. III Эксп. 1892 г., № 193.

Съ 1902 г. по 1906 г. обязанности члена Совѣта по хозяйственной части исполнялъ почетный опекунъ, генералъ отъ кавалеріи Сергѣй Васильевичъ Оливъ [1]. Дѣятельность С. В. Олива не ограничивалась энергичными заботами о наилучшемъ веденіи хозяйственной части въ Смольномъ. За годы своего управленія хозяйственною частью Смольнаго С. В. Оливъ снискалъ глубокое уваженіе и сердечное расположеніе всего педагогическаго и воспитательскаго персонала; что же касается воспитанницъ, особенно старшихъ классокъ, то ихъ отношенія къ С. В. Оливу носили отпечатокъ исключительной сердечности и того особаго довѣрія, какимъ отличаются обычно отношенія лишь съ близкими родными. Всѣ сознавали, а еще больше чувствовали, какое большое и важное мѣсто занялъ Смольный въ душѣ и жизни С. В. Олива; его дѣятельность въ Воспитательномъ Обществѣ была чужда всякой офиціальности, *онъ пріѣзжалъ въ Смольный, какъ домой, въ родную* семью, гдѣ ему все было близко и дорого.

Членъ Совѣта
К. Г. АРАПОВЪ.

Назначенный на постъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, С. В. Оливъ не могъ оставаться членомъ Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества.

Съ грустью разставался Смольный со своимъ почетнымъ опекуномъ. Проводы его описаны одной изъ воспитанницъ спеціальнаго класса въ «Дневникѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества».

[1] Арх. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, Д. III Эксп. 1900 г., № 111

«25 сентября (1906 г.)—день именинъ нашего бывшаго почетнаго опекуна, нашего дорогого и любимаго С. В. Оливъ. Онъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ въ этотъ день, чтобы выслушать литургію. Зная это, весь нашъ учительскій и педагогическій персоналъ во главѣ съ княжной собрался въ этотъ день поблагодарить Сергѣя Васильевича за всѣ его заботы о Смольномъ въ продолженіе его опекунства надъ институтомъ. Самъ Сергѣй Васильевичъ ничего не подозрѣвалъ о готовившемся чествованіи его, и можно себѣ представить его изумленіе, когда, при входѣ въ церковь, онъ увидѣлъ всѣхъ учителей, учительницъ и классныхъ дамъ, собравшихся здѣсь. Послѣ литургіи и молебна Сергѣю Васильевичу былъ тутъ же въ церкви преподнесенъ складень съ образомъ Христа Спасителя, Сергія Радонежскаго и Тихона Задонскаго, отъ лица всего педагогическаго и учительскаго персонала. Передавая образъ Сергѣю Васильевичу, батюшка нашъ поблагодарилъ Сергѣя Васильевича за его заботы, за его неизмѣнно ласковое, справедливое отношеніе ко всѣмъ. По окончаніи рѣчи, всѣ прошли въ столовую, гдѣ былъ поданъ шоколадъ съ сладкими пирогами. Учителя, учительницы и классныя дамы сидѣли вперемежку съ воспитанницами. Кромѣ нихъ, было еще очень много бывшихъ воспитанницъ; всѣ, кто зналъ, что Сергѣй Васильевичъ будетъ у насъ, пріѣхали повидать его, поздравить и лишній разъ сказать ему горячее спасибо за все. Послѣ шоколада подали вино. Всѣ встали. Княжна первая обратилась къ Сергѣю Васильевичу и со слезами въ голосѣ отъ волненія выразила ему сердечную благодарность за его труды. Княжна выразила сожалѣніе, что, благодаря новому назначенію, намъ не придется такъ часто видѣться съ Сергѣемъ Васильевичемъ и что мы не будемъ теперь непосредственно пользоваться его заботами, но зато сколько другихъ заведеній будутъ получать его попеченія, насколько улучшится бытъ многихъ учебныхъ заведеній подъ умѣлой, опытной и любящей рукой новаго Главноуправляющаго».

Затѣмъ говорила одна изъ бывшихъ воспитанницъ. «Она сказала, выразивъ тѣмъ мысль всѣхъ насъ, что, уходя изъ Смольнаго, каждая изъ насъ уноситъ съ собой самое лучшее, самое свѣтлое воспоминаніе на всю жизнь. И правда, всегда и во всемъ, съ чѣмъ бы мы ни обратились къ нему, мы всегда находили у Сергѣя Васильевича откликъ, какъ на нашу радость,

такъ и на горе, всегда получали отъ него совѣтъ, а что еще того важнѣе, теплое, сердечное участіе, отношеніе, равное отношенію отца къ своимъ дѣтямъ».

Говорилъ инспекторъ института М. К. Прейсъ отъ учительскаго персонала, одна изъ инспектрисъ—отъ лица воспитательскаго персонала, одна изъ воспитанницъ перваго класса—отъ лица всѣхъ воспитанницъ. «Когда она кончила, Сергѣй Васильевичъ, поднявъ бокалъ, громко, на всю столовую, воскликнулъ: «Земной вамъ поклонъ» и потомъ продолжалъ говорить, благодаря всѣхъ за оказанное ему вниманіе».

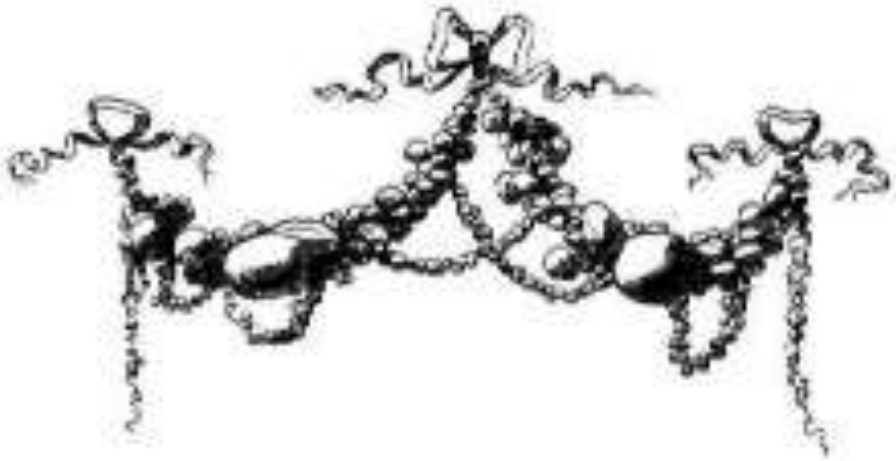
Чтецъ Совѣта С. В. Оливъ.

Послѣ того, какъ всѣ разошлись, С. В. Оливъ еще оставался въ Смольномъ, среди непишьерокъ.

Его взволновало все происшедшее, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не былъ предупрежденъ. Онъ даже немного сердился на всѣхъ, что его «такъ подвели», но его не могла не тронуть та любовь и признательность, которыя выказали ему всѣ, знающіе его. И передъ тѣмъ, какъ кончать, я въ свою очередь скажу и увѣрена, что всѣ присоединятся къ моимъ словамъ: «Спасибо, горячее русское спасибо вамъ, Сергѣй Васильевичъ, за все рѣшительно, что мы видѣли отъ васъ. Дай вамъ Богъ побольше здоровья и силъ на многіе годы впередъ на вашъ тяжелый трудъ».

Въ 1906 г. для завѣдыванія хозяйственною частью *Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ* Императрицей былъ избранъ почетный опекунъ, гофмейстеръ

Высочайшаго Двора Сергѣй Аркадьевичъ Де-Каррьеръ. Предшествующая служба по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, разносторонняя общественная дѣятельность С. А. Де-Каррьера явилась для него цѣнной подготовкой для исполненія сложныхъ обязанностей по должности Члена Совѣта, завѣдывающаго хозяйственною частью. За время С. А. Де-Каррьера въ веденіе хозяйства Смольнаго, а также въ постановку канцелярской и бухгалтерской части былъ внесенъ цѣлый рядъ существенныхъ улучшеній.



II.

Учебныя реформы при Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. — Дѣятельность Совѣта и Учебной Конференціи. — Постановка преподаванія искусствъ.

Первые годы послѣ принятія Государынней Императрицей Маріей Ѳеодоровной учрежденій Императрицы Маріи подъ Августѣйшее Свое покровительство, учебная часть въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ была поставлена согласно съ дѣйствовавшими во всѣхъ институтахъ Вѣдомства табелью и программами 1874 года.

Однако, съ теченіемъ времени эти табель и программы были признаны не вполнѣ отвѣчающими основнымъ задачамъ образованія и условіямъ институтской жизни и несоотвѣтствующими силамъ учащихся. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1883—1887 гг. Главноуправляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи статсъ-секретарь И. Н. Дурново докладывалъ, что имъ «въ видахъ улучшенія санитарныхъ условій воспитанія дѣвицъ удаленіемъ поводовъ къ чрезмѣрному утомленію учебными занятіями и доставленія имъ времени для самостоятельнаго чтенія выдающихся произведеній отечественной и иностранной словесности, было предложено Учебному Комитету пересмотрѣть программы учебныхъ предметовъ и нормальной учебной табели институтовъ 1874 г. для того, чтобы уменьшить, по возможности, многопредметность въ учебныхъ занятіяхъ, сосредоточивая вниманіе учащихся на меньшемъ числѣ предметовъ, но зато

обязывая ихъ изучать эти предметы съ бо́льшею основательностью» [1].

Въ Бозѣ Почивающій Государь Императоръ Александръ III весьма сочувственно отнесся къ предполагавшейся реформѣ. Въ 1887 г. Учебнымъ Комитетомъ были начаты работы по пересмотру табели и программъ 1874 г. Учебный Комитетъ выработалъ проектъ преобразованія учебной части въ женскихъ

Урокъ Закона Божія.

институтахъ Вѣдомства Императрицы Маріи, но осуществленіе реформы было временно пріостановлено, «въ видахъ соглашенія съ планами преобразованій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ».

Между тѣмъ, Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества считалъ осуществленіе выработанной Учебнымъ Комитетомъ учебной реформы дѣломъ безотлагательнымъ. Въ 1890 г. Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества возбудилъ объ этомъ ходатайство передъ Главноуправляющимъ и представилъ рядъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1890 г., № 42, лл. 3—4.

соображеній о неблагопріятномъ вліяніи «современной постановки учебнаго дѣла, какъ на физическую, такъ и на интеллектуальную стороны институтскаго воспитанія». Совѣтъ указывалъ, между прочимъ, что «большое число разнородныхъ предметовъ, изучаемыхъ во всѣхъ классахъ, и при томъ, чѣмъ старше классъ, тѣмъ больше научныхъ предметовъ входятъ въ его программу»—вредно отражается на успѣхахъ воспитанницъ; что у воспитанницъ остается слишкомъ мало времени на приготовленіе уроковъ и на самостоятельныя занятія, въ виду того, что, кромѣ полагающихся по табели 5 ежедневныхъ уроковъ, онѣ ежедневно заняты гимнастикой, танцами, хоровымъ или церковнымъ пѣніемъ, уроками музыки и т. п. «Не имѣя почти возможности ознакомиться съ какими бы то ни было произведеніями научной литературы, кромѣ краткихъ учебниковъ,—писалъ Совѣтъ,—воспитанницы не выносятъ изъ проходимаго курса ни основательности познаній, ни интереса къ серьезнымъ занятіямъ; знакомясь съ образцами изящной словесности большею частью только посредствомъ чтенія небольшихъ отрывковъ, воспитанницы не развиваютъ въ себѣ изящнаго литературнаго вкуса». Наконецъ, Совѣтъ объяснялъ, что «воспитанницы, при настоящей учебной системѣ, скользя, такъ сказать, по поверхности множества учебныхъ предметовъ, не могутъ достаточно глубоко изучить родную страну и ея прошлое», между тѣмъ, какъ «основательное знакомство съ роднымъ краемъ, его исторіею и памятниками его старины» должно способствовать выполненію одной изъ основныхъ задачъ институтскаго воспитанія — развитію патріотизма [1].

Введеніе новой учебной табели тѣмъ не менѣе было временно отложено, и Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, въ заботахъ о правильномъ физическомъ и умственномъ развитіи воспитанницъ, долженъ былъ ограничиться нѣкоторыми отступленіями отъ нормальной табели 1874 года, которыя онъ могъ осуществить своею властью, главнымъ образомъ, на основаніи принадлежавшаго ему тогда права перенесенія частей учебнаго курса изъ одного класса въ другой.

Одновременно съ вопросомъ объ измѣненіи программъ общаго курса Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1890 г., № 42, лл. 3—4.

благородныхъ дѣвицъ возбудилъ въ 1890 году ходатайство о преобразованіи существовавшаго при Обществѣ пепиньерскаго курса. Нѣкоторыя измѣненія въ учебную часть этого курса были внесены еще въ 1886 году, когда съ соизволенія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны была нѣсколько расширена ихъ программа, но цѣлью курсовъ попрежнему было только пополненіе общаго образованія воспитанницъ. Совѣтъ Общества призналъ желательнымъ, чтобы тѣмъ воспитанницамъ, которыя чувствуютъ склонность къ педагогической дѣятельности, дана была возможность получить во время пребыванія въ институтѣ необходимую для этого подготовку.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 15 Іюня 1890 года положенія Опекунскаго Совѣта пепиньерскій курсъ при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ былъ преобразованъ въ двухгодичные педагогическіе классы. Въ соотвѣтствіе съ цѣлью этихъ классовъ—«дополненія общаго образованія воспитанницъ и приготовленія ихъ въ наставницы дѣтей» были значительно измѣнены и расширены, по сравненію съ пепиньерскимъ курсомъ, ихъ программы. Въ педагогическихъ классахъ должны были преподаваться Законъ Божій, русскій языкъ и словесность, французскій языкъ и словесность, нѣмецкій языкъ и словесность, исторія, географія, математика и педагогика, а также рисованіе и музыка для тѣхъ, кто имѣетъ особыя способности къ этимъ искусствамъ. Установленіе учебной табели предоставлялось Совѣту, съ утвержденія Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; утвержденіе программъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ педагогическихъ классовъ было всецѣло предоставлено Совѣту [1].

Новая учебная табель для общихъ и педагогическихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи была введена въ 1905 году.

Въ отличіе отъ прежней табели, съ 1905 г. уроки музыки, пѣнія и танцевъ были включены въ положенные по табели учебные часы, а не относились, какъ ранѣе, на свободное отъ уроковъ время, слѣдствіемъ чего нерѣдко являлось переобреме-

[1] Выс. утв. 15 іюня 1890 г. Пол. Оп. Сов. (С. У. В. 1015). Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1882 г., № 14; Д. 1865 г., № 35; Д. 1882 г., № 2; Д. 1896 г., № 55; ср. Д. 1906 г., № 31.

ніе учащихся, особенно въ нѣкоторые дни, занятіями. Были нѣсколько расширены программы отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ, какъ, напр., русскаго языка, естествовѣдѣнія и географіи, курсъ которой былъ установленъ значительно подробнѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1].

Урокъ физики.

Одновременно программы по нѣкоторымъ другимъ предметамъ подверглись сокращенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣты институтовъ лишились права переносить, по своему усмотрѣнію, отдѣльныя части курса изъ одного класса въ другой, такъ какъ было признано, что на практикѣ такое перенесеніе не всегда являлось цѣлесообразнымъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на табели и учебныхъ планахъ 1905 г. отразилось мнѣніе Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества, представленное имъ еще въ 1890 году [2].

[1] Выс. утв. 1 авг. 1905 г. Пол. Оп. Сов. (С. У. В. 2420). Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1906 г., № 31; Д. 1908 г., № 31. Д. 1 Эксп. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, 1903 г., № 138. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1890 № 42, лл. 3—4.

Предпринятая первоначально въ цѣляхъ облегченія учебнаго курса, учебная реформа 1905 года на практикѣ, въ своемъ окончательномъ видѣ, наоборотъ, содѣйствовала обремененію учебнаго курса.

Учебные планы 1905 г., расширивъ установленный до этого времени въ институтахъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи учебный курсъ, оказались несоотвѣтствующими отведенному для выполненія ихъ времени и поэтому явились для многихъ воспитанницъ обременительными. Вслѣдствіе значительнаго числа положенныхъ по табели уроковъ и другихъ обязательныхъ занятій, воспитанницамъ оставалось несоразмѣрно мало времени для серьезнаго приготовленія уроковъ и для внѣклассныхъ, самостоятельныхъ занятій и чтенія. Обширность программъ, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, влекла за собой необходимость и для преподавателя, и для воспитанницъ спѣшнаго прохожденія учебнаго курса, при чемъ для менѣе способныхъ изученіе учебныхъ предметовъ нерѣдко сводилось къ пассивному запоминанію слышаннаго во время уроковъ, безъ основательной переработки учебнаго матеріала.

Постоянное умственное напряженіе неблагопріятно вліяло и на физическое развитіе воспитанницъ, увеличивая ихъ нервность, понижая работоспособность; кромѣ того, по табели 1905 г. отводилось мало времени на физическія упражненія воспитанницъ. Августѣйшая Покровительница учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна признала поэтому настоятельно необходимымъ принять дѣйствительныя мѣры къ болѣе цѣлесообразной организаціи дѣла умственнаго и физическаго развитія воспитанницъ. Вопросъ о необходимыхъ въ этомъ отношеніи мѣрахъ былъ подвергнутъ подробному всестороннему обсужденію въ совѣтахъ и педагогическихъ конференціяхъ институтовъ, спеціально образованныхъ для этого комиссіяхъ преподавателей, врачебно-педагогическомъ совѣщаніи, Учебномъ Комитетѣ, состоящемъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, созванномъ по волѣ Государыни Императрицы особомъ совѣщаніи начальницъ петербургскихъ институтовъ подъ предсѣдательствомъ начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ, и, нако-

нецъ, особомъ совѣщаніи почетныхъ опекуновъ, завѣдывающихъ учебною частью въ петербургскихъ институтахъ Вѣдомства, подъ предсѣдательствомъ сначала почетнаго опекуна, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона А. Ф. Гойнингенъ-Гюне, а затѣмъ—члена Совѣта по учебной части Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, почетнаго опекуна, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. С. Ермолова.

Было установлено, что основнымъ средствомъ для устраненія наблюдавшихся недостатковъ постановки учебнаго дѣла въ институтахъ Вѣдомства должно служить болѣе равномѣрное распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ количества ежедневныхъ классныхъ занятій, а равно введеніе серьезно поставленныхъ физическихъ упражненій учащихся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано нежелательнымъ пониженіе общеобразовательнаго уровня учащихся, въ виду чего было предположено открыть при институтахъ приготовительные классы и одногодичные общеобразовательные дополнительные, а также преобразовать существующіе при институтахъ педагогическіе классы, съ тѣмъ чтобы въ приготовительный классъ перенести часть общеобразовательнаго курса и тѣмъ облегчить воспитанницамъ прохожденіе учебныхъ курсовъ въ общихъ классахъ, а въ дополнительныхъ и преобразованныхъ педагогическихъ классахъ дать возможность воспитанницамъ въ стѣнахъ института пополнить и расширить свое образованіе. Учрежденіе приготовительнаго класса представлялось особенно желательнымъ потому, что, какъ показалъ опытъ, въ институты нерѣдко приходится принимать дѣтей, которыя по разнымъ причинамъ не могли получить дома достаточной подготовки. Зачисленіе ихъ въ VII классъ наравнѣ съ дѣтьми вполнѣ подготовленными тяжело отражалось на правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ этомъ классѣ.

Одногодичные дополнительные классы было предположено учредить при нѣкоторыхъ изъ институтовъ въ составѣ трехъ отдѣленій: словеснаго, математическаго и педагогическаго, предоставивъ такимъ образомъ воспитанницамъ возможность пополненія и усовершенствованія за послѣдній годъ своего пребыванія въ институтѣ въ тѣхъ учебныхъ предметахъ, къ изученію которыхъ онѣ имѣютъ склонность и способности.

Въ каждомъ институтѣ не могло, однако, быть болѣе двухъ отдѣленій.

Одновременно было признано желательнымъ, чтобы существующіе при институтахъ педагогическіе классы не только давали болѣе законченное общее образованіе, но и спеціальныя знанія, которыя впослѣдствіи могли бы обезпечить воспитанницамъ надежный заработокъ. Въ этомъ отношеніи представлялась цѣлесообразной спеціализація въ означенныхъ классахъ по французскому языку, въ дѣлѣ изученія котораго институты, по своему строю, поставлены въ особо благопріятныя условія. Соотвѣтственно такимъ задачамъ педагогическихъ классовъ, включеніе въ курсъ ихъ большого числа общеобразовательныхъ предметовъ не представляется возможнымъ. Въ программы педагогическихъ классовъ должны были войти слѣдующіе общеобразовательные предметы: Законъ Божій, исторія русской и всеобщей литературъ, педагогика, анатомія въ связи съ физіологіей и гигіена, законовѣдѣніе, исторія искусствъ; главное же вниманіе должно быть сосредоточено на спеціальномъ, всестороннемъ изученіи французскаго языка. Съ этою цѣлью въ курсъ преобразовываемыхъ педагогическихъ классовъ было включено изученіе современной и исторической грамматики французскаго языка, исторіи французской литературы, исторіи и

Членъ Совѣта
А. С. ЕРМОЛОВЪ.

географіи Франціи, латинскаго языка, дикціи и декламаціи, методики преподаванія французскаго языка, отведено время для уроковъ французскаго языка, которые должны давать воспитанницы, и другихъ практическихъ занятій французскимъ языкомъ. Всѣ предметы въ этихъ классахъ, за исключеніемъ общеобразовательныхъ, должны преподаваться на французскомъ языкѣ. Въ педагогическіе классы для спеціальнаго изученія французскаго языка было признано необходимымъ допускать только лучшихъ по способностямъ и успѣхамъ воспитанницъ изъ окончившихъ общій курсъ.

Въ отношеніи физическаго воспитанія было признано желательнымъ ввести во всѣхъ классахъ женскихъ институтовъ обязательныя физическія упражненія (гимнастика, танцы и подвижныя игры) по часу ежедневно, кромѣ субботы, и сверхъ сего игры на свѣжемъ воздухѣ въ теченіе послѣобѣденнаго перерыва.

Въ программу физическихъ упражненій было предположено включить разнообразныя движенія и упражненія съ палками, кольцами, хожденіе по брусу, марши, прыжки и т. п., сообразно съ возрастомъ воспитанницъ. Въ тѣхъ же программахъ были указаны игры на воздухѣ, зимой—катанье на конькахъ, игра въ хоккей, катанье съ горъ, хожденіе на лыжахъ, работы съ лопатой (устройство крѣпостей, очистка снѣга), лѣтомъ—всевозможныя простыя игры для младшихъ классовъ,—напр., горѣлки, пятнашки, игра въ мячъ, серсо и т. п., и болѣе сложныя, какъ лаунъ-теннисъ, крокетъ, лапта и т. п.,—для старшихъ классовъ.

Проектъ учебной реформы въ маѣ 1911 г. былъ разсмотрѣнъ Опекунскимъ Совѣтомъ и удостоился одобренія Августѣйшей Покровительницы Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Высочайшаго утвержденія Государя Императора [1]. Новые учебные табели и планы были введены въ видѣ опыта на три года, причемъ мѣстнымъ начальствамъ было разрѣшено дѣлать отъ нихъ нѣкоторыя отступленія.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1907 г., № 32. Журн. Учебн. Комѳ. Имп. Восп. Общ. 17 декабря 1908 г. Журн. Особ. Совѣщ. начальницъ петербургскихъ институтовъ. Журн. Особ. Совѣщ. почетн. опек. Журн. Опек. Сов. 13 мая 1911 г. Утв. Опек. Сов. 13 мая 1911 г. учебн. табели и планы. Выс. утв. 10 іюня 1911 г. Пол. Опек. Сов. Дѣло I Экп. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи, 1909 г., № 138, чч. I—IV; ср. Д. 1911 г., № 143; Д. 1911 г., № 110.

Новая учебная табель была введена въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ постепенно, а съ осени 1911 года были преобразованы педагогическіе классы и открытъ приготовительный классъ.

Согласно постановленію Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества, новая учебная табель была примѣнена въ Смольномъ съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, напр., было

На институтскомъ каткѣ.

признано желательнымъ сохранить прежнее число часовъ, полагавшихся на искусства (рисованіе, рукодѣліе, пѣніе), въ младшихъ классахъ было установлено для математики по два часа въ недѣлю, вмѣсто полагавшихся по табели трехъ, въ педагогическихъ классахъ для изученія французскаго языка было сохранено преподаваніе русской исторіи, увеличено число уроковъ по исторіи русской литературы [1].

При преобразованіи педагогическихъ классовъ при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ было обращено особое вниманіе на воспитательскій и учебный персоналъ для нихъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1911 г., № 46. Д. 1 Экеп. Собств. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Матер. 1911 г., № 269.

Осенью же 1911 г. въ Смольномъ была введена обязательная ежедневная гимнастика для всѣхъ классовъ. «Вернувшись въ институтъ осенью 1911 г., — пишетъ въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ, — мы узнали, что во всѣхъ классахъ введена гимнастика. До сихъ поръ гимнастика была обязательна только въ младшихъ классахъ; теперь же каждый день не только III, II и I классы, но и пепиньерки идутъ въ залу въ новыхъ,

Въ институтскомъ саду.

особаго покроя, гимнастическихъ костюмахъ и въ теченіе двадцати минутъ дѣлаютъ всевозможныя упражненія съ гимнастическими приборами и безъ нихъ. Два раза въ недѣлю уроки гимнастики происходятъ подъ музыку, что развиваетъ чувство ритма» [1].

Для руководства гимнастическими упражненіями воспитанницъ Смольнаго была приглашена учительница изъ Швеціи. Изъ Швеціи же были выписаны снаряды для гимнастическихъ упражненій.

Въ слѣдующемъ году въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ была введена въ VII и VI классахъ ритмическая гимнастика.

[1] Дневникъ. II, 64.

Въ ритмическую гимнастику входятъ два, тѣсно связанные между собою, предмета—ритмическая гимнастика въ собственномъ смыслѣ и развитіе слуха. Оба эти предмета одинаково существенны для музыкальнаго воспитанія—первый развиваетъ чувство ритма, второй—слухъ.

Въ ритмической гимнастикѣ музыкальный ритмъ воспроизводится при посредствѣ условныхъ движеній тѣла, причемъ движенія эти въ точности соотвѣтствуютъ длительности нотъ, для исполненія чего отъ воспитанницы требуется не только непрерывное вниманіе, такъ какъ учительница всегда импровизируетъ, но и постоянное напряженіе воли для точной и быстрой передачи ритма. Система ритмической гимнастики пробуждаетъ и творческія силы, такъ какъ учительница съ первыхъ же уроковъ заставляетъ воспитанницъ придумывать упражненія въ ритмахъ и мелодіяхъ.

Съ лыжами.

Результаты занятій ритмической гимнастикой въ Смольномъ сказались очень скоро. Черезъ годъ маленькія воспитанницы были въ состояніи рѣшать довольно сложныя музыкальныя задачи, требующія развитого музыкальнаго слуха.

Независимо отъ общихъ по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи преобразованій учебной части, Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества и Учебная Конференція постоянно проявляли заботливость о томъ, чтобы, по возможности, облегчить воспитанницамъ прохожденіе учебнаго курса, способствовать наиболѣе успѣшному ходу учебнаго дѣла и основательному усвоенію воспитанницами учебныхъ предметовъ.

Такъ, въ 1897 году Учебной Конференціей было постановлено задавать къ понедѣльнику уроки только по тѣмъ предме-

тамъ, на которые отведено не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Это было сдѣлано для того, чтобы у воспитанницъ былъ одинъ вечеръ въ недѣлю въ ихъ распоряженіи для самостоятельнаго чтенія [1].

Вообще вопросъ о внѣклассномъ самостоятельномъ чтеніи воспитанницъ былъ предметомъ постоянныхъ заботъ Совѣта и Учебной Конференціи, какъ и вопросъ о выборѣ наиболѣе соотвѣтственныхъ учебниковъ и классныхъ пособій. Въ концѣ 1905 г. Учебная Конференція выработала распредѣленіе книгъ библіотекъ по возрастамъ, при чемъ были составлены списки книгъ, подлежащихъ пріобрѣтенію въ связи съ введеніемъ новыхъ учебныхъ программъ [2].

Въ 1910 г. Учебная Конференція обратила вниманіе на организацію правильнаго внѣкласснаго чтенія воспитанницъ, въ соотвѣтствіи съ учебнымъ курсомъ, при чемъ на учебный и воспитательскій персоналъ возлагалось руководство чтеніемъ воспитанницъ, какъ въ теченіе учебнаго года, такъ и во время каникулъ [3]. Въ заботахъ объ учебникахъ постоянно исключались устарѣвшіе учебники и замѣнялись новыми, болѣе соотвѣтственными [4]. Въ 1908 г. Учебная Конференція обратила вниманіе, что воспитанницы тратятъ много времени и силъ на составленіе и переписываніе записокъ по учебнымъ предметамъ, при чемъ и самыя записи часто бываютъ неудовлетворительны. Было предложено преподавателямъ, въ случаѣ отсутствія вполнѣ соотвѣтственныхъ учебниковъ, издавать литографированныя записки [5].

Въ стремленіи къ наглядности преподаванія въ Смольномъ были заведены практическія занятія воспитанницъ по естествовѣдѣнію. Воспитанницы сами разводятъ цвѣты, въ классахъ стоятъ гіацинты и тюльпаны, выведенные ихъ трудами и заботами.

Согласно постановленію Учебной Конференціи 18 декабря 1907 г., въ цѣляхъ наилучшаго усвоенія воспитанницами иностранныхъ языковъ, классныя дамы было вмѣнено въ обязанность заниматься съ воспитанницами, кромѣ разговоровъ,

[1] Проток. Учебн. Конф. 9 окт. 1897 г., 9 окт. 1898 г., 23 сент. 1899 г., 12 сент. 1900 г. и др. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1905 г., № 31. [3] Проток. Учебн. Конф. 25 марта 1910 г. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1898 г., № 32; и др. [5] Такія записки издавались, впрочемъ, иногда и раньше. Такъ, напр., старшимъ хранителемъ Императорскаго Эрмитажа А. П. Сомовымъ былъ изданъ для воспитанницъ читанный имъ въ Смольномъ курсъ по исторіи искусствъ (Муз. Имп. Восп. Общ.).

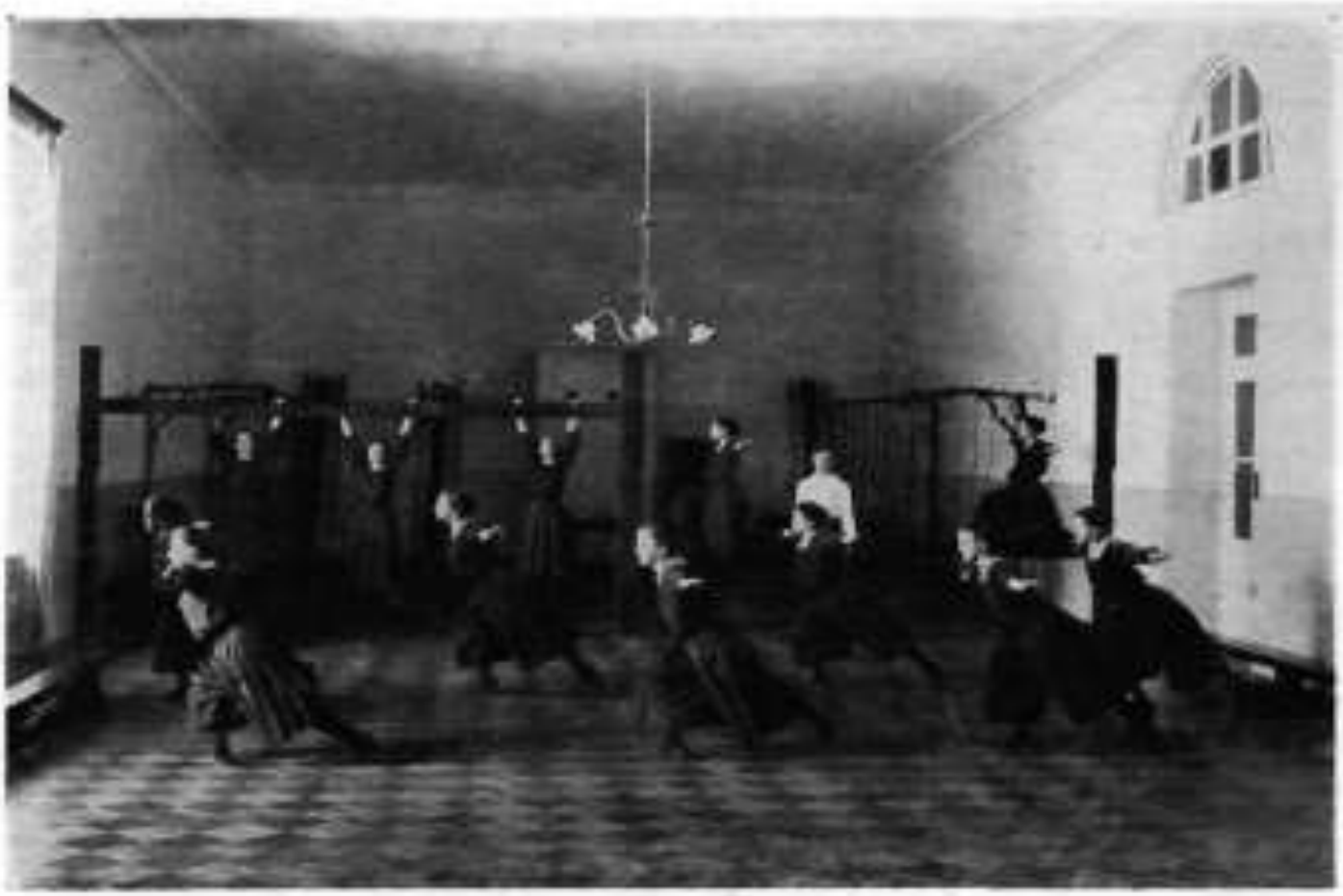
еще по 1½ часа въ недѣлю каждая своимъ языкомъ [1]. Ежедневно классныя дамы даютъ воспитанницамъ диктовки на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. За небольшую плату воспитанницы имѣютъ возможность изучать англійскій языкъ [2].

Большое вниманіе обращено на успѣшность занятій воспитанницъ. Въ Учебной Конференціи, въ засѣданіяхъ которой присутствуетъ врачъ [3], разсматривается и обсуждается степень успѣшности какъ цѣлыхъ классовъ, такъ и отдѣльныхъ воспитанницъ [4]. Принимались соотвѣтствующія мѣры къ поднятію уровня успѣшности того или другого отстающаго класса [5]; отдѣльныхъ воспитанницъ, оказавшихся неспособными проходить учебный курсъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, переводили въ Николаевское женское профессіональное училище [6].

Первымъ инспекторомъ классовъ во время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ былъ К. А. Тимофеевъ. Въ 1881 г. онъ умеръ и въ Смольный былъ назначенъ П. В. Евстафьевъ, инспекторъ Гатчинскаго сиротскаго института. Въ Смольномъ Евстафьевъ пробылъ инспекторомъ недолго, и, по выслугѣ пенсіи, въ 1889 г. подалъ въ отставку [7]. Какъ педагогъ, Евстафьевъ извѣстенъ своими трудами изъ области педагогики, дидактики и исторіи русской литературы. Его преемникомъ былъ А. Г. Вороновъ, очень образованный человѣкъ, среди педагогическихъ трудовъ находившій время для научныхъ занятій по исторіи, исторіи русскаго права и математикѣ [8]. Съ 1896 г. должность инспектора классовъ занимаетъ М. К. Прейсъ, бывшій ранѣе преподавателемъ нѣмецкаго языка у Августѣйшихъ дѣтей Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и инспекторомъ Александровскаго института.

[1] Проток. Учебн. Конф. 18 дек. 1907 г. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1902 г., № 32, и др. [3] См. Проток. Учебн. Конф. за 1901 и слѣд. годы. [4] См., напр., Проток. Учебн. Конф. за 1897 г. [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1905 г., № 31. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1897 г., № 46; Д. 1898 г., № 48; Д. 1899 г., № 42; Д. 1903 г., № 42; Д. 1909 г., № 42; Д. 1911 г., № 42, и др. [7] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 125. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1889 г., № 51.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ и ранѣе, въ Смольномъ всегда обращалось особое вниманіе на постановку преподаванія искусствъ. Первая, во время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы, начальница въ Смольномъ О. А. Томилова обращала большое вниманіе на развитіе въ воспитанницахъ художественныхъ и музыкальныхъ способностей и эстетическаго вкуса.



Урокъ гимнастики.

О. А. Томилова лично занималась съ пепиньерками исторіей искусствъ, въ особенности исторіей искусства Италіи. У нея было весьма цѣнное собраніе воспроизведеній замѣчательныхъ картинъ, статуй, зданій и другихъ памятниковъ искусствъ Западной Европы. Эти снимки были распредѣлены по эпохамъ, школамъ, художникамъ. Кромѣ того, у О. А. Томиловой было много картинъ извѣстныхъ мастеровъ, среди нихъ были: Andrea del Sarto, Salvator Rosa, Poussin, Claude Laurrain и др. О. А. Томилова сама показывала воспитанницамъ старшихъ классовъ, главнымъ образомъ, пепиньеркамъ, свои художественныя собранія, читала съ ними книги по искусству, при чемъ многое

поясняла и добавляла разсказами изъ своихъ личныхъ впечатлѣній во время путешествій по Западной Европѣ.

Прекрасно понимая и любя музыку и пѣніе, О. А. Томилова обратила серьезное вниманіе на правильность постановки преподаванія музыки и пѣнія. Инспекторомъ музыки въ Смольномъ при О. А. Томиловой состоялъ профессоръ Лешетицкій; О. А. Томилова приглашала учительницъ музыки лишь по его рекомендаціи, преимущественно изъ окончившихъ курсъ Консерваторіи.

Урокъ ритмической гимнастики.

Часто, по вечерамъ, къ О. А. Томиловой приходили по очереди воспитанницы трехъ старшихъ классовъ. Каждая должна была сыграть на роялѣ или спѣть, причемъ воспитанницы играли и пѣли соло, дуэты, тріо и т. д.

По желанію О. А. Томиловой, профессоръ Лешетицкій давалъ уроки музыки наиболѣе выдающимся по своимъ музыкальнымъ дарованіямъ изъ воспитанницъ старшихъ классовъ въ ея квартирѣ. Стремясь довести дѣло преподаванія музыки до возможной высоты, О. А. Томилова ввела періодическіе въ теченіе всего учебнаго года экзамены по музыкѣ: каждая учительница музыки, по очереди, приводила въ квартиру начальницы свой классъ, и воспитанницы играли въ присутствіи профессора Леше-

тицкаго. Эти экзамены заставляли немало работать и учащихся и учащихъ [1].

Впослѣдствіи профессора Лешетицкаго замѣнили профессора Консерваторіи Фанъ-Аркъ, Ф. Штейнъ, Н. А. Дубасовъ и А. Ф. Штейнъ [2]. Выдающейся преподавательницей музыки была Е. Н. Ключарева, пользовавшаяся большой любовью воспитанницъ [3].

Урокъ на арфѣ.

Въ заботахъ о развитіи эстетическаго вкуса воспитанницъ, О. А. Томилова нерѣдко устраивала для нихъ музыкальные концерты, въ которыхъ принимали участіе извѣстные артистки и артисты. Кромѣ того, она каждую недѣлю посылала пенсіонерокъ въ русскую или итальянскую оперу. Особенно процвѣтала тогда итальянская опера; это было время Патти, Нильсонъ, Лукки, Котони, Мазини.

Такія поѣздки въ оперу были возможны потому, что супруга министра Двора, графиня Адлербергъ, бывшая смолянка,

[1] Сообщ. Л. Кубаркиной. Рук. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1883 г., № 73. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1888 г., № 49.

была дружна съ О. А. Томиловой, и ей часто предоставлялась въ Императорскихъ театрахъ министерская ложа.

Съ 1891 г. въ Смольномъ возстановилось обученіе воспитанницъ игрѣ на арфѣ—традиціонномъ инструментѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, прерванное въ серединѣ прошлаго столѣтія. Въ 1891 г. была «исправлена старая, существовавшая съ давнихъ временъ, арфа», на которой воспитанницы начали обучаться въ видѣ опыта. Два первыхъ года занятій на арфѣ дали хорошіе результаты. Поэтому въ 1893 г., съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, была пріобрѣтена новая арфа, и занятія воспитанницъ на арфѣ приняли систематическій характеръ [1]; въ послѣдующіе годы арфы выписывались изъ Парижа, отъ Эрара, туда же онѣ посылались и для починки [2]. Съ 1895 г. въ Смольномъ имѣется штатная должность учительницы игры на арфѣ [3]. Первой учительницей игры на арфѣ была проф. Е. А. Вальтеръ-Кюне; ее замѣнила преподавательница Консерваторіи смолянка К. А. Эрдели, по мужу Энгельгардтъ.

При обученіи музыкѣ въ Смольномъ обращается вниманіе на природныя дарованія воспитанницъ. Ихъ обучаютъ игрѣ на томъ инструментѣ, къ какому воспитанница чувствуетъ наибольшую склонность. Въ отдѣльныхъ случаяхъ воспитанницы обучались игрѣ на скрипкѣ и флейтѣ [4].

Обученіе свѣтскому и церковному пѣнію обязательно для всѣхъ воспитанницъ старшихъ классовъ. Нѣкоторыя воспитанницы обучаются за особую плату пѣнію у отдѣльныхъ преподавателей. Среди преподавателей свѣтскаго и церковнаго пѣнія, въ разное время служившихъ въ Смольномъ, встрѣчаются извѣстныя имена, таковы, напр., г.г. Рубецъ, Львовскій, Архангельскій, Казаченко и др. [5].

Насколько хорошо поставлено въ Смольномъ изученіе искусствъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что многія изъ воспитанницъ Смольнаго, особенно за послѣдніе годы, по окончаніи института поступаютъ для продолженія художественнаго образованія въ Императорскую Академію Художествъ, школу барона Штиглица, Рисовальную Школу Общества Поощренія

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1895 г., № 44, лл. 8—9. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1898 г., № 32; Д. 1900 г., № 32; Д. 1905 г., № 32; и др. [3] Пол. Опек. Сов. 15 дек. 1895 г. [4] См., напр., Дневн. I, 34. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1895 г., № 44, лл. 4—5.

Художествъ, Консерваторію и другія спеціальныя учебныя заведенія какъ въ Россіи, такъ и заграницей, причемъ нѣкоторыя изъ смолянокъ пріобрѣли почетную извѣстность на избранномъ ими поприщѣ художественной дѣятельности.

Въ 1884 г. въ Смольномъ былъ устроенъ особый классъ рисованія, оборудованіе его постепенно продолжалось въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ [1]. Классныя занятія живописью въ Смоль-

Классъ рисованія.

номъ шли настолько успѣшно, что въ 1900 г. на Парижской выставкѣ были выставлены акварельныя картины воспитанницъ Императорскаго Воспитательнаго Общества съ изображеніемъ различныхъ событій изъ институтской жизни [2].

Весною и осенью уроки рисованія нерѣдко происходятъ въ саду, гдѣ воспитанницы рисуютъ съ натуры. Воспитанницы старшихъ классовъ много занимаются рисованіемъ и во время лѣтнихъ каникулъ и, возвращаясь къ началу учебныхъ занятій въ Смольный, привозятъ свои рисунки и картины съ натуры,

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1887 г., № 5. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1898 г., № 31.

исполненные карандашомъ, акварелью и масляными красками. Въ цѣляхъ художественнаго развитія воспитанницы посѣщаютъ, подъ руководствомъ преподавателей и классныхъ дамъ, Эрмитажъ, Музей Императора Александра III и другія художественныя собранія, а также выставки картинъ.

На занятія рукодѣліемъ было обращено большое вниманіе еще при О. А. Томиловой. На первомъ мѣстѣ О. А. Томилова ставила полезныя работы — кройку и шитье. Вмѣстѣ съ тѣмъ О. А. Томилова считала, что воспитанницы должны знать и тонкія работы, изящныя рукодѣлія. Она сама придумывала различныя изящныя работы — вышивки, вязанье, плетенье и слѣдила за успѣхами воспитанницъ въ этомъ отношеніи [1]. Еще большее вниманіе было обращено на занятіе воспитанницъ рукодѣліемъ при свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Ливенъ. Ею установлено, что каждая воспитанница младшихъ классовъ должна сшить для себя два комплекта бѣлья, а въ старшихъ классахъ воспитанницы изучаютъ кройку и шитье платьевъ. Процвѣтаютъ теперь въ Смольномъ и художественныя работы по рукодѣлію. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ благоугодно было одобрить предположеніе свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ, чтобы церковныя облаченія и одежды для построеннаго въ Петербургѣ храма въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ были сдѣланы руками воспитанницъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Эти церковныя облаченія, исполненныя по старинными рисункамъ, шитыя жемчужными бусами и золотомъ, могутъ служить образцомъ художественныхъ вышивокъ сколянокъ.

[1] Л. Кубаркина. Рим. [2] См., напр., Арх. Имп. Вост. Общ., т. 1899 г., № 32.

III.

Повседневная жизнь.—Лекціи и бесѣды.—Религіозное чувство.—Церковныя богослуженія.

Повседневная жизнь въ Смольномъ начинается рано. Въ семь часовъ раздается звонокъ вставать. Дортуары быстро пустѣютъ. Подъ наблюденіемъ классныхъ дамъ воспитанницы умываются, одѣваются въ утреннія, приспособленные для гимнастическихъ упражненій костюмы и мягкія туфли. Въ каждомъ классѣ отдѣльно совершается краткая молитва и читается дневное Евангеліе, и воспитанницы идутъ въ залы на гимнастику. Въ классѣ остаются лишь освобожденныя отъ гимнастики.

Безъ четверти восемь раздается звонокъ на общую большую молитву, на которой присутствуютъ начальница и дежурная инспектриса. Старшіе классы молятся въ большомъ залѣ, младшіе классы, кончая пятымъ, молятся внизу въ своемъ залѣ.

Послѣ молитвы всѣ классы собираются въ столовой, гдѣ ихъ уже ждетъ горячій чай, молоко, бѣлый хлѣбъ съ масломъ, ветчиной, мясомъ и т. п. Послѣ чая воспитанницы переодѣваются въ обычныя форменныя платья и идутъ въ классы. Уроки начинаются въ девять часовъ и, съ десятиминутными перемѣнами, продолжаются до двѣнадцати.

Въ двѣнадцать часовъ завтракъ. По лѣстницамъ въ столовую спускаются старшіе классы, т. е. тѣ, которые помѣ-

щаются въ верхнемъ коридорѣ. Внизу, въ коридорѣ выстроились младшіе классы и терпѣливо ждутъ, пока пройдутъ «старшія».

Въ столовой, когда всѣ собрались и водворилась тишина, одинъ изъ трехъ старшихъ классовъ поетъ молитву.

Послѣ завтрака снова поется молитва, и всѣ расходятся по классамъ, чтобы одѣваться на прогулку. Нѣсколько классовъ,

Галлерея въ саду Смольнаго.

по очереди, отправляются на прогулку внѣ института, остальные—идутъ въ садъ.

Садъ Смольнаго замѣчательно хорошъ. Онъ расположенъ по берегу Невы, куда выходитъ прекрасная по своей художественной простотѣ крытая галлерея, построенная еще во времена Императрицы Екатерины II. Къ тому же времени относится окружающая садъ ограда съ башнями и арками. Съ одной стороны главной аллеи сохранились слѣды засыпанныхъ искусственныхъ прудовъ, существовавшихъ при Императрицѣ Екатеринѣ Великой; съ другой—находятся двѣ большія открытыя бесѣдки, гдѣ лѣтомъ въ прежніе годы, когда воспитанницы не уѣз-

жали на институтскую дачу, шли ихъ утреннія занятія. Могучія, вѣковыя липы срослись зелеными пышными главами, и весь садъ, огромный, тѣнистый, даже нѣсколько суровый, дышитъ какой то благоговѣйной тишиной и покоемъ былого...

Какъ то даже странно видѣть широкія прямыя аллеи стараго сада оживленными веселой толпой воспитанницъ, нарушающихъ его тихую, задумчивую дрему...

Послѣ прогулки, съ двухъ до пяти часовъ, снова уроки. Въ пять—идутъ обѣдать, послѣ обѣда, во время получасового отдыха, отовсюду раздается музыка, пѣніе, въ залѣ танцуютъ, многія ходятъ, бесѣдуя другъ съ другомъ. Въ шесть часовъ начинается приготовленіе уроковъ.

Во время приготовленія уроковъ классъ представляетъ пеструю картину. Занимающіяся серьезнымъ дѣломъ стараются устроиться гдѣ нибудь поудобнѣе, подальше отъ шумливыхъ подругъ. Кто устроился за шкафами, кто—подъ каѳедрой, кто—даже подъ столомъ, нѣкоторыя уходятъ готовить уроки въ нѣмческую или арфную. Въ классахъ вездѣ оживленно. Незамѣтно проходитъ время до восьми часовъ, когда всѣ классы идутъ въ столовую пить чай.

Послѣ чая старшія еще остаются въ классахъ до девяти часовъ, а младшія полчаса проводятъ передъ сномъ въ залѣ, а затѣмъ идутъ спать.

Въ девять часовъ и старшіе классы поднимаются въ дортуары, мало по малу жизнь всюду начинаетъ замирать. Двѣ—три воспитанницы вдругъ спохватываются, что не успѣли приготовить къ завтрашнему дню всѣхъ уроковъ. Забравъ книги, онѣ устраиваются въ умывальной; но тамъ ихъ скоро находитъ дежурная классная дама и полусонныхъ отправляетъ спать.

Весь институтъ засыпаетъ.

Тихой и однообразной кажется со стороны институтская жизнь, но эти тишина и однообразіе лишь относительныя. Жизнь смолянокъ очень своеобразна и во многомъ не похожа на жизнь ученицъ открытыхъ учебныхъ заведеній. Проводя цѣлые мѣсяцы въ институтѣ, воспитанницы создаютъ себѣ свой собственный духовный міръ, полный особыхъ интересовъ.

Сидѣнье въ классахъ ограничено въ Смольномъ лишь временемъ уроковъ. Значительную часть дня воспитанницы проводятъ въ движеніи, благодаря чему неизбѣжное въ столь боль-

шомъ закрытомъ учебномъ заведеніи однообразіе, вѣрнѣе строгій порядокъ каждаго дня, не является утомительнымъ, давящимъ. Прогулка въ саду, игры на воздухѣ, зимой—катанье съ горъ, бѣганье на коньках и на лыжахъ, чередуются съ танцами, гимнастикой и свободнымъ временемъ, когда воспитанницы предоставлены самимъ себѣ.

Большое оживленіе вносятъ дни пріема: четвергъ отъ 5 до 6 часовъ вечера и воскресенье отъ 1 часа до 3 часовъ дня, когда воспитанницъ посѣщаютъ ихъ родители и родственники. Пріемъ происходитъ въ большомъ залѣ. Отъ каждаго класса назначаются дежурныя воспитанницы. По указанію инспектрисы или классной дамы онѣ вызываютъ въ залъ тѣхъ воспитанницъ, къ которымъ пріѣхали на пріемъ.

Въ свободное отъ занятій время каждый классъ живетъ своей жизнью, своими интересами. У самыхъ маленькихъ—много игрушекъ, куколъ; онѣ разстаются съ ними съ трудомъ и даже просятъ позволеніе брать на прогулку наиболѣе любимыхъ. Интересное и своеобразное зрѣлище представляетъ приготовительный классъ, чинными парами выстроившійся на прогулку—всѣ дѣвочки одѣты по формѣ, онѣ «настоящія» институтки, а въ рукахъ одной—бережно завернутая кукла, у другой—мохнатый медвѣдь, у третьей—кудрявая собачка, «совсѣмъ, какъ живая». Онѣ бережно несутъ своихъ любимицъ и на личикахъ свѣтится счастливая дѣтская радость.

Когда въ Смольномъ открывался приготовительный классъ, княжна **Е. А. Ливенъ** признала необходимымъ устроить для дѣтей обстановку жизни возможно близкую къ домашней. Воспитанницы приготовительнаго класса были помѣщены отдѣльно отъ остальныхъ воспитанницъ. Ихъ дортуаръ и классъ были устроены рядомъ въ комнатахъ, расположенныхъ на солнечную сторону. Въ приготовительномъ классѣ нѣтъ обычной классной мебели, въ ней стоятъ невысокіе столы и маленькіе стулья. По стѣнамъ стоятъ шкафы, съ стеклянными дверями, для книгъ и игрушекъ. Возлѣ нихъ разставлены кровати для куколъ и кукольная мебель. На низенькихъ шкафчикахъ—фотографіи родныхъ, на окнахъ—цвѣты.

Въ старшихъ классахъ интересы болѣе серьезные и глубокіе, чѣмъ въ младшихъ. Воспитанницы начинаютъ удѣлять свободное время занятіямъ тѣмъ или другимъ искусствомъ, много читаютъ.

Послѣ всенощной по субботамъ воспитанницы I класса, каждое отдѣленіе по очереди, собираются въ гостиной или кабинетѣ княжны. Княжна или одна изъ воспитанницъ читаютъ вслухъ книгу религіозно-нравственнаго содержанія или заслуживающую вниманія по изображаемымъ въ ней душевнымъ переживаніямъ. Послѣ чтенія въ свободной непринужденной

Приготовительный классъ.

бесѣдѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній, а иногда и горячій споръ по поводу прочитаннаго.

Педагогическіе классы имѣютъ свои гостиныя, «салоны», уютно обставленные мягкой мебелью, въ нихъ много живыхъ цвѣтовъ, рояль, письменные столики, этажерки съ книгами и бездѣлушками; по стѣнамъ — портреты, гравюры. Здѣсь пепиньерки проводятъ за чтеніемъ и другими занятіями почти все внѣклассное время.

Пепиньерки нерѣдко принимаютъ въ своихъ салонахъ почетныхъ гостей. Здѣсь ихъ посѣщали бывшіе Главноуправляющіе Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею

по учрежденіямъ Императрицы Маріи, почетные опекуны графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ и С. В. Олива. Свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливенъ является ихъ постоянной гостьей; посѣщаютъ ихъ часто члены Совѣта Общества, почетные опекуны А. С. Ермоловъ и С. А. Де-Карьеръ и другія лица.

«26 сентября мы справляли именины Сергѣя Васильевича Олива—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ старшихъ пепиньерокъ 1908 г. — Онъ пріѣхалъ къ намъ, старшимъ пепиньеркамъ, провести нѣсколько часовъ и отдохнуть «среди своихъ смолянокъ», какъ онъ говорилъ. Разговаривали мы съ Сергѣемъ Васильевичемъ, какъ всегда, рѣшительно обо всемъ, затрагивали многіе вопросы, съ которыми, нерѣдко, приходится сталкиваться въ жизни, говорили съ нимъ также и о нашихъ семейныхъ обстоятельствахъ».

Жизнь пепиньерокъ существенно отличается отъ общеинститутскаго режима и носитъ болѣе домашній характеръ. Утромъ и вечеромъ онѣ пьютъ чай у себя въ салонѣ, туда же подается имъ чай и въ три часа дня, при чемъ онѣ могутъ привозить изъ дома печенье, лакомства и проч. Пепиньерки свободно располагаютъ временемъ, не занятымъ лекціями и уроками съ отстающими воспитанницами младшихъ классовъ. Онѣ имѣютъ право въ свободное время гулять въ саду—не цѣлымъ классомъ, а по двѣ—три. Старшія пепиньерки ѣздятъ каждую субботу въ отпускъ; младшія—черезъ субботу.

За два года жизни небольшой дружной семьей пепиньерки такъ сживаются, такъ искренно привязываются къ институту, что разставаніе со Смольнымъ является для нихъ очень тяжелымъ.

«Какъ мы мечтали остаться на третій годъ въ институтѣ!—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ 1907 г.—Но увы! третьяго пепиньерскаго курса не существуетъ, и пришлось примириться съ мыслью, что мы должны покинуть Смольный. Но хотѣлось продлить хотя бы на часъ пребываніе въ немъ, и мы просили у княжны разрѣшенія остаться еще день послѣ выпуска, пожить еще институтской жизнью. Княжна, какъ всегда, поняла наши чувства и думы и охотно позволила намъ остаться.

Послѣдній вечеръ намъ хотѣлось провести въ нашей тѣсной институтской семьѣ, съ людьми, которые ближе и дороже всѣхъ намъ были въ Смольномъ, а потому мы просили къ себѣ княжну

и С. В. Олива. Какъ родные они были для насъ. Мы вѣдь знаемъ, что̀ княжна дѣлаетъ для насъ, что она всю душу свою кладетъ въ насъ, и хотѣлось еще и еще доказать ей, что мы чувствуемъ это, что любимъ ее. Счастливы мы были, что и нашъ дорогой Сергѣй Васильевичъ побаловалъ насъ, пріѣхалъ къ намъ. Сколько задушевныхъ бесѣдъ вели мы съ нимъ въ нашемъ салонѣ, когда онъ, бывало, пріѣдетъ къ намъ. И съ такими людьми приходилось разставаться.

Долго въ тотъ вечеръ мы сидѣли и говорили, хорошо и уютно было въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ, и только время отъ времени въ сердцѣ звенѣла щемящая тоска: «въ послѣдній разъ!».

Сегодня утромъ мы пошли въ нашу институтскую церковь. Мы, десять пепиньерокъ, составили хоръ и никогда мы такъ не пѣли, не молились такъ горячо, съ такимъ умиленіемъ.

Прости, милый родной Смольный!

Простите, милые родные люди, давшіе намъ въ немъ свои заботу и ласки!».

«Вечеромъ въ салонѣ голубыхъ пепиньерокъ (т. е. младшихъ, старшія—носятъ розовые банты) былъ Анатолій Федоровичъ Кони,—записано въ Дневникѣ 6 февраля 1908 г.;—онъ говорилъ, какъ всегда, о литературѣ и пилъ съ нами чай. Между прочимъ, Анатолій Федоровичъ прочиталъ намъ стихотвореніе Бенедиктова «Человѣкъ» и Каролины Павловой «Вечеръ въ Тріанонѣ». Вообще Анатолій Федоровичъ говорилъ намъ объ этой забытой, хотя и талантливой писательницѣ».

Въ заботахъ о возможно глубокомъ духовномъ развитіи своихъ воспитанницъ княжна Е. А. Ливенъ, пользуясь дружескими отношеніями съ А. Ф. Кони, нерѣдко просила его «побесѣдовать» съ воспитанницами.

Въ разные годы А. Ф. Кони читалъ пепиньеркамъ лекціи о вниманіи и памяти, о Толстомъ и Достоевскомъ, о судебныхъ уставахъ, неоднократно велъ бесѣды на различныя темы, преимущественно изъ области русской литературы. Большею частью эти лекціи-бесѣды проходили въ квартирѣ свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ.

18 декабря 1908 г. гостями пепиньерокъ оказались три члена Государственной Думы. Осмотрѣвъ, съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, весь Смольный, «члены Думы посѣтили салонъ старшаго педагогическаго класса,—пишетъ

въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ. Салонъ, уютно обставленный мягкой мебелью и цвѣтами, произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе; они были поражены его домашней обстановкой, также чистотой и порядкомъ, господствующими здѣсь, какъ и во всемъ зданіи. Очень пріятное впечатлѣніе произвела на нихъ простота и естественность обращенія воспитанницъ и полное отсутствіе той «казенщины», которую они ожидали встрѣтить. Послѣ довольно

Салонъ розовыхъ пепиньерокъ.

продолжительной бесѣды съ хозяйками салона, члены Думы распрощались, говоря, что Смольный превзошелъ ихъ ожиданія и что онъ заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ 12+».

Это же настроеніе Смольнаго поразило румынскаго посланника Розетти-Солеско, который, во время своего посѣщенія въ январѣ 1911 г., высказалъ восхищеніе передъ «духомъ простоты и въ то же время благородства», который тамъ царитъ.

По желанію княжны Е. А. Ливенъ пепиньерки и воспитанницы перваго класса какъ бы несутъ обязанности хозяекъ въ Смольномъ. Онѣ занимаютъ и угощаютъ почетныхъ гостей на ученическихъ концертахъ и вечерахъ и т. п.

Живя въ институтѣ, воспитанницы старшихъ классовъ Смольнаго не являются оторванными отъ жизни. Ни одно болѣе или менѣе важное событіе или явленіе русской жизни, литературы и искусства не проходитъ для нихъ незамѣченнымъ. По мысли княжны Е. А. Ливенъ и почетнаго опекуна А. С. Ермолова, въ Смольномъ нерѣдко устраиваются лекціи, посвященныя тому или другому вопросу, который имѣетъ современный инте-

Салонъ голубыхъ пепиньерокъ.

ресъ. Таковы, напр., лекція Л. А. Богдановича о мѣстѣ заточенія Михаила Никитича Романова (6 ноября 1910 г.), лекція кн. Волконскаго о ритмической гимнастикѣ (въ январѣ 1912 г.), лекція П. П. Фридолина по случаю празднованія столѣтія войны 1812 г. (16 сентября 1912 г.), рядъ его же лекцій по исторіи искусствъ, лекція Пуцилло о южныхъ славянахъ (по поводу Балканской войны), лекція Гладкова о томъ, «какъ изъ невѣрующаго стать христіаниномъ», лекція П. В. Делярова о жизни и творчествѣ Рафаэля и многія другія. Въ сентябрѣ 1911 г. въ Смольномъ былъ вечеръ «сказительницы» народныхъ произведеній, Олонецкой

крестьянки Натальи Степановны Богдановой. Устраиваются въ Смольномъ и туманныя картины [1].

19 апрѣля 1909 г. А. Ф. Кони прочелъ въ Смольномъ, съ благотворительной цѣлью, въ пользу Общежитія смолянокъ, публичную лекцію, темой для которой послужила рѣчь, произнесенная имъ за мѣсяцъ до того въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ по поводу двадцатипятилѣтія со дня смерти И. С. Тургенева. На этой лекціи, по желанію А. Ф. Кони, изъ воспитанницъ присутствовали лишь пепиньерки и выпускныя, какъ наиболѣе подготовленныя къ серьезной публичной лекціи.

Религіозное чувство, глубокое и сильное, отличительная, существенная черта смолянокъ. Княжна Е. А. Ливенъ требуетъ, чтобы каждая дѣвочка привозила изъ дома свой образокъ на кровать и Евангеліе; въ своихъ бесѣдахъ съ воспитанницами, какъ маленькими, такъ и старшими, постоянно внушаетъ мысль о необходимости и силѣ молитвы. Съ перваго года институтской жизни дѣвочка привыкаетъ встрѣчать каждый праздникъ въ церкви, каждое дѣло начинать съ молитвы. Съ годами эта привычка освѣщается сознаніемъ и переходитъ въ потребность.

Институту обязаны смоляики великимъ счастьемъ — счастьемъ вѣры. Онѣ вѣрятъ глубоко, просто и искренно, какъ молятся, и всю жизнь бережно хранятъ свою вѣру, сокровище своей души, и свѣтлую радость—радость молитвы. Ничто въ мірѣ не лишитъ ихъ этой радости; печали и скорби только углубятъ ее, освятятъ и возвысятъ.

«Дѣтская» церковь Смольнаго много способствуетъ развитію религіознаго чувства воспитанницъ. Устроенная въ одной изъ башенъ Смольнаго монастыря, съ высокимъ куполомъ, крестообразная, она не походитъ на обычныя домовыя церкви. Небольшая, вся свѣтлая, радостная, она говоритъ сердцамъ дѣтей о Богѣ милосердномъ, кроткомъ и любящемъ, о чистой радости христіанской молитвы...

Церковь такъ невелика, что постороннихъ въ ней не бываетъ. Какъ живутъ смоляики единой большой, дружной семьей, такъ и молятся. Ничто не отвлекаетъ вниманія отъ церковной службы, мысли уносятся далеко ввысь, все будничное земное

[1] Дневникъ, I, 30 и др.

отходитъ куда то назадъ, о немъ не хочется думать и вспоминать.

Особое настроеніе богослуженіямъ въ церкви Императорскаго Воспитательнаго Общества придаетъ участіе самихъ воспитанницъ въ церковной службѣ. Онѣ поютъ на два хора, воспитанницы I и II классовъ читаютъ въ церкви. Воспитанницы съ чрезвычайной серьезностью относятся къ своимъ церковнымъ обязанностямъ, не только не считаютъ ихъ трудомъ, необходимой формальностью, но дорожатъ ими и гордятся.

По существующему обычаю, со свѣчами во время богослуженія выходятъ по очереди двѣ воспитанницы VI класса; выборъ нѣсколькихъ паръ возложенъ на самихъ воспитанницъ этого класса, и дѣвочки съ исключительной добросовѣстностью выбираютъ изъ своей среды тѣхъ, которыя выдѣляются добротой и кротостью.

На первой недѣлѣ великаго поста говѣютъ воспитанницы педагогическихъ классовъ и трехъ старшихъ классовъ общаго курса, на четвертой недѣлѣ воспитанницы IV и V классовъ, а на страстной—младшіе классы. Нѣкоторыя воспитанницы по собственному желанію говѣютъ и второй разъ—на страстной недѣлѣ. Кромѣ того, въ Смольномъ княжною Е. А. Ливенъ установленъ обычай причащать не только опасно больныхъ воспитанницъ, но и вообще заболѣвающихъ какою либо серьезною болѣзнью.

Церковныя службы страстной и пасхальной недѣли отличаются въ Смольномъ особой торжественностью и трогательностью.

Въ страстную пятницу вечеромъ, во время погребенія Спасителя, плащаницу несутъ старшія пепиньерки. Этотъ обычай оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ ихъ сердцахъ; онѣ ждутъ этого дня трепетно и радостно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ оттѣнкомъ печали; нигдѣ, никогда не повторятся эти счастливыя для нихъ, незабываемыя минуты.

Впереди процессіи идутъ пѣвчія; онѣ раздѣлены на два хора, чтобы по очереди пѣть во время долгаго крестнаго хода, но поютъ все время оба хора вмѣстѣ, и звонкіе молодые голоса далеко, далеко разносятся по гулкимъ безконечнымъ коридорамъ.

Передъ плащаницей и за ней идутъ, по двѣ, четыре пепиньерки съ большими свѣчами, а затѣмъ всѣ старшія пе-

пиньерки; онѣ по очереди смѣняютъ подругъ, несущихъ плащаницу.

Въ процессіи участвуютъ всѣ классы, отъ старшихъ до самыхъ младшихъ, и церковь совершенно пустѣетъ.

Съ главнаго коридора процессія поворачиваетъ направо, черезъ вестибюль, по боковой лѣстницѣ подымается во второй этажъ. Служанки, замыкающія шествіе, еще только поворачи-

Церковь Смольнаго.

ваютъ къ вестибюлю, а по средней лѣстницѣ уже доносится сверху, вдалека «Святый Боже».

Но не скоро еще замелькаютъ огоньки свѣчей пѣвчихъ; медленно и торжественно совершается длинный путь. Голоса все ближе и ближе — и, наконецъ, «бѣлыя» пѣвчія вступаютъ опять въ нижній коридоръ...

Къ церковному коридору надо подняться ступеней 10—12. Удивительная картина представляется глазамъ, если взглянуть со ступенекъ назадъ: море огней, и не видно ему конца!

Въ пасхальномъ крестномъ ходѣ принимаютъ участіе всѣ классы. Воспитанницы, по двѣ отъ каждаго класса, несутъ иконы,

передъ каждой иконой несутъ по большой свѣчѣ, старшія идутъ съ артосомъ, поютъ.

На Пасху крестный ходъ совершаетъ другой путь, не менѣе длинный. Опять длинные коридоры Смольнаго оглашаются пѣніемъ, но теперь радостнымъ, ликующимъ, какъ лица самихъ поющихъ. Мелькаютъ огоньки, огоньки безъ конца. Даже сторожъ за стеклянной дверью подъѣзда стоитъ со свѣчей... У княжны, инспектрисъ, классныхъ дамъ и почетныхъ посѣтителей свѣчи украшены цвѣтами работы воспитанницъ. Послѣ крестнаго хода служба идетъ въ какомъ-то удивительно приподнятомъ настроеніи. Радость великаго весенняго праздника чувствуется всѣми; она звучитъ и въ молодыхъ голосахъ поющихъ, и въ счастливыхъ улыбкахъ, и въ отчетливыхъ, громкихъ отвѣтахъ даже самыхъ маленькихъ: «Во истину Воскресе»! на возгласъ священника: «Христосъ Воскресе»!

Церковь (деталь).

Окончилась утреня, и начинается христосованіе. «Христосъ Воскресе» слышится отовсюду, всюду праздникъ!

Обѣдня идетъ своимъ чередомъ, торжественно, неторопливо, окна начинаютъ синѣть отъ ранняго разсвѣта, когда кончается обѣдня.

Весь институтъ съ княжной Е. А. Ливенъ во главѣ идетъ въ столовую. Тамъ уже накрыты столы, у приборовъ пестрѣютъ крашеныя яйца, пахнетъ куличами. Княжна христосуется съ каждой воспитанницей.

За столомъ пепиньерокъ разговляются съ ними княжна батюшка, инспектрисы, почетные гости. Передъ розговѣньемъ

воспитанницы поютъ молитву, священникъ обходитъ всѣ столы и кропитъ ихъ святой водой.

Всѣ устали, проголодались, но настроеніе бодрое, свѣтлое. Какъ рой пчелъ жужжатъ голоса огромной семьи смолянокъ, слышится смѣхъ, всѣмъ легко на душѣ, хорошо...

По повелѣнію Государя Императора въ Императорское Воспитательное Общество ежегодно доставляются на Пасху съ

Въ саду.

Императорскаго завода фарфоровыя яйца для раздачи воспитанницамъ [1]. Обязанность распредѣлять ихъ и разносить по классамъ лежитъ на выпускныхъ пепиньеркахъ.

Смоляики по издавна сложившемуся обычаю посылаютъ во дворецъ къ свѣтлой заутрени ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ пасхальныя свѣчи, украшенныя живыми цвѣтами, перевязанными лентой Смольнаго (бѣлой съ тремя золотыми полосками) и шелковые мячики. Послѣдніе посылаются и Августѣйшимъ Дѣтямъ Ихъ Величествъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1901 г., № 32; Д. 1904 г., № 32; Д. 1907 г., № 32; Д. 1908 г., № 32; Д. 1909 г., № 32; Д. 1910 г., № 32; и др.

По преданію, обычай дѣлать пасхальные мячики существуетъ въ Смольномъ со временъ Императрицы Екатерины II. По всей вѣроятности, сложному и тонкому искусству этому, требующему большого терпѣнія, обучили смолянокъ монахини, поселенныя въ Смольномъ. Непосвященнымъ трудно разгадать тайну этого своеобразнаго, изящнаго искусства, составляющаго гордость смолянокъ, передающагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, и остается лишь любоваться прелестнымъ мячикомъ изъ тончайшихъ шелковыхъ нитокъ, хитро сплетенныхъ съ золотыми и серебряными нитями, образующими звѣзду и другіе рисунки. Рисунки эти традиціонны. Каждый имѣетъ свое названіе.

На первый день Пасхи послѣ вечерни священникъ съ причтомъ обходитъ институтъ съ пасхальными молитвами и пѣснопѣніями. На второй день Пасхи въ Смольномъ послѣ литургіи бываетъ крестный ходъ въ лазаретъ.

Кромѣ общихъ праздниковъ, въ Смольномъ есть свои особые праздники.

«Со временъ Супруги Императора Павла I, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, — пишетъ въ Дневникѣ 3 ноября 1898 г. одна изъ старшихъ пепиньерокъ,—существуетъ въ Смольномъ обычай приносить чудотворный образъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ; съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ приносятъ этотъ образъ и служатъ молебенъ въ большомъ залѣ. Сегодня былъ у насъ молебенъ въ присутствіи всего Общества; потомъ образъ носили по всему зданію, служили молебны у княжны, инспектрисъ, классныхъ дамъ и у пепиньерокъ». Воспитанницы сами поютъ во время молебна и сопровождаютъ икону по зданію. Черезъ недѣлю икону Богоматери привозятъ второй разъ—въ лазаретъ, а потомъ икону обносятъ по помѣщеніямъ живущей въ подвальномъ этажѣ прислуги.

23 ноября—день храмового праздника въ Смольномъ. Литургію обычно совершаетъ митрополитъ или одинъ изъ викарныхъ епископовъ.

«23 ноября, въ день нашего храмового праздника,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ,—была архіерейская служба. Усердно молились всѣ. Необыкновенная торжественность и глубина архіерейской службы, стройное, прочувствованное пѣніе, свѣтъ теплящихся за престоломъ лампадъ и горящихъ передъ

иконостатомъ свѣчей—возносили молящихся къ Богу. Никто, даже самыя маленькія, не чувствовали усталости, несмотря на то, что служба длилась почти три часа».

Въ первое воскресенье послѣ окончанія экзаменовъ въ церкви совершается торжественная литургія, къ которой приглашаются родители воспитанницъ 1 класса.

IV.

Развлеченія и празднества въ Смольномъ.

Повседневная трудовая жизнь въ Смольномъ разнообразится время отъ времени развлеченіями.

Каждый годъ устраиваются концерты воспитанницъ. «30 ноября состоялся обычный ученическій концертъ,—пишетъ въ Дневникѣ о такомъ концертѣ пепиньерка 1908 г. — Это одно изъ самыхъ большихъ нашихъ развлеченій, такъ какъ участвуютъ сами воспитанницы, и мы приглашаемъ нашихъ родныхъ». Программы концертовъ самыя разнообразныя, въ нихъ принимаютъ участіе воспитанницы I, II, III и IV классовъ, а иногда, особенно въ танцахъ, и младшихъ классовъ. Исполняются хоровые и сольные номера, играютъ на одномъ и нѣсколькихъ роялях, на арфѣ, танцуютъ и т. п.

Точно также устраиваются отдѣльными классами ученическіе спектакли на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также ставятся живыя картины.

Рождественскіе праздники не отличаются въ Смольномъ особымъ оживленіемъ, не проходятъ по семейному. Большинство воспитанницъ разъѣзжается въ отпускъ, въ институтѣ остается сравнительно мало, но имъ стараются скрасить праздники: устраиваютъ елку съ подарками, старшихъ возятъ въ театръ, на концерты, въ музеи, разрѣшаютъ болѣе частые пріемы.

«Съ какимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ можно ожидать рождественскихъ праздниковъ,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ,—извѣстно однѣмъ институткамъ. Не только тѣ, кто уѣзжаетъ на праздники домой, мечтаютъ о Рождествѣ, не меньше ждутъ его и тѣ, кто остается въ институтѣ. Многія задолго до святокъ устраиваютъ маленькіе самодѣльные календарики и каждое утро вычеркиваютъ день за днемъ. «Осталось всего двѣнадцать дней до отпуска,—съ радостной улыбкой сообщаетъ обладательница такого календаря подругамъ: черезъ пять дней останется всего недѣля»! И всѣ, какъ одна, раздѣляютъ ея радость.

Съ такимъ же нетерпѣніемъ ждали и мы Рождества. Все полугодіе занятія шли серьезно и безъ перерыва, и всѣ мечтали о двухъ недѣляхъ отдыха.

Наконецъ, настаъ день отпуска, и значительное большинство воспитанницъ разъѣхалось; въ институтѣ осталось всего 50 — 60 воспитанницъ. Сперва было нѣсколько грустно—всѣ думали о далекихъ родныхъ, которыхъ не удастся увидѣть на Рождествѣ, поздравить, провести съ ними праздники. Но грустное настроеніе царило недолго; оно быстро разсѣялось, уступивъ мѣсто беззаботной веселости. Сплотившись въ одну семью, соединенную тѣсной дружбой, мы начали строить планы на предстоявшія двѣ недѣли праздниковъ.

Конечно, многое такъ и осталось мечтами, но все же развлеченій было у насъ достаточно. Мы побывали въ Эрмитажѣ, въ Консерваторіи на концертѣ Долиной, совершали прогулки по городу, въ началѣ января ѣздили въ Маріинскій театръ на оперу «Китежъ» и т. д. Словомъ, время провели превосходно.

Самымъ же лучшимъ днемъ за всѣ праздники былъ день елки. Все, даже самыя мелочныя приготовленія, какъ сортировка бомбоньерокъ, дѣленіе сластей, распредѣленіе подарковъ по классамъ,—забавляло и увлекало насъ. Лица у всѣхъ серьезныя, сосредоточенныя, какъ будто сейчасъ рѣшаются какіе нибудь важные вопросы; всѣ суетятся, бѣгаютъ; конфекты по нѣсколько разъ пересыпаются съ одной тарелки на другую, все пересчитывается, недочеты пополняются. Мимоходомъ мы успѣвали прекрасно познакомиться съ окружавшими насъ заманчивыми вкусными вещами, и нѣтъ ничего удивительнаго, что у многочисленныхъ помощницъ нашей инспектрисы, Маріи Алексѣевны Неклюдовой, аппетиты за обѣдомъ были не изъ важныхъ.

Къ семи часамъ вечера все было въ отличномъ порядкѣ: елка украшена, осыпана снѣгомъ и блестками, подарки, съ наклеенными билетиками, разставлены по столамъ, сласти размѣщены и т. д.

Нѣсколько часовъ, проведенныхъ вокругъ блестѣвшей десятками огней елки произвели на всѣхъ насъ большое впечатлѣніе. Сейчасъ еще мелькаютъ передъ глазами веселыя, раскраснѣвшіяся личики прыгающихъ и танцующихъ вокругъ елки маленькихъ кофейныхъ.

Видъ Смольнаго.

Когда въ 11 часовъ прозвучалъ звонокъ, положившій конецъ нашему празднику, съ большимъ сожалѣніемъ прервали мы танцы.

«Спать пора, скорѣе ложитесь», убѣждали классныя дамы, обходя дортуары; но въ этотъ вечеръ «шалуньи» долго еще болтали въ кроваткахъ, дѣлясь впечатлѣніями, а тѣ «умницы», которымъ удалось заснуть, вѣроятно, и во снѣ продолжали видѣть елку, подарки, сладости, танцы...» [1].

«Новый годъ мы, какъ всегда, встрѣтили у княжны,— пишетъ въ Дневникѣ пепиньерка 1913 г.— Собравшись къ 11 часамъ въ гостиной княжны, мы начали гадать.

Маленькія занялись топленіемъ воска. Онѣ столпились у свѣчи, занимаютъ очереди—кому послѣ кого лить свое счастье, старательно всматриваются въ тѣнь отъ вылитой восковой фигуры и прекрасно видятъ тамъ все, что имъ хочется. «Смотри! смотри!—слышится восторженный голосокъ: видишь, идетъ человѣкъ, а за нимъ кто-то слѣдитъ изъ за кустовъ, видишь?».

[1] Дневникъ за 1913 г.

«Нѣтъ, это не человѣкъ, это автомобиль—совсѣмъ ясно видно! Автомобиль на кого то наѣхалъ!». Кто-то соглашается, кто-то споритъ; подходятъ еще новыя гадальщицы и видятъ въ изображеніи не человѣка и не автомобиль, а замокъ, пароходъ, пасущуюся корову...

По серединѣ гостиной, вокругъ круглаго стола тѣснятся человѣкъ пятнадцать болѣе старшихъ. Онѣ склонились надъ

Дежурныя воспитанницы у княжны Е. А. Ливенъ.

тазомъ съ водой и напряженно слѣдятъ за крошечнымъ плотикомъ съ горящей свѣчой, которая вотъ-вотъ подожжетъ одинъ изъ нависшихъ надъ ней билетиковъ съ мужскими именами... Это — серьезное гаданіе. Слышатся разсказы о томъ, что нерѣдко свѣча предсказывала гадающей имя ея будущаго мужа.

Въ кабинетѣ княжны сидитъ, надъ чѣмъ то нагнувшись, одна изъ старшихъ воспитанницъ. Она внимательно всматривается въ стаканъ, поставленный на золу. На днѣ стакана въ водѣ блеститъ обручальное кольцо. Она несомнѣнно что-то ясно видитъ: лицо ея то улыбается, то становится удивленнымъ, то грустнымъ. Очевидно, ея лицо мѣняется въ зависимости отъ прекрасныхъ картинъ, которыя она видитъ въ волшебномъ кольцѣ.

Около 12 часовъ княжна вмѣстѣ съ нами сѣли за накрытый столъ. Подали кушанья. Но чѣмъ ближе подходила стрѣлка часовъ къ цифрѣ «12», тѣмъ больше становилось общее волненіе. О вкусныхъ вещахъ на тарелкахъ забывалось. У каждой въ рукахъ отточенный карандашъ и крошечный клочокъ бумаги.

Выскакиваетъ кукушка. «Ку-ку» слышится среди гробового молчанія, и остальныя одиннадцать кукованій сопровождаются скрипомъ карандашей и шелестомъ бумаги. Къ послѣднему кукованію въ воздухѣ уже чувствуется легкій запахъ горѣлой бумаги: почти всѣ успѣли написать и сжечь завѣтное желаніе на новый годъ.

Подымаются бокалы съ шампанскимъ, слышится чоканье, поздравленія, говоръ, смѣхъ. Отъ тишины, царившей двѣ минуты назадъ, нѣтъ и слѣда. Въ два часа мы всѣ ушли отъ княжны, разошлись по дортуарамъ, но долго еще не могли заснуть, предаваясь мечтамъ и планамъ на новый годъ» [1].

На Рождественскихъ праздникахъ бываетъ елка и для дѣтей прислуги; «воспитанницы собственноручно шили платья и приготовляли различные подарки для нихъ,—говорится въ Дневникѣ о такой елкѣ 3 января 1899 г. — Дѣти собрались въ четыре часа и были въ большомъ восторгѣ, бѣгали вокругъ елки, прыгали и играли; затѣмъ розданы были подарки».

По издавна заведенному въ Смольномъ обычаю, 6 или 7 января, за обѣдомъ разыгрываются сюрпризы. «За обѣдомъ дали бисквиты, — описываетъ въ Дневникѣ этотъ обычай въ 1899 г. одна изъ старшихъ пепиньерокъ этого года, — въ нѣкоторыхъ были заложены билетики, и по этимъ билетикамъ и роздали подарки, въ видѣ несессеровъ, бюваровъ, рамокъ и т. д. Вечеромъ въ тотъ же день возвращались всѣ уѣзжавшія на праздники домой. Разговорамъ и веселой болтовнѣ не было конца. Каждая спѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ подругами, и въ классахъ слышался гулъ многихъ голосовъ, всѣ лица были радостныя и оживленныя, и лишь изрѣдка встрѣчались заплаканные глаза и щеки».

Въ серединѣ января обычно въ Смольномъ бываетъ балъ [2]. Для многихъ этотъ балъ бываетъ первымъ баломъ въ жизни, и

[1] Дневникъ 1913—1914 г. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1909 г., № 32; Д. 1910 г., № 32; и др. На эти балы обычно привозятся растенія и цвѣты изъ оранжерей Таврическаго дворца.

при переходѣ въ старшіе классы воспитанницы задолго до января мечтаютъ о немъ.

«Въ восемь часовъ мы всѣ собрались въ большой залъ и раздались первые звуки оркестра — описываетъ въ Дневникѣ одна изъ старшихъ пепиньерокъ балъ 16 января 1911 г.—Вначалѣ кавалеровъ было очень мало, но это не помѣшало общему веселью; воспитанницы стали приглашать другъ друга, и скоро по залѣ закружились многочисленныя пары. Въ девять часовъ младшихъ увели, и вечеръ еще болѣе оживился. Въ двѣнадцать часовъ всѣ отправились ужинать. Послѣ ужина танцы возобновились. Веселье достигло своего апогея, когда стали разносить котильонные значки. Зала запестрѣла разноцвѣтными флажками, плюмами, лентами, цвѣтами; зазвенѣли бубенчики. Особенно заинтересовали всѣхъ маленькіе медвѣжата, присланные воспитанницамъ почетнымъ опекуномъ С. А. Де-Каррьеръ. Оживленные танцы продолжались до трехъ часовъ. Финальный маршъ прервалъ общее веселье и, поблагодаривъ княжну и почетныхъ опекуновъ, воспитанницы разошлись».

На масляницу воспитанницы не разъѣзжаются, и она проходитъ шумно и весело.

«Веселую масляницу встрѣтили смолянки въ 1906 году,— пишетъ въ Дневникѣ одна изъ старшихъ пепиньерокъ.—Война прошла, и можно было веселиться. Хотя первый классъ и не ѣздилъ въ театръ, какъ всегда, но намъ доставили много другихъ удовольствій, которыя загладили эту маленькую печаль. Въ четвергъ былъ концертъ, въ которомъ участвовали любители— знакомые инспектрисы. Время провели очень весело и всѣ были довольны. Погода въ началѣ февраля стояла прекрасная, и мы могли наслаждаться морозными, здоровыми днями Петербурга. Но самое интересное удовольствіе было впереди... У насъ готовился въ послѣднее передъ Великимъ постомъ воскресенье костюмированный вечеръ. Давно уже начались приготовленія и шитье костюмовъ къ этому желанному дню. Работа кипѣла. Многіе костюмы изготовлялись собственноручно и выходили прекрасно.

Но еще больше хлопотъ доставилъ первоклассницамъ спектакль, который былъ устроенъ трудами воспитанницъ, безъ посторонней помощи. Первое отдѣленіе перваго класса ставило одну хорошенькую французскую пьесу и отрывокъ (2 дѣйствіе)

изъ «Женитьбы» Гоголя. Играли съ большимъ усердіемъ, и всѣ остались довольны. Второе отдѣленіе давало также французскую пьесу и сцену изъ «Мертвыхъ душъ», — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ у Коробочки. Послѣднее вышло очень удачно, и всѣ отъ души смѣялись. Костюмы были очень подходящіе и аккуратно изготовлены самими воспитанницами.

Наконецъ, пришло ожидаемое воскресенье... Съ утра была бѣготня и суета, всѣ торопились дошивать свои костюмы. На пріемъ привезли родители послѣдній транспортъ матерій, кружевъ, туфель и цвѣтовъ.

Видъ Смольнаго.

Каждый костюмъ былъ въ секретѣ и тщательно скрывался отъ подругъ. Въ шесть часовъ, по прибытіи начальства, открылись двери изъ боковой залы въ пріемную, и подъ звуки полонеза потянулись вереницей нескончаемыя пары. Въ первой парѣ былъ хорошенькій, маленькій малороссъ съ малороссіянкой. Какихъ только костюмовъ тутъ не было?! Изящныя гейши мелькали передъ глазами, пестрѣя разноцвѣтными халатами и вѣерами; были тутъ и маркизы, и цыгане, и домино въ маскахъ. Воспитанницы младшихъ классовъ были одѣты звѣрями. Одинъ костюмъ представлялъ изъ себя банку съ лѣкарствомъ; не менѣе оригиналенъ былъ сартъ въ чалмѣ... До полуночи всѣ веселились и жаль было прекращать веселіе; но... начинался великій постъ!»

По обычаю, въ Смольномъ время отъ времени устраиваются для воспитанницъ концерты, съ участіемъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ [1], бываютъ и духовные концерты [2].

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1882 г., № 19; Д. 1898 г., № 32; и мн. др.
[2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1882 г., № 19; Д. 1885 г., № 23.

Съ 1900 г. въ Смольномъ ежегодно устраиваются концерты съ благотворительной цѣлью, въ пользу Общежитія смолянокъ. Эти концерты представляютъ большой интересъ для воспитанницъ, такъ какъ въ концертахъ участвуютъ артисты Императорскихъ театровъ. Къ этимъ концертамъ воспитанницы приготовляютъ художественныя программы, которыя продаются тоже съ благотворительной цѣлью.

Членъ Совѣта
С. А. Де-Карбоньеръ.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій смолянокъ являются торжественные спектакли по царскимъ днямъ и на масляницѣ.

Обычно, смолянки бываютъ въ эти дни въ Маріинскомъ театрѣ. Большое горе бываетъ для выпускныхъ, если, изъ-за карантина, онѣ лишены возможности присутствовать на парадномъ спектаклѣ.

«14 ноября, по случаю дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, насъ повезли въ Маріинскій театръ,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ воспитанницъ спеціальнаго класса въ 1908 г.—Шелъ балетъ «Аленькій цвѣточекъ», главную роль въ которомъ исполняла солистка Его Величества г-жа Преображенская. Мы, смолянки, обыкновенно вмѣстѣ съ театральнымъ хоромъ поемъ гимнъ; но въ этотъ разъ шелъ балетъ, хора не было, и мы одни троекратно пропѣли гимнъ, сопровождавшійся дружными и восторженными аплодисментами всей молодой учащейся публики, наполнявшей партеръ и ложи. Балетъ всѣхъ насъ очаровалъ граціозными танцами и сказочно-художествен-

ными декорациями. Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ намъ былъ предложенъ чай въ фойе театра, а также всѣмъ институткамъ давались двѣ коробки конфектъ. Въ пять часовъ мы вернулись въ Смольный, довольныя и счастливыя воспоминаніями о прекрасномъ балетѣ».

Смолянки присутствуютъ на парадныхъ спектаклях не только въ царскіе дни, но и по другимъ торжественнымъ случаямъ. Такъ, напр., по волѣ Государя Императора, смолянкамъ были предоставлены ложи въ Александрінскій театръ на парадный юбилейный спектакль въ память Пушкина—6 мая 1899 г.; 20 декабря 1908 г. смолянки были на торжественномъ спектаклѣ въ Маріинскомъ театрѣ по случаю 75-лѣтія русскаго національнаго гимна; въ мартѣ 1909 г. смолянки присутствовали на торжественномъ концертѣ придворнаго оркестра въ память Мендельсона [1]; весною 1914 г. смолянки присутствовали въ Эрмитажномъ театрѣ на представленіи оперы Вагнера «Парсифаль».

Лѣтомъ для воспитанницъ устраиваются прогулки на пароходѣ вверхъ по Невѣ, въ Кронштадтъ, въ Петергофъ, на Острова [2]. Правленіе Царскосельской, а затѣмъ Московско-Виндаво-Рыбинской дороги предоставляло лѣтомъ воспитанницамъ Смольнаго безплатный проѣздъ въ Павловскъ [3].

Кромѣ обычныхъ, ежегодныхъ празднествъ и развлеченій, въ Смольномъ отмѣчаются соотвѣтствующими торжествами памятные для Россіи и самого Смольнаго дни.

Въ ноябрѣ 1896 г. Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ праздновало столѣтіе со дня принятія Смольнаго подъ Августѣйшее покровительство Супруги Императора Павла I, Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ церкви Императорскаго Воспитательнаго Общества было совершено торжественное богослуженіе, послѣ котораго всѣмъ присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ отъ Высочайшаго Двора. Къ тремъ часамъ въ большомъ залѣ Общества собрались почетные опекуны и другія начальствующія лица, начальницы и избранныя воспитанницы петербургскихъ институтовъ.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1909 г., № 32. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1887 г., № 22; Д. 1888 г., № 35; Д. 1889 г., № 32; Д. 1890 г., № 32; Д. 1899 г., № 32; Д. 1884 г., № 22; Д. 1882 г., № 19; Д. 1901 г., № 32; Д. 1902 г., № 32; Дневникъ, I, 22; II, 66—67; и т. д. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1909 г., № 32.

Въ три часа въ Смольный прибылъ Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна, Великіе Князья Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михаиловичъ, Сергій Михаиловичъ, Княгиня Анастасія Николаевна Романовская, Принцъ Александръ Петровичъ и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургскіе.

Воспитанницы исполнили «Боже Царя Храни». Инспекторъ классовъ М. К. Прейсъ прочиталъ краткій историческій очеркъ, посвященный дѣятельности Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Затѣмъ слѣдовалъ концертъ воспитанницъ и танцы—традиціонный для Смольнаго менуэтъ и гавотъ. Посредѝ зала стоялъ бюстъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Воспитанницы граціозными группами окружили его и украсили цвѣтами и гирляндами.

По случаю открытія въ Москвѣ памятника Царю-Освободителю, *17 декабря 1898 г. въ Императорскомъ Воспитательномъ* Обществѣ состоялся вечеръ, посвященный памяти Императора Александра II; этотъ вечеръ былъ устроенъ старшимъ спеціальнымъ классомъ, подъ руководствомъ преподавателя Ф. А. Витберга.

Изъ собранной Ф. А. Витбергомъ коллекціи печатныхъ и художественныхъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Императора Александра II, удалось составить интересную и поучительную выставку (на 14 большихъ классныхъ доскахъ) гравюръ, фотографій и печатныхъ изображеній, русскихъ и иностранныхъ, — портретовъ, рисунковъ, снимковъ, лубочныхъ картинокъ, картъ, картограммъ и т. п. предметовъ, иллюстрирующихъ личность незабвеннаго Государя, начиная съ дѣтства и кончая его трагической смертью; его предковъ и его семью; его воспитателей и учителей; его сотрудниковъ и современниковъ, прославившихъ его царствованіе, какъ воинскими подвигами, такъ и успѣхами русской науки, литературы и искусства. Двѣ воспитанницы старшаго спеціальнаго класса В. Долгова и М. Новосильцова въ большомъ институтскомъ залѣ, гдѣ были собраны всѣ классы, въ присутствіи графа Н. А. Пратасова-Бахметева, княжны Е. А. Ливенъ, почетнаго опекуна генерала отъ кавалеріи К. У. Арапова и другихъ почетныхъ гостей и преподавателей, прочли свои рефераты: «Императоръ Александръ II, какъ человѣкъ» и «Обзоръ царствованія Императора Александра II».

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Оба реферата произвели хорошее впечатлѣніе. По окончаніи чтенія, всѣ присутствовавшіе въ залѣ и всѣ воспитанницы, классъ за классомъ, раздѣленныя на группы, подъ руководствомъ воспитанницъ старшаго спеціальнаго класса и классныхъ дамъ, съ большимъ вниманіемъ и видимымъ интересомъ осматривали выставку, послужившую иллюстраціей къ прослушаннымъ рефератамъ [1].

Видъ Смольнаго.

«Безъ сомнѣнія,—пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ въ Смольномъ,—подобныя торжества въ жизни учебнаго заведенія, при участіи самихъ учащихся, имѣютъ высокое образовательное значеніе. Воспитывая въ себѣ благоговѣйную память къ Государямъ, порадѣвшимъ за благо своихъ подданныхъ, и ко всѣмъ лучшимъ людямъ родной земли, молодежь должна укрѣплять въ себѣ самосознаніе: любовь къ своему народу и вѣру въ его и свои духовныя силы... Вечеръ 17 декабря 1898 г. останется у всѣхъ бывшихъ на немъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній о Смольномъ институтѣ» [2].

Въ концѣ мая 1899 г. въ Смольномъ состоялось чествованіе памяти Пушкина, по случаю столѣтія со дня его рожденія. За нѣсколько дней до того, воспитанницы старшихъ классовъ посѣтили юбилейную Пушкинскую выставку въ Академіи Наукъ.

«Сегодня въ 9 часовъ утра, I и II классы и пепиньерки сѣли на стоявшій у пристани Смольнаго пароходъ,—описываетъ въ Дневникѣ эту поѣздку одна изъ старшихъ пепиньерокъ.—День былъ прекрасный: не жаркій, но и не холодный. Дулъ

[1] Чествованіе памяти Царя-Освободителя въ Имп. Воспит. Обществ. благородныхъ дѣвицъ 17 декабря 1898 г. СПБ. 1899. [2] Тамъ же.

легкій, свѣжій вѣтерокъ; Нева слегка волновалась. Въ самой поѣздкѣ уже заключалось достаточно удовольствія. Всѣ дѣти были довольны и оживлены. Пароходъ причалилъ къ пристани противъ самой Академіи Наукъ, гдѣ помѣщается выставка. Здѣсь воспитанницъ встрѣтилъ преподаватель русской словесности Ф. А. Витбергъ и, благодаря его объясненіямъ, воспитанницы осмотрѣли выставку основательно и съ большимъ интере-

Изъ Романовскаго празднества въ Смольномъ.

сомъ. Изъ гравюръ и картинъ, современныхъ поэту и взятыхъ изъ его сочиненій, особенно хороши картины художника Соколова, сюжеты которыхъ заимствованы изъ сочиненія «Капитанская дочка». Эти картины, по желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, были перенесены на выставку изъ дворца».

Осенью 1908 г., въ Смольномъ съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны состоялось религіозное празднество по случаю столѣтія со дня освященія церкви Императорскаго Воспитательнаго Общества. Литургію и молебенъ совершалъ митрополитъ Антоній. За богослуженіемъ присутствовали начальствующія лица, воспитательскій и учебный персоналъ, всѣ воспитанницы, много бывшихъ воспитанницъ, депутаціи воспитанницъ другихъ петербургскихъ институтовъ. Митропо-

литъ Антоній произнесъ слово, посвященное памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, заботами которой была устроена церковь Императорскаго Воспитательнаго Общества. Ко дню торжества былъ изданъ составленный священникомъ І. Ф. Егоровымъ историческій очеркъ столѣтняго существованія церкви при Смольномъ институтѣ [1].

Въ мартѣ 1909 г. состоялось чествованіе памяти Гоголя, по случаю столѣтія со дня рожденія [2]. Точно также въ Смольномъ состоялось 19 Февраля 1911 г. празднованіе 50-лѣтія освобожденія крестьянъ, при чемъ А. Ф. Кони прочелъ воспитанницамъ старшихъ классовъ лекцію объ этомъ событіи [3]; въ ноябрѣ 1911 г. было устроено литературно-музыкальное утро по случаю 200-лѣтія со дня рожденія Ломоносова [4].

Въ 1912 г. смолянки праздновали столѣтіе Отечественной войны [5].

Въ 1913 г. въ Смольномъ торжественно праздновалось трехсотлѣтіе царствованія дома Романовыхъ. Программа литературно-музыкальнаго вечера, посвященнаго воспоминанію объ этомъ событіи, была составлена изъ произведеній, въ которыхъ изображена жизнь и дѣятельность Государей изъ Дома Романовыхъ. Воспитанницами разныхъ классовъ были прочитаны стихотворенія: Львова—«Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича», Рылѣева — «Смерть Сусанина», Плещеева — «На могилу Императора Александра III», Майкова — «17 октября» и др., а также стихотворенія воспитанницъ, посвященныя трехсотлѣтію Царствованія Дома Романовыхъ. Въ программу вошла «русская», исполненная воспитанницами въ національныхъ костюмахъ, и нѣкоторые другіе танцы, а также музыкальные и хоровые отрывки изъ оперы «Жизнь за Царя».

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1908 г., № 50. См. также Дневникъ 1908 г., а также «Слова, рѣчи и поученія митрополита Антонія», 107—109. [2] Дневн. II. 25—27. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1911 г., № 31. [4] Тамъ же. [5] Тамъ же.

V.

Посѣщенія Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Ихъ Императорскими Величествами и другими Членами Императорскаго Дома.—Поѣздки смолянокъ во дворецъ.—Русскіе и иностранные почетные посѣтители Смольнаго.—Печальныя событія въ жизни Смольнаго.

Особо счастливыми событіями жизни смолянокъ являются посѣщенія Смольнаго Ихъ Величествами и членами Императорскаго Дома.

Съ первыхъ же дней поступленія въ Смольный, каждая воспитанница начинаетъ мечтать о счастливомъ днѣ, когда она увидитъ Августѣйшую Покровительницу Смольнаго, Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну. Въ теченіе всѣхъ лѣтъ институтской жизни мечты о каждомъ новомъ пріѣздѣ Императрицы и о поѣздкахъ во дворецъ не только не ослабѣваютъ, но получаютъ болѣе реальную почву, становятся глубже, и радость видѣть Ея Величество, слышать ея милостивыя слова—высшая радость каждой смоляночки. Впечатлѣнія о минутахъ, осчастливленныхъ милостивымъ вниманіемъ и лаской Императрицы, воспоминанія о каждомъ посѣщеніи Ея Величества, о каждомъ словѣ, каждомъ взглядѣ, улыбкѣ Государыни глубоко западаютъ въ юныя души, не забываются и по выходѣ изъ института.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, съ перваго года принятія учрежденій Императрицы Маріи подъ свое Августѣйшее покровительство, постоянно удостаивала и удостаиваетъ Императорское Воспитательное Общество своими посѣщеніями [1].

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Иногда день пріѣзда Ея Величества заранѣе извѣстенъ, но по большей части Императрица пріѣзжаетъ совершенно неожиданно. Во время своего пребыванія въ Смольномъ Государыня посѣщаетъ уроки, слушаетъ исполненіе воспитанницами музыкальныхъ и вокальныхъ произведеній, нерѣдко обходитъ почти все зданіе, посѣщаетъ лазаретъ, кухню и т. д.

[1] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 65; Д. 1887 г., № 36; Д. 1890 г., № 34; Д. 1891 г., № 34; Д. 1893 г., № 34; Д. 1894 г., № 34; Д. 1903 г., № 32; Д. 1904 г., № 32; Д. 1910 г., № 33; и мн. др. Муз. Имп. Восп. Общ. Дневникъ за всѣ года. Бумаги М. П. Новосильцовой (собств. Н. И. Новосильцова).

«Со дня на день ожидаетъ Смольный свою родную Царицу-Матушку,—писала въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ въ январѣ 1904 г.—Уже недѣли прошли въ томительномъ ожиданіи, а ея все нѣтъ и нѣтъ... Настроеніе съ каждымъ днемъ все напряженнѣе, особенно у выпускныхъ: вѣдь онѣ кончаютъ въ этомъ году, навсегда оставляютъ родной Смольный, и теперь, для большинства изъ нихъ,—послѣдній разъ, что онѣ увидятъ свою Государыню такъ близко, будутъ, быть можетъ, осчастливлены ея царскими словами. Эта мысль и заставляетъ десятки молодыхъ сердецъ биться такъ нетерпѣливо, такъ лихорадочно. «Сегодня ужъ Государыня непремѣнно пріѣдетъ», — каждый день слышится среди воспитанницъ. «Нѣтъ, не пріѣдетъ», — тоскливо возражаютъ другія, но въ глубинѣ души надѣются, что подруги правы. Всѣхъ занимаетъ одна мысль, всѣмъ хочется говорить объ одномъ—о горячо ожидаемомъ пріѣздѣ Императрицы.

Случалось, вдругъ проносился среди воспитанницъ слухъ, что Императрица ѣдетъ. То-то бывало шуму! Весь институтъ приходилъ въ необычайное волненіе, и велико бывало разочарованіе въ преждевременной радости!

Наконецъ то, наконецъ, наступилъ онъ, счастливый день! Сегодня Императрица будетъ непремѣнно, непремѣнно. Уроки, занятія — ничто не идетъ на умъ. Даже ученицы, которыя предполагаютъ, что ихъ могутъ сегодня спросить, и тѣ какъ то безучастно сидятъ надъ раскрытыми книгами, машинально читая урокъ, мысли же ихъ далеко и никакъ не могутъ сосредоточиться на урокѣ.

И вотъ, она пріѣхала, наша горячолюбимая, родная Государыня. «Уже у княжны», — проносится по институту. Уроки прерваны. Воспитанницы бѣгомъ бросаются въ большой залъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ классы чинно выстроились въ залѣ. Въ серединѣ стояли пѣвчія, по сторонамъ—не поющія и младшіе классы. Классныя дамы стояли каждая со своимъ классомъ и употребляли всѣ усилія, чтобы установить тишину и порядокъ, но это было дѣломъ нелегкимъ: любопытныя проворныя дѣтскія головки то и дѣло высовывались изъ-за спинъ подругъ, чтобы бросить взглядъ въ коридоръ, откуда должна была притти Государыня.

«Скоро-ли! Скорѣй бы» слышалось отовсюду. «Идутъ!»— пронесся вдругъ сдержанный шопотъ по залу, и тотчасъ все

смолкло, замерло въ ожиданіи. Сотни глазъ устремились на двери: сотни юныхъ сердецъ забились сильнѣе. Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся намъ безконечными, и въ залу вошла Императрица, въ сопровожденіи княжны и фрейлины графини О. Ф. Гейденъ. Мы радостно привѣтствовали Государыню, и Императрица такъ ласково взглянула на насъ, такая безконечно добрая улыбка озарила ея лицо, что стало какъ то особенно свѣтло, хорошо стало у насъ на душѣ отъ этой свѣтлой улыбки. Всѣ улыбались, всѣ были счастливы, на всѣхъ лицахъ было написано желаніе сдѣлать что нибудь особенно хорошее изъ любви и благодарности къ нашей Высокой Покровительницѣ.

Какъ всегда, въ честь пріѣзда Государыни былъ устроенъ концертъ воспитанницъ. Императрицѣ подали программу, Ея Величество выбрала номера, какіе желала прослушать.

Государыня сѣла въ кресло, и концертъ начался. Одна изъ воспитанницъ старшаго спеціальнаго класса сыграла на роялѣ Ноктюрнъ Шопена; хоръ пропѣлъ духовный концертъ «Обновляйся»; одна изъ выпускныхъ сыграла на арфѣ «Winter» Томаса, другая на роялѣ сонату Шарвенка. Хоръ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ на датскомъ языкѣ, затѣмъ «Пѣсню дѣвушекъ» изъ оперы Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ», «Легенду» Чайковскаго и его же «Колыбельную».

Императрица осталась особенно довольна датскимъ національнымъ гимномъ. Послѣ концерта Императрица подошла къ воспитанницамъ, принимавшимъ въ немъ участіе, и каждую осчастливила своимъ царскимъ словомъ. Воспитанницы I класса поднесли Ея Императорскому Величеству подушку собственной работы. Государыня обошла всю залу, обращаясь къ воспитанницамъ съ милостивыми словами, и прошла въ коридоръ. Первоклассницы и пепиньерки (всѣхъ человѣкъ 85), которымъ разрѣшено было слѣдовать за Императрицей, бросились за ней, чтобы имѣть возможность быть поближе къ Государынѣ, нести шлейфъ ея платья. Воспитанницы тѣснились, толкали другъ друга, даже ссорились: каждой хотѣлось встать какъ можно ближе къ нашей дорогой Гостьѣ...

Государыня прослѣдовала въ церковь, гдѣ воспитанницы пропѣли «Многія лѣта», а затѣмъ прошла въ лазаретъ. Больныя съ нетерпѣніемъ ждали ее. Какой радостью освѣтились ихъ

лица, когда Государыня вошла въ палату. Были тутъ такія, которыя должны были скоро выписаться, другія выходили въ тотъ же день, но были среди больныхъ двѣ, которыя лежали давно и все еще не давали надежды на скорое выздоровленіе. Императрица подошла къ той и другой, съ чисто материнской лаской и добротой разспрашивала ихъ о здоровьѣ и пожелала на прощанье поскорѣе поправиться. Обѣ воспитанницы съ благодарностью глядѣли на Императрицу, а намъ казалось, что это, дѣйствительно, наша многолюбящая и многозаботливая мать. Обойдя лазаретъ, Государыня спустилась по лазаретной лѣстницѣ. Воспитанницы всюду сопровождали Ея Величество и нѣкоторымъ счастливицамъ удалось подать Августѣйшей нашей Гостьѣ шубу и другія вещи.

Волненіе увеличивалось съ каждой минутой. Мы съ жаромъ благодарили Императрицу за счастье видѣть ее въ нашемъ институтѣ, за тѣ минуты, которыя своимъ присутствіемъ Ея Величество сдѣлала такими дорогими для насъ, прибавивъ ко всѣмъ хорошимъ воспоминаніямъ о Смольномъ еще нѣсколько новыхъ, незабвенныхъ... Государыня вышла къ санямъ; громкое восторженное «ура» огласило воздухъ. Воспитанницы столпились у дверей и оконъ; всѣмъ хотѣлось еще разъ увидѣть дорогую Царицу. Сани тронулись... «Ура», «ура», «ура» — разнеслось въ воздухѣ.

«Уѣхала... уже уѣхала»,—послышалось тамъ и тутъ. «Три дня праздника... три дня! три дня!» напѣвалъ кто-то. «Господа, а вѣдь, быть можетъ, мы послѣдній разъ видѣли Императрицу»,—услышала я недалеко отъ себя,—это были розовыя пепиньерки, т. е. оканчивающія въ этомъ году, живущія далеко отъ Петербурга и не надѣющіяся когда нибудь еще увидѣть такъ близко обожаемую родную Царицу.

Грустно стало на сердцѣ: еще годъ — и я тоже навсегда оставлю Смольный и также лишусь возможности увидѣть опять Императрицу. Я оглянулась: среди радостныхъ, счастливыхъ лицъ мелькали и грустныя,—вѣроятно, онѣ испытывали то же, что и я».

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна удостаиваетъ своими посѣщеніями смолянокъ и лѣтомъ, когда онѣ на дачѣ.

«Мы не забывали обѣщанія Ея Величества навѣстить насъ въ Ораніенбаумѣ, мечтали объ этомъ, но ждать этого не смѣли

и не ждали, пишетъ въ Дневникѣ одна изъ воспитанницъ. И вдругъ Государыня пріѣхала! Какое это было неожиданное, огромное счастье! Когда Императорскій автомобиль остановился передъ подъѣздомъ нашей дачи и вслѣдъ за Великой Княгиней Ольгой Александровной показалось знакомое, безконечно дорогое, привѣтливое лицо съ темными ласковыми глазами, мы такъ и замерли:« Государыня!» крикнулъ кто-то, да такъ

Хоръ воспитанницъ.

и не договорилъ: «пріѣхала». Да и зачѣмъ было бы договаривать: въ одну минуту всѣ уже были около мотора, изъ котораго, вслѣдъ за Императрицей, вышли Великая Княгиня Ксенія Александровна съ Княжной Ириной Александровной. Ея Величество ласково улыбалась, видя наши изумленныя, счастливыя лица, и даже узнала многихъ первоклассницъ.

Мы увидѣли въ рукахъ Ея Величества фотографическій аппаратъ. Снявъ насъ, Императрица съ Великими Княгинями пошли осматривать дачу и, увидя рояль, Государыня пожелала, чтобы мы что нибудь сыграли и спѣли. Одна изъ воспитанницъ сыграла на роялѣ вещь Шумана, хоръ пропѣлъ «Было дѣло

подъ Полтавой», затѣмъ «Многія лѣта» и «Гимнъ». Государыня была очень довольна тѣмъ, что даже тѣ изъ воспитанницъ, которыя во время первыхъ двухъ хоровъ не отходили отъ ея

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

кресла, вскочили съ колѣнъ и побѣжали пѣть гимнъ. Затѣмъ Августѣйшимъ Гостямъ были поднесены подарки. Императрица похвалила работу и спросила, кто вышивалъ.

Осмотрѣвъ дачу, Государыня пошла съ нами гулять по парку, который очень понравился Ея Величеству. Въ самой глубинѣ парка Государыня захотѣла отдохнуть и сѣла на ска-

мейку, и мы всѣ усѣлись у ея ногъ. Посидѣвъ немного, Императрица пошла дальше и на большой аллеѣ, гдѣ было много свѣта, вторично сняла насъ. Мы все время несли пальто и фотографическій аппаратъ Ея Величества.

Вернувшись на дачу, Ея Величество прошла на кухни: сначала въ маленькую, гдѣ воспитанницы доканчивали въ это время печь мазурку, тортъ и хворостъ, затѣмъ—въ большую, гдѣ готовился ужинъ. Изъ кухни Ея Величество прошла посмотрѣть во дворѣ собаку адмирала Макарова, про которую мы разсказывали дорогой. «Селимъ» очень понравился Императрицѣ, и Государыня пожелала его снять. «Селима» вывели изъ будки и поставили на середину двора. Противъ аппарата Ея Величества стояла довольно смѣшная пара: дворникъ, съ гордымъ видомъ державшій собаку, и огромный волкодавъ, который, оскаливъ зубы, медленно поворачивалъ въ разныя стороны свою мохнатую голову. Мы были очарованы обаятельной простотой, съ какой Ея Величество обращается со всѣми. Мы не находили словъ, чтобы выразить нашу благодарность и восторгъ передъ Императрицей!

Государыня направилась къ балкону и сѣла на скамейку, съ которой открывался великолѣпный видъ на море. Погода была отличная, и море сверкало и переливалось,но мы окружили Государыню и, такимъ образомъ, мѣшали взглянуть на море. Государыня попросила насъ разступиться; надо было немедленно послушаться Ея Величества, но было такъ жаль отойти отъ нея... Не долго думая, мы встали на колѣни и, не мѣшая Государынѣ смотрѣть на море, все таки остались возлѣ нея. Ея Величество смѣялась, разспрашивала насъ, какъ мы живемъ, жалѣла, что съ нами нѣтъ нашей княжны. Княжна чувствовала себя нехорошо и уѣхала лѣчиться въ Старую Руссу. Государыня спросила о здоровьѣ княжны и велѣла передать ей поклонъ.

Черезъ нѣсколько времени къ скамейкѣ былъ принесенъ столъ, и мы угостили Императрицу и Великихъ Княгинь печеньями, нами самими приготовленными. И боялись же мы за наши произведенія! На наше счастье, все было благополучно и понравилось Императрицѣ. Былъ также поданъ чай, но Императрица его не пила, сказавъ, что никогда не пьетъ чай днемъ, и согласилась попробовать печеніе только потому, что оно нашего приготовленія.

Въ то время, какъ Великія Княгини и Княжна пили чай, Ея Величество обратила вниманіе на одну изъ воспитанницъ, которая, взявъ тарелку, живо положила на нее большіе куски торта и мазурки и начала наливать стаканъ чаю. Императрица смотрѣла съ недоумѣніемъ, но вскорѣ увидѣла, что предметомъ этихъ заботъ былъ шоферъ. Государыня была очень тронута этимъ и благодарила воспитанницъ.

Посидѣвъ немного, Августѣйшія Гостьи стали прощаться. Намъ хотѣлось попросить ихъ остаться еще нѣсколько минутъ, подождать, пока принесутъ изъ оранжереи цвѣты, но мы не рѣшились. Государыня простилась съ нами, мы всѣ поцѣловали руку Ея Величества, и Государыня сѣла въ автомобиль, обѣщавъ увидѣться съ нами снова въ Смольномъ. Моторъ двинулся. Мы бѣжали рядомъ и кричали «ура». Государыня Императрица опасалась, что мы попадемъ подъ моторъ, предостерегала насъ, приказывала шоферу быть осторожнѣе. У воротъ Ея Величество сдѣлала намъ знакъ остановиться, и моторъ медленно проѣхалъ мимо насъ. Въ заднее стекло намъ видно было ласковое улыбающееся лицо Императрицы и ея маленькая ручка, махавшая намъ платкомъ.

Автомобиль скрылся за поворотомъ. Мы простояли еще нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ его удаляющемуся шуму, затѣмъ медленно повернули къ дому. Намъ навстрѣчу бѣжали воспитанницы, съ передниками, полными розъ, резеды и левкоя. Цвѣты опоздали всего лишь на нѣсколько минутъ. Всѣ были безконечно огорчены, не знали, что теперь дѣлать съ цвѣтами; наконецъ, съ разрѣшенія инспектрисы М. А. Неклюдовой, послали ихъ во дворецъ. Было написано письмо Государынѣ, съ просьбой принять нашъ запоздалый прощальный привѣтъ. Это письмо, вмѣстѣ съ цвѣтами, было тотчасъ вручено вахтеру, который сейчасъ же отправился на поѣздѣ въ Петергофъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта отъ Государыни и весь день говорили о ней, вспоминали каждое слово, каждый шагъ, каждый жестъ, каждый взглядъ Императрицы и были такъ счастливы! Чувства безграничной любви, благодарности и восторга къ нашей Царицѣ наполняли наши сердца...

Въ девятомъ часу возвратился нашъ посланный. Букетъ былъ принятъ, и Государыня благодарила смолянокъ за письмо и цвѣты, которые Ея Величество собственноручно

сейчасъ же поставила въ воду. Отвѣтомъ было наше торжествующее, счастливое «ура».

Ея Высочество Княжна
ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Императоръ Александръ III неоднократно удостаивалъ Императорское Воспитательное Общество своими посѣщеніями. Государь пріѣзжалъ въ Смольный съ своей Августѣйшей Супругой, вмѣстѣ съ Ея Величествомъ обходилъ помѣщенія института,

слушалъ концерты воспитанницъ. Обычно, и при посѣщеніяхъ Александровскаго института или Вдовьяго Дома Ихъ Величества сначала пріѣзжали въ Императорское Воспитательное Общество и оттуда проходили въ эти заведенія [1].

Императоръ Александръ III любилъ дѣтей и милостивое вниманіе, ласковыя слова Государя навсегда оставались въ памяти смолянокъ.

Среди смолянокъ сохранились воспоминанія, что Императоръ Александръ III всегда говорилъ съ воспитанницами по русски, особенно много разговаривалъ съ маленькими; у одной воспитанницы, теперь извѣстной артистки, игравшей въ присутствіи Государя на арфѣ, Его Величество спросилъ, не болятъ ли отъ игры на арфѣ пальцы; однажды Государь поднялъ поскользнувшуюся и упавшую маленькую воспитанницу; при одномъ посѣщеніи присутствовалъ въ церкви во время говѣнья воспитанницъ.

12 февраля 1901 г. Смольный былъ осчастливленъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Государыни Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны.

«Ихъ Величества прослѣдовали въ рукодѣльный классъ младшаго возраста, гдѣ въ то время занимался работой VII классъ,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ пепиньерокъ того года, — Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна удостоила вопросами нѣсколькихъ воспитанницъ. Затѣмъ обѣ Императрицы прошли на урокъ Закона Божія въ VI классъ I отдѣленіе, гдѣ были спрошены три воспитанницы, изъ которыхъ послѣдняя удостоилась похвалы Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Далѣе обѣ Государыни перешли въ другое отдѣленіе VI класса, гдѣ шелъ урокъ русской исторіи. Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала выслушать отвѣты воспитанницъ. Были спрошены шестнадцать воспитанницъ, послѣ чего Императрица Марія Ѳеодоровна изволила выразить свое удовольствіе по поводу урока и отвѣтовъ дѣтей.

Послѣ этого Ихъ Императорскія Величества прослѣдовали въ залу, гдѣ уже были собраны воспитанницы всѣхъ классовъ. Проходя по коридорамъ, Ихъ Величества осматривали рекреаціонный залъ и дортуаръ младшаго спеціальнаго класса, при чемъ выразили удивленіе по поводу ихъ размѣровъ и высоты.

[1] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ., Д. 1887 г., № 36; Д. 1890 г., № 34; Д. 1891 г., № 34; Д. 1893 г., № 34; Д. 1894 г., № 35; и др.

Въ большомъ залѣ Ихъ Величества были встрѣчены инспектрисами; воспитанницы удостоились поднести Августѣйшимъ Гостьямъ программы своей работы, исполненныя акварелью. Вслѣдъ затѣмъ состоялся ученическій концертъ.

Послѣ концерта Ихъ Величества соизволили принять собственноручныя работы воспитанницъ.

Воспитанницы 1 класса и пепиньерки все время окружали Государыню Императрицу и при пѣніи «Многія лѣта» и крикахъ «ура» провожали Ихъ Величествъ до подъѣзда».

Члены Императорскаго Дома точно такъ же удостаивали и удостаиваютъ Императорское Воспитательное Общество своими посѣщеніями, какъ въ торжественные дни и празднества, такъ и запросто.

Ученическіе концерты и лекціи, устраиваемые въ Смольномъ для воспитанницъ старшихъ классовъ, неоднократно посѣщала Княжна Татіана Константиновна [1].

Смолянки не только имѣютъ счастье видѣть въ Смольномъ Августѣйшихъ Гостей, но и сами бываютъ гостьями Царской Семьи. По волѣ покойной Императрицы Александры Ѳеодоровны, 1-е іюля, день рожденія Ея Величества, выпускныя воспитанницы всѣхъ институтовъ, бывшихъ подъ Ея Августѣйшимъ попечительствомъ, проводятъ въ кругу Царской Семьи — въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ. Этотъ обычай свято хранится до нашего времени.

Одна изъ смолянокъ, ѣздившая въ Петергофъ 1 іюля 1885 г., въ тотъ же день вечеромъ записала свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки.

«Встали мы въ 6 ч. утра,—пишетъ она.—Въ восемь пошли пить чай, и въ 9 за нами уже пріѣхали кареты, въ которыхъ мы должны были отправиться на вокзалъ. Передъ отъѣздомъ О. А. Томилова пришла къ намъ въ дортуаръ и бесѣдовала съ нами по поводу того, какъ мы должны вести себя въ Петергофѣ; она насъ всѣхъ благословила и просила быть благоразумными, что мы всѣ ей обѣщали. Наконецъ, мы двинулись въ путь и, послѣ двухчасовой ѣзды, пріѣхали на вокзалъ. Когда собрались всѣ институты, устроили сиѣвку: мы всѣ вмѣстѣ спѣли «Боже Царя Храни» и молитвы до и послѣ обѣда. Въ 11 часовъ мы сѣли въ вагоны и поѣхали въ Петергофъ. Пріѣхали мы въ

[1] Муз. Имп. Вост. Общ.

Петергофъ въ 12½ ч. дня; тутъ уже насъ ждали придворные шарабаны и линейки, запряженные четверкой черныхъ и бѣлыхъ лошадей. Нашъ институтъ ѣхалъ въ шарабанахъ, остальные размѣстились въ линейкахъ.

Пришлось ѣхать недолго — до дворца Monplaisir. Вскорѣ послѣ насъ во дворецъ прибыла Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Ея Величество выразила желаніе обѣдать со смоляночками. Поздоровавшись со всѣми институтами, Государыня вошла въ столовую и сѣла за первый столъ, предназначенный для смоляночекъ; вокругъ Ея Величества размѣстились воспитанницы. Всѣ столы были украшены вазами съ цвѣтами и

Группа смолянокъ, снятая Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

конфектами; во время обѣда играла военная музыка. Послѣ обѣда мы снова сѣли въ шарабаны, и насъ повезли кататься по Петергофу и осматривать дворцы.

Вернувшись съ прогулки, мы отправились въ Александрію. Отъ Monplaisir'а туда ѣзды не болѣе чѣмъ полчаса. Мы вышли изъ экипажей и стали понемногу подвигаться къ дворцу. Черезъ нѣсколько времени пришелъ посланный и сказалъ, что Государь проситъ насъ. Мы радостно поспѣшили къ дворцу, и, наконецъ, встали противъ самыхъ оконъ. Одно боковое окно дворца было открыто и оттуда доносился голосъ Великаго Князя Михаила Александровича. Черезъ нѣсколько минутъ вышли Государь, Государыня, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна и Великая Княжна Ксенія Александровна. Государыня была въ малиновомъ шелковомъ

платьѣ съ кружевами, съ бѣлой атласной вставкой на груди и такимъ же воротникомъ. Государь и Великіе Князья Павелъ и Сергій Александровичи были въ сюртукахъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ въ матросскихъ костюмахъ; Великая Княжна Ксенія Александровна была въ бѣломъ платьицѣ съ голубымъ кушакомъ.

Первыя слова Государя при выходѣ его къ намъ были: «Это—Смольный»? Ему отвѣтили: «Да, Ваше Императорское Величество». Затѣмъ Государь спросилъ: «Сколько всего сегодня тутъ воспитанницъ»? Ему отвѣтили—227; Государь улыбнулся. Поговоривъ съ нами, Ихъ Величества повели насъ въ свой паркъ, гдѣ было накрыто много столовъ для чая. Во время чаепитія Ихъ Величества были съ нами, смолянками, за однимъ столомъ, ласково и милостиво бесѣдовали съ нами и угощали насъ. Послѣ чая всѣ вернулись во дворецъ, гдѣ начались танцы.

Ея Высочество Княжна
ТАТІАНА КОНСТАНТИНОВНА.

Ея Величество приняла участіе въ танцахъ воспитанницъ, и много танцовала, преимущественно кадриль и мазурку; Государыня танцовала съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ. Я имѣла счастье танцовать съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Ея Величество подвела Его Высочество ко мнѣ, указавъ, что маленькой дамѣ подходитъ такой же маленькій кавалеръ.

Передъ мазуркой Ея Величество вторично подошла ко мнѣ и подвела Великаго Князя Михаила Александровича. Его Высочество былъ очень милъ, и мы съ нимъ шли въ послѣдней парѣ.

Когда мы достаточно потанцовали, Его Величество изволилъ сказать, что пора раздавать букеты.

Мы стали по очереди подходить къ Ихъ Величествамъ, прощались и благодарили. Государь и Государыня давали намъ букеты и коробки конфектъ. Когда мы снова размѣстились въ шарабаны и тронулись въ путь, Ихъ Величества и Ихъ Высочества начали бросать намъ въ шарабаны маленькіе букетики цвѣтовъ, повторяя: «Ловите, смолянки»!

Такъ окончился нашъ счастливый день поѣздки въ Петергофъ» [1].

«Долго ждали мы день 1-е іюля, наконецъ онъ наступилъ!— пишетъ въ Дневникѣ одна изъ выпускныхъ воспитанницъ 1 іюля 1909 г. — Съ шести часовъ утра всѣ были уже на ногахъ, въ восемь двинулись въ путь и доѣхали, наконецъ, до Варшавскаго вокзала. Тутъ насъ уже ждали другіе институты. Въ царскихъ комнатахъ намъ устроили спѣвку обѣденныхъ молитвъ, послѣ чего мы сѣли въ поѣздъ и двинулись въ путь. Поѣздъ шелъ медленно и такимъ ходомъ только поддразнивалъ наше нетерпѣніе: хотѣлось скорѣй пріѣхать, скорѣй увидѣть нашу дорогую Императрицу. Наконецъ, поѣздъ остановился и мы вышли. Насъ ждали царскія линейки, и по улицамъ Гатчины потянулась торжественная процессія: болѣе двадцати линеекъ, запряженныхъ парами придворныхъ лошадей, съ придворными лакеями на запяткахъ. Замелькала цѣлая вереница бѣлыхъ шляпъ, зонтиковъ, пелеринъ, передниковъ. Нашъ институтъ ѣхалъ впереди, за нимъ всѣ остальные, по старшинству. При нашемъ проѣздѣ въ окнахъ показывались лица любопытныхъ, прохожіе останавливались и, улыбаясь, глядѣли намъ вслѣдъ. Мы смотрѣли на этихъ незнакомыхъ людей, на дома, на деревья, другъ на друга, и намъ было такъ весело и легко на душѣ!

Вотъ и дворецъ; мы пріѣхали. Мы сразу стали серьезными; взволнованныя, озабоченно подбирая бѣлыя платья, мы стали подниматься по лѣстницѣ. У каждой двери толпились лакеи въ

[1] Изъ восп. бывш. воспит. Рип.

блестящихъ ливреяхъ; навстрѣчу намъ попадались высокопоставленныя лица въ орденахъ и звѣздахъ, придворныя дамы, которымъ приходилось все время кланяться. Въ первую минуту многія изъ насъ растерялись; глаза разбѣгались, не зная на кого и на что смотрѣть. Наконецъ, мы пришли въ какую-то угловую комнату, гдѣ перемѣнили передники, надѣли перчатки и чинно, по парамъ, двинулись черезъ анфиладу роскошно убранныхъ комнатъ въ бѣлый залъ, гдѣ для насъ были сервированы столы для завтрака. Насъ размѣстили, гдѣ кому сидѣть, и мы стали ждать выхода Государыни. Съ волненіемъ смотрѣли мы на дверь, по сторонамъ которой стояли два негра въ яркихъ восточныхъ костюмахъ: въ эту дверь должна была войти Императрица. Мы ждали недолго, но эти нѣсколько минутъ, что мы простояли въ напряженномъ ожиданіи, стоили нѣсколькихъ часовъ.

И вотъ, наконецъ, она раскрылась, эта большая рѣзная дверь, и Государыня вошла въ залъ. Радостно забились наши сердца: она здѣсь, совсѣмъ близко, наша русская Царица! Съ перваго же взгляда она произвела на всѣхъ такое чудное, глубокое впечатлѣніе, которое не можетъ забыться никогда!

Императрица начала обходить столы, здороваясь со всѣми; для каждаго у нея находились и ласковая улыбка и доброе слово. За Государыней вошли Великая Княгиня Ксенія Александровна съ Княжной Ириной Александровной, Великая Княгиня Ольга Александровна и Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій; они заняла мѣста за столами съ воспитанницами нашего института. Поздоровавшись со всѣми, Государыня заняла свое мѣсто. Прочли молитву, сѣли за столъ, въ сосѣдней комнатѣ заигралъ оркестръ кираспрскаго полка. Мы были такъ взволнованы, что почти ничего не ѣли. Что говорила Императрица, намъ не было слышно, многимъ даже не было видно ея лица. Зато за столомъ Великой Княгини Ольги Александровны слышался ея веселый смѣхъ. Ея Императорское Высочество шутила надъ Княжной Ириной Александровной, разсказывала воспитанницамъ, что сегодня молодая Княжна первый разъ на большомъ обѣдѣ, какъ она волновалась на немъ быть. Затѣмъ Великая Княгиня разспрашивала воспитанницъ, какъ онѣ проводятъ день, и, узнавъ, что у насъ все дѣлается по звонку, сказала, что на нашемъ мѣстѣ она раз-

била бы всѣ звонки въ Смольномъ. Принцъ Ольденбургскій много и интересно разсказывалъ про Полтавскія торжества, съ которыхъ онъ только что вернулся.

Послѣ обѣда Императрица и Великія Княгини прошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ портретъ Императора Павла I. Насъ тоже повели туда; Ея Величество подошла къ намъ и удостоила нѣкоторыхъ воспитанницъ милостивой бесѣдой, спрашивала фамиліи многихъ, гдѣ кто живетъ и т. п. Мы поблагодарили Ея Величество, затѣмъ сошли внизъ, одѣлись, и насъ повезли кататься по парку въ придворныхъ линейкахъ.

Гатчинскій паркъ очень хорошъ, но имъ мало кто тогда любовался; наши мысли были во дворцѣ. Въ 4 часа мы вер-

Группа институтокъ, снятая Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

нулись во дворецъ, насъ провели въ Арсенальный залъ, гдѣ мы довольно долго ждали Государыню. Наконецъ, Ея Величество вошла въ залъ; на Государынѣ былъ бѣлый костюмъ, черная шляпа и въ рукахъ зонтикъ, который мы для нея вышивали въ прошломъ году. Подали чай.

Послѣ чая настали самыя хорошія минуты! Мы пошли гулять по парку вмѣстѣ съ Императрицей. Мы были вполнѣ предоставлены сами себѣ и тѣснымъ кольцомъ окружили Государыню. Каждой хотѣлось быть къ ней поближе, и мы не отступали ни на шагъ. Государыня много говорила съ нами съ удивительной простотой; разспрашивала про институтъ, про нашу жизнь, показывала самыя красивыя мѣста парка, указывала на тотъ или другой открывавшійся видъ. Но мы не могли оторвать глазъ отъ ея лица, чтобы полюбоваться видомъ парка... Ея Величество смѣялась, говорила, чтобы мы лучше смотрѣли

кругомъ, но мы любовались только ею, Государыня была для насъ самымъ дорогимъ, самымъ лучшимъ и интереснымъ существомъ на всемъ земномъ шарѣ.

Императрица остановилась на мосту и указала рукой внизъ на Серебряное озеро. Но намъ было все равно и до озера и до

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

парка. Мы помнили только, что рядомъ съ нами стоитъ наша Государыня, такъ близко, что мы слышимъ каждое ея слово, можемъ любоваться ея улыбкой, цѣловать ея руки; мы были очарованы ея простотой, лаской и добротой.

Мы такъ тѣсно окружили Государыню, что Ея Величеству подъ конецъ стало трудно дышать; но разступиться намъ было невозможно, толпа воспитанницъ, окружавшихъ Государыню, была такъ велика, что можно было съ трудомъ подвигаться впередъ.

Императрица спросила, будемъ ли мы помнить Гатчину? Восторженный крикъ былъ отвѣтомъ на слова Ея Величества, и кольцо, окружавшее Государыню, еще болѣе сомкнулось. Въ это время подошла княжна Е. А. Ливенъ, и всѣ разступились. Государыня вошла въ зеленую бесѣдку у самаго дворца. Тутъ Императрица со всѣми простилась, обѣщала зимой пріѣхать въ Смольный, дала намъ поцѣловать руку, подарила свои перчатки и носовой платокъ и ушла во дворецъ. Наша прогулка съ Государыней *была окончена. Насъ повели одѣваться; въ залѣ каждая* получила по коробкѣ конфектъ и цвѣты. Въ 6 часовъ мы снова усѣлись въ линейки и поѣхали на вокзалъ. На Дворцовой площади намъ встрѣтились Великая Княгиня Ксенія Александровна, Великій Князь Александръ Михаиловичъ съ Княжной Ириной Александровной и двумя малолѣтними Князьями, которые съ серьезнымъ видомъ отдали намъ честь. Проѣзжая мимо Царскаго парка, мы увидѣли у рѣшетки Императрицу и Великую *Княгиню Ольгу Александровну. Онѣ кланялись намъ и махали* зонтиками и платками. По мчавшимся линейкамъ прогремѣло благодарственное, радостное «ура»! Пріѣхали на вокзалъ, сѣли въ вагоны, поѣздъ тронулся.

Мы не замѣчали теперь, скоро или медленно онъ идетъ, который часъ, не замѣчали и выпачканныхъ въ пескѣ нашихъ бѣлыхъ платьевъ, которыя мы такъ берегли утромъ, не замѣчали даже усталости. Мы сидѣли съ нашей княжной, говорили съ ней про Государыню, про проведенный день, и намъ хотѣлось вернуть его, еще разъ пережить такой свѣтлый, счастливый день вблизи нашей дорогой, горячо любимой Императрицы»[1].

Съ соизволенія Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Смольный нерѣдко видитъ въ своихъ стѣнахъ почетныхъ иностранныхъ гостей. Нерѣдко бывалъ въ Смольномъ князь, нынѣ король Николай Черногорскій [2]; на выпускѣ 1896 г. въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ присутствовалъ вице-король Китая Ли-Хунъ-Чангъ [3]; въ февралѣ 1898 г.

[1] Дневникъ, II, 33—38. [2] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ., I, 1882 г., № 19.
[3] Въ швейцарскомъ институтѣ чрезвычайнаго китайскаго посла Ли-Хунъ-Чанга накидали роскошный шелковый, шитый шелками, палашкинъ, въ которомъ институтскія дамы внесли его наверхъ. Здѣсь палашкинъ былъ замѣненъ желтымъ шелковымъ шлемомъ на колесахъ; въ этомъ креслѣ посла повезли его тѣлохранители. Ли-Хунъ-Чангъ присутствовалъ за вокзеритѣ выпускныхъ воспитанницъ, а затѣмъ на балу и подарилъ имъ на память небольшія золотыя брошки съ бантиками.

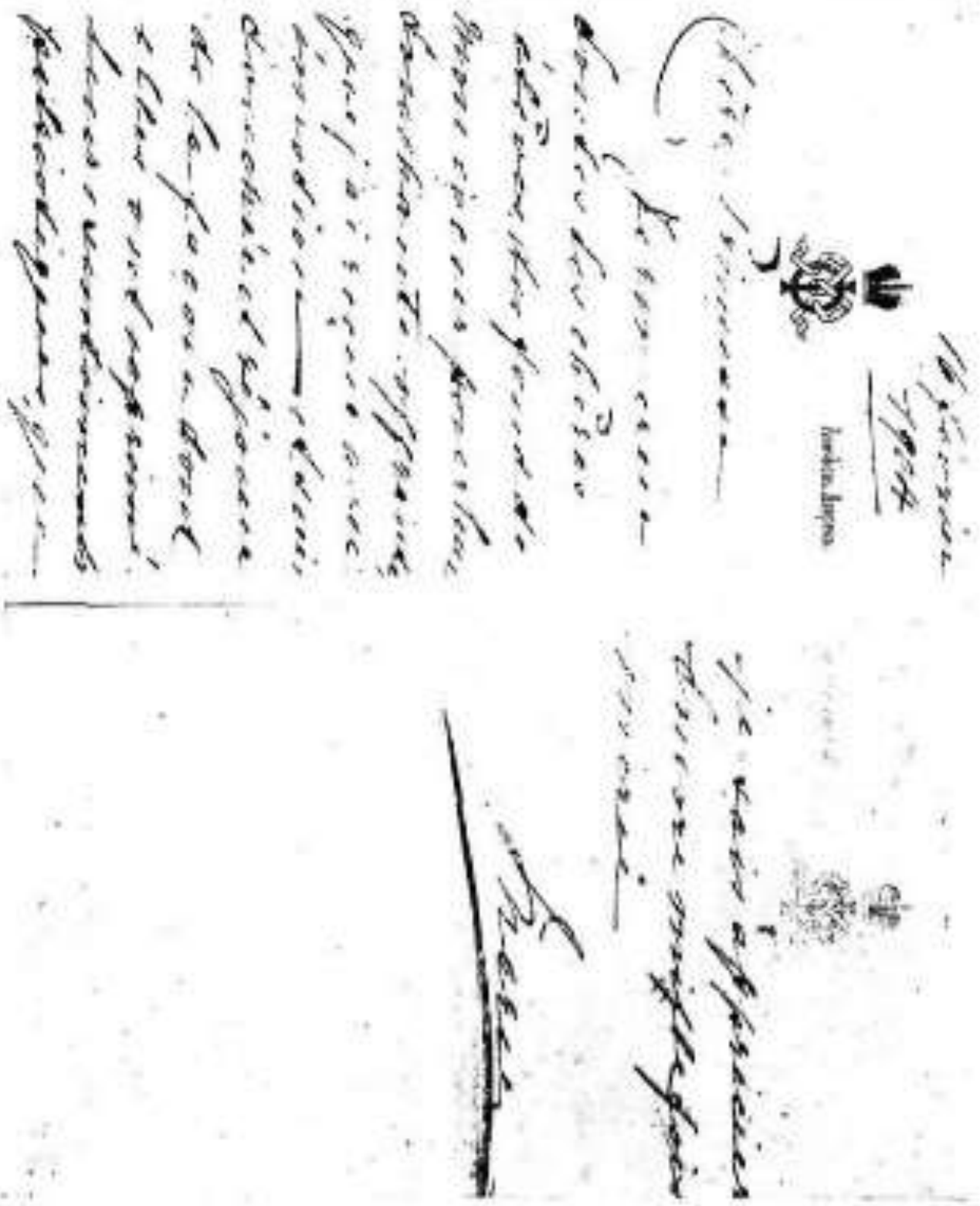
Смольный посѣтила американская писательница миссъ Рейтольдсъ, прибывшая въ Петербургъ для ознакомленія съ женскимъ образованіемъ въ Россіи и наиболѣе выдающимися женскими учебно-воспитательными заведеніями [1]; въ 1899 г. — японскій принцъ [2], въ 1902 г.—японскій графъ Мацукато со свитой [3], въ 1903—главный врачъ госпиталя въ Вѣнѣ, обратившій вниманіе на поразительную чистоту помѣщеній и воздуха въ Смольномъ [4].

9 ноября 1901 г. въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ былъ митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи графъ Шембекъ. Онъ посѣтилъ католическую капеллу, гдѣ отслужилъ «messe basse», осматривалъ классы и другія помѣщенія. Увидя арфу въ музыкальной комнатѣ, митрополитъ сказалъ, что это его любимый инструментъ, и выразилъ желаніе послушать игру воспитанницъ. Одна изъ воспитанницъ старшаго спеціальнаго класса сыграла двѣ пьесы на арфѣ, заслуживъ похвалу и благодарность митрополита [5].

Въ апрѣлѣ 1909 г. Смольный посѣтилъ шведскій посланникъ съ дочерью. Они осматривали въ сопровожденіи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и пепиньерокъ все зданіе. «При посѣщеніи каждой комнаты имъ давались надлежащія разъясненія,— пишетъ въ Дневникѣ въ тотъ же день одна изъ пепиньерокъ.—Въ такъ называемой «совѣтной», увидя портретъ шведскаго короля Густава III, шведскій посланникъ былъ пріятно удивленъ и изъявилъ желаніе узнать, почему этимъ портретомъ владѣетъ Смольный институтъ. Послѣ посѣщенія совѣтной, мы на нѣкоторое время остановились въ музеѣ института, затѣмъ посѣтили I и II классы и большой залъ, гдѣ въ это время IV классъ занимался гимнастическими упражненіями. Обойдя всѣ комнаты средняго коридора, мы поднялись въ верхній этажъ, въ спальню III класса, затѣмъ въ спальню I класса. Въ 5 часовъ мы сошли въ столовую, и посланникъ съ дочерью присутствовалъ на обѣдѣ воспитанницъ всѣхъ классовъ. Послѣ обѣда намъ оставалось еще познакомить посланника съ помѣщеніемъ лазарета. Мы воспользовались свободнымъ временемъ и послѣ ужина перешли въ другую часть института—въ церковь и лазаретъ. Въ церкви было обращено вниманіе посланника на образъ, писаный худож-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1898 г., № 32. [2] Муз. Имп. Восп. Общ. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1902 г., № 32. [4] Дневникъ. [5] Тамъ же.

никомъ Бунинымъ въ 1908 г., а въ ризницѣ указаны наиболѣе замѣчательныя ризы, напр., пожертвованныя Государыней Импе-



Письмо Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ статсъ-дамѣ Е. А. Ливенъ.

ратрицей Маріей Ѳеодоровной, свѣтлѣйшей княжной Е. А. Ливенъ, М. П. Леонтьевой и вышитыя воспитанницами.

Осмотрѣвъ все зданіе Смольнаго института, даже кухни, бани, подъемную машину для дровъ, посланныхъ и дочь его посѣтили рекреаціонный залъ младшихъ классовъ, гдѣ въ это время

воспитанницы танцовали и катались съ досчатыхъ горъ. Посѣтивъ, наконецъ, бѣльевую и портняжную мастерскую, посланникъ поднялся въ квартиру княжны. Выразивъ свою благодарность, шведскій посланникъ съ дочерью въ 7 часовъ оставили институтъ» [1].

«8 января 1911 г. Смольный посѣтилъ румынскій посолъ г. Розетти-Колеско,—записано въ Дневникѣ. — Съ нимъ пріѣхали двѣ румынскія дамы, командированныя румынскимъ правительствомъ въ Россію для ознакомленія съ воспитаніемъ и образованіемъ русскихъ женщинъ. Онѣ выбрали для обозрѣнія Смольный, какъ первоклассное учебное заведеніе.

Гости восхищались красотой и размѣрами Смольнаго и были поражены порядкомъ и чистотой, которыя поддерживаются во всемъ громадномъ зданіи. Подробно ознакомились румынскія дамы съ общимъ веденіемъ дѣла, съ учебной и воспитательной частями въ нашемъ институтѣ и сообщили, что по его образцу будутъ устроены новыя учебныя заведенія въ Румыніи, взамѣнъ прежнихъ, не отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ. Послѣ осмотра заведенія, гости пошли къ княжнѣ, чтобы поблагодарить ее и еще разъ выразить свое восхищеніе Смольнымъ» [2].

«14 января 1912 г. Смольный посѣтили члены англійскаго парламента, пріѣхавшіе съ отвѣтнымъ визитомъ къ членамъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, которые посѣтили ихъ въ Лондонѣ два года тому назадъ,—говорится въ Дневникѣ.— Осмотрѣвъ зданіе, англійскіе гости, въ сопровожденіи княжны, прошли въ большой залъ, гдѣ воспитанницами было исполнено небольшое концертное отдѣленіе. Особенно понравилась имъ «русская», исполненная воспитанницами VII класса подъ аккомпаниментъ хора. Затѣмъ былъ показанъ урокъ гимнастики. Членъ парламента Mr. Wallas, прежде долго жившій въ Россіи, сказалъ по-русски рѣчь, въ которой отмѣтилъ то благопріятное впечатлѣніе, какое произвелъ на него институтъ и пріемъ, оказанный ему и его товарищамъ. Въ шесть часовъ англійскимъ гостямъ былъ предложенъ чай, вскорѣ послѣ котораго они покинули институтъ» [3].

Весною 1914 г. Смольный посѣтили и подробно осматривали португальскій посланникъ Баталья Рейсъ и его три дочери.

[1] Дневникъ, II, 30. [2] Дневникъ, II, 55. [3] Тамъ же, 69.

Въ жизни Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ были не только радостныя и свѣтлыя событія. Смолянкамъ приходилось переживать и дни печали.

Потрясающее впечатлѣніе произвела въ Смольномъ вѣсть о мученической кончинѣ Императора Александра II 1 марта 1881 года. Воспитанницы узнали отъ родныхъ, пріѣзжавшихъ въ тотъ день на пріемъ въ Смольный, что въ Государя бросили бомбу. «Мы не вѣрили—вспоминаетъ одна бывшая смолянка—страшно волновались, но боялись спросить. Въ пять часовъ вошла инспектриса, и черезъ нѣсколько минутъ насъ повели въ церковь. Началась панихида. Всѣ мы плакали и рыдали. Трудно передать, что дѣлалось. Насъ никакъ не могли успокоить. А сколько слезъ было пролито, когда мы пріѣхали во дворецъ для прощанья съ почившимъ Государемъ! Сначала мы стояли въ пріемной, а потомъ поочередно парами входили въ церковь и подходили ко гробу. Когда тѣло поставили на погребальную колесницу и процессія тронулась въ Петропавловскую крѣпость, мы поѣхали домой, горько плача. На слѣдующій день насъ возили въ крѣпость, гдѣ служили панихиду, а на обратномъ пути мы посѣтили мѣсто, гдѣ былъ раненъ Государь. Тяжело намъ было потерять любимаго Государя. Незадолго до смерти Императора мы были на маслянницѣ во дворцѣ. Государь побылъ съ нами въ зимнемъ саду, осмотрѣли помѣщеніе покойной Императрицы Маріи Александровны. Когда мы уходили, Государь улыбнулся своей доброй улыбкой и сказалъ: «Прощайте дѣтки». Эти слова были послѣдними для насъ» [1].

Черезъ два мѣсяца послѣ мученической кончины Императора Александра II скончался Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, горько оплакивавшій покойнаго Государя, которому онъ былъ беззавѣтно преданъ. Смолянки усердно молились о Принцѣ, которому Смольный былъ такъ многимъ обязанъ. Въ Смольномъ служились панихиды, смолянки присутствовали на панихидѣ во дворцѣ Принца и на Балтійскомъ вокзалѣ, съ котораго былъ отправленъ поѣздъ съ тѣломъ Принца для отпѣванія въ Сергіевской пустыни. Воспитанницамъ Смольнаго, по волѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, были розданы портреты Принца [2].

[1] Некрашевичъ-Невядъ. Рукс. ср. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 92.
[2] Щегловитовъ (Ж. М. Ю. 1913. I, 114), Панковъ. 188 и слѣд. Шрейеръ. 133—161. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 109. Женск. Образ. 1881 г., № 5. Муз. Имп. Восп. Общ.

20 октября 1894 г. въ Крыму вдали отъ Петербурга скончался Императоръ Александръ III.

Кончина Императора Александра III была полной неожиданностью для смолянокъ, которыя привыкли всегда видѣть его здоровымъ и бодрымъ. Тѣмъ сильнѣе была скорбь, поразившая Смольный. Она проявлялась во всемъ—въ слезахъ, которыя смолянки проливали на панихидахъ по Государѣ, въ письмахъ, разговорахъ, воспоминаніяхъ о почившемъ Государѣ. Скорбь увеличивалась отъ сознанія тяжести того испытанія, которое было ниспослано Августѣйшей Покровительницѣ Смольнаго. До дня погребенія панихиды въ Смольномъ совершались ежедневно. Воспитанницы старшихъ классовъ ѣздили въ Петропавловскій соборъ поклониться тѣлу Государя. Весь институтъ облекся въ трауръ [1].

Печалью встрѣчалъ Смольный вѣсть о кончинѣ Августѣйшей Матери Императрицы Маріи Ѳеодоровны, кончинѣ Великихъ Князей Георгія Александровича и Сергія Александровича [2].

Осенью 1907 г. смолянки присутствовали при погребеніи бывшаго своего почетнаго опекуна, генералъ-адъютанта, графа Н. А. Пратасова-Бахметева, за полтора года передъ этимъ покинувшаго постъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Всегда искренно любившій Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ не забылъ его и въ своихъ предсмертныхъ распоряженіяхъ. Онъ завѣщалъ ему цѣнные въ художественномъ отношеніи портреты Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, работы Боровиковскаго, портреты Великихъ Княженъ Ольги Николаевны и Маріи Николаевны, работы Неффа [3], оставилъ значительный капиталъ, для выдачи процентовъ съ него, въ видѣ поощренія или пособія, лицамъ воспитательнаго и учебнаго персонала, и крупную сумму для единовременной раздачи прислугѣ Смольнаго [4].

Съ небольшимъ черезъ годъ Смольному пришлось хоронить другого своего бывшаго почетнаго опекуна, генерала-отъ-кавалеріи С. В. Олива.

[1] Муз. Имп. Воспит. Общ. [2] Дневникъ, I, 19, 63—64. [3] См. т. II, стр. 177. [4] Дневникъ, I, 90. Захарченко, 88—117.

Единеніе С. В. Олива съ Смольнымъ не прервалось послѣ оставленія имъ обязанностей члена Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества. Назначенный Главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, онъ попрежнему съ исключительной сердечностью заботился о Смольномъ. Много задушевныхъ страницъ посвящено С. В. Оливу въ Дневникѣ, который вели пепиньерки въ 1908 году.

Великій Князь
Александръ Павловичъ.

«Всю страстную недѣлю Сергѣй Васильевичъ приходилъ къ намъ, ходилъ съ нами въ церковь и подолгу сидѣлъ у насъ. Въ эти часы онъ много говорилъ намъ хорошаго, много давалъ добрыхъ совѣтовъ «на дорогу», на которую мы такъ скоро должны вступить. Чувствовалось въ эти часы особенно, какъ тѣсно мы связаны другъ съ другомъ; какъ близокъ и дорогъ намъ Смольный, какъ близки и дороги намъ княжна и Сергѣй Васильевичъ, отъ которыхъ мы видѣли столько любви, столько ласки и сердечнаго теплаго участія за наше пребываніе въ институтѣ. Сегодня они причащались, и всѣ горячо молились за нихъ. Днемъ Сергѣй Васильевичъ повезъ всѣхъ пепиньерокъ на панораму «Голгоѳа», видъ которой произвелъ сильное впечатлѣніе живостью изображенія. Эти картины страданій Христа какъ бы дополняли все, что читалось и вспоминалось въ церкви. Проводивъ насъ до института, Сергѣй Васильевичъ простился съ нами до заутрени».

Въ день прощальной вечеринки пепиньерокъ «первымъ пріѣхалъ къ намъ нашъ дорогой Сергѣй Васильевичъ, и мы рады были посидѣть съ нимъ и поговорить пока еще никого нѣтъ. Мы пошли за княжной, чтобы до начала съѣзда гостей провести хотя нѣкоторое время въ нашемъ тѣсномъ семейномъ кружкѣ».

Если воспитанницы старались воспользоваться каждой минутой, чтобы побыть съ С. В. Оливомъ, то и онъ платилъ имъ тѣмъ же. Во время поѣздки институтокъ въ Гатчину за наградами, онъ ѣхалъ туда и назадъ въ вагонѣ смолянокъ, ведя съ ними дружную бесѣду.

Преждевременная смерть С. В. Олива въ январѣ 1909 г. глубоко потрясла Смольный. «Хотя послѣднее время мы знали, что Сергѣй Васильевичъ плохъ,—пишетъ въ Дневникѣ 28 января одна изъ старшихъ пепиньерокъ, — что можно ожидать смерти, но надежда на его выздоровленіе не покидала насъ. Намъ казалось невозможнымъ, чтобы дорогой Сергѣй Васильевичъ могъ нашекъ уйти отъ насъ».

Великій Князь
Константинъ Константиновичъ

Смоляпки ѣздили на квартиру покойнаго служить панихиду. «Войдя въ комнату и увидѣвъ гробъ, въ которомъ покоился дорогой, близкій нашему сердцу Сергѣй Васильевичъ, никто не могъ больше сдерживать себя и раздались громкія всхлипыванія. На панихидѣ присутствовало по нѣсколько воспитанницъ изъ каждаго института. По окончаніи панихиды мы начали прощаться съ милымъ Сергѣемъ Васильевичемъ, плачъ не прекращался. Всѣ институты давно уже уѣхали, но Смольный не могъ покинуть своего горячо любимаго Сергѣя Васильевича».

Въ описаніи отпѣванія и погребенія С. В. Олива звучитъ неподдѣльная скорбь.

«Отпѣвали его въ Смольномъ соборѣ. Правую сторону заняли депутатки отъ двухъ институтовъ, гдѣ Сергѣй Васильевичъ былъ почетнымъ опекуномъ: отъ Александровскаго института былъ весь первый классъ и пепиньерки, а отъ нашего Смольнаго были три старшихъ класса, оба педагогическихъ и по три воспитанницы отъ всѣхъ остальныхъ. Около 11 часовъ распахнулись

главныя двери, медленно внесли дубовый гробъ и поставили на возвышеніе среди церкви. Сергѣй Васильевичъ хотѣлъ, чтобы его хоронили совсѣмъ просто. Около гроба его стояли только одиѣ свѣчи, въ подсвѣчникахъ безъ флёра, не было ни растеній, ни вѣнковъ, какъ онъ того хотѣлъ, и только въ головахъ былъ одинъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Отпѣваніе совершалось торжественно и парадно, «всюду блестѣло золото и серебро мундировъ, а самъ дорогой Сергѣй Васильевичъ лежалъ тихій со своимъ удивительно благороднымъ, но въ гробу нѣсколько суровымъ лицомъ. И казалось, что отпѣваютъ не его, что вотъ, вотъ онъ поднимется, уйдетъ отъ всей торжественности и встанетъ, по своему обыкновенію, гдѣ нибудь позади, среди насъ, воспитанницъ. Слезы катились изъ глазъ и рыданія душили насъ, но мы сдерживались, глядя на нашу княжну; для нея смерть Сергѣя Васильевича большое горе, но она стояла съ глубоко печальнымъ, но спокойнымъ лицомъ. Когда стали накладывать крышку гроба, многія изъ насъ невольно наклонились, чтобы еще въ послѣдній разъ увидѣть дорогой профиль...

Сергѣй Васильевичъ завѣщалъ, чтобы его похоронили въ томъ городѣ, гдѣ онъ умретъ, на народномъ кладбищѣ, а если умретъ въ Петербургѣ, то на Охтѣ, на нашемъ казенномъ мѣстѣ, гдѣ хоронятъ воспитанницъ, бѣдныхъ и сиротъ; завѣщалъ также, чтобы на могилѣ поставили деревянный крестъ, а не памятникъ... Мы выстроились вдоль института и стали ждать его изъ Долгоруковскаго переулка, по которому онъ всегда такъ быстро ѣхалъ, направляясь въ Смольный. Послышались звуки Шопеновскаго марша, черезъ нѣсколько минутъ изъ-за поворота показался лафетъ, гробъ и на немъ золотое оружіе и знакомая фуражка съ краснымъ околышемъ. Медленно подвигался гробъ вдоль института, гдѣ такъ любили Сергѣя Васильевича, и который онъ такъ любилъ. У полукруга, передъ широко распахнутыми воротами, остановился и стали служить литію. Мы, пепиньерки, не могли удержать рыданій, въ полукругѣ мы проводили съ Сергѣемъ Васильевичемъ долгіе часы въ бесѣдѣ, и тутъ онъ въ послѣдній разъ грѣлся на солнцѣ 16 сентября. Процессія двинулась, и мы пошли по бокамъ гроба, окружая, какъ въ институтѣ, нашего любимаго Сергѣя Васильевича...

Княжна, понимая горе воспитанницъ, позволила не только пепиньеркамъ, но и тремъ старшимъ классамъ итти на Охту. На кладбищѣ отслужили литію, гробъ опустили въ могилу, и послышались удары земли о крышку его. Сердце мучительно ныло. Порывалась послѣдняя видимая связь. Нашъ привѣтливый, добрый Сергѣй Васильевичъ скрывался навсегда подъ могильнымъ холмомъ. Не слышать намъ больше его ласковаго голоса, его бодрящихъ словъ, не отводить душу въ бесѣдѣ, когда мы

Членъ Совѣта С. В. Оливъ въ салонѣ пепиньерокъ.

ему говорили всѣ наши горести и печали и уходили утѣшенныя, успокоенныя, съ новымъ приливомъ силъ. Онъ приносилъ намъ столько тепла и жизнерадостности, а теперь все кончено!.. Вскорѣ выросъ могильный холмъ, на него поставили бѣлый крестъ и положили вѣнокъ Императрицы. Всѣ разошлись, но послѣдними ушли мы, пепиньерки, какъ мы привыкли и въ институтѣ послѣдними разставаться съ нашимъ дорогимъ, любимымъ Сергѣемъ Васильевичемъ. Прости!» [1].

Горе смолянокъ было глубоко. На масляницѣ онѣ отказались отъ поѣздки въ театръ, «веселье не шло никому на умъ»;

[1] Ср. Арх. Инс. Восп. Общ. Д. 1909 г., № 31.

особенной печалью отличался и выпускъ 1909 г. «Тяжела минута разставанья,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ воспитанницъ этого выпуска,—а намъ было еще тяжелѣе, такъ какъ не было среди насъ того, кто любилъ насъ, какъ отецъ и какъ отецъ благословлялъ на новый путь. Не было Сергѣя Васильевича. Послѣ здравія за Высочайшихъ Особъ и за присутствующихъ, княжна встала, помянула Сергѣя Васильевича, хотѣла сказать о немъ нѣсколько словъ, но голосъ ея пресѣкся отъ волненія и сдержанныхъ слезъ, и она не могла докончить своей рѣчи».

VI.

Августѣйшія воспитанницы Смольнаго.—Пріемъ воспитанницъ въ Смольный.

Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ—единственное въ Россіи женское учебное заведеніе, среди воспитанницъ котораго были Высочайшія Особы. Въ немъ получили образованіе Августѣйшія дочери Короля Черногоріи Николая I.

«Ихъ Императорскія Величества,—сообщалось Совѣту Общества осенью 1875 года,—согласно желанію Ихъ Свѣтлостей владѣтельнаго Князя Черногорскаго и его Супруги, Высочайше повелѣть соизволили: принять двухъ старшихъ ихъ дочерей, 11 и 9 лѣтъ, въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ находились подъ особымъ попеченіемъ г-жи Начальницы, пользовались отдѣльнымъ помѣщеніемъ, равно содержаніемъ, и имѣли свою особую наставницу и горничную, но посѣщали классы вмѣстѣ съ другими воспитанницами» [1].

[1] Одновременно въ распоряженіе Совѣта, по Высочайшему повелѣнію, было отпущено изъ Государственнаго Казначейства 1.000 р. единовременно на первоначальное обзаведеніе и воспитаніе по 3.593 р. 50 к. на ежегодное содержаніе обѣихъ княженъ (Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, лл. 1—2, 3, 26 и др.).

Вслѣдъ за двумя старшими княжнами Черногорскими — Любицей и Милицей, были, съ Высочайшаго соизволенія, приняты въ Императорское Воспитательное Общество—въ 1876 г.—

Княжны Черногорскія
ЛЮБИЦА НИКОЛАЕВНА и МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА.

княжна Анастасія [1], въ 1880 г. княжна Марія [2], въ 1882 г. княжна Елена, въ 1884 г. княжна Анна [3].

Для княженъ сначала было отведено особое помѣщеніе возлѣ лазарета, а позже рядомъ съ квартирой начальницы, тамъ, гдѣ теперь находятся пепиньерскіе дортуаръ и салонъ. Комнаты

[1] Тамъ же, л. 24. [2] Тамъ же, л. 39. [3] Тамъ же, л. 56. Каждый разъ слѣдовали соотвѣтствующія Высочайшія назначенныя ассигновки изъ Государственнаго Казначейства на первоначальное обзаведеніе и ежегодное содержаніе Черногорскихъ княженъ (Тамъ же, лл. 24, 26, 41, 43, и др.).

княженъ Черногорскихъ были обставлены скромно; въ бумагахъ М. П. Новосильцовой сохранился списокъ вещей въ помѣщеніи княженъ. Особую прелесть этимъ помѣщеніямъ придавали произведенія княжны Елены—талантливой художницы [1]; для занятій музыкой въ ихъ помѣщеніи имѣлся рояль [2]; княжны носили форменную одежду, какъ всѣ воспитанницы [3], онѣ обѣдали за столомъ начальницы, вмѣстѣ съ обѣдавшими у нея по очереди воспитанницами; завтракали княжны, пили чай въ своемъ помѣщеніи [4].

О. А. Томилова окружила княженъ самой нѣжной лаской и заботливостью. Воспитаніе княженъ, съ соизволенія Императрицы Маріи Александровны, О. А. Томилова поручила своей родственницѣ, Евгеніи Петровнѣ Шлыковой [5], особѣ очень умной, образованной и сердечной.

Глубоко оцѣнивъ выпавшую на ея долю честь, Е. П. Шлыкова всей душой привязалась къ княжнамъ Черногорскимъ. И она и О. А. Томилова сдѣлали все возможное, чтобы скрасить жизнь княженъ на чужбинѣ.

За заботы и ласки О. А. Томиловой княжны платили ей горячей любовью и благодарностью [6]. Позже обязанности воспитательницы княженъ Черногорскихъ были возложены на А. Н. Пущину, которая пользовалась общимъ уваженіемъ и любовью въ Смольномъ.

Лѣтнія каникулы княжны проводили иногда въ имѣніи О. А. Томиловой [7], иногда уѣзжали на родину въ сопровожденіи своей воспитательницы [8].

«Первые годы пребыванія княженъ въ Смольномъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ бывшихъ воспитанницъ, занимавшаяся съ княжнами,—князь Николай Черногорскій не могъ брать ихъ къ себѣ. Въ то время вспыхнуло возстаніе въ Босніи, Герцеговинѣ, Сербіи, а затѣмъ началась война съ Турціей.

Всѣ эти годы, съ соизволенія Императрицы Маріи Александровны и Августѣйшихъ Родителей княженъ, О. А. Томилова

[1] Л. Болдырева. Рук. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, л. 33. [3] См. назр., тамъ же, л. 43. [4] Тамъ же, л. 26 и др. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 68. [6] Л. Кубаркина. Рук. [7] Кубаркина. Рук. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1873 г., № 68, лл. 27, 31; Д. 1880 г., № 2. [8] Бумаги М. П. Новосильцовой. Переписка ея съ княгиней Милевой Черногорской, воспитательницей княженъ Черногорскихъ Пущиной, заграничный паспортъ княженъ и т. д. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, л. 63.

возила княженъ на лѣто въ свое имѣніе Успенское. Здѣсь предоставляла она княжнамъ просторное и удобное помѣщеніе въ своемъ домѣ. Княжны проводили цѣлые дни въ огромномъ, прекрасномъ паркѣ, окружавшемъ домъ, лакомились ягодами и фруктами въ фруктовомъ саду. О. А. Томилова постоянно устраивала интересныя прогулки для княженъ» [1].

Императоръ Александръ II и Императрица Марія Александровна, а впослѣдствіи Императоръ Александръ III и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна проявляли сердечную заботливость о Черногорскихъ княжнахъ. Имѣя личное наблюденіе за воспитаніемъ княженъ, Императрицы относились къ нимъ съ ласковымъ вниманіемъ, заботились о доставленіи имъ развлеченій, присылали подарки и книги; по желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны во время рождественскихъ праздниковъ въ Смольный присылался придворный экипажъ для прогулокъ свѣтлѣйшихъ княженъ Черногорскихъ, причемъ княжны приглашали съ собой воспитанницъ. Точно также княжны ѣздили на праздники во дворецъ, гдѣ принимали участіе въ развлеченіяхъ Августѣйшей Семьи [2]. Во время пребыванія въ Петербургѣ князя и княгини Черногорскихъ княжны постоянно бывали во дворцѣ у своихъ Августѣйшихъ Родителей [3].

Княжны отличались большой искренностью и съ чрезвычайной простотой относились къ воспитанницамъ.

«Извѣстіе, что въ числѣ воспитанницъ нашего отдѣленія находится княжна Елена Черногорская, возбудило во мнѣ сильное любопытство и желаніе поскорѣе увидѣть молодую княжну,— пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ смолянокъ, поступившая въ 1887 г. въ четвертый классъ. — Однажды утромъ въ нашъ классъ вошла худощавая дама среднихъ лѣтъ, а за ней появилась высокая стройная институтка.

«Это и есть княжна»,—шепнула мнѣ моя сосѣдка. Я такъ и впилась глазами въ вошедшую. Жгучая брюнетка, съ высоко зачесанными волосами, княжна обладала глазами рѣдкой красоты, — *«глаза подстрѣленной лани»*, *какъ мы* въ шутку ихъ называли.

Въ первую же перемѣну, когда воспитательница княжны вышла съ нашей классной дамой, меня потащили знакомиться съ

[1] Л. Кубаркина. Рук. [2] См. бумаги М. П. Новосильцовой. [3] Тихъ же.

княжной Еленой. Знакомство состоялось очень быстро и, благодаря простому и милому обхожденію княжны, я черезъ нѣсколько минутъ, забывъ свое смущеніе, непринужденно болтала съ нею и съ окружавшими ее воспитанницами» [1].

По окончаніи уроковъ княжны уходили въ свое помѣщеніе. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ къ нимъ приглашались лучшія по поведенію и знанію французскаго языка воспитанницы, съ которыми онѣ играли и танцовали. Непринужден-

Княжны Черногорскія
ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА, МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА и АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА.

ная простота въ обращеніи, сердечное отношеніе къ воспитанницамъ Смольнаго составляли отличительную черту княженъ. Во время войны за освобожденіе славянъ воспитанницы по вечерамъ шили вмѣстѣ съ княжнами бѣлье и готовили корпію для южныхъ славянъ [2].

По пріѣздѣ въ Россію, княжны начинали изучать русскій языкъ, однако изученіе чужого языка имъ давалось нелегко и на первыхъ порахъ затрудняло прохожденіе учебнаго курса [3].

«Мы часто мечтали и строили воздушные замки, стараясь придумать для нашей милой княжны Елены самое блестящее будущее,—пишетъ въ своихъ запискахъ Л. Болдырева, одного съ нею выпуска. — Дѣйствительность оправдала наши мечты, и княжна сдѣлалась королевой одной изъ великихъ европейскихъ

[1] Л. Болдырева. Ркп. [2] Непрашевичъ-Похвалъ. Ркп. [3] Болдырева. Ркп.

державъ, но, увы, теперь она находится такъ далеко и такъ высоко, что намъ, бывшимъ подругамъ ея, смолянкамъ, нѣтъ возмож-

Ея Величество Королева Италіи ЕЛЕНА.

ности поддерживать съ нею сношенія. Я нисколько не сомнѣваюсь, однако, что всякая изъ насъ, случайно попавшая въ Италію и пожелавшая увидѣть королеву, нашла бы теплый пріемъ и ласковое слово у любимой нами бывшей Черногорской княжны Елены» [1].

Л. Бодырева. Рим.

По выходѣ изъ Смольнаго королева Елена не порвала съ нимъ отношеній. Ея Величество продолжала переписку съ своими бывшими воспитательницами. Въ іюлѣ 1901 г. королева писала, напр., своей бывшей классной дамѣ Н. В. Хвостовой:

Bien chère Madame,

Votre chère et bonne lettre m'a excessivement touché et je viens de coeur Vous remercier pour Vos paroles si affectueuses et Vos bons voeux. Sachant combien Vous êtes bonne pour moi et que Vous Vous interressez à ce que je fais, je Vous dirai tout d'abord que je suis déjà debout depuis 10 jours et parfaitement retablie, ma petite Jolande-Marguerite est une ravissante petite créature si gaie et si douce, elle se porte grâce à Dieu à merveille et dès que j'aurais fait sa photographie je me ferai un vrai plaisir de Vous l'envoyer.

Je pense souvent à Vous, chère Natalia Vsevolodovna, et j'espère que Votre santé est bonne, j'espère aussi tant qu'un jour nous nous reverrons, et si je viens à Pétersbourg Vous pouvez être sûre que ma première visite sera pour Vous, car je tiens beaucoup à Vous dire de vive voix combien je Vous aime.

Recevez chère Madame les plus tendres et les plus affectueuses salutations de votre bien affectionnée

Elena.

Rome, 2 juillet, 1901.

Великія Княжны Анастасія Николаевна и Милица Николаевна точно также постоянно удостаивали и удостаиваютъ Смольный своимъ сердечнымъ вниманіемъ [1].

Предметомъ особыхъ и постоянныхъ заботъ какъ Ихъ Величествъ, такъ и начальствующихъ лицъ Смольнаго было состояніе здоровья Черногорскихъ княженъ. Перемѣна климата, столь различнаго въ Черногоріи и С.-Петербургѣ, не могла не отразиться на здоровьѣ княженъ. Уже при опредѣленіи старшихъ княженъ въ Смольный это обстоятельство было принято во вниманіе: 30 іюня 1875 г. Совѣту Императорскаго Воспитательнаго Общества сообщалось, что княжны Черногорскія прибудутъ въ С.-Петербургъ «въ теченіе наступающаго іюля мѣсяца, дабы онѣ могли постепенно привыкнуть къ нашему суровому климату и къ институтскому образу жизни еще до

[1] См., напр., бумаги М. П. Новосильцевой, а также Муз. Имп. Воспит. Общ.

возобновленія классовъ послѣ лѣтнихъ вакацій»[1]. Въ началѣ осени 1875 г., по повелѣнію Императрицы, обѣ Черногорскія княжны были освидѣтельствованы лейбъ-медикомъ Здекауеромъ и профессоромъ Вреденомъ, о чемъ былъ составленъ подробный отчетъ. Обѣ княжны были признаны здоровыми, но требовали, особенно старшая изъ нихъ, «зоркаго», какъ писалъ лейбъ-медикъ Здекауеръ, наблюденія за состояніемъ здоровья, въ особенности въ отношеніи къ простудамъ[2]. Внимательное наблюденіе за состояніемъ здоровья Черногорскихъ княженъ не ослабѣвало и въ послѣдующіе годы. Въ случаяхъ заболѣваній какой либо изъ княженъ составлялись ежедневные бюллетени «для немедленнаго доклада Ихъ Императорскимъ Величествамъ»[3]. Въ нѣкоторые годы весною, особенно послѣ простудныхъ заболѣваній, княжны, по указанію врачей, временно жили въ Царскомъ Селѣ, проводя почти все время на воздухѣ[4].

Наиболѣе слабымъ здоровьемъ отличалась княжна Марія. Еще до пріѣзда въ Петербургъ княжна Марія страдала воспалительными процессами дыхательныхъ путей; во время пребыванія въ Смольномъ она часто хворала[5].

Весною 1884 г. княжна Марія была больна корью и воспаленіемъ лѣваго легкаго, а черезъ годъ захворала воспаленіемъ праваго легкаго и тифоидной лихорадкой.

Болѣзнь быстро стала развиваться и, несмотря на всѣ мѣры, вскорѣ приняла угрожающій жизни характеръ. Самый заботливый уходъ, какимъ была окружена Августѣйшая больная, ежедневныя консультаціи профессоровъ: Здекауера, Боткина, Эйхвальдта и доктора Левинсона—ничто не въ силахъ было спасти жизнь княжны[6].

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна часто посѣщала больную и подолгу оставалась у ея постели[7]. Положеніе княжны Маріи съ каждымъ днемъ ухудшалось, и въ ночь на 25-е апрѣля 1885 г. княжна Марія Черногорская скончалась[8].

По желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны и княгини Черногорской Милены, пребывавшей въ то время въ Петербургѣ, тѣло княжны Маріи было набальзамировано и сначала

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, лл. 1—2. [2] Тамъ же, лл. 13, 14, 15, 16, 17. [3] См., напр., тамъ же, л. 31. [4] Бумаги М. П. Новосильцовой. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 5, лл. 3—4. [6] Тамъ же. [7] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, л. 76. [8] Тамъ же, л. 79, ср. Д. 1885 г., № 5, л. 4.

оставлено въ комнатахъ княжны въ Смольномъ, а затѣмъ перенесено въ церковь Императорскаго Воспитательнаго Общества. Почившая княжна была одѣта въ черногорскій бѣлый національный костюмъ, съ черной шапочкой на головѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. У гроба стоялъ почетный караулъ—четыре унтеръ-офицера съ ружьями [1].

Ежедневно у гроба покойной княжны митрополитомъ С.-Петербургскимъ Исидоромъ, епископомъ цетинскимъ Митрофаномъ [2], епископомъ ладожскимъ Арсеніемъ, законоучителями Императорскаго Воспитательнаго Общества и духовенствомъ Смольнаго собора [3] совершались панихиды. Пѣли воспитанницы выпускного класса [4]. На панихидахъ присутствовали Ихъ Величества, члены Царской Семьи и придворные чины [5].

28-го состоялось по Высочайше утвержденному церемоніалу перевезеніе тѣла княжны Маріи на вокзалъ для слѣдованія въ Черногорію. Церемонія перевезенія, послѣ заупокойной литургіи, которую служилъ митрополитъ Исидоръ въ сослуженіи съ епископами и прочимъ духовенствомъ, отличалась большой торжественностью. Въ траурной процессіи за гробомъ княжны слѣдовали Ихъ Величества, Высочайшія Особы, чины Двора и дипломатическаго корпуса. Въ процессіи принимали участіе войска. Тѣлу покойной княжны были воздана военныя почести—салютъ [6].

За время Августѣйшаго Покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны правила пріема воспитанницъ въ Императорское Воспитательное Общество не подвергались измѣненіямъ по существу. Разновременно лишь были внесены нѣкоторыя дополненія, частью направленныя къ сохраненію за Воспитательнымъ Обществомъ его особо привилегированнаго положенія среди прочихъ институтовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, главнымъ же образомъ вытекавшія изъ заботъ о здоровьѣ воспитанницъ и усовершенствованія учеб-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 5. [2] Епископъ Митрофанъ былъ только что посвященъ въ Петербургѣ во епископы; на его посвященіи присутствовала княжна Марія. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 89, л. 87. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 5, л. 5. [5] Тамъ же, л. 8 и др. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1875 г., № 87, л. 89; Д. 1885 г., № 5.

наго дѣла. Такъ, въ 1898 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы впредь на казенное содержаніе въ Воспитательное Общество принимались дочери лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на дѣйствительной службѣ пріобрѣтенные [1]. Въ 1905 г. были изданы правила, въ которыхъ подробно перечислялись болѣзни, препятствующія пріему въ институты, устанавливался порядокъ медицинскаго освидѣтельствованія вновь принимаемыхъ, назначались мѣры противъ заноса заразныхъ болѣзней [2].

Въ 1908 г., кромѣ ранѣе существовавшаго пріемнаго экзамена передъ началомъ учебнаго года, былъ установленъ другой срокъ для пріемныхъ испытаній—въ маѣ [3].

Пріемъ воспитанницъ допускается во всѣ классы общаго курса, за исключеніемъ II и I, но преимущественно дѣти поступаютъ въ VII и приготовительный классы.

«Новенькія» быстро осваиваются съ институтскою жизнью, настроеніе жуткой неизвѣстности, грусти по дому скоро исчезаетъ.

«Съ замираніемъ сердца подъѣхала я съ бабушкой и мамой къ огромному зданію института,—пишетъ о своихъ первыхъ институтскихъ впечатлѣніяхъ одна изъ воспитанницъ. Что будетъ тамъ, за этими большими каменными стѣнами я не представляла себѣ ясно. Я только помнила, что тамъ много, много такихъ же маленькихъ дѣвочекъ, какъ я. Только это и вертѣлось у меня въ головѣ, а разсказы бабушки и мамы объ институтѣ и все, что я сама читала, я какъ то вдругъ забыла.

Крѣпко держась за бабушку, вошла я въ залу. Видъ этой большой залы не обрадовалъ меня: у меня, всегда такой шаловливой, даже не мелькнула мысли, что тутъ можно чудесно бѣгать и скользить по гладкому паркету; мнѣ стало жутко, и я совсѣмъ растерялась.

Но вотъ подошла къ намъ инспектриса. Она такъ ободряюще поговорила со мной, такъ ласково и весело смотрѣла на меня, что всѣ мои страхи отлетѣли прочь, и я храбро пошла за одной изъ старшихъ воспитанницъ, которая, взявъ меня за руку, повела экзаменоваться. Послѣ экзамена, гдѣ я уже успѣла познакомиться съ нѣсколькими дѣвочками, поступающими въ одинъ со мною классъ, насъ всѣхъ «новенькихъ»

[1] Выс. утв., 7 дек. 1898 г., пол. Соб. Зак. (С. У. В. 808). [2] Арх. Имп. Восп. Обш. Д. 1905 г., № 31. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1908 г., № 35.

повели къ врачу, а затѣмъ примѣрять платья. Форменныя платья особенно интересовали меня. Смѣшно, ново и странно было надѣвать длинныя платья послѣ домашнихъ короткихъ юбочекъ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА.

На другой день меня привезли въ институтъ, и горько, горько плакала передъ отъѣздомъ изъ дому, прощаясь со всѣми, даже съ моимъ любимымъ котикомъ. Въ институтѣ меня ничто уже не завлекало, не радовало: ни ласковая инспектриса, ни милыя дѣвочки, съ которыми я познакомилась. Остаться одной въ этомъ огромномъ домѣ среди совсѣмъ чужихъ мнѣ людей, безъ бабушки, безъ мамы—казалось мнѣ невозможнымъ. Но остаться все таки пришлось.

Послѣ бани, куда насъ всѣхъ «новенькихъ» свели, я, наконецъ, водворилась въ своемъ классѣ. Я робко вошла и поклонилась классной дамѣ, которая мнѣ показалась на видъ очень строгой. Она кивнула мнѣ головой и сказала, обращаясь къ дѣвочкамъ, сидѣвшимъ за партами: «Дѣти! вотъ вамъ еще новая подруга».

Въ одинъ мигъ, мирно сидѣвшія дѣвочки, какъ по командѣ, вскочили со своихъ мѣстъ и окружили меня. Кто цѣловалъ меня, кто трогалъ мои волосы, кто спрашивалъ, откуда я, какъ мое имя, училась ли я гдѣ нибудь, какъ выдержала экзаменъ. Всѣ оглядывали меня съ ногъ до головы, и каждая хотѣла встать ко мнѣ поближе и получить отвѣтъ на свой вопросъ. Сначала я растерялась, но потомъ быстро освоилась со своимъ положеніемъ «новенькой» и въ свою очередь стала оглядывать новыхъ подругъ и знакомиться съ ними. Къ вечеру мнѣ почему то стало грустно. Плакать при всѣхъ было стыдно, и тихонько глотала слезы и еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Мнѣ казалось, что я никогда не привыкну къ институту, что никогда не буду любить его, подругъ, классную даму. Вечеромъ, лежа въ постели, я горько и неутѣшно плакала, вспоминая своихъ. «Нѣтъ, я не могу тутъ оставаться, я уѣду, мысленно повторяла я, завтра же попрошу, чтобы меня взяли домой. И какъ это бабушка, такая добрая, справедливая, любитъ свой институтъ и могла допустить, чтобы меня сюда отдали! Здѣсь такъ плохо, такъ ужасно!».

Я не задумывалась надъ тѣмъ и даже не задавала себѣ вопроса, что именно плохого и ужаснаго въ институтѣ, да и не могла бы отдавать себѣ въ этомъ отчета. Наплакавшись въ волю, я, наконецъ, крѣпко заснула, устав отъ слезъ и воспоминаній пережитаго дня.

На другое утро, проснувшись рано, и съ любопытствомъ осматривала дортуаръ, съ множествомъ кроватей и столиками у каждой изъ нихъ. Удивилъ меня звонокъ, означавшій, что пора вставать. Я заторопилась одѣваться, и мнѣ стало весело мыться и одѣваться вмѣстѣ съ подругами. Изъ разсѣянной я вдругъ сдѣлалась необыкновенно внимательной, наблюдала за всѣмъ, что происходило вокругъ меня, ни одна мелочь не ускользала отъ моего вниманія, а тоски по дому—какъ не бывало!

И съ нетерпѣніемъ ждала пріема, и когда меня вызвали въ пріемный залъ, я радостно побѣжала туда, торопясь пере-

дать мамѣ и бабушкѣ свои впечатлѣнія. Конечно, подъ конецъ пріема я опять всплакнула, но это были ужъ не тѣ слезы, какъ въ день моего пріѣзда въ институтъ.

Со слѣдующаго дня начались уроки. Я съ гордостью разсказывала домашнимъ о томъ, какой у насъ большой классъ, какія у насъ парты, какъ даютъ намъ уроки, какія у насъ учительницы. Съ каждымъ днемъ жизнь въ институтѣ мнѣ нравилась больше и больше. Сильное впечатлѣніе производила на меня утренняя молитва въ залѣ, куда собирались всѣ младшіе классы, и дежурная воспитанница громко читала молитву. Мнѣ такъ понравилась эта общая молитва, что я переписала ее на большой листъ все по порядку и дала моимъ маленькимъ сестрамъ, чтобы и онѣ могли молиться дома такъ, какъ я молюсь въ институтѣ.

Лѣтомъ, когда я снова вернулась домой, я съ гордостью показывала всѣмъ мои тетради, книги, расписаніе уроковъ, все, что я дѣлала въ институтѣ въ эту первую зиму. Мнѣ казалось, что ко мнѣ стали относиться съ уваженіемъ, и я безъ конца могла разсказывать каждому про свой институтъ.

«Только спросите нашу институтку про Смольный,—смѣялись бабушка и мама,—она не устанетъ безъ конца вамъ про него разсказывать».

Вспоминать объ институтѣ мнѣ было очень пріятно; мнѣ казалось очень далекимъ и непонятнымъ то время, когда я со страхомъ вступала въ Смольный, который успѣла горячо полюбить за этотъ годъ. Я была счастлива, что я настоящая смолянка, что я членъ дружной, большой институтской семьи.

«Мой институтъ», — любила я говорить, и дѣйствительно, Смольный былъ моей гордостью» [1].

«Прошло лѣто; мнѣ надо было ѣхать въ институтъ, — пишетъ другая воспитанница о своемъ поступленіи. — Въ давно назначенный день, къ вечеру мы поѣхали съ мамой. День былъ сѣренькій и пасмурный, моросилъ мелкій дождикъ. «Пріѣхали», — сказала мама, когда извозчикъ остановился у институтскаго подъѣзда. Я вылѣзла изъ коляски и стала осматриваться. Зданіе сѣрое, такое большое, даже страшно стало. Но раздумывать было некогда. Мама пошла въ канцелярію

[1] Изъ воспоминаній воспитанницы Смольнаго. Ред.

для полученія билета и взяла меня съ собой. Въ канцеляріи была уже одна знакомая мнѣ дѣвочка, съ которой мы познакомились на экзаменѣ. Отецъ ея пресмѣшно толковалъ какому

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
ЖЕЛѢЗНА НИКОЛАЕВНА.

то господину въ очкахъ, что его дочь навѣрное проголодалась и что нельзя ее укладывать спать на голодный желудокъ. «Не безпокойтесь, пожалуйста, — то и дѣло успокаивалъ его господинъ въ очкахъ: «ихъ тамъ накормятъ непремѣнно, сейчасъ только чай пить пошли».

Онъ записалъ что то въ книгѣ и выдалъ намъ билеты. Мы всѣ вмѣстѣ пошли въ лазаретъ. Тамъ насъ вымыли, одѣли

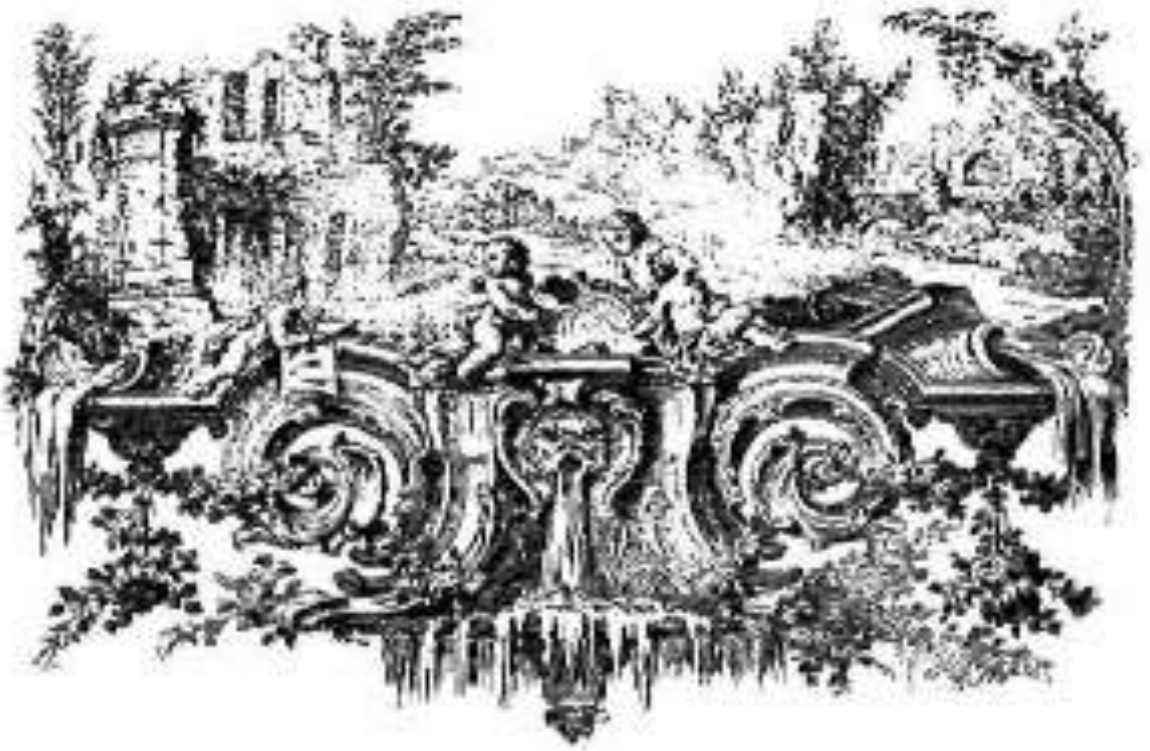
во все казенное и, когда волосы наши высохли, велѣли прощаться съ родными. Мы крѣпко поцѣловали—я маму, а она—папу и пошли за дѣвушкой.

Мы шли по длинному коридору, крѣпко держась за руки. Навстрѣчу намъ шла классная дама небольшого роста, съ очень добрымъ лицомъ. Она сказала сопровождавшей насъ дѣвушкѣ: «Вы можете итти, Саша, я сама сведу барышень въ дортуаръ», и, взявъ насъ за руки, прибавила, обращаясь къ намъ: «пойдемте, дѣти!».

По дорогѣ она разспрашивала насъ обо всемъ и много съ нами говорила. Мы незамѣтно прошли почти весь коридоръ и остановились передъ дверью, на которой стоялъ № 32. Классная дама отворила дверь, и мы вошли въ комнату, гдѣ стояло много кроватей, подвела насъ къ двумъ крайнимъ и сказала: «Это ваши кровати, дѣти: а пока пойдемте пить чай!». Она свела насъ въ почти пустую уже столовую. Насъ напоили чаемъ, и мы опять вернулись въ дортуаръ. Тамъ стоялъ ужасный шумъ отъ множества голосовъ, но какъ только мы вошли—все стихло. Дѣвочки уже почти всѣ легли, только нѣкоторыя еще мылись у кранокъ.

Къ намъ подошла высокая черненькая дѣвочка и спросила у классной дамы: «Можно мнѣ помочь новенькой?» и, получивъ разрѣшеніе, дѣвочка стала мнѣ показывать, какъ складывать бѣлье и вѣшать платье. Все время она меня разспрашивала: какъ зовутъ? сколько лѣтъ? есть-ли сестры? и сама про себя разсказывала. Она мнѣ очень понравилась. Когда всѣ улеглись, классная дама всѣхъ по очереди поцѣловала, перекрестила и, потушивъ огонь, удалилась въ свою комнату. Тутъ изъ всѣхъ почти кроватей повыскакали дѣвочки, усѣлись ко мнѣ на кровать, и начались разспросы! Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ дверяхъ показалась классная дама, и дѣвочки мигомъ разбѣжались по своимъ мѣстамъ. Я пожелала спокойной ночи своимъ сосѣдкамъ и, помолившись Богу, крѣпко заснула»[1].

[1] Изъ воспоминаній воспитанницы Смольнаго. Ред.



VII

Выпускъ изъ Смольнаго.—Дѣятельность смолянокъ по окончаніи института.—Общество вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Общежитіе Общества вспомоществованія.—Музей Смольнаго.

Пріемъ и выпускъ—самые важные моменты въ институтской жизни каждой воспитанницы. Приближеніе времени выпуска сказывается еще за годъ до окончанія курса. Ежегодно въ концѣ мая Смольный пустѣетъ. Воспитанницы всѣхъ классовъ разъѣзжаются въ отпускъ; остаются только немногія воспитанницы младшихъ классовъ и всѣ перешедшія въ выпускной классъ. По институтскимъ правиламъ онѣ должны большую часть вакаціоннаго времени послѣдняго года провести въ институтѣ, пополняя свое образованіе чтеніемъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Раньше воспитанницы проводили лѣто въ городѣ, но съ началомъ постройки вблизи Смольнаго моста черезъ Неву было признано въ гигіеническомъ отношеніи необходимымъ, чтобы воспитанницы, остающіяся въ институтѣ, проводили лѣто на

дачѣ. Первые годы нанимали дачу въ Ораніенбаумѣ, послѣдніе годы воспитанницы Смольнаго живутъ на институтской дачѣ въ Сестрорѣцкѣ.

«Среди долгихъ однообразныхъ, но все же милыхъ лѣтъ нашей жизни въ Смольномъ, особенно хорошія воспоминанія мои относятся къ лѣту, проведенному въ Сестрорѣцкѣ, при переходѣ въ первый классъ,—пишетъ одна изъ воспитанницъ.—Во всей институтской жизни это лѣто представляло собой нѣчто совершенно особенное по своему духу. Удивительно хорошо было уѣзжать туда именно послѣ экзаменовъ, такъ хотѣлось беззаботно отдохнуть, подышать свѣжей, вольной весной.

Послѣдній экзаменъ—французскаго языка былъ у насъ 24 мая; послѣ него мы начали усиленно собираться къ отъѣзду въ Сестрорѣцкъ. Мы уѣзжали въ непривѣтливый, холодный, дождливый день. Пріѣхали туда къ обѣду и не выходили до вечера, такъ какъ дождь продолжалъ идти. Вообще первые дни были холодными, и мы уже отчаявались, не надѣясь на хорошее лѣто.

День въ Сестрорѣцкѣ былъ распредѣленъ немного иначе, чѣмъ зимой въ Смольномъ,—времени свободнаго было гораздо больше. Вставали, какъ всегда, въ 7 час.; часовъ въ 9 ходили купаться въ морѣ, затѣмъ занимались до обѣда и еще два часа днемъ исключительно французскимъ языкомъ; читали, писали сочиненія, переводы изъ русскихъ авторовъ. Мнѣ очень нравилось переводить Тургеневскія стихотворенія въ прозѣ, и я съ удовольствіемъ занималась въ тѣ дни, когда бывалъ переводъ.

Въ свободное время страшно увлекались теннисомъ, отчасти и крокетомъ, но меньше.

Въ курсъ нашихъ лѣтнихъ занятій входило и кулинарное искусство; мы очень любили эти занятія и вели по нимъ даже записки. Въ кухню мы отправлялись послѣ завтрака, въ длинныхъ клѣтчатыхъ красныхъ передникахъ и готовили тамъ два часа свой пробный обѣдъ подъ руководствомъ нашей очень милой, симпатичной экономки Маріи Макаровны.

Интересно было, когда, нѣкоторое время спустя, мы научились готовить самостоятельно, и у насъ все начало выходить. *Въ концѣ лѣта намъ устроили экзаменъ въ видѣ званаго обѣда*; мы сами угощали княжну и всѣхъ гостей. Однажды готовили сами и для пикника, устроеннаго за рѣкой, въ лѣсу.

Помню, какъ мы отправились туда съ самоварами на лодкѣ и провели тамъ очень весело нѣсколько часовъ; играли, бѣгали, даже искали грибы. Въ этомъ лѣсу мы бывали часто, такъ какъ черезъ него лежала дорога къ рѣчкѣ, на берегахъ которой мы собирали цвѣты, и къ морю—наша любимая прогулка. Хорошо было сидѣть на камняхъ у самаго берега, слушать глухой ропотъ волнъ, глядя, какъ онѣ, изумрудно-зеленыя, слегка пѣнясь, то лѣниво, то вдругъ словно оживляясь, приливали къ ровному, влажному берегу,—слушать и мыслями уноситься далеко, далеко, къ своему родному дому. Родныхъ—вотъ кого недоставало. Весело, радостно бывало, когда вдругъ получимъ нѣсколько милыхъ, ласковыхъ писемъ сразу.

По средамъ вечеромъ ѣздили мы на симфоническіе концерты въ курортъ. Программы этихъ концертовъ бывали прекрасныя. Публики собиралось страшно много—ложи, партеръ, даже всѣ проходы бывали переполнены. Мы сидѣли въ ложахъ, наверху. Слушаешь дивную стройную музыку и забываешь все вокругъ; грезятся далекія, волшебныя страны, и уносишься въ этотъ невѣдомый таинственный міръ, живешь совсѣмъ другой сказочной жизнью, пока заключительный аккордъ вдругъ рѣзко не прерветъ мечты, не вернетъ къ окружающей жизни. Но и послѣ долго еще находишься подъ чарующимъ впечатлѣніемъ гармоніи прекрасныхъ звуковъ. Я особенно любила, когда исполнялись вещи Чайковскаго.

Мы возвращались къ себѣ послѣ концерта уже вечеромъ. Хорошо бывало, когда намъ позволяли ѣхать на широкихъ площадкахъ вагона; прохладно, небо у горизонта еще красноватое, что выше, то синѣе, глубже, и въ этой глубинѣ одна за другой зажигаются блѣдныя мигающія звѣзды... Въ курортѣ огни. Пока поѣздъ на станціи, всматриваешься въ проходящія мимо лица;—всѣ возбуждены послѣ концерта, слышатся оживленные голоса, легкій смѣхъ, всѣ бѣгутъ, торопятся. Многіе пріѣзжаютъ на эти концерты изъ Петербурга и теперь уѣзжаютъ. Но вотъ и нашъ маленькій поѣздъ-кукушка трогается, теряются постепенно изъ вида люди и курортъ, съ его безчисленными огнями, имъ на смѣну показываются темныя очертанія сосенъ, спокойное, величавое зеркало рѣки.

Вспоминая это лѣто, я не могу не остановиться на княжикѣ, такъ тѣсно связанной съ нимъ. До этого лѣта я не такъ хо-

рошо знала ее. Почти все лѣто княжна прожила съ нами. Всегда веселая, бодрая, несмотря на временами болѣзненное состояніе, она вселяла свое свѣтлое, ясное настроеніе во все окружающее. Съ ней не могло быть никакихъ сомнѣній и тревогъ, съ ней всегда было безусловное спокойствіе; отъ нея исходилъ какой-то совершенно особенный, ясный міръ, проникавшій каждую минуту нашей жизни. Видѣлись мы съ княжной

Свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливенъ съ воспитанницами педагогическаго класса.

безпрестанно. Часто собирались мы вокругъ нея, въ ея маленькой уютной гостиной, подолгу слушали, ея проникновенное, выразительное чтеніе и разговаривали такъ тепло, сердечно. Я любила сидѣть въ этой комнатѣ; тамъ была одна гравюра, изображавшая голову Христа. Нарисована она была легко, какъ бы въ туманѣ. Мнѣ нравилось долго, долго смотрѣть на нее; ликъ Спасителя начиналъ какъ то отдѣляться отъ картины, глаза, исполненные страданія, казались живыми. И эта картина, и чтенія княжны, все это было такъ хорошо, навѣвало какое-то неясное, но свѣтлое настроеніе, затрогивало лучшія струны души, звало въ прекрасную, неопредѣленную и манящую даль. Мнѣ княжна казалась необыкновеннымъ человѣкомъ, я приравнивала ее къ тѣмъ великанамъ, сошедшимъ съ высокихъ снѣж-

ныхъ вершинъ къ грѣшному, недостойному человѣчеству и обладающихъ громадной, великой душой. Есть, кажется, сказка такая...

Княжна уѣхала отъ насъ въ первыхъ числахъ іюля. Въ Сестрорѣцкѣ безъ нея стало пусто: проходишь, бывало, мимо ея балкона, нѣтъ ея, грустно становится, ужъ очень мы къ ней привыкли и полюбили ее. Помню, какъ она передъ отъѣздомъ крестила и цѣловала насъ всѣхъ поочереди; жалко, тяжело было съ ней разставаться.

Въ серединѣ лѣта намъ устроили поѣздку въ Кронштадтъ. Было очень весело прокатиться по морю, посмотрѣть новый соборъ, который всѣхъ очень интересовалъ. Мнѣ онъ очень понравился. Говорятъ, онъ—совершенная копія Святой Константинопольской Софіи; онъ представляетъ собой нѣчто удивительно цѣльное, законченное. Очень хороши мѣстныя иконы, икона Николая Чудотворца и картина Страшнаго Суда. Удивительно гармонируетъ освѣщеніе въ боковыхъ предѣлахъ съ общимъ стилемъ собора. Въ средней части храма нѣсколько свѣтлѣе; вообще, соборъ великолѣпный, онъ производитъ впечатлѣніе чего то грандіознаго и оригинальнаго, жаль, что онъ не въ столицѣ. Въ Кронштадтѣ онъ является необыкновеннымъ украшеніемъ; благодаря ему, этотъ крошечный, невзрачный городокъ удивительно эффектенъ съ моря. Въ ясные дни, если глядѣть съ Сестрорѣцкаго берега, на горизонтѣ далеко, далеко, но рельефно выдѣляется Кронштадтскій соборъ.

Осмотрѣвъ въ Кронштадтѣ соборъ, мы провели остальную часть дня въ собраніи у моряковъ, принявшихъ насъ очень радушно. Возвратились мы къ себѣ уже вечеромъ, очень довольные этимъ днемъ.

Приближалось 22 іюля, день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Этотъ день празднуется у насъ очень торжественно. Мы, смолянки, должны были быть въ Петербургѣ, на всеобщемъ торжествѣ. Мы выѣхали изъ Сестрорѣцка рано утромъ, и, пріѣхавъ въ Петербургъ, отправились къ себѣ, въ Смольный. Здѣсь мы переодѣлись въ бѣлыя платья (въ первый разъ послѣ перехода въ I-й классъ), парадные передники и новыя пышныя шляпы, и отправились въ соборъ. Мы пришли въ самомъ началѣ обѣдни; въ храмѣ собрались уже всѣ институты съ своими начальницами и множество высшихъ чиновни-

ковъ Вѣдомства Императрицы Маріи и почетныхъ опекуновъ. Служилъ митрополитъ Петербургскій Владиміръ. На молебенъ выходили: экзархъ Грузіи Иннокентій, епископъ Гдовскій Веніаминъ, пріѣзжающій съ митрополитомъ на наши экзамены Закона Божьяго, еще два другихъ епископа и множество духовенства, тянувшагося длинной вереницей въ два ряда отъ середины храма до самыхъ ступеней алтаря. Пѣлъ митрополичій хоръ и хоръ Смольнаго собора. Служба была удивительно стройная, торжественная и строго благоговѣйная, такъ что торжественность эта не развлекала, а, наоборотъ, навѣвала горячее, молитвенное настроеніе. Послѣ обѣдни всѣ присутствующіе прошли во Вдовій Домъ, гдѣ былъ накрытъ завтракъ. Столы были украшены цвѣтами, на каждомъ приборѣ лежало по изящному букету. Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно. Были провозглашены тосты за Августѣйшую Именинницу, за всѣхъ лицъ Царской Семьи и за митрополита, въ отвѣтъ на нихъ раздавались громкіе клики «ура», оркестръ игралъ «Боже Царя храни». По окончаніи завтрака мы провожали митрополита пѣніемъ «Исполла-эти-деспота», и онъ всѣхъ благословлялъ, какъ и раньше, въ соборѣ.

Затѣмъ, пригласивъ всѣ институты, мы отправились къ себѣ въ садъ. Мы были, какъ во снѣ; такъ странно казалось быть лѣтомъ въ Смольномъ, въ его огромномъ, тѣнистомъ саду. Наши смолянки быстро перезнакомились съ другими институтками и прогуливались съ ними по длиннымъ широкимъ аллеямъ сада. Время летѣло незамѣтно; радостно, весело проходилъ этотъ день, принесшій столько разнообразныхъ впечатлѣній.

Послѣ трехъ часовъ насъ распускали домой. Поблагодаривъ всѣхъ присутствующихъ и попрощавшись со всѣми, мы стали быстро разъѣзжаться, напутствуемыя добрыми пожеланіями веселиться и дома» [1].

По издавна сложившейся традиціи первымъ выпускнымъ экзаменомъ въ Смольномъ бываетъ экзаменъ Закона Божія. С.-Петербургскіе митрополиты — Исидоръ, Палладій, Антоній почти всегда удостаивали этотъ экзаменъ въ Воспитательномъ Обществѣ своимъ присутствіемъ. Митрополитъ Антоній съ особой сердечной теплотой относился къ Смольному, пріѣзжалъ и

[1] Изъ воспоминаній воспитанницы Смольнаго.

запросто, во время уроковъ. Его душевная ласка привлекала къ нему дѣтскія сердца; митрополитъ Антоній нерѣдко обращался къ воспитанницамъ съ поучительнымъ словомъ, напутствовалъ выпускныхъ. Эти рѣчи митрополита Антонія отличаются рѣдкой теплотой и сердечностью.

В. саду.

Зная любовь митрополита Антонія къ музыкѣ, выпускныя воспитанницы 1902 г. разучили для него духовный концертъ, который и пропѣли послѣ экзамена.

«Княжна мнѣ сказала, что вы нарочно выучили этотъ концертъ, чтобы исполнить его въ моемъ присутствіи,—обратился митрополитъ къ воспитанницамъ.—Значитъ, вы хотѣли сдѣлать мнѣ удовольствіе, и я вамъ искренно говорю, что вы мнѣ доставили большое удовольствіе. Музыка глубоко дѣйствуетъ на душу человѣка, хотя, конечно, не всякая музыка. Главное въ музыкѣ—согласіе, гармоничность, и вы пѣли, соблюдая гармонію. Музыка—высшее благо Всемогущаго Творца; она возвышаетъ нашу душу, приближаетъ насъ къ Богу, который Самъ есть гармонія. Я васъ очень благодарю за ваше

доброе желаніе доставить мнѣ удовольствіе, вы этого вполнѣ достигли.

Вотъ, вы теперь кончаете институтъ. Самое это время радостное. Теперь мы вспоминаемъ дни Воскресенія Христова, потому и всѣ пѣснопѣнія такія радостныя. Воскресшій Христосъ, встрѣтивъ женъ-мироносицъ, привѣтствовалъ ихъ словомъ: «радуйтесь!» Такъ и я, привѣтствуя ваше вступленіе въ жизнь, говорю вамъ это великое, святое слово: «радуйтесь!» Пусть жизнь ваша будетъ такъ же свѣтла, какъ эти дни, въ которые Самъ Господь повелѣлъ намъ радоваться. Стремитесь и вы къ радости, къ счастью; но когда будете радоваться, помните, что не всякая радость наша угодна Богу.

Есть радости, которыя Господь не запрещаетъ, есть радости, которыя Онъ благословляетъ, и есть, наконецъ, такія, которыя Богъ велитъ ставить цѣлью жизни, къ которымъ мы должны стремиться. Вотъ, вы можете радоваться, что солнышко свѣтитъ; Господь этой радости не запрещаетъ, но та ли это совершенная радость, къ которой мы должны стремиться? Каждый разъ, когда вамъ придется радоваться, спрашивайте у своей совѣсти, благословляетъ ли Господь вашу радость или, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ ли ее. Въ жизни вашей вспоминайте нашу бесѣду и то слово, которое я сказалъ вамъ: «радуйтесь!» Я, какъ пастырь, буду молиться, чтобы жизнь ваша была свѣтла и радостна. Да благословитъ васъ Господь!» [1].

На выпускныхъ экзаменахъ обычно присутствуютъ начальница, почетные опекуны, а иногда и Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Выпускные экзамены оканчиваются въ серединѣ мая. Отличнѣйшія изъ выпускныхъ воспитанницъ награждаются шифрами, золотыми и серебряными медалями. Число наградъ ограничено. Въ аттестатахъ тѣхъ воспитанницъ, которыя достойны наградъ, но не могутъ получить ихъ въ виду установленной нормы, объ этомъ дѣлается особое указаніе. Въ концѣ мая награжденныя шифрами и медалями воспитанницы ѣздятъ получать награды изъ рукъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—или въ Гатчину, или въ Аничковскій дворецъ,

[1] Дневникъ, I, 39—40.

смотря по тому, гдѣ Ея Величество имѣетъ пребываніе. При раздачѣ наградъ не разъ присутствовала Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и обычно присутствуютъ члены Царской Семьи. Въ 1910 году Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна отсутствовала изъ Петербурга, и награды воспитанницамъ раздавала Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна въ Петергофѣ [1].

Въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ воспитанницы бываютъ лишены счастья получить награды изъ рукъ Государыни. «Грустно намъ было, что не удалось поѣхать во дворецъ получать награды изъ рукъ Императрицы,—пишетъ въ Дневникѣ воспитанница выпуска 1912 г.—Ея Величество была въ это время въ Даніи, на похоронахъ Августѣйшаго брата, короля Датскаго, и это лишило насъ радости увидѣть Государыню» [2].

Поѣздка въ Гатчину за наградами—большой праздникъ для выпускныхъ-счастливицъ, удостоенныхъ наградъ. День этотъ оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе сильное, что никогда въ жизни не повторится.

«Нечего и говорить, что мы ожидали день поѣздки въ Гатчину съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ радостью думали о томъ счастьѣ, которое намъ предстояло,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ выпускныхъ.—Намъ такъ хотѣлось поскорѣе увидѣть Государыню, что мы не могли дождаться, когда же, наконецъ, тронется поѣздъ! Въ Гатчинѣ насъ ждали парадные шарабаны, въ которыхъ мы должны были доѣхать до дворца.

Было около часу дня, когда всѣ институтки собрались въ залѣ Гатчинскаго дворца въ ожиданіи выхода Ея Величества. Государыня вышла вмѣстѣ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной и такъ привѣтливо улыбнулась намъ, что на душѣ у всѣхъ стало какъ то особенно свѣтло и радостно. Ихъ Величества медленно обошли весь залъ, милостиво здороваясь съ воспитанницами.

Затѣмъ Ихъ Величества вышли въ сосѣдній залъ, гдѣ былъ приготовленъ столъ съ наградами».

Первыми подходятъ смолянки, по старшинству наградъ, и Императрица передаетъ каждой награду и свой портретъ, въ то время, какъ воспитанница цѣлуетъ руку Ея Величества.

[1] Дневникъ, II, 31. [2] Тамъ же, л. 74.

«Съ чувствомъ благоговѣйной любви и счастья подходила каждая изъ насъ къ Ея Величеству, чтобы получить изъ рукъ Государыни награду. Бываютъ минуты въ жизни человѣка, вос-

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

поминаніе о которыхъ никогда не изглаживается, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Такія минуты переживали мы, подходя къ Государынѣ, цѣлуя прекрасную, тонкую руку Государыни, чувствуя на себѣ теплый, ласковый взглядъ Императрицы.

Въ столовой залѣ, послѣ раздачи наградъ, былъ предложенъ завтракъ. Ихъ Величества заняли мѣста за среднимъ

столомъ, предназначеннымъ для почетныхъ гостей. Къ нашему столу подошли Ихъ Высочества Великая Княжна Ксенія Александровна и Великая Княжна Ольга Александровна, и мы были счастливы предложить Ихъ Высочествамъ мѣста среди насъ.

Мы сказали Великой Княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ, что имѣли уже счастье видѣть Ея Высочество въ прошломъ году въ Петергофѣ: «Да,—отвѣчала она,—я еще тогда сливки пролила, такъ было стыдно!» Ея Высочество много разговаривала съ нами и разсказала намъ, какъ проводитъ время. Ея Высочество встаетъ въ 6 или въ 7 часовъ, много гуляетъ, катается верхомъ и занимается, причемъ больше всего любитъ исторію и меньше всего—ариѳметику и геометрію и находитъ ихъ даже совсѣмъ ненужными. Ея Высочество очень любитъ музыку и живопись, играетъ на скрипкѣ и пишетъ масляными красками. Незамѣтно разговоръ оживился, и мы очень сожалѣли, когда завтракъ кончился и надо было разстаться съ Великой Княжной. Мы поблагодарили Ея Высочество за доставленное намъ счастье и просили ее пріѣхать къ намъ въ институтъ, на что Великая Княжна отвѣтила, что постарается быть въ Смольномъ вмѣстѣ съ Императрицей.

Послѣ завтрака, всѣ снова собрались въ залѣ, чтобы поблагодарить Ея Величество за все, за ея ласку и любовь. Государыня обошла весь залъ. Подойдя къ намъ, Ея Величество милостиво бесѣдовала съ нами и, между прочимъ, сказала: «Je pense, que vous devez aimer, adorer votre Princesse». Излишне передавать, что̀ мы отвѣчали на слова Ея Величества».

Милостивое вниманіе Императрицы къ смолянкамъ, къ каждой изъ нихъ, простота и задушевная ласка, съ какими Ея Величество обращается къ воспитанницамъ, оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ юныхъ сердцахъ.

«Съ большимъ волненіемъ ѣхали мы въ Гатчину, чтобы, быть можетъ, въ послѣдній разъ увидѣть Государыню,—пишетъ воспитанница выпуска 1909 г.—Ея Величество ласково и привѣтливо обращалась къ каждой воспитанницѣ, собственноручно прикалывая шифры, или передавая медаль. И каждой казалось, что именно съ ней Государыня говоритъ особенно тепло и ласково. Какъ сонъ, промелькнули завтракъ во дворцѣ и прогулка

дортуаръ, но спать никто не ложился, хотѣлось послѣдній разъ наговориться вдоволь съ подругами. Заря занималась. Свѣжій весенній воздухъ врывался черезъ открытое окно въ дортуаръ, было немного холодно, но не хотѣлось закрывать окно. Мы сидѣли, прижавшись другъ къ другу, и говорили о жизни, о долгѣ, о ея задачахъ. Долго сидѣли мы такъ, долго слышался оживленный говоръ въ дортуарѣ, но, наконецъ, усталость взяла свое, и часамъ къ семи всѣ заснули—послѣдній разъ здѣсь, въ институтѣ. Спать пришлось недолго; не спалось какъ то, мѣшали мысли, да и жалко было проспать лишній часъ. Всѣмъ хотѣлось подольше побыть со своими, обойти еще разъ весь Смольный и проститься со всѣми любимыми уголками.

Радостное, возбужденное настроеніе, охватившее насъ во время бала, совсѣмъ исчезло, уступивъ мѣсто щемящему чувству тоски. Лишь изрѣдка раздавались веселый возгласъ, беззаботный смѣхъ.

Утро все прошло въ хлопотахъ: одни укладывали свои вещи, другія — надписывали карточки, относили группы. Незамѣтно пролетѣло время до ½ 12, когда былъ назначенъ прощальный завтракъ. «Пора итти въ столовую», — говоритъ наша инспектриса, входя въ классъ. Но никто не торопится становиться въ пары: всѣ собрались въ группы, обнимаются, обмѣниваются послѣдними просьбами, пожеланіями. Послѣдній разъ окидываемъ мы взглядомъ классъ, милый классъ, въ которомъ столько дней прожили вмѣстѣ, и, по безмолвному соглашенію, садимся всѣ, какъ передъ дальней дорогой. Глубокое молчаніе царитъ нѣсколько минутъ, всѣ встаютъ и, взволнованныя, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Прощальный завтракъ тянулся недолго. Подаваемымъ блюдамъ мало оказывали вниманія; разговоръ не клеился. А между тѣмъ такъ хотѣлось поговорить еще разъ съ нашей дорогой княжной, съ опекунами, классными дамами, хотѣлось сказать имъ наше большое, горячее спасибо за все добро и ласку, которыя мы здѣсь видѣли. Княжна подняла бокалъ и обратилась съ небольшой рѣчью къ намъ, своимъ дѣтямъ, покидавшимъ теперь родной Смольный. А. С. Ермоловъ и С. А. Де-Каррьеръ тоже сказали нѣсколько словъ. Затѣмъ стали говорить воспитанницы. Тосты слѣдовали за тостами. Они не были ни особенно краснорѣчивы, ни длинны: волненіе

не позволяю говорить, слезы сжимали горло. Но лучше всяких красивых выраженій и витіеватых фразъ говорило горячее чувство, проглядывавшее въ каждомъ словѣ, слезы, капавшія изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ въ бокалы съ шампанскимъ.

Послѣ завтрака мы поднялись въ бѣлую залу, гдѣ должны были прослушать молебенъ и гдѣ насъ уже ждали родные. Горячія молитвы возносили къ небу въ этотъ день молодыя сердца; хорошо пѣлъ въ послѣдній разъ нашъ хоръ. Нашъ батюшка обратился къ намъ со словомъ, напутствіемъ въ новую жизнь. Потомъ всѣ приложились къ кресту и каждая получила Евангеліе и молитвенникъ—прощальный даръ дорогого Смольнаго.

Опять встали мы въ рядъ и стали подходить поочереди къ столу, гдѣ почетный опекунъ А. С. Ермоловъ раздавалъ аттестаты. У стола же сидѣла княжна и крѣпко цѣловала каждую изъ своихъ питомицъ, улетавшихъ изъ родного гнѣзда въ далекій свѣтъ.

Родные подходили къ своимъ дѣвочкамъ, обнимали, поздравляли ихъ и тѣ бѣжали одѣваться въ подъѣздъ. Всѣ разсаживаются въ экипажи, лошади трогаются... Невольно, мы всѣ оборачиваемся и полными слезъ глазами смотримъ на институтъ, пока онъ не скрывается совсѣмъ изъ виду за поворотомъ. «Дай то Богъ всего хорошаго»,—слышится чей то возгласъ, и всѣ крестятся.

Сейчасъ же изъ института мы поѣхали въ церковь протопресвитера о. Г. Шавельскаго, нашего бывшаго законоучителя, чтобы отслужить тамъ молебенъ. Обычно наши смолянки ѣздятъ всѣ вмѣстѣ въ день выпуска въ Казанскій соборъ; такъ хотѣли сдѣлать и мы, но потомъ рѣшили ѣхать прямо въ церковь о. Шавельскаго, тѣмъ болѣе, что онъ самъ хотѣлъ служить.

На слѣдующій день мы еще разъ поѣхали въ Смольный, чтобы сдѣлать визиты княжнѣ, инспектрисамъ, классныхъ дамамъ и еще разъ, послѣдній, сказать другъ другу: «прости!»

Прощай нашъ родной Смольный! прощайте, дорогая княжна, прощайте подруги, прощайте невозвратно улетѣвшіе счастливые дѣтскіе годы!» [1].

[1] Дневникъ, II, 73—77.

«За семь лѣтъ, проведенныхъ въ стѣнахъ Смольнаго, мы полюбили его искренно, горячо, онъ сдѣлался для насъ вторымъ домомъ,—пишетъ одна изъ окончившихъ въ 1914 г. — Теперь, покидая его, мы сознавали, какой шагъ совершаемъ, и всѣмъ намъ хотѣлось освятить новую начинающуюся жизнь молитвой и поблагодарить Всевышняго за благополучное окончаніе.

Залъ Совѣта.

Къ пяти часамъ весь нашъ классъ былъ въ Казанскомъ соборѣ. Мы встали на правомъ клиросѣ, родители и родные на лѣвомъ. Началась служба. Мы уже не были институтками, но институтскія привычки остались въ насъ и, дастъ Богъ, останутся навсегда. Тутъ, въ соборѣ, мы вели себя такъ, какъ привыкли въ нашей милой маленькой институтской церкви. Окруживъ тѣсной толпой нашу регентшу, мы усердно пѣли молебенъ. Какъ то робко звучало наше пѣніе подъ высокими сводами величественнаго храма. Въ эти минуты всѣ мы молились глубоко и искренно, и, казалось, ободряюще ласково смотрѣли на насъ суровые лики святыхъ...

Мы разстались въ соборѣ послѣ горячей молитвы у иконы Царицы Небесной, и въ сердцѣ живетъ надежда, что наша благая Заступница не оставитъ насъ на жизненномъ пути и сохранитъ подъ Своимъ святымъ Покровомъ» [1].

По обычаю, смолянки дѣлаютъ на другой день послѣ выпуска визиты въ Смольномъ всѣмъ, кто имѣлъ къ нимъ отно-

Члены Совѣта, инспектрисы и классныя дамы.

шеніе во время жизни въ институтѣ—начиная съ начальницы и кончая дортуарными дѣвушками.

Различны пути жизни и дѣятельности смолянокъ по выходѣ изъ института.

Въ Смольномъ получили воспитаніе и образованіе Королева Италіи Елена, Великія Княгини Анастасія Николаевна и Милица Николаевна.

Изъ Смольнаго вышли начальницы институтовъ: А. Н. Гринпенбергъ, А. А. Голохвастова, княжна А. Д. Максутова, А. К. Онгирская, главныя надзирательницы женскихъ гимназій

[1] Дневникъ, II, 75—77.

Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи: баронесса Н. А. Унгернъ-Штернбергъ (въ замужествѣ Максимова), М. Г. Ельчанинова, Л. Ф. Андреянова, Л. В. Никольская (въ замужествѣ Ласкинъ), инспектрисы институтовъ: С. В. Кудраева, А. А. Фадѣева. Нѣкоторыя изъ смолянокъ основали собственныя среднія мужскія и женскія учебныя заведенія или состоятъ начальницами женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Таковы, напр., Е. С. Полевая (въ замужествѣ Левицкая), Л. Ю. Юргенсъ, С. Г. Леонтьева (въ замужествѣ Гречанинова), Е. М. Шуринова, С. Г. Гиршъ-Брамме, В. Н. Хитрово, С. М. фонъ-деръ-Бригенъ, Е. В. Джунковская, Н. А. Шевченко и др. Иныя, какъ, напр., М. М. Манакина, выдѣлились какъ преподавательницы или, какъ М. Д. Бологовская, въ качествѣ воспитательницъ Высочайшихъ Особъ, воспитательницъ въ учебныхъ заведеніяхъ и семьяхъ.

Въ своей педагогической дѣятельности смолянки обычно стараются осуществлять тѣ завѣты, какіе онѣ вынесли изъ института. «Въ теченіе всей моей жизни,— пишетъ своей подругѣ смолянка, начальница большого средняго учебнаго заведенія, — вспоминаю съ любовью и благодарностью все хорошее, что далъ мнѣ Смольный, онъ всегда служитъ мнѣ свѣточемъ моей педагогической дѣятельности и образцомъ, по которому я хотѣла бы поставить свое учебное заведеніе».

Среди смолянокъ есть получившія почетную извѣстность въ научной области. Такова В. Е. Богдановская, дочь извѣстнаго хирурга Е. И. Богдановскаго, въ замужествѣ Попова. Блестяще окончивъ Смольный, гдѣ она проявляла особый интересъ къ физикѣ и химіи, В. Е. поступила на физико-математическое отдѣленіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ. По окончаніи ихъ работала въ лабораторіяхъ Военно-Медицинской Академіи и Академіи Наукъ, затѣмъ слушала лекціи въ Женевскомъ университетѣ, работала въ Ecole de chimie, сдала экзаменъ на званіе chimiste diplomé и, по представленіи диссертаціи, получила степень доктора физическихъ наукъ (docteur des sciences physiques). По возвращеніи въ Петербургъ В. Е. Богдановская была приглашена занять должность ассистента при каѳедрѣ неорганической химіи на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и читала лекціи по стереохиміи. Выйдя замужъ, она поселилась на Ижевскомъ заводѣ, Вятской губерніи, и здѣсь устроила отлично

оборудованную лабораторію, гдѣ начала цѣнныя въ научномъ отношеніи работы надъ добываніемъ фосфила. Во время работы 25 апрѣля 1896 г. одна изъ запаянныхъ стеклянныхъ трубокъ, въ которыхъ находились подъ большимъ давленіемъ сильно ядовитыя вещества, лопнула и своими осколками поранила правую руку В. Е. Вмѣстѣ со стекломъ въ рану прошла часть содержимаго трубки, что вызвало отравленіе крови. Черезъ нѣсколько часовъ В. Е. умерла въ полномъ сознаніи, сохраняя удивительное присутствіе духа.

Безвременной кончинѣ В. Е. посвятили статьи русскіе и заграничные журналы и газеты. Въ этихъ статьяхъ подробно выяснялось, какую большую утрату понесла наука со смертью многообѣщавшей двадцативосьмилѣтней талантливой изслѣдовательницы.

Послѣ В. Е. Богдановской остался рядъ ученыхъ и популярныхъ трудовъ по химіи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Она не чужда была и художественному творчеству: въ институтскіе годы писала стихи (не напечатаны), по выходѣ изъ института—небольшіе повѣсти и разсказы, перевела на французскій языкъ «Atalea princeps» Гаршина.

Стремленіе къ продолженію образованія всегда сказывалось среди воспитанницъ Смольнаго. Многія по окончаніи института поступали на Высшіе Женскіе Курсы, Женскіе Педагогическіе Курсы, Императорскій Женскій Педагогическій Институтъ, Медицинскіе Курсы, Женскій Медицинскій Институтъ. Многія продолжали свое художественное образованіе, изъ нихъ нѣкоторыя потомъ выдвинулись въ области музыки и пѣнія, какъ напр., княжна М. Б. Черкасская, въ замужествѣ Палечекъ, К. А. Эрдели, въ замужествѣ Энгельгардтъ, К. Н. Феллейзенъ, въ замужествѣ Дорліакъ, Л. С. Коломейцева; нѣкоторыя посвятили себя драматическому искусству, какъ напр., В. В. Пушкарева, въ замужествѣ Котляревская, О. Н. Измалкова, Н. К. Тхоржевская; другія—скульптурѣ, какъ Е. П. Черемисинова. Среди бывшихъ воспитанницъ Смольнаго есть писательницы, напр., Е. Н. Исполатова, М. Н. Тихомирова, въ замужествѣ Шимкевичъ, А. К. Костомарова, Н. Л. Персіяниновa, В. В. Фусъ, Е. В. Джунковская, въ замужествѣ Михайлова. Многія смолянки трудились, какъ сестры милосердія, напр., княжна Н. В. Оболенская, погибшая жертвой долга въ Русско-Япон-

скую войну, Е. А. Черполуцкая, О. А. Пеликанъ, Е. П. Саввина, Н. М. Сиверсъ, Е. И. Вержбицкая; другія отдавали свои силы, трудъ и время благотворительной и общественной дѣятельности; таковы, напр., М. К. Кононовичъ, М. А. Дроздовская, М. Н. Ломанъ, О. Р. Тепферъ, М. Ф. Зейме, въ замужествѣ баронесса Буксгевденъ, З. Н. Ильяшевичъ, Е. Я. Шишмарева, О. Г. Хабарова и многія другія.

Музей.

Связь смолянокъ съ Императорскимъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ не порывается съ окончаніемъ курса. Нагляднымъ выраженіемъ ея, между прочимъ, является учрежденное въ 1898 г., по иниціативѣ свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ, Общество вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ [1]. Общество состоитъ почти исключительно изъ бывшихъ воспитанницъ. Его задача — оказывать нравственную и матеріальную поддержку недостаточнымъ воспитанницамъ института по выходѣ ихъ изъ заведенія.

[1] С. У. II. 660, 610.

Благодаря особой заботливости и энергіи свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ и трудамъ смолянокъ, членовъ общества, дѣятельность его стала быстро развиваться. Въ 1908 году, по мысли княжны Е. А. Ливенъ, было приступлено къ постройкѣ на выдѣленномъ, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, изъ Адлербергскаго сквера участкѣ собственнаго двухъэтажнаго каменнаго дома для Общежитія бывшихъ смолянокъ Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Постройка зданія производилась очень хозяйственно и обошлась около 36.000 р., изъ которыхъ 7.600 р. были Всемилостивѣйше пожалованы Ея Величествомъ [1]. Въ 1913 году надъ зданіемъ былъ надстроенъ третій этажъ.

Органическое единеніе прошлаго съ настоящимъ—отличительная черта Смольнаго. На ряду съ постояннымъ движеніемъ впередъ въ области учебно-воспитательнаго дѣла въ жизни Смольнаго наблюдается бережное сохраненіе многихъ традицій полуторавѣкового прошлаго. Въ 1881 г., согласно волѣ Императора Александра II, въ Смольномъ былъ возстановленъ тотъ рисунокъ шифра, какой былъ при Императрицѣ Екатеринѣ II; отъ временъ Императрицы Екатерины ведутъ свое начало выпускной балъ съ его традиціоннымъ концертомъ и возстановленные, съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, бѣлыя платья выпускного класса и обѣды воспитанницъ по очереди у начальницы. Любовь и уваженіе Смольнаго къ своей старинѣ отразилась и въ созданіи при немъ историческаго музея.

Мысль объ устройствѣ этого музея принадлежала преподавателю Смольнаго, нынѣ инспектору классовъ С.-Петербургскаго Училища Ордена Св. Екатерины, д. ст. сов. Н. С. Карцову.

Со времени своего основанія Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и состоявшее при немъ Александровское Училище постоянно удостаивались высокаго вниманія и милостей Членовъ Императорской Фамиліи; многія лица, выдававшіяся въ исторіи образованія русскаго общества, группировались около этого учрежденія, и многія измѣненія въ воззрѣніяхъ правительства и общества на дѣло воспитанія и обу-

[1] См. отчетъ по постройкѣ дома Общежитія.

ченія ярко отражались въ жизни этого перваго по времени правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи. Все это представляетъ большой интересъ для исторіи образованія русской женщины, и Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ призналъ мысль Н. С. Карцова объ учрежденіи при Обществѣ музея заслуживающей полнаго вниманія и постановилъ немедленно приступить къ его устройству.

Музей.

Было рѣшено собирать въ музеѣ слѣдующіе документы и предметы:

1) Письма Членовъ Императорской Фамиліи, имѣвшія связь съ жизнью Общества благородныхъ дѣвицъ и состоявшаго при немъ Александровскаго Училища. 2) Произведенія искусствъ, книги и другіе предметы, пожертвованные Членами Императорской Фамиліи. 3) Высочайшіе рескрипты, данные на имя учрежденія, а также выдающіяся постановленія относительно учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя этого заведенія. 4) Планы зданій въ разное время, гравюры и вообще предметы, интересные для исторіи этого учрежденія. 5) Литературные и художественные труды, а также мемуары бывшихъ вос-

питанницъ и указанія на ихъ выдающуюся семейную или общественную дѣятельность. 6) Портреты выдававшихся дѣятелей, литературные, художественные и ученые труды служившихъ, а также служащихъ при этомъ учебномъ заведеніи. 7) Учебныя программы, классныя записки и учебники за разное время. 8) Сочиненія и отзывы постороннихъ лицъ, касающіеся этого учебнаго заведенія.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

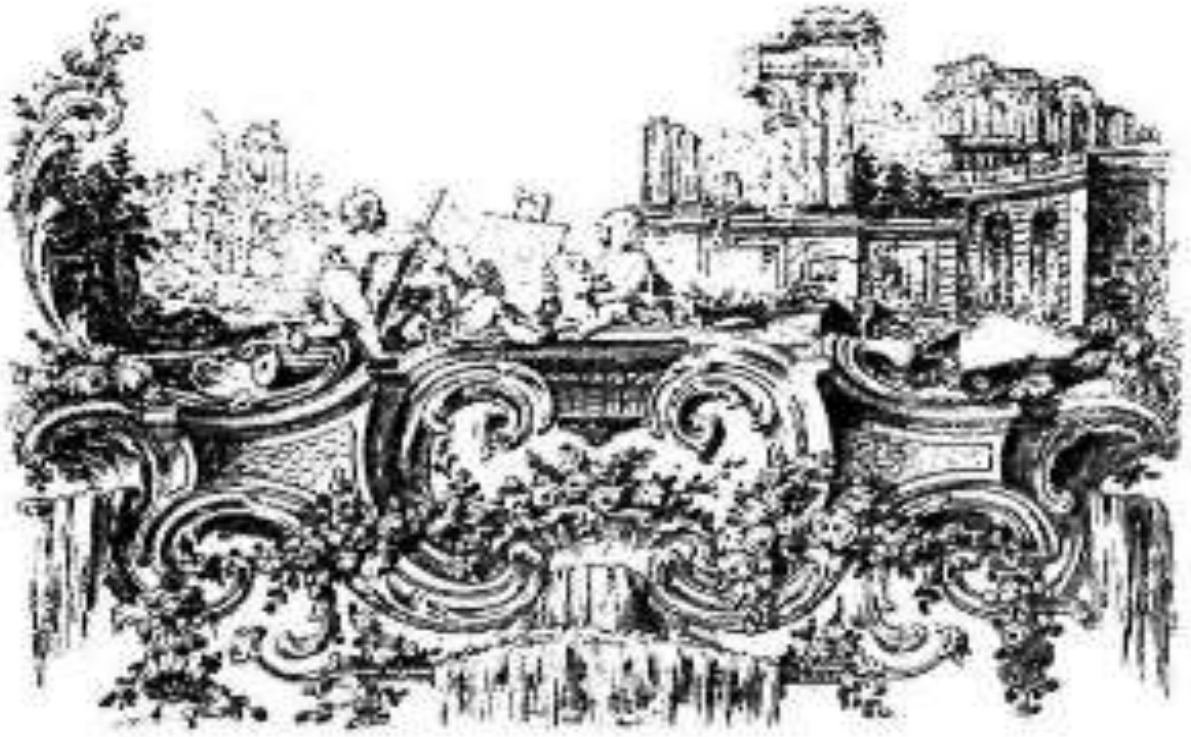
На устройство музея, съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, было отпущено изъ процентовъ съ кассетнаго капитала 2.215 р., ближайшее завѣдываніе устройствомъ музея было возложено на Н. С. Карцова; дѣятельное участіе въ организаціи музея принималъ бывшій тогда преподавателемъ Смольнаго д. ст. сов. Ф. А. Витбергъ [1].

Много историческихъ документовъ и предметовъ было передано въ музей изъ библіотеки и архива Смольнаго, много было пожертвовано разными лицами. Пополненіе музея продолжается понынѣ. Составился цѣнный музей, по богатству собранныхъ матеріаловъ несомнѣнно занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ среди музеевъ, устроенныхъ при учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи.

Въ музеѣ Смольнаго хранится богатое собраніе писемъ Августѣйшихъ Основательницы, Покровителей и Покровитель-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1893 г., № 53. Муз. Имп. Восп. Общ.

ницъ Смольнаго и другихъ русскихъ и иностранныхъ Высочайшихъ Особъ. Такъ, напр., имѣетъ въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ музеѣ находится около 3.000, изъ нихъ болѣе 600 собственноручныхъ. Въ музеѣ хранятся Высочайшія грамоты и рескрипты, данные Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ, донесенія начальницъ Августѣйшимъ Покровительницамъ Смольнаго, съ собственноручными помѣтками Ихъ Императорскихъ Величествъ, письма Шведскаго Короля Густава III, И. И. Бецкого, К. Д. Ушинскаго, первыя печатныя изданія даннаго Императрицей Екатериной II устава Смольнаго, музыкальныя произведенія Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, большая коллекція книгъ и статей о Смольномъ, печатныхъ трудовъ смолянокъ и учебнаго персонала Смольнаго, учебниковъ и учебныхъ пособій, начиная со временъ Императрицы Екатерины II, учебныхъ записокъ воспитанницъ, портреты въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, работы Лампи, портреты Императора Павла I, Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, работы Боровиковскаго, много другихъ портретовъ, рѣдкихъ гравюръ, литографій, рисунковъ, мраморный бюстъ Императора Александра I, работы Гишара, арфа, пожалованная Смольному въ Бозѣ Почивающей Императрицей Маріей Ѳеодоровной, много книгъ изъ личной библіотеки Ея Величества и т. д.



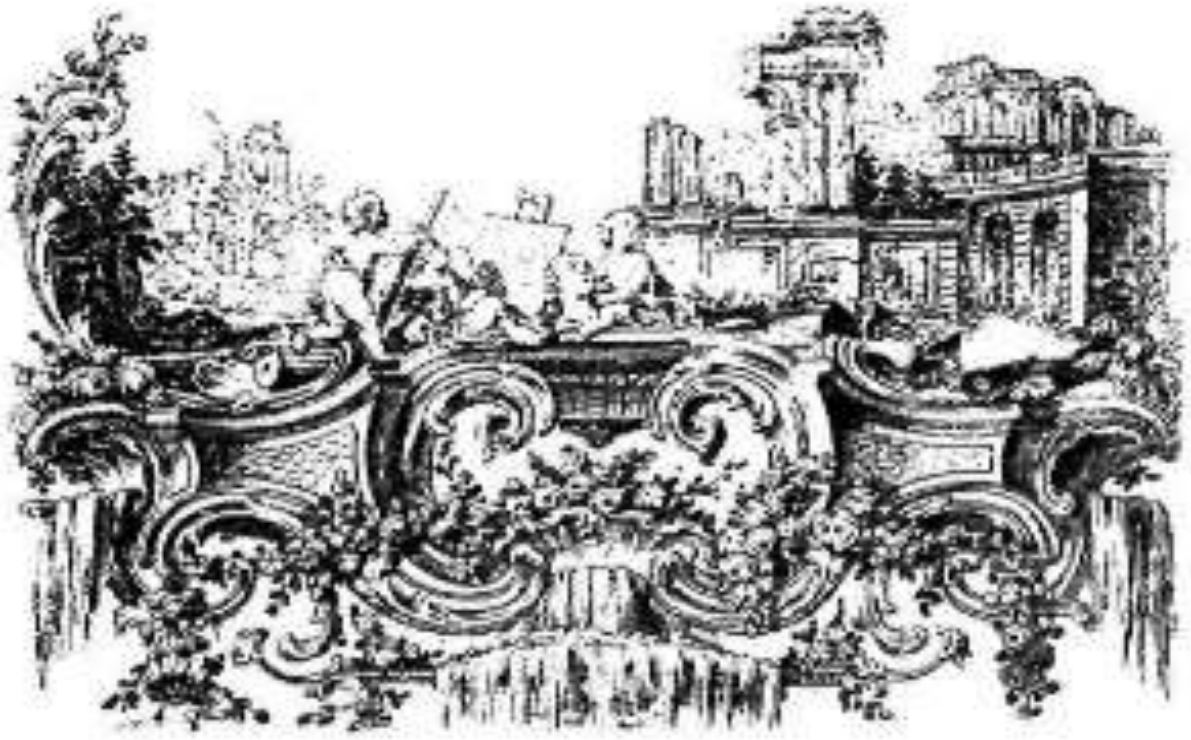
VIII.

Заботы о здоровьѣ воспитанницъ. — Вопросъ о питаніи.—Режимъ дня. — Переустройство помѣщеній. — Ремонтныя работы. — Лазареты. — Веденіе хозяйства Смольнаго. — Капиталы и стипендіи. — Служащіе въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ. — Канцелярія. — Прислуга.

В о время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны заботамъ о здоровьѣ воспитанницъ въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ всегда удѣлялось много вниманія.

Медицинское освидѣтельствованіе вновь принимаемыхъ воспитанницъ показываетъ, что лишь одна треть изъ поступающихъ дѣтей можетъ быть признана вполнѣ здоровыми [1]. Институту приходится не только заботиться о воспитаніи и образованіи поступающихъ, но также и прежде всего принимать мѣры къ укрѣпленію ихъ здоровья. Такія мѣры

[1] Протоп. Учебн. Комм. 1 дек. 1900 г., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1911 г., № 59. Медицинскіе отчеты по Вѣд. учр. Императрицы Маріи. Всеподданнѣйшіе отчеты по Вѣд. учр. Императрицы Маріи.



VIII.

Заботы о здоровьѣ воспитанницъ. — Вопросъ о питаніи.—Режимъ дня. — Переустройство помѣщеній. — Ремонтныя работы. — Лазареты. — Веденіе хозяйства Смольнаго. — Капиталы и стипендіи. — Служащіе въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ. — Канцелярія. — Прислуга.

о время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны заботамъ о здоровьѣ воспитанницъ въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ всегда удѣлялось много вниманія.

Медицинское освидѣтельствованіе вновь принимаемыхъ воспитанницъ показываетъ, что лишь одна треть изъ поступающихъ дѣтей можетъ быть признана вполнѣ здоровыми [1]. Институту приходится не только заботиться о воспитаніи и образованіи поступающихъ, но также и прежде всего принимать мѣры къ укрѣпленію ихъ здоровья. Такія мѣры

[1] Проток. Учебн. Комм. 1 дек. 1900 г., Арх. Имп. Восп. Общ., Д. 1911 г., № 59. Медицинскіе отчеты по Вѣд. учр. Императрицы Маріи. Всеподданнѣйшіе отчеты по Вѣд. учр. Императрицы Маріи.

среди воспитанницъ институтовъ процентъ заболѣваемости малокровіемъ и привычными головными болями. Эти явленія, по мнѣнію медицинскаго инспектора, отчасти зависѣли отъ недостаточно правильнаго распредѣленія времени ѣды въ институтахъ. Промежутокъ въ 4½ часа между завтракомъ (въ 11½ час. дня) и обѣдомъ (въ 4 часа дня) слишкомъ малъ, а промежутокъ между обѣдомъ одного дня и завтракомъ слѣдующаго дня слишкомъ великъ (19½ часовъ), вечерній же и утренній чай, какъ малопитательное и только возбуждающее средство, не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ. Поэтому воспитанницы съ аппетитомъ ѣдятъ за завтракомъ и мало за обѣдомъ. Это обстоятельство нарушаетъ правильность питанія: за завтракомъ воспитанницы плохо пережевываютъ пищу, такъ какъ, по причинѣ голода, торопятся кушать, и пища потому плохо переваривается, а за обѣдомъ, съѣдая мало, мало и усваиваютъ.

Немедленно было выработано новое распредѣленіе времени ѣды и предоставлено Совѣтамъ институтовъ право вводить новое распредѣленіе, въ видѣ опыта, на одинъ годъ, при чемъ посредствомъ тщательнаго взвѣшиванія и другихъ наблюденій выяснить въ теченіе опытнаго года результаты новаго порядка.

Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества нашелъ желательнымъ ввести новое распредѣленіе времени принятія воспитанницами пищи. Обѣдъ былъ назначенъ въ 12½ час. дня, въ 5½ ч.—чай и въ 8 ч. вечера—ужинъ [1].

Съ особой полнотой и обстоятельностью вопросъ о питаніи воспитанницъ институтовъ былъ разработанъ при Главноуправляющемъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи статсъ-секретарѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ А. А. Ливенѣ. Князь А. А. Ливенъ пожелалъ поставить вопросъ о питаніи воспитанницъ въ соотвѣтствіе съ данными науки и жизни. Непосредственное ближайшее руководство предпринятыми въ этомъ отношеніи обширными работами при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи было предоставлено Товарищу Главноуправляющаго, дѣйствительному статскому совѣтнику В. К. Кистеру, на долю котораго выпало, послѣ смерти князя А. А. Ливена, и руководство осуществле-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1899 г., № 44, лл. 1, 3, 6 и др.

шіемъ въ институтахъ реформы по пищевому довольствію воспитанницъ. Къ дѣятельному участію въ работахъ были привлечены врачи.

Залъ Совѣта (деталь).

Работы были закончены къ веснѣ 1913 г., при чемъ была составлена, для руководства при осуществленіи новой мѣры въ институтахъ, особая книга «Основы пищевого довольствія воспитанницъ въ институтахъ и пансіонахъ при женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи», и, кромѣ того, инструкція завѣдывающимъ хозяйственно-пищевой частью. Въ

этой книгѣ выяснялись основы пищевого довольствія съ точки зрѣнія требованій науки, наглядно изображались задачи правильнаго питанія; въ то же время въ ней содержался рядъ практическихъ свѣдѣній, вплоть до расписаній кушаній, указанія способовъ ихъ приготовленія, мѣръ къ предупрежденію остыванія порцій во время нарѣзки, порядка закупки и заготовки продуктовъ, устройства кухни и т. д. Проектъ о новомъ порядкѣ питанія воспитанницъ подвергся всестороннему обсужденію въ Сметной Комиссіи, при особо дѣятельномъ участіи Предсѣдателя Комиссіи, почетнаго опекуна, генералъ-адъютанта К. У. Арапова, и, по разсмотрѣніи въ Опекунскомъ Совѣтѣ, удостоился одобренія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Высочайшаго утвержденія Государя Императора. Съ осени 1913 года новый порядокъ пищевого довольствія воспитанницъ былъ введенъ во всѣхъ институтахъ, и прежде всего въ Смольномъ [1]. Теперь, примѣнительно къ новымъ правиламъ пищевого довольствія, воспитанницы Смольнаго получаютъ въ 7¾ час. утра чай съ молокомъ, бутерброды съ яйцами, ветчиной, мясомъ и т. п., въ 10 часовъ—молоко и черный хлѣбъ, въ 12 часовъ—завтракъ, въ 3 часа—черный хлѣбъ, въ 5 часовъ дня бываетъ обѣдъ и въ 8 часовъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

При распредѣленіи дня воспитанницъ въ Смольномъ прежде всего принимаются во вниманіе интересы здоровья воспитанницъ. Классныя занятія, требующія отъ воспитанницъ бо́льшаго умственнаго напряженія, назначаются преимущественно на время отъ 10 до 12 час. дня. Перерывъ среди уроковъ отъ 12 до 2 часовъ дня имѣетъ цѣлью дать воспитанницамъ возможность совершать прогулку въ лучшее время дня. Во время прогулки въ саду воспитанницы пользуются полной свободой; прогулки въ саду парами были отмѣнены свѣтлѣйшей княжной Е. А. Ливенъ немедленно по вступленіи ея въ должность начальницы. Весной и въ теплые дни осенью воспитанницы всѣхъ возрастовъ играютъ въ саду въ теннисъ, крокетъ, мячъ и другія игры. Зимой въ институтскомъ саду устраивается катокъ, ледяныя горы; воспитанницы сами разгребаютъ снѣгъ, бѣгаютъ на конькахъ и на лыжахъ.

[1] Выс. утв. 3 Авг. 1913 г. пол. Опек. Сов. (Арх. Совѣт. К. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи). Основы пищев. довольств., 20—25, 35—50 и др.

Лѣто воспитанницы Императорскаго Воспитательнаго Общества проводятъ дома. Остающіяся на лѣто въ институтѣ переѣзжаютъ на институтскую дачу въ Сестрорѣцкъ. Слабыхъ воспитанницъ, по назначенію врача, посылаютъ на леченіе въ Халилу, Гансаль, Липецкъ и Романовскую климатическую станцію въ Учь-Дере [1].

Заботами о здоровьѣ воспитанницъ объясняется характеръ распредѣленія помѣщеній въ Смольномъ. Свѣтлѣйшая княжна

Кухня Смольнаго.

Е. А. Ливенъ, вступивъ въ исполненіе обязанностей начальницы Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, нашла, что существовавшее въ то время распредѣленіе помѣщеній не соотвѣтствовало требованіямъ гигіены.

Классныя комнаты и дортуары каждаго класса находились рядомъ. При такомъ размѣщеніи невозможно было хорошо провѣтривать ни классы, ни дортуары, не опасаясь простудить воспитанницъ. Согласно предположеніямъ княжны Е. А. Ливенъ,

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 4; Д. 1886 г., № 54; Д. 1887 г., № 23; Д. 1890 г., № 23; Д. 1892 г., № 23; Д. 1893 г., № 23; Д. 1904 г., № 23; и мн. др. Дневникъ, I, 7—8.

было испрошено соизволеніе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны на полное перераспредѣленіе помѣщеній воспитанницъ. Всѣ классныя комнаты были размѣщены въ первомъ и второмъ этажахъ. Дортуары всѣхъ классовъ, кромѣ педагогическихъ, были сосредоточены въ третьемъ этажѣ, при чемъ арки, которыми прежде отдѣлялись дортуары отъ коридоровъ, были задѣланы и устроены двери. Для женской прислуги, которая раньше спала въ дортуарахъ тѣхъ классовъ, при кото-

На прогулку.

рыхъ состояла, теперь было отведено особое помѣщеніе. Прекрасно устроенныя умывальныя комнаты замѣнили собой прежніе недостаточно удовлетворительные умывальники.

Улучшенія въ гигіеническомъ отношеніи начались въ Смольномъ съ первыхъ лѣтъ Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и слѣдовали одно за другимъ. Такъ, еще въ 1889 году въ зданіе Смольнаго была проведена вода изъ городского водопровода. Существовавшій до этого времени въ Смольномъ собственный водопроводъ давалъ недостаточное количество воды. Въ 1891 г. была устроена новая паровая механическая прачешная. Одновременно были установлены подъемныя машины для доставки во всѣ этажи зданія топлива. Въ 1898 году были заново отдѣланы столовая и кухня,

устроена новая образцово поставленная баня. Въ 1909 г. во всѣхъ помѣщеніяхъ Общества было устроено электрическое освѣщеніе. По желанію княжны Е. А. Ливенъ было принято во вниманіе, чтобы при проведеніи электричества не пострадалъ типичный для начала XIX вѣка характеръ помѣщеній Смольнаго. Поэтому были сохранены въ коридорахъ изстари существовавшіе фонари, а въ пріемномъ залѣ—старинныя оригинальныя люстры [1].

Благодаря тщательно принимаемымъ мѣрамъ заболѣваемость среди воспитанницъ Смольнаго невелика. При первыхъ признакахъ какого либо, хотя самаго незначительнаго, заболѣванія воспитанницу отправляютъ въ амбулаторію. Нуждающіяся въ лазаретномъ леченіи поступаютъ въ лазаретъ.

Помѣщенія лазарета Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Едва ли найдется въ Россіи другое учебное заведеніе, лазаретъ котораго настолько бы удовлетворялъ требованіямъ гигіены. Расположенный въ построенномъ Растрелли зданіи, онъ поражаетъ обширностью помѣщеній, обиліемъ свѣта и воздуха, безукоризненной чистотой [2].

Кромѣ главнаго лазарета въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ имѣется запасный лазаретъ. Устройство его было вызвано затрудненіями при размѣщеніи въ лазаретѣ больныхъ, въ случаѣ заболѣванія кого либо изъ воспитанницъ заразной болѣзнью. Для заболѣвшихъ приходилось отдѣлять часть лазарета, причемъ изолированіе ихъ отъ другихъ воспитанницъ являлось не вполнѣ надежнымъ, особенно при одновременномъ возникновеніи нѣсколькихъ заразныхъ болѣзней. Наглядно проявилось это въ 1896 году, въ теченіе котораго, несмотря на всѣ мѣры, въ Смольномъ не прекращались эпидеміи кори, скарлатины и ангины [3].

Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной было повелѣно неотложно принять мѣры къ предотвращенію повторенія такого явленія. Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, согласно съ мнѣніемъ княжны Е. А. Ливенъ, призналъ, что наиболѣе цѣлесообразнымъ было бы устрой-

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1892 г., № 47; Д. 1887 г., № 52; Д. 1910 г., № 53; см. также Д. 1910 г., № 58 и др. С. У. В. 739, 841, 1209 и др. Дневникъ, I, 9. [2] Подробнѣе см. Отчеты по Медицин. части Вѣд. учр. Имп. Маріи за 1894 и слѣд. годы. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1896 г., № 42, лл. 3—4, 10—13.

тельно производилось изслѣдованіе причинъ заболѣваній, можно заключить по тому, напр., что въ отдѣльныхъ случаяхъ обращались даже къ всестороннему обслѣдованію устройства и состоянія водоснабженія института [1].

Врачей въ Смольномъ два, но въ случаѣ появленія эпидеміи иногда приглашается особый врачъ для пользованія заразныхъ больныхъ [2].

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заразныя больныя помѣщаются въ дѣтскую больницу Принца Ольденбургскаго.

Кромѣ тѣхъ строительныхъ работъ, которыя предпринимались въ цѣляхъ охраны здоровья воспитанницъ, въ Смольномъ производились и другія строительныя работы. Такъ, неоднократно производились передѣлки и ремонтъ въ церкви Общества. Размѣры церкви не позволяли помѣщаться въ ней одновременно всѣмъ воспитанницамъ; около 150 воспитанницъ каждый разъ не могли присутствовать въ церкви. Княжна Е. А. Ливенъ нашла это съ точки зрѣнія религіозно-воспитательной крайне *нежелательнымъ*. *Церковь была расширена съ такимъ расчетомъ*, чтобы въ ней могли размѣститься всѣ воспитанницы. Одновременно была разобрана примыкавшая къ церкви стѣна музыкальныхъ селюль, расположенныхъ во второмъ этажѣ, и такимъ путемъ были устроены церковные хоры, на которыхъ во время богослуженія помѣщается часть женской прислуги Общества, другая часть стоитъ въ коридорѣ передъ церковью. Были заказаны новыя люстры для церкви Общества по образцу люстръ въ залѣ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія [3]. Старыя люстры были пожертвованы въ бѣдныя церкви [4].

Въ 1902 г., по предложенію свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ, Совѣтъ постановилъ соорудить въ церкви Общества икону на сумму, собранную въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди служащихъ и воспитанницъ. Совѣтъ полагалъ, что «икона Рас-

[1] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1900 г., № 32; Д. 1903 г., № 31; Д. 1912 г., № 47. [2] См., напр., Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1900 г., № 5, и др. [3] Подлинное Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ достигло въ отношеніи заботъ о гигіенѣ такого положенія, что имѣло возможность участвовать на гигіеническихъ выставкахъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ и получило на этихъ выставкахъ почетныя награды и дипломы. (Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1892 г., № 30; и др. См. также Муз. Имп. Воспит. Общ.). [4] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1890 г., № 32. [5] Арх. Имп. Воспит. Общ. Д. 1893 г., № 32.

пятія Господня, хорошей иконописи, помѣщенная при самомъ входѣ въ храмъ Божій, молитвенно настраивала бы дѣтей-богомольцевъ, которыя могли бы возжигать свѣчи передъ образомъ» [1].

Въ 1885 г. былъ огражденъ заборомъ Аддербергскій скверъ, расположенный передъ зданіемъ Императорскаго Воспитательнаго Общества. Совѣтъ Общества считалъ эту мѣру необходимою, чтобы преградить доступъ туда бродячему люду [2].

Во время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны надъ Смольнымъ Совѣту Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ такъ же, какъ и ранѣе, много затрудненій доставляло завѣдываніе арендными статьями и землями Общества. Приходилось заботиться о ремонтѣ зданій, построенныхъ арендаторами на земляхъ Общества, слѣдить за правильнымъ выполненіемъ арендаторами условій контракта, разбирать недоразумѣнія между арендаторами и жившими на арендованныхъ ими земляхъ квартирантами и другими лицами, особенно же трудно было достигать, чтобы арендаторы своевременно и въ полномъ размѣрѣ вносили арендную плату [3].

Неоднократно поступали въ Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества ходатайства отъ различныхъ учрежденій объ уступкѣ части земли, принадлежащей Обществу [4]. Но отводъ земли происходилъ только въ видѣ исключенія и лишь для учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи. Такъ были предоставлены участки для постройки зданій женской гимназіи Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, I Маріинскаго женскаго училища, Общежитія Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Офицерская кавалерійская школа неоднократно ходатайствовала объ уступкѣ ей подъ скаковой кругъ принадлежащаго Обществу Аддербергскаго сквера. Эти ходатайства, однако, каждый разъ отклонялись, а въ 1898 г. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила выразить пожеланіе, чтобы Аддербергскій скверъ былъ обращенъ въ садъ для прогулокъ воспитанницъ и засаженъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1902 г., № 32. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 11, лл. 1—2. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1887 г., № 50; Д. 1882 г., № 2; Д. 1909 г., № 25; Д. 1880 г., № 68; Д. 1887 г., № 48. [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1883 г., № 17, л. 1.

при ихъ личномъ участіи [1]. Не имѣло успѣха и ходатайство въ 1899 г. С.-Петербургской Городской Думы о передачѣ Адлербергскаго сквера въ вѣдѣніе города [2].

Содержаніе Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, одного изъ самыхъ большихъ по числу воспитанницъ учебно-воспитательнаго заведенія Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ весьма значительной мѣрѣ обезпечивается процентами съ принадлежащихъ Обществу капиталовъ, большею частью которыхъ оно обязано своимъ Августѣйшимъ Покровительницамъ и другимъ Особамъ Императорской Фамиліи [3].

Членъ Совѣта
баронъ К. И. КОРФЪ.

Въ 1895 году, «въ виду значительнаго числа цѣнныхъ бумагъ и для предупрежденія могущаго встрѣтиться неудобства при храненіи ихъ въ мѣстной канцеляріи», по ходатайству Совѣта Общества, были переданы на храненіе въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи всѣ заключающіеся въ процентныхъ бумагахъ капиталы Общества, за исключеніемъ кассетнаго, который, какъ

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1885 г., № 9; Д. 1888 г., № 40; Д. 1898 г., № 32. Въ «Дневникѣ описано, какъ выпускныя воспитанницы и пепиньерки производили посадку деревьевъ въ скверѣ передъ институтомъ (Дневн., I, 22). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1899 г., № 32. [3] Въ 1904 году общая сумма расхода по Императорскому Воспитательному Обществу равнялась 286.326 р. 7¾ к., въ 1913 г.—353.379 р. 95½ к. Капиталовъ состояло въ 1914 г. на сумму 3,016.067 р. 48 к.

составляющій особую собственность заведенія, рѣшено было оставить на храненіе въ Обществѣ [1].

Кассетный капиталъ попрежнему является значительнымъ [2].

Проценты съ кассетнаго капитала, по Высочайшимъ повелѣніямъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, расходовались на содержаніе стипендіатокъ, на содержаніе дѣтей служащихъ, на награды выпускнымъ воспитанницамъ, на пособія настоящимъ и бывшимъ служащимъ, на пособія для отправки воспитанницъ въ Гапсаль, на ремонтныя работы, на пособія бывшимъ воспитанницамъ и т. д. [3]. Послѣдніе годы, по волѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, изъ процентовъ съ кассетнаго капитала назначаются исключительно пособія бывшимъ воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества и С.-Петербургскаго Александровскаго института, а также Общежитію бывшихъ смолянокъ [4].

На прежнихъ основаніяхъ назначаются нынѣ воспитанницамъ, окончившимъ Императорское Воспитательное Общество съ шифромъ, пенсіи изъ процентовъ съ капитала, положеннаго съ этой цѣлью Императрицей Екатериной II [5].

За время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны разными лицами былъ пожертвованъ Воспитательному Обществу рядъ капиталовъ. Въ 1890 г. бывшая учительница музыки въ Воспитательномъ Обществѣ, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пасмурова внесла въ Совѣтъ Общества 2.500 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно выдавались, по усмотрѣнію Совѣта, бѣднѣйшей изъ выпускныхъ воспитанницъ Общества [6]. Въ 1891 году, съ соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, было пожертвовано членомъ Совѣта Общества,

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1895 г., № 42, лл. 8—9, 11, 12, 16. [2] Въ 1914 году онъ равнялся 414.217 р. 91 к. [3] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1887 г., № 39; см. также Д. 1891 г., № 36; Д. 1897 г., № 36; Д. 1900 г., № 39, ч. I; Д. 1903 г., № 39, ч. I; Д. 1904 г., № 34; Выс. Рескрипты 1897—1900 гг. Въ 1890 г. было, между прочимъ, съ Высочайшаго соизволенія, истрачено 1.000 р. изъ $^3/_4{}^0/_0$ съ кассетнаго капитала на покупку 150 кв. саж. на Большеохтенскомъ кладбищѣ на случай смерти воспитанницъ Императорскаго Воспитательнаго Общества или Александровскаго училища (Д. 1890 г., № 45). [4] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1906 г., №№ 36 и 39, ч. I; ср. Выс. пов. 30 мая 1885 г. (С. У. В. 492). [5] См., напр., Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1913 г., № 11. [6] С. У. В. 397. Сборн. капит., III, 29.

почетнымъ опекуномъ, графомъ Н. А. Пратасовымъ-Бахметевымъ 8.500 р., для учрежденія въ Обществѣ стипендіи Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны, съ тѣмъ, чтобы остатки, которые могутъ образоваться отъ процентовъ съ этого капитала за время пребыванія стипендіатки въ Обществѣ, выдавались ей при полномъ окончаніи ею воспитанія [1]. Въ 1893 г. вдова надворнаго совѣтника Г. Е. Бржестовская, «движимая чувствами признательности къ Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ за полученное въ немъ воспитаніе», пожертвовала капиталъ для учрежденія въ Обществѣ стипендіи, на которую должны приниматься сироты или дочери бѣдныхъ родителей [2]. Въ 1900 году въ Воспитательное Общество поступилъ капиталъ въ 12.000 р., завѣщанный вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника М. В. Черкасовой, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена стипендія для дочерей бѣдныхъ дворянъ Смоленской губерніи [3]. Въ 1904 году В. Е. Теннеръ, вдовою почетнаго опекуна генералъ-лейтенанта Е. К. Теннеръ, былъ пожертвованъ капиталъ въ 12.150 р., для учрежденія въ Воспитательномъ Обществѣ стипендіи имени ея покойнаго мужа [4]. Въ 1909 году вдовой дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Л. А. Дурново было пожертвовано 9.000 р. на содержаніе стипендіи имени ея покойнаго мужа, бывшаго Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, предсѣдателя Комитета Министровъ, дѣйств. тайн. совѣтн., почетнаго опекуна, статсъ-секретаря И. Н. Дурново [5]. Въ 1910 году, по завѣщанію болгарской подданной Е. Н. Кировичъ, поступило въ Воспитательное Общество 13.160 р. 50 к. для выдачи процентовъ съ этого капитала въ пособіе при выпускѣ бѣднѣйшимъ воспитанницамъ [6]. Въ 1907 году, по завѣщанію бывшаго Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, почетнаго опекуна, генералъ-адъютанта графа Н. А. Пратасова-Бахметева, въ Воспита-

[1] С. У. В. 1174, 1177. Сборн. капит., III, 30—31. [2] Г. Е. Бржестовской было пожертвование 15.900 р. на учреждение двухъ стипендій въ Обществѣ и Кіевскомъ институтѣ, гдѣ она была классной дамой (С. У. В. 1436, 1438, Сборн. капит., III, 31—33. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1892 г., № 49). [3] С. У. В. 1122, 1130. [4] С. У. В. 2138, 2158, Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1904 г., № 45. [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1910 г., № 19. [6] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1910 г., № 57.

тельное Общество поступилъ капиталъ въ 50.000 р., проценты съ котораго должны ежегодно выдаваться, въ видѣ поощренія или пособія, лицамъ воспитательскаго и учебнаго персонала [1]. Въ 1912 году при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ была учреждена стипендія имени бывшаго Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, члена Государственнаго Совѣта, почетнаго опекуна, генерала отъ кавалеріи С. В. Олива. Капиталъ для стипендіи, 12.300 р., былъ собранъ по подпискѣ чинами Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и служащими въ подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ [2].

В. В. ДУРНОВО.

Кромѣ того Высочайше утвержденными положеніями Опекунскаго Совѣта въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ учреждена одна стипендія въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года и одна въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ [3].

Во время Августѣйшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества попрежнему пользуется представленнымъ ему, по волѣ въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодо-

[1] Захарченко. Памяти гр. Пратасова-Бахметева, 116. [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1912 г., № 46. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1913 г., № 48.

вовны, правомъ замѣщенія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ стипендій Ея имени [1].

Число служащихъ въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по административной, воспитательной, учебной и хозяйственной частямъ во время принятія Государыней Цесаревной Маріей Ѳеодоровной Вѣдомства Императрицы Маріи подъ Августѣйшее Свое покровительство равнялось 119 [2]. Приблизительно то же число служащихъ было и въ послѣдующіе годы [3]. Совѣтомъ Общества, а равно Опекунскимъ Совѣтомъ, постоянно принимались мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія служащихъ. Предоставлялись, съ особаго Высочайшаго соизволенія, въ безплатное пользованіе квартиры нѣкоторымъ изъ тѣхъ служащихъ, кому по штату ихъ не было положено назначались разъѣздныя деньги, увеличивались оклады, выдавались единовременныя денежныя награды и пособія [4]; служащимъ женскаго пола было исходатайствовано право, еще состоя на службѣ, записываться кандидатками на поступленіе въ Петербургскій Вдовій Домъ [5]. Были внесены нѣкоторыя измѣненія въ правила назначенія пенсій [6]. Въ 1901 году, въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія штатныхъ служащихъ въ Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, при выходѣ ихъ въ отставку, была учреждена касса Имени Императора Александра III [7]. Въ 1906 году былъ утвержденъ уставъ пенсіонной кассы для вольнонаемныхъ служащихъ по Вѣдомству [8]. Въ 1881 году, по мысли инспектора классовъ П. В. Евстафьева, было разрѣшено учредить при Обществѣ ссудо-сберегательную кассу служащихъ [9].

[1] С.-Петербургское Училище Ордена Св. Екатерины, Павловскій институтъ, С.-Петербургскій Александровскій институтъ, Императорское С.-Петербургское Коммерческое училище, Московское Училище Ордена Св. Екатерины, Московскій Александровскій институтъ, Императорское Московское Коммерческое училище, Харьковскій институтъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1889 г., № 44; Д. 1903 г., № 37, и др. ср. Повелѣніе Императрицы Маріи Александровны 11 іюня 1866 г. (Арх. Совѣта Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи). [2] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 106. [3] См. всеподд. отчеты по Вѣд. учр. Имп. Маріи 1891 г., 1898 и слѣд. годы. [4] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1887 г., № 51; Д. 1891 г., № 6; Д. 1892 г., № 6; Д. 1893 г., № 6; Д. 1894 г., № 6; Д. 1908 г., № 48; Д. 1905 г. № 31. Выс. утв. 7 февр. 1887 г. пол. Опек. Сов. (С. У. В. 662, 664); Выс. утв. 18 іюл. 1884 г. пол. Опек. Сов. (С. У. В. 419); Выс. утв. 11 апр. 1894 г. пол. Опек. Сов. (С. У. В. 1548). [5] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1886 г., № 57. Право это было отмѣнено при изданіи въ 1913 г. новаго устава Петербургскаго Вдовьяго Дома. [6] См. Шванъ, 471 и слѣд., ср. Выс. утв. 6 ноября 1893 г. пол. Опек. Сов. С. У. В. 1486). [7] С. У. В. 1331, 1346, 1354, 1795, 1914, 2514. [8] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1907 г., № 31. [9] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 106; Д. 1898 г., № 42; Д. 1911 г., № 17.

1881 года прислуги числилось 187 человѣкъ, въ послѣдующіе годы число это нѣсколько увеличилось [1]. Женская прислуга, какъ и раньше, набирается изъ питомицъ Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

Свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливенъ, по вступленіи въ должность начальницы Смольнаго, обратила особое вниманіе на положеніе женской прислуги. Она улучшила одежду, бѣлье, столъ, помѣщенія женской прислуги, приложила заботы, чтобы вывести ее изъ того приниженнаго положенія, въ какомъ та раньше находилась. *Для дѣвушекъ устроены правильныя занятія; ихъ обучаютъ* Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ, рукодѣліямъ [2]; устроена особая библіотека книгъ для ихъ чтенія [3]. Со стороны воспитанницъ также сложилось очень хорошее отношеніе къ дѣвушкамъ.

Въ свою очередь дѣвушки съ исключительной преданностью *относятся* къ Смольному и его воспитанницамъ, класснымъ дамамъ, инспектрисамъ, начальницѣ. Является рѣдкимъ исключеніемъ, если дѣвушка не остается долго въ Смольномъ. Большинство служатъ очень долго. Прослужившія 15, 20 и болѣе лѣтъ не оказываются исключеніемъ. Когда въ маѣ 1905 года исполнилось 25 лѣтъ педагогической дѣятельности княжны Е. А. Ливенъ, одна изъ дѣвушекъ написала стихотвореніе, въ которомъ перечислила все, что сдѣлала для дѣвушекъ княжна, начиная отъ улучшенія одежды и оканчивая пріобрѣтеніемъ книгъ для чтенія, обученіемъ грамотѣ, шитью на швейной машинѣ, показываніемъ туманныхъ картинъ и т. д. Особенной трогательностью отличались тѣ строки стихотворенія, гдѣ говорилось, что княжна полюбила дѣвушекъ, какъ дѣтей, внушала хорошія чувства, призывала для бесѣдъ къ себѣ, утѣшала и поддерживала въ горѣ и несчастьяхъ.

Многочисленныя стихотворенія этой дѣвушки являются своего рода лѣтописью Смольнаго. Въ нихъ отразилась вся жизнь Смольнаго и его обитательницъ съ ея заботами, радостями и печалями.

[1] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1881 г., № 103; Д. 1905 г., № 31. Всеподд. отчеты за 1908 и слѣд. годы. [2] Дѣвушки шьютъ воспитанницамъ бѣлье, платья и даже частью обувь. Въ 1912 году дѣвушки Смольнаго сдѣлали для храма въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ художественной работы полотенца и удостоились получить за это благодарность Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. [3] Арх. Имп. Восп. Общ. Д. 1899 г., № 32.

IX.

Торжество 150-лѣтія Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Мая 5-го дня 1914 г. исполнилось 150 лѣтъ со дня основанія Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Смольный задолго готовился къ торжественному празднованію памятнаго для него дня.

Весну 1914 г. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Августѣйшей Семьей проводили въ Крыму, и Государю Императору, передъ отъѣздомъ на югъ, благоугодно было выразить желаніе осчастливить Смольный 20 марта своимъ посѣщеніемъ. Съ этого дня и начались юбилейныя торжества.

На праздникъ въ Смольный 20 марта прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Августѣйшія Дочери Государя Императора Великія Княжны Ольга Николаевна и Татіана Николаевна, Великія Княгини: Марія Александровна, Марія Павловна, Викторія Ѳеодоровна, Анастасія Николаевна, Милица Николаевна, Ксенія Александровна и Ольга Александровна, Княжны: Марина Петровна, Надежда Петровна и Елена Георгіевна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская, Великіе Князья: Кириллъ Владиміровичъ, Петръ

Николаевичъ, Князья: Игорь Константиновичъ, Романъ Петровичъ и Александръ Георгіевичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, Наслѣдный Принцъ Румынскій Фердинандъ, съ Супругою Принцессой Маріей и Принцемъ Каролемъ. Ея Император-

Въ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княжнъ
Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна.

ское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволила наканунѣ извѣстить свѣтлѣйшую княжну Е. А. Ливенъ, что по нездоровью лишена возможности прибыть въ Смольный на празднество.

На празднествѣ присутствовали начальницы петербургскихъ институтовъ, Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ, Товарищъ

Главноуправляющаго, д. ст. сов. В. К. Кистеръ, почетные опекуны, лица свиты Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ, итальянскій посолъ и другія высокопоставленныя лица, воспитанницы съ учебно-воспитательскимъ персоналомъ и бывшія смолянки, начиная съ выпуска 1848 г. Торжество 20 марта хотя и было парадным, но въ то же время отличалось семейнымъ характе-

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
МАРІЯ ПАВЛОВНА.

ромъ, во многомъ напоминая тѣ блестящіе и въ то же время семейные праздники, какіе часто устраивались въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ во времена Императрицы Екатерины II, когда Великая Основательница пріѣзжала въ милый ея сердцу Смольный, окруженная свитой фрейлинъ, вельможъ и пословъ, и запросто проводила часы и вечера въ тѣсной и дружной семьѣ смолянокъ.

Къ счастливому для смолянокъ дню 20 марта 1914 г. онѣ готовились какъ празднику; каждая по своему мечтала объ этомъ днѣ, ждала и готовилась къ нему.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ ждала я четверга, 20-го марта,—пишетъ въ своихъ запискахъ одна изъ воспитанницъ IV класса,—мнѣ казалось, что время страшно тянется и заѣтный день никогда не настанетъ. Но вотъ онъ насталъ, памятный, счастливый день, когда я впервые увидѣла Государя».

«Мнѣ не вѣрилось,—пишетъ воспитанница VII класса,—что къ намъ пріѣдетъ Государь: я боялась, вдругъ ему что нибудь помѣшаетъ пріѣхать!».

«20 марта я проснулась рано утромъ—пишетъ другая воспитанница VII класса; — кругомъ было еще совсѣмъ тихо; мои сосѣдки спали. Я была такъ счастлива, что сегодня увижу Государя, что начала прыгать по кровати, разбудила свою сосѣдку и мы вмѣстѣ стали прыгать и смѣяться отъ радости».

«Мы встали въ половинѣ восьмого,—пишетъ одна изъ воспитанницъ VII класса,—одѣлись и рѣшили убирать ящики съ умывальными вещами, думая, что Государь посмотритъ ящики».

Время до завтрака тянулось безконечно. «Наша классная дама читала намъ разсказъ, чтобы мы не мѣшали и не надоѣдали всѣмъ—пишетъ одна изъ воспитанницъ,—но я совсѣмъ не слушала, все время вертѣлась и думала только о томъ, какъ бы скорѣе провести время до трехъ часовъ, когда ожидали Государя».

«Послѣ завтрака мы пошли въ дортуаръ причесываться и переодѣваться къ концерту,—пишетъ одна изъ воспитанницъ младшаго класса;—классная дама стала распускать танцующимъ локоны изъ папильотокъ и повела ихъ въ комнату инспектрисы надѣвать костюмы. Когда всѣ были готовы, намъ велѣли смирно сидѣть на скамейкахъ, чтобы не уставать. Но я не могла спокойно сидѣть. Мнѣ было весело и страшно».

Прекрасный бѣлый актовый залъ Воспитательнаго Общества, одно изъ вдохновенныхъ созданій Кваренги, былъ убранъ зеленью и тропическими растеніями.

Съ двухъ часовъ залъ сталъ постепенно наполняться. За рядами старинныхъ креселъ, приготовленныхъ для Высочайшихъ Особъ, были отведены мѣста для бывшихъ воспитанницъ; между колоннами размѣстился педагогическій персоналъ. Половину зала у колонъ, отъ креселъ Высочайшихъ Особъ и до

дверей въ коридоръ заняли воспитанницы всѣхъ классовъ, причемъ середина зала оставалась свободной для концерта и танцевъ.

Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволили прибыть въ 3 часа дня и были встрѣчены на главномъ подъѣздѣ Главноуправляющимъ, почетными опекунами, д. т. сов. А. С. Ермоловымъ и гофмейстеромъ Высочайшаго Двора С. А. Де-Каррьеромъ, а на верхней площадкѣ лѣстницы начальницей Смольнаго института, свѣтлѣйшей княжной Е. А. Ливенъ.

Приглашеніе на праздникъ 20 марта.

«Мы, танцующія, стояли позади всѣхъ, у оконъ,—пишетъ воспитанница VI класса,—и могли видѣть, какъ къ подъѣзду подъѣзжали кареты и автомобили. Съ біеніемъ сердца слѣдила я за каждой каретой, каждымъ автомобилемъ, думая: вотъ пріѣхалъ Государь. Наконецъ, подъѣхали нѣсколько автомобилей одинъ за другимъ... Черезъ нѣсколько минутъ по залу пронесся сдержанный шопотъ:

«Государь пріѣхалъ!».

«*Мигомъ замерло бурное море бывшихъ смолянокъ*,—пишетъ въ Дневникѣ воспитанница выпускного класса,—и всеобщее вниманіе сосредоточилось на входной двери. Сильно бились наши сердца. Наконецъ, двери распахнулись и въ залъ вошли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна въ сопровожденіи Высочайшихъ Особъ и свиты».

«Медленной, ровной поступью Ихъ Величества и Августѣйшіе Гости направились къ кресламъ, привѣтливой улыбкой и движеніемъ головы отвѣчая на наши поклоны».

«Всѣ четыреста воспитанницъ низко присѣли, какъ одна,—пишетъ воспитанница VI класса,—и свѣтлая радостная улыбка

Воспитанница IV кл. Ю. Гурецкая прочла слѣдующее стихотвореніе собственнаго сочиненія:

ПРИВѢТЪ ЦАРЮ.

Привѣтъ Тебѣ, Великій Государь!
Давно мы ждали этотъ день счастливый,
И онъ настало: предъ нами Русскій Царь,
Такъ нами искренно любимый!
Позволь же намъ привѣтствовать Тебя
Изъ глубины восторженныхъ сердецъ,
Какъ могутъ только дочери, любя,
Тебя привѣтствовать, Великій нашъ Отецъ!
Есть въ жизни нашей мигъ,
Есть чудное мгновенье,
Которое, промчавшись, улетитъ,
Но чувство сладкаго, тревожнаго волненья,
Все жъ живо, все жъ душа его хранитъ!
Пускай пройдутъ года, пусть время, врагъ жестокій,
Все унесетъ: и юность и мечты, —
Всегда, всю жизнь, и въ старости глубокой
Мгновенья свѣтлаго останутся слѣды.
И эти сладкія и дивныя мгновенья
Мы всѣ съ восторгомъ будемъ вспоминать,
И въ старости своей, въ глубокомъ умиленьи
Счастливыя минуты воскрешать.
И въ этотъ день великій мы лучами
Россіи Солнца всѣ согрѣты,
И въ души дѣтскія глубокими корнями
Неизгладимые посажены слѣды.
И какъ природа мигомъ оживаетъ,
Займется на небѣ лишь ясная заря,
Такъ въ юныхъ душахъ счастье пробуждаетъ
Одинъ лишь взглядъ Великаго Царя!

Концертъ закончился танцами. Воспитанницы выпускного класса исполнили традиціонные полонезъ, менуэтъ, гавотъ и мазурку, какъ эти танцы исполняются, по издавна сложившемуся въ Смольномъ обычаю, выпускнымъ классомъ на прощальномъ вечерѣ.

Распахнулись двери въ коридоръ, воспитанницы, всѣ въ бѣломъ, попарно за руку выходятъ подъ звуки полонеза въ залъ, танцуютъ менуэтъ, гавотъ, мазурку и, постепенно отступая назадъ, снова какъ то неожиданно скрываются за дверями. Двери

сильева, «свѣтикъ», какъ зовутъ ее всѣ воспитанницы, поднесла Государю Императору икону св. Николая Чудотворца, писаную одной изъ бывшихъ смоляночекъ, отъ имени всѣхъ бывшихъ воспитанницъ, какъ «знакъ молитвъ всѣхъ бывшихъ смоляночекъ за своего обожаемаго Государя».

Изъ церкви Ихъ Величества прошли въ лазаретъ.

«Какая радость была для всѣхъ насъ, больныхъ, когда надзирательница сказала, чтобы мы шли въ столовую, куда придетъ Государь, — пишетъ воспитанница VI кл., бывшая въ этотъ день въ лазаретѣ.—Въ два часа всѣ больныя изъ лазаретовъ всѣхъ возрастовъ пришли въ столовую. Всѣ были очень взволнованы. Нѣсколько разъ намъ казалось, что Государь идетъ. Мы вскакивали съ мѣстъ, становились въ рядъ и каждая повторяла слова, какими, ей казалось, она должна отвѣтить Его Величеству, если Государь Императоръ удостоитъ вопроса. Наконецъ намъ сдѣлали знакъ, что Государь идетъ. Мы всѣ думали, что Государь войдетъ первымъ, весь увѣшанный орденами. Ожиданія наши не оправдались. Первой вошла Императрица Марія Ѳеодоровна, за нею многіе почетные гости. Наконецъ, мы увидѣли Его, и насъ очень удивило, что Государь былъ одѣтъ очень просто. Государь прежде всего подошелъ къ маленькой воспитанницѣ VII кл., сидѣвшей въ креслѣ. Государь спросилъ, чѣмъ эта дѣвочка больна, какъ она себя чувствуетъ, не скучаетъ ли въ лазаретѣ. Когда всѣ ушли, мы долго еще не могли притти въ себя и не вѣрили, что дѣйствительно имѣли счастье видѣть нашего дорогого Государя».

«Его Величеству очень понравился лазаретъ «бѣлыхъ», — пишетъ въ институтскомъ Дневникѣ воспитанница выпускного класса, — съ его художественно расписанными потолками и вообще вся архитектура лазарета. Его Величество указалъ намъ, что Смольный соборъ, твореніе великаго Растрелли, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ архитектурныхъ памятниковъ Петербурга, что иностранцы, осматривающіе нашу столицу, всегда пріѣзжаютъ осматривать Смольный и поражаются его художественной красотой».

Ихъ Величества, въ сопровожденіи всѣхъ почетныхъ гостей и начальствующихъ лицъ Смольнаго, направились въ столовую, гдѣ уже были накрыты столы для обѣда воспитанницъ. Государь Императоръ изволилъ поднять бокалъ за здоровье Августѣйшей Покро-

и Царской Семьѣ, такъ ярко вспыхнувшій 20-го марта, горитъ и будетъ горѣть въ сердцахъ смолянокъ, и нѣтъ силы, которая могла бы поколебать его пламя!».

Юбилейныя торжества возобновились въ маѣ.

«Наканунѣ дня юбилея, 1 мая, мы, первый классъ, и пепиньерки ѣздили въ Петропавловскую крѣпость на панихиду по державной Основательницѣ нашего института — Императрицѣ Екатеринѣ II и въ Бозѣ Почившихъ Августѣйшихъ его Покровителяхъ и Покровительницахъ, — пишетъ въ институтскомъ Дневникѣ воспитанница выпускного класса.—Утромъ въ этотъ день послѣ литургіи въ институтской церкви была панихида по всѣмъ Августѣйшимъ Покровительницамъ нашего института. Около часу дня мы стали размѣщаться по экипажамъ.

Когда всѣ размѣстились, впередъ проѣхалъ экипажъ княжны, а за нимъ потянулся цугъ изъ двадцати открытыхъ колясокъ. Всѣ мы были въ бѣлыхъ пляпахъ и бѣлыхъ пелеринахъ. День былъ солнечный, яркій, несмотря на рѣзкій вѣтеръ, было жарко. Почти послѣ часа пути, въѣхали, наконецъ, въ ворота крѣпости. Какой стариной вѣетъ отъ самыхъ стѣнъ крѣпости! Здѣсь чувствуется духъ далекаго прошлаго.

Мы вошли въ соборъ и встали у праваго клироса. Въ соборъ съѣхалось уже много бывшихъ смолянокъ разныхъ выпусковъ. Тутъ были и кончившія институтъ при насъ, были и такія, которыхъ не только не зналъ никто изъ насъ, но и сами онѣ давно забыли, когда носили форменныя камлотовыя платья.

Петропавловскій соборъ, съ множествомъ гробницъ, на которыхъ теплились таинственные огоньки лампадъ, съ высокими стѣнами, увѣшанными вѣнками, съ узкими окнами, пропускающими мало свѣта даже въ яркій солнечный день, — произвелъ на насъ суровое впечатлѣніе.

Мы возложили на гробницы Императрицъ Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны вѣнки; бывшими смолянками также были возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ.

Вскорѣ послѣ насъ пріѣхали Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ

Императрицы Маріи, статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ и нашъ почетный опекунъ А. С. Ермоловъ. Къ началу панихиды прибыла Августѣйшая смолянка Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна.

Началась панихида. Необычно звучали голоса нашихъ пѣвчихъ, воспитанницъ. Настроеніе у всѣхъ было сосредоточенное и торжественное.

Послѣ панихиды мы снова сѣли въ коляски и двинулись въ обратный путь. Насъ то и дѣло обгоняли бывшія смолянки, кланялись и улыбались намъ, вѣроятно вспоминая минувшее время, когда сами онѣ ѣздили такъ въ экипажахъ.

Въ институтъ мы вернулись въ четыре часа».

Послѣ панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, бывшія смолянки собрались въ Казанскій соборъ, гдѣ была отслужена панихида по Императрицамъ Екатеринѣ II, Маріи Ѳеодоровнѣ, Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Маріи Александровнѣ и П. И. Бецкомъ. На этой панихидѣ также присутствовала Великая Княгиня Милица Николаевна.

День 150-лѣтняго юбилея Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ 5 мая 1914 г. начался торжественнымъ богослуженіемъ въ «дѣтской» церкви Смольнаго. «5-е мая, какъ и вообще всѣ послѣдніе дни, проведенные подъ кровомъ роднаго института, день полный различныхъ впечатлѣній и яркихъ переживаній,—пишетъ въ институтскомъ Дневникѣ воспитанница выпускного класса. — Въ этотъ день послѣдній разъ [1] въ жизни мы, выпускныя, всѣ собрались въ нашей дорогой церкви для общей молитвы, и судьбѣ было угодно, чтобы эта молитва была особенно торжественной. Обѣдню служилъ высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ. Но не только благодаря особой торжественности, сопровождающей митрополичью службу, послѣдняя наша обѣдня произвела на насъ, выпускныхъ, неизгладимое, глубокое впечатлѣніе. Всѣ мы сознавали, а еще больше чувствовали, что эта молитва послѣдній разъ соединила насъ, что послѣдній разъ мы молимся дружной семьей, всѣ имѣстѣ, что черезъ недѣлю судьба разсѣетъ насъ по бѣлу свѣту, укажетъ каждой свой путь, свои задачи...

[1] Выпускные экзамены въ 1914 г. кончились въ день юбилея, и юбилейныя торжества для экзаменующихъ совпали съ выпускными.

Булыгинъ въ Совѣтной роздалъ нѣкоторымъ изъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала бриллiантовыя броши и другiе подарки, Всемилостивѣйше пожалованные Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

«Актъ былъ обставленъ очень торжественно,—пишетъ въ Дневникѣ одна изъ выпускныхъ воспитанницъ.—Въ нашемъ бѣломъ залѣ, возлѣ дверей въ коридоръ, была устроена эстрада. На ней за столомъ заняли мѣста Главноуправляющiй Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярiею по учрежденiямъ Императрицы Маріи, статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ, наша княжна и нашъ почетный опекунъ А. С. Ермоловъ. По сторонамъ сидѣли инспектрисы, инспекторъ классовъ, секретарь Совѣта. Сзади всталъ весь бѣлый, выпускной, классъ. Залъ былъ украшенъ зеленью, на эстрадѣ была устроена каѳедра для чтенiя адресовъ отъ многочисленныхъ депутацiй, явившихся на праздникъ въ Смольный.

Въ первомъ ряду креселъ заняли мѣста высокопреосвященный митрополитъ Владiмiръ, Великая Княгиня Милица Николаевна и почетные гости; въ прочихъ рядахъ размѣстились родители и родственники выпускныхъ, педагогическiй персоналъ и цѣлое море бывшихъ смолянокъ. Воспитанницы были размѣщены возлѣ колонны.

Передъ началомъ акта выпускныя пропѣли «Христосъ Воскресе» и гимнъ: «Боже, Царя храни!», послѣ чего митрополитъ Владiмiръ вручилъ свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Ливенъ икону, въ знакъ благословенiя Его Высокопреосвященства Смольному».

Торжественный актъ открылъ Главноуправляющiй Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярiею по учрежденiямъ Императрицы Маріи, статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ чтенiемъ Высочайшей Грамоты, Всемилостивѣйше дарованной Государемъ Императоромъ Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ по случаю 150 лѣтъ со дня основанiя:

«Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ».

«Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Блаженныя памяти Императрица Екатерина Вторая, полагая, что «корень всему добру

воспитаніе», въ заботахъ о благѣ государственномъ, повелѣла учредить въ новостроящемся Санктпетербургскомъ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ первое въ Россіи правильно устроенное женское воспитательно-учебное заведеніе—Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ».

«Поставленное, по волѣ Императрицы, внѣ круга государственныхъ установленій, Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Монархини, среди царственныхъ заботъ Своихъ объ усовершенствованіи государственнаго управленія не оставлявшей попеченіемъ призваннаго Ею къ жизни воспитательно-учебнаго заведенія, коему суждено было стать зерномъ всего женскаго воспитанія и образованія въ Нашемъ Отечествѣ».

«По кончинѣ Императрицы Екатерины, Августѣйшей Супругѣ Императора Павла I Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было взять на Себя трудъ непосредственнаго управленія Воспитательнымъ Обществомъ. Истинно-материнское Ея отношеніе къ сему заведенію, непреставное Личное участіе во всѣхъ сторонахъ его дѣятельности, щедрыя матеріальныя пожертвованія Ея на усовершенствованіе учебно-воспитательной и хозяйственной частей заведенія сообщили ему прочную устойчивость, послужившую залогомъ его полнаго процвѣтанія».

«Преемственное засимъ ближайшее руководительство Императорскимъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ его Августѣйшихъ Покровительницъ, а также Державныя заботы о немъ Монарховъ способствовали дальнѣйшему его благосостоянію и обезпечили возможность выпускать изъ своихъ стѣнъ дѣвушекъ, воспитанныхъ на твердыхъ началахъ христіанской нравственности, преданныхъ Престолу и подготовленныхъ къ служенію Родинѣ на всѣхъ поприщахъ жизни. Отъ королевскаго дворца до скромной доли сельской учительницы, въ семьѣ, въ области дѣятельности ученой, учебной, воспитательской, благотворительной, литературной, художественной, среди врачей и сестеръ милосердія имена воспитанницъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ занимаютъ почетное мѣсто, а нѣкоторыя изъ нихъ жизнью своею запечатлѣли служеніе ближнему».

«Въ блестящемъ положеніи Воспитательнаго Общества Мы имѣли случай Лично убѣдиться при посѣщеніи въ

мартѣ мѣсяцѣ текущаго года сего заведенія, которое достигло нынѣ новыхъ успѣховъ въ отношеніи постановки воспитанія умственнаго и эстетическаго образованія, а также охраны и развитія физическаго здоровья учащихся».

Статсъ-Секретарь
А. Г. БУЛЫГИНЪ.

«Относя сіи успѣхи всецѣло къ попеченіямъ о Воспитательномъ Обществѣ Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ теченіе значительной части послѣдняго полувѣка горячо принимавшей къ сердцу заботы о благѣ этого заведенія и направлявшей дѣятельность его Своими просвѣщенными указаніями, Мы, въ ознаменованіе многолѣтнихъ и неусыпныхъ трудовъ Ея Величества на пользу близкаго Намъ Императорскаго Воспитательнаго Общества, повелѣли нынѣ учредить въ оном 20 безплатныхъ сверхкомплектныхъ вакансій Августѣйшаго Ея Величества Имени, съ тѣмъ, чтобы замѣщеніе ихъ производилось по правиламъ, кои Ея Величеству благоугодно будетъ установить».

«Пребывая въ твердой увѣренности, что и впредь Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, вѣрное преданіямъ славнаго своего прошлаго, съ честью и достоинствомъ будетъ выполнять свою высокую задачу, Мы съ признательностью вспоминаемъ заслуги всѣхъ потрудившихся на благо Воспитательнаго Общества и выражаемъ искреннюю благодарность Нашу начальствующимъ лицамъ, а равно Мо-

наршее благоволеніе всѣмъ нынѣ въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ служащимъ. На воспитывающихся же въ немъ дѣтей и на дальнѣйшія судьбы его призываемъ благословеніе Всевышняго».

«Николай».

«Ливадія, 5 Мая 1914 г.».

Вслѣдъ за Высочайшей грамотой, статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ прочелъ Высочайшій рескриптъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя свѣтлѣйшей княжны Е. А. Ливенъ:

«Княжна Елена Александровна. Начавъ въ 1880 году службу въ дорогихъ Моему сердцу учрежденіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи, сначала въ должности Главной Воспитательницы Московскаго Александринскаго малолѣтняго сиротскаго училища и затѣмъ Начальницы Московскаго Елисаветинскаго училища, вы были въ 1895 году Мною призваны стать во главѣ старѣйшаго въ Россіи питомника женскаго образованія—Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Ваша просвѣщенная свыше 34-лѣтняя дѣятельность, направленная къ совершенствованію постановки ввѣреннаго вамъ дѣла, всегда обращала на себя Мое особое вниманіе. Сердечною заботливостью о дѣтяхъ и гуманнымъ отношеніемъ къ воспитательскому персоналу вы снискали себѣ ихъ любовь и довѣріе, образцовымъ же отношеніемъ къ исполненію служебныхъ обязанностей и рѣдкою энергіею, проявляемыми вами, не взирая на переживаемое за послѣднее время семейное горе и болѣзненное состояніе, вы показываете служащимъ и воспитываемымъ достойный примѣръ неуклоннаго исполненія долга».

«Нынѣ, въ знаменательный день 150-лѣтняго юбилея Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ блестящемъ состояніи коего Я лично неоднократно убѣждалась, Мнѣ особенно отрадно выразить вамъ Мою сердечную признательность и, въ знакъ особаго Моего благоволенія, жалую вамъ Мой настольный портретъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонною.

Любящая Васъ Марія».

«5 Мая 1914 г.».

Послѣ чтенія рескрипта статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ вручилъ княжнѣ Е. А. Ливенъ Всемилостивѣйше пожалованный Ея Величествомъ портретъ, усыпанный бриліантами. Затѣмъ былъ оглашенъ текстъ телеграммъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору, пребывавшему съ Августѣйшею Семьею въ Крыму, и Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, имѣвшей пребываніе въ Лондонѣ, и прочтены привѣтственныя телеграммы Смольному:

Августѣйшей смолянки, Ея Королевскаго Величества Королевы Италіи Елены:

«Le très cher souvenir que je garde toujours du temps passé au collège de Smolna m'amène à m'associer de tout coeur aux fêtes jubilaires du 150-ème anniversaire de sa fondation; présente par la pensée à la cérémonie d'aujourd'hui je prie votre excellence de bien vouloir se faire l'interprète de mes cordiales félicitations et de mes voeux les plus chaleureux pour la prospérité de l'Institut».

«Elénа».

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, пребывавшей за границей:

«Félicitations sincères».

«Marie Pavlovna».

Августѣйшей смолянки, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Николаевны, имѣвшей пребываніе въ Крыму:

«Къ наступающему двухстопятидесятилѣтняго юбилея основанія Смольнаго института шлю мои самыя сердечныя душевныя пожеланія дальнѣйшаго его процвѣтанія. На всю жизнь сохраню въ своемъ сердцѣ благодарнѣйшую память, какъ бывшая воспитанница, о времени, проведенномъ въ стѣнахъ Смольнаго института. Въ его стѣнахъ прирожденное чувство черногорки—любовь къ Россіи окрѣпло и стало сознательнымъ. Глубоко сожалѣю, что, при всемъ искреннѣйшемъ желаніи, не могу лично присутствовать на юбилейномъ торжествѣ и присоединить мою горячую молитву, дабы Богъ сохранилъ Смольный институтъ на пользу Россіи, давая дорогой Родинѣ истинно русскихъ женщинъ».

«Анастасія».

ского Женскаго Медицинскаго Института, С.-Петербургскихъ и Царскосельской женскихъ гимназій, С.-Петербургской Константиновской женской гимназіи, Императорскаго С.-Петербургскаго Коммерческаго училища, С.-Петербургскаго, Московскаго, Лифляндскаго, Новгородскаго, Псковскаго, Симбирскаго, Смоленскаго, Ставропольскаго, Тульскаго дворянствъ, С.-Петербургскаго Городского Общественнаго Управленія, Московскаго Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ [1] и отъ бывшихъ смолянокъ.

Во всѣхъ адресахъ и рѣчахъ, которые читались и произносились депутаціями, изображались заслуги Смольнаго въ исторіи русскаго просвѣщенія и выражались пожеланія дальнѣйшаго блестящаго процвѣтанія.

Чувствомъ трогательной любви и благодарности къ воспитавшему ихъ воспитательно-учебному заведенію было согрѣто привѣтствіе Смольному его бывшихъ воспитанницъ.

«На далекой окраинѣ города, подъ сѣнью женскаго Воскресенскаго монастыря—говорилось въ адресѣ смолянокъ—зародилось полтора вѣка тому назадъ учрежденіе, славный исторический юбилей котораго призваны мы справить сегодня. Задуманное великимъ государственнымъ умомъ Великой Екатерины, проведенное въ жизнь ея неустанными трудами и мечтой создать, путемъ воспитанія, «новую породу людей», наше Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ оказалось не на пескѣ построеннымъ зданіемъ».

«Много, много лѣтъ пронеслось надъ его роднымъ старымъ кровомъ, мѣнялись въ немъ формы жизни, мѣнялись, конечно, и самые люди, но неизмѣнными, непоколебимыми оставались тѣ нравственные устои, которые, какъ краеугольный камень, были полтора вѣка тому назадъ заложены въ основу воспитанія русской женщины и затѣмъ преемственно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Дѣтски-ясная вѣра въ Бога, горячая любовь къ родинѣ, безавѣтная преданность Престолу и высокій культъ семьи,—вотъ тѣ начала, съ которыми, какъ съ напутственнымъ благословеніемъ, выпускалъ изъ своихъ стѣнъ нашъ институтъ каждую покидавшую его смолянку. Жизнь затѣмъ могла дѣлать свое, иногда злое, разрушительное, дѣло, но въ душѣ каждой изъ насъ не переставалъ тлѣть тотъ свя-

[1] Тексть адресовъ см. т. III.

щенный, зароненный въ нее когда-то огонь, благодаря которому, гдѣ бы ни встрѣтились смолянки, онѣ, какъ сестры, близки другъ-другу по духу и воспитанію».

«И вотъ сегодня, дружно сплоченной семьей, пришли мы въ эти родныя любимыя стѣны сказать взрастившему насъ институту спасибо: здѣсь научили насъ молиться, здѣсь насъ воспитывали какъ русскихъ дѣтей, и, неизмѣнно будя въ насъ откликъ на всѣ событія, волновавшія родину, тѣмъ самымъ затеплили неугасимую любовь къ ней; здѣсь, путемъ строгой дисциплины и твердыхъ разумныхъ требованій, въ насъ выработали любовь къ труду и порядку и то высокое сознаніе долга, которое впослѣдствіи, вмѣстѣ съ запасомъ пріобрѣтенныхъ знаній, явилось для насъ неоцѣнимой опорой въ жизни. Здѣсь, наконецъ, мы видѣли милостивое вниманіе къ намъ Монарховъ, яркимъ лучомъ озарившее наше счастливое, беззаботное дѣтство».

«Да, многое сдѣлалъ для меня институтъ», можетъ съ глубокимъ, искреннимъ убѣжденіемъ сказать каждая изъ насъ, съ благодарностью оглянуться на пройденный путь и благоговѣйно преклониться предъ незабвенными именами какъ Высокихъ Покровительницъ Смольнаго, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто потрудился надъ нашимъ воспитаніемъ».

«И куда бы, въ какой далекій уголъ необъятной Россіи, даже за рубежъ ея, ни закинула насъ судьба, мы—начинающія ли жизнь или уже сводящія ея послѣдніе итоги—всегда и вездѣ твердо помнимъ, что тамъ, въ Петербургѣ, высится какъ маякъ одно безконечно дорогое и родное намъ зданіе. Тамъ, въ красивой, величавой рамкѣ художественнаго творенія Растрелли, провели мы лучшую пору жизни; тамъ зарождалась, росла и крѣпла такая дружба, равной которой мы не встрѣчали уже потомъ въ свѣтѣ; тамъ, наконецъ, не разлученныя еще различными условіями жизни, мы были только смолянками, только дѣтьми одной большой, дружной семьи, которая сегодня пришла привѣтствовать свой родной институтъ и пожелать ему еще вѣка служить путеводной звѣздою тѣмъ, кто придетъ намъ на смѣну, и кто, какъ мы, будетъ имѣть счастье называться смолянками».

Во время чтенія адреса отъ бывшихъ смолянокъ къ депутаціи изъ бывшихъ воспитанницъ присоединилась Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна.

ствѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, подъ сѣнью родного Института, Вы учредили наше Общежитіе, объединяя въ Вашихъ заботахъ смолянокъ всѣхъ временъ и возрастовъ».

«За эту-то Вашу любовь, за эти заботы примите, наша родная книжка, отъ «Вашихъ дѣвочекъ», какъ Вы называли насъ, сердечное, горячее спасибо. И да пошлетъ Вамъ Господь побольше силъ, успѣха, душевнаго удовлетворенія, свѣтлыхъ радостей въ любимомъ Вами дѣлѣ».

«Воспитанницы выпусковъ 1895—1913 годовъ».

«5 Мая 1914 г.».

Въ заключеніе былъ оглашенъ перечень адресовъ, полученныхъ изъ другихъ городовъ, многочисленныхъ телеграфныхъ и письменныхъ привѣтствій отъ правительственныхъ учрежденій, благотворительныхъ обществъ, учебныхъ заведеній, почетныхъ лицъ, бывшихъ воспитанницъ и др. [1].

Юбилейный актъ закончился въ пятомъ часу.

На слѣдующій послѣ акта день Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ удостоился получить Высочайшую телеграмму Его Императорскаго Величества Государя Императора слѣдующаго содержанія:

«Передайте Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ мою благодарность за выраженныя Мнѣ чувства вѣрноподданнической преданности».

«Николай».

Одновременно Императорское Воспитательное Общество осчастливлено было Всемилостивѣйшей телеграммой своей Августѣйшей Покровительницы, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны:

«En ce jour sollenel toutes mes pensées sont à Smolna. Je demande à Dieu que la superbe Communauté des demoiselles nobles continue toujours à répandre parmi vos jeunes filles les bienfaits de la science et de la bonne éducation. Je remercie de tout coeur

[1] Перечень см. т. III.

le personnel, les anciennes et actuelles élèves pour leurs voeux et sentiments exprimés et leur souhaite à tous bonheur et succès dans la vie. Que Dieu les bénisse».

«Marie».

Юбилейныя торжества въ Смольномъ завершились 7 мая концертомъ и баломъ, которые явились прощальными для выпускныхъ воспитанницъ.

«Въ 8 часовъ вечера всѣ классы стали собираться въ залъ,—пишетъ въ Дневникѣ воспитанница выпускного класса.—Нашъ огромный бѣлый залъ, освѣщенный всѣми люстрами, убранный зеленью, съ безконечными рядами креселъ и стульевъ, имѣлъ торжественный, праздничный видъ. Въ 8½ ч. мы всѣ были на мѣстахъ, и публика — родственники выпускныхъ и бывшія смолянки—быстро наполнила залъ.

Передъ самымъ началомъ концерта вдругъ распахнулись двери, и въ залъ вошла Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна съ Августѣйшими Дочерьми, Княжнами Мариной Петровной и Надеждой Петровной. На мигъ все замерло, затѣмъ мы радостно привѣтствовали Высокихъ гостей.

Ихъ Высочества заняли мѣста, имъ преподнесли программы и концертъ начался».

Въ первомъ отдѣленіи концерта, по традиціи, участвовали, главнымъ образомъ, выпускныя воспитанницы; второе отдѣленіе явилось повтореніемъ части историческаго концерта, исполненнаго воспитанницами въ Высочайшемъ присутствіи 20 марта.

Послѣ концерта начался балъ.

«Этотъ балъ, по своимъ приготовленіямъ, походилъ на нашъ первый балъ въ январѣ, — пишетъ въ Дневникѣ воспитанница выпускного класса. — Мы ждали его съ нетерпѣніемъ. Но къ чувству радости примѣшивалась печаль отъ сознанія, что это — нашъ прощальный вечеръ. Непринужденное веселье царило въ нашемъ бѣломъ залѣ, танцы были оживленные, кругомъ намъ улыбались родные, знакомые, подруги, но мы, выпускныя, среди веселья не забывали, что это нашъ послѣдній балъ въ родномъ Смольномъ. Намъ было весело, но не было той беззаботности, съ какой мы танцовали въ январѣ. Невольно

думалось, что для многихъ изъ насъ этотъ балъ будетъ послѣднимъ не только въ институтѣ, что суровая дѣйствительность завтра вступитъ въ свои права, что многихъ изъ насъ ждетъ не беззаботное веселье, а трудовая тяжелая жизнь».

«Послѣдній нашъ балъ», съ горькимъ чувствомъ думала каждая изъ насъ и становилось какъ то особенно жаль и нашу княжну, и подругъ, и даже эти милыя бѣлыя стѣны, столько лѣтъ оберегавшія насъ отъ жизненныхъ невзгодъ».

Указатель личныхъ именъ [1]).

А.

Адлербергъ, графиня II, 479.

Адлербергъ, Юлія Федоровна I, 374-375, 377—380, 384—385, 393—394, 397, 403, 415—416, 419—422, 424, 426—428, 430—432, 435—437, 440, 446—447, 449, 461—462, 465, 468, 470, 473, 478—481, 483—485, 487—492, 494—501, 506, 519, 522—533, 535—540, 547—549, 552, 555, 565, 567, 577, 579—583, 585—587, 590, 599, 609, 618; II, 6, 11—13, 20—24, 40, 88, 98, 139, 141, 147, 141 (2) 161, 179, 247.

Адлербергъ, графъ, министръ Императорскаго Двора II, 392, 418.

Акулина, воспитанница Мѣщанскаго училища I, 165.

Алашеева, А., смолянка II, 608.

Александра Іосифовна, Великая Княгиня II, 154, 156, 210, 376, 384.

Александра Николаевна, Великая Княжна II, 40, 100—101, 147, 154, 163, 177.

Александра Павловна, Великая Княгиня I, 304, 313, 383; II, 246.

Александра Θеодоровна, Императрица, Августѣйшая Супруга Императора Николая Павловича I, 532, 544, 618; II, 6, 7—11, 13—16, 18—20, 22—23, 25—26, 28, 36, 38—39, 41—42, 47, 49, 59, 67, 71, 75, 78—79, 82, 84—86, 88, 90, 96, 98—100, 102—103, 114, 116, 121—123, 125—128, 130, 134, 140, 144, 147—148, 150—154, 162, 165—166, 171, 173, 175, 177—179, 183, 186, 189—190, 192, 196, 198, 208, 215—217, 226, 232, 245—247, 249—250, 253—257, 261—263, 265—268, 270, 274, 276—279, 307, 313, 345—346, 363, 367, 375, 386, 390, 395, 411, 418, 425, 433, 523.

Александра Θеодоровна, Государыня Императрица, Августѣйшая Супруга Государя Императора Николая Александровича II, 496, 508, 522, 523, 564—565, 601—602, 608.

Александрова, воспитанница Мѣщанскаго училища I, 180.

Александръ Александровичъ, Государь Императоръ II, 384, 392, 398, 449, 464, 476, 521—522, 524—526, 536, 544, 548—549.

Александръ Георгіевичъ, Князь Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій II, 602.

Александръ Македонскій I, 236.

Александръ Михаиловичъ, Великій Князь II, 530.

Александръ Николаевичъ, Государь Императоръ I, 382, 384; II, 44, 97, 105—106, 216, 252, 263, 265, 266, 318, 329, 330, 339, 342, 345, 347, 360, 376, 380—381, 385—387, 392, 396, 398—399, 404, 411, 418—419, 430, 439, 453, 508, 534, 544, 578.

Александръ Павловичъ, Государь Императоръ I, 293, 359, 362—363, 368, 372, 375—376, 381—382, 392, 398—399, 418—419, 467, 514, 528—529, 537, 544, 553, 555—556, 600, 607, 618; II, 5, 9, 198, 201, 203, 435, 535, 581.

[1]) Указатель составленъ, подъ руководствомъ Е. Ф. Гутъ, воспитанницами старшаго педагогическаго класса Императорскаго Воспитательнаго Общества: Т. І. Бордье, К. А. Воробьевой, А. М. Грековой, М. П. Деморъ, А. П. Дмитріевой, Л. М. Ивановой, А. М. Липишевой, Л. М. Мясоѣдовой, Ю. А. Палицыной, Н. В. Пожидаевой, В. В. Сташевской, З. Г. Чепурновой, Н. Ш. Шамиль; младшаго педагогическаго класса: Е. Б. Видиасъ, М. А. Воробьевой, М. М. Грековой, М. Г. Джуричичъ, Л. Н. Дорошевской, К. Г. Жаховской, Д. Н. Ивановой, графини И. С. Каменской, Т. Л. Лишиной, Е. В. Палтовой, К. А. Тюнеговой, З. В. Чижиковой, Н. С. Чистоткиной.

Александръ Петровичъ, Принцъ Ольденбургскій I, 150, 620; II, 441, 508.
Алексѣй Александровичъ, Великій Князь II, 392, 398.
Алексѣевскій, И. М. II, 416.
Алымова, Г. И. I, 81, 175, 176, 179, 286; II, 607.
Альбединская, смолянка I, 420.
Аллесъ преподаватель Смольнаго II, 287.
Амалія, Императрица Австрійская I, 45.
Амвросій, архіепископъ I, 75.
Амвросій, митрополитъ I, 514 (2).
Амосовъ, генералъ-маіоръ II, 234.
Анастасія Николаевна, Великая Княгиня II, 508, 542, 547, 574, 601, 613, 624.
Анатолія Петрова, монахиня I, 121.
Андреева, воспитанница Мѣщанскаго училища I, 186.
Андреянова, Л. Ф., рожд. Хижевская II, 431, 575.
Анна Іоанновна, Императрица I, 81.
Анна Николаевна, Княжна Черногорская II, 542.
Анна Павловна, Великая Княгиня I, 304, 431; II, 246.
Анна Ѳеодоровна, Великая Княгиня I, 304, 312; II, 246.
Анненкова, К., смолянка II, 608.
Анненкова, О., смолянка II, 608.
Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій II, 137, 510—511, 561—562.
Антонія, игуменья, въ мірѣ З. А. Рейнботъ II, 432.
Антоновъ, преподаватель Смольнаго II, 287
Антропова, А. В., II, 379.
Араковъ, К. У., почетный опекунъ II, 454, 458, 508, 586.
Аргамакова, Н. И. I, 573.
Аржетидъ II, 41.
Арндтъ, лейбъ-медикъ II, 131.
Аринни, баронъ II, 179.
Арсеній, епископъ Ладожскій II, 549.
Арсеньевъ, профессоръ физики I, 449.
Артамоновъ, К., преподаватель Смольнаго I, 212, 218.
Архангельскій, преподаватель пѣнія II, 480.
Астафьева, смолянка II, 194.
Афонасьевъ, преподаватель музыки II, 339.

Б.

Бабкина, О. А. II, 431.
Базедовъ I, 41.
Байковъ, инспекторъ классовъ Одесскаго инст. II, 179.
Бакуръ, французскій дипломатъ и писатель I, 618.
Балкашина, классная дама II, 379.
Бальгъ, докторъ II, 179.
Бальша, молдавскій гетманъ I, 415.
Баранова, графиня II, 98, 160—161, 176, 179.
Баратынская II, 399.
Барремъ I, 41.
Барсова, О. смолянка II, 606.
Барсовъ, проф. I, 41.
Барятинская, княжна I, 156.
Баскакова, П. П. II, 606.
Баталья Рейсъ, португальскій посланникъ II, 533.
Батмановъ, строитель конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ II, 411.
Батюшкова, Ю. Н., въ замужествѣ Зиновьева, смолянка I, 618.
Батюшковъ, поэтъ II, 39, 165.
Безбородко, графъ II, 122.
Безбородко, свѣтлѣйшій князь, А. А. I, 260.
Безбородко, графъ, Н. А. I, 604.
Бекеръ, пекарь I, 598.
Бекарія I, 4.
Бекарій, Францъ, декораторъ I, 160.
Белль II, 40.
Бельгардъ, В. В. II, 432.
Бельгардъ, М. В. II, 432.
Бельгардъ, П. К., инспектриса I, 488, II, 115.
Бенедиктовичъ I, 458.
Бенедиктовъ, В. Г., поэтъ II, 489.
Бенкендорфъ, г-жа, I, 373, 389.
Бенкендорфъ, фрейлины I, 421, 573—574.
Бенкендорфъ, Д. Х., см. Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, Д. Х.
Бенуа, придворный поваръ I, 583.
Берду, американецъ II, 179.
Березайскій, преподаватель Смольнаго I, 212, 218, 452—453, 455.
Berquin I, 458.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ, А. П. I, 10.
Бетховенъ II, 338.
Бецкой, И. И. I, 31—32, 34—43, 54—55, 60, 63—64, 71—72, 81—83, 87—91, 95—97, 99—102, 109—111, 113—114, 119—120, 127—129, 138—141, 146—151, 153, 162, 171, 175—177, 191—197, 206, 208—210, 231, 236, 250, 252—253, 255, 258—261, 282—287, 289—290, 294, 402, 620; II, 395, 426, 581, 618.
Biheron, m-me I, 119.
Бизюкина, Т. Д., смолянка, II, 612.
Биронъ, принцессы I, 373, 420, 575.
Блезъ I, 159.
Блудовъ, графъ II, 39.
Блюмъ, врачъ I, 609.

Бобринскій, графъ I, 282.
Богданова, Н. С., смолянка II, 492.
Богдановичъ, А. А. II, 491.
Богдановская, Е., смолянка II, 441, 575—576.
Богдановскій, Е. В., хирургъ II, 575.
Богдановъ, діаконъ II, 421.
Боголѣповъ, Н. Н., министръ народнаго просвѣщенія II, 453.
Боголюбовъ Ф., секретарь Совѣта I, 256, 257, 273, 305, 323.
Боде, баронесса, М. А. II, 379.
Бойэ де, родз. Эйлерсъ II, 431.
Болдырева, Л., смолянка II, 543, 608.
Болотовская, М. Д., смолянка II, 575.
Болотовъ I, 16, 19.
Bombellus, графъ I, 329.
Bordé, преподаватель Смольнаго I, 442.
Боровиковскій, художникъ II, 535, 581.
Бороздина Г. Х., рожденная Львова I, 488.
Бороздинъ, ген.-поручикъ I, 263.
Бортнянскій, духовный композиторъ I, 473; II, 368.
Борхъ, графъ, А. М. II, 27, 40, 242.
Борщова, Н. С., смолянка I, 162, 172, 175, 178—179.
Бржостовская, Г. Е., смолянка II, 596.
Бригевъ, С. М., ост.-дор., смолянки II, 573.
Брюнелли И., смолянка II, 606.
Будягинъ А. Г., статсъ-секретарь II, 603, 618, 620, 623—624, 630.
Букинъ, художникъ II, 531.
Быкова, А. П., смолянка II, 162, 251, 253—256.
Быкова, В. П., смолянка II, 120, 127, 149.
Бредовъ I, 458.
Брейткопфъ, г-жа II, 140, 220, 392, 581, 619.
Брозинъ, экономъ I, 377, 513, 518, 531, 538—539, 561, 565, 568, 580, 585—587, 592.
Бронневскій, Д. Б. II, 27.
Бромаръ, артистъ I, 160.
Броли де—Ревель, химикъ I, 573.
Брюловъ II, 328.
Буаль I, 11.
Буинъ, Матвѣй I, 160.
Булгакъ, М. М., рожд. Бартеневъ II, 431.
Бурашевъ, смолянка II, 156.
Бурашева, М. П., классная дама II, 379.
Буссе, проф. II, 56, 287, 334.
Бутовскій, Л. А. II, 424, 547.
Бутырскій, проф. I, 449.
Бушуевъ I, 32.
Бѣлоконскій, преподаватель Смольнаго II, 287.
Бѣлоцева, М. В. II, 431.
Бѣлявъ, преподаватель Смольнаго II, 287.
Бѣльскій, декораторъ I, 160.
Бэйль I, II.
Бюлеу, генералъ I, 129.
Бюхнеръ, г-жа II, 348.

В.

Вальтеръ-Кюхе, Е. А., преподавательница музыки II, 480.
Варлаамъ, Валаамскій боярин I, 414.
Варуева, предсѣдательница Самарканд. общества христіанск. милосердія II, 179.
Вальдштейнъ, графиня I, 329, 378.
Васильевъ, графъ, А. П. I, 130, 309.
Варламовъ, композиторъ II, 142.
Варя, горничная въ лазаретѣ II, 182.
Васильева, смолянка II, 612.
Васъ, преподаватель тѣлѣнія и теоріи музыки II, 350.
Ватсонъ, М. В., смолянка II, 398, 482.
Вегецій I, 41.
Веллингтонъ, маршалъ I, 329.
Вельяминова, инспектриса II, 252.
Венсеславовъ, художникъ II, 238.
Вержинина, синскомъ Гдовскій II, 561.
Веркъ, І. Б., художникъ II, 341.
Вержбицкій II, 196.
Вердеревская, смолянка II, 194.
Верещагинская, Е. П., смолянка II, 577.
Верещагина, С. П., см. Плещеева С. П.
Верэ, вице-директоръ франц. банка II, 179.
Вестминстеръ, маркизъ I, 329.
Вигель, I, 17.
Викторія Ѳеодоровна, Великая Княгиня II, 601.
Вилькъ, артистъ, II, 195.
Виламовъ, Г. П. I, 363, 369—371, 377—378, 393—394, 402—403, 413—414, 419—420, 424—426, 451, 464, 504, 518, 526—533, 535, 538—539, 542—547, 558, 567, 579—583, 590, 610; II, 5, 11, 14, 22—31, 149, 161.
Вильгельмина, Принцесса Гессенъ-Дармштадтская, см. Наталія Алексѣевна, Великая Княгиня.
Вильмсъ, В. Г., смолянка II, 432.
Вильмсъ I, 5.
Винбергъ, Ф. А. II, 308, 310, 559.
Віардо II, 193.
Віельгорскій, графъ, М. Ю. II, 150.
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь II, 392, 396, 586.
Владиміръ, митрополитъ Петроградскій II, 561, 618—620.

Водовозовъ, В. И., преподаватель Смольнаго II, 303—304, 326.
Волконская, княжна, смолянка, I, 612.
Волконскій, князь, С. М., II, 491.
Вольтеръ I, 4, 11—12, 35, 50, 60, 63, 133, 135, 154, 156—157, 159, 161—162, 457.
Вольфъ, секретарь въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны I, 394.
Вольфъ, К., мастеръ I, 629.
Вонлярлярскій, камергеръ II, 124, 236.
Воронихинъ I, 363.
Воронова, А. М., рожд. Рындина, II, 432.
Воронцовъ, А. Г. II, 476.
Воронцовъ, графъ, А. Р. I, 11.
Воронцовъ, графъ, М. Л. I, 12.
Воскобойникова, Л. М., смолянка II, 431.
Воскресенскій, свящ. I, 424, 455.
Wraxall, I, 292.
Врангель, графиня I, 50.
Вреде I, 529.
Вышнеградскій, Н. А. II, 73, 252, 386.
Вѣра Константиновна, Великая Княгиня II, 255, 371, 376, 433.
Вѣра Власьевна, лазарет. надз. II, 132
Вяземскій, князь, А. А. I, 171 196.
Вяземскій, князь, Н. А. II, 40.
Вязмитиновъ, графъ, С. К. I, 399, 559.

Г.

Гавріилъ, архіепископъ С.-Петербургскій I, 75.
Гагаринъ, князь I, 64.
Гайдинъ II, 338.
Гакстенгаузенъ, прусскій регирунгсъ-ритъ II, 179.
Галкина, смолянка II, 194.
Гаррахъ, Іосифъ, преподаватель Смольнаго I, 212.
Гаршинъ, В. М., писатель II, 576.
Гаугребенъ, баронесса I, 382.
Гедда, часовщикъ I, 268.
Гедда, Х., часовщикъ II, 426.
Гедеонова, О., смолянка II, 608.
Гейденъ, графиня, О. Ф. II, 515.
Гейкингъ, Ю. П. II, 431.
Геймъ, авторъ учебника I, 456.
Гельбихъ I, 31.
Hellert I, 457.
Гельвецій I, 34, 35, 41, 64.
Гензельтъ, инспекторъ музыки II, 77, 156, 196, 372, 416, 424.
Генрихъ, Принцъ Прусскій I, 156, 195.
Георгіевъ, протоіерей I, 455.
Георгій Александровичъ, Великій Князь II, 524—525, 535.
Георгій Михайловичъ, Великій Князь II, 508.
Георгъ, II, Герцогъ Ольденбургскій, II, 32.
Гердеръ II, 308.
Германъ, инспекторъ классовъ I, 430, 434—436, 443—447, 449—451, 457—462, 472; II, 40, 247, 250.
Герье, проф. II, 453.
Гёте II, 308, 388.
Гиргасъ, смолянка II, 256.
Гиршъ—Брамъ, С. Г., смолянка II, 575.
Гитербокъ, смолянка I, 573.
Гладковъ, II, 491.
Глинка, М. И. II, 150, 189.
Глинская, смолянка I, 176, 184.
Глѣбовъ, сенаторъ I, 82, 253.
Гнѣдичъ I, 363.
Говардъ, Джонъ I, 125, 170,
Гоголь, Н. В. II, 49, 252, 253, 505, 511.
Гойнингенъ-Гюне, баронъ, А. Ф. баронъ, почетн. опекунъ II, 469,
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ, И. В. I, 399.
Голицына, княжна, смолянка II, 125.
Голицына, княжна, И. И. I, 81.
Голицынъ, князь I, 148.
Голицынъ, князь А. М. I, 253, 274.
Голицынъ, князь, А. Н. I, 517, 535.
Голицынъ, князь Д. М. I, 45, 47—48, 62—64, 82, 88.
Голицынъ, князь, М. М. I, 10.
Голицынъ, князь, С. М. I, 384, 425, 427, 494, 550, 563.
Головина, графиня I, 239.
Головины I, 149.
Головинъ, графъ, Н. Н. I, 399, 597.
Головинъ, преподаватель Смольнаго I, 212, 214, 218, 232.
Головинъ, священникъ, законоучитель Смольнаго II, 287, 304.
Головнинъ, графъ, Ю. А. II, 27.
Головлева, Е. И. II, 114.
Головнинъ, А. В. II, 179.
Голохвастова, А. А. смолянка II, 574.
Гольцманъ, аптекарь II, 429.
Гольцъ, танцмейстеръ II, 206, 341.
Гонзаго I, 363.
Гончаровъ, И. А. II, 266.
Горбуновъ, художникъ II, 415.
Горчаковъ, князь, А. П. I, 559.
Горчаковъ, князь, М. Д. II, 120.
Гофманъ, А. Л., статсъ-секретарь, II, 27, 30, 65, 75, 78, 86, 87, 91, 99, 179, 235, 242, 283.
Граве, рожд. Каховская II, 246.
Гревенецъ, смолянка II, 12.
Грекова А., смолянка II, 607—608.

Гречуланичъ, протоіерей, законоучитель Смольнаго II, 82, 287, 309, 317, 358.
Гриппенбергъ, А. И. II, 431, 574.
Гросъ, посланникъ I, 49.
Губоникъ, строитель военно-живописныхъ дорогъ въ Петербургѣ II, 411.
Гуммель, композиторъ I, 142.
Гуо, преподаватель Смольнаго, II, 287.
Гурецкая Ю., смолянка II, 609—611.
Густавъ III, король Шведскій. I, 165, 167, 168, 184, 195; II, 531, 581.
Гущинъ, начальникъ Патріотическаго института II, 179.

Д.

D'Adda, маршалъ I, 329.
Данилевскій, писатель II, 266.
Дарагавъ I, 17.
Дараганъ, начальникъ Московскаго Елизаветинскаго института II, 179.
Д'Арленкуръ, живописецъ II, 179.
Дашкова, княгиня, Е. Р. I, 11.
Декалькметъ см. Диллэ Розэ.
Де-Карьеръ, С. А., почетный опекунъ, II, 454, 462, 488, 504, 571, 605, 629.
Делапортъ I, 41.
Деларовъ П. В. II, 492.
Де-Ливронъ, А. К. II, 432.
Delille I, 457.
Делоше, преподаватель Смольнаго I, 432, 459; II, 56.
Делянова, графъ, И. Д. II, 27, 40 274.
Демеля, преподаватель Смольнаго II, 287, 308.
Демидова II, 399,
Демидова, смолянка I, 420.
Демидовъ I, 103, 128.
Денисовъ II, 41.
Державинъ, Г. Р. I, 21, 300, 399, 534, 539, 594, 597, 611; II, 165.
Дестунисъ, преподаватель Смольнаго II, 287, 303.
Дотушъ, драматическій писатель I, 153, 161.
Детанъ, инспектриса I, 316, 344—350.
Дивова, Е. В. II, 162.
Диллэ, Розэ, преподавательница танцевъ I, 473—474; II, 76.
Дидро I, 4, 34—35, 41, 64, 119, 157, 163, 170, 291, 535, 541—543.
Дидье, преподавательница танцевъ, II, 76.
Дитхоглевъ, см. Моцхтина.
Дмитрій, проф. I, 21.
Димитрій, митрополитъ Новгородскій I, 73.
Дитерихсъ, врачъ II, 179.
Дитмеръ, классная дама II, 119.
Джунковская, Е. В., смолянка II, 575.
Дмитревскій, артистъ I, 97, 166.
Дмитріевъ, И. И. I, 399, 551.
Добрекуръ, артистъ I, 169.
Долгова, В., смолянка II, 508.
Долгорукая, княжна, смолянка II, 12.
Долгорукая, княжна, II. I, 17.
Долгорукова, княжна, Е. С., рожд. Сперанова I, 286.
Долгорукова, княжна, Е. П. I, 109.
Долгорукова, княжна, А. С. I, 65, 81—82, 89, 108—109, 114, 129, 244, 250, 253, 406; II, 411.
Долгоруковъ, князь, В. Л. I, 32.
Долгоруковъ, князь, В. С. I, 49, 53, 88.
Долгоруковъ, князь, П. М. I, 113, 286.
Долгоруковъ, князь, С. П. I, 81.
Долина, М. П. II, 509.
Доминетти, II, 142.
Домнуровъ, М. П. I, 399, 502.
Допельмейеръ, начальникъ Виленскаго института II, 179.
Достоевскій, Ф. М. II, 459.
Доэтъ, врачъ II, 133.
Дрего, композиторъ, II, 568, 607.
Дроздовская, М. А., смолянка II, 377.
Дубасовъ, Н. А., преподаватель музыки, II, 479.
Дувъ, Е. Я., смолянка, II, 315.
Дунганъ, лордъ II, 179.
Дункеръ, I, 378; II, 149, 238.
Дункеръ, полковникъ I, 413.
Дункеръ Анна, смолянка I, 421.
Дурново, П. П., статсъ-секретарь II, 463, 590.
Дурново, Л. А. II, 596.
Дьякова, А. А., смолянка I, 286
Дьяковскій, врачъ II, 364.
Дюгамель, О. О. I, 400; II, 252.
Дюжанъ, правительница I, 188.
Дюма II, 398.
Дютанъ, художникъ II, 396.

Е.

Евгеній, архіепископъ Астраханскій II, 180,
Евгенія Максимиліановна, Принцесса Ольденбургская II, 392, 508,
Еврейновъ А. Г. II, 409, 414.
Еврейновъ. I, 41.
Евстафьевъ, П. В. II, 476, 598.
Егоровъ, І. Ф., священникъ II, 311.
Екатерина, игуменья, въ мірѣ К. В. Ефимовская II, 482.

Екатерина II Алексѣевна, Императрица I, 3—5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 18, 20, 23—24, 26, 28—32, 35—36, 42—43, 49, 51, 53—55, 60—61, 63—64, 71, 73, 76, 86, 89, 96, 103—104, 118, 127, 132—134, 142, 144, 149, 153, 155—157, 159, 161, 163, 167—169, 171, 173, 177, 179, 193—196, 199, 218, 233, 240, 245, 249, 253, 259, 269, 277, 282—285, 287—294, 297—298, 300, 303—305, 312, 315, 317, 330—332, 355, 382—383, 386—387, 402, 406, 423—424, 471, 488, 502—503, 508, 535, 552, 573, 591, 602—603, 605, 616, 620; II, 29, 79, 96, 166, 241, 248, 317, 330, 346, 348, 394—397, 418, 439, 454, 484, 497, 578, 581, 595, 599, 603, 606—607, 615, 617—618, 620—621, 626.

Екатерина Михайловна, Великая Княгиня II, 210.

Екатерина Павловна, Королева Вюртембергская I, 304, 431, 487, 618, 620; II, 20, 32—33, 246, 325, 401.

Елена, Королева Италіи II, 542—547, 574, 624.

Елена Георгіевна, Княжна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская II, 601.

Елена Павловна, Великая Княжна I, 304, 412.

Елена Павловна, Великая Княгиня II, 147, 176, 210, 246.

Елизавета Александровна, Великая Княжна I, 538, 604; II, 246.

Елизавета Алексѣевна, Императрица I, 312, 383, 412, 418, 528, 538—539, 544, 547, 604, 607; II, 246.

Елизавета Петровна, Императрица I, 6, 9—10, 18, 65—68, 70—71, 73, 81, 88, 511; II, 128, 204.

Елисавета Ѳеодоровна, Великая Княгиня II, 524.

Елиндафора (Кропотова), игуменья I, 75.

Ельчанинова М. Г., смолянка II, 575.

Ермолаева, В. А. II, 432.

Ермоловъ, А. С., почетный опекунъ II, 454, 457, 469, 488, 491, 571—572, 603, 613, 618, 620, 625.

Еропкина, А. А. I, 175.

Еропкина, П. А. I, 605.

Еропкина, С. А. I, 605.

Еропкинъ, П. Д. I, 82, 253.

Ефимовская, графиня, смолянка I, 236.

Ж.

Жаклисъ, m-me I, 457, 538.

Жаховская, К., смолянка II, 607.

Ждановичъ, смолянка II, 156.

Ждановы, смолянки I, 522.

Жеваръ, театральный портной I, 160.

Жерліе, театральный парикмахеръ I, 160.

Жилянская, начальница Московскаго Елизаветинскаго института II, 179.

Жоффре, аббатъ I, 32.

Жоффренъ, I, 34, 35, 36, 194.

Жукова, Н., смолянка II, 608.

Жуковскій, В. А. I, 364, 437, 526, 542, 548, 550, 551, 610; II, 7, 150, 160, 161, 165, 265, 348, 568.

З.

Заболотскій, П. П., художникъ II, 452.

Завадовскій, графъ, П. В. I, 196—198, 208—209, 218, 219, 232, 253, 280, 282, 308, 315—316, 338, 350—351, 399—400, 463.

Залянкина, смолянка I, 618.

Запольская, смолянка II, 156.

Зволенская, М. Э., смолянка II, 432.

Звѣрева, смолянка I, 166.

Зейденштюкеръ, I, 458.

Зейме, М. Ф., смолянка II, 577.

Зильберейзенъ, инспектрисы I, 316, 349—350, 486—488, 492.

Зимина, Н., смолянка II, 608.

Зиновьева, Ю. Н. I, 618.

Зиновьевъ, Г. М. II, 14.

Зубова, графиня I, 235.

И.

Иванова, Е. рожд. Геккетъ II, 431.

Иванова, О., смолянка II, 607.

Ивановъ, художникъ II, 338.

Игнатовичъ, директоръ Петербургской первой гимназіи II, 83.

Игорь Константиновичъ, Князь II, 602.

Измайлова, О. Б., смолянка II, 576.

Икскуль, баронесса, смолянка II, 256.

Ильяшевичъ, З. П., смолянка II, 577.

Ингерсоллъ, посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ II, 179.

Иннокентій, архіепископъ, экзархъ Грузіи II, 361.

Иннокентій, митрополитъ II, 415.

Иисиланти I, 529.

Ирецкая, Н. А. II, 432.

Ирина Александровна, Княжна, II, 517, 520, 527, 530.

Исидоръ, митрополитъ II, 375, 415, 549, 561.

Исполатова, Е. Н., смолянка II, 575.
Истоминъ, адмиралъ II, 104.

I.

Іерке, классная дама I, 350.
Іоаннъ III, Великій Князь II, 46.
Іоланта-Маргарита, Принцесса II, 347.
Іосифъ, архимандритъ I, 123.
Іосифъ I, Императоръ Австрійскій I, 45.
Іосифъ II, Императоръ Австрійскій I, 195, 199.

К.

Казелинъ II, 161.
Казосъ (отецъ), преподаватель пѣнія I, 475, 541—543; II, 77.
Казосъ (сынъ), преподаватель пѣнія II, 77.
Казосъ, А. В., архитекторъ II, 129, 229, 236.
Казосъ, Ц. А., архитекторъ II, 236.
Кайдановъ, составитель учебника I, 457.
Каковская, инспектриса I, 487.
Калашникова, смолянка II, 352.
Калга Султанъ I, 166.
Калпашникова, М. В. II, 20—21.
Каменецкій, составитель учебника I, 456.
Камеронъ, архитекторъ I, 538.
Campan de, m-me I, 457.
Канкринъ, графъ, министръ финансовъ II, 204.
Каннингъ, англійскій министръ I, 529.
Каноббіо, композиторъ II, 606.
Кантъ I, 51.
Канистъ, инспекторъ классовъ Полтавскаго института II, 179.
Канистъ, писатель I, 286.
Карамзинъ, Н. М. I, 363—364, 455, 457, 526, 530, 612, 616; II, 39, 348.
Карандашевъ, преподаватель Смольнаго I, 212, 218.
Кардель, воспитательница Императрицы Екатерины II, I, 4.
Кардино, инспектриса, I, 407.
Каркова, М. А., рож. Яновичъ II, 432.
Карлъ, Принцъ Прусскій I, 528; II, 179.
Карлъ-Фридрихъ, Принцъ Саксонскій II, 179.
Кароль, Принцъ Румынскій II, 602.
Карцовъ, Н. С. II, 575—580.
Кассель, инспектриса I, 488; II, 115, 127.
Кастальскій, адъюнктъ-профессоръ I, 459.
Каталани, г-жа I, 529.
Каталано, преподаватель пѣнія II, 389.
Качалова, Е. В., классная дама II, 379.
Квадри, архитекторъ I, 517—518, 559, 589.
Кваренги, архитекторъ I, 507—511; II, 605.
Квашнина-Самарина, Е. В. см. Родзянко, Е. В.
Керникъ, учитель танцевъ I, 473.
Керштенсъ, проф. I, 21.
Кипренскій, художникъ I, 363.
Кириллъ Владиміровичъ, Великій Князь II, 601.
Киріакъ, инспекторъ классовъ I, 212, 214, 218, 230, 319, 335—336, 430, 437.
Кирмовъ, декораторъ I, 160.
Кировичъ, Е. Н. II, 596.
Кирѣевскій II, 39.
Кистеръ, В. К. II, 584, 603.
Кладо, М. Н., смолянка II, 432.
Клаузенъ, составитель учебной книги I, 454, 455.
Клевезаль, врачъ II, 363—364.
Клеменко, полковникъ II, 179.
Клингеръ, Ф. П. I, 397, 399, 513, 531, 581, 584—589, 598; II, 6.
Ключарева, Е. Н. II, 432, 479.
Кобенцель, графъ I, 155.
Кожинъ, И. А., полковникъ II, 450.
Козаченко, Г. А. композиторъ, преподаватель пѣнія II, 480.
Козминъ, С. М. I, 81—82, 253.
Козодавлевъ, О. П. I, 510.
Коконскій, купецъ I, 581.
Коксъ, англичанинъ I, 125, 163, 170, 292.
Колокольцевъ, А. А. II, 243.
Коломейцева, Л. С., смолянка II, 576.
Колотова, М. Л. см. Обручева, М. Л.
Колпакова, Л. П., лазаретная дама, II, 132.
Колчинъ, художникъ, II, 415.
Комаровская, графиня II, 441.
Комаровскій, графъ I, 378.
Коменскій, Амосъ I, 31.
Комнено, смолянка I, 497.
Копи, А. Ф. II, 489, 492, 511.
Кононовичъ, М. К., смолянка II, 577.
Конради, инспектриса I, 562.
Константиновичъ, переводчикъ I, 455.
Константинъ, Константиновичъ, Великій Князь II, 508.
Константинъ Николаевичъ, Великій Князь II, 154, 161, 163, 210, 213—214.
Константинъ Павловичъ, Великій Князь I, 412, 571; II, 538, 581.
Корберонъ, дипломатъ I, 163, 170.
Корнеліусъ, врачъ II, 124.
Корнель I, 4, 11, 156.

Корниловъ, адмиралъ II, 104.
Корск, преподаватель пѣнія II, 339.
Корфъ, баронъ, посланникъ въ Даніи I, 50.
Корфъ, баронъ, К. Н., почетный опекунъ II, 448, 454, 458.
Корфъ, баронъ, М. Н., почетный опекунъ II, 454, 458.
Косинскій, баронъ, К. Д. II, 303.
Костомарова, А. К., смолянка II, 576.
Костомарова, О. К., смолянка II, 431.
Костомаровъ, проф. II, 315.
Котманъ, врачъ II, 179.
Котоньи II, 479.
Кочемазовъ, преподаватель Смольнаго II, 54—55.
Кочубей, графъ I, 421.
Краевъ, лэди I, 170, 291—292.
Красноцвѣтовъ, протоіерей, законоучитель Смольнаго II, 53.
Крафтъ, Е. О., инспектриса II, 114—115.
Крейтонъ, лейбъ-медикъ I, 498, 669.
Кремнинъ, инспектриса I, 427, 487, 619.
Крживоблоцкая, Д. смолянка II, 608.
Кривицкій, протоіерей I, 607.
Крокманъ, классная дама II, 379.
Крупенскій, А. Н. I, 497.
Крыловъ, И. А. I, 363, 539, 611; II: 165, 348.
Крюковскій I, 457.
Ксенія Александровна, Великая Княгиня II, 517, 519, 520, 524—525, 527—528, 530, 566, 596, 601.
Ксенофонтъ I, 122.
Кубаркина, Л. А., смолянка II, 431.
Кудряева, С. В., инспектриса II, 575.
Куракинъ, князь I, 342, 389.
Куроѣдова, смолянка II, 161, 163.
Кусовникова, Е. Д., инспектриса II, 378.
Кутлеръ, преподаватель Смольнаго I, 452.
Куторга, С. С., проф. II, 85—86.
Кутузова, В., смолянка II, 608.
Кутузовъ, князь, М. И. I, 555.
Кучера, К. А., преподаватель пѣнія II, 568.
Кушниковъ, С. С. II, 27.
Кюхельбеперъ I, 506.

Л.

Лавинскій, А. С. II, 27.
Лавоніусъ, преподаватель Смольнаго II, 86.
Лаврентьева, С. П., смолянка II, 256.
Лавровъ, художникъ II, 418.
Лагранжъ, смолянка I, 415, 573; II, 412.
Ламберъ, маркиза I, 54, 64.
Ламбертъ, графъ, Я. О. I, 400.
Лампи, художникъ II, 581.
Ланде, балетмейстеръ I, 164.
Ланкастеръ II, 40.
Лапскія, смолянки I, 414.
Лантини, танцовщица I, 164.
Лаунъ, преподаватель музыки I, 160.
Лафонъ де, С. И. I, 65, 82—83, 108—115, 117, 123, 129, 131, 136—138, 8, 140, 148, 175, 177, 185, 188—189, 233, 247, 253-254, 279, 286, 290, 308, 339—340, 342—348, 371—373, II, 411.
Левицкая, Е. С.; рожд. Полевая II, 431, 575.
Левицкій, художникъ I, 179, II, 606—607.
Левшина, смолянка I, 112, 132, 134—135, 137, 148—149, 159, 166, 173, 175, 177, 279, 288.
Лельо, преподаватель Смольнаго I, 212, 214, 218.
Леонардо-да-Винчи II, 938.
Леонтьева, М. П. II, 12—13, 20—22, 24—26, 47, 49, 52—59, 62, 65, 67—70, 78—88, 90—95, 97—100, 102—105, 107—109, 121, 123—129, 131—132, 136—137, 144, 151, 153—154, 156—157, 167—169, 173, 175, 179—180, 184—186, 189—190, 192—193, 197, 212, 214, 234, 236, 241, 261, 267—268, 270, 274—275, 285, 287, 291—294, 302, 312—313, 315, 317, 319—321, 328, 340, 344—346, 349, 352, 355, 358—359, 366—367, 369—371, 373—375, 383, 387, 389, 399, 401—402, 411, 413—414, 420—421, 435, 441, 532.
Леонтьева, С. Г., смолянка II, 575.
Лермонтова, М. Р. II, 432.
Лермонтовъ М. Ю. II, 49.
Lerrins de Korton, m-lle I. 426.
Лессажъ, артистка I, 160.
Лешетицкій, преподаватель музыки II, 77, 196, 339, 478—479.
Ливенъ А. А. свѣтлѣйшій князь, статсъ-секретарь II, 384.
Ливенъ, А. К. свѣтлѣйшій князь, сенаторъ, ген.-отъ-инв. II, 452—453.
Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, Д. Х. I, 617—618.
Ливенъ, свѣтлѣйшая княжна, Е. А. II, 452—454, 460, 468, 482, 486—493, 495, 497, 501—504, 508, 514—515, 519, 530, 532—533, 538—540, 557—560, 566, 568—569, 571—572, 577—578, 586—587, 589, 592, 600, 602, 605, 617, 619—620, 623—624, 628, 630.
Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, Е. Н. II, 453.
Ливенъ, свѣтлѣйшій князь, К. А. I, 382,
Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, Ш. Е. I, 381, 382, 383, 384, 385, 483, 607; II, 10, 452.
Ливенъ, свѣтлѣйшій князь, Х. А. I, 382.

Линдъ, композиторъ II, 152.
Лилiенфельдъ, правительница I, 188.
Линъ де, принцъ I, 155.
Литманъ, проф. II, 179.
Литольфъ, композиторъ II, 156.
Littleton, лади I, 529.
Лихачева, смолянка II, 256.
Ли-Хунъ-Чангъ, вице-король Китая II, 530.
Лёвенштейнъ-Вертеймъ, князь, I, 529.
Лозъ-Валь де, баронъ, II, 179.
Ломакъ М. П., смолянка II, 577.
Локкъ I, 4, 30—31, 34, 38, 40-42, 64, 193, 204, 457.
Лодiй, инспекторъ классовъ I, 423, 426, 430, 432, 433—434, 440—445, 447, 450, 452, 454—455, 460.
Ломакинъ, преподаватель пѣнiя II, 78, 339—340, 415.
Ломоносовъ, М. В. II, 511.
Луиза, Королева Прусская II, 8—9, 163.
Лукка, пѣвица II, 479.
Лужинъ I, 17, 530, 532, 612.
Львова, инспектриса I, 350, 420 573.
Львова, А. П., смолянка I, 175.
Львова, Д. А. II, 329, 409.
Львова, Н. В., смолянка I, 184.
Львовскiй, композиторъ, преподаватель пѣнiя, II, 480.
Львовъ, директоръ Придворной Капеллы II, 78, 150.
Львовъ, поэтъ, II, 311.
Любица Николаевна, Княжна Черногорская, II, 542.
Людвигъ, II, Великiй Герцогъ Гессенъ-Дармштадтскiй II, 265.
Людвике, канонинъ, проф. II, 179.
Людовикъ XIV I, 61.
Лядовъ, В. И. II, 287, 303, 313, 314, 329, 397, 455.

М.

Мавро-Кордато, смолянка, I, 225.
Магницкiй, М. Л. I, 415.
Мазини II, 479.
Майковъ, А. Н., II, 511.
Макарiй, митрополитъ II, 455.
Макарова, М. М., экономка Смольнаго II, 557.
Макаровъ, адмиралъ II, 519.
Макаровъ, архитекторъ II, 415.
Максимилiана-Вильгельмина-Августа-Софiя-Марiя, Принцесса Гессенъ-Дармштадтская, см. Марiя Александровна, Императрица.
Максимовичъ, М. А. II, 379.
Максимовичъ, И. П. инспекторъ классовъ Патрiотическаго института II, 83.
Максутова, княжна, А. Д. II, 574.
Малиновскiй, М. А. II, 453.
Малоземова, С. А. II, 432.
Малоземовъ, инспекторъ классовъ I, 212, 218, 334, 423, 430—432, 437—440, 448, 452, 459—460.
Маковъ, А. М. I, 155.
Манакина, М. М., смолянка II, 575.
Марина Петровна, Княжна II, 601, 631.
Марiя, дочь Грузинскаго царевича I, 414.
Марiя, Принцесса Румынская II, 602.
Марiя Александровна, Императрица II, 18—19, 49, 85—86, 104, 151, 175, 257, 261, 263, 265—269, 271—272, 275, 285, 293, 295, 302, 313, 318—319, 321, 328, 330—332, 339—342, 346, 348—349, 351, 366—371, 377, 383, 385—387, 391—392, 395, 398—399, 404, 406, 408—409, 411—412, 418, 421, 425, 428—430, 432, 435, 439, 443, 446, 447, 534, 543—544, 618.
Марiя Александровна, Великая Княгиня II, 381, 601.
Марiя Максимилiановна, Великая Кн. II, 210.
Марiя Николаевна, Великая Княжна II, 20, 40, 147, 149, 156, 161, 163, 178, 200, 206, 210, 214—215, 535.
Марiя Николаевна, Княжна Черногорская II, 542, 548—549.
Марiя Павловна, Великая Княгиня II, 568, 601, 624.
Марiя Павловна, Великая Княжна I, 304, 382, 412, 431, 538, 544; II, 246.
Марiя Θеодоровна, Императрица, Августѣйшая Супруга Императора Павла Петровича I, 230, 234, 240, 275, 298, 300, 303—304, 309, 312, 315—316, 330—332, 339, 342—344, 346—349, 351, 357, 359, 362—378, 380, 383—384, 386—389, 392—394, 397—398, 400—403, 405—409, 411—420, 422—428, 430—431, 435, 456, 458—459, 462—465, 469, 471, 476—479, 481—483, 485, 487—492, 494—508, 511—519, 521—532, 534—542, 552, 555—556, 563, 565, 567, 573—574, 577—583, 585—593, 601—629; II, 3, 5, 7, 9—10, 14—15, 19—22, 24—26, 28—35, 38—39, 41, 44, 79, 88, 96, 107, 116, 119, 124, 131, 134, 165, 166, 189, 207, 208, 215, 217, 219—220, 222, 224—227, 229—230, 232—233, 236, 238, 246, 248, 261—263, 266—269, 275, 285, 293, 300—303, 306—307, 309, 317—319, 325, 346, 395, 411, 418, 421, 422, 497, 507—508, 511, 581, 597, 621.
Марiя Θеодоровна, Государыня Императрица, Августѣйшая Супруга Императора Александра III, II, 362, 384—385, 439—441, 443, 449—452, 454, 457, 463, 466, 468, 471, 476—

477, 480, 482, 489, 496, 506, 508, 510, 512—519, 532, 534—536, 538—539, 544, 548—549, 560—561, 563—566, 578, 580, 582, 586, 588—589, 592, 595, 597—598, 600—601, 606, 610—618,—620, 624, 630—631.
Марія Петровна, калмычка I, 512.
Марія-Терезія, Императрица Австрійская, I, 46.
Маркова, помощница учительницы рукодѣлія II, 412.
Маркъ Аврелій I, 122.
Мартелли, Винченцо I, 160.
Мартыновъ, преподаватель Смольнаго I, 554.
Мартюшевъ, штурманъ I, 571.
Масяле см. Алымова.
Масяле, преподаватель Смольнаго I, 334.
Массильонъ I, 457.
Массонъ, преподаватель Смольнаго II, 287, 304.
Матисенъ, преподаватель Смольнаго I, 452.
Матковская, смолянка II, 407.
Мануччи, графъ II, 531.
Машковъ, Алексѣй I, 310.
Мелитина, игуменья, въ мірѣ М. Фишпинова II, 432.
Мельморъ, лэди II, 178.
Мендельсонъ, композиторъ II, 152, 397.
Монтеноль I, 33, 60—62.
Меншиковъ, свѣтлѣйшій князь, А. Д. II, 129.
Менщиковъ, капельмейстеръ I, 537.
Мередо, Эммануэль, экономъ I, 286.
Мещерскій, князь, А. В. II, 408.
Микель-Анжело II, 333.
Милена, Королева Черногорская II, 341, 343, 348.
Михаила Николаевна, Великая Княгиня II, 542, 547, 574, 601, 613, 618—620, 627, 631.
Миллеръ, О. Ѳ. II, 287, 303—304, 326.
Милорадовичъ, графъ, М. А. I, 399, 544, 597.
Минихъ, графъ Э. I, 64, 175, 233.
Мирза-Абулъ-Гассанъ-Ханъ, персидскій посолъ I, 522.
Митрофанъ, епископъ Цетинскій II, 549.
Митуринъ, преподаватель морского корпуса I, 97.
Михайлова, А., смолянка II, 608.
Михайловъ, архитекторъ I, 517—518.
Михаилъ Александровичъ, Великій Князь II, 324, 326.
Михаилъ Николаевичъ, Великій Князь II, 136—138, 161, 210, 214, 508.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь I, 374, 412, 544, 547; II, 202.
Могекъ, членъ французской палаты депутатовъ II, 179.
Модзалевскій, Л. П. II, 287, 294—295, 320, 322, 325—326.
Молоховецъ, Е., рожд. Буренинъ, смолянка II, 257.
Молчанова, Е. М., смолянка I, 132, 173, 175, 178—179.
Мольеръ I, 4, 457, II, 608.
Монахтина, помощница начальницы I, 224, 339—340.
Монтескье I, 4, 31.
Монтэнь I, 11, 30—31, 41, 294, 457.
Morgan, лэди I, 364.
Мордвинова, смолянка II, 236.
Мордвиновъ, бригадиръ I, 67.
Морь, Т., писатель I, 457.
Московскій, преподаватель Смольнаго II, 35.
Моцартъ II, 388.
Мошелесъ, композиторъ II, 142.
Муравьева, Н. В. II, 246.
Муравьевъ, экономъ I, 306—307, 316, 344, 346, 353, 354, 539, 586—587.
Муретовъ, художникъ II, 204.
Мурильо II, 388.
Муссинъ-Пушкинъ, посланникъ, въ Гаагѣ I, 49.
Мутъ I, 17.
Мухановъ, Н. А. II, 28, 40, 408.

Н.

Надеждъ, врачъ I, 230.
Надежда Петровна, Княжна II, 601, 631.
Наполеонъ I, Императоръ Франціи I, 288, 353, 355, 552, 613; II, 8, 106.
Налетовъ, преподаватель Смольнаго II, 287.
Napier, Charles, sir, II, 178.
Нарышкина, А. Н. I, 644—645.
Нарышкина, М. А., смолянка см. Сенявина М. А.
Нарышкинъ, М. П. I, 178.
Наталія Алексѣевна, Великая Княгиня I, 168, 174, 363.
Наумовъ, преподаватель Смольнаго I, 552—553.
Нахимова, смолянка II, 194.
Нахимовъ, адмиралъ II, 104.
Невельская, Ек. И., рожд. Ельчанинова II, 257—258.
Невельскій, адмиралъ II, 258.
Неделинъ, танцмейстеръ I, 160.

Недешевъ, І. Ф., протоіерей II, 53.
Нейдгардтъ, инспектриса I, 407, 488.
Неклюдова А., смолянка II, 606.
Неклюдова, М. А., инспектриса II, 300, 320, 613.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А. I, 399, 528, 556.
Нелидова, Е. И. I, 162, 175—176, 178—179, 244, 286, 288, 342—344, 346, 358, 371—373, 386—389, 392—393, 396, 403, 416, 418—320, 424, 426, 464, 494—495, 506, 526—527, 529, 535, 552, 573, 582—583, 587; II, 6, 128, 140, 607.
Нелидова Н. И. II, 140.
Нелидовъ, А. И. I, 399.
Неманц, Е., смолянка I, 618.
Неплюевъ, Н. И. I, 254.
Нернестъ, прусской службы тайный надворный совѣтникъ, II, 179.
Несвицкій, князь I, 263.
Неффъ, художникъ II, 535, 581.
Никаноръ, митрополитъ II, 209.
Никитенко, А. В., академикъ II, 54, 73, 81, 87, 181, 215, 370, 375, 394.
Николаева, воспитанница Мѣщанскаго училища I, 180.
Николаи, баронъ I, 374.
Николай, Король Черногорскій II, 530, 541, 543.
Николай Александровичъ, Государь Императоръ II, 471, 496, 508, 521—525, 586, 601, 605, 610—616, 623—624, 602.
Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ II, 360, 383, 392.
Николай Константиновичъ, Великій Князь II, 392.
Николай Максимиліановичъ, Герцогъ Лейхтенбергскій II, 392.
Николай Николаевичъ, Великій Князь II, 156—158, 161, 210, 214, 392.
Николай Павловичъ, Императоръ I, 374—475, 382, 384, 412, 518, 544, 547, 607; II, 3, 6—7, 9—10, 13—15, 24—25, 28—31, 34, 42, 47—48, 63—64, 79—80, 100, 102—103, 106, 124, 129, 131, 139, 166, 171, 174—175, 193, 198, 203—204, 218, 223, 226, 228, 233—234, 236, 238, 240, 244—245, 250, 265, 270, 413, 438.
Никольская, А. В., смолянка II, 575.
Никольскій, составитель учебной книги I, 456.
Никольскій, діаконъ II, 421.
Нильсонъ, пѣвица II, 479.
Ниманъ, врачъ II, 364—365.
Новиковъ, Н. И. I, 193.
Новицкая, преподавательница танцевъ I, 473.
Новосильцевъ, секретарь въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны I, 394.
Новосильцова, М., смолянка II, 508.
Новосильцова, М. Н. II, 449—552, 543.
Новосильцовъ, Н. И. II, 450.
Новосильцовъ, Н. П. II, 27.
Новль, авторъ учебной книги I, 456.
Нольде, Ю. Л., смолянка II, 431.
Нордштейнъ, часовой мастеръ II, 426.
Норова, С. М. II, 378, 431.
Норовъ, А. С. II, 27, 39—40, 83—84, 179, 215, 348, 408.
Носовичъ, смолянка II, 156.

О.

Оберкирхъ, баронесса I, 302—303.
Ободовскій, преподаватель Смольнаго, I, 449.
Оболенская, Н. П. княжна, смолянка II, 576.
Обручева, Ек. Н. II, 99, 114, 256, 373, 377, 378, 381, 387.
Обручева, М. Л. II, 114, 377—378, 618.
Обручева, О. Н., II, 339.
Обручевъ, Оренбургскій военный губернаторъ, II, 179.
Оливъ, С. В., почетный опекунъ, II, 454, 459—461, 488—489, 535—540, 568, 597.
Олсуфьева, Н. П., смолянка I, 175.
Олсуфьевъ, А. Ф., I, 82, 258.
Ольга Александровна, Великая Княгиня II, 517, 519, 520, 527—528, 530, 566, 601.
Ольга Николаевна, Королева Виртембергская II, 40, 98, 147, 149, 154, 156—158, 163—164, 176, 178, 209, 206, 210, 213, 325, 371, 976, 384, 535.
Ольга Николаевна, Великая Княжна II, 601, 613, 615.
Онгирская, А. К., смолянка II, 431, 574.
Орестисъ де Кастельново, графъ II, 179.
Орловъ, Г. Г. князь I, 64, 103, 146, 148.
Остерманъ, графъ, посланникъ Швеціи I, 50.
Острогорскій, В. П. II, 271, 304, 315, 319.

П.

Павелъ Александровичъ, Великій Князь II, 524—525.
Павелъ Петровичъ, Императоръ I, 18, 30, 100, 128, 165, 174, 198, 240, 300, 303—304, 308—309, 312, 345—346, 355, 357, 359,

366, 371, 374, 381, 386, 389, 407, 418, 478, 508, 534, 605—606, 614; II, 452, 497, 507, 528, 581, 607, 621.
Павлова К., поэтъ II, 589.
Павловичъ Е., смолянка II, 608.
Павловскій А. И., преподаватель Смольнаго II, 563.
Paisillo, композиторъ I, 365.
Паленъ, графъ I, 597.
Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій, II, 561.
Палтова, Е., смолянка II, 607.
Пальменбахъ, Е. А. I, 286, 339—343, 346—348, 358, 371—374, 389, 420—421, 430, 482, 485, 489; II, 411.
Пальмеретонъ, лордъ II, 105.
Панинъ, графъ, Н. И. I, 12, 30, 50, 61.
Панинъ, графъ, Н. И. I, 81, 253.
Панкратьева, Е. Н., см. Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня, Е. Н.
Панчулидзева, инспектриса II, 114, 231.
Парнура, содержатель типографіи, I, 453.
Парсъ, австріецъ I, 529.
Паскурова, преподавательница музыки II, 595.
Пассенъ, генералъ-аншефъ I, 80.
Пастуховъ, Н. И. I, 198.
Паттн, нѣмица II, 479.
Пахомовъ, инспекторъ классовъ I, 188, 211, 215—216, 218, 230, 255—256.
Пашкевичъ, композиторъ II, 606.
Пашковъ, В. А. I, 399.
Донъ Педро, Императоръ Бразильскій II, 385.
Пеликанъ, О. А., смолянка II, 577.
Перекусихинъ, В. I, 88—89.
Персіянинова, Н. Л., смолянка II, 576.
Песталоцци, II, 40, 336.
Петръ Александровичъ, Принцъ Ольденбургскій II, 527—528.
Петръ I Алексѣевичъ, Императоръ I, 6, 9—11, 16, 26—27, 29, 66, 74, 569; II, 390.
Петръ Георгіевичъ, Принцъ Ольденбургскій I, 620; II, 26, 32—36, 45, 47—48, 68, 79, 84—85, 113, 138, 160, 172, 155—196, 208—216, 235, 240, 252, 262—263, 267, 276, 310, 333, 345, 352—353, 355—356, 372, 384, 390, 392, 395, 398—401, 403—404, 406, 413, 416—417, 420—421, 423, 425, 434, 534, 581.
Петръ Николаевичъ, Великій Князь II, 601.
Петръ-Фридрихъ-Людвигъ, Герцогъ Ольденбургскій II, 33.
Петръ III Θеодоровичъ, Императоръ I, 4, 10, 32, 35, 67.
Печкинъ, помощникъ инспектора классовъ II, 83, 85—86.
Пироговъ, Н. И. II, 271, 304.
Пистолькорсъ, г-жа II, 220.
Пичъ, Христофоръ, театральный портной I, 160.
Платонъ I, 4.
Плетневъ I, 410, 412.
Плещеева Н. Θ., рожд. Веригина I, 286.
Плещеевъ, А. И. II, 511.
Плещеевъ С. И. I, 286, 309, 356, 387.
Плутархъ I, 4.
Погосская, О., смолянка II, 608.
Покатскій, священникъ I, 455.
Покровскій, преподаватель Смольнаго I, 419.
Полевая, помощница начальницы Московскаго сиротскаго инст., II, 179.
Полевая, Е. С. см. Левицкая, Е. С.
Полевой, В. Н. II, 84—85.
Полетина, секретарь въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Θеодоровны I, 539.
Политковская, смолянка I, 539.
Половцевъ, генералъ-маіоръ II, 83.
Полтавцова, смолянка II, 145.
Попова, А. И., рожд. Ефимова II, 432.
Поповъ, А., артистъ придворнаго театра I, 166.
Поповъ, В. С. I, 392.
Порошинъ I, 18, 165.
Поссе, членъ Совѣта Тамбовскаго инст. II, 179.
Постельсъ, преподаватель Училища Правовѣдѣнія II, 34.
Постовская, С. Г., рожд. Игельстромъ II, 432.
Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь, Г. А. I, 197.
Пражевская, смолянка I, 523.
Пратасовъ-Бахметевъ, графъ, Н. А. II, 454—458, 488, 508, 535, 596.
Прейсъ, М. К., инспекторъ классовъ II, 461, 476, 508.
Преображенская, О. О. II, 506.
Преображенскій, протоіерей II, 53, 92.
Пріемская, Л., смолянка II, 608.
Пуарье, преподаватель танцевъ II, 76.
Пугачевскій, Я. И., преподаватель Смольнаго II, 287, 303, 313—314, 327—328, 389.
Пурпуръ, директоръ Шляхетнаго корпуса, I, 149.
Пухлякова, В., смолянка II, 607.
Пуцилло, Л. В., препод. Смольнаго II, 491.
Пушкарева, В. В., смолянка II, 576.
Пушкинъ, А. С. II, 33, 49, 308, 338, 348, 408, 507, 509.
Пушкина, А. Н., воспитательница княженъ Черногорскихъ, II, 543.
Пѣвцова, начальница Московскаго Училища Орд. Св. Екатерины I, 377, 427, 485, 619.

Р.

Рагоцкій, преподаватель Смольнаго II, 305.
Раденская А., смолянка II, 608.
Радищева, классная дама II, 119, 412.
Радищевъ, А. Н. I, 193, 286.
Раевскій, преподаватель Смольнаго II—287; 304.
Разумовская, Н. В. II, 246.
Разумовскій, графъ, А. К. I, 399, 402.
Расинъ I, 4, 11, 158.
Распопова, смолянка II, 256, 397.
Растрелли, графъ I, 66—68, 70—71, 509; II, 129, 204, 235, 413, 589, 614.
Ратманова, смолянка II, 205.
Рафаэль II, 338, 491.
Рейнботъ, генералъ-суперинтендентъ II, 54.
Рейнботъ, врачъ I, 561—562; II, 247.
Рейнольдсъ, американская писательница II, 531.
Рейсъ, принцесса I, 573.
Рекиннъ, князь, фельдмаршалъ I, 309.
Речь Юліи—Доротеи, смолянка I, 421.
Ржевская, смолянка I, 81—82, 102, 113—114, 286—288.
Риддель I, 529.
Римская-Корсакова, А. Е., смолянка I, 184.
Ринальди, архитекторъ I, 508.
Риффе, преподаватель Смольнаго II, 55.
Ришардъ, Дарья, преподавательница танцевъ II, 76.
Роберти де II, 398.
Ровнева, К. П. II, 339.
Родзянко, Е. В. I, 618; II, 251, 352.
Рожертсонъ, лейбъ-медикъ I, 342—343. Стр. 342, 343.
Рожновъ, преподаватель пѣнія II, 339.
Розе I, 19.
Розенцвейгъ I, 365.
Розенъ, баронъ II, 179.
Розето-Разнозано молдавскій великій вестіаръ I, 415.
Розетти-Солеско, румынскій посланникъ II, 490, 533.
Романовъ, Михаилъ Никитичъ, бояринъ II, 491.
Романусъ, врачъ II, 131, 412.
Романъ Петровичъ, Князь II, 602.
Рославлева, М. П. I, 244, 312.
Росси, архитекторъ I, 518.
Ростовцевъ, Я. И., генералъ-адъютантъ II, 236.
Ротшильдъ I, 529.
Роштовъ, инспектрисы I, 316, 349—350.
Рубановская, Е. В. I, 175—176, 286.
Рубецъ, препод. пѣнія II, 480.
Рубинштейнъ, А. Г. II, 339.
Румянцевъ, графъ, М. П. I, 399.
Румянцевъ, графъ, Н. П. I, 197, 399.
Румянцевъ, графъ, П. А. 96.
Руничъ I, 435.
Русинова, А., смолянка II, 607.
Руссо I, 12, 34, 41, 64, 284—285, 294, 301.
Рыкачова, О., смолянка II, 607.
Рылѣевъ, поэтъ, II, 511.
Рындина, С. И. II, 120.
Рюль, лейбъ-медикъ I, 498, 609, II, 131.

С.

Савари I. 613.
Саввина, Е. И., смолянка II, 577.
Савичъ, смолянка I, 618.
Салтыковъ I, 128.
Салтыковъ, Ѳ. I, 27.
Салтыковъ, свѣтл. князь, Н. Н. I, 193.
Самсонова, классная дама II, 119.
Саншесъ, врачъ I, 37, 41, 64.
Саніенца, Антоній I, 160.
Свіязевъ, архитекторъ II, 234.
Sévigné de, m-me I, 4.
Сегюръ I, 158.
Семенскій, М. И., преподаватель Смольнаго II, 287, 393—305, 315, 322, 326.
Семеновъ, управляющій учебной частью на Кавказѣ, II, 179.
Семеновъ, Д. Д. II, 251, 271, 287, 303—305, 309, 311, 315, 324.
Семечкинъ, преподаватель рисованія II, 79.
Сентъ-Илеръ, А. К. II, 115, 152.
Сенявина, М. А., смолянка I, 286.
Сергій Александровичъ, Великій Князь II, 524—525, 535.
Сергій Михаиловичъ, Великій Князь II, 508.
Сеславина, М. Н., смолянка II, 156.
Сестренцевичъ-Богушъ, римско-католическій митрополитъ I, 592, 605.
Саверсъ, Н. М., смолянка, II, 577.
Сидоровскій, священникъ I, 211, 214, 218.
Симолинъ, посланникъ въ Регенсбургѣ I, 49, 53.
Скарятинъ, В. Я. II, 409.
Скобелева, рожд. Полтавцева, II, 145, 257.
Скотти I, 363.
Скрипицына, В. Н. II, 114, 144.

Слатовъ, И. К., колокольный мастеръ II, 204.
Словецкая, А. Д. I, 618; II, 114, 120.
Словецкій, преподаватель Смольнаго I, 452.
Смирнова, Е. С., I, 223, 225, 286, 551.
Соймоновъ, П. Ф. I, 232, 253, 308—309, 399, 422.
Соколовъ, преподаватель Смольнаго I, 432.
Соколовъ, художникъ II, 510.
Сократъ II, 41.
Соловьевъ, С. М., историкъ II, 315.
Сомовъ, А. И., хранитель Эрмитажа, II, 475.
Софія-Августа-Дагмара, Принцесса Датская, см. Марія Θеодоровна, Государыня Императрица, Августѣйшая Супруга Императора Александра III.
Софія-Августа-Фредерика, Принцесса Ангальтъ-Цербтская, см. Екатерина II Алексѣевна, Императрица.
Софія-Доротея-Августа-Луиза, Принцесса Вюртембергская, см. Марія Θеодоровна, Императрица, Супруга Императора Павла I.
Сперанскій, графъ, М. М. I, 402.
Сталь I, 364.
Стасовъ, архитекторъ II, 204.
Старченскій, преподаватель Смольнаго II, 304.
Стогановъ, графъ, А. С. I, 155, 459.
Стуколкинъ, преподаватель танцевъ II, 341.
Суворова, свѣтлѣйшая княжна, I, 235.
Суворовъ, свѣтлѣйшій князь, А. А. II, 399.
Суворовъ, свѣтлѣйшій князь, А. В. I, 235—236, 388.
Сумароковъ, А. П. I, 161.
Сушкова, смолянка II, 205.
Сухтеленъ, П. К. I, 399.
Сю, II, 308.
Сюзоръ, преподаватель Смольнаго II, 73, 287.

Т.

Тамберликъ, II, 195.
Танне, издатель I, 455.
Татищевъ, В. Н. I, 27.
Татіана Константиновна, Княжна II, 323.
Татіана Николаевна, Великая Княжна II, 601, 613, 615.
Тацитъ I, 4.
Теннеръ, В. Е. II, 596.
Теннеръ, Е. К., почетный опекунъ II, 596.
Тепловъ I, 41.
Тепферъ, О. Р., смолянка II, 577.
Теребеневъ, художникъ I, 510.
Теревія, княжна Гурійская II, 156.
Теръ-Акопова, Р., смолянка II, 608.
Тимаевъ, М. М., инспекторъ классовъ I, 436, 439; II, 40—41, 49, 51—52, 54, 56, 72—73, 81—83, 149—151, 169—170, 215, 250, 275, 287.
Тимофеевъ, К. А., инспекторъ классовъ, II, 324—326, 330—331, 372—373 385, 403, 476.
Тимофей, митрополитъ Московскій I, 74.
Тимковскій, И. Θ., проф. II, 272.
Тира, Принцесса Датская II, 385.
Титовъ, В. П., II, 325, 408, 454—455.
Тихомандрицкій, проф. II, 86.
Тихомирова, М. Н., смолянка II, 576.
Тиккеръ, оптикъ II, 328.
Толстой, графъ, А. К. II, 262, 266.
Толстой, графъ, Д. А. II, 324, 398—399, 408, 435.
Толстой, графъ, Л. П. II, 262, 266, 489.
Толстой, М. А., секретарь Совѣта II, 599.
Томанъ, композиторъ II, 515.
Томилова, О. А. II, 255, 370—371, 375—377, 387, 392, 406, 409, 441, 443—451, 477—480, 482, 523, 543—544.
Травина, М. М. II, 379.
Тритгофъ, М. Г. II, 119.
Трощинскій, Д. П. I, 399.
Трубецкая, княгиня II, 123.
Трубецкой, князь II, 179.
Трубецкой, князь П. П., I, 81—82, 253.
Трубецкой, князь Ю. Н., I, 10.
Тургеневъ, И. С. II, 492.
Тутолминъ, П. В. I, 399, 510.
Тучковъ, П. А. II, 27.
Тхоржевская, Н. К., смолянка II, 576.
Тыркова, Н. Н., рожд. Иванова, II, 431.
Тюнегова, К., смолянка II, 608.
Тюте, преподаватель Смольнаго I, 423, 433; II, 55.
Тютчева, Т., смолянка II, 608.

У.

Уваровъ, графъ, С. С. I, 449, 457, 459, 613; II, 12, 27, 38—39, 42, 46, 56—57, 97, 148, 179.
Угличанинова, смолянка II, 256.
Ульрика Элеонора, Королева Шведская I, 50.
Ульрихсъ, инспекторъ классовъ Московскаго института I, 427.
Ульрихъ, начальница института I, 619.
Унгернъ-Штернбергъ, баронесса, Н. А., смолянка II, 575.

Уоллэсъ (Wallas), членъ англійскаго парламента II, 533.
Ушинскій, К. Д. II, 87, 269, 271—276, 285—287, 293—300, 302—313, 315—322, 325—326, 346—347, 351, 369, 414, 423, 427, 430, 454, 581.

Ф.

Фабри, учительница пѣнія II, 339, 340.
Фадѣева, А. А., инспектриса II, 575.
Фанъ-Аркъ, преподаватель музыки II, 479.
Федорова, А., воспитанница Мѣщанскаго училища I, 419.
Федоровъ, купецъ I, 522.
Феллсенбергъ II, 40.
Фельтенъ I, 71, 89, 508.
Фенелонъ I, 31, 52, 457.
Фердинандъ, Наслѣдный Принцъ Румынскій II, 602.
Фердинандъ, Принцъ I, 528, 533.
Феллейзенъ, К. Н., смолянка II, 576.
Филипповъ, преподаватель Смольнаго II, 55.
Филистри, составитель учебныхъ книгъ I, 457.
Фильрозе, К. Э. II, 379.
Фитингофъ, баронесса, начальница института II, 179.
Фишеръ I, 274.
Фобаръ, преподаватель Смольнаго I, 449.
Фогель, инспектриса I, 407, 531, 553.
Фонвизинъ, Д. И. I, 15, 21.
Франке, нѣмецкій педагогъ I, 52—53.
Францисканіо, Жуанни I, 160.
Франческо, учитель пѣнія II, 339.
Фредерика-Доротея, Принцесса Вюртембергская I, 300—301.
Фредериксъ, баронъ, Б. А. II, 27, 40, 242, 274, 398, 408.
Фрейтагъ, смолянка II, 212, 213.
Фридолинъ, П. Ц. II, 457, 491.
Фридрихъ II Великій I, 8, 300.
Фридрихъ-Вильгельмъ, III, Король Прусскій I, 166; II, 89.
Фридрихъ-Евгеній, Принцъ I, 300—302.
Фуадъ-Эффенди, турецкій посолъ II, 179.
Фусъ, В. В., смолянка II, 576.

Х.

Хабарова, О. Г., смолянка II, 577.
Харитонова, инспектриса I, 407, 573.
Хвостикова, М. Ю. II, 379.
Хвостова, I, 23.
Хвостова, Н. В., классная дама II, 547.
Хвостовъ, графъ I, 539.
Хилинская, начальница Харьковскаго института II, 179—180.
Хилкова, княгиня, смолянка I, 612.
Хитрово, В. Н., смолянка II, 575.
Хитрово, А., смолянка II, 608.
Храповицкій, А. В. I, 254, 308.
Христіанъ, IX, Король Даніи II, 440.
Хрущева, Е. Н. I, 167—168, 184.

Ц.

Цабель, композиторъ II, 568.
Цилан, инспекторъ классовъ Казанскаго инст. II, 179.
Цихмерманъ, казначей Смольнаго I, 426, 588.
Циперонъ I, 4.

Ч.

Чайковскій, П. И., композиторъ II, 515, 558, 608.
Чарторижскій, князь, Адамъ I, 388.
Чезаріо, Піетро I, 160.
Челищева, смолянка I, 312, 573.
Черепановъ, переводчикъ I, 457.
Черкасова, баронесса, Е. А. см. Цальменбахъ, Е. А.
Черкасова, М. В. II, 396.
Черкасская, княжна, М. Б., смолянка II, 576.
Черемисинова, Е. Б., смолянка II, 576, 612.
Черни II, 142.
Черполуцкая, Е. А., смолянка II, 577.
Чернышева, воспитанница Мѣщанскаго училища I, 239.
Чеченская, смолянка II, 169.
Чимароза I, 365.
Чистоткина, Н., смолянка II, 607.
Чистяковъ, М. Б. II, 54, 86.

Ш.

Шавельскій, Г. I., протопресвитеръ II, 572.
Шалота I, 41.
Шамилъ Н., смолянка II, 608.
Шарвенкъ, композиторъ II, 515.
Шарлеманъ, архитекторъ I, 518.
Шарлотта, Принцесса Прусская см. Александра Ѳеодоровна, Императрица, Супруга Императора Николая I.

Шатова, А., смолянка II, 432
Шаумбургъ, И. Х. II, 55.
Шаховской, князь, Я. I, 64.
Шванебахъ, И. Х., почетный опекунъ II, 458.
Шварцъ I, 193.
Шебуевъ I, 472.
Шевалдина, смолянка II, 194.
Шевичъ Л., смолянка II, 607.
Шевченко, Н. А., смолянка II, 575.
Шекспиръ II, 308, 338.
Шембекъ, графъ, католическій митрополитъ II, 521.
Шервашидзе, княжна, Софія II, 139.
Шервашидзе, князь II, 139.
Шереметевъ, графъ II, 78.
Шереметевъ, графъ, Н. П. I, 604.
Шиллеръ II, 38, 165, 308, 338.
Шиманъ, преподаватель II, 287.
Шипова М. П. см. Леонтьева М. П.
Ширинскій—Шихматовъ, князь, П. А. II, 27, 39.
Широковъ, поставщикъ Смольнаго I, 598.
Шишкова, смолянка II, 169.
Шишковъ, А. С. I, 399, 616.
Шишмарева, Е. Я., смолянка II, 577.
Шкляревичъ, секретарь Совѣта I, 588.
Шкурина, Н. В. I, 254.
Шлейзнеръ, составитель учебной книги I, 454—455.
Шлыкова, Е. П., воспитательница Княженъ Черногорскихъ II, 548.
Шопенъ, композиторъ II, 515.
Шскенгауеръ I, 457.
Шорніо, классная дама, II, 251.
Шреккъ, историкъ I, 455.
Штакельбергъ, Е. К. I, 101, 102, 236, 412, 603.
Штейнъ, А. Ф., преподаватель музыки, II, 479.
Штейнъ, Ф., преподаватель музыки, II, 479.
Шторнъ, вдова II, 179.
Шторхъ, секретарь въ Бозѣ Почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны I, 394, 402.
Штентойхъ I, 529.
Шуазель—Гуфье, графиня I, 529.
Шуваловъ, И. П. I, 11, 18, 28, 153.
Шуманъ, композиторъ II, 517.
Шульгина, Е. И. II, 119, 379, 388.
Шульцъ, преподаватель рисованія II, 371.
Шуринова, Е. М., смолянка II, 575.
Шутовъ, художникъ II, 415.

Щ.

Щербатова, княжна, Е. П. I, 176.
Щербатова, княжна, Н. П. I, 175.
Щербатовъ, князь I, 96.
Щербатовъ, князь, М. М. I, 194, 288—290.
Щербачева С., смолянка II, 608.

Э.

Эвеніусъ, врачъ, II, 179.
Эзокъ I, 20, 122.
Энгельгардтъ, О. А., см. Томилова, О. А.
Эпинусъ, Ф. И., I, 198.
Эрдели, К. А., смолянка, преподавательница музыки II 480, 576.
Эраръ, фирма роялей въ Парижѣ II, 480.
Эртель, проф. I, 449.
Эсхилъ II, 41.

Ю.

Юмъ I, 41.
Юргенсъ, Л. Ю., смолянка II, 575.
Юсуповъ, князь, П. Б. I, 399, 421, 594; II, 330.

Я.

Языковъ, полковникъ, II, 179.
Якоби, писатель I, 457.
Янишъ, врачъ, I, 250.
Янковичъ де Миріело, Ѳ. И. I, 199, 202—203, 228, 212, 215.
Янценъ, бухгалтеръ Смольнаго, II, 444.
Яхонтовъ, о. Іоаннъ, законоучитель Смольнаго II, 53.

Ѳ.

Ѳеофанія, игуменія, II, 375.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ I, 27.

Списокъ сочиненій, упоминаемыхъ въ историческомъ очеркѣ: Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ [1]).

Abbé de St. Pierre. Projet pour perfectionner l'éducation des jeunes filles. Oeuvres. 2 v. 1730.

Абрамовъ Я. Сословныя нужды, желанія и стремленія Екатерининской комиссіи. Сѣверный Вѣстникъ. 1886. №№ 4, 6, 7, 8, 10, 12.

Агриппа Генрихъ Корнелій. О благородствѣ и преимуществахъ женскаго пола. Перевелъ Петръ Алексѣевъ, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора и членъ Россійской Академіи. СПБ. 1784.

Адмиралъ Новельской. Къ столѣтію дня его рожденія. СПБ. 1914.

A la mémoire de l'Impératrice Alexandra Féodorowna. Paris. 1861.

Александренко В. Н. Изъ переписки княгини Лиевенъ съ графомъ Греемъ. Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1891. № 4.

Александренко В. Н. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. тт. I—II. Варшава. 1897.

Алфавитный указатель къ камеръ-фурьерскимъ, походнымъ, банкетнымъ и церемоніальнымъ журналамъ 1695—1774. I—II. СПБ. 1910.

Араповъ П. Лѣтопись русскаго театра. СПБ. 1861.

Аріанъ П. П. Первый женскій календарь. 1899 и слѣд. гг.

Arneth. Ioseph II and Catharina.

Арсеньевъ К. И. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, приведенныя въ порядокъ и изданныя академикомъ Пекарскимъ. СПБ. 1872.

Арсеньевъ К. И. Отрывокъ изъ записокъ. Олонецкія Губернскія Вѣдомости. 1866. № 7.

Архангельскій А. С. Императрица Екатерина II въ исторіи русской литературы и образованія. Казань. 1897.

Архивъ Государственнаго Совѣта Т. I, ч. II. СПБ. 1869.

Афанасьевъ А. Н. Черты русскихъ нравовъ XVIII столѣтія. Русскій Вѣстникъ. 1857 г. №№ 10 и 11.

Балобанова, Е. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. СПБ. 1913.

[1]) Заглавія изданій, упоминаемыхъ по одному разу, полностью помѣщены въ примѣчаніяхъ и въ списокъ не включены.

Барсовъ. И. Нѣсколько замѣчаній историческихъ и разсужденій о вопросахъ современности. СПБ. 1899.

Батюшковъ. Памятная записка. Рук. Музей Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Бенуа Александръ и Лансере Н. Дворцовое строительство Императора Николая I. Ст. Годы. 1913 VII—IX.

Бецкій И. И. Гувернантка. 1862. №№ 2 и 3.

Библіотека дворца г. Павловска. I. СПБ. 1874.

Библіографическій указатель матеріаловъ по исторіи русской школы Над. журн. Педагогическій Сборникъ.

Biedermann Karl. Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert. I—IV. Leipzig. 1880.

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины II. Т. I. СПБ. 1890. Т. II. Берлинъ. Т. XII. СПБ.

Бильбасовъ В. А. Jeanne-Elisabeth, mère de Catherine II. St. Pétersbourg. 1889.

Бильбасовъ В. А. Историческія монографіи. Т. II. СПБ. 1901.

Благотворительныя учрежденія королевы Вюртембергской Екатерины Павловны. СПБ. 1861.

Blüm. Ein russischer Staatsmann. Leipzig. 1857—1858.

Бобринскій, графъ. Дневникъ. Русскій Архивъ. 1877 г. № 10.

Богдѣновъ, И. П. Записка о самомъ себѣ. Русскій Архивъ 1906 г. кн. I.

Богословскій М. Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Москва. 1906.

Божеряновъ. Великая Княгиня Екатерина Павловна, герцогиня Ольденбургская, королева Вюртембергская. СПБ. 1888.

Болдырева. Воспоминанія. Рук.

Болотовъ А. Т. Записки. тт. I—II 1871, тт. III—IV. 1873. СПБ.

Болотовъ А. Т. Памятникъ протекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и появившихся въ народѣ слухахъ. Москва. 1875.

Бошнякъ, И. Экспедиція въ приамурскомъ краѣ. Морской Сборникъ. 1859 г. № 2.

Брикнеръ. Исторія Екатерины II. тт. I—IV. СПБ. 1885.

Булычъ Н. Сумароковъ и современная ему критика. СПБ. 1854.

Бурнашевъ М. Театръ при Императорской Академіи Художествъ въ XVIII в. Старые Годы. 1907 г. IX.

Бунинскій П., проф. Отзывы о Павлѣ I его современниковъ. Харьковъ. 1901 г.

Бѣлокуровъ А. Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ при русскомъ дворѣ. Вып. I. Москва. 1893.

Бѣляевъ И. Русское общество отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II. Библіотека для чтенія. 1865. II.

Бюлеръ Ѳ. А., баронъ. Императрица Марія Ѳеодоровна въ 1807 г. Русская Старина. 1890. X.

Бюлеръ Ѳ. А., баронъ. Благовѣнной памяти Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ. Очеркъ и письма. СПБ. 1890.

Валишевскій К. Дочь Петра Великаго Елисавета I, Императрица Всероссійская. СПБ. 1911.

Waliszewski K. Autour d'un trône. Paris. 1897.

Waliszewski K. Le roman d'une impératrice. Cathérine II de Russie. Paris. 1893.

Walther, von. Dr. Chr. Fried. Das fünfzig-järige Jubiläum seiner Kais. Hoheit des Prinz Peter Georgaiwitsch von Oldenburg. den 1/13 December 1880. Lateinisch-deutsche alcaische Ode fon Dr. Chr. Fried. von Walther, wirkl. Staatsrath. St. Petersbourg. 1880.

Васильковъ Н. Старая легенда о новыхъ людяхъ». Вѣстникъ Воспитанія. 1895. № 7.

Венгловскій, А. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Павловскаго института. СПБ. 1879.

Vend, Vera. L'amiral Nevelscoy et la conquête définitive du fleuve Amour. Paris. 1894.

Верюжскій, В. Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій. СПБ. 1908.

Веселовскій, А. Этюды и характеристики. М. 1903.

Веселовскій, Ю. Къ юбилею школьныхъ журналовъ въ Россіи. Москва. 1910.

Веселовскій, Ю. Къ исторіи борьбы съ невѣжествомъ и дурнымъ воспитаніемъ въ русской литературѣ. Москва. 1900.

Вейдемейеръ, А. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. СПБ. 1845. I—II.

Вейдемейеръ, А. Царствованіе Елисаветы Петровны. СПБ. 1849. I—II.

Вилламовъ, А. Воспоминанія о жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вѣстникъ Благотворительности. 1870. №№ 1, 2, 4.

Вилламовъ, Г. И. Хронологическое начертаніе дѣяній Блаженныя памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ пользу состоявшихъ подъ Высочайшимъ Ея покровительствомъ заведеній. СПБ. 1897.

Винскій. Мое время. Русск. Арх. 1877. I.

Водовозова, Е. Н. На зарѣ жизни. Воспоминанія. СПБ. 1911.

Военскій (подъ ред.). Московскій университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 г. Документы Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія СПБ. 1912.

Voltaire. Oeuvres complètes, Gotha. 1788.

Volf, K. Denkschrift zu der fünfzigjährigen Jubelfeier des Catharinen stiftes in Stuttgart. 1868. Переводъ подъ редакціею К. Тимоѳеева. СПБ. 1872.

Воронова, А. Ѳеодоръ Ивановичъ Яновичъ де-Мирѣево или народныя училища въ Россіи при Екатеринѣ II. СПБ. 1858.

Воронова, А. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. г. СПБ. 1849.

Воскресенскій, І., протоіерей. Нравоученіе для благородныхъ воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ и Института Ордена Св. Екатерины. СПБ. ч. I. 1813.

Врангель, Н. П., баронъ. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ и частныхъ собраніяхъ. СПБ. 1911.

Врангель, Н. П., баронъ. Вѣкомъ мерянымъ. СПБ. 1913.

Всеволодскій, В. (Гернгросъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи т. I. СПБ. 1913.

Всеподданнѣйшіе отчеты по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за 1891, 1898 и слѣд. годы.

Вяземскій, П. А., князь. Полное собраніе сочиненій. т. VIII. 1893.

Voyage de deux français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1792. I—III. Paris. 1796.

Габерцетель, А. М. Воспоминанія. Рук.

Haumant. La culture française en Russie (1700—1900). Paris. 1910.

Haumant. La Russie au XVIII-me siècle. Paris. 1905.

Hautecour. L'architecture classique à St. Pétersbourg. Paris. 1912.

Haxthausen. Baron Auguste de Haxthausen. Etude sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. I—Hanovre. 1847. II.—Hanovre. 1848. III—Berlin. 1853.

Георги, І. Г. Описаніе Россійско-Императорскаго столичнаго города Санкт-Петербурга и достопримѣчательностей въ окрестностяхъ онаго. СПБ. 1794.

Генневеръ, Р. Принцъ П. Г. Ольденбургскій. Его жизнь и дѣятельность. СПБ. 1912.

Глинка, С. Н. Изъ записокъ С. Н. Глинки. Русскій Вѣстникъ. 1866. №№ 1 и 2.

Глинскій. Орестъ Ѳеодоровичъ Мазеръ. СПБ. 1896.

Голицынъ, Н. Н. Библіографическій словарь русскихъ писательницъ.

Голицынъ, П., князь. Первый обѣдъ Сената. СПБ. 1910.

Головина, гр. Мемуары гр. Головиной, урожд. гр. Голицыной. 1766—1821. Предисловіе и примѣчанія Вилишевскаго. Москва 1911.

Головкинъ, Ф. Дворъ и царствованіе Павла I. Портреты, воспоминанія и анекдоты. М. 1912.

Гольцевъ, В. А. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. СПБ. 1896.

Hommage à la mémoire de Madame la Princesse de Lieven. SPb.

Howard John. A memoire by Hepworth Dixon. London. 1854.

Грабарь. И. Исторія русскаго искусства. т. III.

Гречъ, Н. И. Записки. Русскій Архивъ. 1873. № 3.

Грибовскій, А. М. Записки объ Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Москва. 1864.

Гримм. Alexandra Féodorowna, Kaiserin von Russland. I—II. Leipzig. 1866.

Гротъ, Я. К. Екатерина II въ переписки съ Гриммомъ. СПБ. 1879.

Гротъ, Я. К. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму. Сборн. Отд. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XX.

Гротъ, Я. Воспитаніе Екатерины II. Древняя и Новая Россія. 1875. № 2.

Гротъ, Я. К., акад. Екатерина II и Густавъ III. Прил. къ XXX т. Зап. Имп. Академіи Наукъ. СПБ. 1877.

Грунскій. Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго. Юрьевъ. 1912.

Гуревичъ. Семеновъ (некрологъ). Русская Школа. 1902 г. № 4.

Давыдовъ, И. И. Воспоминанія о графѣ С. С. Уваровѣ. Учен. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. II кн. вып. I. 1856 г.

Данилевскій. Основьяненко. Отеч. Записки. 1855 г.

Даниловъ, М. В. Записки артиллеріи маіора Мих. Вас. Данилова, написанныя имъ въ 1771 г. Москва. 1842.

Дараганъ, П. М. Воспоминанія перваго камеръ-пажа Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. Русская Старина. 1875 г., XII, XIII.

Дашкова, кн. Mémoires de la Princesse Dashkow. D'après le manuscrit revu et corrigé par l'auteur. Архивъ князя Воронцова. Книга 21. Москва. 1881.

Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (1858—1883). Краткая историческая записка. СПБ. 1883.

Дивова. Записки. Рук.

Delines. La France jugée par la Russie. Paris.

Delvalle. La Chalotais éducateur.

Descriptions des visites de Leurs Majestés et de Leurs Altesses Impériales en 1865—1874 ann. Рук. (Муз. Имп. Воен. Общ.).

Diderot. Oeuvres complètes. Paris. 1875.

Diderot inédit, d'après les manuscrits de l'Ermitage. Revue des deux mondes. 1879. Septembre.

Дюринъ, А. Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія. СПБ. 1885.

Дмитріевъ М. А. Князь Пв. Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія. Москва 1863.

Дмитріевъ М. А. Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва. 1869.

Дневникъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. I—II Рки.

Довнаръ-Запольскій М. В., проф. Реформа общеобразовательной школы при Императрицѣ Екатеринѣ II. Москва. 1906.

Долгорукій, И. М. кн. Записки. Русскій Библіофилъ. 1913 г. I—IV.

Долгорукій, И. М., кн. Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Сочиненіе князя Ивана Михайловича Долгорукаго, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Москва. 1874.

Долгорукій, П., кн. Россійская родословная книга. издаваемая кн. Петромъ Долгорукимъ. I. 1854.

Dreyfus-Brisac. Petits problèmes de bibl. pédagogique. Colen. 1892.

Дризенъ, Н. В., баронъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Москва. 1905.

Дризенъ Н. В., баронъ. Столѣтіе существованія Императорскихъ театровъ СПБ. 1906.

Dupré de Saint-Maure Emile. Anthologie russe. Paris. 1823.

Duvernoy. Ephémerides du comte de Montbelliard. Besançon. 1832.

Дягилевъ С. П. Д. Г. Левицкій.

Дѣтская больница Принца П. Г. Ольденбургскаго въ С.-Петербургѣ. Всемірная Иллюстрація 1870 г. № 62.

Дѣтская больница Принца Ольденбургскаго. Иллюстр. Газета 1870. Т. XXV. № 3.

Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. 1764 и слѣд. годы.

Еверская. Изъ воспоминаній институтки. Нов. Вр. 11 апр. 1901 г. (приложеніе).

Ермитажный театръ Великія Екатерины, въ которомъ собраны пьесы, игранныя въ Ермитажѣ Императрицы Екатерины II, сочиненныя Самою Ею и Особами, составлявшими Ея сообщество. Переводъ съ французскаго. I—II. М. 1802.

Ермоловъ, А-дръ С. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. СПБ. 1912.

Ермоловъ, А-дръ С. Родъ Ермоловыхъ. М. 1913.

Жерве Н. П. и Строевъ В. Н. (подъ ред. А. К. Леберга). Историческій очеркъ 2-го Кадетскаго Корпуса. (1712—1912) т. I. СПБ. 1912.

Жихаревъ Степанъ Петровичъ. Записки 1805—1807. Москва. 1891.

Жуковскій В. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изд. 10-е, подъ ред. Ефремова. СПБ. 1901.

Жуковскій Э. Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

Журналъ бытности въ Россіи Его Королевскаго Высочества Принца Прусскаго Генриха съ 1 Окт. 1770 г. Генваря по 26 число 1771 г.

Журналы Комитета Министровъ. Царствованіе Императора Александра I. т. II. СПБ. 1891.

Записки старой сплетницы. К. П. Б—вой. 1833—1878. чч. I—II. СПБ. 1898.

Захарченко, М. М. Памяти графа Н. А. Протасова-Бахметева. СПБ. 1901.

Знаменскій П. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань. 1881 г.

Зн-скій С. К. С.-Петербургскій Вдовій Домъ съ филантропическими отдѣленіями. СПБ. 1903.

Зритель свѣта. 1775 г.

Извлеченіе изъ отчетовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1831 и слѣд. годы.

Извѣстіе о жизни и дѣятельности бывшихъ президентовъ Академіи Наукъ. I. Гр. С. С. Уваровъ. Отчеты Имп. Акад. Наукъ по отд. рус. яз. и слов. за 1852—65.

Изданіе Императорскаго Воспитательнаго Дома къ пользѣ общества служащее. Т. III. СПБ. 1791.

Изъ далекаго прошлаго. Рец.

Иконниковъ В. С. Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 7. Кіевъ. 1893.

Иконниковъ В. С. Значеніе царствованія Екатерины II. Кіевъ. 1897.

Иллюстрированное описаніе торжества бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны. СПБ. 1887.

Ильинскій Н. И. Записки. Русскій Арх. 1879. III.

Императрица Александра Ѳеодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ. Русская Старина. 1896 г. X.

Императрица Екатерина II. Сочиненія. Над. Академіи Наукъ. Съ примѣчаніями Пыпина. Т. XII. СПБ. 1907.

Инструкціи начальницамъ женскихъ учебныхъ заведеній и членамъ мѣстныхъ Совѣтовъ по частямъ учебной и хозяйственной, утв. Императрицей Александрой Ѳеодоровной 28 іюня 1847 г. СПБ. 1855.

Инструкція Бецкаго офицерамъ, отправленнымъ путешествовать заграницу по окончаніи Кадетскаго Корпуса. Матеріалы объ И. И. Бецкомъ. Чт. Ист. и Др. Россійск. 1863. Кн. 4.

Инструкція о воспитаніи сто лѣтъ назадъ. 1772—1775. Сообщ. Пичаревъ. Русская Старина. 1881. Т. XXXI.

Историческая Выставка Архитектуры. СПБ. 1911.

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. Вып. III. СПБ. 1873. Вып. VI. СПБ. 1878.

Jauffret. Catherine et son règne. I—II. Paris. 1860.

Калайдовичъ, П. Историческая справка о соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній.

Каллашъ, В. Изъ исторіи Екатерининской школы. Вѣстникъ Воспитанія. 1898. XI.

Каллашъ, В. В. Двѣнадцатый годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ. Москва. 1912 г.

Калашниковъ М. В. Записки. Рец.

Камеръ-фурьерскіе журналы. 1748 и слѣд. годы.

Campan. Mémoires sur la vie privée de Marie Antoinette, reine de France et de Navarre. Mis en ordre et publiés par M. Barrière. I. Paris 1823.

Кампе. Отеческіе совѣты моей дочери.

Каптеревъ П. Ф. Исторія русской педагогіи. Спб. 1910.

Каптеревъ П. Ф. Педагогическіе идеалы и взгляды Ушинскаго. Образованіе. 1895.

Карабановъ П. Ѳ. Статсъ-Дамы и Фрейлины Русскаго Двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Русская Стар. 1870. т. II. 1871. тт. III, IV.

Карамзинъ Н. М. Сочиненія. СПБ. 1848.

Караханинъ Н. М. Неизданныя сочиненія и переписка. СПБ. 1862.

Карцовъ Н. С. Маріинскій институтъ. 1797—1897. Историческій очеркъ. СПБ. 1897.

Castera. Histoire de Cathérine II, Impératrice de Russie. I—IV. Paris.

Кашкъ. Реформаторы воспитанія. Москва. 1892.

Кеппенъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. СПБ. 1827.

Кизеветтеръ А. А. Историческіе очерки. М. 1912.

Кирпичниковъ А. И., проф. Педагоги прошлаго вѣка. Истор. Вѣстникъ. 1883. IX.

Кладо. Далекое прошлое. Рец.

Ключевскій В. Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему. Опытъ опредѣленія жизненной стоимости старинныхъ рублей по хлѣбнымъ цѣнамъ. М. 1884.

Ключевскій В. Воспоминаніе о Новиковѣ и его времени. Русская Мысль. 1895. I.

Ключевскій В. Недоросль Фонвизина. Опытъ историческаго объясненія учебной пьесы. Искусство и Наука. 1896. № 1.

Ключевскій В. Императрица Екатерина II. (1796—1896.) Русская Мысль. 1896. XI.

Ключевскій В. проф. Курсъ русской исторіи. ч. IV. М. 1910.

Кобеко Д. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 2. СПБ. 1883.

Кобеко Д. Ѳ. Императрица Марія Ѳеодоровна, какъ художница и любительница искусствъ. Вѣстн. Изящн. Иск., задан. при Имп. Акад. Худ. 1884. т. II, вып. VI.

Кобеко Д. Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПБ. 1911.

Ковалевскій Е. Графъ Блудовъ и его время.

Колотовъ П. Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской. ч. I. СПБ. 1811.

Комаровскій Н. Е., графъ. Записки. М. 1912.

Corberon. Un diplomate français à la cour de Cathérine II (1775—1780). Journal intime. I—II. Paris. 1901.

Correspondence de S. M. L'Impératrice Marie Féodorowna avec Mademoiselle Nélidoff (1797 — 1801). Paris. 1896.

Костіевская. Записки. Ркп.

Костомарова А. К. Воспоминанія. Ркп.

Cox William. Travels into Poland, Russia etc. London. 1784.

Craven. Letters from the R. H. lady Craven. London. 1814.

Краткое наставленіе, избранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества. СПБ. 1768.

Краткое свѣдѣніе о началѣ и окончаніи собора всѣхъ учебныхъ заведеній во имя Воскресенія Христа Спасителя и бывшемъ въ ономъ торжествѣ 22 іюля 1835 года. СПБ. 1836.

Краткій хронологическій обзоръ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Курбатовъ В. Павловскъ. СПБ. 2-е изд.

Курбатовъ В. Петербургъ. СПБ. 1913.

La cour de Russie en 1807—1808. Revue d' histoire diplomatique 1890. III.

La cour de Russie il y a cent ans. 1725—1783. Berlin. 1858.

Lacroix Paul. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie. I—III. Paris. 1869.

Laveleye. Les progrès de l'instruction en Russie. Revue des deux Mondes. 1874, avril.

Лаврентьева, С. И. Воспоминанія. Ркп.

Лаврентьева, С. И. Пережитое. Изъ воспоминаній. СПБ. 1914.

Лавровскій Н. О педагогическомъ значеніи Екатерины II. Актъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, 1856. Харьковъ 1856.

La fête du sentiment, petit divertissement champêtre, donnée à Son Excellence monsieur Léon de Nariskin, grand-écuyer de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies etc., etc., etc., présentée par Son Excellence madame son épouse et executée par sa famille. A son retour de ses voyages. St. Pétersb.

Lettres de Sa Majesté l' Impératrice Marie Feodorowna à mademoiselle de Nélidow, publiées par Eugène Choumigorsky. Livraison I (1797—1798). St. Petersb. 1898.

Л. Л. Юбилей 25 лѣт. попечит. надъ Императорскимъ Александровскимъ Лицеемъ Его Императорскаго Высочества Принца П. Г. Ольденбургскаго. Русск. Инвалидъ. 1868. № 31.

Лалаевъ. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній. I. СПБ. 1880.

Ла-Мессельеръ. Записки о пребываніи въ Россіи. Русскій Архивъ. 1874.

Hélène Lange und Gertrud Bäumer. Handbuch der Frauenbewegung. I—II. Berlin. 1901. III. Berlin. 1902.

Лаппо-Данилевскій, А. С. И. И. Бецкій и его система воспитанія. Отчетъ о 44 присужд. наградъ гр. Уварова. СПБ. 1904.

Лаппо-Данилевскій, А. С. Очеркъ внутренней политики Императрицы Екатерины II. СПБ. 1898.

Латкинъ, В. Н. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст. т. I. СПБ. 1887.

Лебедевъ, Павелъ, протоіерей. Протоіерей Іоаннъ Филипповичъ Недешевъ. СПБ. 1874.

Левшинъ, А. Домашній памятникъ. Русск. Стар. 1873. I.

Левшинъ, А. Женскіе нравы и воспитаніе прошлаго вѣка. Колосья. 1875.

Lettres autographes de feu Sa Majesté l'Impératrice Marie Féodorowna au prince Serge Mikhailow Golitzin, tuteur honoraire de tous les établissements de bienfaisance et d'éducation à Moscou. 1808—1828. M. 1884.

Lieven, Pr. Correspondence of Princess Lieven and Carl Frey, edited and translated by Guy le Strange. I—III. London. 1890—1891.

Лицей 1806. Ч. I кн. 3.

Лихарева, Н. И. Изъ исторіи педагогической мысли. Вопросы методики исторіи въ Россіи XVIII вѣка. Сборн. имени Н. М. Гревса. СПБ. 1911.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. I—III. СПБ.

Лунинъ. Записки. Ркп. (Румянц. Музей).

Люстрицкій. Очеркъ педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго. Казань. 1882.

Лѣтописи русской литературы и древностей, подъ ред. Н. С. Тихонравова. тт. IV—V. М. 1863.

Макаревскій, прот. Смоленскій Вознесенскій дѣвичій монастырь. Смоленскъ. 1860.

Малининъ, В. Д. И. Фонвизинъ, какъ авторъ комедій. Труды Кіевской Духовной Акад. 1894. № 3.

Малиновскій, Н. П. Очерки по исторіи женскаго образованія въ Россіи. Русская Школа. 1914. IX—X.

Марина, М. И. Фешенебельный пансіонъ прошлаго столѣтія. Русск. Стар. 1913. X.

Матеріалы для біографіи Ушинскаго (Дневники, лекціи, письма о воспитаніи). Собр. неизд. соч. К. Д. Ушинскаго. СПБ. 1908.

Masson C. F. P. Mémoires secrets sur la Russie pendant les règnes de Cathérine II et de Paul I. Paris. 1863.

Майковъ, П. М. И. И. Бецкій. СПБ. 1904.

Матеріалы для исторіи царствованія Императора Николая I. Доклады, относящіеся къ Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Ркп. Хран. въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.

Мердеръ, Н. Люди былого времени. Изъ разсказовъ Вѣры Ив. Анненковой и другихъ старожиловъ. Русск. Архивъ. 1906. I.

Merkle. Jugendjahre der Kaiserin Maria Féodorowna von Russland. 1759—1776 von Merkle. Stuttgart. 1892.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. I—II. СПБ. 1902. III. СПБ. 1903.

Милюковъ, П. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. СПБ. 1905.

Mirabeau, comtesse. Lettres inedites de la princesse de Lieven à M. de Bacourt, par M-me la comtesse de Mirabeau. Le Correspondant. 1893.

Митрофановъ, П. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и враги. СПБ. 1907.

Михайловскій, Я. Императрица Екатерина II въ письмахъ Ея къ воспитанницахъ Смольнаго монастыря. Женск. Образ. 1879. № 1.

Михневичъ, В. Русская женщина въ XVIII столѣтіи. Женск. Образ. 1880 г., №№ 8, 10, 1881 г., №№ 1, 3, 4, 6—12, 1882 г.

Модзалевскій, Л. Н. Къ біографіи К. Д. Ушинскаго (Отдѣл. оттискъ изъ газ. «Кавказъ», 1881 г., №№ 259, 274, 281). Тифлисъ. 1881.

Модзалевскій, Л. Н. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Ч. II. СПБ. 1899.

Молчановъ. Полвѣка назадъ. СПБ. 1892.

Молчановъ. Воспоминанія о Сперовѣ. Русск. Стар. 1883, т. XXXIX.

Моранъ, П. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). М. 1912.

Мордвиновъ, З. Е. Статсъ-дама М. П. Леонтьева. СПБ. 1902.

Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи. СПБ. 1867.

Морлей, Джонъ. Дидро и энциклопедисты. М. 1882.

Московскія Вѣдомости. 1829 г.

Московскій Телеграфъ. 1828 г.

Мурзакевичъ, Н. Кабинетъ Зимняго дворца Императрицы Екатерины II (съ 5 сент. 1793 г. по 13 авг. 1795 г.). Журн. Мин. Народн. Просв. 1872. VIII.

Мѣщаниновъ, Н. Памяти Принца П. Г. Ольденбургскаго. СПБ. 1911.

Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. СПБ. 1906.

Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Подъ ред. Н. Д. Чечулина. СПБ. 1907. Изд. Акад. Наукъ.

Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, отъ Императрицей Александрой Ѳеодоровной 27 февр. 1852. СПБ. 1857.

Некрашевичъ-Поклядъ, М. С. Изъ воспоминаній институтской жизни 1874—1881 гг. Ркп.

Неустроевъ, А. П. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1803 гг. и къ историческимъ розысканъ о нихъ. СПБ. 1898.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Императоръ Александръ I. СПБ. 1912.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Императрица Елизавета Алексѣевна СПБ. 1908—1909.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПБ. 1910.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Письма Высочайшихъ Особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. СПБ. 1913.

Никольскій, А. Школьная реформа Императрицы Екатерины II. Журн. Мин. Народн. Просв. 1872. VIII

Никитенко, А. В. Записки и Дневникъ (1804—1877). I—II. СПБ. 1905.

Никитенко А. В. Краткое извѣстіе о жизни и ученыхъ трудахъ ординарнаго профессора правъ д. ст. сов. П. Д. Лодія. Сѣверн. Пчела. 1829. № 86.

Нѣсколько чертъ изъ институтскаго быта. Русск. Педагогическій Вѣстн. 1861. VII.

Oberkirch, baronne. Mémoires sur la Cour de Louis XVI et la société française avant 1789, publiées par le comte Leonce de Montbrison. I—II. Paris. 1853.

Одоевскій, кн. В. Ѳ. Два письма его къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. СПБ. 1898.

О женскихъ институтахъ и преподаваніи въ нихъ. Гласный Судъ. 1867 г. №№ 198, 207.

Ольденбургскій, Принцъ Петръ Георгіевичъ. Два письма его къ Императору Николаю Павловичу изъ Лондона

въ 1836 г. Русск. Старина. 1881. т. XXXI.

Ольденбургскій, Принцъ Петръ Георгіевичъ. Поэзія и Музыка. Баллада. На русскомъ и нѣмец. яз.

Oldenburg, von Prinz Peter. Schwingen der Liebe gedichtet und in Musik gesetzt von Peter, Prinz von Oldenburg. St. Petersburg, bei Th. Stellovsky. СПБ. 1861.

Ольденбургскій, Принцъ П. Г. Музыкальныя сочиненія, посвященныя воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благор. дѣвицъ и Училища Ордена Св. Екатерины, Членомъ Совѣта сихъ заведеній Принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ. Аккомпанименть А. Гензельта.

Описаніе наводненія, бывшаго въ Санктпетербургѣ 7 Ноября 1824 г. Изд. Самуилъ Аллеръ. СПБ. 1826.

Описаніе торжествъ, происходившихъ въ Воскресенскомъ всѣхъ учебныхъ заведеній соборѣ 22 Іюня 1836 г. СПБ. 1836.

Основы пищевого довольствія воспитанницъ въ институтахъ и пансіонахъ при женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. СПБ. 1913.

Острогорскій, А. Пироговъ и его педагогическіе завѣты. Очерки по исторіи русской педагогической мысли. СПБ. 1914.

Острогорскій; В. Изъ исторіи моего учительства. СПБ. 1893.

Острогорскій, В. Педагогъ-идеалистъ. Вѣсти. Воен. 1891. I.

Острогорскій, В. и Семеновъ, Д. Русскіе педагогическіе дѣятели: Пироговъ, Ушинскій и бар. Корфъ. М. 1887.

Отчеты по медицинской части Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи за 1894 и слѣд. годы.

Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ф. Миллера. СПБ. 1889.

Очеркъ исторіи женскихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ея Величества покровительствомъ. Гувернантка. 1862. №№ 1, 4—5.

Открытіе памятника Принцу Ольденбургскому. Историч. Вѣсти. 1889. Т. XXXVII.

Отчетъ о состояніи дѣтскаго пріюта Его Имп. Высочества Принца Ольденбургскаго за 1856 г. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1857 г. ч. XXV, кн. 8.

Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. СПБ. 1897.

Письма Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Августѣйшей Основательницы и Покровительницы Московской Маріинской Больницы для бѣдныхъ къ Почетному Опекуну А. П. Муханову. (1800—1828). М. 1886.

Памяти Екатерины Владиміровны Родзянко, Начальницы Училища Ордена Св. Екатерины. СПБ. 1898.

Памятные дни для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Русскій Базаръ. 1864. №№ 7 и 8.

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея за 1886 г.

П. В. Г. Обновленіе Александро-Невской церкви Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. СПБ. 1869.

Пашковъ, А. Жизнь и труды Принца П. Г. Ольденбургскаго. Ко дню 50-лѣтія Училища Правовѣдѣнія. СПБ. 1885.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. I. СПБ. 1878.

Пекарскій, П. Русскіе мемуары XVIII вѣка. Современникъ 1853 г. IV, VIII.

Пекарскій, П. Редакторъ, сотрудникъ и цензоръ въ русскомъ журналѣ 1755—1764. СПБ. 1867.

Переписка гр. Л. Н. Толстого съ графиней А. А. Толстой. (1857—1903). СПБ. 1911.

Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1803 г.

Несновскій. Ушинскій, его жизнь и педагогическая дѣятельность. СПБ. 1892.

Петровъ, П. Н. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ за 100-лѣтіе ея существованія. Ч. I—III и прил. къ I части. СПБ. 1864—1865.

Петровъ, П. Н. Матеріалы по строительной части въ Россіи. Журн. Мин. Пут. Сообщ. 1869, кн. 3.

Петровъ, П. Н. Матеріалы для біографіи графа Растрелли. Зодчій. 1879. № 3.

Петровъ, П. Н. Исторія Санктпетербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ (1700—1782 г.г.). СПБ. 1885.

Платоновъ, С. Ф., проф. Лекціи и статьи по русской исторіи. СПБ. 1903.

Плетневъ, П. А. Памяти гр. С. С. Уварова (1786—1855), президента Императорской Академіи Наукъ. Учен. Зап. II Отд. Ак. Н. Кн. 2, вып. 1. 1856.

Подвиги Русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—1855 г.г. При-Амурскій и При-Уссурійскій край. Посмертныя записки Адмирала Невельскаго. Изд. 2, доп. письмами Е. И. Невельской.

Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины Великой, Премудрой Матери Отечества. М. 1806.

Полное Собраніе Законовъ.

По поводу кончины Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Женск. Образ. 1881. № 5, стр. I—II.

По поводу 50-лѣтія книги «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ». Ркп.

Пономаревъ, С. И. Наши писательницы. СПБ. 1891.

Поповъ, А. Н. Москва въ 1812 г.

Порошинъ, Семенъ. Записки, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Павла Петровича. СПБ. 1881.

Пребываніе Наслѣднаго Принца Прусскаго Фридриха-Вильгельма въ С.-Петербургѣ. Прил. къ камеръ-фурьерскому журналу 1780 г. СПБ. 1890.

Привилегіи и Уставъ Императорской Академіи трехъ знатнѣйшихъ художествъ: живописи, скульптуры и архитектуры, съ воспитательнымъ при оной Академіи Училищемъ. СПБ. 1774.

Прощальная пѣсня выпускныхъ воспитанницъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ 1830 г., соч. Тимаевымъ. Лит. Приб. къ Русск. Инв. 1831 г., № 26.

Пушкаревъ, И. Описаніе Санктпетербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи. I—III. СПБ. 1839.

Пыляевъ. Полубаревія затѣи. СПБ. 1886.

Пыляевъ. Старый Петербургъ. СПБ. 1887.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. I—IV. СПБ. 1903.

Пятковскій, А. Н. П. Бецкій. Дѣло. 1867 г., №№ 4, 5, 7—9.

Радищевъ, П. А. Н. Радищевъ. Русск. Вѣсти. 1858. XII.

Раевскій, С. Къ постройкамъ стараго Петербурга. Русск. Стар. 1911. VI.

Рамазановъ, Н. Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. Книга I. М. 1863.

Rambaud. L'éducation des filles en Russie. Revue des deux Mondes. 1873, Mars.

R. (app) H (einrich). Maria Feodorowna, die Kaiserin Mutter von Russland in Württemberg den 13 bis 18 Oct. 1818. Aus dem Württembergischen Jahrbuch herausgegeben. 1819. J. XLII—LXIII. Ркп. (Библ. Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго).

Réau Louis. Saint-Pétersbourg. Paris. 1913.

Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Feodorowna aux tuteurs honoraires et aux supérieures des instituts de Moscou. Première livraison. Lettres de S. M. à M-me de Pewtzoff. Москва. 1883.

Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Feodorowna aux tuteurs honoraires et aux supérieures des instituts de Moscou. 2-me livraison. Lettres de Sa Majesté au prince S. M. Golitzine. M. 1885.

Recueil Historique. XIX siècle. Екатерина Павловна, Королева Виртембергская. 1816—1819.

Revue Moderne, t. XXXVI. Paris. 1866.

Reimers. L'académie des Beaux Arts de St. Pétersbourg.

Рехневскій, Ю. Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Вѣстн. Евр. 1871. II.

Rjewsky. Des affections qui m'ont tenu longtemps lieu de ceux de la nature ou mon sejour de 11 ans à la Communauté. Рец. (Русскій переводъ съ сокращ. напечат. въ Русск. Арх. 1871).

Rieger, Klinger in der Sturm und Drangperiode. Darmstadt. 1880.

Riffé, de F. S. Théatre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoi, ou recueil de pièces arrangées ou composées dans différentes circonstances pour les classes inférieures de cet établissement. St. Pétersbourg. 1815.

Рождественскій, С. В. Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія. СПБ. 1902.

Рождественскій, С. В. Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. СПБ., 1910.

Рождественскій, С. В. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вв. т. I. СПБ. 1912.

Rosenkranz. Diderot's Leben und Werke. I—II. Leipzig. 1866.

Романовичъ-Славатинскій, проф. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права. Кіевъ. 1912.

Рубанъ, В. Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга отъ начала заведенія его съ 1703 по 1734 годъ, сочиненное Г. Богдановымъ, дополненное и изданное Василіемъ Рубаномъ. СПБ. 1779.

Рубецъ, А. А. «Наставникамъ, хранящимъ юность нашу». СПБ. 1911.

Рукевичъ, Н. Рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія 14 авг. 1912 г. въ день столѣтія со дня рожденія Принца П. Г. Ольденбургскаго. СПБ. 1912.

Sabatier de Cabres. Cathérine II et Sa Cour en 1772.

Салтыковъ, Ѳ. Пропозиціи Ѳедора Салтыкова. Прил. V къ Отчетамъ о засѣд. Общества Любителей древней письменности. СПБ. 1891—1892.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеч. изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи. V. СПБ., 1892 г., VI. СПБ. 1893.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ. III—IV. М. 1883.

Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. тт. I—VII. СПБ. 1864—1888.

Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. тт. I—III. СПБ. 1884—1898.

Свенске. Воспоминанія о Матвѣѣ Максимовичѣ Тимаевѣ. Журналъ для воспитанія. 1859. I.

Ségur, de le comte. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. I—III. Paris. 1827.

Селезневъ, И. Хроника Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. СПБ. 1878 г.

Селивановъ, В. В. Сочиненія, т. I. Владиміръ на Клязьмѣ. 1901.

Семевскій, М. Павловскъ. СПБ. 1872.

Семевскій, М. *Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II.* СПБ. 1881.

Семевскій, В. И. Василій Ивановичъ Водовозовъ. СПБ. 1888.

Семеновъ, Д. Д. Вліяніе школы и среды на развитіе природнаго таланта. (По поводу смерти Л. Н. Модзалевскаго) М. 1897.

Семеновъ. Н. И. Раевскій. Вѣстн. Воен. 1899, I.

Сенатскій Архивъ, т. I. СПБ, 1888, тт. XIII—XIV. СПБ. 1910.

Сенатскія Вѣдомости. 1859 г.

Сербиновичъ. Воспоминанія. Русск. Стар. 1874. X.

Середонинъ, С. М. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. I—IV. СПБ. 1902.

Siestrzenwiez-Bohusz. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzenwicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Première partie (1797—1798).

Сиповскій, В. В. Очерки изъ исторіи русскаго романа. т. I. СПБ. 1909.

Смирнова, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). СПБ. ч. I. 1894. ч. II. 1897.

Смирновъ, В. П. Описаніе русскихъ медалей. Изд. СПБ. Монетнаго Двора. СПБ. 1908.

Снѣгирева, Л. Л. Какъ я поступила въ Смольный монастырь, Ист. Вѣстн. 1903 г. I.

Собраніе узаконеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, тт. IV—V. СПБ. 1895—1913.

Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, съ прочими въ пользу Общества установленіями, т. I. СПБ. 1789.

Соколова, А. П. Встрѣчи и знакомства. Истор. Вѣстн. 1913. II.

Соколова, А. И. Изъ юныхъ лѣтъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Ист. Вѣстн. 1915. I.

Солнцевъ, В. «Всякая всячина» и «Спектаторъ» (къ исторіи русской сатирической журналистики XVIII вѣка). СПБ. 1892.

Соловьевъ, С. М. Исторія, тт. XXV—XXVIII. Изд. «Общественная польза».

Старчевскій, А. Мои воспоминанія о К. Д. Ушинскомъ. Народн. Школа. 1885. I.

Старые годы. 1908. VII—IX. Очерки по искусству эпохи Александра I.

Старые годы. 1911. VII—IX. Иностранные художники XVIII столѣтія въ Россіи.

Старые годы. 1913. VII—IX. Высокохудожественная забава Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Стерлигова, А. В. Воспоминанія о Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ (1850—1856). Русск. Арх. 1898. IV.

Стоюнинъ, В. А. Педагогическія сочиненія. СПБ. 1892.

Сумароковъ, А. С. Сочиненія. М. 1781.

Сумароковъ, П. И. Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великой. СПБ. 1832.

Сумароковъ, Павелъ. Черты Екатерины Великой. СПБ. 1819.

Сухомлиновъ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. т.т. I—II. СПБ. 1889.

Сухомлиновъ, М. И. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII.

Сценическое искусство, какъ факторъ воспитанія. Вѣстн. Воспит. 1893. III.

Сѣверный Вѣстн. 1804. I.

Сѣверная Почта 1867 г.

Сѣверная Пчела 1830 г.

Сизоръ, Георгій. Ко дню LXXV юбилея Императорскаго Училища Правовѣдѣнія. Историческій Очеркъ. СПБ. 1910.

Сизоръ, Г. Памяти друга человѣчества. СПБ. 1912.

Tastevin. Histoire de la colonie française à Moscou. Paris. 1908.

Тимаевъ. Рѣчь на публичномъ актѣ 5 апрѣля 1856 г. Гувернантка 1862. I.

Тимковскій, И. Ф. Мемуары. Русскій Арх. 1874. I.

Тимофеевъ, П. Хоръ воспитанницъ въ день 50-лѣтія службы Е. И. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Тихонравовъ Н., проф. Сочиненія. Москва. 1898. I—II.

Тихонравовъ, В. В. М. И. Семевскій, его жизнь и дѣятельность. СПБ. 1898.

Титова, Н. К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ. Изъ воспом. пи-тки. Рус. Ст. 1887. II.

Tourneux, Maurice. Diderot et Catherine II. Paris. 1899.

Толстой, Д. А., графъ. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Прил. къ XLVIII Запискахъ Имп. Акад. Наукъ. № 2. СПБ. 1883.

Труды Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго по женскому образованію въ Россіи. Женск. Образ. 1880. № 10.

Угличанинова, М. С. Воспоминанія воспитанницы Смольнаго монастыря сороковыхъ годовъ. М. 1901.

Уставъ воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ, учрежд. Ея Величествомъ Гос. Императ. Екатериной II, Самодержицей Всероссійской. СПБ. 1768.

Ушинскій, К. Д. Его письма къ А. Н. Модзалевскому (1862—1868 гг.), хранящіяся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. (Напечат. въ Русск. Шк. 1893. VII—VIII).

Ушинскій, К. Д. Собраніе педагогическихъ сочиненій. СПБ. 1909, т. 2.

Ушинскій, К. Д. Собраніе его неизданныхъ сочиненій. Матеріалы для біографіи. СПБ. 1908.

Учрежденіе особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ Монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ. СПБ. 1769.

Учрежденіе (генеральное) о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованное Ея Имп. Величествомъ 1764 г. Марта 12 дня. СПБ. 1766 г.

Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола, въ удовольствіе общества собраны и новыми тисненіемъ изданы. 2 тома. СПБ. 1774.

Fabriche e desegni di Giacomo Quarenghi architatto di S. M. L' Imperatore di Russia cavaliere di Malta. Mantova. 1843.

Фирсовъ, Н. Графъ Брюсовъ и княгиня Дивовъ. Древняя и новая Россія. 1879. III.

Фонвизинъ, Д. И. Сочиненія. СПБ. 1893.

Фроловъ. К. Д. Ушинскій. Краткій біографич. очеркъ. СПБ. 1881.

Хвакова, Е. Г., княгиня. Воспоминанія объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Русск. Арх. 1873. VII.

Храповицкій, А. В. Дневникъ. СПБ. 1874.

Хроника Смольнаго Монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II. СПБ. 1864.

Чернышевъ, В. Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. Педагогическ. Сборн. 1912, I.

Чернышевъ, В. Разысканія о К. Д. Ушинскомъ. Русск. Школа. 1912 г. февр.

Чествованіе памяти Царя-Освободителя въ Имп. Воспит. Общ. благородныхъ дѣвицъ 17 дек. 1898 г. По поводу открытія памятника Императору Александру II въ Москвѣ. СПБ. 1899.

Чижъ, В. И. Воспоминанія о Смольномъ. Рук.

Шаховской, Я. П., кн. Записки (1705—1777). СПБ. 1872.

Шванъ, А. Историческое обозрѣніе постановленій о пенсіяхъ по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи и законодательныхъ по этому предмету работъ. СПБ. 1904.

Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Т. т. I—IV. СПБ. 1897—1898.

Шильдеръ, Н. К. Императоръ Николай I. СПБ. 1903.

Шильдеръ, Н. К. Императоръ Павелъ I. СПБ. 1901.

Шиманъ, проф. Александръ I. М. 1910.

Шлихтеръ. Смоленскъ. СПБ. 1834.

Schnitzler. La jeunesse de l'Impératrice Marie Feodorowna, jusqu'à son mariage. Colmar. 1864.

Шрейеръ, Ю. Пятидесятилѣтній юбилей Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. СПБ. 1881.

Шумигорскій, Е. С. Императрица Марія Ѳеодоровна. Томъ первый. СПБ. 1892.

Шумигорскій, Е. Императрица Марія Ѳеодоровна въ исторіи русской женщины. Вѣстникъ Благотворительности. 1897. I.

Шумигорскій, Е. Записки баварца о Россіи временъ Императора Павла I. Русск. Стар. 1899. IX—X.

Шумигорскій Е. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. СПБ. 1907.

Щегловитовъ, И. Г. Принцъ П. Г. Ольденбургскій какъ государственный и общественный дѣятель. Журн. Мин. Юстиціи. 1913. I.

Щербатовъ, М. М., князь. Сочиненія. I—II. СПБ. 1898. Подъ ред. И. М. Хрущова и А. Г. Воронова.

Царствованіе Императора Павла I (1796—1801). Выписки изъ подлинныхъ придворныхъ записокъ. Русск. Стар. 1886. V.

Цыловъ, Н. Планы С.-Петербурга въ 1700, 1725, 1738, 1736, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг., съ прил. плановъ 13 частей столицы 1853 года. СПБ. 1853.

Czartoryski Adam, pr. Mémoire du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er, t. I—II.

Чернова, Л. Очерки изъ исторіи женскаго воспитанія. Основаніе Смольнаго института и уставъ его. Первые годы его существованія. Женск. Образ. 1878. VIII.

Чествованіе СПБ. женскими гимназіями 50-лѣтняго юбилея служебной дѣятельности Е. И. В. Принца Петра Георг. Ольденбургскаго. Женск. Образ. 1880. X.

Чечулинъ, Н. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. СПБ. 1889.

Чечулинъ, Н. Русскій соціальный романъ XVIII вѣка. СПБ. 1900.

Чистовичъ, П. А. Матеріалы объ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Чтен. Общ. Ист. и Др. Россійск. 1863, кн. 4.

Чистовичъ, Я. Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII вѣка. СПБ. 1870.

Энгельгардтъ, Л. Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766—1836). М. 1867.

Эйнгорнъ, В. Преподаваніе исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1802). Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909.

Эйнгорнъ, В. Московское главное народное училище въ концѣ XVIII в. Журн. Мин. Нар. Просв. 1910. IV.

Юбилей Е. И. В. Принца П. Г. Ольденбургскаго. Сѣв. Почта. 1868. № 245.

Яковлевъ, С. П. Императрица Александра Ѳеодоровна. М. 1886.

Яремичъ, С. О театральныхъ постановкахъ. Старые Годы. 1911. VII—IX.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОРТРЕТОВЪ и РИСУНКОВЪ.

Портреты внѣ текста.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Съ портрета, писаннаго Винтергальтеромъ, принадлежащаго Кавалергардскому Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полку.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна. Съ портрета, писаннаго Винтергальтеромъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Съ фотографіи.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Съ портрета, писаннаго Кнульбахомъ, находящагося въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ.

Портреты и рисунки въ текстѣ.

	стр.
Императоръ Николай I. Съ портрета, писаннаго Крюгеромъ, находящагося въ Институтѣ инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I	4
Медаль въ память Императрицы Маріи Ѳеодоровны, раб. Губе	6
Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Съ гравюры Грачева, сдѣланной съ портрета, писаннаго Дау	10
Маріинскій знакъ за 25 лѣтъ службы. Изъ статута, изданнаго при учрежденіи знака	12
Маріинскій знакъ за 15 лѣтъ службы. Изъ статута, изданнаго при учрежденіи знака	13
Письмо Императрицы Александры Ѳеодоровны къ М. П. Леонтьевой. Съ оригинала, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества	17
Цесаревна Марія Александровна. Съ литографіи Шевалье, сдѣланной съ портрета, писаннаго г-жей Робертсонъ	19
М. П. Шишова. Съ портрета масляными красками, писаннаго Гау (1890 г.)	20
М. П. Леонтьева. Съ акварели, работы Гау	23
Бюстъ Императора Александра I, пожертвованный Воспитательному Обществу по завѣщанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, сдѣланный съ натуры Гишаромъ въ Парижѣ въ 1814 году	27
Великая Княгиня Екатерина Павловна. Съ барельефа Гудона. Нах. на дачѣ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, на Каменномъ островѣ	28
Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Съ литографіи	31
Членъ Совѣта графъ С. С. Уваровъ. Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. С. Уваровой въ Москвѣ	39

стр.

Инспекторъ классовъ М. М. Тиняевъ. Съ литографіи, находящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 42
Законоучитель протоіерей Неделевъ. Съ литографіи, хранящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 51
Членъ Совѣта А. С. Норовъ. Съ литографіи 63
Императрица Александра Ѳеодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета, писаннаго Дау 66
Видъ на Смольный. Съ гравюры. Изъ собранія П. Я. Дашкова 71
Арфа, пожалованная по завѣщанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Хранится въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 78
Инспекторъ музыки Гешольтъ. Съ фотографіи 81
Членъ Совѣта С. С. Кушниковъ. Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ. Изъ собранія графа М. П. Кассини въ С.-Петербургѣ 82
Видъ Смольнаго. Съ гравюры. Изъ собранія П. Я. Дашкова 93
Императоръ Николай I среди Августѣйшей Семьи. Рис. Чернышева. Изъ альбома, хранящагося въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ. 96
Великая Княгиня Александра Николаевна. Съ литографіи Шевалье, сдѣланной съ портрета работы г-жи Робертсонъ 101
Императоръ Николай I. Съ барельефа. Собств. А. М. Заіончковскаго . . 110
Видъ Смольнаго. Съ гравюры. Изъ собранія П. Я. Дашкова 113
Инспектриса В. Н. Сарандинаки. Съ фотографіи 116
Инспектриса М. Л. Обручева. Съ фотографіи 122
Инспектриса Е. В. Обручева. Съ фотографіи 129
Членъ Совѣта князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ. Съ литографіи . . . 138
Великая Княжна Ольга Николаевна. Съ литографіи 143
Августѣйшая Семья Императора Николая I (читаетъ В. А. Жуковскій). Рис. Чернышева. Изъ альбома, хранящагося въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ 148
Великая Княгиня Александра Николаевна. Съ литографіи 153
Смольный монастырь. Съ литографіи, раб. Hostein. Изъ собранія А—дра С. Ермолова 161
Членъ Совѣта графъ И. Д. Делянновъ. Съ литографіи 167
Пріемъ родныхъ. Съ рисунка Куликовскаго, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 173
Великія Княжны Ольга Николаевна и Александра Николаевна. Съ портрета, работы Неффа, находящагося въ залѣ Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Общества 177
Видъ Смольнаго. Съ акварели. Изъ собранія П. Я. Дашкова 188
Великая Княгиня Александра Іосифовна. Съ литографіи Невля, сдѣланной съ портрета работы Винтергальтера 191
Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Съ акварели. Изъ собранія П. Я. Дашкова 194
Освященіе Александровской колонны. Съ литографіи. Изъ собр. П. Я. Дашкова 199
Парадъ при освященіи Александровской колонны. Съ литографіи. Изъ собр. П. Я. Дашкова 200
«Предстательство Богородицы за воспитанницъ Смольнаго Института». Съ иконы, писанной Венеціановымъ, находящейся въ алтарѣ Смольнаго собора. 205
Медаль въ память освященія Смольнаго собора, раб. Губе 208
Аллегорическая группа «Науки». Съ рис. сдѣланнаго Шарлеманемъ, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 213
Аллегорическая группа «Искусства». Съ рис. сдѣланнаго Шарлеманемъ, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 215

стр.

Видъ Смольнаго. Съ литографіи 221

Членъ Совѣта графъ Ю. А. Головкинъ. Съ гравированнаго портрета изъ книги S. Bonnet «Comte Fedor Golovkine». Paris. 1905. Оригиналъ находится въ замкѣ Монтэ близъ Лозанны 228

Императоръ Александръ II. Оригиналъ находится въ Севастопольскомъ музеѣ 231

Смольный монастырь. Съ рис. карандашомъ Рещрози, пожертвованнаго въ Музей Императорскаго Воспитательнаго Общества почетнымъ опекуномъ А. С. Ермоловымъ 238

Высочайше утвержденная въ 1835 году форма одежды членовъ Совѣта. Съ рисунка, хранящагося въ Архивѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества. 243

Е. Н. Невельская (рожд. Ельчанинова). Изъ книги: Vera Vend. L'amiral Nevelskoy. Paris. 1894 254

Л. Н. Романовичъ, рожд. Скворцова, вып. 1839 г., старѣйшая изъ выпускныхъ здравствующихъ смолянокъ. Съ фотографіи 257

Императоръ Александръ II. Съ портрета, писаннаго Лавровымъ (1873 г.), находящагося въ залѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 264

К. Д. Ушинскій. Съ фотографіи 273

Видъ Смольнаго. Съ литографіи, работы Перро, принадлежащей А-ру. С. Ермолову 280

К. Д. Ушинскій и его сотрудники въ Смольномъ. Съ фотографіи, находящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 287

Одна изъ башенъ Смольнаго. Съ фотографіи 298

О. Ѳ. Миллеръ. Съ литографіи, находящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 305

Я. П. Пугачевскій. Съ фотографіи 316

Инспекторъ классовъ К. А. Тимоѳеевъ. Съ фотографіи 323

Начальница Александровскаго училища Л. А. Львова. Съ фотографіи . . 330

Башня въ саду Императорскаго Воспитательнаго Общества. Съ фотографіи. 335

Августѣйшая Семья Императора Александра II. Съ акварели, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ, въ библіотекѣ Императора Александра II 341

О. А. Томилова. Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ 371

Императоръ Александръ II. Оригиналъ находится въ Севастопольскомъ музеѣ 382

Торжественный въѣздъ Высокопрекрасной Невѣсты Принцессы Дагмары Датской. Съ акварели раб. Шарлемань 385

Торжество бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны 388

Медаль въ память бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны 389

Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ. Съ акварели, работы Штикенгейдера. Изъ собр. Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго 390

Императоръ Александръ II въ Царскомъ Селѣ. Съ рис. Горбунова (1872 г.), принадлежащаго Н. Н. Лавровой 391

Пригласительный билетъ на празднованіе столѣтія Смольнаго. Съ оригинала, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества . . 393

Медаль въ память столѣтія Смольнаго. Работы Чукмаева 396

Литографія, работы Крегера, изданная ко дню юбилея Смольнаго. Съ оригинала, нах. въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 397

Изъ альбома, поднесеннаго Императрицѣ Маріи Александровнѣ Смольнымъ, хранящагося въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ . 400

стр.

Видъ Смольнаго. Съ литографіи 221

Членъ Совѣта графъ Ю. А. Головкинъ. Съ гравированнаго портрета изъ книги S. Bonnet «Comte Fedor Golovkine». Paris. 1905. Оригиналъ находится въ замкѣ Монтэ близъ Лозанны 228

Императоръ Александръ II. Оригиналъ находится въ Севастопольскомъ музеѣ 231

Смольный монастырь. Съ рис. карандашомъ Рещрони, пожертвованнаго въ Музей Императорскаго Воспитательнаго Общества почетнымъ опекуномъ А. С. Ермоловымъ 238

Высочайше утвержденная въ 1851 году форма одежды членовъ Совѣта. Съ рисунка, хранящагося въ Архивѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества. 243

Е. Н. Невельская (рожд. Ельчанинова). Изъ книги: Vera Vend. L'amiral Nevelsroy. Paris. 1891 251

А. Н. Романовичъ, рожд. Скворцова, выш. 1830 г., старѣйшая изъ нынѣ здравствующихъ смолянокъ. Съ фотографіи 257

Императоръ Александръ II. Съ портрета, писаннаго Лавровымъ (1873 г.), находящагося въ залѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 264

К. Д. Ушинскій. Съ фотографіи 273

Видъ Смольнаго. Съ литографіи, работы Перро, принадлежащей А-ру. С. Ермолову 280

К. Д. Ушинскій и его сотрудники въ Смольномъ. Съ фотографіи, находящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 287

Одна изъ башенъ Смольнаго. Съ фотографіи 298

О. Ѳ. Миллеръ. Съ литографіи, находящейся въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 305

Я. П. Пугачевскій. Съ фотографіи 316

Инспекторъ классовъ К. А. Тимоѳеевъ. Съ фотографіи 323

Начальница Александровскаго училища Д. А. Львова. Съ фотографіи . . 330

Башня въ саду Императорскаго Воспитательнаго Общества. Съ фотографіи. 335

Августѣйшая Семья Императора Александра II. Съ акварели, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ, въ библіотекѣ Императора Александра II 341

О. А. Томилова. Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ 371

Императоръ Александръ II. Оригиналъ находится въ Севастопольскомъ музеѣ 382

Торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты Принцессы Дагмары Датской. Съ акварели раб. Шарлемань 385

Торжество бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны 388

Медаль въ память бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны 389

Дворецъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ. Съ акварели, работы Штикенашнейдера. Изъ собр. Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго 390

Императоръ Александръ II въ Царскомъ Селѣ. Съ рис. Горбунова (1872 г.), принадлежащаго Н. Н. Лавровой 391

Пригласительный билетъ на празднованіе столѣтія Смольнаго. Съ оригинала, хранящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества . . 393

Медаль въ память столѣтія Смольнаго. Работы Чукмалова 396

Литографія, работы Крегера, изданная ко дню юбилея Смольнаго. Съ оригинала, нах. въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 397

Изъ альбома, поднесеннаго Императрицѣ Маріи Александровнѣ Смольнымъ, хранящагося въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ . 400

стр.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ксенія Александровна. Съ фотографіи 518
Ея Высочество Княжна Ирина Александровна. Съ фотографіи 521
Группа смолянокъ. Съ фотографіи, снятой Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной 521
Ея Высочество Княжна Татіана Константиновна. Съ фотографіи 525
Группа институтокъ. Съ фотографіи, снятой Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной 528
Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна. Съ фотографіи 529
Письмо Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Ливенъ. Хранится въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 532
Великій Князь Александръ Павловичъ. Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, находящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества . 536
Великій Князь Константинъ Павловичъ. Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, находящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества . 537
Часовъ Совѣта С. В. Одинъ въ салонѣ пепиньерокъ. Съ фотографіи . . . 539
Княжны Черногорскія Любица Николаевна и Милица Николаевна. Съ фотографіи, исполненной для Августѣйшихъ Родителей Ихъ Высочествъ послѣ поступленія ихъ въ Смольный 542
Княжны Черногорскія Любица Николаевна, Милица Николаевна и Анастасія Николаевна. Съ фотографіи, хранящейся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ 545
Ея Величество Королева Италіи Елена. Съ фотографіи 546
Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Анастасія Николаевна. Съ фотографіи 551
Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна. Съ фотографіи 554
Свѣтлѣйшая Княжна Е. А. Ливенъ съ воспитанницами педагогическаго класса (1859 г.). Съ фотографіи 559
Въ саду. Съ фотографіи 562
Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Съ портрета работы Крамского 565
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. Съ фотографіи 567
Менуэтъ запускныхъ. Съ фотографіи 571
Залъ Совѣта. Съ фотографіи 573
Члены Совѣта, инспектрисы и классныя дамы. Съ фотографіи 574
Музей. Съ фотографіи 577
Музей. Съ фотографіи 579
Императоръ Павелъ I. Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, находящагося въ Музеѣ Императорскаго Воспитательнаго Общества 580
Залъ Совѣта (деталь). Съ фотографіи 585
Кухня Смольнаго. Съ фотографіи 587
На прогулку. Съ фотографіи 588
Коридоръ лазарета. Съ фотографіи 590
Пріемъ у врача. Съ фотографіи 591
Членъ Совѣта баронъ К. Н. Корфъ. Съ фотографіи 594
Статсъ-секретарь Н. П. Дурново. Съ фотографіи 597
Въ швейной мастерской. Съ фотографіи 599
Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Съ фотографіи 602

стр.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна. Съ фотографіи 603
Приглашеніе на празднество 29 марта 605
Воспитанницы А. Неклюдова и О. Барсова. Съ фотографіи 606
Menuet de la reine. Съ фотографіи 607
Воспитанница Грекова. Съ фотографіи 608
Pas de châle. Съ фотографіи 610
Pas de châle. Съ фотографіи 611
Сцена изъ комедіи Мольера. Съ фотографіи 612
Подарки, поднесенные Августѣйшимъ Особамъ. Съ фотографіи 613
Рисунокъ одной изъ программъ. Съ акварели 515
Пепиньерки возлѣ Петропавловскаго собора. Съ фотографіи 616
Выпускной классъ возлѣ Петропавловскаго собора. Съ фотографіи . . . 619
Статсъ-секретарь А. Г. Булыгинъ. Съ фотографіи 622
Юбилейный актъ. Съ фотографіи 625
Вышитый рисунокъ на обложкѣ адреса смолянокъ 628
Юбилейный актъ. Съ фотографіи 629

Обложка работы М. В. Добужинскаго.

Заставки и концовки изъ книгъ:

Les plans et les statuts des différents établissements ordonnés par Sa Majesté Impériale Catherine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de Son Empire. I—II, Amsterdam, 1775.

Полное описаніе дѣяній Его Величества Государя Императора Петра Великаго, сочиненное Ѳеодоромъ Туманскимъ. Во градѣ Св. Петра. 1788.

Oeuvres de Molière avec des remarques grammaticales; des divertissemens et des observations sur chaque pièce, par M. Bret. Paris. 1773.

Zoroastre, Confucius et Mahomet, comparés comme sectaires, legislateurs et moralistes, par M. de Pastoret. Paris. 1787.

Журналъ Высочайшаго путешествія Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II, Самодержицы Всероссійской, въ Полуденныя страны Россіи Москва. 1787.

Magazin für neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Zweiter Theil. Hamburg. 1769.

La nouvelle maison rustique, ou économie générale de tous les biens de campagne. Dixieme édition. Par M. *** Tome premier. Paris. 1775.

Traité de perspective à l'usage des artistes, par M. Edme—Sebastien Jeaurat, ingénieur-géographe du Roi. Paris. 1750.

Разговоры о множествѣ міровъ господина Фонтенелла, паріжской академіи наукъ секретаря. Съ французскаго перевелъ и потребными примѣчаніями изъяснилъ Князь Антіохъ Кантемиръ въ Москвѣ 1730 году. С.-Петербургъ. 1740.

Тетрати записныя всякимъ письмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ, съ приложеніемъ примѣчаній о службахъ тѣхъ людей, къ которымъ сей Государь писывалъ. СПБ. 1774.

Histoire romaine de Tite-Live, traduite par M. Guerin, nouvelle edition, revue et corrigée par M. Cosson. I—III. Paris. 1769—1772.

Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ. СПБ. 1784.

О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведено Иваномъ Долинскимъ. СПБ. 1773.

Ядро Россійской исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ князь Андреемъ Яковлевичемъ Хилковымъ. М. 1770.

Сочиненія Державина. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. Т. I. СПБ. 1864. Т. II. СПБ. 1865.

Старые годы. Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины.

Заглавныя буквы—изъ Устава воспитанія двухсотъ благородныхъ воспитанницъ. СПБ. 1768 г. и по рисункамъ Д. И. Митрохина.

Книга напечатана въ Государственной Типографіи, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Г. Л. Гренца.

Фототипіи выполнены у Голике и Вильборгъ, автотипіи—тамъ же и въ художественномъ заведеніи «Уніонъ».

Фотографическія работы исполнены А. Ф. Николаевскимъ, К. К. Кубешемъ, Н. Г. Матвѣевымъ, Боасонна и Эгглеръ, К. К. Булла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Время Императрицы Александры Ѳеодоровны.

стр.

Глава I. Принятіе Императоромъ Николаемъ I подъ свое покровительство учрежденій Императрицы Маріи.—Новый порядокъ управленія.—Завѣщаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Императрица Александра Ѳеодоровна.—Покровительница учрежденій Императрицы Маріи. — Участіе Императора Николая I въ управленіи Смольнымъ.—Учрежденіе Маріинскаго института 3

Глава II. Сотрудники Императрицы Александры Ѳеодоровны.—Цесаревна Марія Александровна. — Ю. Ф. Адлербергъ.—М. П. Леонтьева.—Члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій 16

Глава III. Члены Совѣта по учебной части. — Инспектора классовъ. — «Положеніе объ учебной части» 1839 года.—Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній.—Учебныя программы 38

Глава IV. Учебное дѣло въ Смольномъ.—Преподаватели и ихъ уроки.—Библіотека. — Мѣры къ исправному посѣщенію уроковъ преподавателями. — Вопросъ о неучебныхъ дняхъ.—Экзамены.—Спеціальный педагогическій классъ. 51

Глава V. Искусства въ Смольномъ.—Рукодѣлія и домоводство. — Смерть инспектора классовъ М. М. Тимаева и выборъ ему преемника 75

Глава VI. Права и обязанности начальницы. — Заботы о религіозномъ воспитаніи въ Смольномъ.—Отношеніе смолянокъ къ Царской Семьѣ.—Патріотическія настроенія въ Смольномъ 88

Глава VII. М. П. Леонтьева, какъ воспитательница. — Отношенія смолянокъ между собою и къ Смольному.—Заботы о внѣшнемъ воспитаніи.—Дѣятельность инспектрисъ и классныхъ дамъ.—Отпуски воспитанницъ.—Заботы о физическомъ воспитаніи и здоровьѣ воспитанницъ.—Заболѣванія въ Смольномъ.—Лазареты. — Медицинскій персоналъ 107

Глава VIII. Пріемъ въ Воспитательное Общество и Александровское училище.—Правила 1851 года.—Увольненіе воспитанницъ по окончаніи курса.—Выпускъ.—Выпускные экзамены.—«Императорскій вечеръ» 134

Глава IX. Награды выпускныхъ.—Заботы о бывшихъ воспитанницахъ. 157

Глава X. Повседневная жизнь въ Смольномъ.—Посѣщенія Императорской Фамиліи и почетныхъ гостей.—Ежегодные праздненства и развлеченія въ Смольномъ 172

Глава XI. Открытіе Александровской колонны. — Окончаніе постройки Смольнаго собора и его освященіе.—Празднованіе двадцатипятилѣтія покровительства Императрицы Александры Ѳеодоровны надъ учрежденіями Вѣдомства

стр.

Императрицы Маріи.—Участіе смолянокъ въ торжествахъ по случаю коронаціи Императора Александра II 198

Глава XII. Состояніе финансово-хозяйственной части въ Смольномъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 217

Глава XIII. Значеніе Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 249

Время Императрицы Маріи Александровны.

Глава I. Послѣдніе годы начальствованія Императрицы Александры Ѳеодоровны.—Принятіе Императрицей Маріей Александровной покровительства надъ учрежденіями Вѣдомства Императрицы Маріи 261

Глава II. Вопросъ о реформѣ женскихъ институтовъ.—К. Д. Ушинскій.—Его взгляды на задачи женскаго образованія.—Проектъ учебной реформы Смольнаго 269

Глава III. Осуществленіе въ Смольномъ учебной реформы.—Новая учебная программа.—Новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ.—Взглядъ Ушинскаго на характеръ преподаванія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ.—Преобразованіе спеціальнаго класса.—Новые преподаватели.—Обезпеченіе преподавательскаго персонала.—Учебныя книги и библіотеки 294

Глава IV. Результаты дѣятельности Ушинскаго.—Стремленія Ушинскаго къ реформѣ воспитанія въ Смольномъ.—Уходъ К. Д. Ушинскаго изъ Смольнаго 311

Глава V. Учебное дѣло въ Смольномъ послѣ К. Д. Ушинскаго.—Инспекторъ классовъ К. А. Тимофеевъ.—Отдѣленіе Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Пепиньерскій классъ при Воспитательномъ Обществѣ.—Учебные табели и планы 1874 года 323

Глава VI. Искусство въ Смольномъ.—Пріемъ воспитанницъ.—Экзамены.—Выпускъ воспитанницъ 339

Глава VII. Вопросъ объ отпускѣ воспитанницъ на каникулы.—Характеръ воспитанія въ Смольномъ.—Отношенія смолянокъ къ Царской Семьѣ 351

Глава VIII. Заботы въ Смольномъ о физическомъ воспитаніи.—Дѣятельность М. П. Леонтьевой.—О. А. Томилова.—Воспитательскій персоналъ 363

Глава IX. Посѣщенія Высочайшихъ Особъ.—Праздникъ въ честь Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.—Развлеченія смолянокъ.—Столѣтіе Воспитательнаго Общества.—Празднованіе въ Смольномъ двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ.—Пятидесятилѣтіе государственной дѣятельности Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.—Русско-турецкая война 380

Глава X. Члены Совѣта Воспитательнаго Общества.—Хозяйственная дѣятельность Совѣта.—Заботы о служащихъ 408

Глава XI. Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи Александровны и Смольнаго ея времени 428

Время Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Глава I. Принятіе Ея Императорскимъ Высочествомъ Государыней Цесаревной Маріей Ѳеодоровной Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ подъ Свое покровительство.—О. А. Томилова.—М. П. Новосильцова.—Свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливенъ.—Члены Совѣта 439

стр.

Глава II. Учебныя реформы при Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Дѣятельность Совѣта и Учебной Конференціи.—Постановка преподаванія искусствъ 463

Глава III. Повседневная жизнь.—Лекціи и бесѣды.—Религіозное чувство.—Церковныя богослуженія 483

Глава IV. Развлеченія и празднества въ Смольномъ 499

Глава V. Посѣщенія Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Ихъ Императорскими Величествами и другими Членами Императорскаго Дома.—Побѣдки смолянокъ во дворецъ.—Русскіе и иностранные почетные посѣтители Смольнаго.—Печальныя событія въ жизни Смольнаго . . 512

Глава VI. Августѣйшія воспитанницы Смольнаго.—Пріемъ воспитанницъ въ Смольный 541

Глава VII. Выпускъ въ Смольномъ.—Дѣятельность смолянокъ по окончаніи института.—Общество вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Общежитіе Общества вспомоществованія.—Музей Общества 556

Глава VIII. Заботы о здоровьѣ воспитанницъ.—Вопросъ о питаніи.—Режимъ дня.—Переустройство помѣщеній.—Ремонтныя работы.—Лазареты.—Веденіе хозяйства Смольнаго.—Капиталы и стипендіи.—Служащіе въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ.—Канцелярія.—Прислуга 582

Глава IX. Торжество 150-лѣтія Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ 601

Указатель личныхъ именъ 633

Списокъ сочиненій, упомянутыхъ въ историческомъ очеркѣ: Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ 649

Перечень портретовъ и рисунковъ, помѣщенныхъ во II томѣ 665